

И.К.Стивел

Контекстология слова
мистический дух Logos

Харьков ПАРК 2012

УДК УДК 81'373:232.2

Стивел И. К.

Контекстология слова: Мистический дух Logos / И. К. Стивел. – Харьков :
ПАРК, 2012. – 536 с.

© И.К.Стивел, 2012

Часть первая

Извлечения-выписки: мысли и смыслы слова

* * *

Евангелие от Иоанна: "В начале было Слово..." (Ин. 1:1).

"И Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины" (Ин. 1:14).

"Истинно, не высокие слова делают человека святым и праведным, а жизнь праведная делает его угодным Богу. Лучше предаваться раскаянию (за грехи свои), чем знать лишь определение того, что такое раскаяние" [Фома Кемпийский. Наставления, полезные для духовной жизни. Глава I. О подражании Христу].

"Лжёт слово голосу,
А голос – мысли лжёт,
И в слове гибнет мысль,
Утратив свой полёт"
(А.Мицкевич)

1. Функция, назначение и роль слова в нашей жизни

Начнём с самого существенного и важного для нас, значимого для понимания и определения слова, то есть с *предназначения* и роли его в глобальном мире. Оно, очевидно, в обозначении и размётке, хоть каком-то приспособлении и упорядочении, системы координат жизни, общей картины и карты сознательного существования здравомыслящего человека, ориентации его в хаотической беспредельности социального пространства, и тем самым как бы в плане одновременно и идеализации природы, и её конкретизации, детализации. Есть некий мир (нечто) и в нём сознание (отражение и источник), которое в способности видеть, воспринимать, понимать и создавать проекты и знаки. Слово и словарь – как бы наш маркёр, проектор и путеводитель.

С помощью названия и мысли происходит раздвоение вселенной и усложнение вещественности. Образы, представления и чувства – некие отражения, отзвуки и отголоски действительности. Следом за ними и в них свой словарь, постепенно впитывающий новые смыслы, оригинальная сигнальная система, своего рода зеркало и губка. Слово осознаёт себя, осмыслива-

ется и находится в состоянии процесса насыщения новыми видениями. Оно наполнено первоначальным содержанием и ещё продолжает наполняться представлениями и значимостями. Тем самым, слова постоянно делятся, похожие на живой и растущий организм. Слово может находиться на высшей и на низшей стадии существенности, в разной фазе развития и расцвета словесности.

Слово языка в определённом смысле "отражает" и по-своему повторяет образ мира и жизнь как нечто реальное, отдельное и, тем не менее, взаимосвязанное. Отражение (от гл. "отражать-отразить" -> что-н.) – 1) как процесс и действие, которые связаны с 'отсвечиванием', 'отбрасыванием', 'отбиванием', с одной стороны, и 2) как то, что отражается и отражено, в частности, на зеркальной поверхности, и некий предметный образ чего-нибудь, с другой стороны. Человеческое слово (язык), тем самым, вправе рассматриваться как свойство и часть живого общественного организма, как средство, способ и механизм отражения в сознании и познания среды существования и окружающего мира. При этом язык также живёт, развивается, растёт и совершенствуется, в нём есть душа и самобытность, собственная стадия существенности. Предназначение слова (языка) связано с его происхождением: для чего и откуда, от чего слово.

Солнечное излучение и тепло для нас, землян, можно сказать, почти как бы безгранично и бесконечно. Лучи природного света вечно продолжают всё дальше. Пока они не наткнутся на что-то непроницаемое, и их остановит какое-то препятствие. От преграды солнечные лучи всё же отражаются и рассеиваются в пространстве. Таким образом, рано или поздно лучи от Солнца здесь, на Земле, находят свой конец, они как бы завершаются. К тому же, и сам источник их в принципе, считают астрофизики, исчерпаем и конечен. Хотя на наш век явно хватит с лихвой, и ещё останется. Свет предделен и беспредделен. Но что за всеми теми гранями и границами? Душа и дыхание мира – некая энергия, ещё не познанная и, видно, закрытая для научного познания.

Так и мысль (понятие), как солнце, в определённом смысле и язык: слово рассеивается в пространстве, растёт и продвигается, пока где-то не прекратится. Разбегается, разогревается, в конце же концов остановится и застынет его тело. Не совсем так, несколько упрощена картина. Энергия мысли и слова, как и света, в чём-то ином продолжится, преобразится, так устроена жизнь. Кем же это устроено? Я не могу знать. Может быть, действительно нет начала – и нет конца. Такое отношение и относительность. В человеческой речи сосуществуют утверждение с сомнением, убеждённость с неуверенностью, никак не обойтись без оговорок: "кажется", "может быть", "вероятно", "однако", "тем не менее", "хотя", "к тому же" и других колебаний духа.

Разные национальные языки, в современном мире немало, в той или иной мере независимы и закрыты, полностью и вполне не повторяя (не дублируя) друг друга. В языках и диалектах нет и быть не может абсолютного соответствия и параллелизма их сознания. Мы по менталитету и схожи, и не похожи на соседей, тем паче, на другие народы, географически и исторически от нас более отдалённые этносы. Естественно, языки наши тоже в чём-то сходны, а в какой-то мере, более или менее существенно, и различаются. Тем самым, и тут наблюдается диалектика противоречий, сочетание и взаимодействие языковых универсалий и идиоматики, непереводаемости.

Человеческое общение пронизано языком, сознание пропитано знакомостью, продлеваясь в словесности, держатся и развиваются в мире и в обществе. Идея слова прочно закрепилась (и продуктивна) в современной культуре. Многое в нашем владении и собственности изобретено и обретоно благодаря разуму и слову. И даже, может быть, всё происходит из божественного слова, идёт от него, по Библии. См. первостатейное евангельское утверждение: "В начале было Слово". Конечно, эта максима тоже условна и для нас вовсе не бесспорна, не на все случаи жизни. Но слово – как метафора: разум и рассудок, прояснение ума, просветление и просвещение.

Слова употребляются, прежде всего, в речи. Общаясь с другими людьми, мы выражаем мысли, чувства, побуждения и прочее в некоторых фразах, выражениях или высказываниях, в которых определённым образом используются, повторяясь и воспроизводясь, необходимые и соответствующие слова и словосочетания. Именно благодаря этому употреблению и связям слово получает смысловую (семантическую) определённую в речевом использовании. Коммуникативная функция, или применение слов в речевом и вербальном общении, таким образом, обуславливает его осмысление. И у каждого полноценного слова своя энергетика.

Лексическое значение слова есть как бы, с одной стороны, функция, или производное, от целой установки и контекста речи. Следовательно, усваивать и изучать слова приходится чаще всего не по отдельным сегментам, а в определённой их связке с другими частями высказывания, т.е. во фразах и предложениях. Мы ищем и находим, встречаем и наблюдаем, слово в речевом произведении разных лиц и своих собеседников. Речь наша всегда членораздельна, т.е. она состоит и складывается из последовательности слов, соответственно, и распадается на компоненты, или слова. Слово в чём-то производно и зависимо, как некая часть тела от целого организма.

Филологов по определению должно интересовать и вообще слово – всякое и категориально, но ещё и те или иные связи его, внешние и внутренние, как некой отдельной и определённой единицы системы. Мы сосредоточим внимание на одном из ключевых слов языка, заключив в основу исследования понятие слова. Вначале ознакомимся с самим именем-

названием "слово", знаком и значением, в его естественном употреблении и использовании. В различных жанрах и речевых произведениях русских и русскоязычных авторов это имя – "слово" – весьма функционально и существенно, актуально и значимо.

Своеобразная метка, заметка и отметка в пространстве и книге жизни, слово живёт в нас и с нами, в нашем сознании, сопровождая каждый шаг в деятельности, постоянно употребляясь в речи, используя в сообщении и общении. Оно необходимо для обращения, называния, характеристики, описания, высказывания, выражения мыслей и чувств, как и для восприятия словесности и понимания собеседников, запоминания информации, заучивания текстов и, в конечном счёте, для умствования и мудрствования, и всё это, так или иначе, как бы с целью развития человеческой личности.

Хочется раскрыть душу, стремясь к откровенности, чтобы так или иначе как-нибудь выразить себя – и для этого существует наш язык (а в нём слова). Люди иной раз всё-таки молятся, обращаясь к Богу и, тем самым, как бы общаясь с Высоким Небом, и молитва их – часто очень простые духовные слова обращения, признания и просьбы. Всё-таки нужно и хочется подчас понять или узнать подлинное и глубокое значение-назначение наших первых и вещей слов: откуда, от кого и для чего они нам, что творят и выполняют в этой туманной и небезгрешной жизни человеческой?

Слово усваивается на практике, изучается и исследуется в филологии и философии, – чтобы понять и познать, что оно есть по своей сути, дерзкая задача, ибо в нём таится и некая загадочность, мистика и метафизика духовности, будучи божественным даром. Судьбоносная и от рождения полученная в пользование, способность речи, практической и образной, – вовсе не то, что нами изначально было создано или сконструировано, нам не по силам сотворение духа как одержимости жизни. Запредельное – само по себе недостижимо. Не абсолютизируем агностицизм, но такой подход пока ещё правомерен в отношении вопроса о происхождении языка.

Каждый из нас знает (усвоил) только какую-то часть словаря, ту или иную, относительно большую или меньшую. Причём знание это всегда и относительно, и не устойчиво, а изменчиво, постоянно, пусть незаметно, колеблется, отклоняясь от средней нормы, или стандарта. Уровень и качество индивидуального владения языком, родным или иностранным, то повышается, или совершенствуется, то понижается и ухудшается, что-то осваивается новое, что-то забывается, стирается в памяти, конечно, часто в зависимости от возраста и здоровья человек по-разному владеет языком. В процессе овладения и в качестве владения словарём, понимании и запоминании слов, наблюдаются свои фазы, стадии и степени. И сказывается ещё технический прогресс.

Ребёнок, с раннего детства включённый в стихию общежития, осваивается в социуме и, так или иначе, подражая окружающим, начинает по-своему употреблять родной ("материнский") язык, знакомится с ним, постепенно познаёт его, овладевает им и применяет на практике, в общении. Но не только, это было бы слишком тривиально. Будто некое существо, с малолетства немое и не воспринимающее свет, по каким-то невнятным причинам начинает что-то улавливать и, вступив в контакт с окружением, учится вдруг общительности, воспринимая информацию и воспроизводя просто звуки, затем слоги, первые детские слова и фразы.

У нас возникает соблазн подчинить язык даже ребёнку, как бы приспособление, которым каждый непроизвольно овладевает уже в детском возрасте. Невольно из этого мифа вытекает следствие, будто бы несмышленный и немощный субъект, в конце концов, управляет природой, и потому он значительнее и сильнее языка, его подсобного инструмента. Что касается взрослых, то тут уж никаких сомнений. В этом мире, где всё воспринимается потребительски, и язык – тоже не более чем средство, ибо всё подчинено воле всесильного человечества (его собственность). Далеко не все способны дойти до признания и ощущения мистической сущности языка. Хотя немногие всё же в состоянии заподозрить, что не мы владеем языком, никто из нас не может обуздать вполне языковую стихию, а он часто управляет и манипулирует нашим сознанием.

На вопрос преподавателя: "Что такое язык?" – нередко следует наивный студенческий ответ: "Язык – это есть средство общения". И этот короткий отзыв-рефлекс вроде бы удовлетворяет многих, так как в ситуацию неопределённости вносится какая-то ясность и ответственность, и будто бы решение вопроса. "Говори что-нибудь!" И вот каким-то предложением и предположением как бы заткнули дырку, – и уже не течёт, не капает. И редко кто когда подумает, насколько качественно сделано дело. Простое решение удовлетворяет непритязательность, и оно давно и долго распространяется, безоговорочно тиражируется. А знают ли при этом: что такое средство и общение? Почти с таким же успехом можно было бы утверждать, что "язык – это нечто".

В самом же деле всё обстоит следующим образом. У нас уже есть некоторое примитивное "знание", так как мы уже давно слышали и употребляли слово, по-своему как-то понимая "язык" – натурально, естественно, предметно, приблизительно и недопонимая. Однако без "научного определения" как бы не имели строгого и чёткого словарного разъяснения, или толкования. Теперь же, получив развёрнутый рисунок и ярлык, который дисциплинирует и "определяет" формально, мы совершенно спокойны, чувствуя себя уверенно, грамотными и образованными, так как всегда сможем ответить на вопрос. Больно грамотный – тот, кто может отрезать.

Чувствуете ли, какое это нелепое и пустое "определение", которое ничего не прибавляет, ничего не раскрывает и ничего существенного не сообщает, оно вовсе не содержательное, но психологическое прикрытие, псевдо- или квази-определение. Действительно, всем и так ясно, что мы разговариваем (используем какой-то язык), когда встречаемся, или общаемся. Однако если же я, допустим, вслух размышляю, рассуждая про себя, или просто наблюдаю и о чём-то думаю, умозакключаю, наконец, сочиняю стих, проговариваю какой-нибудь текст, – разве обойтись без слов? Или же общаюсь с пространством, какими-то образами, с бумагой и ручкой?

Несомненно, было бы честнее и потому уже вернее ответить: "Я не знаю, как просто и удовлетворительно отвечать на вопрос, что такое язык". Вероятно, я не могу определить этого. И вообще-то, видимо, мы не можем этого, ибо нам не дано определённо знать, что же есть язык, как и многое другое, раз уж это природная или мистическая тайна. Конечно, кое-что, и мы знаем или догадываемся о языке, однако то, что понимаем, есть внешнее, поверхностное, часто довольно простое и очевидное. Кажется, человек открыл для себя что-то из "физики", но ему не под силу познание глубины метафизики – и языка, и слова, и общения, и связи, и т.п.

Во дворе две болонки на поводках выгуливаются хозяйками. Собачки наши, виляя хвостами, встретились мордами, обнюхали друг друга с разных сторон, весело попрыгали одна вокруг другой, порезвились, полаяли даже, сообщая радость, – словом, пообщались знакомые. Бродячие дворняги могли и покусаться или чего натворить – собаки же. Встречаются и кошки, тоже по-своему общаются, хотя и гораздо сдержанней. Попробуем установить средства общения наших болонок. При посредстве чего пообщались? Посредством обоняния (обнюхивали), хвоста, морды, движений. Хозяйки их стояли рядышком, тоже общались между собой и со своими питомцами. Что же было средством их общения, может быть, как раз собачки на поводках?

Телефон, телеграф, почта, компьютер, разные СМИ – средства коммуникации, или общения. Извозчики и трамваи, автобусы и троллейбусы, метро и железная дорога (поезда), авиация (самолёты), водный транспорт (пароходы) обычно ведь относятся к средствам передвижения и сообщения. Они способствуют общению, сближению и встречам.

Н.И.Воронина. Музыкально-эстетическая мысль середины XIX в. Изд. Саратов. ун-та, 1989: "Музыка есть средство общения между людьми. "Мало того, – пишет Б.М.Теплов, – даже и для того, чтобы понимать музыкальную речь во всей её содержательности, нужно иметь достаточный запас знаний, выходящий за пределы самой музыки, достаточный жизненный и культурный опыт" [с.21]. Как видно, средством общения является не только язык, но и искусство, танцы, пение, различные ритуалы, конференции и съезды, жест, голос, интонация и много чего другого.

Ну, так как же быть с определением языка и слова? Не определять и не отвечать стыдливо на вопрос об их сущности совсем – столь непривычно и неубедительно, не по-человечески. Во всяком случае, надо понимать основательность и ценность, осознавать глубину и полноту такого и любого другого, не исключительного и не уникального ответа-характеристики, коих, может быть, со временем наберётся большое множество. Пусть слово – это как бы школа, где учат всех нас, как следует познавать, чтобы совершенствоваться, мир и себя, среду обитания и жизнь в целом. Но сравнение и аналогия – только подсказка и намёк, но ещё никак не определение сути.

Конечно, можно сказать, что человек – это "двуногое животное" и ещё "без перьев", но только не считайте себя после этого очень самостоятельным и состоятельным антропологом. А ещё у нас есть сознание, совесть и душа, может быть, судьба, куда всё это денется. И это существование, и слово связаны со сложными мистическими представлениями, которые не замкнёшь в одну фразу. Не однозначно, языки наши – ноосфера, энергия, мощные потоки, стихия, океан, космос, тайное знание, мифы, заградительная полоса мнений и убеждений, укрытие и прикрытие, внушение, ложь и защита от неё.

Попав в мир духов, сновидений и привидений, человек привыкнет к среде обитания и приспособится к стихии жизни, постепенно всё больше научаясь, как там вести себя. Может быть, тут он распоряжается и управляет только собой, но не окружающей стихией языка и волей всего сообщества. Выходит, что не язык – средство и игрушка у человека, скорее, наоборот, именно последний сам есть средство духа, или языка. Во всяком случае, именно так и, видимо, не без основания склонны считать некоторые из философов и лингвистов. Мы можем лишь приобщаться и овладевать чем-то в своей жизни, но никто не в состоянии владеть целым миром.

Меньшее, очевидно, не может объять большее. Человек-личность и вообще весь, всечеловеческий, язык – слишком разные мощности и потенциалы, совершенно несоизмеримые между собой силы и весовые категории. Взрослого ещё можно сравнивать с ребёнком, как ребёнка – со взрослым, человека с человеком, и, видимо, только, ибо они в принципе однородны и, тем самым, соизмеримы. В определённом смысле человека можно сравнить даже с высшими животными, и это естественно. Но особенные зависимости и связи у части и частности с целым и всеобщим. Каждый из нас, как и все мы, вместе взятые, зависимы от света, бога и языка-ноосферы. И язык взрослого, как и язык ребёнка, – лишь частности и малые степени, какие-то зависимости.

18/7/95. Слышу во дворе детские голоса, мальчишки-дошкольники яростно спорят. Один другому вызывающе, придиричиво и высокомерно: "А ты и не знаешь, что такое картриджи?" Второй с обидой: "Знаю. Это фильмы". И первый утихомирился. Им лет по шести, поди. А мне шестьдесят, и я ус-

лышал это новое слово на днях от Нади. Она с Женькой в Черноглазовке целыми днями использует "Дэнди", подаренный им. Даже чуть раньше.

Шли с Надей к метро, собрались к нам. Она подошла к киоску и сказала мне: "Дед, погоди. Я спрошу, сколько стоит картридж, у нас такого нет". – Так здесь есть цена. – А-а, да, полтора миллиона. Именно тогда я спросил её: "А что это?" И она как-то плохо мне объяснила. Я понял только, что имеет отношение к "Дэнди". А я ещё и не видел, что это такое.

Итак, есть реалии – вещи, допустим. У них, естественно, названия, хотя бы условные и рыночные. Я ещё толком не знаю вещи (какая она, для чего, как выглядит, как устроена и т.д.), но уже услышал *имя*. Значит, познакомился. Хотите, считайте это предварительным знакомством, первым знакомством, поверхностным, предзнакомством. Это всего лишь наименование чего-то, имеет к чему-то отношение (называет). Хотя плохо, но как-то всё же представляю предмет. Это, в общем, типичная ситуация: относительно знаем всё, если знаем. Ведь мы окончательно, предельно не можем знать ничего. Знаем более или менее полно, но не абсолютно.

– Что такое "Дэнди"? – Приставка. – И всё? (Это типичный диалог, пример). Дети уже лихо используют её: коробочка, провода, пистолет, кнопки и ещё что-то. Это извне. Мы знаем, куда надо включать-выключать, на что когда нажимать, как использовать в игре. Попробуйте разобрать и прокомментировать эту житейскую ситуацию. С какой точки зрения? Пробуйте с разных точек зрения: с бытовой, с педагогической, с философской, с технической, с лингвистической. Может быть, последняя, лексикографическая, "соберёт" воедино все остальные. Или нет?

Осваивая мир, на всей его протяжённости ставим знаки, метки, заметки, зарубки памяти, и не только, иначе говоря, используем слова (имена или названия). Слово по своей сути – даже глубже, у него самое разное назначение, используется для самых разных целей, и в них непросто разобраться. Мы у себя на кафедре вообще подобные вопросы и не ставим, и не разбираем никогда, очевидно, придерживаясь принципа: "А что здесь разбирать?" Чего мудрить-то? Кто знает, а кто не знает, – захочет, узнает. Или не узнает, ну, и нет проблем. Для большинства есть да, есть нет. "Да" может стать "нет", "нет" – "да". Всё относительно просто, а нам безразлично.

На самом деле слово имеет семантический объём, и оно многомерно. Не только некоторая последовательность и линейная цепь значений, что слишком уже очевидно и, кажется, элементарно, будучи наивно и грубо отражено в широко распространённых и популярных толковых словарях. Но ещё и в другом, вертикальном, измерении имеется некая психологическая глубина восприятия и понимания слова, или осмысление его в отдельных частях и вариантах, или во всей совокупности и парадигме, объедине-

нии значений, значимостей, смыслов и осмысления. Есть ещё и третья ось измерения и изменения слова – временная, историческое развитие.

В языке, как и в сознании, есть стабильность, или устойчивость знака, и есть его подвижность, движение, изменение, некоторый простор, возможности переноса и перекося, свобода толкования, сдвиги и люфт. Море, лес, поле, народ, человек, язык и многие другие слова как бы определённые и внешне постоянны, но так только кажется и лишь в один данный момент, не то, если посмотреть на них более вдумчиво и сосредоточенно. Едва ли не каждое употребительное слово языка многопланово, многомерно и многозначно, и в каждом его значении обнаружится своя глубина и в целом опять же недостижимость понимания смысла.

"Я вижу и слышу". "Я знаю". "Я понимаю, осознаю". Переходный глагол предполагает дополнение. Человек всегда видит *что-то*, кое-что, и не сразу всё вообще. И *что-то* знает. Понимание, осознание также относительно и частично. Поэтому наши предложения на деле означают, что-то определённое вижу и в то же время чего-то не вижу, так как не всевидящ. То же о других чувствах и состояниях. Кое-что знаю, – и это значит, что многого не знаю, того, что за пределами знания. Именно поэтому легко понять философское высказывание учёных мужей: "понимание есть непонимание". То есть в нас не может быть истины в последней инстанции.

Человек не может войти сразу во все положения, ибо он ограничен и конечен. Как бабочка, живущая день, не может знать времён года, так и человеку едва ли доступно ощущение вечности и бесконечности, даже геологических сломов, срезов и периодов. Каждый человек в одной своей жизни постоянно изменяется, меняются его ощущения и восприятие, теперь мне это хорошо известно. Я не всё знаю в мире и в своём языке. И то, что знаю, относительно и ограниченно, частично. Мы не в состоянии познать всё на свете, хотя можем или, быть может, даже обязаны по своим силам знать как можно больше, осваивая мир постепенно и последовательно.

В словаре есть более или менее устойчивая первооснова, особенно значимая база, минимум необходимого для жизни, достаточный для того, чтобы язык применялся в деле и использовался в общении. В то же время в нём имеются значительные ресурсы, дополнительные средства и специальные конструкции усовершенствования, своеобразный сервис или "накрутки", то, без чего можно обойтись и чем многие не владеют, но в чём заключается особое преимущество и богатство языка, роскошь. В индивидуальном развитии мы движемся от обязательного языкового минимума к восприятию и усвоению более тонких механизмов стиля сообщения и общения.

Собаке в миску положил "еду". Осторожно подошла, понюхала – и уныло отошла прочь: не почуяла запаха, без вкуса, т.е. вообще отсутствует должное и ожидаемое свойство нормальной пищи, тем самым тут нечто довольно

странное, весьма подозрительного достоинства и ценности. "Качество" – когда вкусно и аппетитно, так что миг проглотить. Но если дефицит и жрать хочется, то пёс, в конце концов, справится и с предложенной ему мешаниной, в любом виде. Без заметной охоты, но будет давиться и есть, чтобы выжить. Так и люди: стоит очередь обычно за качеством, но если голодно, то и за простым свойством, названием, продуктом без качества.

С помощью языка мы ориентируемся в жизни, в мире физическом, материальном, внешнем, словами называются предметы и явления природы, обозначены определённые события и факты. Используя язык, мы формируем в себе внутренний, духовный мир, разбираемся в чувствах и отношениях. Язык, помимо прочего, есть средство выражения собственных оценок, и в нём немало объективной меры, как и субъективной примерки и приближённости. В нашей речи подчас наблюдаются неточности и колебания, излишки или, напротив, недостаток строгости и выразительности, чувственности и страсти. Тоже ведь самое разное качество у вербальной речи.

В каждую эпоху в языке есть слова-обольстители и слова-пугала. В древности знали слова-духи, которых боялись, и их не следовало беспокоить. В наши дни расцвета или распушенности демократии таких слов-табу как бы нет, запретов меньше, и они слабее. Слова-проклятия условны и привычны для безбожной власти и массы. "Жандарм", "жандармерия", "гестапо", "ЧК", "ГПУ", "КГБ" и подобные страшные названия недавно произносились вполголоса и с замиранием сердца. И теперь ещё остались кое-какие опасные слова-заклинания. Отношение к ним и их оценка зависят от мировоззрения людей, возраста, воспитания, культуры, образования и среды.

Убеждения предполагают и требуют обсуждения, т.е. речи и слов, и нужно порой отстаивать их в споре. Когда в 1849 году Ф.М.Достоевский проходил по делу петрашевцев и давал объяснения и показания, ему пришлось отвечать и оправдываться в вопросе своего вольнодумства и либерализма, в которых его обвиняли. Эти слова тогда были жупелами и пугалами – страшные слова. В те годы и после высшей добродетелью у реакционеров, дабы отмежеваться им от революционеров, фурийеристов и подстрекателей, считалось верноподданничество. В какой же мере независим и искренен тогда и потом был писатель? И насколько дух наш свободен?

Всё сказанное выше может быть проиллюстрировано целым рядом литературных цитат и, таким образом, ещё раз так или иначе, хоть косвенно, поддержано и подкреплено следующими ниже неслучайными выдержками из разных и значимых авторов. Это может говорить о том, что, конечно, не мы начали разговор на вечную и почти религиозную тему о словах. И на этом обсуждение и поиски не прекращаются, ибо предмет-то в постоянном развитии и никогда сам до конца никак не исчерпаем. Дело вовсе не в том, чтобы живой вопрос завершить и закрыть. Прежде всего, нужно как-то

разъяснить, раскрыть и обозначить сложность проблематики. Следует помнить, что слова живут с нами в одной связке и в одном мире, и у них, как у нас, может быть также душа, совесть и мистическая судьба.

Ф.М.Достоевский. Собрание сочинений в 15-ти томах. Т. 12.

Дневник писателя. 1873.

"Рефлексия, способность сделать из самого глубокого своего чувства объект, поставить его перед собою, поклониться ему и сейчас же, пожалуй, и насмеяться над ним, была в нём развита в высшей степени" [с.10]. Речь о В.Г.Белинском. "Выше всего ценя разум, науку и реализм, он в то же время понимал глубже всех, что один разум, наука и реализм могут создать лишь муравейник, а не социальную "гармонию", в которой бы можно было ужитья человеку. Он знал, что основа всему – начала нравственные" [с.11].

"... что в старой Англии, за которую всякий из них отдаст свою кровь, порок по-прежнему называется пороком и злодейство – злодейством и что нравственные основы страны всё те же, крепки, не изменились, стоят, как прежде стояли" [с.16]. "... именно тут-то и надо сказать правду и зло назвать злом; но зато половину тяготы приговора взять на себя" [с.18].

"Есть идеи невысказанные, бессознательные и только лишь сильно чувствуемые; таких идей много как бы слитых с душой человека. Есть они и в целом народе, есть и в человечестве, взятом как целое. Пока эти идеи лежат лишь бессознательно в жизни народной и только лишь сильно и верно чувствуются, – до тех пор только и может жить сильнейшею живою жизнью народ. В стремлениях к выяснению себе этих сокрытых идей и состоит вся энергия его жизни <...> К числу таких сокрытых в русском народе идей – идей русского народа – и принадлежит название преступления несчастием, преступников – несчастными. Идея эта чисто русская. Ни в одном европейском народе её не замечалось" [с.19-20].

"Рассказывают и печатают ужасы: пьянство, разбой, пьяные дети, пьяные матери, цинизм, нищета, бесчестность, безбожие" [с.48]. Ужасные вещи, события, факты. Ср. страхи. Перенос. "Написал фельетон – отказали. Этих фельетонов я много по разным редакциям носил, везде отказывали. "Соли, говорят, у вас нет". – Какой же тебе соли, – спрашиваю с насмешкою, – аттической?" [с.49].

"Я читал две последние поэмы Некрасова – решительно этот почтенный поэт наш ходит теперь в мундире. А ведь даже и в этих поэмах есть несколько хорошего и намекает на прежний талант г-на Некрасова. Но что делать: мундирный сюжет, мундирность приёма, мундирность мысли, слога, натуральности ..., да, мундирность даже самой натуральности [с.87]. Достоевский в Дневнике писателя пишет о "мундирной мысли" как причине "литературной чахотки и смерти" [с.88].

"Надо изображать действительность как она есть", – говорят они [наши художники], тогда как такой действительности совсем нет, да и никогда на земле не бывало, потому что сущность вещей человеку недоступна, а воспринимает он природу так, как отражается она в его идее, пройдя через его чувства; стало быть, надо дать поболее ходу идее и не бояться идеального. <...> Идеал ведь тоже действительность, такая же законная, как текущая действительность. <...> А между тем такие темы (почти фантастические) так же действительны и так же необходимы искусству и человеку, как и текущая действительность" [с.90].

"Они [гуляки из рабочего люда] ходят по праздникам пьяные, иногда толпами, давят и натыкаются на людей...; сквернословят вслух, несмотря на целые толпы детей и женщин, мимо которых проходят, – не от нахальства, а так, потому что пьяному и нельзя иметь другого языка, кроме сквернословного. Именно этот язык, целый язык, я в этом убедился недавно, язык самый удобный и оригинальный, самый приспособленный к пьяному или даже лишь к хмельному состоянию, так что он совершенно не мог не явиться, и если б его совсем не было – [его следовало бы выдумать]" [с.127].

Объяснения и показания Ф.М.Достоевского по делу петрашевцев

"В сущности, я ещё не знаю доселе, в чём обвиняют меня. Мне объявили только, что я брал участие в общих разговорах у Петрашевского, говорил вольнодумно и что, наконец, прочёл вслух литературную статью: "Переписку Белинского с Гоголем". Скажу от чистого сердца, что до сих пор для меня было всего на свете труднее – определить слово: вольнодумец, либерал. Что разуместь под этим словом? Человека, который говорит противузаконно? Но я видал таких людей, для которых признаться в том, что у них болит голова, – значит поступить противузаконно, и знаю, что есть и такие, которые готовы говорить на каждом перекрёстке всё, что только в состоянии перемолоть их язык" [с.219].

"Да, если желать лучшего есть либерализм, вольнодумство, то в этом смысле, может быть, я вольнодумец" [с.220]. "Я всегда был уверен, что сознательное убеждение лучше, крепче бессознательного, неустойчивого, колеблющегося, способного пошатнуться от первого ветра, который подует. А сознание не высидишь и не выживешь молча" [с.221].

Г.Шпет. Мудрость или разум//Мысль и слово. М., 1917: Кстати, часто цитируется Цицерон: "...мудрость – не в языке, а в сердце; и не важно, какой пользоваться речью, ибо домогаются вещей, а не слов, и мы рассуждаем не о грамматике или ораторе, коих наука – в том, как подобает говорить, а о мудрости, учение которой – в том, как надо жить" [с.47]. Очевидно, что необходимо научиться "подобающе" жить и общаться с другими, то есть и говорить тоже важно.

Л.Н.Гумилёв. Чёрная легенда. М., 1994: "В 1269 году немцы, узнав о появлении в Новгороде монгольского отряда, запросили мира "зело бо бояхуся и имени татарского" [с.308]. Боятся имени, отчего этот страх? "Торжество негативной идеологии означает провал в бездну. Но что такое "бездна"? Читатель не обязан, да и не может знать, ибо это отнюдь не просто. <...> Бездна – пространство без дна, без конца, а следовательно, и без начала. Начало и конец имеют все частицы вещества, все импульсы энергии. Значит, бездна – это Пустота" [с.94-5]. Ср.: бездна и бесконечность – есть ли у этих монстров объём и измерение, представляете?"

Н.С.Трубецкой. О туранском элементе в русской культуре // Л.Н.Гумилёв. Чёрная легенда. М., 1994: "... появившиеся в русском языке со времён татарского ига термины вроде: деньга, алтын, казна, тамга (откуда таможня), ям (откуда ямская гоньба, ямской и т.д.) – татарского происхождения" [с.517].

Эли Эльсон. Безумие и вера//Путь, 1926, №2: "Безумие для верующего – понятие иное, чем для психиатра" [с.108]. И уж вовсе иное для стороннего обывателя, очень разные представления и отношения. Подчас (или всегда?) все люди по-своему и по-разному воспринимают и оценивают себя и друг друга, свой мир и жизнь, их явления и проявления. Чужеродное безумство как аномальное уродство и странность, естественно, вызывает насторожённость и страх у кого-то.

Свящ. Родион. Люди и демоны. Х., 1995: "Далее в своей статье Тамара [Глоба] говорит, что "смирение бывает равноценно эволюционной остановке", т.е. по сути дела – вредно. В христианстве же смирение является основой духовной жизни; так, первая заповедь блаженств гласит: "... блаженны нищие духом (т.е. смиренные), ибо их есть Царство Небесное" [Мф. 5,3]. И сам Господь показал нам пример смирения своей жизнью и смертью, смирившись "даже до смерти и смерти крестной" [с.44].

М.Э.Поснов. История Христианской Церкви. К., 1991: "Как Сам предсказал, Иисус Христос завершил Свою жизнь на земле страданиями и смертью на кресте, воскресши в третий день из гроба" [с.59]. Ср.: гроб – могила и ящик. "От иудейского богослужения христианская Церковь заимствует четыре элемента: чтение, пение, проповедь и молитву, наполняя их большею частью христианским содержанием" [с.200]. Церковное общение насквозь пронизано словесами. Своя словесность в заповеди, исповеди, в покаянии и обращении, в прощении и прощении, в литургии, панихиде и другой службе. Во всём сакральное наполнение и таинственный смысл слов.

И.А.Ильин. Наши задачи//Юность, 1990, №8: "К истории дьявола. Всю совокупность религиозных предметов (Бога, душу, добродетель, грех, потусторонний мир, истину, вечную жизнь) Ницше обозначает как грудку лжи, рождённую из дурных инстинктов натурами больными и в глубочайшем

смысле вредными". "Христианское понятие Бога" есть для него "одно из растленнейших понятий, созданных на земле". Всё христианство есть, в его глазах, лишь "грубая басня о чудотворце и спасителе", а христиане – "партия забракованных ничтожеств и идиотов". "Всё, что зиждет в жизни братство людей, – идеи "вины, наказания, справедливости, честности, свободы, любви и т.п.", – должно быть вообще изъято из существования", это и далее по Ницше.

"Наши поколения поставлены перед ужасными, таинственными проявлениями этой стихии и доселе не решаются выговорить свой жизненный опыт в верных словах. Мы могли бы описать эту стихию, как "чёрный огонь", или определить её как вечную зависть, как неутолимую ненависть, как воинствующую пошлость, как беззастенчивую ложь, как абсолютное бесстыдство и абсолютное властолюбие, как попрание духовной свободы, как жажду всеобщего унижения, как радость от погубления лучших людей, как антихристианство. Человек, поддавшийся этой стихии, теряет духовность, любовь и совесть".

"Демонизм" и "сатанизм" не одно и то же. Демонизм есть дело человеческое, сатанизм есть дело духовной бездны... Демонизм есть преходящее духовное помрачение, его формула: "жизнь без Бога"; сатанизм есть полный и окончательный мрак духа, его формула: "низвержение Бога" [с.63]. Религиозное мироощущение, мистическое восприятие природы, жизни и слова, совершенно особенное, в отличие от вульгарного и научного знаний, в нём много таинственного.

В.В.Розанов. Мимолётное. М., 1994: "Слова стали без теней, без "подробностей". "Отец" теперь вовсе не то значит, что при Пушкине. Уже не говоря о Риме и Библии, "отец" теперь стал коротенький и глупый. И его никто не уважает. Ужасно" [с.152]. "Тогда денег было мало, и платили (или награждали) землями, чашами, лесною дичью. И вот Государь верстах в ста от Петербурга подарил полководцу лесную дичь, объёмом вёрст в 6–8 квадратных" [с.250-1]. "17.IX.1915. "У него такая наружность, что я думаю, он ростовщик". Каким образом, доживя до 50-ти лет и будучи умна, практична, она не знает слова "ростовщик"? Но таковы и все мы, русские. Не знаете, русские, слова "ростовщик", оно – проклятое. И слово и понятие. А ещё хуже – факт" [с.298]. Ср.: слово – понятие – факт (явление, феномен). Три плана в одной связке.

В.В.Розанов. Бермамут // Иная земля, иное небо. М., 1994: "... и, укутавшись в одеяло и плед, лёг на сколоченные доски на четырёх ножках, почему-то названные кроватью" [с.428]. Очевидно, эти доски (строительный материал) – вовсе не кровать, не мебель. Ведь у каждой вещи, помимо названия и назначения, функции, есть ещё своя технология, форма, история. Простые доски, конечно, можно использовать в роли лежанки и условно

называть временное сооружение кроватью, если на них спать. Или столом. Или полкой. Мало ли как ещё.

А.Хейдок. Радуга чудес. Рига, 1994: "Был один странный случай. Может быть, он и есть то, что вы называете чудом" [с.185]. Мало ли какие жизненные эпизоды относятся к чудесам. "Смерть не более чем стрижка волос". Как вы понимаете эту фразу? Твёрдый путь должен начинаться с познания этой проблемы" [с.408]. С чем сравнивают, что улавливают, как определяют? Пожалуй, каждую фразу и сообщение можно продолжить, уточнить по-своему и расширить.

П.Губер. Дон-Жуанский список Пушкина. П., 1923: "... всякая поэзия есть утверждение иллюзии в ущерб действительности" [с.286]. Ср.: выдумка, фикция, иллюзия и реальность.

Б.Пастернак. Доктор Живаго//НМ, 1988, №1: "В такие минуты Юрий Андреевич чувствовал, что главную работу совершает не он сам, но то, что выше его, что находится над ним и управляет им, а именно состояние мировой мысли и поэзии и то, что ей предназначено в будущем, следующий по порядку шаг, который предстоит ей сделать в её историческом развитии" [с.6]. "Он снова думал, что историю, то, что называется ходом истории, он представляет себе совсем не так, как принято, и ему она рисуется наподобие жизни растительного царства" [с.9]. "После двух-трёх легко вылившихся строф и нескольких его самого поразивших сравнений работа завладела им, и он испытывал приближение того, что называется вдохновением".

В.Набоков, Весна в Фиалте: "Я этот городок люблю; потому ли, что во впадине его названия мне слышится сахаристо-сырой запах мелкого, тёмного, самого мягкого из цветов, и не в тон, хотя внятно, звучание Ялты..." [с.561]. Имя, наименование, название и звучание, голос и запахи.

А.Белый. Символизм как миропонимание. М., 1994: "Моё мотто того времени – motto (ит.) – кратко и отчётливо выраженная мысль, представляющая собой чью-либо руководящую идею" [с.514]. В данном случае это так называемая безэквивалентная лексика, в других языках не повторяющиеся слова, не переводимые на другой язык. Какие слова-эквиваленты есть у нас, повторяются, а каких соответствий почему-то нет. Ну, нет такого слова (перевода) в нашем языке – и что же? 1. Почему же нет? 2. И как это отражается на сообщении и общении, на практике коммуникации? Бессловесность в принципе не исключается. Но мы не хотим жить без слов, без языка, немymi. Язык (словесность) – практическое сознание. Ср. также: мотто, девиз и максима.

П.К.Иванов. Епархиальный съезд в Москве...//Путь, 1925, №1: "Вообще, характерная особенность ораторов Живой Церкви – совершенное отсутствие эпитетов: христианский и религиозный, и замена их эпитетами: революционный и трудящийся ("И Христос был трудящийся"). <...> Нужно

представить себе всю пошлость этого слова "трудящийся" в Советской России, всё извращение его, чтобы понять, какой болью должно отзываться в сердце верующего наименование Христа трудящимся" [с.107]. Д.И.Боголюбов: "Однажды, например, я пригласил в свою церковь митрополита Антонина, чтобы узнать, что даёт она (Живая Церковь) людям. После обедни прихожане обращаются ко мне и выказывают крайнюю обиду, зачем я пригласил такого пастыря, который в своей проповеди называет алтарь шкафом. Я поехал к митрополиту Антонину, думая, что произошло недоразумение, но тот, к моему изумлению, подтвердил, что алтарь – шкаф. Может ли такой странный человек быть духовным водителем?" [с.108].

Б.Вышеславцев. Два пути социального движения//Путь, 1926, №4: "Кто хочет что-нибудь понять в реальных судьбах Европы и современной России, должен, прежде всего, отряхнуть прах партийных разделений и наименований. Последние потеряли смысл и значение. Консерваторы ничего не сохраняют! Либералы ничего не освобождают! Социалисты ничего не обобществляют (кроме слова "товарищ")! Радикалы не делают ничего радикального! Всё это фантазмы, скрывающие от нас борьбу реальных сил истории. И последние ещё не поняты и не осмыслены" [с. 105]. Иначе говоря, нагло навязывается чья-то воля. Когда сказано было, мы предупреждены, но словесные фокусы продолжаются. Слова – фантазмы, вредные вымыслы, опасные демоны.

М.Фуко. Слова и вещи. СПб, 1994: "Однако отношение языка к живописи является бесконечным отношением. Дело не в несовершенстве речи и не в той недостаточности её перед лицом видимого, которое она напрасно пыталась бы восполнить. Они несводимы друг к другу: сколько бы ни называли видимое, оно никогда не умещается в названном; и сколько бы ни показывали посредством образов, метафор, сравнений то, что высказывается, место, где расцветают эти фигуры, является не пространством, открытым для глаз, а тем пространством, которое определяют синтаксические последовательности. Но имя собственное в этой игре не более чем уловка: оно позволяет показать пальцем, то есть незаметно перейти от пространства говорения к пространству смотрения, то есть удобным образом сомкнуть их, как если бы они были адекватны" [с.47].

24/7/94. Оказывается, что разные лица (авторы) по-своему используют слова определённого языка, и язык в состоянии так или иначе устроить всех и угодить всем им – и детям, и взрослым; и умным, и глупым; и мужчинам, и женщинам; и обывателям, и политикам; и учёным, и неучам, – всем-всем. Вроде бы то ли всякий, кто захочет, эксплуатирует язык, то ли, напротив, сам язык использует каждого. Взаимоотношения человека, общества, человечества и языка (ведь мы пытались вначале дать определение языка вооб-

ше) сложны и неопределённые, как и бесконечно таинственно и неясно происхождение языка, его природа и роль. Никак не познать сути вещей.

Что же есть слово? Ответить на это, с одной стороны, просто, но и совсем не так просто, как кажется. Постановка и расшифровка вопроса редко случаются полноформатными и полноценными, чаще бывают недостаточно достоверными. Расхожее разъяснение и истолкование слова как единицы языка – наивно. Совсем другое дело – учёное объяснение, или научное понимание, по существу предмета и специальной темы в их развитии и диалектике. Слова неявно и незаметно отличаются по степени именитства, по значимости, важности, глубине, ценности и весомости, во всей совокупности, в системе языка и в речи, в словаре, мышлении и общении.

См.: "А.П.Керн. Воспоминания. Дневники. Переписка". Три слова в строке, в названии книги, опубликованной в Москве в 1989 году. Хотя по отдельности и через точку, не запятую, более тесный знак, слова сопоставимы по значению и связаны родством функции. Три слова называют разделы книги памяти знакомой Пушкина и три литературных жанра. Вне контекста заголовка мемуаров эти слова воспринимаются несколько иначе. Воспоминание – психологический процесс, субъективный толчок и способ воскрешения прошлого в человеческой памяти. Дневник – запись, рефлексия, исповедь. Переписка – общение на расстоянии, у письма всегда два начала.

Разные грани и степени социализации у этих трёх имён, наименований. 1) Воспоминание – более естественное, природное занятие: работа человеческой памяти и духовная потребность. 2) Дневники – более культурное начинание: записи-откровения, требование своеобразного интереса (привычки) и своего рода игра на досуге. 3) Переписка – более цивилизованное предприятие: почтовое общение – уже современная установка, новая цивилизация.

5/8/94. Просыпаясь, в полудрёме, в конце сна, на переходе, видел-слышал в себе (додумывал и подсказки откуда-то) нечто путано-бесформенное о самом существе слова. Расшифровываю, разворачиваю, развязываю клубок образований-мыслей, каких-то образов и вербализации, пока не улетучилось и не забылось. Какие-то обрывки разорванных представлений – никак не связываются в картину, сумбур не вытянуть в членораздельную линию и отчётливую нить.

В памяти, в сознании, в голове человека и в его мысли какие-то сиюминутные, давние, упрочившиеся "отрывки" представлений и ощущений, ассоциирующихся со словом-названием. Запоминание и понимание в диапазоне определённости-невнятности, ясности-мрачности, конкретности-отвлечённости – то, что называют значением, смыслом, понятием, семантикой слова. Лишь самое общее направление знаний, задаётся штрихом и примерно. С чем ещё сравнивать слово? Как его представить себе, как понять, как объяснить другим? Слово – это какая-то последовательность, постепен-

ность, и бесконечность, и неисчерпаемость. Это вовсе не только какая-то определённая данность, но и всегда нечто больше, дальнейшее продвижение.

Слово – это некоторая часть мира и жизни (познания и языка), и для каждого как бы свой путь открытий, движение к более или менее прояснённой цели, по определённому направлению, с той или иной скоростью и комфортом. Свой маршрут, знакомый и незнакомый, по шоссе и трассе, по асфальту или бетону, мощёная улица, просёлочная дорога, тропинка, только направление. Железная дорога, водный транспорт, воздушное сообщение, пещера и узкий коридор, лаз. С остановками, со станциями, с аэропортами и расписаниями, с пристанями, с гостиницами, мотелями, правилами. Раньше на лошадях, перекладных, пешком, на собственном транспорте.

Слово – очень просто и слишком сложно, и одно, и многое, малое и большое, поверхностное и глубокое, определённое и законченное, длящееся и живое. В нём скрыто всё: результат и начало, перспектива и рутина, шаблон, чужое и творчество, собственность, инициатива и повторение, воспроизведение, в то же время обретение и усовершенствование. Слово – и предмет, и состояние, и процесс, как бы предельность и беспредельность, очень разное, о каком слове идёт речь. Слово, сказанное не раз прежде, стало общей привычкой, обыденностью, и слово – открытие и неожиданность, чудо и восхищение, свет и озарение ума. И ещё – сочинение, картина, судьба. Есть в слове нечто динамическое и статическое, спорное и бесспорное.

В одном случае вообще нет смысла спорить о слове, и нечего зря копать в нём. Само по себе это столь очевидно и бесспорно: слово – есть слово. Вон их перед нами сколько, и ничего особенного в них, звуки. В другом случае кажется, что нельзя определить слово, как нельзя объять и охватить фразой сложное движение мысли, все его бесчисленные продолжения, связи и отношения. Всех предметных граней и свойств у слова слишком много для одного заключения и наблюдения, чтобы поднять, осилить и понять сущность мира. Наконец, весь тот механизм и детали оценить и просто, и сложно, смотря для кого и для чего это. Для обывателя, чтобы "просто говорить", – одно, а для философии, чтобы постигать глубину смысла мира, – иное.

С самого начала обозначим свой маршрут и последовательность шагов познания предмета. Определимся как-то в понятиях: 1) Слово, Язык и Общение; 2) Голос, Молчание и Понимание; 3) Философия и Книга; 4) Любовь и Жизнь; 5) Церковь и Таинство. Может быть, принять хотя бы такое расположение, или связку, понятий. В мире слов всё переплетено и соткано, полная путаница, в нём нет ни начала, ни конца. Не случайно каждый начинает познание языка по-своему разумению, со своего конца. Нашу тему можно было бы назвать примерно так: "Мистические начала слова в родном языке (Религиозно-философские акценты)".

Не только наш язык пронизан мистической энергией. Слово собирает и скрывает религиозный заряд и древнейший опыт. Заряженное духовной энергией, оно управляет всем нашим миром. В слове сверхчеловеческие силы и воля, божественная и сатанинская. Язык как пророк руководит, определяет русло жизни, ведёт массы, проповедует и миссионерствует по большому счёту, не только канцелярствует, вмешиваясь в делопроизводство и занимаясь грубой ложью. Язык и слово – космически грандиозное явление, всесветное. Всё, что происходит с нами, история жизни, связано с общением, сознанием и языком, не без вмешательства высшего Разума.

Так или иначе, едва ли не все человеческие слова и имена таинственны в той или иной мере, в определённом плане и отношении. Есть слова всё далее и более неопределённые, глубокие, потусторонние и непонятные нам на самом деле, несовместимые с этой действительностью. Что такое чудо и святость, таинство и Троица, вера и гений, благословение и благоволение? Как и добро, зло, клевета, обман и грех? Что означает мысль, идея, открытие, изобретение, творчество, мастерство, искусство, собственность? Что есть безумие и остроумие, юмор и ирония, сарказм и смех, страх и многое другое? Часто только кажется, что все мы знаем и владеем словом.

Различают разные стадии живого организма в эмбриональном развитии и эволюции. И есть также соответственно последовательные фазы словесности: от неясного зародыша, намёка и лепета, наподобие и вроде бы слова, и до оформившегося по существу и отчётливого имени. Ещё множество переходных и промежуточных состояний в становлении языка и сознания. Отличаются слова в использовании, в речи, также ещё и силой заряда, влиятельностью, и мощностью валентности (сочетаемости и сочленимости).

Видимо, есть разные уровни понимания и толкования слова. Можно испытать, или испробовать, какой-то из них – хоть самое примитивное и приблизительное определение – и этим квази как бы ограничиться в диалоге. Ответ какой-то дан и получен. Но можно ведь и не угодить в цель и не удовлетвориться сказанным и идти дальше, стремясь разобраться (определиться) в том, что значит в русском языке, и в данном случае, то или иное слово или словосочетание. Ведь даже самые свободные из них в той или иной мере всё же идиоматичны и требуют специальных пояснений и разъяснений.

Находим в текстах такие словосочетания, как "проникновенные слова", "пустые слова", "разящее слово", "резкое слово" и даже "русское слово", и другие. Всякий раз придётся угадывать, а то и договариваться, как и что понимать в том или ином случае. Значение слова, его знание и владение им, требует своеобразной согласованности в однозначном и адекватном понимании и толковании. Там, где есть обусловленность и условность в восприятии и оценке знака, естественно, случается и спорность, дискуссионность.

Очевидно, не всякое суждение есть или преследует точное определение предмета речи. Рассуждая и высказываясь, человек может выражать мнение, оценку и видение обстановки, своё понимание и отношение к происходящему и случившемуся. Не всегда ухватывается сама суть явления, рассуждение не обязательно и непременно рассчитано на то, чтобы касаться самого существа темы и всей глубины события. Более того, говорящие в своей речи относительно редко уточняют понятия. Мы часто пользуемся словами для иных, чисто коммуникативных целей общения, сообщения, какого-то влияния и воздействия на окружающих и собеседников.

Всякое определение в какой-то мере предвзято и тенденциозно, так как его даёт смертный. Предмет речи оценивается и характеризуется греховным существом, который вольно или невольно отразит в суждении своё состояние, положение и отношение к миру. Именно в виду личностного характера суждения, восприятие окружающих вещей и понятий, как правило, неоспорно. Субъективное определение относительно, и приходится рассматривать его как один из возможных и конкурирующих вариантов сознательной конструкции, не исключающих, но предполагающих ещё соперничающее сообщение и сведения. Любое личное употребление и понимание слова также заражено возможностью непонимания, недопонимания и отрицания.

Как термин "определение" слова имеет два осмысления: 1) семантическое – трактовка, толкование, объяснение, раскрытие сути понятия путём описания и вербализации. При семантизации слова, раскрытии значения, содержание его расшифровывается, разъясняется другими словами, что это есть, как его следует понимать и трактовать; 2) синтаксический – путём уточнения слова посредством сочетания с другими словами, конкретизация смысла в контексте словосочетания. Реализуются синтагматические связи и, таким образом, несколько значений уточняется с помощью определений, определителей, т.е. конкретизаторов смысла определяемого имени.

Как только во времена Перестройки не определяли, не очерчивали и не ограничивали, к примеру, социализм. Каким разным, оказывается, был самый передовой общественный строй (экономическая формация), и как назывался, обзывался и обозначался он в литературных трудах? Социализм значился вовсе не только как научный, утопический и реальный. Кроме того, он ещё и административный, бестоварный, будущий, бюрократический, государственный, естественный, казарменный, кооперативный, люмпенский, марксистско-ленинский, обновлённый, общинный, подлинный, популистский, постперестроечный, пролетарский, развитой, ранний, сталинский, какой-то странный, советский, "чистый", "брежневский" (коммунизм), "застойный" (См.: "Коммунист", 1989/17).

"Первое, с чего, конечно, естественно начать, – это попытаться сформулировать определение социализма, если и не формальное определение,

то хотя бы в общих чертах уяснение того смысла, который мы в это понятие вкладываем" (И.Шифаревич. Есть ли будущее у России. М., 1991, с.252). Это значит, в очередной раз поиграть в определение понятия, чтобы как-то пошуметь на людях и отличиться в очередной тусовке. "Видно, что авторы сборников имели перед собой очень трудный для определения социальный феномен. Они смутно чувствовали его уникальность, но даже не поставили задачи о его более точной характеристике" [с.437].

Слово обладает волшебной силой, магической и сакральной функцией или назначением. С помощью слов не только выражаются и передаются, но и формируются наши представления и мнения. Слова направляют взгляд, управляют взглядами. Языком пользуются все, и язык используется по-разному, людям на пользу или во вред. Обман и коварство – дьявольское наваждение при использовании слова. Насквозь лжива речь наших политиков, лжива пропаганда, недостойно и нагло ведёт себя торговая реклама, и не только она. Грешат суесловием сами учителя и нередко проповедники.

"Слово "профсоюз" вызывает скуку", как слово "лимон" – слюновыделение. Коннотация слова – сопутствующее переживание, чувство и отношение, дополнительное к основному значению. Следовательно, слова, хотя и представляют собой вторую сигнальную систему, вместе с тем являются как бы своеобразным возбудителем или глушителем и тормозом, т.е. особого рода физиологическим фактором. Некоторые из слов способны навевать на нас тоску и вялость, лень и безразличие, инертность и пассивность духа, другие же, напротив, активизируют деятельность, вызывают душевный подъём, страстность, боевой настрой, агрессивность. Сильнодействующее слово "люблю" порой гипнотизирует, меняет настроение партнёра.

Фобии и страхи, они есть? – Безусловно, есть. Только где они? – Они в сознании, в живом человеке, существе. – А вне живого существа, в мире внешнем и отдельно, как отвлечённость? – Не знаю. Может быть, ещё в живом слове. – А что это? Как отличить живое чувство (слово) от законсервированного или высушенного препарата? – Это уже другой, философский, вопрос.

18/10/95. У постели Муси. Она всё время жалуется на сильные боли где-то в ноге. Не пойму, есть ли эти боли в действительности. Раз говорит человек, – значит, есть что-то и где-то.

Чего только не боится и не страшится человек: неизвестности и неопределённости, пустоты и одиночества, темноты и слишком большого, огромного, будущего и смерти, болезни и боли, закрытого пространства, голода, разорения и нищеты. Страх – испуг – суеверие, мистическое чувство, водобоязнь. Человека предупреждают, пугают, с раннего детства прививают комплексы. Воспитание, мораль, религии и другие культы строятся и

держатся на запретах и устрашении словами: это опасно, осторожно, берегись, слушайся, не смей, не самочинствуй, нельзя! На внушении.

И рождаются в человеке разные чувства, среди них разные страхи и разные демоны, боги, духи, идеи, идеологии, фантазии, выдумки, мифы, сны и видения, как и другие названия, представления и ощущения, — и всё же есть они где-то или вовсе их нигде нет? (Но что же значит здесь ужас, страх и боль, которые есть или которых нет?). Предметно как какая-нибудь вещь, чтобы разломать, разрушить, отдать, конечно, нет. Но как ощущение, внутри нас, должно быть, всё-таки бывает (вернее, то есть, то нет в разной степени). Как концепт, мысль-понятие тоже уже стало. Зато есть как слово, последнее очевидно и безоговорочно.

См. в словаре: мираж и наваждение, привидение и призраки, черти и чертовщина, галлюцинация и фикции. В чём же присутствуют и существуют все они? Есть-таки в языке слова беспредметные, фантазмы, названия "ничего" (целый мир). Как бы тени без реального содержания. Тень — она и есть тень: всё содержание в форме, всё в одном, и без граней и различий, как бы бесполое существо. У отражения в зеркале есть хоть какое-то своё и иное содержание, то, что отражается (образ). А у тени есть одна аллегория, форма и плотность: более или менее тёмная и густая, но это всего лишь количество. Символисты — те же фрейдисты.

Есть слова — чисто условное и магическое обозначение, хотя сам обозначаемый "предмет" по природе идеален, отнюдь не всеми однозначно бывает понят и признан по существу. Например, бог, всевышний, пророчество, исцеление, воскрешение, сверхъестественный. Что же есть таинство, мистика, чудо и тому подобное? То, что мне недоступно, непонятно, необъяснимое, без элементарной логики, вне пределов рационального. И вовсе иной мир и Разум. То, что больше меня, моего понимания, значительно огромнее, несоизмеримое с ограниченными человеческими способностями и возможностями.

Очевидно, есть различные уровни и последовательности таинственной мистики: от вовсе не постижимой и необъяснимой тайны, или загадки, природы до постепенного раскрытия и приближения к ней (иерархия духовности). Очень таинственна для нас идеальная духовность мира. Однако и в материальной природе скрываются таинственные элементы духовности. Живое тело нашего мира природы одухотворено в той или иной мере. Всё прячется, страхуется, отдаляется, и постепенно материальное, так или иначе, одухотворяется. Механизм воплощения духа приводит к оживлению и одушевлению материи. Мир вещей и духов разъят и разделён всё больше.

Язычество — древняя вера, в которой немало исконного фетишизма и мистики, веры в чудесное и таинственное. В языческих культах не случайно приняты и обязательны акции и приёмы жестокосердия, как и покорности

стихиям, – жертвоприношения, – распространено общение со злыми духами-ангелами и сатанинство. Всякая примитивная религия покоится на суеверии. Жречество и шаманство глубоки и неискоренимы, как детство и сказки человечества. И в самых распространённых мировых вероучениях оседают унаследованные языческие черты. Элементы той древней идеологии перенимаются более поздними и религиями, проникая и в современное христианство, – и сказывается преемственность.

Каждая религия – некое учение, по-своему объясняет всё устройство мира и воспитывает всех нас, организуя и внушая верующим вселенские законы жизни, как и нравственные ценности и ведущие правила поведения в быту, указывая тем самым своим адептам путь спасения. Именно этими ценностными установками и, в конечном счёте, своими мифологиями, или учениями, религии как-то организуются и различаются. Их идеологии также представляют собой соперничающие и конкурирующие в борьбе за влияние на массы, на массовое сознание, ценностные парадигмы: идеологемы, соблазны, обещания, стратегию и планы действий.

Все ценностные ориентиры, вырабатываемые и используемые в религиозных учениях и идеологиях, либо сами по себе конечны, относительно и условны, либо вообще запредельны, или трансцендентны. Другими словами, эти ценности – или идеалы – определены рамками земного существования нескольких поколений – предков, современников, потомков – или же выносятся в другую, "будущую", жизнь, переносятся в вечность. И в сознание, таким образом, включается явно мистический момент.

20/3/94. К моему пониманию мистики. Вчера смотрел телефильм "Святослав Рихтер". Там великий пианист исполнял музыку Скрябина. Создал и написал музыкальное произведение русский композитор, а играют её по нотам разные музыканты-исполнители, да ещё под руководством дирижёра в концерте. Вроде бы, грубо говоря, получается следующий ряд или последовательность неких творческих акций, музыкального творения и сотворения: "нечто" воплощается в душе композитора, он разрабатывает мелодию и записывает партии, по нотам прочитывают, воспринимают и интерпретируют оркестранты, их исполнение доходит до слушателей.

Дух – творчество и техника – дух, чувство – исполнение и воплощение – чувство. Не только слово, речь, текст, словесность, литература, но и искусство, в частности музыкальное, – могут оказаться высшего и гениального уровня ("божественная музыка"), на грани мистики или за гранью сверхъестественного, совершенные творения в каком-то смысле мистичны. Либо это особенный мир (сущность), либо только особое ощущение и представление. Либо и то, и другое. Попробуйте перечислить, что же есть таинственное, мистическое, непостижимое, волшебное, неестественное, чудесное вокруг нас в мире, в жизни и в сознании.

Непостижима в целом тайна жизни и смерти, человечества, совести, культуры, цивилизации, науки, экономики и прочего. Слово по своей природе всегда и непременно таинственно. Оно не просто звук или голос, если может творить чудеса. Откуда у него такая сила созидания-разрушения и энергетика?!

Одна из важнейших, врачебных, функций слова в его "колдовской" и таинственной мощи, которая кроется в способности внушения, утешения, лечения больного человека с целью коррекции его сознания, и целого мироощущения. Несомненно, слово обладает исключительно ценным для нас и едва ли не основным и первичным своим предназначением, по сути мистическим. Известно, что стоит человеку назвать что-то новое, пока неясное и таинственное (или услышать определённое наименование), как меняется его психическое состояние, и он становится твёрже и решительнее, – видимо, уже само название сообщает ему некое чувство уверенности.

Выходит, что назвать нечто – значит (или чтобы) справиться с нерешительностью, растерянностью, неопределённостью обстоятельств и как-то упрочиться и утвердиться в обстановке общения. Наименование, или использование определённого имени, есть приём перевода и средство преодоления стихийной расплывчатости неизвестного и потому опасного пространства жизни, в котором всякое присвоенное и усвоенное имя – уже какой-то знак и ориентир существования и деятельности. Психологически "я знаю, кто ты или что это", – значит, я уже в целом и общем под всеобщей защитой и представляю своё положение, если ещё не владею ситуацией.

Искусство исконно отмечено мистикой, ибо всегда смотрит в небо, на звёзды, в космос и на то, что выше и загадочней быта. До сих пор его магия в состоянии околдовать людей, пытаясь влиять, воздействовать и создать новое божество, преобразив мир. Подобно искусству, теми же свойствами искусности и творчества отличаются культы, обладает религия и этика (философия), политика, идеология, реклама и всё то, что манипулирует сознанием человека, как литература и поэзия. Жаль, мои современники попадают на удочку и покупаются, закрепощённые словами ласки, лестью и ложью. Обывателя постоянно дурачат голоса, пугают страхами властолюбцы.

Новая магия – тоже искусство жизни и политика: нарочитый и открытый обман соплеменников или инородцев, распространение лжи. Наши маги хотят управлять людьми, коллективами, массами и для этого, ради власти, бессовестно постоянно лгут. Политическая ложь, следовательно, есть средство манипулирования и управления определёнными структурами. Естественно, магия лжи – это лишь один из наиболее изощрённых и коварных видов обмана. Наряду с тем есть ещё иная ложь, более безобидная и благородная: любительская, артистическая, поэтическая, врачебная, спасительная, увливающая, есть случайная и ненамеренная, и прочая игра.

"Я стал бунтовать, но бунт – утаил" (А.Белый. Почему я стал символистом). Утаил, скрыл, сдержал и спрятал в себе чувство, право каждого, – это не то, что обманул и вовсе не ложь. ЛСГ 'разногласие, конфликт, ссора, взрыв, общественный переворот'. В этом ряду, кажется, понятие "бунт" – интересное и важное слово в нашем языке, многоплановое и таинственное, так было и остаётся, пожалуй, до сих пор, хотя бы частично и выборочно. Конфронтация – не конформизм, не примирение и соглашательство, не конформизм, солидарность и толерантность.

Бунтовщик – как бы порочащее слово. Он идёт против установленного режима, коварен, жесток, противоправен, хулиган и безбожник. Для кого-то, конечно, страшное было имя, связано с общественным взрывом и беспорядком. Отрицательная коннотация (оценка) внедрялась в массовое сознание, прежде всего, обывателя. Устрашение, страх и испуг – такова магия слова. Ср.: мятежник, забастовщик, террорист, разбойник, убийца, преступник, революционер, протестант, диссидент. Однако это с одной стороны. В то же время в этих словах-идеологемах сквозит романтизм, удаль, буйство, дерзость, протест, борьба с застоём, пошлостью, обманом и рутиной – и это своего рода сила и жизнь.

В наши дни опять кому-то захотелось, и вновь стремятся опошлить и опорочить революционаризм, идею социального протеста и сопротивления косности и рутине. Правящей идеологии и олигархической верхушке требуется послушание, она хотела бы разогнать оппозицию, лишив ту силы сопротивления и противодействия. Новый правящий класс и политическая элита, чтобы держаться у власти, постоянно стремятся всеми способами, и обманом, подчинить себе сознание массы и сбить с толку тех, кто против их самочинства и произвола. Всё позволено прорвавшимся во власть, противникам же оставлено право послушания и поддержания нового порядка. Конфликт интересов приводит к взрыву, который называется бунтом или бойкотом.

17/8/95. Но что ни говори, у нас чрезвычайно важно не что, а именно как назвать то или иное. Разного рода дельцы, политики и предприниматели помешаны на культе лживых имён, званий и прозваний. Нередко простоквашу зовут сметаной, жуткую бурду в общепите – супом. Сейчас входит в моду называть пиццей нечто пошлое, как недавно банальное жарено из теста звали чебуреками. В школах: учитель – место, должность. В вузах подвизается немало липовых профессоров. Пошла девальвация имён, – и раздаются звания, титулы, вовсе не обеспеченные особым содержанием и реальным знанием. Как в сумасшедшем доме: сколько там Наполеонов.

Таким образом, язык наш в состоянии покрывать и из "ничего" создавать "что", и в этом заключается его созидательная способность, роль и сила, тем самым он как бы творец (демиург). Или фальшивомонетчик. Во всяком случае, если говорить осторожней, человек с помощью языка утвер-

ждает и фиксирует результаты своего наблюдения и творчества. Иначе говоря, другой взгляд на это, язык – словно бы некий дух внушает, – использует нас как посредников, или средство, для высшего творчества, ради таинственного творения.

Е.П.Блаватская. Тайная Доктрина. Ч.1. "ТОК", 1993: "Упанишады для Вед есть то же, что и Каббала для еврейской Библии. Они толкуют и излагают тайный и мистический смысл Ведических текстов. Они говорят о начале Вселенной, о природе Божества и о Духе и Душе, также как и о метафизической связи Разума с Материей. Вкратце: они содержат начало и конец всего человеческого знания, но они перестали раскрывать его со времён Будды" [с.307]. "В то время как восточные оккультисты имеют семь способов толкования, евреи имеют лишь четыре: именно – истинно-мистическое, аллегорическое, моральное и буквальное или *Pashut*. Последнее является ключом экзотерических церквей и потому не заслуживает обсуждения" [с.419].

"Здесь опять видна огромная пропасть между арийской и семитической религиозной мыслью, двумя противоположными полюсами – искренностью и скрытностью. У браминов, которые никогда не соединяли естественные производительные функции человека с элементом "первородного греха", – иметь сына есть священная обязанность" [с.428]. "Христианские биографы Конфуция высмеивают его за то, что он "говорит о прорицании" <...>, и приводят его слова: "Восемь символов определяют добрую и злую судьбу, и они ведут к великим деяниям. <...> В определении счастья и несчастья нет ничего выше прорицающих соломинок и черепахи" [с.491].

Её же. Избранные статьи. М.,1994: "Гипнотизм – это новое научное наименование старого суеверия, известного под разными названиями, в том числе – "чародейство" и "колдовство" [с.63]. "То, что передаётся [пациенту], не имеет названия в европейских языках, и если мы просто охарактеризуем это как "волю", оно утратит всякий смысл. Древние табуированные слова "колдовство", "волшебство", "чары" и "заговор", а в особенности глагол "колдовать", гораздо точнее выражали суть реального процесса *передачи*, нежели лишённые смысла современные термины "психологизировать" или "биологизировать".

"Что такое "вампиризм"? Если под этим словом понимается непроизвольная передача части жизненной энергии или жизненной сущности посредством некоей разновидности оккультного осмоса от одного человека к другому, наделённому способностью к вампиризму или, скорее, страдающему от неё, то это явление можно понять, только постигнув природу и сущность упомянутого выше "аурического флюида" [с.65].

"Мантра – это сочетание слов, которые при произнесении их вслух производят определённые вибрации не только в воздухе, но и в тончайшем эфи-

ре и таким образом оказывают определённое воздействие" [с.120]. "Но до сих пор в Европе, равно как и в Азии, есть много людей, которые оказывают необычное воздействие на лошадей и крупный рогатый скот при помощи специфических звуков, произнесённых особым способом. В подобных случаях применяемый звук является мантрой, состоящей из одного элемента, и действует только на конкретных животных". "Естественными мантрами, состоящими из одного элемента, являются такие слова, как "жена". Когда оно произносится, в мыслях всплывает всё, что несёт в себе это слово" [с.121].

М.Э.Поснов. История христианской церкви. К., 1991: "До конца II-го века в общем держались старой строгой системы, по которой христианин, совершивший одно из трёх главных преступлений – отпадение от веры, убийство, нарушение супружеской верности, вообще блудодеяние, – только исключительно пред своею смертью принимался в церковное общение" [с.218]. "Именно, папа Каллист (217-222) определённым указом постановил, что виновные в плотских грехах, после продолжительного публичного покаяния должны получить прощение и снова должны быть принимаемы в полное церковное общение" [с.218-9]. Смертные грехи и мистика.

"Монашество явилось той великой силой, которая привлекала благодать Божию к христианскому миру. Монахи были теми праведниками, благословением которых, по Премудрому, стоит град, и недостаток которых был причиною гибели Содомы и Гоморры. Монахи – это, конечно, люди, возвышавшиеся над общим уровнем христианского общества" [с.514]. "В сущности монашество есть протест против какой бы то ни было связи, общения Церкви с миром и светской культурой" [с.515]. "... в чистом виде оно [монашество] стремилось к спасению отдельных лиц, а не христианского общества в целом" [с.516].

"Монашество углубляло нравственное сознание Церкви. На место церковного учения о фактических грехах, как смертных грехах, монашество поставило своё учение о главных грехах, как могущественных враждебных наклонностях, которые внутренне присущи каждому человеку и борьба с которыми должна составлять задачу его жизни" [с.517]. "Другие отличия Римской Церкви от Восточной литургического, канонического и обрядового характера, как совершение Евхаристии на опресноках, возведение диаконов прямо во епископы, celibat, пост в субботу и др." [с.551]. "Этнографическая причина [разделения Церквей] – это различие в гении, характере грека и римлянина, исторически проявившаяся бесспорно и признаваемая всеми" [с.552].

"Проф. А.Гарнак, не отрицая значение в деле разделения Церквей богословских споров, иерархического властолюбия и национальных резких особенностей, основную движущую причину данного явления указывает в различном ответе на вопрос об идеале жизни". А.Пихлер: "главной причиной великого Церковного раскола было образование франкской империи, как

наследницы Римской, а потом ненормальное отношение Церкви к государству, на Востоке – сервилизм со стороны правящего клира" [с.557].

В.В.Розанов. Пасха в Соборе св. Петра // Иная земля, иное небо. М., 1994: "Ведь "religio", "связь Бога и человека", есть гармония земли и неба, и в храме, месте молитвы, должны быть проведены две черты, земная и небесная, во всём, в пении, в архитектуре, но особенно в освещении" [с.95].

Его же. По старому Риму. // Там же: "Кровь – по-нашему вообще не тайна. А если – не тайна, то незачем, конечно, и в жертву богу приносить кровь, но и, обратно, незачем удерживаться, мистически удерживаться, религиозно трепетать перед её пролитием. <...> В крови нет тайны – и в мире нет тайны. Если нет тайны в быке, с какой стати она будет в траве, в камнях? Они, во всяком случае, меньше живого" [с.110-1].

Его же. Дети и монахи в садах Боргезе. // Там же: "... католическое духовенство мало что имеет в себе общего с нашим. Несмотря на общность наименований: "священник", "монах", "епископ", на общность дел: "литургия", "проповедь", "совершение таинств", – восточное и западное духовенства до неузнаваемости расходятся, до обвинений в "ереси" противоположны по всей своей нравственной, и умственной, и религиозной, структуре. Они различны, как движение и покой; как жизнь и смерть; по внешности они не сходны, как офицер и нищий [с.118]. "Самое безбрачие там не имеет смысла нашего безбрачия" [с.116].

Его же. Капри. // Там же: "Свет имеет качества, почти психические качества. Красный цвет груб – это всякому понятно; чёрный цвет мрачен – это все говорят, но слово "мрачен" есть уже определение психологическое. Говорят, жёлтый цвет завистлив; я этого не утверждаю, но я это слышал. Какой же порок имеет в себе голубой свет? Может быть, только порок бессилия, последствие его воздушности. Чёрный цвет падает на землю, это – смертный цвет, тогда как лазурный, естественно, струится ввысь, он имеет крылья. Вот маленькая психология цветов, которую я хочу объяснить то чувство душевной ясности и весёлости, которое почувствовал, установив взгляд на зрелище" [с.186-7].

Его же. Помпеи. // Там же: "С этими мыслями я вошёл в Помпеи, таинственный город, засыпанный заживо пеплом Везувия и в настоящее время открытый любопытством учёных. Я назвал его "таинственным", потому что считаю вполне таинственным весь древний античный мир, "засыпанный" гораздо глубже и гораздо сильнее "извержением", какое две тысячи лет назад началось из Галилеи и потянулось на Запад. Что мы от него имеем...?" [с.200]. "В сущности, мир так и остаётся до сих пор загадкой, и если мы (через науку) знаем одежду вещей, то не знаем души вещей. Можно отлично знать расстояние Солнца от Земли, объём его, вес его и не знать совершенно, есть ли оно камень горящий или живое тёплое существо?" [с.206-7].

Его же. По тихим обителям. // Там же: "И снова я вспомнил, в учении "божиих людей", знаменитую догму о "таинственной смерти" и "таинственном воскресении": что сперва надо таинственно "умереть для мира, всё мирское изгнать из себя; тогда душа останется одна, в себе, и в ней обнаружится "малый росток" новой и другой жизни, которая начнёт с этого времени увеличиваться, и человек ещё здесь, на земле, узнает тайну "воскресения" [с.247].

"В монашестве христианство получило себе стиль, т.е. получило тот "вкус", который управляет бесчисленными подробностями религиозного выражения. Это важнее догмата, это неизмеримо его важнее! Догмат есть мысль, знание, ведение, а религия, во всяком случае – не ведение, а биение сердца, скорбящего, умилённого или переживающего ещё тысячи чувств! Она вечна в человеке. Всякий человек, почти всякий, есть центр крошечной религии, особенной, таинственной, своей: и только оттого, что вообще люди не несходны, что они сцепляются в массы, эти крошечные религии сливаются в одну, большую. Нет, собственно, двух человек с абсолютно тождественною религиею, "вера" коих походила бы, как "а" и "а" в алгебре" [с.247-8].

"Мне кажется, существо "отшельничества", в первой и чистой фазе его, и заключалось в желании "уйти от греха". Ибо "грех" всегда является от замешательства обстоятельств, от столкновения их с лицом человеческим и лица человеческого с ними. Уединись – и станешь немного лучше. Уединись надолго – душа успокоится. На этом основаны религиозные идеи отдыха, праздника (бесшумного) и покоя. <...> и душа очистится, станет прозрачна, как слеза росы на зелени, без мути в себе, без пыли на себе. Она сольётся с природой, сделается от неё неразличимой. И природа как бы уже прижизненно вберёт в себя такого человека, как она вбирает всякого после его смерти. И тогда придут к такому человеку животные, не боясь его, даже любя его, даже понимая как-то его, – и он их постигнет новым постижением" [с.259].

"Вообще как есть двойные звёзды, друг около друга вращающиеся, так есть, мне кажется, и "двойные" душевные болезни, где два субъекта связаны таинственной нитью" [с.263]. "Сосновые леса я всегда любил, за их душистость, за угрюмость и таинственный, о чём-то доисторическом говорящий, шум!" [с.265].

Его же. Капище Молоха. // Там же: "Тут я понял, что такое стиль: всё здание было из кирпича самого обыкновенного и из стекла – и больше ничего! Но какое впечатление! Душа моя и стонала, и ликовала, – ибо я люблю новые ощущения. "Стиль" есть настроение, и только настроение, души человеческой, выразившееся в камне: и здесь это было настроение монолитное, монотонное, вечное, "до скончания мира", – страшное по напряжению, как бы влюблённость в некую идею, чёрную или светлую – всё равно, и которое вдруг заворачивало камнями и подняло скалу на скалу" [с.288].

Его же. Возможный "гегемон" Европы. // Там же: "Ну вот немцы никогда такого "пороха" не выдумывали, как этот тревожный, таинственный и лживый католицизм" [с.318]. Его же. Полупонятные руины. // Там же: "Наше "крещение" есть обрядовое и вместе таинственное, сакраментальное, священнодействующее "погружение в воду" ещё евангельских времён" [с.511-2].

В.В.Бычков. К., 1991: "В молитве мистическое постижение божества неразрывно соединено с его глубочайшим почитанием и ликующим восхвалением (воспеванием)" [с.109].

А.Белый. Символизм как миропонимание. М.,1994: "Для них [т.е. для младосимволистов, или соловьёвцев] художник не только творец образов, но и демиург, создающий миры; новое искусство в основе своей религиозно, это теургия – магия, с помощью которой можно изменить ход событий, "заклясть хаос", подчинить себе при помощи слов" [с.5].

Г.П.Федотов. Трагедия интеллигенции//т.1. СПб., 1991: "Но ведь "умозрение" открывается в слове. В этом его природа – природа Логоса" [с.76].

Его же. Защита России//т.2. СПб., 1991: "Я думаю, что дело сложнее и что в нас говорит опыт нового чувства России, выношенного в боли и муках последних десятилетий. Это чувство я определил бы, за отсутствием другого слова, как чувство хрупкости России" [с.122].

Л.Н.Гумилёв. Этносфера. История людей и история природы. М., 1993: "Провансальские катары, ломбардские катерены, болгарские богумилы, малоазиатские павликаны, арабийские карматы, берберийские и иранские исмаилиты, имея множество этнографических и догматических различий, обладали одной общей чертой – неприятием действительности" [с.467]. "Поставим вопрос так: что общего между исмаилизмом, карматством, маркионитским павликантизмом, манихейским богумильством, альбигойством и некоторыми вывихами тамплиеров?" [с.472].

Его же. В поисках вымышленного царства. СПб., 1994: "Сокровенное сказание" с полной определённой сообщает нам, что Тенгри был не единственным богом монголов. Наряду с Небом упоминается Земля – Этуген" [с.246]. "Там этот бог называется Вечным Небом. Монголы различали материальное "голубое" небо от духовного "вечного" неба" [с.247]. "Даосизм, буддизм, конфуцианство, джайнизм, подобно шаманизму, обладают всеми качествами религиозных доктрин, исключая признание Бога-существа" [с.249].

"Онтологическое зло никогда не приравнивается к субъективным неудачам, потому что формулировка этого понятия основывается на том или ином понимании космоса. Так, в зороастризме Ариман – равноправный соперник Ормузда, владыка полумира; в манихействе злом является материя в любой форме; в буддизме зло – это страсть... "[с.248]. "Общее в буддизме и боне (митраизме) – указание верующим делать добрые дела и стремиться к самосовершенствованию, но понимание добра и цели, ради которой следует со-

вершенствоваться, прямо противоположны. Буддисты считают добром либо "неделание", либо пропаганду своего учения, которое в конечном счёте ведёт к тому же "неделанию" ради полного исчезновения из жизни" [с.255].

А.Хейдок. Радуга чудес. Рига, 1994: "Кланяется посетитель: "Помоги, Гуру! Меня несчастье постигло. Плохо мне!". Николай Константинович [Рерих] ласково похлопывает его рукою по плечу, поглаживает и по-русски говорит: "Тебе будет хорошо! Хорошо будет!". При этом он суёт в карман посетителю несколько рупий. И, просветлев, уходит посетитель" [с.340]. Ираида Михайловна Богданова свидетельствует о силе слова Учителя, как и доброго отношения к бедняку, видимо.

18/10/95. Мария, едва очнувшись, снова и снова: "Дедушка, не молчи. Опять горит, начинает жечь. Говори, дедушка!" – "Ну, хорошо". Что же это может значить? Ей, бедной, моё слово помогает, как лекарство. Лучше, чем таблетки и уколы. Посчитал до десяти, – спит. Мне неловко называть пошлые числительные (с каким же таким смыслом?). И я читаю "Отче наш"... Прочёл молитву, – и снова успокаивается и также засыпает. Ей требуется голос. Голос убаюкивает, усыпляет, выводит из мира бодрствующей реальности и сознательности, уводит в таинственный сон, в ту же мистику. Болящая в полусне далее: "Дедушка, говори. Мне плохо, когда ты молчишь". "Дедушка, ты свои слова говори! Говори свои слова!". (По-моему, это фобия).

5/11/95. Нас, людей, на белом свете огромное множество – и так неисчислимые, миллиарды всё продолжают расти. Некоторые из нас, естественно, твёрдо верят в чудеса или склонны поверить в нечто чудесное. Другие, напротив, сами ли, под влиянием ли других, решительно отрицают всё необъяснимое, таинственное и мистическое. Люди отличаются друг от друга разумностью, чувственностью и чувствительностью, – будучи субъектами с разной степенью уверенности, верования, доверия, доверительности или, напротив, неверия и бесчувствия. Один скажет: "Это было". Или "могло быть", или "может быть", словом, "не исключено", и это уже как бы предположение или хотя бы неуверенность, колебание духа. Другой же, более самоуверенный, утверждает категорически, или полностью отрицает, саму возможность: "Нет, никогда!".

Человеку разумному свойственно сомневаться, колебаться в принятии решений. Люди рождены разными. Между ними наблюдаются некие различия, хотя в принципе нет существенной разницы, каждый чувствует и придерживается какой-то версии (понимания). Взгляды меняются, т.к. человек сам меняется внутренне, в себе, и по отношению к другим, к миру. Причём подчас нам только так кажется, и не всё зависит от тебя. Довольно часто ты лишь посредник и проводник иной силы, которая очевидно и по-хозяйски

распоряжается тобой. В конечном счёте, вера и неверие, знание и незнание, понимание и непонимание – всё условно и завязано в сложный узел.

Всё многообразие ощущений, чувств, знания и точек зрения отражается в поведении и действиях, в речевой деятельности – и застывает в языке, как лава, в отложениях речи, последствиях вулканических извержений. Идёт вечный поиск и спор, борьба и соперничество, продвижение, сотрудничество и столкновения, объединение и разъединение, схождение, солидарность и расхождение. Всем этим, если не управляет, то направляет и занимается язык (сознание). Он то средство и фиксатор, накопитель и свидетель (память), судья и участник, мудрый друг, справедливый соперник и коварный враг, порой злой, жестокий, немилосердный. Язык гениален и низок, высок и жалок, даже пошл. В нём встретишь всё, что есть в нас. Ибо он с нами, а мы в нём.

Мир устроен сложно, он многообразен и разнороден, в нём разные страты, сферы, слои. Вероятно, мир, как и сознание, всё же иерархичен. В нашей вселенной мы улавливаем некую ступенчатую и последовательную структуру, растущую мега-организацию. Вокруг себя в мире разум обнаруживает элементарное и сложное, со стадиями и переходами от одного качества к другому. В нём находит себе место телесное (плотское) и духовное, неорганическое и органическое, элементарные частицы, простейшее, простое и комплексное, всё более спаянное. В мире материальном и в мире духовном всё то же: своё устройство, связи и иерархия ценностей.

Все мы, естественно, по самой природе своей противоречивы, своеобразны и изменчивы, как во времени, в течение и продолжении целой жизни, так и в отдельный момент, каждый данный миг своего существования. Мы отличаемся друг от друга, и от самих себя тоже, по задаткам и способностям, по своим возможностям и реальным свойствам, по содержанию и наполнению. Однако всех нас, столь разных и неповторимых, так или иначе, соединяет и удерживает общий язык, который, соответственно, тоже гибок и подвижен, он колеблется и сам меняется вместе с нашими мирами.

Таким образом, язык – как бы лишь общее пространство существования, твой дом и твоя родина, привычные подмостки и сцена. Всякий, кто приобщён к языку от рождения, или владеет им с раннего детства, включён в это родное и родовое гнездо, занимая в нём своё отдельное и исключительное место, однако никак не заполняя собой всё это общее пространство. Оно для всех как бы общежитие и гостиница, и там постоянно сменяется состав временно проживающих. Множество других участников спектакля жизни и сообщников в игре, может быть, более славных, талантливых, способных, хотя все роли одинаково необходимы, раз они там явились. Но не совсем верно утверждать только лишь, что мы все в этой жизни очень уж различные.

"Разные", – пожалуй, не то слово, что нужно было бы применить в данном случае, оно не вполне справедливое, тем самым, скорее, неудачное и неточное. Так как, на самом-то деле, все мы тут у себя дома и одинаковые и разные одновременно, уж так устроено и сложилось в этой жизни. Разномастность и многостепенность, постепенность и ступенчатость развития в однородном и природном ряду живых существ, – по сути вещей все мы всё-таки в единстве, в одном круге и сущности жизни, хотя и каждый в своей фазе и определённом месте в данный момент. Таков мир, таково сознание (развитие), таков человек (сущность) – и таков язык, органическая и составная часть первых трёх систем, как бы их перекрёстное отражение.

В бесконечном мире природы, в человеческом сознании и в языке наблюдается огромное разнообразие форм, от естественного до неестественного и сверхъестественного; объяснимого и необъяснимого; определимого и необъятного; понятного и непонятного; очевидного и невероятного; земного, человеческого и божественного; тутошного и трансцендентного, потустороннего. Причём названы выше не полюсы, противоположные предельные точки, а непрерывные переходы и линии, или многоступенчатость и постепенность их. Такова философская основа понимания действительности, реальности, мира, человека, его мышления и философия языка, сопряжённого с субъективными и объективными началами и каналами.

Из сказанного следует, что в таком представлении и картине живого мира полагается наличие чудесного и метафизического начал общения и сообщения, как и в языке, применении и происхождении. Вне сверхъестественного, мистического и таинственного, познание и описание языка слишком неполно и обеднено. Его грубо натуралистическое объяснение (умолчание) упрощает и искажает объект наблюдения и изучения. Без учёта духовности и вне теории всеединства осознание действительного языка (и сознания) слишком однобоко и неполно. Дух и дыхание мира и языка – это их самая изначальная сердцевина, важнейшая часть, сущность и смысл. Отчуждение и исключение наиболее существенного и живого начала слишком искажают план, модель и сам предмет исследования, и они не пошли на пользу нашему языкознанию.

В человеческом языке многое, едва ли не наиболее важное – первоначала, – основано на подражании, вере, доверии, доверчивости и непосредственности чувства, не только и не столько на расчёте и строгой логике, обоснованности и непреложности аргумента, доказательстве и сознательности. В нём, как и в жизни, многое принимается просто, на основе прецедента, случайного выбора и волевым путём. В языке большую роль играет случайность, и влиятельна авторитетность. И часто в языке отражается то, что кому-то покажется. Язык – мнение, т.к. ему постоянно только мнится, и он иллю-

зорен. Кроме того, в нём скрываются также задатки игры. От научной и строгой логики до странной мифологии и чертовщины – всё заключено в нём.

У человека, кажется, есть право на ошибку, и он может ошибаться при выборе пути и варианта своего поведения. И люди постоянно ошибаются, ибо это их природное свойство, свойство живого, свойство самой жизни – эволюционное движение посредством индивидуальных проб и ошибок в жизнедеятельности и, особенно, в творчестве, т.е. в новаторской деятельности, в изысканиях и открытиях. Поэтому и языку, практическому сознанию, также свойственны колебания, варьирование, переборы, отгадки, а не удачное попадание непременно и постоянно в десятку. Люди ищут, пробуют и ошибаются во всех сферах своей деятельности.

Найдя и угадав решение в жизни, мы двигаемся дальше, к своей цели, желаем и стремимся к новому ощущению и знанию. И совершаем новые пробы и ошибки в практической и в теоретической деятельности: в быту и в труде, в учёбе и на производстве, в науке, медицине, политике, торговле, посредничестве, философии, религии, – одним словом, повсюду, где дышим и действуем, сознательно или бессознательно. Живые и грешные, люди – не боги и не святые. И так же вовсе не совершенны наши поступки, помыслы и язык. Живое существо в общении с другими значительную часть свободного времени проводит в "пустой" болтовне, и в этом выражении солидарности он находит для себя какое-то странное удовольствие.

В чём же основная причина разнообразия стилей жизни, как и средств общения? Все мы – люди, очевидно, неповторимые и в чём-то своеобразные, разные даже внутри одного рода и племени. И всё это потому, что, явно же, зависимы от внешнего мира, обстановки и обстоятельств, и неотвратимо приспосабливаемся к природе, словно бы приписанные к среде своего обитания, постоянно или временно, как и к социальной своей роли и общественному положению. И ведём себя, и говорим (общаемся) – соответственно случайно выпавшему на твою долю лотерейному билету и согласно верховному закону судьбы, божьему ли?

В мире природы не встретишь униформы, всё разнородно, и в нашей жизни также не должно быть однообразия или полного равенства и уравниловки. Вокруг и у нас жизнь многообразна и многообразна, разнолика, так же своеобразно и наше видение, восприятие и объяснение окружающей действительности. Не было и не может быть на самом деле одного мироощущения и мировоззрения, одного образа жизни, единственного языка и одного универсального стиля на все случаи существования. В божественном Космосе и на грешной Земле, в самом обществе и в сознании принципиально всё устроено иным и своим, особенным, образом: там и везде один и всегда такой разный мир, неисчислимо множество отдельных миров (мироустройства).

И такой плюрализм мнений во всём, ибо у людей, помимо прочего, различные взгляды, ценности и оценки. Следовательно, и довольно разное восприятие называемого (именуемого), идеи, факта или реальности. Естественно, что это отношение к вещам переносится и на их название (имя, наименование), на слова. Скажем, мясо, продукт и слово, – очень разное для голодного и для сытого, для вегетарианца, обжоры или гурмана. Слово свинина – у магометанина может вызвать примерно такое же к себе отношение и ощущение (реакцию), как для нас, допустим, конина или, точнее, собачина и кошатина. Название вызывает или блокирует аппетит. Неслучайно же наши дети, подрастая, шумно забавляются игрой "съедобное или несъедобное".

Крыса, видимо, вызовет у нас отвращение – и животное, и название. Пожалуй, даже хуже жабы. Как и змея? Хотя вот японцам, говорят, та представляется удивительно привлекательной и разумной, работает свой мифологический образ. А нашей публике, безусловно, существо несимпатичное – ядовита, смертельно опасна, чего доброго ужалит, пресмыкающееся, или плазун. "У, змея! – вредина, коварна, бессердечна и отвратительна, если женщина. А вот мышь (мышонок, мышка) другое дело, совсем другая ассоциация: милое сказочное существо. Многие слова способны вызывать и положительные, и отрицательные представления, более или менее определённые, и небесспорные, и разнонаправленные, амбивалентные.

Разную ценность имеют иероглифы для китайцев, и их там обычно выбирают, как мы имена для своих детей, ибо в них особая, и не только мифологическая, значимость, влиятельная, которая может сказаться и на судьбе человека. И у нас, очевидно, в принципе такое же глубокое почитание к слову и поверье кроется в душе, как у китайских мудрецов, и каждое произнесение что-то таинственное всегда ещё означает, помимо очевидного и прямого предметного своего значения. Именно поэтому довольно тщательно подбирают имена, прозвища и названия существ, которые по определению всегда существенны, или немаловажны, для всех нас.

Мария просит друзей почему-то не называть её "Машей", а только "Маришей". Кто знает и скажет, отчего же такой, казалось бы, странный выбор? Те или иные предпочтения, можно сказать, неизбежны, как и при покупке и приобретении дорогих и важных тебе вещей. В далёком детстве меня звали Вовой родные в семье и товарищи, уже позднее для всех родственников и своих стал Володей. Произошла вдруг смена караула или униформы. С языком часто так бывает, что одно как бы больше подходит, чем другое. Тогда подходило мне, теперь вот нет. Конечно, какой-то субъективизм, но никакой случайности: что-то влияет на выбор.

На некоторые слова накладывались табу, или запрет: не следует употреблять их вслух, чтобы не разбудить злые силы и не привлечь к себе неприятности и опасности, неурожай, недород и голод, землетрясение, навод-

нение, засуху, войну, голод, болезни и мор, словно бы это духи, живые существа мифические, которые постоянно кого-то подстерегают. И к таким словам (зовам) искони отношение явно мистическое и суеверное у человека, и не только лишь примитивного. По-прежнему люди стремятся строго следовать зароку и зову предков – и не называют особенно страшные болезни, на себе не показывают, когда говорят о посторонних болях.

Может быть, именно в том намёке, сочувствии и ареоле знака (в определённой коннотации) и скрывается дополнительная заряженность и энергетика слова, сила воздействия, внушения и влияния на сознание? Не зря же словами и интонациями пугают или привлекают и восхищают людей, детей и взрослых. Кагэбист – противно и страшно, как бабай. Чтобы успокоить слишком уж расшалившегося ребёнка, неприхотливая бабушка вдруг вспомнит из старого репертуара: "Вон дядя милиционер тебя заберёт!". Подрастёт тот малыш – и переживёт детскую страшилку. Страж порядка тогда превратится у нас в шутовского "мусора", или мильтона и лягавого.

Страшным остаётся слово "фашизм", им продолжают пугать людей до сих пор, потому что Гитлер, террор, геноцид, гестапо, концлагерь. А разве у нас не было в стране тоталитарного режима, народ не был закрепощён в колхозах? КПСС, рабство, ГУЛАГ, психушки для диссидентов, но не всем та история противна, и кое-кто до сих пор продолжает чтить кумира Ленина и бредит советской властью. Каждый человек ограничен в себе, по-своему видит и верит в действительность, пусть субъективно воспринимает, чувствует и ощущает окружающий мир. Зададим каждый себе жёстко вопрос: каков же я, мой язык, сознание, мировоззрение и стиль жизни?

Кто скажет мне, болен ли я или здоров, слеп или зряч, музыкален или глух, плохо ли слышу и не воспринимаю голоса и звуки, и каков ты по природным задаткам и развитию? Ясно, что не гений и не талант, может быть, человек всего лишь средних способностей, хорошо ещё, что не пустая посредственность, туп или глуп, полный дурак или абсолютный идиот. На что же можно рассчитывать мне, в конце концов, чтобы как-то устроиться и преуспеть в жизни хоть в чём-то: в науке, искусстве, ремесле, строительстве, политике, торговле, воспитании, обучении, лечебной практике, в военном деле или каком другом промысле, мало ли их на белом свете? Но зачем же?

Слово – название, имя, обозначение и просто метка. Оно может быть более или менее удачным, подходящим или, напротив, случайным и даже зловредным в использовании, вызывая то удовлетворённость, понимание, спокойствие и равновесие духа, его подъём, энтузиазм, радость, а то и возмущение, досаду, раздражение и осадок. Слово объединяет или разъединяет нас, спасает или губит наши души. Когда мы устанавливаем роли слова и определяем назначение языка, следует оставаться независимыми диалектиками, не ограничиваясь первым пришедшим тебе в голову мнением и од-

ним суждением. В односторонности и предвзятости едва ли не всегда есть опасность впасть в заблуждение и ошибку. Очевидно, вообще в сложном вопросе неизбежно внутреннее противоречие и потому никогда не может быть одного бесспорного ответа, как и окончательно простого решения.

Многое уже названо, что мы знаем и чего не знаем, но наряду с тем многое в этом мире ещё никак не называется вообще, не получило и не имеет своего имени, ибо далеко не всё человеку известно, многое остаётся неизвестным нашим современникам. Мы вовсе не всё в состоянии теперь видеть, понимать и знать, не всё уже обнаружено или значимо, не во всем люди удостоверились и уверены. Мир наш постепенно становится и строится, постоянно продолжая открываться всё больше и полнее. Мы знаем только то, с чем успели справиться и чем овладели. Но это далеко не всё, что может быть вокруг нас и с нами. Знание, как важная часть жизни, тоже растёт, формируясь и определяясь потребностями и интересами. Знания приобретаются и сохраняются в слове, как и передаются и сообщаются другим людям и поколениям. И словарь – переменная величина – прямо соотносится с объёмом и качеством наших знаний.

В практической жизни человек всё же понимает больше, чем может высказать или назвать. Если же умеет что-то сделать, то значит, что он так или иначе владеет своим предметом и мастерством, то есть как-то по-своему понимает своё дело, хотя бы интуитивно и бессознательно, пользуясь методом проб и ошибок. И далеко не всегда грамотей и самоучка сумеет объяснить себе и другим доступно и членораздельно, без жестов и показа, что и как называется и творится. Совсем не то спекулятивная философия и гуманитарная наука, там слова обязательны, первичны и органичны. Как и в поэзии, где суть в самой форме, звуках и словах, не в чистых смыслах.

Таким образом, реальные слова не существуют самостоятельно и сами по себе, отдельно, они живут в определённом пространстве и связаны с нашей жизнью и с миром. Поэтому изучать их приходится, по меньшей мере, сначала как часть этноса и языка, который в свою очередь есть часть общения и познания, или жизни сообщества, которая со своей стороны, в конце концов, включена в неохватный мир (вселенную). Сферы последовательно вписаны друг в друга.

Во всяком случае, ещё никто не смог ни доказать, ни опровергнуть сколько-нибудь убедительно внеземное, или космическое, происхождение человеческого и магического слова (и языка). Такая версия, почти библейская, чем-то уже сама по себе заманчива и притягивает к себе, продолжает нравиться мне, – ибо она романтичнее и богаче, нежели теория социального детерминизма и дарвинизма. Наши далёкие предки засматривались вверх и по ночам видели глубокое звёздное небо, мысленно поднимаясь и заглядывая в таинственные и божественные выси и в недра Вселенной. Взывались голоса

и инопланетные духи, являлись светлые образы и мысли, из беспомощных звуков рождались первые слова и робкие взгляды на природу вещей.

Карта звёздного неба заполнена точечными знаками созвездий, и у каждого из них своё положение и неслучайно имя. Параллельно и созвучно с этим отвлечённым зрелищем, и общая языковая картина мира также складывается из различных полей и объединений слов-названий, и подвижный этнический словарь в целом отражает осваиваемую исторически и членораздельную реальность. Если и есть у человечества что-то от Всевышнего, то это в первую очередь Слово как удивительная и волшебная способность творить новую действительность, затверживать и удерживать в пространстве времени мысль.

В молитве не всегда, но довольно часто и или иной раз, обнаруживается обращение и приобщение к божественной святости. В человеке (как у Жанны д'Арк) порой прорывается и говорит голос божеский. Слово – по своей природе полубог-получеловек и творческое начало жизни. Письменность (тоже слово) оставляет в истории духовный след и богатое наследие.

Нечто неотчётливое и неясное, видимо, ещё не установлено и не имеет своего определённого названия-имени, и приходится называть как-то по-своему и сложным образом. Сказанное означает, что в нашем представлении могут заранее брезжить такие пока неясные и неопределённые образы будущего, или явлений, которые ещё даже и не существуют, а потому не определены и никак не названы. Очевидно, правильное и продуктивнее здесь говорить о взаимозависимости, координации, спаянности феномена и названия, вещи и имени.

Названия чудесно маркируют, обозначают и означают нечто, разнообразя и детализируя охватываемое пространство жизни и, собственно, среду своего обитания. Словарь человеческий есть удивительное средство и результат осознания всей действительности, градации, распределения и конкретизации, уточнения стадий, форм, свойств, состояний в мире. С помощью слова мы выделяем некие сферы, устанавливаем и различаем в них смыслы, ранги, ценности, последовательности, тем самым как бы ограничиваем и распутываем акции всевозможных обликов вещей, по их качественным связям в целостности всеединства мира.

Дж.Стейнбек. Зима тревоги нашей: "Мне приходилось читать, что в средние века верили, будто в созревающих девушек вселяется нечистая сила, и я не берусь отрицать это" [с.28]. "Но лучшей из лучших была моя тётушка Дебора – сибилла, пифия, учившая меня магическим, бессмысленным словам. И, вложив потом в эти слова какой-то смысл, я переставал ощущать их власть над собой. "Ма бесвик фор орм тра фэгир вур". "Сео лео гиф хо плай онбирит авит эрест айр лэдтоу". Слова эти были какие-то волшебные, иначе я не помнил бы их до сих пор" [с.57].

С.Н.Лазарев. Диагностика кармы. СПб, 1994: "Скверная мысль о человеке, негативное слово в его адрес – это нападение на энергетическом уровне и расплата за это..." [с.97].

"Младшая девочка в этой семье очень боялась высоты, по ночам постоянно кричала. Я провёл диагностику и увидел, что у матери до её рождения было прерывание беременности, и поле неродившегося ребёнка соединилось с полем девочки. Я объяснил женщине её вину, она осознала её, сходила в церковь и попросила прощения за неродившегося ребёнка. После этого поле девочки выровнялось, она перестала кричать по ночам. Это был один из первых случаев, когда я ощутил, как сильно значение слова, как оно может лечить" [с.106].

"Я понял, как легко человек, владеющий методом экстрасенсорного тестирования, может переключиться с медицинской диагностики на техническую. При обсуждении результатов диагностики я объяснил, что ничего мистического в возможностях метода нет, это проявление законов, ещё не осознанных и не понятых многими" [с.121].

С.Н.Лазарев. Диагностика кармы. СПб, 1995: "Санскритское слово "Карма", вернее "Карман", означает в буквальном смысле: обязательность, действие" [с.47]. "Не понимая, откуда идут явления нашей жизни, мы даём им название "судьбы", "случайности", "чуда", но эти слова ровно ничего не объясняют. <...> Положение, в котором мы находимся в каждую данную минуту, определяется строгим законом справедливости и никогда не зависит от случайности. "Случайность" – понятие, созданное невежеством; в словаре мудреца этого слова нет" [с.67-8]. "Любая фраза является информационной группировкой. "Слово – не воробей", а программа, организм, взаимодействующий в поле с другими программами" [с.95].

П.С.Автономова. Мишель Фуко и его книга "Слова и вещи". // М.Фуко. Слова и вещи. СПб., 1994: "Отличительным признаком этой трехосновной эпистемы оказывается проблема человека как биологически конечного существа, обречённого на труд под страхом голодной смерти и пронизанного структурами языка, созданного не им, возникшего раньше него" [с.16].

А.Швейцер. Благоговение перед жизнью". М., 1992: "... тогда человечество благодаря общим усилиям избавится от застоя и регресса в своём развитии и, сделав огромный качественный скачок, превратится в такой феномен, для которого у нас пока ещё нет даже подходящего названия" [с.159].

Д.С.Лихачёв. Размышления над... // НМ, 1988, №7: "И вот его чрезвычайно важные размышления-чувства (чувств больше, чем размышлений)".

А.Синявский. Что такое социалистический реализм? "Рассуждая строго логически, "советская власть" и "социалистическое государство" – это одно и то же. Но эмоционально – это совсем разные вещи. Если против социалистического государства у меня что-то есть (самые пустяки!), то против со-

ветской власти я абсолютно ничего не имею. Это смешно? Может быть. Но это и есть романтизм" [с.452].

"Для космополитов космополитизм – это высокое понятие, а для других оно подобно ругательству. На самом деле, как мне кажется, представление о космополите как гражданине мира содержит в себе элемент чрезвычайно высокий и значительный" [с.521]. "Космополитизм можно понимать как единство человечества, которое основывается на национальной индивидуальности и идёт выше этой индивидуальности" [с.522].

"Однако если быть откровенным, какой-то осадок от этого слова "диссидент" всё-таки остался". "Сам термин "диссидент" уже стал применяться, как правило, в политических целях, и что он означает, это в высшей степени было непонятно". "... слово "диссидент" вызывает большое раздражение у людей, которые хотели бы сами слыть "борцами за свободу", но у них смелости не хватило" [с.524].

Л.Л.Карсавин. Государство и кризис демократии//НМ, 1991, №1: "Русские говорят: сколько голов, столько умов, – и ошибаются, голов намного больше. Несомненно, что, становясь членом большого собрания, человек перестаёт самостоятельно мыслить: чем многочисленнее собрание, тем больше его участники зависимы" [с.187].

Антоний Блум. // НМ, 1991, №1: "Как только вы надеваете какую-нибудь форму, будь то военная или ряса, люди ожидают от вас определённого поведения, и вы уже как-то приспосабливаетесь" [с.229].

2. Словесность в просвещении и познании окружающего мира

Многим из нас всё же мешают личные недостатки и недомогание (а то и амбиции) в части просветления ума и прозрения, просвещённости и познания себя и мира, и не каждый готов всегда признаться себе в том, что ему-то может быть что-то не под силу узреть, понять и освоить. Мы привыкли к поверхностным и досужим школьным занятиям и, подобно школярам, ведём себя так, словно всё стоящее, что нужно тебе в жизни, нами уже усвоено в достаточной мере. Вернее, те сведения, которые сообщены и нами получили, полноценны и непоколебимы. И никак не чувствуем и не признаемся в ограниченности их, как и способностей и своих знаний.

Всякий предмет и форма, что заметили и выделили в потоке окружающей жизни, имеют разную значимость для людей: то или иное одних заинтересует больше, других меньше, третьих вовсе не трогает, и не обратят внимания, пройдут мимо. Отсюда и реальный смысл вопроса (обсуждения): что это для нас? Часто мы не понимаем, зачем задавать вопрос, к чему, – и так ясно: то, что видишь. Для нас вообще нет никакого вопроса, ес-

ли нет уже хоть какого ответа и интереса. Если человека трогает предмет и он ему близок, то постановка вопроса о значимости, сущности и существовании глубже, и направлена на большие подробности и детали.

Один из главных вопросов познания: "что это такое?". Что для нас язык или слово, что такое по своей сути дух и сознание, психика, чувство и творчество, искусство, сила и воля, любовь и т.п.? Чтобы отвечать на вопрос, следует прежде осознать философски самому суть постановки задачи, разобравшись в смысле вопроса, и в первую очередь, что же значит тут неопределённое "что такое". Одно дело, если сам не знаю и хочу узнать, и другое – когда хочу выяснить, как это понимает другой. Разные требования к уровню прояснения сути вопроса, к полноте и глубине: то ли намёк и версия, то ли по существу и суть предмета. В самом вопросе кроется многозначность, разные установки и возможности.

Это не совсем одно и то же в понимании, три уровня. 1-й уровень – внешний, поверхностный, очевидный и явный: *Что-нибудь* всегда можем знать (узнать), выяснить, сообщить, какое-то мнение, как сейчас тебе кажется. 2-й уровень – множественный и суммарный, сборный: *Всё* об этом предмете – все мнения, все возможные и реальные суждения и отношения – собрать их и сообщить уже, конечно, сложнее технически, т.к. мало ли кто что имел в виду и высказал. 3-й уровень – обобщённый и сущностный: *Самое существенное* об этом, глубинное, основное, главное, – значит, проникнуть в некую суть и тайну предмета. И тут уже начинается соперничество сторон, сталкиваются интересы и разгораются споры.

Человеческое любопытство и интерес (потребность) – суть всего информационного процесса и костяк общения, или коммуникации. Вопрос – это по самому своему содержанию означает 'хочу/надо получить ответ/сведения/знание'. "Что такое?" – фигура и внешний знак любознательности и вопрошания, и представляет для филологии и философии значительный интерес. "Что есть где-то вокруг нас и зачем всё это, и что же всё это такое?" – такой общий вопрос, самый неопределённый и очень разный. Уточним и перефразируем его: что же такое сам вопрос о вопросе и о "что такое?". Так встаёт перед нами ещё одна тема для расшифровывания и для смыслового разбора: Вопрос и ответ. Спрашиваем – отвечаем. Не знаем – узнаём. Проблема и решение. Интерес и удовлетворение интереса. Стимул – реакция.

Далеко не все у нас сразу догадываются о том, что в вопросах (запросах) и ответах, кроме практического и житейского смысла, возможно также и научное, философское, метафизическое, таинственное и религиозное, или сакральное звучание, имеющее подчас самое первоначальное (первоочередное) значение. Таким образом, в вопросе о сущности предметов и назначении знаков (знамений) как бы несколько ключей и планов. И всякий раз

при использовании слов в общении нужно вовремя уловить определённый подтекст и, кстати, настроиться на соответствующий лад.

Такое различие смысла обращения важно для ведения диалога: чтобы настроиться либо на краткий и определённый ответ, либо на более продолжительную и основательную беседу с целью совместного поиска обоснованных сведений, устремляясь к истине. Не всякий вопрос имеет готовый ответ, хотя можно найти, что ответить, первое попавшееся, что взбредёт в голову – есть такое поведение и отношение, одно соперничество. Но бывает, что вопрос, не имея определённого ответа, ставит в затруднение, ибо нам не дано знать всей глубины предмета – и это уже иной стиль. Философии и другим наукам ближе признание ограниченности в знании мира.

Вернёмся к нашему предмету и вопросу, что такое слово (и язык). Потребуется целая лекция или проповедь, и не одна, чтобы ответить примерно на поставленный вопрос и раскрыть тему. И это с учётом того, на что вопрошающий и внимающий читатель и слушатель настроены в первую очередь: то ли на определение понятия и характеристику предмета, то ли на неопределённое что-нибудь, на типичное и распространённое или на редкое, уникальное и раритетное. Разных слов много, поэтому надо определиться, что имеется в виду: конкретное слово, группа слов, какое-нибудь слово, любая группа, слово вообще как конструкт и идея. Понять и расшифровать вопрос так же трудно, как и найти ответ.

Как правило, нормального и простого человека обычно не трогает, или же очень мало может заинтересовать "всё" на свете, но, конечно, всегда только лишь "нечто", конкретно и выборочно. Бывает нелегко угадать и в разговоре напасть на чей-то определённый интерес и то, что занимает данного человека. Именно поэтому долгий и подробный рассказ автора нередко утомляет и раздражает читателя и собеседника без настроения. Длинное и сложное рассуждение редко кого из неспециалистов устраивает. Честнее, вероятно, признаться в своей несостоятельности, заявив прямо, что не можешь знать сам, что такое слово по сути, чтобы определить его по существу предмета.

Далёкий от тебя предмет (и тема), не привлекающий сколько-нибудь серьёзно твоего внимания, вряд ли вызовет у тебя глубокий интерес, по сути, и тебя вполне удовлетворят формальные знания и такой, простой и очевидный, ответ, как: "Слово – это слово, определённая часть фразы". Зачем же тебе знать ещё что-то?! Строчная единица языка, основная номинативная, что-либо называющая. Сможет ли вас удовлетворить такое определение и пояснение, если ничего больше не знать и не слышать о слове. Видимо, да, если сам предмет (и вопрос) человеку вовсе безразличен или не так важен, и, конечно же, нет, если глубоко обеспокоиться и задуматься.

Когда нет полного понимания и всеобъемлющего знания о системе связей слова, как и непрестанного и всеохватного любопытства о природе ве-

щей, то практически всегда устроят хоть какие-то случайные сведения об особенностях и отдельных свойствах предмета, касающихся состояния, устройства и поведения. Что выполняет слово в жизни (зачем оно?) и каким бывает обычно – вот как обычно ставится вопрос о нашем предмете, и это всё же поверхностный взгляд на реальность. Первый ответ – ещё никак не весь ответ и вовсе не есть определение. Современная наука более философична, задаваясь традиционно вопросом о сути явления и проявления.

Бесконечный мир и современное человеческое общество фатально устроены, как устроены. Все мы непременно находимся и живём в сфере множественных пересечений различных потоков: определённых зависимостей и влияния на нас огромной массы политических интриг и общественных установок, неких экономических и культурных ценностей, собственных физических и психических возможностей. При этом каждый несёт на себе груз чуждых и загадочных исторических завоеваний, достижений и ошибок, природных, экологических и мистических. И мы, люди, сами представляем собой и демонстрируем всё то космическое разнообразие значимостей, отношений и реализаций, сплошь смешанные ряды и токи субъективности и индивидуализации, в сцеплении, столкновении, непрестанной борьбе, соперничестве и вечном споре.

Может быть, и есть так называемые общечеловеческие и универсальные ценности (и то условно и относительно, более или менее, – например, отношение к жизни и смерти у разных лиц и разных народов всё же своеобразно). Но уже с несколько большим основанием следует признать правомерность утверждения и выделения регионально обусловленных (ландшафтно-географических) и "локальных" идеалов и ценностей, этнических, классово-сословных, половых и возрастных, групповых и профессиональных, и других отношений и отличий во взглядах на природу, слова, мысли и вещи. Престижность, мода, обычай, традиция, общественная привычка, нрав – всё это и многие другие выражения отношения и проявления ценностного свойства, вследствие иерархичности сознания и устройства жизни.

В нашем сознании как не было, так и нет, ибо, кажется, не может быть в принципе, универсальной ценности, на чём сошлись бы все безоговорочно. Мир изначально и навечно разделён и дан в противоречиях: есть Бог и Дьявол, Сатана, материя и дух, плоть и душа, метафизическое добро и зло – и это вечная диалектика. Казалось бы, для большинства нормальных людей жизнь – абсолютное благо (а смерть – зло?). Большинство и нормальные – всё же никак не все на земле. Есть патология – т.н. некрофилия. Отношение к Богу также неоднозначно, раз среди нас живут атеисты. Детей одни по-своему любят, другие – равнодушны к ним, безразличны, а то и не выносят. Тем более существенно отличается отношение человека к природе и к животным.

Ценность – это наше отношение и позиция, проще говоря, "что такое хорошо и что такое плохо". Но, пожалуй, нет ничего, к чему все всегда одинаково относились бы. И значимость слова тоже всегда относительна. Так называемые общечеловеческие ценности и гуманизм – это слова, названия, пропаганда, желаемое, возрождённое к жизни в нас идеологическое клише и шаблон. Так же как до недавнего времени "абстрактному гуманизму" (позорное явление и ругательство) противопоставлялись классовые интересы-потребности и "диктатура пролетариата". Словом, в разделённом мире, погруженном в грехе, нет единогласия в оценках действительности.

Как будто бы, тем не менее, между собой каким-то образом по смыслу и назначению всё же связаны и соотносятся названия и понятия, обозначающие различные разновидности качества и ценности в мире существ, вещей и идей, добра и идеала, существа их и граней. Эти особенности и значимости в знатности и породистости, достоинстве и должности, весе и ранге, верховенстве и иерархии, рыночной стоимости, необходимости и незаменимости лица, предмета, мысли, слова. Всё это, естественно, зависит от конъюнктуры и положения, от места и времени, от уместности и своевременности предъявления, факта и события. Как говорится, "дорога ложка к обеду".

Чтобы утверждать, что относительные ценности есть, абсолютных же ценностей нет, надо сразу договориться и определиться, что в данном случае значит "есть" или "нет". Где же это есть или нет: ценность в самой объективной действительности, на самом деле, или условно в человеческом сознании, нашем представлении и в историческом контексте? "Что такое хорошо и что такое плохо?" – это и есть простыми словами название и расшифровка ценности (перифраза). На деле же, в жизни, все мы во многом сходимся и расходимся одновременно. Если с одними сойдёмся, то с другими непременно разойдёмся.

Разве Бог – одна ценность и идеал для всех разом? Конечно же, в его оценке не сойдутся фанатики и безбожники, а тех и других хватает на свете. Любовь, какая и где она? Отношение к родителям? Богатство? Честность? Брак? Жизнь? Собственность? Сытость? Благо? Всё это для нас лишь вопросы и сплошь противоречия. Так что получается, что в действительности нет одного и стабильного, единственного, отношения к чему бы то ни было. Хотя бы потому, что в жизни есть здоровые и больные, нормальные и аномальные. И не бывает на свете одного всеобщего блага и рая для всех. Массовое и распространённое – не всеобщее, и никогда им не станет.

Мир наш пока распадается всё больше. Именно поэтому ценность у нас всегда относительна. Очевидно, у женщин по природе всё-таки своеобразная система ценностей, иная и отличная от мужской, ибо у них своё отношение к семье, детям, работе, жизни, войне, богу, природе. "В Японии есть "женский язык", так же как у племени саджу в Бирме" (Л.Н.Гумилёв. Сущ-

ность этнической целостности//Вестник ЛГУ, 1971, №24). Выходит так, что общечеловеческих ценностей, в самом деле, нет вовсе. Это всего лишь идеологический и политический призыв и лозунг. Ценность – престижное нечто, привлекательное, притягивающее, почитаемое и высоко ценимое в обществе. Но даже такой ценностью, как жизнь, дорожат ведь не все и не всегда, иначе откуда у нас суицид и геноцид.

Ценность в пределе – всё-таки некий не достижимый до конца абсолютизм и идеал качества. Красота и прелесть, женственность и мужество как свойства и характер у нас в жизни, так или иначе, всё же выделяются на общем сером фоне и как-то по-своему, правда, не всегда высоко, ценятся в человеческом обществе. Нам с детских лет внушают мысли: "В человеке всё должно быть прекрасно", как и то, что "Красота спасёт мир". Заметьте, тут модальность долженствования и обещание в неопределённом будущем времени. А на самом деле, если всерьёз, всё не столь определённо и однозначно, и красота субъективна. Так же спорно понимание и отношение к добру и злу, доброте и справедливости, свободе и истине, уму и силе, богу и миру...

У современного человека много разных потребностей и претензий, свойств и ценностей, они никогда не совпадают и всегда пересекаются. Так что, кажется, если мы говорим об общечеловеческих ценностях, универсальных и всеобщих, то в этом проявляется явное преувеличение и абсолютизация. Речь идёт о желаемом, но не реальном. Действительные ценности имеют относительный и переходный характер, и значимость слов также подвижна, постепенна и ступенчатая, или стадияльна, по своей природе. Это всё процесс, движение, стремление, и в их качестве нет остановки, пределов и окончательности, разве только в чистом виде и в воображении.

Ценности и оценки, отношение к жизни, отражаются во взглядах, выражаются в суждениях и высказываниях. Они затверждаются и распространяются в речи (текстах), веками там создаются и складываются мифы, ценностные концепции и целостные идеологии, они схватывают и покоряют себе массовое сознание. Вся духовность строится и стоит на мифологическом основании, как и весь язык, пронизанный мифологическим чувством и идеологическим смыслом. "Там русский дух, там Русью пахнет" – что же это и как? Естественно, что для нас одно, а для других совсем не то же самое, а иное понимание. Этнический дух и душа – специфическая ценность.

Речь может идти о глобальном разделении и противопоставлении этнокультур. Каждая национальная культура – всегда своя особая система ценностей, определённый взгляд на себя, на мир, на других, соседей, друзей и врагов. Ещё значимо тут отношение к жизни и смерти, к родителям и предкам, к потомкам и детям, к старшим и противоположному полу, к окружающей среде и животным, к труду и отдыху, к учёбе и науке. Все эти отношения к своему и чужому миру неизбежно и непременно отражаются в

массовом сознании и оседают в языковой памяти, в самой материи и форме языка, в словах, фразеологии, семантике, мифологии и словесности.

Если различно восприятие и отношение, то также или тем паче различно и понимание (осознание), и понятие (осмысление). Для одних, скажем, Бог – всё, для других – ничто. У первых вызывает благоговение и почтение, трепет и любовь или страх, у вторых – просто смех (святотатство), удивление, непонимание. Американский миссионер говорит нам: "Меня послал Бог" (в ответ на вопрос, зачем вы сюда приехали?). Китайские студенты вообще понять не могут, о чём идёт речь: "Кто послал?". Материалисты и мистики вряд ли в состоянии договориться, ибо не войдут в положение друг друга. Действительно, у них понимание – непонимание.

Китайцы и американцы, немцы и французы, японцы и корейцы, австралийцы и африканцы, латиноамериканцы и тибетцы, островитяне и народы Севера – у всех своеобразна психология, своя культура, особенный стиль жизни, традиции, история, миропонимание и мироощущение, а также язык, конечно. И всё это, пожалуй, составляет особый и разделённый мир, питающий и поддерживающий многообразие и антиглобализм. Каждый национальный язык – укоренённая языковая картина мира. Русский язык – не исключение, и он тоже хранит в себе богатый и своеобразный мир идей и иллюзий, взглядов и предрассудков. И разные мифы сосредоточены в нём.

Когда мы говорим, употребляя в речи различные слова, то, как правило, достигаем близкого понимания, в самых основных чертах и приблизительно. Нам подчас только кажется, что мы понимаем других, как и себя тоже. На самом же деле в этом процессе вроде бы взаимопонимания и как бы договорённости порой всё-таки слишком и заметно изобилует условность, скорее всего, во многом лишь правдоподобие, в некотором приближении, догадка и иллюзорность, во всяком случае, далеко не всегда и во всём только достоверность и точность осмысления сказанного. Достаточно попросить уточнения: "а что это, в каком смысле?", чтобы обнаружить недоразумение и поставить кого угодно в тупик.

Слово обладает чудодейственной силой. Оно облагораживает и воспитывает, учит и сообщает знание, даёт образование и лечит, соединяет и связывает, сближает и отдаляет, соблазняет и совращает, обманывает и лжёт. Есть слова не только достойные и ценные, но и чудовищные и пакостные, грязные и низкие, пошлые и предательские, лживые и презренные, убийственные, унижительные, сатанинские знаки. Слова и люди вместе, заодно, в нерасторжимом единстве: человек и слово, культура, дело, дух, светлый или тёмный, ангельский или адский.

Итак, в языке-народе живут всевозможные слова, в памяти его скопились и столпились, как вокруг него, соответственно, разные предметы, вещи, живые существа. И тех, и других огромное множество уже и, чем

дальше, всё больше накапливается. Каждое слово и вещь что-то значат, как-то оцениваются или имеют ту или иную ценность, значимость. Где же есть эти разнообразные слова, разрозненные и разбросанные? В речи, в употреблении, в использовании, и там, в контексте, они конкретны. Очевидно, также "есть", но уже совершенно иначе слово вообще, фикция и отвлечённость. Обобщённое слово-понятие находится в нашем сознании.

Сравним: естественный человек (люди) и Человек-абсолют. Живые люди живут: действуют, двигаются, они телесны, с определённым весом и ростом, цветом и запахом, формой, лицом и фигурой, а также характером и возрастом, полом и наследственностью, набором свойств и особенностей. Они существуют, или тоже есть, в определённой среде и в своём окружении. И, наряду с тем, "есть", имеется, идея о человеке, понятие. В данном случае речь идёт о разграничении ценностей, о нашем отношении к конкретному человеку (людям) и к абстракции Человек. Формально и внешне совпадая, эти сущности по природе своей расходятся и различаются.

Слово (язык), таким образом, как бы плавает между двумя мирами или уровнями реальности – объективной и субъективной, номинальной и реальной. Пришлось мучительно долго вытягивать и где попало собирать какие-то мысли, многое и всякое утверждать самому, сообщая и обобщая, описывая и характеризуя, чтобы, наконец, соорудить некий, довольно странный образ и определить своё причудливое отражение объекта – то ли конкретного слова или группы слов, то ли какого-нибудь, любого слова и к нему подходы. А то и вообще отвлечённости слова как некоей, номинативной, единицы языка или даже таинственного понятия.

Конкретное слово можно либо назвать, либо даже показать, продемонстрировать предметно, понятийное же, абстрактное и отвлечённое, назвав, можно ещё только лишь попытаться перефразировать, заменить другими словами, и никак иначе, не предъявить его в натуре. И тогда придётся иметь дело с фикциями, подделками, фальшивками и разными фальсификатами. Хотя выходили всё чаще какие-то фразы-вырожденцы и уродцы неудобоваримые. Понятно, что, если вообще нельзя в принципе, или не можешь ты, сказать просто и доходчиво, то уж лучше вовсе сдержи весь тот гонор и свой произвол словесности, вздор и путаницу, – и промолчи.

Если к себе относиться строго и требовательно, в твоей речи в первую очередь должны быть целесообразность, целенаправленность, логика, последовательность, завершённость, или законченность, и цельность. А что ещё, помимо названного, или это уже всё? Конечно, были перечислены важные свойства речи, только какой именно речи? Есть, во-первых, разная степень притязательности. Разве и в непринхотливой дружеской беседе на досуге то же самое, что и в ответственном судебном разбирательстве или во врачебном консилиуме и консультации, или в строго научном сообщении и общении?

Речь наша очень даже разная во многих отношениях, поэтому и критерии, и требования к ней, и средства также, должно быть, очень разные.

Когда мы говорим о чём-то, обсуждаем тот или иной вопрос, то, естественно, используем какие-то слова. При этом часто и не замечаем (хотя иной раз замечаем и поступаем намеренно, с умыслом), что манипулируем и злоупотребляем словами, перескакивая с одного на другое, с одного уровня осмысления предмета на другой, с конкретного на более общий. Либо абсолютизируем слово, расширяем, либо, напротив, суживаем и конкретизируем значение и ценности. Такое произвольное употребление слова, без чёткого и затверженного изъяснения смысла, создаёт почву для недоразумения и демагогии, обнаруживая скорее видимость взаимопонимания.

3. Магия и этика слова

Слово не воробей... Слово – это слово. И не только, пожалуй, сказанного слишком мало.

"Когда Моисей сказал Богу, что евреи не поверят, что его послал Бог, пока он не скажет им имя Бога (как могли идолопоклонники понять безымянность Бога, если сама сущность идола в том, чтобы иметь имя?), то Бог пошёл на уступки. Он сказал Моисею: "Я – сущий, вот моё имя". "Я сущий" означает, что Бог не конечен и не личность, и не "существо". Наиболее адекватный перевод этой фразы: скажи им, что "моё имя – безымянность" (Э.Фромм)¹. Имя – сущность и название существа, вещи и идеального предмета, понятия. То, что выше понимания, без имени.

"... ведь сказал Он: кто любит Меня, тот соблюдает слово Моё"². "Ведь что такое слова (человеческие), как не простое сотрясение воздуха? Слова колеблют воздух, но не могут поколебать того, что твёрдо и крепко как камень"³. "Уже при простом чтении посланий ап. Павла видно, что сущность его благовестия составляет слово о примирении, прощении, которое совершил Бог во Христе Иисусе (2 Кор. 5: 19-21)"⁴. Слово примирения и прощения – некое таинство.

"Они будут общаться на уровне подсознания, а слово станет магическим знаком, как это было у магов в древнейшие времена"⁵. "И, войдя в

¹ Э.Фромм. Искусство любить. М., 1991, с.87.

² Фома Кемпийский. О подражании Христу//Богословие в культуре Средневековья. К., 1992, с.203.

³ Там же, с. 333.

⁴ М.Э.Поснов. История христианской церкви. К., 1991, с.59.

⁵ Русский астрологический сборник "Тамара". М., 1991, с.20//Свящ. Родион. Люди и демоны. Х., 1995, с.45.

свою спаленку, она пала на колени пред озарённым лампадой киотом и горячо стала молиться – без слов, одним внутренним порывом души, той мысленной молитвой, для которой ни на каком языке человеческого нет выражений"⁶. Очевидно то, что есть текст молитвы (словесность), как и есть ещё обращение-таинство духовное, без определённых и внятных слов.

"В слове человек находит новый для себя мир, не внешний и чуждый его душе, а уже переработанный и ассимилированный душою другого, "открывает существо с такими же потребностями и потому способное разделять чувствуемые им тёмные стремления" [156, т.6, с.30]. К возбуждениям мысли, какие уединённый человек получает от внешней природы, в обществе присоединяется новое, ближайшим образом сродное с его собственной природою, именно слово"⁷. Слово – важное средство человеческого общения и, тем самым, как бы другое название языка.

"Итак, слово есть настолько средство понимать другого, насколько оно средство понимать самого себя. Оно потому служит посредником между людьми и устанавливает между ними разумную связь, что в отдельном лице назначено посредствовать между новым восприятием (и вообще тем, что в данное мгновение есть в сознании) и находящимся вне сознания прежним запасом мысли"⁸. Слово языка существует и живёт в общении и мышлении, оно как бы разумный и растущий организм, словарь развивается.

"Не вечно также разделение на немых, или немцев (варваров), и словесных, или славян, потому что в основе взаимонепонятных слов лежат корни (эти общие предки), понятные для всех народов арийского происхождения, обзывающих друг друга варварами, т.е. бессловесными. Устранение этой временной непонятности есть задача филологии (если не считать её не имеющей практического приложения) и воспитания"⁹. Весьма оригинален взгляд Н.Ф.Фёдорова на задачи филологии, направленные на сближение народов.

"У него <В.Соловьёва> везде звон, фразы, щёлканье фраз, силлогизмы. Точно не течёт речь (= кровь), а речь – составлена из слов. "Слова" же он знал, как учёный человек, прошедший и университет, и Духовную Академию. Соловьёв усвоил и запомнил множество слов, русских, латинских, греческих, немецких, итальянских, лидийских, – философских, религиозных, эстетических: и из них делал всё новые и новые комбинации, с искусством, мастерством, талантом, гением. Но родного-то слова между ними ни

⁶ В.В.Крестовский. Тьма Египетская. М., 1993, с.216.

⁷ А.А.Потебня. Мысль и язык//Слово и миф. М., 1989, с.125.

⁸ Там же, с.127.

⁹ Н.Ф.Фёдоров. Сочинения. М., 1982, с.332.

одного не было, все были чужие... И он всё писал и писал... И делался всё несчастнее и несчастнее"¹⁰.

"Ни один ещё святой Русской земли так не повторил, но без преднамерения, неумышленно, великих фигур, на которых, собственно, как мост на своих сваях, утвердилось христианство. И какие особенные слова у них были? Какое учение? Томов они не оставили: хотя в трепетной памяти потомства и запомнились 2-3, 5-6 афоризмов, изречений их. Где же тайная их сила? Неуловимо. Но Небо им что-то сказало. Лёг знак Неба на чело их. Все это почувствовали; и опять, как почувствовали, через что – неисследимо!"¹¹.

"Конечно, мне объяснили, какой это был дом, и кто был человек, это от отца и матери узнал я о существовании на свете того особого сорта людей, которые называются острожниками, каторжниками, ворами, убийцами. Но ведь слишком скудно знание, приобретаемое нами за нашу личную краткую жизнь – есть другое, бесконечно более богатое, то, с которым мы рождаемся"¹². "... кто осмеливался "идти против царя", образ которого, несмотря на непрестанную охоту за Александром Вторым и даже убийство его, всё ещё оставался образом "земного бога", вызывал в умах и сердцах мистическое благоговение. Мистически произносилось и слово "социалист" – в нём заключался великий позор и ужас, ибо в него вкладывали понятие всяческого злодейства"¹³.

"В каждом символе, понятии или имени нужно различать две вещи, объект, который они познают, и способ, каким познают"¹⁴. "Я с отвращением употребляю ваши излюбленные слова, пошлые и поверхностные, лишённые всякого онтологического смысла <"буржуазный">... Слово "либерализм" принадлежит к разряду очень порченных слов. Но много ли осталось слов не порченных, во многих ли словах наших осталась ещё светоносная, действенная энергия?"¹⁵. "Этика умирает в словах, застывая в них словно магма в горных породах, а научное знание только через язык и рождается"¹⁶.

"Наши слова являются выражением лишь части нас, одного из наших ликов". "... слова влияют на наше сознание". "Формула Кольраджа гласит: "Поэзия есть лучшие слова в лучшем порядке"¹⁷. "... слова Оскара Уальда... "Материал, употребляемый музыкантом или живописцем, беден по сравнению со словом. У слова есть не только музыка нежная, как музыка альты или

¹⁰ В.В.Розанов. Мимолётное. М., 1994, с.226.

¹¹ В.В.Розанов. По тихим обителям//Иная земля, иное небо. М., 1994, с. 259.

¹² А.И.Бунин. Жизнь Арсеньева. М., 1986, с.83.

¹³ Там же, с. 145.

¹⁴ Ж.Маритэн. Метафизика и мистика//Путь, №2, 1926, с.73.

¹⁵ Н.Бердяев. Философия неравенства, с.150.

¹⁶ А.А.Гусейнов//А.Швейцер. Благоговение перед жизнью. М., 1992, с. 538.

¹⁷ Н.Гумилёв. Анатомия стихотворения//Стихи. Проза. Ирк., 1992, с.391.

лютни, не только краски, живые и роскошные, как те, что пленяют нас на полотнах Венецианцев и Испанцев; не только пластичные формы, не менее ясные и чёткие, чем те, что открываются нам в мраморе или бронзе, – у них есть и мысль, и страсть, и одухотворённость. Всё это есть у одних слов"¹⁸.

"Когда ты говоришь, слова твои должны быть лучше молчания"¹⁹. "Слово приобретает эстетический смысл только внутри произведения. На фоне текста оно меняет характер и значение, выглядит то старым, то новым, то ласковым, то ехидным, то торжественным, то смешным"²⁰.

"Соотношение сил, управляющих творчеством, как бы становится на голову. Первенство получает не человек и состояние его души, которым он ищет выражения, а язык, которым он хочет его выразить. Язык, родина и вместилище красоты и смысла, сам начинает думать и говорить за человека, и весь становится музыкой, не в отношении внешнего слухового звучания, но в отношении стремительности и могущества своего внутреннего течения. Тогда, подобно катящейся громаде речного потока, самым движением своим обтачивающей камни дна и ворочающей колёса мельниц, льющаяся речь сама, силой своих законов создаёт по пути, мимоходом, размер, и рифму, и тысячи других форм и образований ещё более важных, но до сих пор не узанных, не учтённых, не названных"²¹.

"Или мы совсем забыли, что слово – это культура уже?"²². "Буквы складываются в слова, слова в строки, строки в абзацы, абзацы в статьи, но ничто – в мысли, чувства и образы"²³.

"Придавая терминам разные оттенки и вкладывая в них различное содержание, историки превращают их в многозначные слова. На первых стадиях этого процесса ещё можно понять собеседника исходя из контекста, интонации, ситуации, при которой происходит диспут, но на последующих фазах и эта (неудовлетворительная) степень понимания исчезает... А теперь допустим, что дискутируют о проблеме три историка, причём один вкладывает в понятие "род" – клан, второй – сеок, третий – боярскую фамилию. Очевидно, что они просто не поймут не только друг друга, но и то, о чём идёт речь"²⁴.

"Что такое этнос? Есть много явлений природы, которые человек наблюдал веками, прежде чем задумался над их сущностью. Таковы физиче-

¹⁸ Н.Гумилёв. Жизнь стиха//Стихи. Проза. Ирк., 1992, с.396.

¹⁹ А.Платонов. Государственная жизнь. М., 1988, с.8.

²⁰ С.Антонов. От первого лица. М., 1973, с.3.

²¹ Б.Пастернак. Доктор Живаго. Вильнюс, 1988, с.155.

²² Б.Пастернак. Г.Фон Клейст. Об аскетике в культуре//Б.Пастернак. Об искусстве. "Охранная грамота" и заметки о художественном творчестве. М., 1990, с.250.

²³ Л.Чуковская. Спуск под воду.

²⁴ Л.Н.Гумилёв. Этногенез и биосфера Земли. М., 1990, с.28.

ские феномены: свет, теплота, электрические разряды (молнии); химические: брожение, окисление; биологические: жизнь, смерть, наследственность, и многие другие... Сейчас развитие естественных наук позволило либо решить, либо подойти к решению проблем, связанных со многими явлениями, ранее только наблюдавшимися"²⁵. "Очевидно, мы, люди, знаем гораздо больше, чем можем назвать словами, и только в спекулятивной философии "знание" и "название" совпадают, но ведь спекулятивная философия не ставит своей целью изучение реального мира"²⁶.

"Слово живёт только в момент произнесения, при наличии внятной интонации и определённой обстановки. Перенесённое через века, оно умирает, и, "как пчёлы в улье опустелом, дурно пахнут мёртвые слова". А смысл бессмертен, но улавливать его следует иными способами"²⁷. "Однако я слишком давно имею дело со словами, чтобы не относиться к ним с недоверием, и, приглядываясь к тем словам, которые я только что написал, не могу не видеть, что значение их зыбко"²⁸.

"...у Л.Я.Гинзбург (запись 1925/26 гг.): "Откуда эта потребность подбирать чужие слова? Свои слова никогда не могут удовлетворить; требования, к ним предъявляемые, равны бесконечности. Чужие слова всегда находка — их берут такими, какие они есть; их всё равно нельзя улучшить или переделывать. Чужие слова, хотя бы отдалённо и неточно выражающие нашу мысль, действуют, как откровение или как давно искомая и обрётённая формула. Отсюда обаяние эпиграфов и цитат"²⁹.

"Исаев, видать, страшно соскучился в обществе колымских экспедиторов. Он рад такой беседе, и мы говорим без умолку, пока наш конвоир не подытоживает задумчиво: "Чёрт-те что! Люди вы вроде русские... И по-русски гутарите... А вот же ни бум-бум понять невозможно! И что за слова у вас за птички"³⁰. "Однако если короли и нищие не понимают друг друга, то это — меньшая беда, чем если на разных языках говорят учителя и ученики. В известной мере интеллектуальная элита является учителем общества, по крайней мере, учителем в области поиска новых путей проявления воли"³¹.

"Но писательские "поиски собственного слова", отвечает Бахтин (Записки 1970-71), "на самом деле есть поиски именно не собственного, а слова, которое больше меня самого; это стремление уйти от своих слов, с по-

²⁵ Там же, с.97.

²⁶ Л.Н.Гумилёв. Этносфера: История людей и история природы. М., 1993, с.54.

²⁷ Л.Н.Гумилёв. В поисках вымышленного царства. СПб., 1994, с. 358-9.

²⁸ М.Мозм. Подводя итоги//т.1. М., 1985, с.533.

²⁹ Литература в поисках реальности. Л., 1987, с.154.

³⁰ Е.Гинзбург. Крутой маршрут//Даугава, 1989, №2, с.30.

³¹ В.Чалидзе. Иерархический человек. М., 1991, с.102.

мощью которых ничего существенного сказать нельзя"³². "Эта потребность первобытного человека (а ныне – детей) в организации своих психических процессов способствовала формированию речи, поскольку слово, как указывает Л.С.Выготский, является организатором мышления, и дети потому быстро овладевают речью, что активно ищут слова, испытывая потребность в них"³³. Что значит: слово – "организатор мышления", и ещё чего?

"Говорящие же существа обязательно обозначают все свои понятия словами. Появилось новое понятие – для него сразу подбирается новое слово, либо определение из уже имеющихся в языке слов. Нервная система, способная к вербализации понятий, никогда без неё не обходится. Если марсиане знают, что такое "война" – у них должно быть такое слово"³⁴.

"20 марта 1967 года. Корябание пером ещё доставляет радость, но если и это уйдёт, тогда конец. Надо, надо держаться за слово, как за спасительный круг, иного ничего не осталось. Идеи, мысли – чепуха; реальны лишь слова, их порядок, рождающий жизнь. <...> Бунин он меня ничему не учит, ни в чём не убеждает, не обращает в свою веру, – да у него и нет её, – а просто даёт дышать сеном, травой, женщиной, видеть звёзды, тучи, деревья, бедных одиноких людей. Это серьёзно, всё остальное – подёнки, лакейство перед временем и его "проблемами", назавтра уже не стоящими и копейки"³⁵. К чему же сводится "спасительная" роль письма и словесности?

"Или, как это прекрасно выразила С.Вейл: "Одни и те же слова (например, когда мужчина говорит своей жене: "Я люблю тебя") могут быть банальными или оригинальными в зависимости от манеры, в какой они говорят. А эта манера зависит от того, из какой глубины человеческого существа исходят слова; здесь воля ни при чём. И благодаря чудесному согласию они достигают такой же глубины в том человеке, кто слышит их. Таким образом, слушающий, если он обладает хоть какой-то способностью различения, ощутит истинную ценность этих слов"³⁶. В чём же "истинная ценность" слова, попробуйте решить сами.

1

1. Монтень. Опыты. М., 1991.

"Я знаю роконосцев, извлекавших выгоду из своей беды и добивавшихся благодаря ей продвижения, а между тем одно это слово приводит боль-

³² В.Э.Айрапетян. Из записок толкователя//Славянское и балтийское языкознание. М., 1993, с.229.

³³ В.А.Файвишевский. Биологически обусловленные бессознательные мотивации в структуре личности//Бессознательное. Новочеркасск, 1994, с.130.

³⁴ Р.Хайнлайн. Чужак. Р-Д., 1992, с.226.

³⁵ Ю.Нагибин. Дневник. М., 1995, с.201.

³⁶ Э.Фромм. Искусство любить. М., 1990, с.63-4.

шинство людей в содрогание" [с.54-5]. "Они страшатся назвать смерть по имени, и большинство из них при произнесении кем-нибудь этого слова крестятся так же, как при упоминании дьявола" [с.66]. "При случае, как говорится, слово дороже денег" [с.67]. "Если я порой говорю чужими словами, то лишь для того, чтобы лучше выразить самого себя" [с.118].

"Я не пользуюсь достаточным авторитетом, чтобы каждому моему слову верили, да и не стремлюсь к этому, ибо сознаю, что слишком дурно обучен, чтобы учить других" [с.118-9]. "Александр бросил вполне справедливый упрек тому из ораторов, который обратился к эфорам с прекрасной, но слишком длинной речью: "О чужестранец, ты говоришь то, что должно, но не так, как должно". У кого тощее тело, тот напяливает на себя много одежек; у кого скудная мысль, тот приукрашивает её напыщенными словами" [с.129]. "Пожалуй, кто-нибудь скажет, что лучше было бы, если бы я свидетельствовал о себе делами и творениями, а не одними только словами" [с.200].

"Существует название вещи и сама вещь; название – это слово, которое указывает на вещь и обозначает её. Название не есть ни часть вещи, ни часть её сущности. Это нечто присоединённое к вещи и пребывающее вне её. Бог, который в себе самом есть полная завершённость и верх совершенства, не может возвеличиваться и возрастать внутри себя самого, но имя его может возвеличиваться и возрастать через благословения и хвалы, воздаваемые нами явленным им делам. И поскольку мы не в состоянии вложить в него эти хвалы, ибо он не может расти во благе, мы обращаем их к его имени, которое есть нечто, хоть и пребывающее вне его сущности, но наиболее близкое к ней. Так обстоит дело лишь с одним Богом, и ему одному принадлежит вся слава и весь почёт" [с.253].

"Платон... говорит, что благодаря некоему божественному внушению даже плохие люди часто умеют как на словах, так и в мыслях своих отчётливо различать, что хорошо и что дурно" [с.266]. "... утверждать во всеулышание, что "кто не умеет как следует притворяться, тот не умеет и царствовать", – это значит заранее предупреждать тех, кому предстоит иметь с ними дело, что всякое слово, слетевшее с уст подобных властителей, не что иное, как ложь и обман" [с.288]. "И если мы ни из наблюдения, ни на основании личного опыта не знаем того, что есть добродетель, то мы хорошо знаем её на словах и постоянно твердим о ней" [с.302].

"... для нашего обучения отобраны не те книги, в которых высказываются здравые и близкие к истине взгляды, но написанные на отменном греческом языке или на лучшей латыни, и заставляя нас затверживать эти красиво звучащие слова, нас принуждают загромождать память нелепейшими представлениями древности" [с.303]. "Правда, которая ныне в ходу среди нас, это не то, что есть в действительности, а то, в чём мы убеждаем других, – совершенно так же, как и с обращающейся между нами монетой: ведь мы

называем этим словом не только полноценную монету, но и фальшивую" [с.308]. "Ещё Сальвиан Марсельский, живший при императоре Валентиниане, указывал, что лгать и постоянно нарушать слово у французов отнюдь не порок: для них это то же, что манера разговаривать" [с.308-9].

"Наше взаимопонимание осуществляется лишь единственно возможным для нас путём, а именно через слово: тот, кто извращает его, тот предатель по отношению к обществу: слово – единственное орудие, с помощью которого мы оповещаем друг друга о наших желаниях и мыслях, оно – толмач нашей души; если мы лишаемся его, то не сможем держаться вместе, не сможем достигать взаимопонимания; если оно обманывает нас, оно делает невозможным всякое общение человека с себе подобными, оно разбивает все скрепы государственного устройства". "Существует ли более явственное проявление малодушия, чем отказ от своих собственных слов, отрицание того, что слишком хорошо за собой знаешь?" [с.309].

"Один древний грек остроумно заметил, что если дети тешатся бабками, то взрослые люди забавляются словами" [с.310]. "А пока что я хотел бы уточнить, с какого именно времени возникло обыкновение тщательно взвешивать и отмеривать наши слова, соотнося их с понятием о чести". "Не трудно установить, что в древности, у греков и римлян, этого не было; и мне нередко казалось странным и непонятным, как это они уличали друг друга во лжи и отказывались от собственных слов, не вступая при этом в ссору". "Мы дивимся той свободе, с какой они обрушивали друг на друга потоки брани, – я имею в виду величайших полководцев обоих народов, – причём за слова у них расплачивались только словами, и словесная перепалка не влекла за собой иных последствий" [с.310]. NB! Этика слова. Курс такой читал Николай Бердяев.

Г.К.Косиков. Последний гуманист, или подвижная жизнь истины

"Люди не видят моего сердца, они видят лишь надетую мною "маску" (II, 16). "Маска" – всего лишь продукт зависимости от "других", от их оценки, взгляда, слова" [с.20]. "Я ничего не могу сказать о себе просто, цельно и основательно. Я не могу определить себя одним словом" (II, 1)" [с.21]. "... принцип подвижности по отношению к ним – вот что определяет позицию Монтеня, никогда не решающегося сказать "последнее слово" и оттого словно иронизирующего и над читателем, и над самим собою" [с.31].

2. П.Я.Чаадаев. Статьи и письма. М., 1989.

"...и если я постигаю всю осязаемую материю как одно целое, то я должен одинаково воспринимать и всю совокупность сознаний как единое и единственное сознание. Главный рычаг образования душ есть, без сомнения, слово: без него нельзя себе представить ни происхождение сознания в отдельной личности, ни его развитие в человеческом роде. Но одно только

слово недостаточно для того, чтобы вызвать великое явление всемирного сознания, слово далеко не единственное средство общения между людьми, оно, следовательно, совсем не обнимает собой всю духовную работу, совершающуюся в мире. Тысячи скрытых нитей связывают мысли одного разумного существа с мыслями другого; наши самые сокровенные мысли находят всевозможные средства вылиться наружу; рассеиваясь, скрещиваясь между собой, они сливаются воедино, сочетаются, переходят из одного сознания в другое, обсеменяют, оплодотворяют – и, в конце концов, порождают общее сознание" [с.92].

"Но он не потерял воспоминания о первых божественных словах, которые раздалились в его ухе. Вот этот-то первый глагол бога к первому человеку, передаваемый от поколения к поколению, поражает человека в колыбели, он-то и вводит человека в мир сознаний и превращает его в мыслящее существо" [с.96].

"Между предметами, которые способствуют сохранению истины на земле, одним из наиболее существенных является, без сомнения, священная книга Нового завета. К книге, содержащей подлинный акт установления нового строя на земле, естественно относятся с особым непрекаемым уважением. Слово писаное не улетучивается, как слово произнесённое. Оно кладёт свою печать на разум. Оно его сурово подчиняет себе своею нерушимостью и длительным признанием святости. Но вместе с тем, кодифицируя дух, слово лишает его подвижности, оно гнетёт его, втесняя его в узкие рамки писания, и всячески его сковывает" [с.144].

"Слово – обращённый ко всем векам глагол – это не одна только речь Спасителя, это весь его небесный образ, увенчанный его сиянием, покрытый его кровью, с распятием на кресте. Словом, тот самый каким Бог раз навсегда запечатлел его в людской памяти" [с. 145].

"Итак, хотя печать, наложенную человеческой мыслью, надо признать необходимой составной частью нравственного мира, настоящая основа слияния сознаний и мирового развития разумного существа, на самом деле, содержится в ином, а именно в живом слове, в слове, которое видоизменяется по временам, странам и лицам и пребывает всегда тем, чем оно должно быть, которое не нуждается ни в разъяснениях, ни в толковании, подлинность которого не требует защиты на основе канонов – в слове, этом естественном оружии нашей мысли. Так что предположение, будто вся мудрость заключается в столбцах одной книги, как это утверждают протестанты, не скажу даже – не правомерно, оно, во всяком случае, не имеет ничего общего с философией" [с.146].

"Слово! – А что такое слово? – Смотрите на кормщика; – среди подводных камней он правит верно кораблём своим, по воле своей вертит им, как простым куском дерева, плавающим на поверхности вод: от времени до

времени повторяет он несколько слов, и они-то производят это чудо. — Взгляните на поле сражения: сотни полков подвиглись, в одно время вдруг бросаются они на неприятеля —одно мановение, одно слово начальника тому причиною. — Вот слабое подобие глагола могущего, который яснее и звонче всякого человеческого голоса в ограниченном пространстве раздаётся в непрерывности вселенной, — и этот глагол есть слово. — *Слово* есть действующая сила речи, глагол творящий [с. 164].

"То, что язычники называли мудростью, добродетелью, верховным благом, мы зовём одним словом: небо" [с.169]. "Одним словом, все качества, которые деист приписывает Богу, пантеист отдаёт их своему *Всё*" [с.170]. "Слово звучит лишь в отзывчивой среде" [с.179]. "Есть умы столь лживые, что даже истина, высказанная ими, становится ложью". "...и вместе с тем нет ничего более таинственного. Сверх того, первобытный человеческий язык, несомненно, явился на свет разом, и это по той простой причине, что без слов нельзя мыслить" [с.183].

"Человеческий разум, — говорит он <Гегель>, — постиг искусство анализа, но не научился ещё синтезу. Так он отделил душу от тела, и это было хорошо, так как бог есть дух, а природа не что иное, как материя; но, сделав это, он забыл магическое слово, долженствовавшее воссоединить то и другое..." [с.208]. "...превращающейся часто в настоящий номинализм, в узкую логомахию (игру словами)" [с.214]. "...но я не нахожу слов сказать вам, как я был счастлив, когда узнал, что глубочайший мыслитель нашего времени пришёл к этой великой мысли о слиянии философии с религией" [с.225].

"Откровение не для того излилось в мир, чтобы погрузить его в таинственную мглу, а для того, чтоб озарить его светом вечным. Оно есть *слово*; слово же вызывает слово, а не безмолвие. Скажи, где написано, что властитель миров требует себе слепого или немого поклонения? Нет, он отвергает ту глупую веру, которая превращает существо разумное в бессмысленную тварь; он требует веры, преисполненной зренья, гласа и жизни" [с.262-3].

"Переходя затем к сущности предмета, я сказал, что в задачи божественного основателя христианства никогда не входило навязывать миру немую и близорукую веру, как, по-видимому, предполагает автор; что, раз христианство есть слово и свет по преимуществу, оно естественно вызывает слово и распространяет возможно больший свет на все объекты интеллектуального воззрения человека; что оно не только не противоречит данным науки, но, напротив, подтверждает их своим высоким авторитетом, между тем как наука, в свою очередь, ежедневно подтверждает своими открытиями христианские истины" [с.270].

"Никогда божественное слово не могло быть заточено между двумя досками какой-либо книги; весь мир не столь обширен, чтобы <не> объять его; оно живёт в беспредельных областях духа, оно содержится в неизречённом

таинстве евхаристии, на непреходящем памятнике креста оно начертало свои мощные глаголы" [с.271]. "Не забудьте, что это последнее ко мне слово" [с.272]. Слово здесь – письмо, обращение. "Слов по моему адресу".

"Недостатки книг Гоголя принадлежат не ему, а тем, которые превозносят его до безумия, которые преклоняются перед ним, как перед высшим проявлением самобытного русского ума, которые ожидают от него какого-то преображения русского слова, которые налагают на него чуть не всемирное значение, которые, наконец, навязали на него тот гордый, не сродный ему патриотизм, которым сами заражены, и таким образом задали ему задачу неразрешимую, задачу невозможного примирения добра со злом: достоинства же её принадлежат ему самому" [с.311].

А.Сиркур – П.Я.Чаадаеву, 1845: "Мир является книгой Бога. Каждый народ должен написать в ней свою страницу и прочитать все другие. Дух исключительности и закрытости стал бы для России таким же чёрным благом, таким же чреватым бедствиями, какими были Орда, Литва, Швеция – три ужасные испытания, пережитые и отражённые вами" [с.511]. "В мире существует лишь одна истина; но у неё есть несколько сторон, как у справедливости; но эта справедливость имеет множество способов осуществления, как цель; но эта цель может достигаться различными путями" [с.512].

3. С.Т.Аксаков. Детские годы Багрова-внука. Мн., 1982.

"С каким вниманием и любопытством смотрел я на эти новые для меня предметы, как скоро понимал их назначение и как легко и твёрдо выучивал их названия!" [с.22]. "Что такое староста Мироныч – я хорошо понял, а что такое барщина – по моим летам понять мне было трудно" [с.32]. "Мать ничего не отвечала и велела мне идти в детскую читать или играть с сестрицей, но я попросил её, чтоб она растолковала мне, что значит присягать. Она объяснила, и я решительно изъявил, что сам хочу присягнуть. "Детей не приводят к присяге, – сказала мать, – ступай к сестре. Я обиделся" [с.118].

"Отец возразил: "Как быть, воля Божья..." – и суровый жнец ласково отвечал: "Вестимо так, батюшка!" Впоследствии понял я высокий смысл этих простых слов, которые успокаивают всякое волнение, умирят всякий человеческий ропот и под благодатною силою которых до сих пор живёт православная Русь. Ясно и тихо становится на душе человека, с верою сказавшего и с верою услышавшего их" [с.156]. "Под словом *мы*, я разумею мать, отца и себя" [с.160]. "Дня через три они уехали, взяв слово, что мы приедем погостить к ним на целую неделю" [с.163].

"Дети необыкновенно памятьливы, и часто неосторожно сказанное при них слово служит им поощрением к такого рода поступкам, которых они не сделали бы, не услышав этого ободряющего слова" [с.261].

4. А.И.Герцен. Былое и думы. Мн., 1971.

"Холера – это слово, так знакомое теперь в Европе, домашнее в России до того, что какой-то патриотический поэт называет холеру единственно верной союзницей Николая, – раздалось тогда в первый раз на севере. Всё трепетало страшной заразы, продвигавшейся по Волге к Москве. Преувеличенные слухи наполняли ужасом воображение. Болезнь шла капризно, останавливалась, перескакивала – казалось, обошла Москву, и вдруг грозная весть "Холера в Москве!" – разнеслась по городу" [с.133].

"Великие слова, заключающие в себе целый мир новых отношений между людьми – мир здоровья, мир духа, мир красоты, мир естественно-нравственный и потому нравственно чистый" [с.160]. "Письма – больше, чем воспоминанья, на них запеклась кровь событий, это само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное" [с.263]. "Павлов стоял в дверях физико-математического отделения и останавливал студента вопросом: "Ты хочешь знать природу? Но что такое природа? Что такое знать?" Это чрезвычайно важно; наша молодёжь, вступающая в университет, совершенно лишена философского приготовления, одни семинаристы имеют понятие об философии, зато совершенно превратное" [с.336-7].

"Тавтология – не объяснение по существу, а лишь повторение несколько иными словами того, что требует объяснения" [с.341]. "Белинский был совершенно потерян на этих вечерах между каким-нибудь саксонским посланником, не понимавшим ни слова по-русски, и каким-нибудь чиновником III отделения, понимавшим даже те слова, которые умалчивались. Он обыкновенно занемогал потом на два, на три дня и проклинал того, кто уговорил его ехать" [с.348].

"И.Тургенев советует человеку, когда он так затешется в споре, что самому делается страшно, проведь раз десять языком внутри рта, прежде чем вымолвить слово" [с.351]. "Их остановило совершеннейшее противоречие *слов* учения с *былями* жизни вокруг. Учителя, книги, университет говорили одно – и это одно было понятно уму и сердцу. Отец с матерью, родные и вся среда говорили другое, с чем ни ум, ни сердце не согласны – но с чем согласны предрежащие власти и денежные выгоды. Противоречие это между воспитанием и нравами нигде не доходило до таких размеров, как в дворянской Руси" [с.354-5].

5. Ф.М.Достоевский. Собрание сочинений в 15-ти томах. Т. 12. С.-Пб., 1994.

Дневник писателя. 1873.

"Но во всяком случае их надо остановить во что бы то ни стало. Ваше слово для них веско, и, уж конечно, они боятся вашего мнения" [с.30]. "Вот моя мысль. Именно – довольно вмешательств! Но как, однако же, могут

быть поняты и перетолкованы слова. Пожалуй, и ещё наткнёшься на аллегорию!" [с.36]. "Я всё того мнения, что ведь последнее слово скажут они же, вот эти самые разные "Власы", кающиеся и некающиеся; они скажут и укажут нам новую дорогу и новый исход из всех, казалось бы, безысходных затруднений наших" [с.41].

Объяснения и показания Ф.М.Достоевского по делу петрашевцев.

"Но меня всегда даже оскорбляла эта боязнь слова, скорее способная быть обидой правительству, чем быть ему приятною. И в самом деле: зачем правому человеку опасаться за себя и за своё слово? Это значит полагать, что законы недостаточно ограждают личность и что можно погибнуть из-за пустого слова, из-за неосторожной фразы" [с.220]. "Но зачем же мы сами так настроили всех, что на громкое, откровенное слово, сколько-нибудь похожее на мнение, высказанное прямо без утайки, уже смотрят как на эксцентричность" [с.221].

"Самое обыкновенное слово, сказанное громко, получает гораздо более весу, а самый факт по своей эксцентричности принимает размеры иногда колоссальные и, наверно, припишется посторонним (необыкновенным), а не настоящим (обыкновенным) причинам" [с.221]. "Сам я вызвался и уже потом должен был сдержать слово" [с.227]. "И если я участвовал иногда в спорах у Петрашевского, если я ездил к нему и не пугался того, когда слышал иное горячее слово, то это потому, что совершенно был уверен (и уверен до сих пор), что тут дело происходило семейственно, в кругу общих знакомых и приятелей Петрашевского, а не публично" [с.229].

"Я говорю так потому, что уверен в истине слов моих" [с.230]. "... то он, будучи совсем не в коротких сношениях со мною и вовсе не в большой приязни, наверно (я уверен в том) скрыл бы от меня всё и не объявил бы мне ни слова" [с.231]. "Я считаю себя обязанным сказать это; ибо знаю, что он не виноват ни в чём не только словом, но даже мыслию" [с.239]. "Я заметил также, что он всегда старался как-нибудь замять подобный промах и чьё-нибудь неблагоприятное слово" [с.246].

"У Петрашевского не всегда говорились (как уже называли их) речи: слово давалось по большей части тем, которые говорили против убеждений большинства присутствующих, для того чтобы не всякий из несогласных возражал в одно время и тем не затягивал и не сбивал напрасно разговора". "Но да позволят мне сказать вообще несколько слов об этих речах и разговорах". "... часто говорящий, чтоб ободрить себя, как бы нарочно прибегал к некоторым уловкам, которые и не в характере, и не в привычке его. Одна из таких уловок есть острое словцо, слово для смеха, слово пасквильное, насмешка, резкая выходка" [с.248].

"... и где вместо всего регламента и всех гарантий был только один колокольчик, в который звонили, чтобы потребовать кому-нибудь слова"

[с.249]. "Близкие Дурова: Щелков и Пальм – ещё лучше меня знают его несчастный характер, и я уверен, что и они скажут со мной в одно слово, одно мнение о Дурове" [с.250]. "Наконец досада Дурова на Филиппова излилась в припадке. Он завёл его в другую комнату, придрался к какому-то слову и наговорил ему дерзостей" [с.255]. "Может быть, кто-нибудь из бывших возле Григорьева сказал несколько одобрительных слов, но разве только из учтивости" [с.257].

"Момбелли действительно начал говорить что-то подобное, но всех его слов не упомяну" [с.257]. "Вызова на резкость я не заметил, но говорил он бойко, остро и часто словами своими порождал смех" [с.261]. "Слова эти припоминаю; но только не помню, чтобы Черносивтов давал им подобный смысл". "Такого же резкого суждения, что Сибири суждено быть отдельною империей, я решительно не слыхал от Черносивтова, и такого смысла в словах его, по моему мнению, не заключалось". "О записке Белинского решительно ничего не могу припомнить... Но этими словами я вовсе не хочу отречься от моего знакомства с Белинским" [с.262].

"И помню, тогда действительно сказано было несколько слов о возможности печатать за границу" [с.264]. "Я никогда ни одного слова не показывал о Валериане Майкове и о том, что он знал Петрашевского" [с.265]. "От Петрашевского же я тоже не слыхал ни слова о господине Салтыкове" [с.267].

Его же. Бесы: " – Ну, пусть я такой подлец, только в последние минуты не всё ли вам это равно, Кириллов? Ну за что мы ссоримся, скажите, пожалуйста: вы такой человек, а я такой человек, что ж из этого? И оба вдобавок ... – Подлецы. – Да, пожалуй, и подлецы. Вы ведь знаете, что это только слова" [с.573].

6. Е.И.Блаватская. Тайная Доктрина. 1993.

"... слова, произносимые, так же как и имя каждого индивидуума в значительной степени предопределяют его будущую судьбу. Почему? Потому что: "Когда наша душа (разум) создаёт или вызывает какую-либо мысль, то изобразительный знак этой мысли запечатлевается на астральном флюиде, являющимся преемником и, так сказать, зеркалом всех проявлений Бытия.

Знак выражает вещь; вещь есть (скрытое или оккультное) свойство знака. Произнести слово, значит, вызвать мысль и сделать её существующей. Магнетическая потенциальность человеческой речи есть начало каждого проявления в Оккультном Мире. Произнесение Имени не есть только определение существа (сущности), но значит осудить и подвергнуть его, в силу выдачи Слова (Глагол), воздействию одной или нескольких Оккультных Сил. Вещи для каждого из нас являются тем, чем Слово делает их, называя их. Слово (Глагол) или речь каждого человека, совершенно бессознательно

для него, является благословением или же проклятием; вот почему наше настоящее невежество относительно свойств и атрибутов мысли, так же как и об атрибутах и свойствах материи, часто губительно для нас.

Да, имена (и слова) или благодетельны, или зловредны. Они в некотором смысле являются или ядовитыми, или приносящими здоровье, согласно скрытым воздействиям, данным Высочайшей Мудростью их элементам, то есть буквам, составляющим их, и числам, соответствующим этим буквам".

Это строго верно и, как эзотерическое Учение, принято всеми Восточными школами Оккультизма" [с.137].

7. В.Соловьёв. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика.

М., 1990.

"Вопрос о том: *что есть* известный предмет? – никогда не совпадает с вопросом: *из чего* или откуда *произошёл* этот предмет? Вопрос о происхождении эстетических чувств принадлежит к области биологии и психофизиологии; но этим нисколько не решается и даже не затрагивается эстетический вопрос о том: что есть красота" [с.94].

"Всяк человек есть ложь" [с.192].

"Человек находит известные явления в природе красивыми, они доставляют ему эстетическое наслаждение; большинство философов и учёных уверены, что это есть лишь факт субъективного *человеческого* сознания, что в *самой* природе нет красоты, так же, как в ней нет добра и правды. <...> Если же вообще красота в природе объективна, то она должна иметь и некоторое общее онтологическое основание, должна быть – на разных ступенях и в разных видах – чувственным воплощением одной абсолютно-объективной всеединой идеи" [с.124-5].

"Различие между истиной и заблуждением не имеет здесь для себя даже двух отдельных слов. Одно и то же слово совмещает в себе и ложь и правду этой удивительной доктрины. Всё дело в том, как мы понимаем, как мы произносим слово "сверхчеловек". Звучит ли в нём голос ограниченного и пустого притязания, или голос глубокого самосознания, открытого для лучших возможностей и предвещающего бесконечную будущность" [с.155].

"Лирическое стихотворение не может быть рассказано своими словами, а потому читатель пусть не посетует на нас за обильные выписки. <...> Каковы бы ни были философские и религиозные воззрения истинного поэта, но, как поэт, он непременно верит и внушает нам веру в объективную реальность и самостоятельное значение *красоты* в мире" [с.212]. "Самый способ лирического творчества удивительно хорошо выражен нашим поэтом [А.Фетом] в следующих трёх стихах: Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук / Хватает на лету и закрепляет вдруг / И тёмный бред души, и трав неясных запах" [с.215].

"Индивидуальность есть *неизречённое*, или *несказанное*, что только чувствуется, но не формулируется. Оно может быть только закреплено собственным *именем*, и потому первобытная мудрость народов видела в имени выражение самой глубочайшей сущности, самой подлинной истины именуемого предмета" [с.329-30]. "Истинный поэт влагает в своё слово нераздельно с его внутренним смыслом и музыкальные звуки, и краски, и пластические формы. У различных поэтов легко заметить преобладание того или иного из этих элементов, то или другое их сочетание" [с.333].

"Est Deus in nobis – есть Бог в нас, – и не видно, чтобы Мицкевич когда-нибудь отступил от того религиозного настроения, которое выражено в одном письме, где он, отказываясь от титула учителя, говорит так: "Не верьте слепо ни одному из людей и моё каждое слово судите, потому что сегодня я могу говорить правду, а завтра ложь, сегодня действовать хорошо, а завтра - дурно". Всякому внешнему авторитету он противопоставлял только безусловную правду Божию, о которой свидетельствует совесть" [с.380].

"Судьба вообще не есть простая стихия, она разлагается на два элемента: высшее добро и высший разум, и присущая ей необходимость есть преодолевающая сила разумно- нравственного порядка, независимо от нас по существу, но воплощающегося в нашей жизни только через нашу собственную волю. А если так, то я думаю, что тёмное слово "судьба" лучше нам будет заменить ясным и определённым выражением – Провидение Божие" [с.365].

"Но есть в поэзии своё содержание и своя польза. Поэзия может и должна служить делу истины и добра на земле, – но только *по-своему*, только *своею красотой* и ничем другим. Красота уже само по себе находится в должном соотношении с истиной и добром, как их осязательное проявление. Следовательно, все действительно-поэтическое – значит, прекрасное – будет тем самым содержательно и полезно в лучшем смысле этого слова. Не в чём, кроме красоты, *настоящая* поэзия не нуждается: в красоте – её смысл и её польза" [с.399].

"Но почему я говорю тут о *подделке*? Разве нет в действительной жизни красивого зла, изящной лжи, эстетического ужаса? Конечно, есть; без этого нечем было бы и подделывать красоту. Но что же отсюда следует? Блеск олова по природе похож на блеск серебра, и жёлтая медь своим натуральным цветом напоминает золото; но если мне поднесут оловянный полтинник или медный империал, то я, кажется, имею право назвать их фальшивыми. Действительные свойства ложной красоты даются природой, но выдавать её за настоящую – это уже дело людей, и дело фальшивое" [с.400].

8. М.Горький. ПСС в 25 тт., т.5. М., 1970

Двадцать шесть и одна (1899)

"А мы выпеваем чужими словами своё тупое горе, тяжёлую тоску живых людей, лишённых солнца, тоску рабов" [с.9].

Ссора (1899)

"Но она, дрожащими пальцами застёгивая на груди, всё говорила жалкие, бессвязные слова и смотрела на мужа глазами, полными горя, ужаса, ненависти" [с.324]. "Он искал слова, подбирал их и составлял из них жалостливую искреннюю речь ... к жене" [с.331].

Трое (1900)

"Имя Божие в её устах породило в нём острое, но неясное, неуловимое словом чувство, и оно противоречило его желанию обнять эту женщину" [с.112]. "Они быстро шагали по улице и, на лету схватывая слова друг друга, торопливо перекидывались ими, всё более возбуждаясь, всё ближе становясь друг к другу" [с.123]. "Илья почувствовал в словах Якова что-то неприязненное, сухое и нахмурился" [с.215]. "Ему не хотелось верить её словам, но он чувствовал себя беспомощным против них, не мог их опровергнуть" [с.222].

Пузыри (1900)

"Писатель есть дудка, чрез кою проходя, мудрость жизни превращается в гармонию звуков и слов..." [с.356].

Мужик (1900)

"Я думаю, что Аким Андреевич сказал больше того, сколько вы заметили в его словах..." [с.390]. "Ведь в самом слове "порядочный" чувствуется снисходительное презрение..." [с.433].

О беспокойной книге (1900)

"Но я отнюдь не принадлежу к тем чудакам, которые бросаются на всякую книгу, как голодные на хлеб, ищут в ней какого-то нового слова и ждут от неё указаний, как жить" [с.492]. "Ни одной свежей мысли не родилось в твоей голове, ни одного оригинального слова не сказал ты за эти сорок лет..." [с.494].

О писателе, который зазнался... (1901)

"Всё это слова! Вы покажите, какая у вас программа, практика!" [с.488].

Примечания

"Критик из Биржевых ведомостей" А.Измайлов, умевший угодить своими писаниями и народникам, и либералам, и консерваторам, обрушился на Горького за то, что его герои – философы, протестанты, тяготятся существующим порядком, всем им тесно в жизни: "Все они, точно по предварительному уговору, говорят одни и те же слова: "Жизнь – помойная яма, где люди возятся, как черви" [с.525].

"И этот человек, только что безжалостно поражавший Чехова своим запасом умных слов, вдруг, зловеще покачивая горбатым носом, заговорил простыми, тяжёлыми, точно камни, словами, ярко освещая проклятую, грозную правду той жизни, которой живёт русская деревня..." [с.46]. "Мне кажется, что всякий человек при Антоне Павловиче невольно ощущал в себе желание быть проще, правдивее, быть более самим собой, и я не раз наблюдал, как люди сбрасывали с себя пёстрые наряды книжных фраз, модных слов и все прочие дешёвенькие штучки, которыми русский человек, желая изобразить европейца, украшает себя, как дикарь раковинами и рыбьими зубами" [с.47].

"В одном из писем к старику А.С.Суворину Чехов сказал: "Нет ничего скучнее и непоэтичнее, так сказать, чем прозаическая борьба за существование, отнимающая радость жизни и вгоняющая в апатию". Этими словами выражено очень русское настроение, вообще, на мой взгляд, не свойственное А.П. В России, где всего много, но нет у людей любви к труду, так мыслит большинство. Русский любит энергию, но – плохо верит в неё" [с.57].

Товарищ! (1906)

"И эти тёмные, загнанные люди недоверчиво прислушивались к музыке новых слов – музыке, которую давно и смутно ждало их больное сердце, понемногу поднимали свои головы, разрывая петли хитрой лжи, которой опутали их властные и жадные насильники". "В их жизнь, полную глухой, подавленной злобы, в сердца, отравленные многими обидами, в сознание, засорённое пестрой ложью мудрости сильных, – в эту трудную, печальную жизнь, пропитанную горечью унижений, – было брошено простое, светлое слово: "Товарищ! ". "И чем глубже смотрели в светлую душу слова, тем светлее, значительнее и ярче казалось им оно" [с.127].

"... остановилась жизнь, ибо сила, рождающая её, создала себя, и раб-человек нашёл магическое, необоримое слово выражения воли своей – освободился от гнёта и увидел воочию власть свою – власть творца" [с.128].

Примечания

"Д.В.Философов иронизировал: "Он <Горький> рассказывал нам, как магическое слово "товарищ" преобразило русскую жизнь. <...> откуда появилось это новое слово? Горький утверждает, что это "простое светлое слово" было брошено "одинокими мечтателями", "полными веры в человека". <...> Что же, на Западе нет и не было таких "одиноких мечтателей"? Отчего слово "товарищ" не сияет там "яркой весёлой звездой, путеводным огнём в будущее"? Отчего там, где, казалось бы, это благодатное слово должно было звучать с особой силой, по улицам "молча и угрюмо идут разрозненные люди"?" [с.494].

Король, который высоко держит своё знамя (1906)

"Полк солдат – вот поэма! Слово в строке стиха и солдат в строю – это одно и то же. <...> Сонет – это взвод слов, имеющий целью атаку вашего сердца. В штыки! И в сердце вам вонзается ряд красивых созвучий. П-ли! И ваш ум прострелен десятками метких слов <...>. Стих и солдаты – это одно и то же, говорю вам. Король – первый солдат страны, он её божественное слово, он же и первый поэт её" [с.169].

Прекрасная Франция (1906)

"Флобер – жрец красоты, эллин девятнадцатого века, научивший писателей всех стран уважать силу пера, понимать красоту его, он, волшебник слова, объективный, как солнце, освещавший грязь улицы и дорогие кружева одинаково ярким светом, – даже Флобер, для которого правда была в красоте и красота в правде, не простил бы тебе твоей жадности, отвернулся бы от тебя с презрением" [с.181].

Записная книжка (1906)

"Трубы люди ценят одежды выше тела, и слова для них дороже смысла, они не ищут душу слова, и, даже когда мысль неясно сказана, она уже игрушка для них, а когда её умышленно искажают, люди только смеются грубо и пошло над нею" [с.410].

10. Л.Андреев. Рассказы и повести. М., 1979.

Петька на даче

"Петьке было десять лет: он не курил, не пил водки и не ругался, хотя знал очень много скверных слов, и во всех этих отношениях завидовал товарищу". "... и Николка важничал и держался, как большой: курил папиросы, сплёвывал через зубы, ругался скверными словами и даже хвастался Петьке, что пил водку, но, вероятно, врал" [с.40].

Ангелочек

"Оттого и была так красива эта игрушечка, оттого и было в ней что-то особенное, влекущее к себе, не передаваемое словами " [с.60]. "Лицо ангелочка не блистало радостью, не туманилось печально, но лежала на нём печать иного чувства, не передаваемого словами, не определяемого мыслью и доступного для понимания лишь такому же чувству" [с.76].

Большой шлем

"Ни-ко-гда, – медленно, по слогам, произнёс Яков Иванович, чтобы убедиться, что такое слово существует и имеет смысл". "Такое слово существовало и имело смысл, но он был до того чудовищен и горек, что Яков Иванович снова упал в кресло и беспомощно заплакал от жалости к тому, кто никогда не узнает, и от жалости к себе, ко всем, так как то же страшно и бессмысленно жестокое будет и с ним и со всеми" [с.71].

Первый гонорар

"Самое слово "защитник" до сих пор вызывало в нём сдержанно-горделивый трепет и представлялось большим, звучным, точно оно состоит не из букв, а отлито из благородного металла" [с.75].

В тёмную даль

"И никто не называл его по имени, а просто словом "он", и так как все каждую минуту думали о нём, то это неопределённое название представлялось более ясным, чем полное имя, и никогда не заставляло переспрашивать. Почему-то казалось непочтительным и фамильярным звать его, как зовут других; слово же "он" точно и резко выражали страх, который внушала его высокая, сумрачная фигура" [с.87].

Жили-были

"Странно было думать, что это действительно он, купец Кошеверов, поступал так нехорошо и вредно для себя. И все старые слова: водка, жизнь, здоровье – становились полны нового и глубокого содержания" [с.103].

Жизнь Василия Фивейского

"Ему было четыре года, но он ещё не начал ходить и умел говорить одно только слово: "дай" [с.146]. "... туманные очертания одной великой, все-разрешающей правды. Все чувствовали её, и все её ждали, но никто не умел назвать её человеческим словом – эту огромную правду о боге, и о людях, и о таинственных судьбах человеческой жизни" [с.154]. "О. Василий молчал, низко склонив голову; и был он огромный и чёрный на фоне тускло белешего окна, и слова его казались Насте чёрными и блестящими, как стеклярус" [с.157].

"Как будто и слёзы и слова тоже состарились на долгой службе и хотят покоя". "За ними потянулся народ; и много молодых, горячих слёз, много молодых слов, заострённых и сверкающих, врезалось в душу о. Василия [с.158]. "Лицо его иступлённо дёргалось, и прыгающие губы ломали отрывистые, беспредельно скорбные слова: "Бедная. Бедная. Все бедные. Все плачут и нет помощи! О-о-о!" [с.165]. "Как будто так огромно было несчастье, что нельзя уже и не нужно было одеваться гордостью и скользкими, лживыми словами, за которыми прячут люди свои чувства" [с.171]. "Если бы сошлись добрые и сильные люди со всего мира, обнимали его, говорили бы ему слова утешения и ласки, он остался бы также одинок" [с.172].

"Попадья глухо заволновалась; вероятно, она пришла в себя, и ей нужно было что-то сказать, но вместо слов из горла её выходил глухой отрывистый хрип" [с.175]. "И снова молился, без слов, без мыслей, молитвою всего своего смертного тела, в огне и смерти познавшего неизъяснимую близость Бога" [с.177]. "Служили долго, служили медленно и крепко: и каждое слово дрожало и расплывалось в очертаниях своих, подхватываемое холодным эхом пустынной церкви" [с.184]. "И неизвестно откуда – с загадочных ли слов старосты и его отказа принять покойника, или из другого неведомого

источника – по селу быстро заползали и всюду зашипели взъерошенные, жуткие слухи" [с.193].

"... ясно помнил он и невинный кусочек ссохшейся земли, и дубовый куст, качнувшийся резными листьями, – и старые, знакомые, омертвевшие слова оживали в его шамкающем рту, били метко и больно". "Где есть мирское пристрастие... – вся персть, вся пепел, вся сень..." – дрожали горькие слова в старческих дрожащих устах" [с.199]. "... потом забывал толпу, забывал, что он служит, и рассеянно шёл в алтарь. Точно двоилось в нём что-то; точно ждал он слова, приказа или могучего, разрешающего чувства, – а оно не приходило" [с.200].

Рассказ о семи повешенных

"Самое страшное было для него, когда являлось вдруг нестерпимое желание кричать – без слов, животным отчаянным криком" [с.216]. "... он постоянно облизывал губы, чмокал и с шипением, сквозь зубы, сплёвывал на пол набегающую слюну. И не договаривал слов: так быстро бежали мысли, что язык не успевал догнать их" [с.230]. "Опять помолчали. Было страшно произнести слово, как будто каждое слово в языке потеряло своё значение и значило только одно: смерть" [с.235]. "Было дико и нелегко. Впереди стояла смерть, а тут вырастало что-то маленькое, пустое, ненужное, и слова трещали, как пустая скорлупа орехов под ногою" [с.238].

"Не было таких понятий в его человеческом мозгу, не было таких слов на его человеческом языке, которые могли бы охватить увиденное. И слова: "мне страшно" – звучали в нём только потому, что не было иного слова, не существовало и не могло существовать понятия, соответствующего этому новому, человеческому состоянию" [с.250]. "Почти обезумев от ужаса, он старался представить, что люди имеют язык и говорят, и не мог – казались немыми; старался вспомнить их речь, смысл слов, которые они употребляли при сношениях, – и не мог" [с.252]. "И новою предстала жизнь. Он не пытался, как прежде, запечатлеть словами увиденное, да и не было таких слов на всё ещё бедном, всё ещё скудном человеческом языке" [с.259].

Иван Иванович

"От бурного ликования, от ненависти, от злобы он как будто терял мгновениями сознание и захлёбывался словами" [с.285].

В.Чуванов. О рассказах Леонида Андреева

"В его бессвязных, выстраданных словах выражена и основная тема последующего творчества Андреева – разоблачение антигуманистической природы буржуазного строя" [с.7].

11. Ф.Сологуб. Мелкий бес. М., 1989.

"Когда выписок накапливалось достаточно, он располагал их в порядке и пересказывал своими словами, – и вот составлялся учебник, печатался и

расходился, не так, как расходятся книжки Ушинского или Евтушевского, но всё-таки хорошо" [с.124]. "Церковная служба – не в словах и обрядах, а в самом внутреннем движении своём столь близкая такому множеству людей – Передонову была непонятна, поэтому страшила" [с.197].

Червяк

"Червяк!" – тихонько, одними губами повторяла она и вдумывалась в это слово. Самый звук казался ей странным и каким-то грубым. Почему червяк? Она расчлняла слово на слоги и звуки; гнусное шипение вначале, потом рокот угрозы, потом скользкое, противное окончание. Ванда брезгливо повела плечами, и холодок пробежал по её спине. Бессмысленный и некрасивый слог "вяк" повторялся настойчиво в её памяти, – он был ей противен, но она не могла от него отделаться" [с.290].

Белая собака

"Было тихо на дворе, ни светло, ни темно, и всё вокруг казалось замороженным беззвучным шептанием древних, вещих слов". "Качает головою и шепчет древние, ветхие слова. Чародейные слова..." [с.386].

Звериный быт

"Он думал, что ход разговора сам приведёт его к каким-нибудь заключениям, что лицо и глаза молодой девушки скажут больше её слов" [с.441].

12. В.Ерофеев. Тревожные уроки "Мелкого беса"

// Ф.Сологуб. Мелкий бес. М.,1989:

"Слово "глупый" – одно из наиболее часто встречающихся в романе" [с.11]. Что же это может означать, или какое это может иметь значение для нас? Это случайность или нет? Подумайте сами. Конечно, было бы интересно проверить, насколько, или в какой мере, оно и в самом деле распространено здесь, заодно установив, что же именно определяет и характеризует здесь это знаменательное слово.

"Когда Алексей Григорьевич слышал слова "погром, национальная политика, черта оседлости, ставка на сильных", ему казалось, что он слышит всё тот же, в человеческие формы облачённый, членораздельный, звериный вопль. Эти ужасные слова, эти звериные вопли не оставались только звуками, оскверняющими изначально чистый воздух земного бытия" (Ф.Сологуб. Звериный быт). Писатель глубоко и честно воспринимает действительность, и к его словам (мыслям и чувствам) нужно прислушиваться, сообщая и заодно с ним развивая своё мировоззрение, вкус и нравственность.

Для нас такие вот книги и тексты, как образцы вкуса и стиля, пока что ничем не заменимы. Без них всё дичаем, опускаемся и упрощаемся.

13. И.А.Бунин. Жизнь Арсеньева

"... оба погибли – Сенька и лошадь... Помню страшные слова: надо немедленно дать знать становому, послать стеречь "мёртвое тело"... Почему так страшны были эти совершенно для меня новые слова? Значит, я их уже знал когда-то?" [с.95]. "Ночью же тихо всходит над нашим мёртвым чёрным садом большая мглисто-красная луна – и опять звучат во мне дивные слова..." [с.185].

14. 3.Шаховская. Бунин

"Таланта своего в землю Бунин не зарыл и со словом обращался честно" [с.218]. "И сам он всю жизнь, по завету Гоголя, обращавшийся со словом честно, не написавший ни одной строчки в угоду людям или из-за соображений выгоды, мог сказать, умирая: "Мне кажется, я был неплохой писатель" [с.219].

15. Б.Зайцев. Осенний свет. М., 1990.

Аграфена

"То, что наполняло её, не равнялось слезам, а стояло за горизонтом человеческих слов и чувств" [с.99].

Спокойствие

"Натали, – сказал он себе, – Натали!". От этого слова захватило дух" [с.120].

Заря

"Батюшка бывал любезен; пил после молебна водку, закусывал пирогом, но всё же это был тот странный человек, который облачается в золото, при пении произносит малопонятные слова и присутствует на крестинах, свадьбах, похоронах" [с.172].

Путники

"Умирая, слово взяла – к отцу он не вернётся" [с.296].

Изгнание

"Здесь, среди древнего города, в одиночестве, я мог яснее, как мне казалось, оценить её и сказать о ней слово" [с.233]. "Как в Москве некогда у нас бывали либералы, так теперь появились эс-эры, эс-де и синдикалисты, последнее слово революционной техники". "Я следил за Россией, болел за бедный народ свой, бедную страну, о которой судили здесь вкривь и вкось, с преувеличениями, ходульными словами, часто свысока и редко с любовью" [с.234]. "Как нравилось ей в России маршировать в ногу с революцией, так тут она легко вошла в эту чужую жизнь – где тоже, конечно, были страшные слова, синдикалисты и эс-эры, но уже всё совершенно безопасное, безвредное и пресное" [с.235]. "Евангелие ценил когда-то холодно... Но теперь, когда я перечитывал давно забытые, удивительные слова, мне вдруг стало казаться, что это, правда, сверхъестественное писание"

[с.237]. "... пользуясь словами Франциска, я мог бы сказать: мой брат – океан, милые мои сёстры – облака, травы, водоросли. Здесь я также был наг и душевно прост, как дети, рыбы, бабочки" [с.239].

Мать и Катя

" – Бобка, где ты выучился говорить: отец родной? – Выучился! Обыкновенные дворянские слова" [с.244].

Душа

"Вечером, когда детские уста станут произносить слова молитвы: "Достойно есть яко во истину блажити Тя, Богородицу..." – ты сойди, душа мира, Свет мира, Богоматерь в ризах серебряных, "осени души страждущие" [с.310].

Преподобный Сергей Радонежский

"Это – непрерывное тренирование духа, – чтение слова Божия и житий святых, ежевечернее размышление о своих мыслях и желаниях за день <...>, мысли о смерти, пост, молитва, воспитание в себе чувства, что Бог непрерывно за тобою следит, и т.д." [с.482]. "Несколько слов истории. Главным предметом внутрирусской драмы в этот век была борьба Москвы и Твери" [с.503]. "Но если бы пришлось, он на своём спокойном и немногословном языке нашёл бы нужные слова – ответил бы не хуже Феодосия" [с.508]. "Не имея власти даже и церковной, неизменно словом, обликом, молитвой он поддерживает Русь, государство" [с.512]. "Прохлада, выдержка и кроткое спокойствие, гармония негромких слов и святых дел создали единственный образ русского святителя" [с.514-5].

Ю.Айхенвальд. Борис Зайцев

"... то аристотелевское "катарзис", от которого бесконечно далеки многие произведения современного слова". "Это и характерно для Зайцева: он чувствует ужас, и ужас в его спокойных словах: "диагноз оказался простой – "чахотка", – но мир посылает ему свои целительные волны, даёт великое "спокойствие" [с.521]. "Отдельные эпитеты Зайцева спорны; но даже в его вычурах, в словах, ему одному принадлежащих ("запрозрачнело", "влажнело", "светло-летающий голубь", "смотреть длинно", не чувствуется литературы, – это не манерно, не придумано, это сказалось само собою; и всегда он как-то так скажет, по-особому, что непременно взволнует". "И порою в этих немногих словах даётся большая психология, видны человеческие дали". "Или про слова любимой женщины говорит герой: "Если бы я мог собрать их, как слёзы или драгоценности, я бы их зашил в ладанку и носил на груди, вечно" [с.523].

"Чёрное" – это для Зайцева не только слово: он черноту ощущает, ею страдает, и чёрные ветры черносотенных убийств и насилий выют для него от той самой Ночи, которая в спокойном, застывшем отчаянии смотрела на борьбу человека с волком и которая смотрит на борьбу человека с челове-

ком" [с.526]. "Вообще трудно передавать содержание зайцевских рассказов, – да его и нет, этого обыденного "содержания", а есть человеческая музыка, и хочется только читать и выписывать все эти ласкающие слова" [с.527]. "Лёгкий ветер времени", сметая всё, неприкосновенными оставляет некоторые слова. Пролетая над Россией, он, несомненно, среди других, более мощных и жгучих слов, пощадит и прекрасные в своей тишости печальные, хрустальные, лирические слова Бориса Зайцева" [с.530].

Тимофей Прокопов. Борис Зайцев: судьба и творчество

"Он издал целую библиотеку книг, восхищавших самых взыскательных ценителей искусства слова" [с.6]. "Затем, продолжает экскурс в детство Борис Константинович, "капитана Немо ждёшь, как подарка, каждую субботу (приложение к "Задуманному слову" – какое название!)" [с.7]. "Валерий Брюсов... "Г. Зайцев, по-видимому, сознаёт пределы своего дарования, и всё его творческое внимание устремлено на частности, на отточенность слога, на изобразительность слов". "А.Г.Горнфельд: "Его слова умные, наблюдательные, нежные и определённые, – как то озеро, о котором он говорит в "Тихих зорях" [с.10].

"... за последние двадцать лет "не создано никаких новых ценностей, напротив, произошло невероятное обнищание, оглушение и омертвление русской литературы", "дошли до самого плоского хулиганства, называемого нелепым словом "футуризм". Это ли не Вальпургиева ночь!" (Бунин) " [с.16]. "В однодневной газете "Слово – свобода" Клуба московских писателей 10 декабря 1917 года он печатает политический очерк "Гнёт души свободное слово. Старая, старая история..." [с.18]. "... тема благодарная и значительная как высокий нравственный урок, как пример подвижнического служения великому искусству слова" [с.22].

"Ваши слова текут, как текут Ваши реки в начале книги; и виды, люди, годы, судьбы ложатся и раскидываются по страницам" (Б.Пастернак)" [с.26]. "Талантливый мастер слова, так много и хорошо поработавший во славу русской литературы, возвращается на родную землю, вырывается из десятилетий забвения" [с.30].

16. М.Осоргин. Времена. Ек., 1992.

(Сивцев Вражек, Свидетель истории, Книга о концах, Времена).

"Солнце думало, что жизнью земли руководит оно. Вся человеческая жизнь рисовалось ему лишь воплощением энергии его лучей. Оно населило полярный север высшими формами органического мира; когда пришло время, оно создало страшную катастрофу живущего, убило высокую культуру полюсов и развило отсталую экватора до совершеннейших форм. Оно смеялось над стараниями земных организмов приспособиться над их борьбой за существование, мало влиявшей на улучшение породы и облегчение

жизни. Всё, что делал полип или человек, – было делом его, солнца, было его воплощённым лучом. Ум, знание, опыт, вера, как тело, питание, смерть, – были лишь превращением его световой энергии" [с.7].

"Хотите по совести скажу вам? Вот я – учёный человек. Книг перечитал столько, что вам и одних заглавий не прочесть и не понять. Толку от них никакого, т.е. для жизни, для понимания; всё равно и без них было бы. Тоже и мне, как и вам, скучно бывает. И тоже я не строитель, не гожусь, хотя, может быть, и посильнее вас. Тут всё просто. Хотите себе дорогу пробить? Тогда будьте сволочью и не разводите нюни. Время сейчас подлое, честью ничего не добьёшься. А не хотите, – тогда, говорю вам, лучше убивайте мысли вином. Хлещите денатурат, чтобы скорее сдохнуть, отлично действует. Какой вы воин. Никто вас не боится, никто вас, значит, не уважает. Робкий вы человек, а таким сейчас крышка. Вас какой-нибудь Денисов, наш преддомком, жулик и хам, одним ногтем придавит, даром, что вы на вид его сильнее. Вот он не пропадёт. А впрочем – ваше дело" [с.107].

"Удивительно, – сказал он, – до чего излишек слов портит первоначальную мысль. Вы мой поток слов прервали отличным замечанием и сразу сбили меня с позиции. А затем – вы сами увлеклись кокетством мыслей и слов, я опять спасён, по крайней мере, не чувствую больше смущения. Ужасная нелепость этот наш интеллигентский язык" [с.121].

"И как прежде для Колчагиных придумывали девизы "за веру, царя и отечество", – так и сейчас писали белым по красному: "за социализм и советскую власть". Слова, как и прежде, непонятные и ненужные; но смысл в них, как и прежде, каждым вкладывался свой. Колчагины понимали это так: спасайся сам и спасай своих. И бились Колчагины за страх и за совесть" [с.187].

"Думал дальше: "Все эти наши события, – революция, казни, борьба, надежды, и весь наш быт, и всё наше бытие, – ведь это только... черкнуло крылышком по воздуху ласточка, и на минуту остался зрительный след. Но не более, не более, не более. Ну, а что же есть, что реально? Только – пустота. Отжатая мысль, сама себя поглотившая. Круглый нуль и пу-сто-та" [с.207].

"Вышла за ним и Танюша. Но она не знала слов, какие нужно было ему сказать. И есть ли такие слова?" [с.219].

"Те, кого называли вождами, меньше всего были похожи на былинных богатырей, – были худосочны, вихрасты, говорливы и лишены мускулов. Очень красиво и громко звучало слово "народ"; но почему его, этого нового бога, нужно жалеть, как слабого и голодного ребёнка, – этого Наташа никак понять не могла" [с.226].

"Всё проходит – остаются книги. В книгах строчка за строкой нанизано то, что было, и то, чего быть не могло. За тысячу человек думает один, и с его пера стекает на бумагу недалёкая мудрость и ненарочная выдумка. Будто бы вот в эти годы, вот этой мыслью жили в России все люди или уж, в

крайнем случае, – все лучшие. А это не так: одним живёт пьяный кучер Пахом, другим, – пастух деревни Фёдоровки, великий мыслитель и искусник по лапотной части, и ещё совсем иным – городской человек. А старая липа в калымовском саду как росла тогда, так и по сей день даёт цвет и не хочет сохнуть, и никак не убедишь её, что важное случилось и описано в книгах парадными словами" [с.228].

"Смерти, Олень, нет, есть только слово "смерть", а вопроса такого нет совсем. Есть слово "мысль", и я понимаю его, представляю себе, что это такое. Есть слово "смерть" – но я не понимаю его и не представляю себе. Я понимаю ощущение верёвки на шее, сдавленного горла, красных и тёмных кругов в глазах – но это ещё не смерть. Сердце перестанет работать, и я, вот такая, сегодняшняя, исчезну – но я буду жить в чём-то другом, телом и духом; может быть, мне удастся превратиться в зелёную травку весны девятьсот седьмого года... Или в свет электрической лампочки...". Бедная Наташа! Ведь всё это – слова, наивная философия! Бедная Наташа, так мало жившая!" [с.294].

"Это – Урал. Это – Россия, знакомое слово огромного и неясного смысла. Наташа смотрит в окно вагона, и перед ней быстрым парадом мелькают лиственницы и старые ели, а за ними, на дальних планах, не спеша проходят и округло повёртываются отряды других хвойных.

И в первый раз с полной ясностью Наташа понимает, что её молодость была погоней за ничтожным, незначущим и ненужным. Потому что всё равно, какой человек подписывает листок бумаги в комнате большого города и что в этом листке написано казённым канцелярским языком. И совсем неважно, о чём совещаются люди в обширной зале и кто кого берёт за горло и швыряет в яму. И неважно это, и ненужно, и смешно. Можно закрыть глаза, лечь, спать день и ночь, дни и ночи, – а деревья будут так же мелькать, горизонты медленно меняться, вершины холмов и гор поворачиваться на оси и уходить за край оконного просвета. Извиваясь, поезд сойдёт в низкую долину, скользнёт мимо жилых мест, задержится у станции – и побежит опять, звонко отсчитывая мосты и ныряя в туннели.

Это и есть Россия, придуманное имя, не народ, не государство, а необъятное пространство лесов, степей, гор, долин, озёр и рек.

Кто-то простёр руки в пространство и говорит: "Оно моё!". Но он не может обхватить даже ствола одной сосны, его пальцы не сойдутся! И если все миллионы людей, живущих в стране, возьмутся за руки и образуют цепь, – они охватят только один из её лесов!" [с.351-2].

"При слове "война" они делают скорбное лицо: печальная необходимость" [с.458].

"Жизнь – картинная галерея. По улице, на которую выходит окно нашей хибарки, скоро потянутся повозки с виноградом и те незамысловатые

давить машины, залитые кровавым соком, которые странствуют по дворам местечка в дни виноградного сбора" [с.588].

17. В.Набоков. Истребление тиранов. Мн., 1989.

Машенька

"Машенька, – опять повторил Ганин, стараясь вложить в эти три слога всё то, что пело в них раньше, – ветер, и гудение телеграфных столбов, и счастье, – и ещё какой-то сокровенный звук, который был самой жизнью этого слова" [с.54].

Защита Лужина

"Не за что, не за что", – ответила она и много ещё произнесла таких слов, – бедные родственники настоящих слов, и сколько их, этих маленьких сорных слов, произносимых скороговоркой, временно заполняющих пустоту" [с.144].

"...и она подумала, что какие же это они разговоры ведут – всё тят да ляп, случайные словечки" [с.167].

"Где лес, лес? – настойчиво спросил Лужин и, так как это слово не вызвало ответа, попробовал найти синоним. – Бор? Вальд? – пробормотал он. – Парк?" – добавил он снисходительно" [с.179].

"То, что он вспоминал, невозможно было выразить в словах, – просто не было взрослых слов для его детских впечатлений, – а если он и рассказывал что-нибудь, то отрывисто и неохотно, бегло намечая очертания, буквой и цифрой обозначая сложный, богатый возможностями ход" [с.192].

"Речь его была неуклюжа, полна безобразных, нелепых слов, но иногда вздрагивала в ней интонация неведомая, намекающая на какие-то другие слова, живые, насыщенные тонким смыслом, которые он выговорить не мог" [с.195].

"И почему-то слово "партия" всё проплывало в мозгу – "хорошая партия", "найти себе хорошую партию", "партия", "партия", "недоигранная, прерванная партия", "такая хорошая партия" [с.205].

"Дорогой мой, – просиял словами Валентинов, –счастлив тебя увидеть. Мне говорили, что ты в псоте, болен, дорогой. Но ведь это какая-то путаница" [с.243].

Сказка

"Её неяркие губы чуть вздрагивали, словно повторяя все маленькие, мягкие движения щенка, вздрагивали её ресницы – такие сверкающие, что казались тонкими лучами её играющих глаз, – но, может быть, прелестнее всего был изгиб щеки – слегка в профиль, – этого изгиба, конечно, никакими словами не изобразишь" [с.403]. "Когда она прошла, Эрвин заметил, от двери слева, папиросную рекламу – светлоусый турок в феске и крупное слово: "Да!" – а под ним помельче: "Я курю только Розу Востока" [с.404].

"Рождество": "– Я больше не могу... – простонал он, растягивая слова, и повторил ещё протяжнее: – Не – могу – больше" [с.415]. Что значит "растягивать слова"? Произносить медленно, длинно, делать долгие паузы между словами и слогами. Здесь "слово" – форма, звуковой состав, не семантика.

Подлец

"Дуэль. Здорово это звучит: дуэль. У меня дуэль. Я стреляюсь. Поединок. Дуэль. "Дуэль" – лучше" [с.433]. "В городе у него была уйма дел, но делами он не мог заниматься. Дуэль. Красивое слово" [с.434].

Соглядатай

"Какое ещё нужно напряжение, до какой ещё пристальности дойти, чтобы словами передать зримый образ человека?" [с.482].

"Музыка, – сказал Смуров, повысив голос, – иногда выражает то, что в словах невыразимо. В этом смысл и тайна музыки" [с.498].

Музыка

"Как мы счастливы. Шелестящее, влажное слово "счастье", плещущее слово, такое живое, ручное, само улыбается, само плачет, – и утром листья в саду блистали, и моря почти не было слышно – томного серебристо-молочного моря" [с.537]. "Вот тоже интересное слово: Конец. Вроде коня и гонца в одном. Облако пыли, ужасная весть" [с.538].

Весна в Фиальте

"... да, всё случилось так просто, те несколько восклицаний и смешков, которые были нами произведены, так не соответствовали романтической терминологии, что уже негде было разложить парчовое слово: измена..." [с.568].

Лик

"В Соединённых Штатах имеется тайное общество, в котором слово "деньги" считается неприличным, а если нужно платить, то заворачивают доллар в туалетную бумагу. Правда, только богачи примыкают, беднякам некогда" [с.600].

Истребление тиранов

"Целое сильнее части, – отвечал он, грубо конфузясь, – эрго я теперь не знаю, сам ли я слышал от него деревянные слова, или их потом передавали как изречение оригинала..." [с.615].

18. Б.Пастернак. Доктор Живаго. Кн. 1-2. Вильнюс, 1988:

"Сейчас он ничего не боялся, ни жизни, ни смерти, всё на свете, все вещи были словами его словаря" [с.60]. "Юрию Андреевичу не было слышно, что ответила Лара. Он стал следить за тем, что говорила Сима: "Можно пользоваться словами: культура, эпохи. Но их понимают так по-разному. Ввиду сбивчивости их смысла не будем прибегать к ним. Заменим их другими выражениями" [II, с.133].

"После двух-трёх легко вылившихся строф и нескольких, его самого поразивших сравнений, работа завладела им, и он испытал приближение того, что называется вдохновением. Соотношение сил, управляющих творчеством, как бы становится на голову. Первенство получает не человек и состояние его души, которому он ищет выражения, а язык, которым он хочет его выразить. Язык, родина и вместилище красоты и смысла, сам начинает думать и говорить за человека и весь становится музыкой, не в отношении внешне слухового звучания, но в отношении стремительности и могущества своего внутреннего течения. Тогда подобно катящейся громаде речного потока, самым движением своим обтачивающей камни дна и ворочающей колёса мельниц, льющаяся речь сама, силой своих законов создаёт по пути, мимоходом, размер и рифму, и тысячи других форм и образований ещё более важных, но до сих пор неузнанных, неучтённых, неназванных" [II, с.155].

"Не сам он, а что-то более общее, чем он сам, рыдало и плакало в нём нежными и светлыми, светящимися в темноте, как фосфор, словами" [с.160].

М.Кучерская/НМ, 1991/9: "С кем ты? С мёртвым словом лжи, клеймящим Пастернака и прочих "последышей буржуазного эстетства", но обеспечивающим его носителю выживание? Или с живым словом истины, грозящим, однако, прямой гибелью?". "... повести, целиком построенной на напряжённом противостоянии, с одной стороны, слова газетного, безликого, пустого, отполированного ложью..., с другой – гибкого, свежего, звонкого слова русской поэзии, обладающего животворящей способностью озвучивать и обращать в плоть даже обычные сочетания букв" [с.254].

19. А.Солженицын. В круге первом. М., 1990.

"В слове "император" ничего плохого нет, это значит – повелитель, начальник" [с.155]. "Что-то приятное находил он также в самой игре слов, напоминающей старый мир: чтобы были не "заведующие школами", а директоры; не "комсостав", а – офицерство; не ВЦИК, а – Верховный Совет (верховный – очень слово хорошее)". "В тридцатые годы из одной лишь политики он оживил забытое, пятнадцать лет не употреблявшееся и на слух почти позорное слово *Родина*" [с.157]. "... и "математик", и "поэт" были заменены по известному чудачеству Сологдина говорить на так называемом Языке Предельной Ясности, не употребляя птичьих, то есть иностранных слов" [с.185].

"Сфера – птичье слово!" [с.186]. "В стране, где водка почти и видом слова не отличается от воды, Наделашин и при простуде не глотал её" [с.185-6]. "Наделашин не умел ни материться, ни даже употреблять такие слова, как "чёрт" и "сволочь" [с.196]. "Может, хоть там свобода слова, стукачей нет" [с.220]. "Те же три слова того же ругательства, хотя и в другом порядке, легли привычно, и Хоробров откинул боевик" [с.224]. "Зачем вы употребляете слово "Боже"? Ведь вы – жена чекиста?" [с.237]. "Вот за слово

"капитализм", которое я не нашёлся сразу заменить "толстосумством", и за слово "шпионить", которое я сгоряча поленился заменить словом "доглядывать", – я и поставил себе две палочки" [с.243].

"Она хотела бы сейчас ни о чём другом не слышать, и ни о чём другом не думать, как только о Глебе, о разговоре, который вот будет у них, и о том долгом, что нескончаемо уходило во мглу прошлого и мглу будущего, что было не он, не она – вместе он и она, и называлось по обычаю затёртым словом "любовь" [с.276]. "Началом своей инженерной работы Илларион Павлович застиг то время, когда слово "инженер" равнялось слову "враг" и когда пролетарской славой было подозревать в инженере – вредителя" [с.290]. "Но не хочу я разговаривать в твоей терминологии – какой-то "капитализм"! какой-то "социализм"! Я этих слов не понимаю и не могу употреблять" [с.352].

"А во вторник опять предстать перед теми двумя, уверенными, знающими готовые слова, готовые повороты" [с.368]. "Она поехала из Лефортова через всю Москву на Красную Пресню к жене Сологодина передать ей три заветных слова мужа" [с.371]. "... уже два года Рубин трудился над грандиозной, в духе Энгельса и Марра, работой по выводу всех слов всех языков из понятий "рука" и "ручной труд" – он не подозревал, что в минувшую ночь Корифей Языкознания занёс над Марром резак" [с.396]. "Музыкальные передачи он мог слушать в день не более часа, а передач, состоящих из слов, его нервы вовсе не выносили, как и лживых книг" [с.410].

"Нельзя ж было подумать, что человек на тридцать третьем году революции может произносить это слово <"господа"> серьёзно" [с.421]. "... но вы уже теперь уверены, что докажете происхождение всех слов от слова "рука". Это – объективность? " [с.430]. "И на этом они строят свой прогресс! Как я ненавижу это бессмысленное слово "прогресс"! " [с.430]. "Он с юности был ограждён от книг неправильных, и читал только заведомо правильные, оттого укоренилась в нём привычка: верить каждому слову, вполне отдаваться на волю автора" [с.454]. "Эпикурец" принадлежит к числу слов, не понятных во всеобщем употреблении" [с.472].

"Начнёт он её <статью> не прямо, начнёт с каких-нибудь самых святых слов Белинского или Некрасова, с которыми только злодей может не согласиться" [с.478]. "Ты опять предпочитаешь забрасывать собеседника птичьими словами" [с.496]. "Он избегал иноземного непонятного слова "реакционер" <попятник, мракобес>" [с.499]. "Ты легко и часто повторяешь: "отрицание отрицания". Но что ты понимаешь под этими словами?" [с.502]. "Приноровляясь к Нержину, он иногда вворачивал (чаще – некстати) такие слова, как "принцип", "период" и "аналогично" [с.511].

"И пустили тогда по ветру слово такое: интенсивник. Слово это значило: кто хозяйство хочет вести крепко, но не на батраках, а – по науке, со счёткой" [с.512]. "Понятие "родина", "религия" и "социализм", не употре-

бительные в будничном повседневном разговоре, были совершенно неизвестны Спиридону – уши его будто залегли для этих слов, и язык не изворачивался их употребить" [с.518]. "Класс" – птичье слово!" [с.525]. "Тридцать лет вы живёте и дышите этим девизом", – сгоряча сорвалось иностранное слово, но оно было хорошее, рыцарское" [с.527]. "А защита от птичьих слов?" [с.531]. "За такие слова морду бьют!" [с.532].

"Каждое слово проекта приходилось мучительно, уточнённо выбирать из синонимов" [с.547]. "В одной газетке-сплетнице... кто-то шепнул ядовитое словцо – космополит. И слово было найдено!". "Прекрасное гордое слово, объединявшее мир, слово, которым венчали гениев самой широкой души – Данте, Гёте, Байрона, – это слово в газетёнке слиняло, сморщилось, зашипело и стало значить – жид" [с.550]. "Ведь в революцию и ещё долго после неё слово "еврей" было куда благонадёжнее, чем "русский" [с.551].

"Слова вырывались из него, но, как бы описав бесплодную петлю в тёмном воздухе, бумерангом возвращались к нему же и терзали грудь" [с.560]. "Слово для оглашения проекта резолюции имеет товарищ Степанов!" [с.588]. "Захваченный врасплох и боясь повторить это обоюдоострое слово <иудей-жид>, за которое так недавно давали десять лет как за антисоветскую агитацию, а когда-то и к стенке ставили" [с.590]. "В словаре Фомы Гурьяновича не было слова "скорбный" [с.647]. "О, ещё бы он не понимал! "Надо" и "срочно" – на этих словах вырос комсомолец Лёвка Рубин" [с.651]. "Вы – отвечаете за свои слова?" [с.656].

"Было такое ощущение, что он сейчас в двух словах объяснит, что такое окружающий мир" [с.661]. "Лектор не затруднялся ни в выборе слов, ни в телодвижениях" [с.662]. "Да если б я верил, что у человеческой истории существует перёд и зад! Но у этого спрута нет ни зада, ни переда. Для меня нет слова, более опустошённого от смысла, чем "прогресс" [с.686]. "... в Начале было Слово. Значит, Слово – исконней бетона? Значит, Слово – не пустяк" [с.687]. "... в "прожарке". Слово это было новое для Иннокентия" [с.711]. "Или – десять лет в одиночке и ни слова вслух?" [с.715].

"Сомнение есть добросовестность познания, но до какого же рубежа отступать в сомнении? Действительно, если нигде в мире не останется свободного слова, "Таймс" будет послушно перепечатывать "Правду", негры Замбези – подписываться на заём, луарские колхозники – гнуться за трудодни, партийные хряки – отдыхать задесятью заборами в калифорнийских садах – для чего тогда останется жить?" [с.730]. "У Нержина был природный дар не задумываясь сложить жалобу в немногочисленные разящие слова и произнести их единым духом в ту короткую секунду, когда открывается кормушка в двери камеры" [с.735].

"Разве вежливыми словами выразишь вой ущемлённого?" [с.751].

20. М.Козаков. Актёрская книга. М., 1997.

"... хотя именно он был замечательным педагогом в прямом смысле слова" [с.34]. "Он не был режиссёром в серьёзном смысле этого слова: не мог бы придумать трактовки спектакля или роли и, конечно, не мог бы поставить спектакль" [с.49]. "Репертуар – это, как говорится, краеугольный камень всего института, именуемого театром. Как бы замечательны ни были актёры, художник и сам режиссёр с его авторством, тем не менее сказано: "В начале было слово!" [с.73]. "В ответном слове я пытался восстановить истину, говоря, что опоздания даже не были зафиксированы в приказах, что "злоупотребляю" дома в свободное от работы время" [с.85].

"Услышу ужасные слова – склероз, маразм" [с.88]. "... обязательная декларативность, которая именовалась гражданской позицией. В лексиконе театра слово это стояло на первом месте, и временами ухо уставало от сочетания звуков: "гражданская позиция", "гражданственность", "гражданин", "по-граждански", "не гражданственно" ... Ох!". "Так бывает всегда, когда какое-нибудь замечательное понятие или слово стирается, как подошва, стаптывается, как каблук, замусоливается, как рубль алкаша" [с.109]. "Шалашовка" – от слова "шалава", женщина, живущая с кем-либо из лагерного начальства" [с.139].

"Но мы, актёры (мимика), не умеем говорить от себя, мы привыкли говорить чужими словами" [с.158]. "Актёр, даже самый что ни на есть талантливый, он всё-таки чужие слова говорит" [с.417]. "Виктор Платонович обращается к нему по-французски, говорит медленно, будто подбирая слова" [с.219]. "Ведь тогда, в 50-м, в свои шестнадцать, я был в религиозно-философском смысле слова абсолютно дремучим пареньком" [с.240]. "Абсорбция. Что это за слово?" [с.257]. "Иногда забываю слова. Есть акцент" [с.264]. "Зимой слова сказать не с кем. В общем, как я понял, здесь у него нет настоящего общения" [с.309].

"Зато время от времени возникают так называемые шлягеры (в иврите есть это слово, как и другое, русское – халтура, в привычном нам значении "приработок") [с.270]. "Лишь язык матери способен создать чувственную связь между оттенком, теплотой слова, раскатом звуков, ритмом фразы и актёром, человеком, произносящим текст роли на сцене" [с.273]. "И он, порой уже слегка заплетающимся языком, читал "на бис", иногда даже путая слова" [с.279]. "На панихиде в Доме литераторов, где стоял гроб с его телом, вместо прощального слова я прочёл его стихи" [с.313].

"Искусство художественного слова. Публичное исполнение стихов и прозы, которому когда-то ещё Гоголь предсказывал в России расцвет ("мы ведь привыкли всё делать сообща", писал он), в последние десять лет и так дышало на ладан" [с.335]. "У великого чтеца Закушняка – учение об искусстве слова" [с.417]. "Уже на следующий день я стоял в селе Горки, опять

перед толпой крестьян с детьми на руках, и мучительно подбирал слова" [с.342]. "В Израиле, где слово "Бог" грешно произнести или написать, где используют, говоря о Всевышнем, десятки слов, в само Его существование верят лишь носящие кипу" [с.351]. "Когда объявили, что слово имеет представитель завода "Красный пролетарий", я ушёл" [с.407].

21. С.Г.Кара-Мурза. Советская цивилизация. Х.-Белг., 2007.

"В сознании массы (даже членов компартий) "холодная война" стала не более чем метафорой и перестала приниматься во внимание как фактор, влиявший на все стороны жизни СССР. Левая пресса приняла фразеологию и критерии либеральной идеологии в оценке образа жизни, а ведь все мы – "рабы слов", на что указывали и Маркс, и Ницше" [с.331]. "Другим важным чудовищем, созданным в антисоветском сознании, была **номенклатура**. Слово, которое всего-навсего означает принятый в СССР порядок подбора и назначение кадров на должности высокого уровня в аппарате управления, вдруг обрело статус какого-то чуть ли не живого существа, которое охватило своими щупальцами всю страну и ворочает всеми делами" [с.514].

"Лечить общественное сознание придётся ещё очень долго. Причина в том, что, как установил в 1932 году И.П.Павлов, у русских "условные рефлексy координированы не с действием, а со словом". Павлов считал эту национальную особенность неблагоприятной, так как она затрудняет возможность "воспринимать действительность как таковую" (Б.Т.Величковский. Реформы и здоровье населения страны. М., 2001)" [с.604]. "Крупный современный экономист Л. фон Мизес предупреждал: "Склонность к гипостазированию, т.е. приписыванию реального содержания выстроенным в уме концепциям, – худший враг логического мышления" [с.507].

"Не хотелось бы, конечно, вводить иностранное слово, но трудно подобрать краткий русский эквивалент слову гипостазирование. В словаре читаем: "*Гипостазирование* (греч. *hypostasis* – сущность, субстанция) – присущее идеализму приписывание абстрактным понятиям самостоятельного существования. В другом смысле – возведение в ранг самостоятельно существующего объекта (субстанции) того, что в действительности является лишь свойством, отношением чего-либо" [с.506].

"Ещё в прошлом веке Ле Бон ("Макиавелли массового общества", как называли его недавно) писал: "Могущество слов находится в тесной связи с вызываемыми ими образами и совершенно не зависит от их реального смысла. Очень часто слова, имеющие самый неопределённый смысл, оказывают самое большое влияние на толпу. Таковы, например, термины: демократия, социализм, равенство, свобода и т.д., до такой степени неопределённые, что даже в толстых томах не удаётся с точностью разъяснить их смысл" [с.507].

1. П.В.Анненков. Материалы к биографии Александра Сергеевича Пушкина. М., 1999.

"... и молодой Пушкин <...> знал корифеев нашей словесности не по одним произведениям их, но и по живому слову, выражающему характер человека и западающему часто в юный ум невольно и неизгладимо" [с.9]. "Несколько листов Записок заняты ученическими, бессвязными куплетами, в которых повторяются слова, части речи и любимые фразы людей, окружавших Пушкина, не представляя почти никакого смысла сами по себе" [с.22].

"Нерасположение любителей русского слова к новым явлениям в нашей литературе подало мысль арзамасцам назвать своих участников именами и словами, встречающимися в балладах Жуковского, которые особенно не нравились тогда защитникам серьезной поэзии и старых форм стихотворства" [с.41]. "<...> всякий новоизбранный член обязан был сказать похвальное слово не умершему своему предшественнику, потому что таких не было, а какому-либо члену "Беседы любителей русского слова" или другому известному литератору" [с.43].

"В Записках своих он насмешливо советует русским литераторам прислушиваться к разговору московских просвирен: Пушкин не замедлил представить образцы сжатого и сильного русского слова, которого искал уже с начала своего поприща" [с.85]. "<...> и редко случается, как сейчас увидим, встретить в немногих простых словах так много существенного и вызывающего на размышления". "Пожури моего брата за то, что он не сдержал своего слова" [с.103]. "Слова, достойные ума светлого и человеколюбивого" (П.)" [с.140].

"Скажем несколько слов о новом журнале, существование которого Пушкин признавал одно время совершенно необходимым как для себя, так и для литературы" [с.146]. "<...> напиши ему слово обо мне, оправдай меня в его глазах, да пришли его адрес" [с.153]. "В полном разгаре полемики, в 1831 году, Пушкин слышал предостерегающие слова, которые, казалось, произносили были самой мудростью: "Всякая брань бесчестит того, кто произносит её, а не того, на кого направлена она. Оружие против неё – презрение. В сатирах Пушкина можно найти ум, но ещё более желчи" [с.209].

"Хладнокровие. Это слово не только перевод буквальный, но ещё и ошибочный; настоящее выражение французское есть *Sens froid* – хладномыслие, а не *Sang froid*. Так писали это слово до самого XVIII столетия" [с.212]. "<...> но никто не думал определить, что разумеет он под словом народность" (П.). "Другие видят народность в словах, оборотах, выражениях, т.е. радуются тому, что, изъясняясь по-русски, употребляют русские выражения" (П.)" [с.217].

"Пушкин обратил преимущественно внимание только на две яркие черты современной ему критики: филологические прицепки к словам и на требование *чинности*, преследовавшие его с самого вступления на литературное поприще. Мы говорим *чинности* – в отличие от приличия, которое есть первый долг каждого писателя" [с.251]. "В словах этих, извлечённых из неоконченной полемической статьи, хорошо виден человек, поражающий соединением гениальности с простотой характера, обращения и языка" [с.252]. "Здесь представляется возможность сказать несколько слов вообще об отношениях его к историческим исследованиям и трудам той эпохи" [с.257].

"<...> откуда простираю к вам руки и воплю гласом великим: пошлите мне слово живое, ради Бога... Никто мне ничего не пишет" (П.)" [с.258]. "Слова эти требуют пояснения". "<...> и после пометки места печатания, года и типографии слова: "С дозволения начальства" [с.259]. "В словах Мери-ме, может, заключается более истины, чем сколько он сам предполагал" [с.316]. "Он любил игру мыслей, как и гармонию слов" [с.335]. "... и помещает вместе с тем всякое слово или мысль, как только вышли они, по своему значению, из безразличного говора людей" [с.337].

"Никогда великий иностранный образец, если бы даже и был понятен всему кругу читателей, не даст и в половину того, что даёт современникам художник родного слова, творящий, так сказать, перед ними и перед ними поправляющий себя в каждом новом создании" [с.337]. "Значение их ещё возвышается короткими, отрывочными словами Пушкина, обнаруживающими его собственное суждение и взгляд на предметы" [с.342].

"... печатать чужие произведения с согласия или по просьбе автора до сих пор никому не воспрещалось. Это называется *издавать*: слово ясно; по крайней мере до сих пор другого не придумано" [с.350]. "... являясь как последнее слово поэта, как предел, за который он уже не перейдёт, – все эти создания опровергали собственными качествами характер, сообщённый им неожиданной и преждевременной смертью" [с.364]. "Пушкин был любезен, добродушен и радовался всякому счастливому слову от души" [с.412].

2. Ю.Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара. М., 1984.

"Бунт и женщины были сладострастием стихов и даже слов обыденного разговора" [с.20]. "Всегда в крови бродит время, у каждого периода есть свой вид брожения. Было в двадцатых годах винное брожение – Пушкин. Грибоедов был уксусным брожением. А там – с Лермонтова идёт по слову и крови гнилостное брожение, как звон гитары" [с.21]. "Ласковостей я вам, Александр Сергеевич, никаких не оказывал; этого слова в моём лексиконе даже нет; это вам кто-то другой ласковости оказывал" [с.34]. (Ср.: любезности). "Чаадаев отодвинул рукой его слова" [с.41]. "<...> тут он не нашёл подходящего слова" [с.72].

"Грибоедов придвинул кресло и, по-английски сберегая слова в разговоре, молча указал на завтрак" [с.75]. "Нессельрод преклонялся перед словами: депеша и меморандум" [с.97]. "Александр, – сказала она строго, – этого никто нынче не делает, посмотрите: никого нет" <...> У человеческих слов всегда странный смысл – про тысячную толпу можно сказать: никого нет" [с.114]. "Трагедия была прекрасна. Она должна была врезаться в пустяшную петербургскую литературу словом важным и жестоким" [с.155]. "Они будут ждать подвигов чрезвычайных, слов никогда не бывалых, острот язвительных" [с.157]. "Не имею слов, чтобы тебя отблагодарить" [с.158].

"В последнее время мне очень, очень... (и какая сила убеждения была в слове: очень)... везёт в игре" [с.198]. "И Фаддей тут же вытащил большой карандаш и маленькую книжечку и стал записывать так тщательно, что ему говорил грек, как будто это были слова присяги" [с.241]. "А.С.Г. в разговоре со слугою Александром – слово: скот. Разъяснил ему историю сего слова. Словарь Дюканжа – *scot*, *scottum* означает деньги, подать, набор (англосаксонское наречие). *Rome – scot* – подарок денежный папе. Ср. *rescipiae* – деньги – *recuts* – скот по-латыни". "Как слова меняют смысл (франц.)" [с.242].

"Или вдумайтесь, полковник, в эту фразу: "Горы есть ключ к овладению плоскости". Тут ведь, если хотите, вся кавказская стратегия заключена в одну фразу, в единое слово: ключ" [с.253]. "Гарем... Забудем связанные с ним слова: подушки, кальяны, шальвары, перси и глаза" [с.311]. "Мальцов полагал, что дипломатия – это сплошь тонкая штука, что каждое слово дипломатии должно быть закорючкой" [с.333]. "Он перестал понимать звание: полномочный министр. Персиянское слово Вазир-Мухтар казалось ему понятнее" [с.341].

"Он помолчал, потом снял с мизинца перстень, надел ей перстень на палец, сказал одно армянское слово: любовь, и приказал ей, чтоб она повторила. Потом надел ей второй перстень и сказал армянское слово: жизнь, и приказал, чтоб она повторила. И дал ей третий перстень и заставил повторить слово: поцелуй" [с.362-3]. "<...> и каждый раз приносил подарки Диль-Фируз и заставлял её повторять по три слова" [с.364]. "Визири рассуждают громко, при открытых окнах и дверях. Стоящие во дворе ферраши прислушиваются. Потом слова выползают на улицу и гуляют по базарам" [с.394].

"Уже столетие назад слово "измена" казалось взятым из оды или далёкого предания. Уже столетие назад заменил Мицкевич "изменника" – "ренегатом". "Измена" стало словом военным и применялось только в том случае, если человек изменял один раз, – двукратная измена уже переходила в разряд дел дипломатических". "Прапорщик Скрыплев просто болтался у русской миссии. Он не был ни изменником, ни ренегатом. Для него в языке существовало другое слово: перемётчик. Пространство и время по-разному влияют

на слово "измена". Пространство делает его коротким и страшным. Солдат пробирается ночью во вражеский лагерь и предаётся врагам" [с.407].

"И всё же нет слова более страшного, чем измена. Государства оскорблены ею, как человек, которому изменила любовница и которого предал друг". "Фаддей, верный и любимый друг Александра Сергеевича, русский офицер, передался французам, сражался против русских войск в 1812 году, попал в плен к своим и стал русским литератором. Восемь лет сделало измену расплывчатым словом, пригодным для журнальной полемики" [с.408]. "Я хочу, – сказал юноша, – чтобы сам император мне ответил". Нессельроде крайне озабочился этими словами и понял, что нужно действовать тонко, издалека" [с.457].

"Он привык внимать словам приказов, как особым словам, непохожим на человеческую речь. Они имели не смысл, не значение, а собственную жизнь и власть" (Подпоручик Кijke).

3. А.К.Виноградов. Повесть о братьях Тургеневых. Л., 1983.

"Иван Петрович читает и выхваляет: "Хорошо, Саша, правильно пишешь, но как мы с тобой слово "деспотизм" объясним?" [с.15]. "Мы всюду скинем королей, мы всюду напишем великие слова нашей революции" [с.67]. "Милостивый государь, – воскликнул Кайсаров, – я считаю ваши слова дерзостью" [с.76]. "Что значит бедлам? Ведь это исковерканное слово бетлеем – по-славянски Вифлеем" [с.112]. "Тургенев с волнением пожимал руку Штейну, внимая этим словам простой любезности" [с.121]. "Слова русского посланника были невероятной дерзостью" [с.132].

"Ты, говорит, дражайший однофамилец, слова по-русски сказать не умеешь, а я считаю, что российская словесность куда преизряднее французской" [с.155]. "Раб – поганое слово" [с.166]. "<...> а губы, сложенные в пленительную улыбку, произносят обращённые к Штейну слова преувеличенных похвал, обещаний неслыханных милостей" [с.180]. "Чувство недоверия к словам Александра охватывало наблюдательного Николая Тургенева всё чаще и чаще при столкновении с делами". "Слово настолько расходилось с делом, что это могли бы заметить и другие, если бы хотели, но уж слишком многие, уставши от войн, ушли от либеральных идей" [с.190].

"Не жалования ишу, а полезной должности". И эти слова были переданы царю" [с.191]. "Царь хмурится при слове "крестьяне" [с.196]. "Невежественный разночинец и хам-помещик, встречающий пьяною икотою слово "свобода", одинаково суть наши враги" [с.208]. "Байрон играет словом "конгресс" [с.211].

4. Вс.Н.Иванов. Александр Пушкин и его время. Хабаровск, 1985.

"<...> дивное, великое русское слово "мир", которое по-русски означает и "покой", и "тишину", и "вселенную", и "свет", и "согласие", и "общество", и "крестьянскую общину" [с.24]. "Как сильно билось русское сердце при слове *Отечество*" [с.25]. "Природа ведь стара, как мир! Ничего она не повторяет. И слово "стара" родило чудо. Оно как бы споткнулось, привлекло к себе внимание, дрогнуло светлой точкой, из точки заиграли лучи. Слово ожило, стало расти, заблестело и, упав на бумагу, растеклось под пером первой откованной строчкой, полной неожиданно открывшегося смысла: Дела давно минувших дней, – за ней засверкала, подошла плотно, встаёт на место и вторая строчка, колыхнув в себе бездонность времени: Преданья старины глубокой" [с.56].

"<...> театр – это великая мастерская писателя и актёра, это наглядная проверка его связей с народом, когда слово, жест, шутка, гнев, скорбь, слёзы усиливаются тысячекратно приёмом и отдачей в душах зрителей" [с.66]. "Слово взял Александр Муравьёв и в речи своей указал, что в уставе этого тайного "Союза Благоденствия" имеется пункт, гласящий, что в случае кончины царствующего императора российское дворянство, руководимое "Союзом Благоденствия", сможет согласиться принять присягу на верность вступающему на престол новому царю не иначе как под условием предварительной с ним "договорённости", что самодержавие будет ограниченным" [с.129]. "Вы вкладываете им в уста слова, которых они не нашли бы без вас" [с.153].

"<...> все повторяли за священником слова молитвы: "Избавь меня от духа праздности! От духа уныния! От духа празднословия!" [с.159]. "Все горцы знали, что Ермолов твёрд в слове, великодушен к доблестному врагу, но беспощаден к врагу тайному и вероломному" [с.317]. "Чтобы не запаздывать с выходом газеты, в корректурах загодя приходилось в самых безобидных заметках заменять слово "республика", например, словом "общество", слово "мятежник" обозначалось как "злодей" и т.д., и т.п." [с.331]. "В своём усердии Булгарин делал всё, чтобы русское печатное слово теряло уважение общества" [с.334].

5. Вс.Н.Иванов. Из неопубликованного. Л.,1991.

"Что бы мы сказали о Бетховене, если бы он сам стал истолковывать в слове свои могучие космические музыкальные образы, а не предоставил бы это своим косноязычным критикам?" [с.40]. "И там исполнилось слово Рериха: "Зов о культуре, зов о мире, зов о творчестве и красоте достигает лишь уха, укреплённого истинными ценностями" [с.48]. "Только искусство выводит нас из этого замкнутого круга нашего существования, только оно даёт нам крылья, отрывает нас от силы этого земного притяжения, а также и от границ пространственно-временных, показывая бескрайние, не выразимые словами перспективы" [с.66]. "Да, надлежит чтить дух, а не букву закона. И

слово праведника покрепче словес книжных" [с.147]. "Что страшного в слове "жандарм"? Ничего! Оно буквально значит – человек вооружённый". "Какую заматерелую ненависть вызывало повсюду это слово!" [с.177].

6. А.Гессен. "Всё волновало нежный ум..."

Пушкин среди книг и друзей. М., 1965.

"Пришёл невод с золотой рыбкою. Пушкин зачеркнул слово "золотой" и на полях заменил его словом "одною" [с.20]. "Анализируя творчество Пушкина, В.Я.Брюсов писал: "Следя за работой Пушкина, видишь, как он создаёт стройное целое из первоначального хаоса мыслей и образов, как постепенно он совершенствует стих и взамен слов, уже ярких и метких, умеет находить ещё более прекрасные" [с.35]. "Его он любил за то, что тот "охотно играл в карты и очень удачно играл словами" в своих ходивших по городу забавных куплетах" [с.99-100].

"Свою большую статью о Вольтере Пушкин закончил в 1836 году словами: "... гений имеет свои слабости, которые утешают посредственностью, но печалят благородные сердца, напоминая им о несовершенстве человечества" [с.122]. "И Пушкину, конечно, принадлежит первое слово в оценке причин высылки его из Одессы в деревню" [с.164]. "Гневные слова, брошенные Шенье в адрес Робеспьера и Конвента, Александр I мог легко принять на свой счёт" [с.177]. "Пушкин записал со слов няни семь сказок" [с.228]. "Кроме того, Пушкин записал со слов няни четыре песни" [с.230].

"Этих поправок около двухсот. Приведём лишь некоторые из них, чтобы видеть, как строго и требовательно относился Пушкин к печатному слову и как беспощаден он был в оценке литературных произведений даже таких больших и авторитетных поэтов, каким, бесспорно, являлся Батюшков" [с.270]. "Но, когда критиковал, мог сказать словами древнеримского философа: "Amicus Plato, sed magis amica veritas" – "Платон мне друг, но истина мне больший друг" [с.272]. "В день своего рождения поэт написал небольшое стихотворение, в котором несколькими словами обрисовал свой жизненный путь: "Нет в жизни для меня обмана. Блестящ и весел был восход, И запад весь во мгле тумана" [с.286].

"Один из знакомых поэта, М.В.Юзефович, рассказывал со слов Пушкина: "Онегин должен был или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов" [с.296]. "Н.Н.Раевский, взяв за руки двух своих сыновей, Александра и Николая, повёл свою часть вперёд со словами: "Вперёд, ребята! За царя и Отечество я и дети мои, коих приношу в жертву, откроем вам путь!" [с.342]. "Жандармы привели Дельвига в III отделение, и Бенкендорф набросился на него со словами: "Что ты опять печатаешь недозволенное? " [с.396-7]. "Пугачёв дарит ему коня и шубу со словами: "Долг платежом красен" [с.355].

"Что если он умрёт, не с кем мне будет в Москве молвить слова живого, т.е. умного и дружеского" [с.375]. "<...> всё это наполняло душу мою такими ощущениями, которых я никакими словами не могу выразить" [с.409]. "Слово Кумир не пропущено величайшей цензурой" [с.429]. "Пушкин сделал даже попытку заменить не понравившееся царю слово "кумир" словом "седок" [с.430]. <Радищев>. "Слово твоё, живущее присно и вовеки в творениях твоих, слово русского племени, тобою в языке нашем обновлённое, прелетит в устах народных за необозримый горизонт столетий" [с.486]. "Если я не сдержу моего слова, то да будет мне стыдно!" – и всегда исполняли обещанное" [с.494].

7. Одесский год Пушкина. Одесса, 1979.

"В особенности взбесило графа эпиграмма с такими язвительными словами, как "полу-герой", "полу-подлец" [с.170]. "Предоставим слово очевидцу – Н.Г.Тройницкому" [с.178]. "О своей рано пробудившейся привязанности к печатному слову Пушкин собирался рассказать в специальном разделе воспоминаний – "Охота к чтению" [с.180]. "Кому не знакомы эти слова, ставшие пословицей?" [с.181]. "Не нахожу слов, которыми я мог бы описать прелесть графини Воронцовой, ум, очаровательную приятность в общении" (Н.С.Всеволожский)" [с.186].

"Единственное, чего я жажду, это – независимости (слово неважное, да сама вещь хороша)" [с.211]. "Видно, слова мои были тебе странно перетолкованы" [с.213]. "А тут за необдуманное слово, за неосторожный стих предадут человека на жертву" [с.216]. "Ради бога! слово живое об Одессе – скажите мне, что у вас делается <...>" [с.217]. "На пьедестале памятника выбиты слова: "А.С.Пушкину – граждане Одессы" [с.237].

8. Б.Бурсов. Судьба Пушкина. Л., 1985.

"Даже в искусстве его разные виды, как, скажем, литература и музыка, предъявляют к духовным качествам личности не вполне равнозначные требования. Музыкальный звук по значимости своей не то, что поэтическое слово. Ибо без слова нет каждого из нас, кем бы ни были. Потому в слове, ставшем поэтическим, то есть максимально значимым, особо отобранным, открываются самые глубокие тайны человеческой души, вообще, как правило, скрытые и для их обладателя" [с.14].

"Великолепно суждение Льва Толстого на сей счёт: когда мы берём в руки книгу ещё неизвестного нам автора, то хотим узнать из неё прежде всего, что это за человек, чем отличается от всех других людей и что нового может сказать нам о том, "как надо смотреть на нашу жизнь", в случае же обращения к книгам уже известных нам авторов, "вопрос уже не в том, кто

ты такой", но в том, "что можешь ты сказать мне ещё нового? с какой новой стороны теперь ты осветишь мне жизнь?" [с.20].

"В поэзии Пушкина, пишет Гоголь, "нет красноречия, здесь одна поэзия...". В ней нет "никакого наружного блеска, всё просто, всё прилично, всё исполнено внутреннего блеска, который раскрывается не вдруг; всё лаконизм, каким всегда бывает чистая поэзия. Слов немного, но они так точны, что обозначают всё. В каждом слове бездна пространства; каждое слово необъятно, как поэт". Слово Пушкина возведено Гоголем в высший ранг изобразительных средств. И этим Пушкин решительно возвышен над всеми другими русскими и всемирными поэтами. Таким образом, по Гоголю, в пушкинском слове – сокровенная тайна его поэзии, личности и судьбы. Тут загадка его произведений, в принципе для всех доступных, всем адресованных, но и заключающих в себе нечто непостижимое, как по своей глубине будто сравнивавшихся с самим бытием" [с.126]. "Суть Пушкина в предельно поэтическом слове. Оно и самое человеческое. Стало быть, и беспрдельно взыскательное по отношению к людям" [с.127].

"Все пишущие, о чём бы ни писали, стремятся так или иначе воздействовать на людей. Это относится ко всякому словесному сочинению, но слово может иметь разное значение.

В учёных трудах оно выполняет более или менее служебную роль. От книги, скажем, по медицине или по географии требуется не более чем толковость изложения. Уже иное дело – исторические исследования. Историк отчасти, а то и вообще, одновременно и писатель. "История государства Российского" Карамзина – не только учёный труд, также и явление литературы. Историк приходится разбираться в человеческих отношениях, воспроизводить определённые человеческие характеры. Тем не менее и для него это вспомогательная – не основная задача. Он изображает главным образом события, а людей, с их неповторимым духовным обликом, лишь постольку, поскольку они служат своего рода знаками событий.

Кому слово в наибольшей степени подвластно, тот имеет и большую власть над людьми, где бы и когда бы они ни жили и кем бы ни являлись, ибо в своём слове он тем более представляет собою дух своего времени, чем глубже проникает в связь всех времён. На вершине своей слово, став поэтическим, нисходит на людей как высшая благодать" [с.153].

"Слово и раскрывает и скрывает писателя: оно сказано только им и раз навсегда, следовательно и принадлежит только ему, лишь его одного характеризую. Но мы также хозяева этого писательского слова, сказанного для нас, в каком-то смысле и за нас, то есть объективированного, по-своему как бы вне личного. // В слове писателя – его личность, а не просто умение или даже то, что принято называть мастерством. В конце концов, и мастерство – производное от его личности. Он пишет будучи таким, каким создала его

природа, обстоятельства и вся сумма усилий, положенных им на преобразование себя. Без таланта не бывает писателя либо бывает плохой писатель, но дело не сводится к таланту: вопрос ещё в том, как распорядится писатель своим талантом" [с.162].

"Потом такой ход: "Уважайте класс писателей, но не допускайте же его овладеть вами совершенно. // Мысль! великое слово! Что же и составляет величие человека, как не мысль? Да будет же она свободна, как должен быть свободен человек: *в пределах закона, при полном соблюдении условий, налагаемых обществом*" [с.188]. "Вообще принцип Пушкина – давать людям знать не то, как им подобает жить, потому что выработанных и установленных раз и навсегда образцов на сей счёт не существует, а то, что необходимо жить в полную меру отпущенных нам сил, держась на высоте человеческого достоинства, чего можно добиваться, не страшась и самой смерти" [с.196].

"Слова Пушкина о возвышающем обмане совсем не случайно вырвались у него. Таков один из девизов Пушкина: хотя вера у него не противостоит знанию, однако, в принципе, способна возвышаться над знанием, ибо, только веря в себя, человек остаётся верен своему человеческому призванию. Тогда как знания всегда относительны, уверенность в себе субстанциальна" [с.207].

"При сходстве писателя с историком, как понимаются они Пушкиным, в смысле их отношения к слову, слово у них тем не менее исполняет принципиально различные значения: от слова историка требуется дельность и точность, писателю же необходимо придать своему слову красоту, пользоваться им так, чтобы раскрывать сущность неповторимых человеческих характеров в их общезначимости, проникать во все сложные переплетения их судеб, зависящих в первую очередь от самих же людей. // Слово Пушкина перекрывает, предопределяет все остальные особенности его творчества. Потому и несёт максимальную нагрузку. Пушкин говорит об отличительных чертах только этого человека, находящего лишь в самом себе причины своих деяний" [с.224].

"Также естественно, что у них различное отношение к слову: тогда как Толстой посредством слова более мотивирует поступки своих героев, Пушкин пользуется словом преимущественно для обрисовки поступков, совершаемых его героями. Отсюда у Пушкина исключительная избирательность слов и словосочетаний, которые бы говорили сами за себя и не нуждались в дополнительных разъяснениях. Пушкинское слово и словосочетание устремлены к определительности, к выявлению в человеке изначальных человеческих качеств, преломленных, в соответствии с духом времени, с положением и внутренним состоянием данного человека. Для произведений Пушкина характерны, например, такие слова, как "простодушие", "равнодушие", "пристрастие" и "беспристрастие", "хвала" и "клевета" и т.д. и т.п." [с.258].

"*Это уж не ново, это было уж сказано* – вот одно из самых обыкновенных обвинений критики. Но всё уже было сказано, все понятия выражены и повторены в течение столетий: что из этого следует? Что дух человеческий уже ничего нового не производит? Нет, не станем на него клеветать: разум неистощим в соображении понятий, как язык неистощим в соединении слов. Все слова находятся в лексиконе: но книги, поминутно появляющиеся, не суть повторение лексикона. Мысль отдельно никогда ничего нового не представляет; мысли же могут быть разнообразны до бесконечности" [с.318]. (Из рецензии на книгу итальянского писателя и мыслителя Сильвио Пеллико "Об обязанностях человека").

"Суета – одно из самых ходовых слов в словаре Пушкина. В суете Пушкин видит противоположность творчеству, пагубу для творчества, а творчество понимает не только в специфическом смысле, то есть как создание художественных ценностей, но и как свойство, присущее всякому человеку, непременно, хотя бы в какой-то степени, озабоченному осуществлением своей собственной, единственной на целом свете, человеческой природы, на пути чего стоит сведение смысла бытия своего к устройству повседневного благополучия, где всякое личное начало в человеке угасает" [с.402].

9. И.Л.Фейнберг. Незавершённые работы Пушкина. М., 1976.

"Итак, Пушкин, по словам современников, не только изучил эпоху Петра и выработал новые исторические взгляды на неё, – он своими рассказами о Петре поражал слушателей" [с.27]. "Определяйте значение слов, – повторял Пушкин, – и вы избавите свет от половины его заблуждений". "В самом деле, нельзя ли – говоря словами Чернышевского – проследить гениальное развитие, какое получила историческая "мысль" Пушкина в подготовительном тексте его будущей книги" [с.30]. "Эти строки "Истории Петра" заставляют вспомнить слова Белинского, говорившего, что историческая проза Пушкина кажется писанной на меди и мраморе" [с.32].

"Он указывает, что Пётр "уничтожил" – затем зачёркивает это слово и пишет "укротил" – дворянство, "опубликовав Табель о рангах", и духовенство, "отменив патриаршество" [с.51]. "Преобразования Петра, осуществляемые, по словам Пушкина, крутыми и кровавыми средствами, не являлись, вопреки взгляду поэта, "революцией" (или "переворотом")" [с.53]. "Когда он пишет о том, что многие указы Петра были, "кажется, писаны кнутом", слова эти красноречиво выражают пушкинскую мысль" [с.56].

"... мы вправе, говоря о том, что Пушкин сделал с ними <источниками>, вспомнить слова, которые любил Чехов: "Ведь сделать из мрамора лицо – это значит удалить из этого куска то, что не есть лицо" [с.58]. "История Петра" должна была явиться новым словом в развитии жанра художественной истории" [с.59]. "... но главной работой его <Штелины> оказалось об-

ширное собрание анекдотов, записанных им со слов здравствовавших ещё в то время современников и сподвижников Петра" [с.68]. "... а потом, сопровождая свои слова выразительным многоточием, замечает: "Начались казни... Лефорт старался укротить рассвирепевшего царя" [с.76].

"Немногими чертами, иногда двумя-тремя словами, Пушкин решительно меняет освещение найденных им в своде Голикова фактов, рисующих личность Петра" [с.103]. "У Голикова нет, разумеется, ничего подобного этим словам Пушкина, которые так выразительно характеризуют молодость Петра". "Мысль стала другой, ибо одно дело – смотреть в окно, другое – рубить его. Изменением одного слова Пушкин меняет иногда смысл не только взятого им из книг материала". "Всё в этих словах великого поэта передаёт мощь и стремительность России, которая вошла в Европу победами в труде и в бою" [с.104].

"Замечательные по своему содержанию и объёму дневники Александра Ивановича Тургенева, те "журналы-фолианты", в которые он день за днём, из года в год прилежно записывал каждый свой шаг, каждую встречу, каждое слово, им слышанное", остаются, к сожалению, до сих пор в своей большей части неизданными" [с.130]. "Гвардии она дала слово заплатить всё, ей следуемое, из собственных денег" [с.143]. "Когда мы читаем слова Пушкина: "Суровый был в науке славы ей дан учитель..." – мы вспоминаем суворовскую "науку побеждать" [с.162].

"Ни одна великая нация, – по словам Маркса, – не существовала и не могла существовать в таком удалении от всех морей, в каком пребывала вначале империя Петра Великого" [с.164]. "Строки, посвященные Пушкиным деятельности Петра после Нарвского разгрома, заставляют вспомнить слова Маркса: "Нарва была первым серьёзным поражением поднимающейся нации, умевшей даже поражения превращать в орудия победы" [с.175]. "Здесь нельзя не вспомнить слова Николая Тургенева, который писал: "Когда я замечал в людях, с которыми говорил, желание политической свободы без освобождения класса крепостных, то негодование овладело мною..." [с.259].

"Строки эти принадлежат ближайшему другу поэта, не бросавшему слов на ветер и всегда точному в своих воспоминаниях о нём" [с.260]. "Пушкин не только с возмущением вспоминает о том, что Екатерина "уничтожив – на словах – звание "раб", щедро дарила своим фаворитам государственные поместья и закрепостила вольную Малороссию" [с.262]. "... только что высеченные Кандид, "испуганный, ошеломленный, изумленный, весь окровавленный, весь трепещущий", произносит свою знаменитую фразу: "Если это лучший из возможных миров, то каковы другие?" Эти известные слова Кандида, как и плачевная участь его, не могли не вспомниться читателям, которым Пушкин адресовал свои бичующие Екатерину строки" [с.264].

"Исторические анекдоты, составляющие большую часть пачки "Table talk", записанные Пушкиным с чужих слов, передают, как это свойственно такого рода анекдотам, только отдельные характерные черты тех или иных исторических лиц, либо отдельные характерные черты прошлого" [с.296]. "Читая эти пушкинские строки, вы невольно вспоминаете слова Брюллова: "Какой Пушкин счастливее! Так смеётся, что словно кишки видны!" [с.309]. "Атмосфера тайных обществ, окружавшая некогда его существование, – писал о Пушкине Анненков, – сообщила впоследствии его слову ту прямоту, смелость и откровенность, с какими он отвечал на всякий вопрос, откуда бы он ни исходил" [с.353].

10. И.Л.Фейнберг. Абрам Петрович Ганнибал и Пушкин. М., 1983.

<Ганнибал> "Получил военно-инженерное образование во Франции и впоследствии, по словам рукописной немецкой биографии его, стал "первым и лучшим инженером России" – "генерал-инженером", главой инженерного ведомства и генерал-аншефом. Став по смерти Петра Великого учителем будущего Петра II, Абрам Петрович удалён был Меншиковым в Сибирь, на границу с Китаем, где проектировал и строил крепости как военный инженер" [с.20].

"Тут Пётр, желая преодолеть церемонии и проявить внимание – он любил детей, – взял на руки, принял из кареты короля Людовика XV и сказал ставшие знаменитыми слова: "Всю Францию на себе несу". Слова эти Пушкин знал" [с.29]. "Пушкин в одном месте своей "Истории Петра", рассуждая о слове "раб" (известно, что Екатерина II впоследствии отменила, запретила употреблять его в бумагах), пишет: "Вольтер совершенно прав, см. в Священном писании: слово "раб" означает "подданный" [с.35].

"Арап ("Царей, цариц любимый раб", по слову Пушкина) был и оставался в семье Петра Великого самым близким человеком. Потому его и выслал в Сибирь Меншиков на другой же день по воцарении Петра II" [с.36]. "По воцарении Елизаветы Петровны Абрам Петрович, находившийся в опале, послал ей евангельские слова: "Помяни меня, когда приидеши во царствие Твое". И она осыпала его наградами и чинами" [с.36]. "... и Пётр сам "по вдохновению" записывал важные мысли и проекты... Здесь прямо сказано верное слово – вдохновение, творческие мысли, рождающиеся ночью в темноте, без света" [с.39].

"Но весь рассказ не производит впечатления вымысла, ибо записан со слов самого Ганнибала, больше некому было рассказать" [с.47]. "В незаконченной статье 1834 года, начинающейся словами "Долго Россия оставалась чуждою Европе" [с.56]. "Книга Пушкина о Петре должна была явиться не только произведением передовой исторической науки, но и стать новым словом в развитии жанра художественной литературы" [с.60]. "Вспомним заме-

чательные слова Гоголя в "Портрете". "Всё непринуждённое и лёгкое художнику достается слишком принуждённо и есть плод великих усилий" [с.83].

11. Е.А.Маймин. Пушкин. Жизнь и творчество. 1981.

"Пушкин для нас само воплощение поэзии, синоним высокого слова Поэт" [с.3]. "Его отец, Сергей Львович, был душой общества, ценителем тонкого и острого слова, был человеком, не чуждым литературных интересов" [с.5]. "... здесь были славные гости и остроумные беседы – но самого дома, в глубоком значении этого слова, не было" [с.7]. "Это стихотворение – шутка в духе французских писателей, которая позволяет Пушкину играть словами, наслаждаться свободной словесной игрой" [с.21]. "Последним словам стихотворения суждено было сбыться, быть может, ещё более чем предполагал поэт" [с.22].

"Романтические мотивы и романтические слова однообразны и многообразны одновременно, они и общи и неповторимы" [с.61]. "Вместе с тем слово "свобода", вызывая у Пушкина сильный порыв и высокий энтузиазм, не менее того вызывало его и на трудные размышления" [с.73]. "Было бы, однако, неверно видеть в мыслях Пушкина и в его словах сколько-нибудь категорические выводы" [с.74]. "Но Пушкин был поэтом и, как поэт, мог признать над собой только одну власть – власть человеческой мысли и слова". "Он был властителем мысли и слова, и что было в сравнении с этим и графское достоинство, и богатство, и вещественная власть Воронцова!" [с.77].

"Это ощущение живой непосредственности идёт не столько от сюжета, сколько от увлекающей, единственной в своём роде музыки слов" [с.96]. "И в этом гимне сливаются воедино слова, и мысли, и звуки, и сам поэтический порыв" [с.98]. "В словах Пушкина, даже высоких, даже сугубо книжных, всегда есть что-то от непосредственности поэтического видения" [с.115]. "1 ноября 1828 года Пушкин писал Вяземскому: "Я пустился в свет, потому что бесприютен" (IX, 266). Приютино – название имения Олениных. В письме к Вяземскому Пушкин играет словами, он ещё пробует шутить, но его шутки мрачные" [с.131].

"Пушкин даёт попутно характеристику творчества Грибоедова и его личности и заключает эту характеристику следующими словами: "Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов" (V, 368)" [с.134]. "Ей противостоят в пушкинской трагедии слова и правда Священника, напоминающего о близких, о смерти близких, о необходимости смирения перед смертью" [с.155].

"Стихи и в отношении языка, в отношении слова оказываются свободнее, нежели проза". "В стихах возможна большая непринуждённость речи, невыверенность слова, элемент стихийности и неожиданности в нём". "В

стихах оказывается возможным и допустимым неточное слово, способное зато сохранить то, что Пушкин особенно ценил, – "живой, тёплый, внезапный отпечаток мыслей, чувств, впечатлений" [с.159]. "В наше время под словом *роман* разумею историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании" [с.160]. "У него в романе предстают перед читателем именно типы, а не характеры в точном значении этого слова" [с.162].

"Пушкин умеет не просто памятно рисовать человеческие лица и типы, но и запечатлеть их словом". "Персонаж обрисован словами, которые живут, сталкиваются, борются, вызывают друг друга, создавая памятную остроту образа" [с.167]. "Слова здесь звучат эпиграммически – и, как всякая удачная и злая эпиграмма, они сами по себе способны заклеить и обличить того, кто заслуживает обличения" [с.167-8]. "Ты, жёнка моя, пребезалаберная (насилу слово написал)" (X, 189)" [с.176]. "Он отбрасывает и всё прямо комическое и остроумное, что есть у Шекспира, излюбленную шекспировскую игру словами, отбрасывает всё то в комедии Шекспира, что нарушило бы серьёзную атмосферу повествования, которой Пушкин явно дорожит" [с.179].

"В 1826 году Пушкин дал царю слово верности и все эти годы держал своё слово и был верен царю, даже тогда, когда сомнения закрадывались ему в душу" [с.195]. "Немногим более чем за полгода до гибели он пишет жене: "... чёрт догадал меня родиться в России с душою и талантом! Весело, нечего сказать" (X, 272). Эти слова у него – не признание, не выражение продуманного взгляда, это как вопль страдания" [с.197].

"Из воспоминаний В.И.Даля: "Когда тоска и боль его одолевали, он крепился усиленно, и на слова мои: "Терпеть надо, любезный друг, делать нечего; но не стыдись боли своей, стонай, тебе будет легче" – отвечал отрывисто: "Нет, не надо, жена услышит, и смешно же это, чтобы этот вздор меня пере-силил!". "Тяжело дышать, давит", – были последние слова его" [с.208].

12. В.Г.Одинок. "И даль свободного романа...". Новосибирск, 1983.

"Поэтому подчас трудно провести границу между романом в строгом смысле этого слова и не романом" [с.3]. "Как видим, не "литературность", не поэтичность слова привлекают Пушкина в "Записках" Моро, а резко выступающий индивидуальный взгляд на людей и события, выраженный в столь же самобытном стиле" [с.23]. "Теперь должен я благосклонного читателя познакомить с Гаврилою Афанасьевичем Ржевским". Слово "познакомить" воспринимается в двойном плане: его можно понять в смысле информации о боярине Ржевском, но можно трактовать и как приглашение к "знакомству" [с.24-5].

"Прежде всего слово "анекдот" в переводе с древнегреческого означает "неизданный" [с.25]. "... в человеческих документах". Они открывали возможность формирования художественных образов в широком смысле слова

и образов-характеров, в частности" [с.32]. "Вся тирада Пугачёва, конечно, отражает его личный взгляд. Его словам можно верить и не верить" [с.34]. "И подтверждал слова свои божбою..." (VIII, 189)" [с.36]. "Я не ворон (возразил Пугачёв, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновению, иносказательно), я воронёнок, а ворон-то ещё летает" [с.36].

"В наше время под словом роман разумею историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании" (VII, 72)" [с.38]. "Даже в тех случаях, когда история уже сказала своё веское слово о личности, когда она поднялась на очень высокий пьедестал и положением своим "отделилась" от простых смертных, – даже тогда Пушкин находил способ её "дегероизировать" и вовсе не для того, чтобы приблизить его к читателю" [с.40]. "Слова Томского были не что иное, как мазурочная болтовня, но они глубоко заронились в душу молодой мечтательницы" [с.63].

"В.Г.Белинский отмечал, что "Евгений Онегин" – поэма историческая в полном смысле слова, хотя в числе её героев нет ни одного исторического лица" [с.81]. "Недаром поэт и критик И.Аненский писал М.Волошину о великом могуществе поэтического слова" [с.86-7]. "В поэзии у мысли страшная ответственность... И согбенные, часто недоумевающие, очарованные, а иногда – и нередко – и одуроченные словом, мы-то понимаем, какая это сила, святыня и красота" [с.87]. "Критик, из-за природной глухоты к поэтическому слову или нарочито напущенной – это не важно, "отделил" содержание от формы" [с.98].

"От этой общей "позиции" начинается движение автора (здесь следует освободить это слово от кавычек) в глубь истории, к славному и великому прошлому России". "Поэт приводит восклицание Горация: "O rus!" (О деревня!) – тут же помещает эпиграф на русском языке: "О Русь". Это не просто остроумная игра словами" [с.100]. "Но обратимся к великому психологу и знатоку человеческих душ, слова которого мы только что цитировали, обратимся снова к Ф.М.Достоевскому" [с.104]. "Философско-психологический подтекст "Повестей Белкина" может быть выражен пушкинскими словами: "Были бы мы живы, будем когда-нибудь и веселы" [с.120].

"Неправ А.Лежнев, который писал о Пушкине: "Ввод чужих строк и слов, сопоставление с литературными образцами и типами не преследует у Пушкина ни стиливых, ни стилизационных целей, не является игрой на материале и фактуре, а производится без особого умысла и скрытого намерения" [с.129]. "В каноническом тексте к повести "Выстрел" отнесены два эпиграфа – слова Е.Баратынского из поэмы "Бал": "Стрелялись мы", и А.Бестужева-Марлинского из "Вечера на бивуаке": "Я поклялся застрелить его по праву дуэли (за ним остался ещё мой выстрел)" [с.130]. "Появление слов Баратынского рядом с текстом Марлинского было тонкой поэтической "игрой" [с.131].

13. С.М.Громбах. Пушкин и медицина его времени. М., 1989.

"Даль, объездивши всю Россию, в бытность мореплавателем посетивший границу, писатель, собиратель и толкователь слов, к тому же искусный и думающий врач, был, конечно, интересным собеседником для Пушкина" [с.65]. "К чести его должно быть упомянуто, что ему принадлежит первое в России "похвальное слово" Ломоносову, произнесённое через несколько дней после смерти великого учёного" [с.76]. "Уместно вспомнить слова Бруссе на могиле Галля: "Будем благодарны ему за то, что он сделал, не упрекая за то, что он не смог сделать больше" [с.123].

"Поэт был жив, и мемуаристка не решилась пересказывать его подлинные слова, ограничившись скудным упоминанием о них: рассказав о своей встрече со странником-предсказателем, она добавила: "Мне тотчас пришли в голову мысли нашего славного поэта Пушкина, который верит предсказаниям" [с.148]. "При этом оказывается, что приведённые ею слова Пушкина о магнетизме восходят к совершенно конкретному литературному источнику: это вышедший в 1834 году роман Н.Н.Греча "Чёрная женщина" [с.149]. "Одно слово в приведённых строках невольно задерживает внимание: почему движение к смерти осмысливается как приближение "к началу"?" [с.157].

"Словарь языка Пушкина" трактует слово "бардаш" как "развратник" [с.164]. "Если же обратиться к Словарю Академии Российской, в который Пушкин, по его словам, "заглядывал встарь", то в первом (1792) и во втором (1809) его изданиях слово "здравие" трактовалось как "состояние тела животного, когда все оною части беспрепятственно и во всей силе естественные свои действия производят" [с.177].

"Слова *"сплин"* и *"хандра"* Пушкин выделил курсивом, выполнявшим в то время функцию кавычек, придав им тем самым значение терминов" [с.191]. "Близкое звучание слов *"хандра"* и *"ипохондрия"* привело кое-кого к представлению о близости и даже совпадений этих психических состояний" [с.191-2]. "Применение этого слова (хандра-хандрить. – В.Л.) у Пушкина неоднозначно" [с.193]. "Во французской и английской литературе это состояние чаще обозначалось словом *ennui*, *spleen* – это мрачная разновидность тоски, окрашенная "угрюмством", озлоблённостью" [с.194].

"Однажды Пушкин в письме употребил и слово *"сплин"* ("У меня решительно сплин"), но и здесь это слово обозначает не болезнь, а настроение, смертельную тоску". "Почему же Пушкин, всегда стремившийся к предельной точности в употреблении слов и разъяснении понятий, применил по отношению к хандре Онегина слово "недуг", т.е. болезнь?" "Определяя значение слов, – говорил Декарт, – и вы избавите свет от половины его заблуждений" (XI, 434)" [с.196].

"Словарь языка Пушкина регистрирует очень большое число случаев употребления поэтом слов *безумие*, *безумство*, *безумный*, но далеко не все-

гда они указывают на душевную болезнь в прямом смысле слова". "Отдельные случаи употребления этих слов Пушкиным позволяют к этим значениям добавить ещё *легкомыслие, веселье, исступление, неистовство*" [с.227]. "Юродивый также не входит в плеяду пушкинских безумцев, так как он – не безумный в принятом нами узком смысле слова, а, по-видимому, слабоумный от рождения" [с.229].

"Текст Беньяна, а ещё больше – Пушкина, очистившего его от ряда синонимов и иносказаний, не даёт никаких оснований считать персонаж "Стражника" душевнобольным в узком смысле слова, т.е. утратившим реальное представление об окружающем и способность логически мыслить" [с.247].

14. В.Каменский. Пушкин и Дантес. М., 1991.

"Восхищённый Пущин, откинувшись в кресле, жадно ловил каждое слово поэта, наслаждаясь его чётким, певучим, превосходно льющим, глубоко проникающим голосом с характерным отзвуком лёгкого звящего металла" [с.168]. "Да разве можно человеческим словом выразить вызванные небывалые чувства стихийного восхищения" [с.207]. "Я не хочу верить вашим словам... не хочу" [с.257]. "... и мы с восторгом ловили каждое его слово о литературе и о нашем политическом беспорядке" [с.264]. "... барон заставил Пушкина взять слово обратно" [с.305]. "Не верю словам твоим. Давно ли ты сам ругал меня за патриотические глупые стихи" [с.317].

А.Никитин.

"Он предстаёт в них (романах и повестях. – В.Л.) как человек и литератор с оригинальнейшим "своим лицом", сохранившим, безусловно, отсвет футуризма, вернее, футуристического отношения к философии бытия, поиску грядущей красоты самоценного (самовитого) слова", как первейшей художественной ценности". "Футуризм (от слова "будет") зародился в Италии в 1909 году" [с.12]. "В этих рассказах звучат возвращающиеся к нам снова такие слова и понятия, как аренда, кооперация" [с.21].

"А.В.Луначарский писал по этому поводу: "Иной пурист и словесник может закричать в ужасе: "Василь Васильевич, вы же так покалечите слова, они же хрупкие, вы же им косточки поломаете!". "В уральском, камском нутре Каменского всегда, словно залежи самоцветов и бурмистского зерна, был неисчерпаемый запас из почвы идущих подлинных слов, звучащих и сверкающих красками" [с.13]. "В тексте она обвела места, трудные для перевода. Действительно трудные! Слова, сотворённые поэтом, не найти ни в каких словарях" [с.14].

15. Ю.Дружников. Узник России. М., 1997.

"Биограф Пушкина Пётр Бартенёв записал со слов родственников, что у Надежды Осиповны Ганнибал, матери Пушкина, были на теле тёмные пятна" [с.15]. "Я.Грот со слов одноклассника поэта Матюшкина сообщает, что "при поступлении в лицей Пушкин довольно плохо писал по-русски" [с.18]. "По словам брата..., к одиннадцати годам Пушкин знал всю французскую литературу" [с.18]. "Само слово было новым в русском лексиконе, и Пушкин обсуждал, как его писать: лицей, ликей или ликея?" [с.20]. "Он уверял Тургенева, что в слове "Италия" для него заключается "независимость, здоровье, стих и проза" [с.34].

"Слово "свобода" в компаниях, где бывал Пушкин, произносилось тогда так же часто, как "вино" и "любовь" [с.50]. "... забавно читать у Александра Тургенева слово "советский". ... ты советский. Имелась в виду принадлежность брата Николая к Государственному совету" [с.51]. "Пушкин болеет горячкой. Тогда этим словом называли любую болезнь с высокой температурой" [с.53]. "Даже само слово, обозначающее словесность, писалось на латинско-французский манер: "литтература" [с.57]. "Цепями общими гремим...", – говорит он, и его слова обретают историко-филологический оттенок" [с.70].

"Разумеется, это лишь слова, и не стоит их понимать слишком буквально" [с.74]. "... присоединена". Последнее слово есть более удобный и традиционный русский вариант иностранного слова "оккупирована" [с.76]. "Инзов – незаконнорожденный одного из предыдущих императоров, и его имя означает аббревиатуру слов "Иначе зовущийся" [с.77]. "... ибо само употребление слова "право" есть крамола" [с.78]. "... готов был драться на пистолетах, рапирах или кулаках при любом показавшемся ему недостаточно почтительном слове" [с.80]. "Изгнанник" – его любимое слово" [с.82].

"Он мог пообещать просить своего друга министра Каподистриа замолвить слово за Пушкина" [с.83]. "Он, по его собственным словам, "закалялся" [с.93]. "Чаадаев писал: "И сколько различных сторон, сколько ужасов заключает в себе одно слово: раб!" [с.117]. "Здесь не слышу живого слова европейского" [с.118]. "После революции стихи эти из учебников изъяли, потому что в них есть слово "Бог" [с.123]. "... перехваченное письмо со словом "афеизм" могло стать уликой" [с.166]. "Однако тогда план начал осуществляться не на словах, а весьма серьёзно" [с.205]. "Впрочем, Карамзин замолвил всё-таки слово за Пушкина и, может быть, отвратил худшие последствия" [с.260].

"Слово "бордели" печаталось в ранних советских изданиях писем Пушкина, но позже было заменено прочерком, а в словах "Английские" и "Парижские" заглавные буквы, написанные поэтом, исправлены на строчные" [с.263]. "... клялся словом дворянина отныне быть верноподданным" [с.273]. "... а пустыня у Пушкина – частый заменитель слов "глушь", "провинция", "ссылка", "отсталая страна" [с.276]. "Ничего нового в таком взгляде на сло-

во "пустыня" нет". "Слово "пустыня" у Пушкина – понятие не столько географическое, сколько социальное" [с.349].

"Таким же максималистом, и тоже, к счастью, только на словах, был в молодые годы Катенин – страстный республиканец с манерами французского маркиза" [с.280]. "За попытку сопоставить слово и дело властей, за то, что частное лицо смеет открыто сказать о нарушении закона, наказывали без проволочек" [с.281]. "В 1916 году лидер партии кадетов П.Милюков приведёт эти слова в Думе как предупреждение, что революция уничтожит зачатки русского парламентаризма" [с.286-7]. "В "Капитанской дочке" в устах Гринёва Пушкин вложит почти дословно эти слова" [с.287]. "... во второй публикации, ему пришлось заменить слово "Царь" на "князь" [с.348].

"Под словом "народ" поэт понимал "простонародье", т.е. крестьян и мещанство" [с.287]. "... свобода и ценности цивилизации не могли ему быть понятны. А если и требовались, то не в виде свободы слова и чтения, а в виде еды и сапог" [с.289]. "... данное русским дворянином Государю своему честное слово: вести себя благородно и пристойно, будет в полном смысле слова сдержано" [с.301]. "Вяземский вместо слова "цензура" говорил "цендура" [с.313]. "Кстати, слово "яд" у Пушкина примерно в двух третях случаях используется в переносном смысле: "ядом стихи свои в угоду черни буйной он наполняет", "сеют яд его подосланные слуги", "подозревая всё, во всём ты видишь яд" и т.д. " [с.350].

"Само слово "шовинист" появилось незадолго до этого (1815) из имени французского солдата Николя Шовина, патриотизм которого выразился в абсолютной привязанности Бонапарту". "Пушкин ... слово "шовинизм" не употреблял" [с.367]. "... Ермолов остался осторожным на слова" [с.368]. "Писатель невероятно осторожен на слова, так умело обходит острые углы, заполняя текст второстепенными подробностями, что становится скучным" [с.369]. "Делибаш – ещё одно турецкое слово, которое узнал Пушкин, означает – отчаянная голова" [с.382].

"Теперь, благодаря обрётённой свободе печатного слова это жизнеописание Александра Сергеевича Пушкина, запретное раньше, оказалось доступным российскому читателю" [с.391].

16. Б.Мейлах. Пушкин и его эпоха. М., 1958.

"Если считать проявлением свободомыслия и прогрессивных устремлений все те писания, в которых иногда склонялись на все лады слова "тиран", "отечество", "свобода", "рабство", то придётся к прогрессивным деятелям причислить прежде всего ... Александра I" [с.189].

"Как своеобразная идеологическая программа юбилея звучала следующая декларация, напечатанная в газете: "Да, в книге судеб 1812 год, как исполин, будет выситься перед всеми происшествиями. Причина ясная: здесь

народ явил свою привязанность к государю... слова "государь" и "отечество" были словами, сильнейшими всех слов в мире. Нужно ли повторять, что царствование Александра благословенного есть новое звено в цепи сих событий, что он решал судьбу своего народа и целой Европы!" [с.225].

"Прежде чем перейти к рассмотрению взглядов декабристов и Пушкина на задачи культуры, следует заметить, что само слово "культура в пушкинское время ещё не вошло в обиход: в то время это понятие заменялось термином "просвещение". В произведениях, статьях, письмах Пушкина слово "культура" ни разу не употребляется, но и для него слово "просвещение" означало совокупность достижений в различных областях знаний, в искусстве, в общественно-политическом устройстве". "Жуковский писал: "Что есть просвещение? Искусство жить, искусство действовать и совершенствоваться в том круге, в который заключила нас рука Промысла, – в самом себе находить неотъемлемое счастье". Академический словарь трактовал "просвещение" в следующем духе: "Наставление, очищение разума от ложных, предосудительных понятий, заключений". <...> Между тем для декабристов и Пушкина понятия просвещения и политической свободы были неразрывно связанными" [с.285].

17. "Я лучшей доли не искал..."

(Судьба А.Блока в письмах, дневниках, воспоминаниях). М., 1988.

"Детство моё прошло в семье матери. Здесь именно любили и понимали *слово*; в семье господствовали, в общем, старинные понятия о литературных ценностях и идеалах. Говоря вульгарно, по-верлэновски, преобладание имело здесь *eloquence* (фр. красноречие); одной только матери моей свойственны были постоянный мятеж и беспокойство о новом, и мои стремления к *musique* (фр. музыке) находили поддержку у неё" [с.23-4].

"Мы говорили о чём-то более личном, чем всегда, а главное, жуткое – я не бежала, я смотрела в глаза, мы были вместе, мы были ближе, чем слова разговора" [с.72].

"Мистика происходит от греческого слова *misterion*, что значит – *тайна*. Тайны в конце не отрицают и матерьялисты (их разновидность – *позитивисты*), говоря, что открыто *почти* всё, осталось открыть только ещё "небольшой кусочек". Вопрос – откроют ли они это, разложат ли, анализируют ли Бога жалкие дети земли. <...> Нет ни одного человека, в котором не был бы заложен мистический элемент уж по одному тому, что он живёт себе спокойно, а в минуту смерти вдруг ему станет *отчего-то* жутко. Мистики совсем не юродивые, не "олухи Царя Небесного", а только разряд людей особенно ярко и непрерывно чувствующих связи с "Иным", притом чувствующих не только в минуту смерти, на протяжении всей жизни. Не думай, что я один называю именно это "мистицизмом". Это – общее пони-

мание (конечно, не специально учёных философов и пр.). Тут нет точного определения, но его и вообще *нет* для мистицизма в самом широком смысле, как нет определений для неисповедимых путей Божиих" [с.99-100].

"Ибо театр – это сама жизнь искусства, та высокая область, в которой "слово становится плотью". Вот почему "почти все, без различия направлений сходятся на том, что высшее проявление творчества есть творчество драматическое". Эти слова сказал Блок в замечательной статье "О театре" [с.154].

"Скоро волнение его нашло себе русло: он попал в общество людей, у которых не сходили с языка слова "революция", "мятеж", "анархия", "безумие". Здесь были красивые женщины "с вечно смятой розой на груди" – с приподнятой головой и полуоткрытыми губами. Вино лилось рекой. Каждый "безумствовал", каждый хотел разрушить семью, домашний очаг – свой вместе с чужим" [с.167].

Зап. книжка. 1906 г. "Всякое стихотворение – покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. Эти слова светятся, как звёзды. Из-за них существует стихотворение. Тем оно темнее, чем отдалённее эти – слова от текста. В самом тёмном стихотворении не блещут эти отдельные слова, оно питается не ими, а тёмной музыкой пропитана и пресыщена. Хорошо писать и звёздные и беззвёздные стихи, где только могут вспыхнуть звёзды или можно их самому зажечь" [с.178].

Г.И.Чулкову, 7 июля 1906: "Многое попадает прямо в сердце. Вы пишете жестоко и справедливо. Самое жестокое теперь – сказать: "социализм – по счастью – перестал быть мечтой". Это главное, что жалит пока; в таких словах в наше время – *полная правда* (а это редко в литературе вообще)" [с.195].

К.С.Станиславскому, 5 декабря 1908: "Всего не написать, конечно. Может быть, надо поговорить. А я боюсь слов ужасно, в их восторге легко утонуть. <...> ибо *театральное действие* уже больше слова. <...> Если слово – *смутное предчувствие*, то – театральное представление может стать настоящим пробуждающим от спячки и бросающим в блеск и муть живой жизни *ударом бича*" [с.260].

"Говорят дуры, наша кухарка и кухарки из соседних мещанских квартир, но *так* говорят, такие слова (редко доносящиеся), что кровь стынет от стыда и отчаяния. Пустота, слепота, нищета, злоба" [с.290].

"Сегодня отвечаю Н.Н.Скворцовой, что: "всё не так, слова её – покров, не знаю, над чем. Мир прекрасен и в отчаянье – противоречия в этом нет" [с.316].

Дневник, 1 декабря 1912: "Театр, – говорит Мейерхольд, – есть игра масок; "игра лиц", как возразил я, или "переживание", как назвал то же самое он, – есть по существу то же самое, это только – спор о словах. Утверждая последнее, Мейерхольд ещё раз подтвердил, что ему не важны слова. Я понимаю это, он во многом прав. Но, думаю я, за словами стоят мнения, за мнениями – устремление ума (который Мейерхольд, между прочим, счи-

тает лишним в театре), за устремлением ума – устремление сердца, а сердце – человечье" [с.320].

И.П.Брихничёву, 26 1912: "Для меня же это только разрозненные факты, и я всегда могу думать *меньше*: Вы, Клюев, я, кто-нибудь четвёртый с Волги, из Архангельска, с Волыни – всё равно, – все разделены, все говорят на разных языках, хотя, может быть, иногда понимают друг друга. Все живут по-своему" [с.326].

Г.Чулков: "К сожалению, это была эпоха, когда мы все злоупотребляли словами, и при этом "слово не расходилось с делом". Многие из нас "для красного словца" не жалели заветного. Это были дни и ночи, когда мы нередко искали истины на дне стакана" [с.335].

О.А.Кауфман, 14 апреля, 1916: "Не называйте поэтов пророками, потому что этим Вы обесцените великое слово. Достаточно называть их тем, что они есть, – поэтами. Поэзия имеет свою правду, как и свой язык" [с.427].

Зап. книжка, 21 мая, 1917: "Отдыхая от службы перед обедом, я стал разбирать (чуть не в первый раз) ящик, где похоронена Л.А.Дельмас. Боже мой, какое безумие, что всё проходит, ничто не вечно. Сколько у меня было счастья ("счастья", да) с этой женщиной. Слов от неё почти не останется. Останется эта груда лепестков, всяких сухих цветов, роз, верб, ячменных колосьев, резеды, каких-то больших лепестков и листьев. Всё это шелестит под руками. Я сжег некоторые записки, которые не любил, когда получал; но сколько осталось. И какие пленительные есть слова и фразы среди груды вздора. Шпильки, ленты, цветы, слова. И всё на свете проходит" [с.440].

Зап. книжка, 1917: "Ложь, что мысли повторяются. Каждая мысль нова, потому что её окружает и оформливает новое" [с.448].

Дневник, 28 марта 1919: "Если я назову при этом для примера имя нашего Тургенева, то попаду, кажется, прямо в точку, ибо для наших гуманистов нет, кажется, ничего святее этого имени, в котором так дьявольски соединился большой художник с вялым барствующим либералом-конституционалистом" [с.514].

Н.А.Нолле-Коган. Из воспоминаний: "На память об одной из таких прогулок он подарил мне Лермонтова в двух томах с такой надписью: "Есть слова – объяснить не могу я, /Отчего у них власть надо мной, /Их услышав, опять оживу я, /Но от них не воскреснет другой". Александр Блок. Май 1920, Москва" [с.518-9].

Н.А.Нолле-Коган. Из воспоминаний: "Внезапно в памяти моей всплыли строфы Фета. <...> Блок улыбнулся и продолжил: "Скажи, не я ль на первые воззвания /Страстей в ответ /Искал блаженств, которым нет названья /И меры нет" [с.523].

С.Алянский. Из воспоминаний "Встречи с Александром Блоком": "Последние числа июля. Александр Александрович чувствует себя значительно

хуже. О состоянии больного узнаю у Любви Дмитриевны, но она очень скупа на рассказы, её заплаканные глаза говорят больше, чем могли бы казать слова" [с.534].

А.Блок. О назначении поэта: "Мне кажется уместным сказать по этому поводу о *назначении* поэта и подкрепить свои слова мыслями Пушкина" [с.539].

А.Блок. О назначении поэта: "Мировая жизнь состоит в непрестанном созидании новых видов, новых пород. Их баюкает безначальный хаос; их взращивает, между ними производит отбор культура; гармония даёт им образы и формы, которые вновь расплываются в безначальный туман. Смысл этого нам непонятен; сущность темна; мы утешаемся мыслью, что новая порода лучше старой; но ветер гасит эту маленькую свечку, которой мы стараемся осветить мировую ночь. Порядок мира тревожен, он – родное дитя беспорядка и может не совпадать с нашими взглядами о том, что хорошо и что плохо. // Мы знаем одно: что порода, идущая на смену, нова; та, которую она сменяет, стара; мы наблюдаем в мире вечные перемены; мы сами принимаем участие в сменах пород; участие наше большей частью бездеятельно: мы занимаем какое-то место в мировой культуре и сами способствуем образованию новых пород. // Поэт – сын гармонии; и ему дана какая-то роль в мировой культуре. Три дела возложены на него: во-первых –освободить звуки из родной безначальной стихии, в которой они пребывают; во-вторых – привести эти звуки в гармонию, дать им форму; в-третьих – внести эту гармонию во внешний мир". // Похищенные у стихии и приведённые в гармонию звуки, внесённые в мир, сами начинают творить своё дело. "Слова поэта суть уже его дела". Они проявляют неожиданное могущество: они испытывают человеческие сердца и производят какой-то отбор в горах человеческого шлама; может быть, они собирают какие-то части старой породы, носящей название "человек"; части, годные для создания новых пород; ибо старая, по-видимому, быстро идёт на убыль, вырождается и умирает. // Нельзя сопротивляться могуществу гармонии, внесённой в мир поэтом; борьба с нею превышает и личные и соединённые человеческие силы" [с.539-40].

18. А.Хейт. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. М. 1991.

"Это требовало честного и уважительного отношения к слову, всё реже встречающегося в литературе, и борьба Ахматовой за верное слово тем значительней, что велась она во времена, когда всякое правдивое изображение действительности нередко рассматривалось как преступление против все-сильного государства, преступление, которое каралось каторгой и смертью" [с.109]. "Неточно найденное слово, ложь, полуправда, умолчание – преступление против тех, чьим единственным творчеством была сама жизнь и ко-

торые доверили художнику, наделённому даром преодолевать барьеры времени, осветить их жизнь лучами правды, чтобы ..." [с.122].

"Это основная тема книги Л.Чуковской "Спуск под воду", которая предваряется высказыванием Толстого: "Нравственность человека видна в его отношении к Слову" [с.122-3]. Она с гордостью повторяла слова Виктора Жирмунского о том, что "Поэма без героя" – исполненная мечта символистов, то, что они проповедовали в теории, но никогда не умели воплотить в творчестве" [с.197].

"Официальные ценности слишком часто оказывались ложными, слово, затасканное в лозунгах и пропаганде, стало проводником публичной лжи... Высокопарный бюрократический язык оказался пустым и несоразмерным тому, что он описывал, – настоящим утратам, пронизавшим сердца. И всё же в этом море лживых, неточных, фальшивых печатных слов, скрывающих то, что происходило в реальном мире, где миллионы людей были расстреляны, где они ходили с ума или гибли в сибирских лагерях, подобно островкам существовали несколько небольших стихотворений женщины, понимающей, какой вес имеет слово для верности описания, для увековечивания и сообщения своего опыта другим. В них описано её хождение по мукам без милосердия и жалости к себе" [с.206].

"Связь с этим миром происходит через поэзию, музыку, являющие собой творческий акт наречения имён всему сущему или даже акт воплощения, то есть облачения слов в плоть через исполнение своей роли в символической драме жизни" [с.206]. "Поэтическое слово, таким образом, призвано не только указать скрытую цель жизни, но и показать человеку его бесчеловечность к самому себе, нарисовать ему его собственный портрет с явными чертами вырождения" [с.208].

А.Ахматова: "... слово "акмеизм". Это было почти бранное слово" [с.232]. "Откуда-то выплывают слова, сказанные полвека тому назад и о которых я все пятьдесят лет ни разу не вспомнила (22 ноября 1957)" [с. 251]. "Знакомить слова", "сталкивать слова" – ныне это стало обычным. То, что было дерзанием, через 30 лет звучит как банальность. Есть другой путь – точность, и ещё важнее, чтобы каждое слово в строке стояло на своём месте, как будто оно там уже тысячу лет стоит, но читатель слышит его вообще первый раз в жизни" [с.253].

А.Ахматова: "Слушала стрекозиный вальс из балетной сюиты Шостаковича. Это чудо. Кажется, его танцует само изящество. Можно ли сделать такое со словом, что он делает со звуком?" [с.257]. "6 февр. 1966 г. (Больница, М.): Вчера ночью слушала "Наваждение" Прокофьева. Играл Рихтер. Это – чудо, я до сих пор не могу опомниться. Никакие слова (в каком порядке) даже отдалённо не могут передать, что это было. Этого почти не

могло быть" [с.260]. "Примерно тогда же возникла его теория "знакомства слов" (Из воспоминаний о Мандельштаме) [с.290].

А.Ахматова: "Меня поразило то, как Модильяни нашёл красивым одного заведомо некрасивого человека и очень настаивал на этом. Я уже тогда подумала: он, наверное, видит всё не так, как мы. Во всяком случае, то, что в Париже называют модой, украшая это слово роскошными эпитетами, Модильяни не замечал вовсе" (Амедео Модильяни) [с.300]. Бродскому 15 февраля 1965 года: "И снова всплыли спасительные слова: "Главное это величие замысла" [с.342]. "И в силе остаются Ваши прошлогодние слова: "Главное – это величие замысла" [с.343].

А.Найман: "Работа А.Хейт "Анна Ахматова. Поэтическое странствие" написана строго, документально, языком филологии, точность которого, точность выбора слов и их соединения между собой, сродни поэтической" (Предисловие) [с.5].

III

1. Ю.М.Лотман. Беседы о русской культуре. СПб., 1998.

"Не случайно существует обычай дарить вещи "на память" – вещи имеют память. Это как бы слова и записки, которые прошлое передаёт будущему" [с.11].

"Чиновник – человек, само название которого производится от слова "чин". "Чин" в древнерусском языке означает "порядок" [с.26]. "Слово "чин", по сути дела, разошлось в значении с древнерусским "порядок", ибо подразумевало упорядоченность не реальную, а бумажную, условно – бюрократическую". "Вместе с тем слово это, не имеющее точного соответствия ни в одном европейских языков (хотя Пётр I и был уверен, что его реформы делают Россию похожей на Европу), стало обозначением важнейшей особенности русской действительности". "С одной стороны, чин – это некая узаконенная фикция, слово, обозначающее не реальные свойства человека, а его место в иерархии" [с.33].

"Чин – пустая вещь, слово, призрак". "Значение слова "орден" (от лат. ordo – ряд, порядок) в XVIII веке не совпадало с нынешним: орденом назывался не предмет, а рыцарское братство" [с.34]. "С одной стороны, они, как и чины, не были "вещью настоящей", по словам гоголевского Поприщина" [с.37]. "Развитие крепостного права изменило само понятие слова "помещик". "Ср. позднейшее ироническое истолкование семантики слова "служить" в речи дворянина и разночинца-поповича" [с.39]. "Современному читателю естественно понять слово "секретарша" как указание на должность или место службы женщины. Однако такое толкование в конце XVIII – начале XIX века было бы совершенно невозможным" [с.48].

"Но панталоны, фрак, жилет /Всех этих слов на русском нет". Они говорили: "Какой ваш Пушкин эн де са", то есть – непристойный: слово "панталоны" вызывало у них ассоциации с деталями женского белья" [с.80]. "Слово "раб" входило в литературный язык XVIII века". "Отождествление слов "хам" и "раб" получило одно любопытное продолжение". "Декабрист Николай Тургенев, который, по словам Пушкина, "цепи рабства ненавидел", использовал слово "хам" в специфическом значении" [с.107].

"Слово "денди" (и производное от него – "дендизм") с трудом переводится на русский язык. Вернее, слово это не только передаётся несколькими, по смыслу противоположными, русскими словами, но и определяет, по крайней мере в русской традиции, весьма различные общественные явления" [с.123]. "Типично дендистское поведение было известно в кругу русских щеголей задолго до того, как имена Байрона и Бреммеля, равно как и само слово "денди", стали известны в России" [с.128].

"Представления, что ценность личности – в её самости, неповторимости, в тех качествах, для которых Карамзин нашёл новое слово – "оригинальность", было чертой, в которой выразился век" [с.214]. "Слово "художество" означало в ту пору понятие, передаваемое нами теперь словом "ремесло". "Для людей Петровской эпохи слова "ремесло", "умение" звучали торжественнее и даже поэтичнее, чем слово "талант". Этот пафос позже отражён в словах А.Ф.Мерзлякова "святая работа о поэзии"; в словах (повторяющих К.Павлову) М.Цветаевой "Ремесленник, я знаю ремесло" и Анны Ахматовой "святое ремесло" [с.244].

"Если бы надо было характеризовать Радищева одним словом, то лучше всего подошло бы определение "энциклопедист" [с.259]. "Свобода начинается словом философа" [с.261]. "Все слова были уже сказаны философами Просвещения, но это не привело к свободе" [с.262]. "Эта версия, конечно, тенденциозна, так же как и процитированные Пушкиным слова Карамзина: "Честный человек не должен заслуживать казни" (XII, 30)" [с.266].

"Фольклорность" поведения Суворова подкреплялась тем, что в этих проявлениях он явно предпочитал жест слову". "Ему, изумлявшему – в других ситуациях – своих собеседников красноречием, здесь явно начинало не хватать слов, и он переходил на глоссолалию, кукуреканье, экзотическую жестикуляцию" [с.272]. "... я обедал у Суворова: не помню, ел ли что, но помню с восторгом каждое его слово" [с.274]. "В 1792 году Суворов на отдельном листе записывал горькие слова о своём одиночестве и непризнанности" [с.281].

"Характерно это совершенно "римское" выражение "граждане" – слово, которое Павел ненавидел и требовал заменять словом "мещанин" [с.283]. "А для этого полезно сосредоточить внимание не только на том, что видел автор текста, но и на том, чего он не видел, что оставалось за пределами его

зрения, для чего у него не было ни глаз, ни слов" [с.302]. "Тут невольно вспоминаются слова Пушкина из "Пиковой дамы" в описании похорон графини: "Молодой архиерей произнёс надгробное слово. В простых и трогательных выражениях представил он мирное усение праведницы" [с.305].

"Он определяет их поведение как "убийственную болтовню"... и решительно оспаривает возможность осуждать за слова как за реализованные деяния". "В словах Вяземского есть и указания на то, что "болтовня" в действиях заговорщиков перевешивала "дело". "Чацкий с позиций декабризма, как показала М.В.Нечкина, упрекает Репетилова в пустословии и фразёрстве" [с.334].

"Однако подчёркнутое внимание к слову, жесту, поведению в целом, которое придаёт ему, в наших глазах, характер театрализованности, для самого декабриста связывалось с восприятием себя как исторического лица, а своих поступков – как исторических". "В жизненном поведении декабриста, как на сцене, порядок оказывался противоположным: поступок как практическое действие увенчивался словом – его итогом, оценкой, раскрытием его символического смысла" [с.338]. "Для просветителя XVIII века в начале было Слово" [с.338-9].

"Для декабриста Слово было и началом, и венцом, и импульсом к историческому действию, и его высшим смыслом". "Тенденция ослаблять, "разбалтывать" связь между словом и тем, что оно обозначает, позже вызывала у Л.Толстого устойчиво отрицательное отношение как проявление лицемерия в речи светских людей". "Другой начальник говорил, что, когда приходится ему подписывать формулярные списки и вносить в определённые графы слово *достоин* и *способен*, часто хотелось бы прибавить: "способен ко всякой гадости, достоин всякого презрения" [с.339].

"Если перевести эти слова с условно-конспиративного языка на реально-политический, то они должны читаться так: "Вы или конспиратор ("лжец"), или пустой болтун-либерал ("подлец")" [с.341]. "Выражая оценку уже не пламенной тирадой, а презрительным словом или гримасой, он оставался в бытовом поведении "карбонарием". "Для того чтобы личностное содержание можно было облекать в такие слова, сами эти выражения должны были уже сделаться, в своём общем содержании, паролем целого поколения" [с.342].

"Подобно тому, как жест и поступок дворянского революционера получали для него и окружающих смысл, поскольку имели своим значением *слово*, любая цепь поступков становилась текстом (приобретала значение), если её можно было прояснить связью с определённым литературным сюжетом" [с.343]. "Хотя слова Чаадаева об его презрении к людям, которые всех презирают, метили в начальника Чаадаева, Васильчикова, император мог их принять на свой счёт" [с.348]. "Слова Позы: "Я не могу слугой монарха быть" – становились для Чаадаева буквальной программой" [с.350].

"Пером он владел не хуже, чем шпагой, и умел словом воодушевлять собеседников" [с.365]. "Для того чтобы понять декабризм, необходимо вновь превратить формулы в поведение, увидеть жест, услышать интонацию. Слова сохранились – исчезла атмосфера" [с.377].

2. А.Белый. Символизм как миропонимание. М., 1994.

Формы искусства (1902)

"В характере слов и способе их расположения мы усматриваем большую или меньшую музыкальность". "Из развития слова песни вышли все формы поэзии: эпическая, лирическая и драматическая" [с.94]. "Совокупность слов, вытянутых в одну строчку, символизирует одномерность поэзии. Описывать легче, нежели изображать" [с.97]. "Симфоническая музыка развилась в недавнем прошлом. Здесь мы имеем последнее слово искусства" [с.102].

Священные цвета (1903)

"В браке, по словам Соловьёва, мы имеем образ, освящённый словом Божиим, обозначающий союз Христа с Церковью" [с.207].

Символизм как миропонимание (1904)

"Отношение к содержанию высказываемых воззрений, этот аккомпанемент души к словам, вот что важнее всего в мудреце" [с.249].

"Вселюсь в них и буду ходить в них, и буду их Богом", – говорит Господь. Теургия – вот что воздвигает пророков, вкладывает в уста их слово, дробящее скалы" [с.253].

Чехов (1904)

"Представитель тенденции "печной горшок" увидит в Чехове последнее слово своего направления. Наоборот: изысканного поклонника символизма прельстит стыдливая тонкость чеховских символов, и он с облегчением обратится к Чехову после Метерлинка. Он увидит, что эта осторожная стыдливость коренится в прозрачности его символов и что необходимое условие прозрачности – произвольность, непреднамеренность, то, чему имя "*талант*", "*гений*" [с.372-3].

Ибсен и Достоевский (1905)

"Герои Достоевского всегда залиты потоками слов, иногда жалобных; всегда они плачут о собственной гибели" [с.199]. "Герои Ибсена тяжелы. Слова их косноязычны. Всегда они говорят о внешних предметах и отношениях" [с.200]. "Почему мы дрожим, когда Боргман берёт палку и идёт бороться с жизнью? И, наоборот, – не потрясает у Достоевского страшные слова Кириллова: "Бывают ли у вас, Шатов, минуты вечной гармонии?" [с.200].

Брюсов (1906)

"Вот почему, определяя, в чём заключается обаяние его музыки, приходится говорить о простой расстановке слов, о запятых и точках. Между тем

этими простыми средствами он пронизывает строчки своих стихов красотой небывалой и новой" [с.395].

"Стиль – душа поэта. Есть мелодия и гармония стиля. Пышность эпитетов и метафор относима к гармонии. Расстановка слов являет мелодию. Плохая мелодия может быть прекрасно гармонизирована. Но гармонизация не заслонит красивой мелодии. Мелодия может обойтись без гармонии. Ритм – вот что главное. Мелодия ближе к сущности музыки, к ритму. Гениальные строчки Бетховена часто – незатейливые мелодии. Расстановка слов – мелодия стиля. Расстановка слов часто открывает нам глубины души творящей" [с.397].

"Удачно выразился Малларме, что гениален поэт, сумевший найти новое место слову. Поражает нас расстановка слов у Брюсова. Брюсов владеет даром мелодийным. Он – лучший стилист среди современных русских поэтов" [с.398].

Будущее искусство (1907)

"... музыка, живопись, архитектура, скульптура, поэзия – всё это уже отжившее прошлое; здесь в камне, в краске, звуке и слове совершился процесс преобразования когда-то живой и уже теперь мёртвой жизни" [с.144].

Настоящее и будущее русской литературы (1907)

"Гоголь, Толстой, Достоевский, Некрасов – музыканты слова; но безмерно более они – проповедники; и музыка их слов – лишь средство воздействия" [с.351].

"Русской литературе открывается *новая жизнь*; русской жизни даётся *новое слово*, творческое, действующее слово. Старая жизнь перестаёт быть жизнью; русская литература – не вовсе литература. <...> и тенденция в русской литературе всё более и более вырождается или иссякает вовсе, это потому, что самые важные, самые нужные слова о *деле* сказаны, а дела – нет". "Проповедь засыпала личность на Западе мёртвыми словами. И восстала личность на мёртвое слово: личность тогда в слове увидела музыку, в бессловесном увидела она жизнь. Техника соединилась с музыкой: слова обернулись в символы: песни без слов" [с.354].

"Брюсов изваял лозунг формы в русской литературе. Не голое слово – сплетение слов нам дорого в Брюсове". "Но после Ницше, молчаливо улыбавшегося нам на проповедь, Ницше, который проповедовал не словами, а жестах страдания, подвигом мученичества, безумием, – литературная проповедь – мёртвая проповедь. И Мережковский боится пророчествования: между тем слово его достигает до нас в форме проповеди, а не живой действительности" [с.360]. "Мережковский – слишком ранний предтеча *"дела"*. Брюсов – слишком поздний предтеча *"слова"*. Слово и дело не соединены; но и не может быть ныне слово соединено с делом" [с.361].

Театр и современная драма (1908)

"Форма искусства стремится здесь расшириться до возможности быть жизнью и в буквальном, и в переносном смысле слова" [с.153].

"Когда же нам говорят теперь, что сцена есть священнодействие, актёр – жрец, а созерцание драмы приобщает нас таинству, то слова "священнодействие", "жрец", "таинство" понимаем мы в неопределённом, многомысленном, почти бессмысленном смысле этих слов" [с.158].

"Выйдите под вечер погулять на деревню – и вы встретитесь и с хорошим началом, и с коллективным творчеством ... нецензурных слов" [с.159]. "Поддавая индивидуальность актёра, режиссёр инстинктивно силится утаить тот вопиющий факт, что, произнося дословно слова текста драмы, современный актёр говорит вовсе не то, что стоит у автора" [с.165].

Песнь жизни (1908)

"Песня рождает поэзию; ритм формирует поэтический метр; сложность метра порождает поэтическую прозу, т.е. стиль; стиль преобразует слово, формы преобразования слова – средства изобразительности: так слог образуется из стиля" [с.171].

"Но слово – всегда символ; когда утверждается слово в переносном, т.е. не образном, а формальном смысле, мы требуем, чтобы нам указали, на что переносится слово; но предмет слова отсутствует: такова участь терминов, термин – выветренное слово, теория знания – смерть слова живого. Жизнь прячется в бессловесное, превращение слов в термины есть особая форма немоты, вместе с тем это начало восстания хаоса в нашей душе, приближение нового потопа. Наука и философия, опустошая слово, убивает полуживые, гниющие слова бесчисленных схоластиков и метафизиков, умирает плохое слово: мы освобождаемся от всякой призрачной жизни (а такой жизнью является в нашей культуре жизнь слов).

Мы слушаем песню без слов.

Теперь начинаем мы понимать, что все эти нормы познания, посредством которых несуществующее мыслит своё дополнение, которое оказывается нами, просто набор слов" [с.171-2].

"Песня – символ... Слово здесь вызывает образ, слово само становится образом: слово здесь ищет плоти, чтобы стать ею; слово здесь – созидает плоть гармонической жизни: слово – здесь ритм, так что образ выброшен из вечной стихии души". "... слово в песне носит характер заклинания" [с.175]. "Песня соединяет ритм (время) и образ (пространство) в слове (причинности)" [с.176]. "Нам нужно соединение поэзии и музыки в нас, а не в не нас, мы хотим жить действительным единством слова и музыки, а вовне не отражённым: мы хотим, чтобы не мёртвая форма – купол увенчал храм искусств, а человек – живая форма" [с.177].

Фридрих Ницше (1908)

"И нам, в свою очередь, терминология, заученная назубок, как будто и доступна: произнося слова из их лексикона, мы приспосабливаем к новым словам содержание нашей ветшающей души" [с.179]. "Мы не знаем, индивидуалист или универсалист Ницше в тривиальном смысле этих слов, потому что ходячие представления об индивидуализме не имеют ничего общего с содержанием этого понятия у Ницше" [с.182].

"Оттого-то психологические доктрины "личности", "индивидуальности", "души" или "тела" – за пределом тех горизонтов, которые признал Ницше своими образами и идеями. (Ведь в душе у него было всё новое). "Душа", "тело", "я", "не я" – но ведь он стоял за чертой, где всё это отдельно. "Душа" – это голубой колокол неба: на небе земля, с моим телом и душой. "Ну, конечно, душа – это тело", – сказал бы он. "Тело" – но оно гниёт, но его придавил дух, когда из духа сделали кандалы; тело – это новая плоть сверхчеловека. Всё, что убивает во мне – ребёнок, не я, но и я, – мост и стремление к дальнему. Вот что он сделал бы со всеми этими словами к ужасу систематиков, терминологов, методологов и теоретиков. Но Ницше до такой степени практик, что ему нет времени размышлять о том, в свете какой терминологии его примут". Он пользуется всеми средствами воздействия, чтобы внушить нам ту или иную ценность, – здесь наукой, здесь метафизикой, там – сладкой, сладкой песнью своей. Он – символист, проповедник новой жизни" [с.186]. "Только в творчестве живая жизнь, а не в размышлениях над ней. "Я", – говоришь ты и гордишься этим словом, – восклицает Ницше. – Твоё тело и его великий разум ... не говорят "я", но делают "я" [с.187].

"Разве это книга?" – как знать, может быть, в этот момент тень Фридриха Ницше склонялась над нами, шепча дорогие, где-то уж прозвучавшие слова: "Видите, это – я" [с.194].

Ф.Сологуб. (1908)

"Далеко не всегда поднимается Сологуб в слоге до себя: грязные пятна неряшливого отношения к словесности встречаются нас на всём пространстве его романов. Не всегда покрыты они словесной нивой; много сухого, потоптанного жнивья; много торчащих мётел полынных. Часто фразы его – колосья, полные зёрен; нет пустых слов: что ни слово, то тяжёлое зерно тяжёлого его слога, пышного в своей тяжести, простого в своём структурном единообразии" [с.383].

Эмблематика смысла (1909)

"И потому-то близки теперь нам древние слова мудрости: *"Ищи путь, отступая всё более внутрь; ищи путь, выступая смело наружу. Не ищи его на одной определённой дороге... Достигнуть пути нельзя одной только праведностью, или одним религиозным созерцанием, или горячим стремле-*

нием вперёд... Ищи путь, пробуя всякие испытания, чтобы понять рост и значение индивидуальности" [с.39].

"... стоя во храме, мы должны, как первозданный Адам, дать имена вещам; музыкой слов, как Орфей, заставить плясать камни. Стоя в магическом ореоле истинного и ценного, мы созерцаем лишь смерть вокруг этого ореола; перед нами – мёртвые вещи. Давая имена дорогим мертвецам, мы воскрешаем их к жизни; свет, брызнувший с верхнего треугольника пирамиды, начинает пронизывать то, что внизу: всё, умерщвлённое нами в познании и творчестве, вызывается к жизни в Символе" [с.64].

"Изгоняя из Слова всяческий психологизм, мы самое слово наделяем *sui generis* бытием; слово становится Логосом; самая логическая деятельность есть *sui generis* онтология" [с.68].

Смысл искусства (1909)

"И только в отыскании смысла видимых образов или переживаний определим истинный смысл искусства. Но этот смысл религиозный. Искусство есть преддверие религиозного символизма; в противоположность всяческому догматизму, символизм указывает вехи творческого пересоздания себя и мира; в символизме оправдываются вещие слова о том, что *"Царство Божие восхитается силой"* [с.122].

Пророк безличия (1909)

"Фальки начинают скрипеть зубами, совершенно взбешённые, потом закрываются от самих себя фонтаном утончённых слов". "Тут Пшибышевский устами Фальков начинает оправдывать своих немых цитатами о бессознательном. Это – не живые слова, мёртвые" [с.148].

"... сознание становится мёртвым, словесным, а действие становится звериным. Слово, ставшее плотью, он делит на бесплотное слово и немую плоть. И все герои его в словах бесплотны, в делах – бессловесны". "Сами герои Пшибышевского – выветренная порода человечества: не гранит, а рухляк, не удобная для лепки глина, а рассыпчатый лёсс – песок сыплется из их слов". "В глубинах бессознательного клокочет в них стихийная сила жизни; всё же, что признано светом культуры, золотым аполлоновым светом – живые образы, живые слова, живые поступки, живое творчество – всё тут выветрено, как выветрились в культуре образы искусства – в аллегии, слова – в термины" [с.149].

Символизм (1909)

"Исходя из этих переживаний, он стремится запечатлеть их в форме; формой является материал звуков, красок, слов; самый художественный образ, изваянный в слове, есть мост между миром мёртвого материала и красноречиво образовавшейся полнотой; материал, получивший форму, есть образ" [с.258].

Гоголь (1909)

"... а между тем Гоголя читают и не видят, не видят доселе, что нет в словаре у нас слова, чтобы назвать Гоголя, нет у нас способов измерить все возможности, им исчерпанные: мы ещё не знаем, что такое Гоголь; и хотя не видим мы его подлинного, всё же творчество Гоголя, хотя и суженное нашей убогой восприимчивостью, ближе нам всех писателей русских XIX столетия" [с.362]. "Иногда расстановка слов или параллелизм достигают необычайной утончённости: "Снилось мне, чудо, право, и так живо, снилось мне" ("Страшная месть"). "Блеснул день, но не солнечный: небо хмурилось и тонкий дождь сеялся на поля, на широкий Днепр" [с.370].

Магия слов (1910)

"Язык – наиболее могущественное орудие творчества. Когда я называю словом предмет, я утверждаю его существование. Всякое познание вытекает уже из названия. Познание невозможно без слова. Процесс познания есть установление отношений между словами, которые впоследствии переносятся на предметы, соответствующие словам. Грамматические формы, обуславливающие возможность самого предложения, возможны лишь тогда, когда есть слова; и только потом уже совершенствуется логическая членораздельность речи" [с.131].

"Образная речь состоит из слов, выражающих логически невыразимое впечатление моё от окружающих предметов. Живая речь есть всегда музыка невыразимого. Мысль изречённая есть ложь", – говорит Тютчев. И он прав, если под мыслью понимает он мысль, высказываемую в ряде терминологических понятий. Но живое, изречённое слово не есть ложь. Оно – выражение сокровенной сущности моей природы; и поскольку моя природа есть природа вообще, слово есть выражение сокровеннейших тайн природы. Всякое слово есть звук; пространственные и причинные отношения, протекающие вне меня, посредством слова становятся мне понятными. Если бы не существовало слов, не существовало бы и мира" [с.131].

"В слове дано первородное творчество; слово связывает бессловесный, незримый мир, который роится в подсознательной глубине моего личного сознания с бессловесным, бессмысленным миром, который роится вне моей личности. Слово создаёт новый, третий мир – мир звуковых символов, посредством которого освящаются тайны вне меня положенного мира, внутри меня заключённые; мир внешний проливается в мою душу; мир внутренний проливается из меня в зори, в шум деревьев; в слове, и только в слове, воссоздаю я для себя окружающее меня извне и изнутри, ибо я – *слово* и только *слово*" [с.131].

"Но слово – символ; оно есть понятное для меня соединение двух непонятных сущностей: доступного моему зрению пространства и глухо звучащего во мне внутреннего чувства, которое я называю условно (формально)

временем". "Но всякое *слово* есть прежде всего звук; первейшая победа сознания – в творчестве звуковых символов" [с.131].

"Стремясь назвать всё, что входит в поле моего зрения, я, в сущности, защищаюсь от враждебного, мне непонятного мира, напирającego на меня со всех сторон; звуком слова я укрощаю эти стихии; процесс наименования пространственных и временных явлений словами есть процесс заклинания; всякое слово есть заговор; *заговаривая* явления, я, в сущности, покоряю его; и потому-то связь слов, формы грамматические и изобразительные, в сущности, заговоры; называя устрашающий меня звук грома "*громом*", я создаю звук, который подражает грому (гррр); создавая такой звук, я как бы начинаю воссоздавать гром; процесс воссоздания и есть познание; в сущности, я заклинаю гром. Соединение слов, последовательность звуков во времени уже всегда – причинность" [с.132].

"Слово, поэтому, всегда рождает причинность; оно – творит причинные отношения, которые уже потом познаются". "Причинное объяснение на первоначальных стадиях развития человечества есть только творчество слов; ведун – это тот, кто знает больше слов; больше говорит; и потому – заговаривает. Неспроста магия признаёт власть слова. Сама живая речь есть непрерывная магия; удачно созданным словом я проникаю глубже в сущность явлений, нежели в процессе аналитического мышления; мышлением я различаю явление; *словом* я подчиняю явление, покоряю его; творчество живой речи есть всегда борьба человека с враждебными стихиями, его окружающими; слово зажигает светом победы окружающий меня мрак" [с.132].

"Недаром старинное предание в разнообразных формах намекает на существование магического языка, слова которого покоряют и подчиняют природу; недаром каждый из священных гиероглифов Египта имел тройственный смысл: первый смысл сочетался со звуком слова, дающим наименование гиероглифическому образу (время); второй смысл сочетался с пространственным начертанием звука (образа), т.е. с гиероглифом; третий смысл заключался в священном числе, символизировавшем слово". "Естественные умозаключения и мифы языка независимо от степени их объективности выражают непроизвольное стремление символизировать магическую власть слова" [с.132].

"Назначение человечества в живом творчестве жизни; жизнь человечества предполагает общение индивидуумов; но общение – в слове и только в слове". "Для этого нужно, чтобы слово общения не было отвлечённым понятием; отвлечённое понятие определённо кристаллизует акты уже бывших познаний; но цель человечества – творить самые объекты познаний; цель общения – зажигать знаки общения (слова) огнями всё новых и новых процессов творчества. Цель живого общения есть стремление к будущему; и потому-то отвлечённые слова, когда они становятся знаками общения, воз-

вращают общение людей к тому, что уже было; наоборот, живая, образная речь, которую мы слышим, зажигает наше воображение огнём новых творчеств, т.е. словообразований; новое словообразование есть всегда начало новых познаний" [с.133].

"Поэтическая речь и есть речь в собственном смысле; великое значение её в том, что она ничего не доказывает словами; слова группируются здесь так, что совокупность их даёт образ; логическое значение этого образа неопределённо; зрительная наглядность его неопределённа также, <...> и поэтический образ досоздаётся – каждым; образная речь плодит образы; каждый человек становится немного художником, слыша живое слово. Живое слово (метафора, сравнение, эпитет) есть семя, прозябающее в душах; оно сулит тысячи цветов; у одного оно прорастает как белая роза, у другого как синенький василёк" [с.133].

"Главная задача речи – творить новые образы, вливать их сверкающее великолепие в души людей, дабы великолепием этим покрыть мир; эволюция языка вовсе не в том, чтобы постепенно выпотрошить из слов всяческое образное содержание; выпотрошенное слово есть отвлечённое понятие; отвлечённое понятие заканчивает процесс покорения природы человеку; <...> ушедшее в глубину бессознательного семя-слово, разбухая, прорывает сухую свою оболочку (понятие), прорастая новым ростком; это оживление слова указывает на новый органический период культуры; вчерашние старички культуры, под напором новых слов, покидают свои храмы и выходят в леса и поля вновь заклинать природу для новых завоеваний; слово срывает с себя оболочку понятий: блестит и сверкает девственной, варварской пестротой" [с.133].

"Такие эпохи сопровождаются вторжением поэзии в область терминологии, вторжением в поэзию духа музыки: вновь воскресает в слове музыкальная сила звука; вновь пленяемся мы не смыслом, а звуком слов; в этом увлечении мы бессознательно чувствуем, что в самом звуковом и образном выражении скрыт глубочайший жизненный смысл слова – быть словом творческим. Творческое слово созидает мир". "Творческое слово есть воплощённое слово (слово-плоть), и в этом смысле оно действительно; символом его является живая плоть человека; слово-термин костяк; никто не станет отрицать значение занятий по остеологии (учение о костях); знание остеологии практически необходимо нам в жизни; знание анатомии прежде всего есть одно из условий облегчения болезней (надо суметь выправлять горбы, вправлять вывихи); но никто не станет утверждать, что скелет есть центральная ось культуры" [с.134].

"Придавая терминологической значимости слова первенствующее значение, вместо побочного и служебного, мы убиваем речь, т.е. живое слово; в живом слове непрерывное упражнение творческих сил языка; созидая звуковые образы, комбинируя их, мы, в сущности, упражняем силы; пусть говорят нам,

что такое упражнение есть игра, разве игра не упражнение в творчестве?". "И потому-то кажущееся неразвитому уху нелепым упражнение духа в звуковом сочетании слов играет огромное значение; созиданием слов, наименованием неизвестных нам явлений звуками мы покоряем, зачаровываем эти явления; вся жизнь держится на живой силе речи; кроме речи у нас нет никаких прямых знаков общений; все иные знаки (хотя бы живые жесты или отвлечённые эмблемы) только побочные, вспомогательные средства речи" [с.134].

"Побеждена тьма – образы разлагаются; и выветривается поэзия слов; тогда уже опознаем мы слова, как отвлечённые понятия, но вовсе не для того, чтобы убедиться в бесцельности образов языка: мы разлагаем живую речь в понятия для того, чтобы оторвать их от жизни, раздавить в тысячах фолиантов, заключить в пыль архивов и библиотек; тогда живая жизнь, лишённая живых слов, становится для нас безумием и хаосом; <...> ослеплённый надвигающейся гибелью человек в ужасе начинает заклинять словом опасности, неведомые ему; к удивлению своему он видит лишь в слове средство действительного заклинания; тогда из-под коры выветренных слов начинает бить световой поток новых словесных значений; создаются новые слова" [с.134].

Вырождение переходит в здоровое варварство; причина вырождения – смерть слова живого; борьба с вырождением – создание новых слов; во все упадки культур вырождение сопровождалось особым культом слов; культ слов предшествовал вырождению; культ слова – деятельная причина нового творчества; ограниченное сознание неизменно смешивало причину с действием; причина (смерть слова живого), вызывавшая действие (противодействие смерти в культе слова), смешивалась с действием; творческий культ слова неизменно связывался с вырождением; наоборот: вырождение есть следствие вымирания слов. Культ слова – заря возрождения" [с.134-5].

"Слово-термин – прекрасный и мёртвый кристалл, образованный благодаря завершившемуся процессу разложения живого слова. Живое слово (слово-плоть) – цветущий организм". "Идеальный термин – это вечный кристалл, получаемый только путём окончательного разложения; слово-образ – подобно живому человеческому существу: оно творит, влияет, меняет своё содержание. Обычное прозаическое слово, т.е. слово, потерявшее звуковую и живописную образность и ещё не ставшее идеальным термином, – зловонный, разлагающийся труп" [с.135].

"Идеальных терминов мало, как стало мало и живых слов; вся наша жизнь полна гниющими словами, распространяющими нестерпимое зловоние, употребление этих слов заражает нас трупным ядом, потому что слово есть прямое выражение жизни". "И потому то единственное, на что обязывает нас наша жизненность, – это творчество слов; мы должны упражнять свою силу в сочетаниях слов; <...> мы должны быть варварами, палачами ходячего слова, если уже не можем мы вдохнуть в него жизнь;

другое дело – слово-термин; оно не представляется живым; оно – то, что есть, его не воскресишь к жизни, но оно безвредно: самый трупный яд разложился в идеальном термине, так что он уже никого не заражает" [с.135].

"Другое дело зловонное слово полуобраз-полутермин, ни то, ни сё – гниющая падаль, прикидывающаяся живой: оно, как оборотень, вкрадывается в обиход нашей жизни, чтобы ослаблять силу нашего творчества клеветой, будто это творчество есть пустое сочетание слов, чтобы ослаблять силу нашего познания клеветой, будто это познание есть пустая номенклатура терминов. Или, пожалуй, правы те, кто утверждает, что образность языка есть бесцельная игра словами, потому что мы не видим осязательного смысла в звуковом и образном подборе слов. Целесообразность такого подбора есть целесообразность без цели; но как странно: гениальный мыслитель Кант, высоко ценя произведения искусства, именно этими словами определяет искусство, а один из лучших музыкальных критиков (Ганслик) приблизительно так определяет музыку; или Ганслик и Кант безумцы, или слова их касаются какой-то совершенно реальной стороны искусства" [с.135].

"Бесцельна игра словами, пока мы стоим на чисто эстетической точке зрения; но когда мы сознаём, что эстетика, есть лишь грань, своеобразно преломляющая творчество жизни, и сама по себе, вне этого творчества, не играет никакой роли, то бесцельная игра словами оказывается полной смысла: соединение слов, безотносительно к их логическому смыслу есть средство, которым человек защищается от напора неизвестности. Вооружённый щитом слов, человек пересоздаёт всё, что он видит, вторгаясь, как воин, в пределы неизвестного; и если он побеждает, слова его гремят громами, вспыхивают искрами созвездий, окутывают слушателей мраком междупланетных пространств, бросают их на неизвестную планету, где вспыхивают радуги, журчат ручьи и вздымаются громады городов, в которых слушающие как во сне оказываются загнанными в четырехугольное пространство, называемое комнатой..." [с.135-6].

"... они думают, что *слово* говорящего исходит от говорящего; и оно подлинно, если это им кажется – магия слов создана, и иллюзия познания начинает действовать; тогда начинает казаться, что за словами прячется некоторый смысл, что познание отделимо от слова; а между тем весь сон познания создан словом, познающий всегда говорит или явно, или мысленно; всякое познание есть иллюзия, следующая за словом: словесные соединения и звуковые аналогии (например, замена пространства временем, времени пространством) уже выступают из образных форм речи; <...> говорит тот, кто творит; если же он говорит с уверенностью, ему начинает казаться, что он познаёт, а те, к кому обращены слова, полагают, что они учатся, в собственном смысле нет учеников и учителей, познающих и познаваемого...". "Звук сам по себе неделим, всемогущ, неизменяем; но перекрестные

хоры звуков, но смутные звуковые отклики, вызываемые воспоминанием, начинают плести покров вечной иллюзии; мы называем эту иллюзию познанием, пока познание наше, разложив до конца звуки, не станет для нас немым словом или немым математическим значком" [с.136].

"Познание становится номенклатурой немых и пустых слов; немых, потому что они не говорят ни о чём; пустых, потому что из них изъято всяческое содержание; <...> но вне психизма нет звука, нет слова, нет жизни, нет творчества. Познание оказывается незнанием". "В откровенном сведении познания к незнанию, как и в откровенном сочетании звуков для звуков, больше прямоты и честности, нежели в трусливой замашке держаться за припахивающие разложением слова, за слова не откровенно образные, не откровенно цветущие" [с.136].

"Скажем прямо: нет никакого познания в смысле объяснения явлений словом; и потому-то научные открытия, основанные на эксперименте, имеют в корне своём творчество звуковых аналогий, перенесённых наружу, перешедших в действие. Что есть опыт? Он всегда в *действии*, своеобразно комбинирующем условия природы; возьмём магнит (действие), вложим его в катушку из проволоки (действие); получаем явление электромагнетизма (действие); тут нет ещё слов" [с.136].

"...объяснение формулы словами есть объяснение при помощи аналогии; аналогия ещё не познание". "И обратно: если доказать происхождение опыта из слова, то это ещё не доказательство происхождения точной науки из отвлечённых понятий; всякое живое слово есть магия заклатья; никто не докажет, будто невозможно предположить, что первый опыт, вызванный словом, есть вызывание, заклатье словом никогда не бывшего феномена; слово рождает действие; действие есть продолжение мифического строительства" [с.137].

"Миры отвлечённых понятий, как и миры сущностей, как бы мы эти сущности ни называли (материя, дух, природа), – не реальны; их и нет вовсе без слова; слово – единственный реальный корабль, на котором мы плывём от одной неизвестности в другую – среди неизвестных пространств называемых землёю, небом, эфиром, пустотой и т.д., среди неизвестных времён, называемых богами, демонами, душами. Мы не знаем, что такое материя, земля, небо, воздух; мы не знаем, что такое бог, демон, душа; мы называем нечто "я", "ты", "он", но, именуя неизвестности словами, мы творим себя и мир; слово есть заклатье вещей; слово есть призыв и вызывание бога" [с.137].

"Всякое познание есть фейерверк слов, которыми я наполняю пустоту, меня окружающую; если слова мои и горят красками, то они создают иллюзию света; эта иллюзия света и есть познание. Никто никого не убедит. Никто никому ничего не докажет; всякий спор есть борьба слов, есть магия; я говорю только для того, чтобы заговорить; фехтование словами, имеющее

вид диспута, есть заполнение пустоты чем бы то ни было: теперь принято затыкать рот противника гнилыми словами; но это не убеждение; противника, возвратившегося домой после спора, тошнит гнилыми словами. Прежде пустота зажигалась огнями образов; это был процесс мифического творчества. Слово рождало образный символ – метафору; метафора представлялась действительно существующей; слово рождало миф; миф рождал религию; религия – философию; философия – термин" [с.137].

"Лучше бесцельно пускать в пустоту ракеты из слов, нежели пускать в пустоту пыль. Первое – действие живой речи; второе – действие речи мёртвой. Мы часто предпочитаем второе. Мы – полумертвецы, полуживые" [с.137].

"В формах изобразительности есть нечто общее: это стремление расширить словесное представление данного образа, сделать границы его неустойчивыми, породить новый цикл словесного творчества, т.е. дать толчок обычному представлению в слове, сообщить движение его внутренней формы; изменение внутренней формы слова ведёт к созиданию нового содержания в образе" [с.138]. "Поэтическая речь прямо связана с мифическим творчеством; стремление к образному сочетанию слов есть коренная черта поэзии" [с.141].

"Такое утверждение силы творчества в словах есть религиозное утверждение; оно вопреки сознанию". "И потому-то новое слово жизни в эпохи всеобщего упадка вынашиваются в поэзии. Мы упиваемся словами, потому что сознаём значение новых, магических слов, которыми вновь и вновь сумеем заклясть мрак ночи, нависающий над нами. Мы ещё живы – но мы живы потому, что держимся за слова. Игра словами – признак молодости; из-под пыли, обломков разваливающейся культуры мы призываем и заклинаем звуками слов. Мы знаем, что это – единственное наследство, которое пригодится детям. Наши дети выкуют из светящихся слов новый символ веры; кризис познания покажется им лишь только смертью старых слов" [с.142].

Кризис сознания и Генрик Ибсен (1911)

"... моё убеждение, поскольку оно выражается в словах, часто не покрывает глубину мотивов, заставляющих меня исповедовать данное убеждение; высказанное убеждение уже искажает подлинную природу этого убеждения; в согласии же моего убеждения с чужим убеждением кроется уже натяжка" [с.218]. "Герои Ибсена целомудренней на слова" [с.220]. "Мысль изречённая есть ложь", – давно ещё сказал Тютчев, пытаясь оформить своё переживание в слове; но был не прав: членораздельное слово уже нарушило мистику" [с.221]. "Но Ибсен, по-видимому, не реалист, не символист в обычно понимаемом смысле этого слова" [с.227].

"Ибсен снабжает свои драмы детальными ремарками: в них узнаём мы, как ходят его герои, какие они носят причёски, костюмы; мы узнаём все их манеры, все жесты; чаще всего они мало говорят о событиях, жертвой кото-

рых они становятся; говорят они немой, жестами, часто незначащими словами; за них говорят окружающие: тонкое кружево диалога всё время окутывает их; и мы часто начинаем их узнавать прежде, нежели они откроют рот; а когда начинают они говорить, то говорят о прошлом; во всех словах, почти незначащих, звучит это прошлое" [с.230].

"Стремление к творчеству новой жизни ведёт к гибели у Ибсена, потому что для творчества жизни нужно стать одновременно и выше жизни, и выше сознания, соединить сознание с жизнью, претворить слово в плоть" [с.236]. "... с одной стороны, герои Ибсена – звери, с плотью, но без слова; с другой стороны, они – ангелы: слова без плоти; ни там ни здесь нет ещё человека" [с.237]. "Аллегория слов и реальность действия соединяются у Ибсена в аллегорический жест; там, где у Ибсена уже нет слова, чтобы выразить ощущаемое им будущее, где у него нет поступка, чтобы выразить нужное действие, там сводит Ибсен аллегорию на землю, облакает слово в жест, жест – в слово" [с.237].

Искусство (1911)

"*Уметь жить*, говорю я и понимаю смысл этих двух слов. *Уметь жить*, читаете вы мои слова и понимаете их. Сочетание слов, соединение их понятно. Но сами слова, понятны ли они? Что есть *умение*? Что есть *жизнь*?" [с.238]. "Так всегда: Сочетание слов приближает конкретный, невыразимый в терминах, переживаемый смысл слова; разъединение слов есть разложение некоей цельности, разложение переживания, связанного с определённой группой слов; определение слов группы есть уже разложение группы, разложение переживаемого смысла, превращение представления в понятие. Здесь цель переносится на слово, слово становится целью определения; прежде оно было средством выражения переживаемой цельности" [с.238-9].

Революция и культура (1917)

"Революцию взять сюжетом почти невозможно в эпоху течения её; и невозможно потребовать от поэтов, художников, музыкантов, чтобы они восхваляли её в дифирамбах и гимнах; этим гимнам, мгновенно написанным и напечатанным завтра на рыхлой газетной бумаге, признаться, не верю; потрясение, радость, восторг погружают нас в немоту; целомудренно я молчу о священных событиях моей внутренней жизни; потому-то противны мне были недавние вопли поэтов на темы войны; и потому-то все те, кто сейчас изливает поверхность души в очень гладко рифмованных строчках по поводу мирового события, никогда не скажут о нём правдивого слова; быть может, о нём скажет слово своё не теперь, а потом главным образом тот, кто молчит" [с.299].

Философия культуры (1920)

"Есть несказанные лица. Есть улыбки невозвратные. Есть бархатный смех заливовавших о лазури уст. Есть слова, веющие ветром, – сквозное, как золотое, облачное кружево на пылающем горизонте". "Есть слова тишины, в которых слышатся громы неимоверного приближения души к душе – громы вселенских полётов и молнии херувимской любви". "Когда тишина говорит на зелёном лугу и глаза передают глазам несказанное, когда люди, невольно брошенные в вечную глубину, к которой ещё нельзя прикоснуться ни формой, ни словами, как понятен тиховойный зелёный луг, таящий воспоминания!" [с.330].

Кризис культуры (1920)

"Вечные книги – источники: между двух животворных глотков из источника книги протянется промежуток из лет; открываешь страницу: касательские струи вскипят меж строками; и, хлынув на стол, водопадом стекают; вся комната топится струями; волны, разбивши стекло, тебя пенно выносят наружу, ты с ними, струясь, побежал по камням, умножая лучистые блески и бездной алмазов швыряясь в побережье; живо текущее слово, создавши над брызгами радугу, вырастает воздушно архангелам, перекидывающим мосты от земли к небесам" [с.263].

Почему я стал символистом (1928)

"Этому внутреннему переходу игры в воление соответствует и внешний выход мой в мир квартиры М.С.Соловьёва, где укрепляю впервые свою позицию как имеющего *своё* слово; здесь мне открыт выбор слов нового словаря: словаря искусств; и между прочем: мне попадаете слово символ, как знак соединения "*этого*" и "*того*" в третье их, вскрытое в "*само*" моего самосознающего "Я" [с.428]. ... "*символизм*" в общем виде – ток волевого напряжения в процессе разряжения его во внешний мир; искомое слово "теургия" (не найденное ещё) – символический ток высокого напряжения, преобразующий действительность, коллективы и "я"; преображение это выглядит концом мира для противящихся процессу преображения; конец мира – революционный шаг: удар тока по спящим; второе пришествие – в "я", через "я" – то же: в аспекте положительного раскрытия процесса преображения" [с.429].

"... начинается эпоха встреч с людьми и удивительное узнание, что наше субъективнейшее – обобществимо, и в этом обобществлении начало "жаргона", состоящего в мимике по-новому произносимых слов ("*символы не говорят, а кивают*") ; словами кивали друг другу мы, минуя наши личины-личности: от индивидуума – к индивидууму; индивидуальное – не обложимо в *общее* значение слова; общие слова – пусты; и тем не менее – иные субъекции обобществимы в необщем смысле: обобществимы в коммуне" [с.434]. "Слово "*община*" беру я как знак, символ, а не в его корневом и ужасном смысле ("*общ.*")" [с.485].

Л.Сугай. "... И блещущие чертит арабески"

"Культурный ренессанс, подъём поэзии и философии, грядущие зори, предчувствие катастроф – в этих ключевых словах (символах) запечатлены характерные черты духовной жизни России начала XX столетия" [с.3].

"Всё невыразимое, сверхчувственное, неадекватное внешнему слову способен передать на сокровенном языке намёка и внушения символ. Смысл истинного символа неисчерпаем, для Белого символ – и художественный образ, и окно в мистический, запредельный мир, и категория мира реального. Символ, по Белому, – универсальная категория" [с.14].

3. А.Ф.Лосев. Философия имени. МГУ, 1990.

"Диалектика есть единственный метод, способный охватить живую действительность в целом. Больше того, диалектика есть просто ритм самой действительности. И нельзя к столь живому нерву реального опыта, как слово или имя, подходить с теми или иными абстрактными методами. Только такой конкретный метод, как диалектика, и может быть методом подлинно философским, потому что он сам соткан из противоречия, как и реальная жизнь. А то, что имя есть жизнь, что только в слове мы общаемся с людьми и природой, что только в имени обоснована вся глубочайшая природа социальности во всех бесконечных формах её проявления, это всё отвергать – значит впадать не только в анти-социальное одиночество, но и вообще в анти-человеческое, в анти-разумное одиночество, в сумасшествие. Человек, для которого нет имени, для которого имя только простой звук, а не сами предметы в их смысловой явленности, этот человек глух и нем, и живёт он в глухонемой действительности. Если слово не действенно и имя не реально, не есть фактор самой действительности, наконец, не есть сама социальная (в широчайшем смысле этого понятия) действительность, тогда существуют только тьма и безумие, и копошатся в этой тьме только такие же тёмные и безумные, глухонемые чудовища. Однако мир не таков. И вот рассмотреть его как имя я и дерзаю в этой книге" [с.20].

"Уже давно было замечено и неоднократно было выставляется, что мышления не существует без слов. Слово и, в частности, имя, есть необходимый результат мысли, и только в нём мысль достигает своего высшего напряжения и значения.

Можно сказать, что без слова и имени нет вообще разумного бытия, разумного проявления бытия, разумной встречи с бытием. Пусть вы не верите в магию слова, которой полны все религии всех времён и народов. Но невозможно всё-таки, немисливо отрицать могущество и власть слова, в особенности в наше, пусть позитивистическое, время. Слово – могучий деятель мысли и жизни. Слово поднимает умы и сердца, исцеляя их от спячки и тьмы. Слово двигает народными массами и есть единственная сила там, где, казалось бы, уже нет никаких надежд на новую жизнь. Когда под влиянием

вдохновенного слова пробуждается в рабах творческая воля, у невежд – светлое сознание, у варвара – теплота и глубина чувства; когда родные и вечные слова и имена, забытые или даже поруганные, вдруг начинают сиять и светом, и силой, и убеждением, и вчерашний лентяй делается героем, и вчерашнее тусклое и духовно-нищенское состояние – ярко творческим и титаническим порывом и взлётом, – называйте тогда это как хотите, но, по моему, это гораздо больше, чем магия, гораздо сильнее, глубже и интереснее, чем какая-то там суеверная и слабенькая "магия", как она представляется выжившим из ума интеллигентам-позитивистам. Без слов нет ни общения в мысли, в разуме, и тем более активного и напряжённого общения. Нет без слова и имени также и мышления вообще" [с.32].

"Однако такое бессловесное мышление есть не недостаток слова, недоразвитость его, но, наоборот, преодоление слова, восхождение на высшую ступень мысли. Здесь, кроме случаев действительной недоразвитости и патологии, мы не упраздняем слово, а поднимаемся над ним; и оно продолжает играть в мышлении свою великую роль, хотя уже в невидимой форме фундамента и первоначального основания. Это не упразднение слова, но утверждение на нём и надстройка над ним ещё более высоких степеней мысли" [с.33].

"Анализ главного продукта мысли – слова, или имени, и будет нашим руководящим методом при разграничении всех вышеуказанных точек зрения. Я продолжаю утверждать, что пора отказаться от наивностей и обывательщины наших университетских курсов, которые мы продолжаем читать по схемам, выработанным несколько десятилетий назад. Последовательный и терпеливый анализ имени – наша основная и ближайшая тема, долженствующая освежить и углубить застоявшиеся предрассудки "научной мысли" [с.35]. "Слово есть некая вещь, которая состоит из элементов, действующих на слух. Человек именно издаёт голос, звук, а не делает что-нибудь иное" [с.37].

"Ещё более оживляется слово и становится ещё более самим собою, когда начинает привходить момент *связанности одного слова с другим*. Слово усложняется, насыщается массой новых жизненных оттенков, приобретает ту жизненность, ради которой оно и существует на свете". "Слово, если, конечно, оно взято не в словаре, а в живом языке, всегда связано с другими словами и несёт на себе смысловую энергию того целого, куда это слово входит вместе с прочими, и эту связанность с целым необходимо отметить и зафиксировать терминологически. Это есть 9) *синтагма слова, синтагматический слой в семеме*" [с.39].

"Мы должны оставить обывателей пользоваться своей некритической наукой, чтобы направить наши взоры на подлинную и совершенно своеобразную стихию слова, и мы не должны бояться сложности анализа, раз уж взялись за изучение одной из сложнейших вещей в мире". "А между тем тайна слова заключается именно в общении с предметом и в общении с дру-

гими людьми. Слово есть выхождение из узких рамок замкнутой индивидуальности. Оно – мост между "субъектом" и "объектом". Живое слово таит в себе интимное отношение к предмету и существенное знание его сокровенных глубин. <...> Имя предмета – арена встречи воспринимающего и воспринимаемого, вернее, познающего и познаваемого. В имени – какое-то интимное единство разъятых сфер бытия, единство, приводящее к совместной жизни их в одном целом, уже не просто "субъективном" или просто "объективном" сознании. Имя предмета есть цельный организм его жизни в иной жизни, когда последняя общается с жизнью этого предмета и стремится перевоплотиться в неё и стать ею. Без слова и имени человек – вечный узник самого себя, по существу и принципиально анти-социален, необщителен, несоборен и, следовательно, также и неиндивидуален, не сущий, он – чисто животный организм, или, если ещё человек, умалишённый человек. *Тайна слова в том и заключается, что оно – орудие общения с предметами и арена интимной и созидательной встречи с их внутренней жизнью*" [с.48-9].

"Слово, имя вещи, взятые как *идея*, суть выражение и понимание вещи; или, вернее, идея и есть сама вещь, но данная в своём максимальном присутствии в инобытии. Имя вещи есть выраженная вещь. Слово вещи есть понятая вещь. Имя, слово вещи есть разумеваемая вещь, в разуме явленная вещь, вещь как разум и понятие, как сознание и, следовательно, – разум, понятие и сознание как вещь. Так воздвигается величественное здание диалектики, принципиально отождествляющей знание и бытие – в отличие от множества метафизических систем, спорящих о взаимном влиянии "сознания" и "бытия". Они не *влияют* друг на друга, но они – изначально *тождественны*" [с.59].

"Здесь открывается перед нами целая лестница восходящих по своей осмысленности типов оформления меона, или типов просветления тьмы бессмыслия. *И всё это будет не что иное, как разная степень осмысления слова, разная степень словесности как таковой*. Слово, или имя, взятое в полном своём смысле и значении, содержит в себе все подчинённые типы, превосходит их высшим осмыслением и соединяет в единый организм жизни слова" [с.64-5].

"Физическая энергема слова ничем не отличается от всякой физической энергемы. Это – совокупность физических определений, объединённых определённым смыслом. Слово есть в этом смысле лёгкий и невидимый, воздушный организм, наделённый магической силой что-то особенное значить, в какие-то особые глубины проникать и невидимо творить великие события. Эти невесомые и невидимые для непосредственного ощущения организмы летают почти мгновенно; для них (с точки зрения непосредственного восприятия) как бы совсем не существует пространства. Они пробиваются в глубины нашего мозга, производят там небывалые реакции, и

уже по одному этому есть что-то магическое в природе слова, даже если брать его со стороны только физической энергемы. Однако как ни интересна и ни своеобразна физическая структура организма слова, мы занимаемся сейчас не физикой, а феноменологией и диалектикой" [с.67-8].

"Слово живёт не только как физический и неодушевлённый процесс, но и как живой, растительно-животный организм, поскольку мы имеем в виду живое слово живого организма. Оно – биологическая величина, и чтобы существовать нуждается в многочисленных анатомо-физиологических условиях. Слово – результат некоего внутреннего, а не только внешне-механического сопряжения отдельных моментов. Растительный организм есть уже более внутреннее и существенное слово, чем просто физическая вещь. Он значит нечто гораздо более внутреннее, более внутренне-воссоединённое, чем механизм физического процесса" [с.69].

"В раздельной и осмысленной форме слово есть фактор общения данного существа со всем иным. Приходя в слове к самосознанию, человек впервые приходит и к подлинному знанию иного, что есть кроме него" [с.75]. "Быть может, необязателен только момент собственного имени, поскольку не каждое слово – имя. Но собственное имя потенциально уже налично в слове и в развитой форме есть не больше как лишь сгущённое в смысловом отношении слово" [с.126-7].

"Если сущность – имя, слово, то, значит, и весь мир, вселенная есть имя и слово, или имена и слова. Всё бытие есть то более мёртвые, то более живые слова. Космос – лестница разной степени словесности. Человек – слово, животное – слово, неодушевлённый предмет – слово. Ибо всё это – смысл и его выражение. Мир – совокупность разных степеней жизненности или затверделости слова. Всё живёт словом и свидетельствует о нём. Мир держится именем первой пентады" [с.153]. "Животное в меньшей мере есть, чем человек; растение в меньшей мере смысл, чем животное. Мир – разная степень бытия и разная степень смысла, имени. Мир – разная степень слова. Ум и умное есть высшая степень сущности, смысла, имени – в "ином". Ощущение – менее сущность, чем мышление. Раздражение – ещё менее сущность, чем ощущение" [с.155-6].

"Не будем удивляться столь сложно развитой логической системе, наблюдаемой нами в имени, или слове. Нельзя забывать того, что слово рождается наверху лестницы существ, входящих в живое бытие, и что человеком проделывается огромная эволюция, прежде чем он сумеет разумно произнести осмысленное слово. Проанализировать слово до конца – значит вскрыть всю систему категорий, которой работает человеческий ум, во всей их тесной сращённости и раздельном функционировании. Вот почему всякое знание и всякая наука есть не что иное, как знание и наука не только в

словах, но и о словах. Выше слова нет на земле вещи более осмысленной. Дойти до слова значит дойти до смысла" [с.161].

"Самое простое и общее определение слова, как ясно, есть то, что *слово, или имя, есть смысл, или понимаемая, разумеваемая сущность*" [с.162]. "... и только в самом конце можно отметить как наименее существенный элемент определения слова фонему, хотя обыватели, знакомые с философией из гимназических и университетских учебников, начинают именно с неё" [с.163].

"В любви мы повторяем любимое имя и взываем к любимому через его имя. В ненависти мы хулим и унижаем ненавидимое через его имя. И молимся мы и проклинаям через имена, через произнесение имени. И нет границ жизни имени, нет меры для его могущества. Именем и словами создан и держится мир. Имя носит на себе каждое живое существо. Именем и словами живут народы, сдвигаются с места миллионы людей, подвигаются к жертве и к победе глухие народные массы. Имя победило мир" [с.166]. "Человеческое слово, как и человеческий субъект, есть *результат всех энергем, которые только мыслимы*. Это – та удивительная вещь, которую только теперь мы можем оценить во всей её глубине" [с.167].

"Мы вывели наши принципы слова из анализа самого разума. *Слово не может не быть таким, каким мы его обрисовали*, пока разум есть разум. И только если разум сдвинется или погаснет, – изменится и погаснет слово в обрисованном нами виде" [с.170]. "Только это даёт мне возможность осмыслять для себя окружающие меня вещи, именовать их, понимать их и вступать с ними в общение. Слово – понятая вещь и властно требующая своего разумного признания природа. Слово – сама вещь, но в аспекте её уразуменной явленности. Слово – не звук, но постигнутая вещь, вещь, с которой осмысленно общается человек. А звуки и всё прочее – лишь физический носитель этой понятой и в разуме явленной вещи" [с.177].

"*Как возможно осмысленное общение с вещью, людьми и т.д.*? После всего нашего исследования должно быть ясно, что *такое общение возможно только в имени вещи*. Для того, чтобы общаться механически, как общается одно колесо механизма с другим, не нужно оперировать именами. И для того, чтобы общаться животно – в раздражении, ощущении, аффекте, – тоже не нужно знать имён ни своих, ни чужих. Но *человеческое* общение, т.е. общение в разуме, пусть в затемнённом разуме, возможно только при помощи имён. Что значит быть в общении? Быть в общении с вещью – значит иметь нечто общее, тождественное с нею. Как это возможно? Это возможно, когда одна вещь, целиком или частично *воплощается* в ней, целиком или частично *оформляет и осмысляет* её по-своему" [с.183].

"**Природа имени, стало быть, магична.** Именем мы называем энергию сущности вещи, действующую и выражающуюся в какой-нибудь материи, хотя и не нуждающуюся в этой материи при своём самовыражении. Знать

имя вещи – значит быть в состоянии в разуме приближаться к ней или удаляться от неё. Знать имя – значит уметь пользоваться вещью в том или другом смысле. Знать имя вещи – значит быть в состоянии общаться и других приводить в общение с вещью. Ибо имя и есть сама вещь в аспекте своей понятости для других, в аспекте своей общительности со всем прочим" [с.185].

"На анализе слова должно возникнуть и учение о разделении наук, ибо всякая наука есть слово, и даже этимологически это зафиксировано в обозначении большинства наук через "логос": "-логия" (психология, биология и т.д.). Моменты слова суть моменты научного сознания вообще, и если мы решились на то, чтобы дать анализ того, что охватывает весь мир, то вопрос о различии наук является в сравнении с этим вопросом довольно простым" [с.187].

"Нам надо знать, как живут и действуют мысль и слово наряду с прочими фактами. Ещё не строя никаких теорий, мы начинаем всматриваться в то, что называется мыслью и словом. Мы сразу же видим, что звук слова есть нечто совсем иное, чем значение слова, что значение слова есть нечто совсем иное, чем предмет, к которому слово относится, и т.д. Мы начинаем таким образом постепенно расчленять и описывать тот смутный и неясный предмет, который обычно именуется как "слово" [с.190].

"Всякая разумная человеческая личность, независимо от философских систем и культурного уровня, имеет какое-то общение с каким-то реальным для неё миром. Для всякого человека есть всегда такое, что не есть ни число, ни качество, ни вещь, но – миф, живая и деятельная действительность, носящая определённое, живое имя. В нём и для него всегда есть та или иная соотнесённость с собой и со всем другим, т.е. интеллигенция. <...> Как бы ни мыслил я мир и жизнь, они всегда для меня – миф и имя, пусть миф и имя глубокие или неглубокие, богатые или небогатые, приятные или ненавистные. Нельзя живому человеку не иметь живых целей и не общаться с живой действительностью, как бы она ни мыслилась, на манер ли старой религиозной догматики или в виде современной механистической вселенной. Мифология – основа и опора всякого знания..." [с.194-5].

"Обыкновенно полагают, что миф есть басня, вымысел, фантазия. Я понимаю этот термин как раз в противоположном смысле. Для меня миф – выражение наиболее цельное и формулировка наиболее разносторонняя – того мира, который открывается людям и культуре, исповедующим ту или иную мифологию.<...> Поэтому сказать, что механистическая вселенная есть миф – это так же необходимо для материалиста, как необходимо для древнего грека сказать, что его одушевлённая и наполненная духами и душами вселенная тоже миф. Словом, миф есть наиболее реальное и наиболее полное осознание действительности, а не наименее реальное, или фантастическое, и наименее полное, или пустое" [с.195-6].

"Я не понимаю, как можно говорить и мыслить о бытии помимо слова, имени и помимо мысли. То, что необходимо конструируется в мысли-слове как неизбежный результат его саморазвития, то и есть само бытие. Разумеется, поскольку всё, что мы говорим и мыслим, есть слово и мысль о бытии, можно сказать, что наук о не-бытии вообще нет. Всякая наука есть наука о бытии. Однако в бытии есть планы более общие и принципиальные и менее необходимые, выводные, не исходные" [с.217].

"В современной лингвистике наметился поворот от имманентной ориентации в изучении языка в "самом себе и для себя" к антропологической ориентации, к изучению языка в тесной связи с миропониманием человека, с его духовной и практической деятельностью. Такой подход был намечен в трудах Гумбольдта и А.Потебни. Именно к этой традиции относил себя и А.Ф.Лосев, и в этом направлении развивались основные идеи "Философии имени" [с.256].

4. Н.А.Бердяев. Самопознание. М., 1992.

"Бунту не может принадлежать последнего слова, но на путях человека ввысь бунт может играть огромную роль" [с.59]. "В действительности скептик изменяет своему скепсису на каждом шагу и потому только живёт, выражает себя в слове, движется" [с.67]. "Любовь так искажена, профанирована и опошлена в падшей человеческой жизни, что стало почти невозможным произносить слова любви, нужно найти новые слова" [с.71].

"Мне всегда казалось, что сам Мережковский очень далёк от той "плоти", к освящению которой призывает, и что его отношение к этой "плоти" носит ментально-эстетический характер. Он иногда употребляет слово "свобода", но проблема свободы у него отсутствует, он её никогда не ставит. "Плоть" поглощает у него свободу. Свобода есть дух. Более всего меня оттолкнуло от него отсутствие темы о свободе. Это ведь и есть тема о достоинстве человека" [с.136].

"Читал я Розанова с наслаждением. Литературный дар его был изумителен, самый большой дар в русской прозе. Это настоящая магия слова. Мысли его очень теряли, когда вы их излагали своими словами" [с.137]. "Мне всегда неприятна была литературщина, с которой, в годы изгнания, я встретился в Париже уже во французской среде. В ней не слово становилось плотью, а плоть словом. Словесные сочетания часто заменяли отношения реальные" [с.143]. "Меня нередко называли "модернистом" на православной почве. Я не очень люблю это слово, оно ставит истину в слишком большую зависимость от времени" [с.171].

"У меня есть религиозное переживание, которое очень трудно выразить словами" [с.172]. "Я погружаюсь в глубину и становлюсь перед тайной мира, тайной всего, что существует. И каждый раз с пронизывающей меня остротой я ощущаю, что существование мира не может быть самодостаточным, не мо-

жет не иметь за собой в ещё большей глубине Тайны, таинственного Смысла. Эта Тайна есть Бог. Люди не могли придумать более высокого слова. Отрицание Бога возможно лишь на поверхности, оно невозможно в глубине" [с.172].

"Он всё время ругал последними словами Льва Толстого, называя его Лёвкой. Я очень почитаю Л.Толстого, и мне это было неприятно" [с.175]. "Я трезво, не мечтательно отношусь к действительности. Но я не "реалист" в обычном смысле слова и уж совсем не "позитивист" [с.187]. Мысль моя протекает с такой быстротой, что я еле успеваю записывать. Я не кончаю слов, чтобы угнаться за своей мыслью. Я никогда не обдумываю формы, она сама собой выливается, моя мысль даже изначально связана с внутренним словом" [с.207].

"Но я сделал огромное духовное напряжение, собрал все свои силы и попросил слова". "Я нашёл подходящие слова и сказал приблизительно то, что потом изложил в моей брошюре "О достоинстве христианства и недостоинстве христиан" [с.219]. "При этом автор заметки, которая представляла собой донос, хотел быть остроумным и закончил словами, что между религией и спиртом всегда была связь" [с.221]. "Дзержинский слушал меня очень внимательно и лишь изредка вставлял свои замечания" [с.223]. "...культурная деятельность УМСА. Она будет оценена Россией, когда там раздастся свободное слово" [с.232]. "Одно время я читал лекции в характерном для того времени советском учреждении – Государственном институте слова. Я читал курс по этике слова" [с.235].

"Труднее всего спорить, когда вы имеете дело с очень элементарным и малокультурным противником" [с.235]. "Более правая молодёжь, например, "Combat", тоже любила называть себя революционной. Слово это стало модным" [с.262]. "Даже когда мужчина и женщина, казалось бы, говорят на одном языке, они вкладывают разный смысл в произносимые слова. Горький опыт убедил меня, что люди вообще плохо понимают друг друга и плохо вслушиваются в то, что говорят друг другу" [с.267]. "Я всегда вдохновлялся словами доктора Штокмана в ибсеновском "Враге народа": "Самый могущественный человек тот, кто стоит на жизненном пути одиноко" [с.270].

"Но нет ничего более неопределённого, чем слово романтизм. Определить романтизм очень трудно" [с.271]. "Лирическая стихия, которую я никогда не обладал способностью выразить, для меня очень связана с музыкой, более чем со словом" [с.309]. "Ницше говорит в "По ту сторону добра и зла": "Что мы можем описать? Увы! Это всегда то, что начинает увядать и портиться". Есть мучительное несоответствие между моей мыслью и её словесным выражением" [с.317-8].

"Я был "идеалистом не только в хорошем, но и в плохом смысле слова" [с.325]. Вероятно, о многом можно так сказать. Едва ли не всякое слово может иметь и такое, и другое осмысление (понимание). Разные оценки от

многоплановости понятий. Ср.: коммунизм, социализм, капитализм и др. "... очень ортодоксальные православные определяют своё отношение к советской России на основании принципа: "Несть бо власти, аще не от Бога". Слова апостола Павла имеют историческое, а не религиозное значение. Эти слова были источником рабства, низкопоклонства церкви" [с.328].

Его же. Философия неравенства: "Слово "либерализм" давно уже потеряло всякое обаяние, хотя происходит оно от прекрасного слова "Свобода". Свободой нельзя пленить массы. Масса не доверяет свободе... Масса же всегда имеет пафос равенства, а не свободы" [с.142].

5. В.В.Налимов. Спонтанность сознания. М., 1989.

"Многие слова обыденного языка, обретая новый смысл, становятся его ключевыми словами" (Хайдеггер) [с.11]. Витгенштейн, 1958: "Человек обладает способностью строить язык, в котором можно выразить любой смысл, не имея представления о том, что означает каждое слово – так же, как люди говорят, не зная, как образовались отдельные звуки" [с.13].

"В главном труде Локка "Опыт о человеческом разумении" читаем: <...> слова часто не вызывают у других людей (даже говорящих на том же языке) тех идей, за знаки которых мы их принимаем. Каждый человек обладает такой неотъемлемой свободой обозначать словами какие угодно идеи, что никто не в силах заставить других при употреблении одинаковых с ним слов иметь те же самые идеи, что и он" [с.61]. "Английское слово mind не имеет достаточно близкого русского эквивалента. Оно обнимает такие слова, как: разум, ум, умственные способности, память, воспоминание, мнение, мысль, намерение, желание..." [с.85].

"Что обозначают слова "мозг" и "ум"?" [с.90]. "... слова не существуют в языке изолированно" [с.113]. У.Куайн, 1953: "Люди полагают, что смысл слова "человек" столь же ощутим, как наш сосед, а смысл словосочетания "Вечерняя звезда" столь же ясен, как звезда в небе" [с.115]. "Ведя беседу, мы оказываемся вовлечёнными в языковую игру, погружая важные для нас слова в те или иные фразы, раскрывающие различные аспекты смыслов" [с.121]. "Теперь представьте себе, что к нам на Землю пришёл бы запрос о смысле слова *Бессознательное* откуда-то, совсем из другой инопланетной цивилизации" [с.122].

"Не так давно один профессор обратился ко мне примерно со следующими словами: "Я только что начал читать курс лекций по вирусологии, и один студент меня спросил: "А как строго и точно можно определить, что есть вирус?". Я оказался в затруднении – не могу найти исчерпывающего определения". Мой ответ прозвучал так: "Скажите Вашему студенту, что ему надо прослушать весь Ваш курс – это и будет ответом на его вопрос" [с.122]. "Инопланетянину, желающему понять это издание, нужно будет

составить тезаурус существенных слов и оценить их смыслы через другие словари и словароподобные издания" [с.122-3].

"Иллюстрируем всё сказанное здесь словами из письма А.Энштейна <...>: Слова, написанные или произнесённые, не играют, видимо, ни малейшей роли в механизме моего мышления" [с.125]. "Всё уходит своими корнями в теряющиеся в тысячелетиях проявления общечеловеческой мудрости, связанной каким-то образом с юнговскими архетипами коллективного, или в наших словах – космического бессознательного" [с.126]. "В них мы воспользовались медитацией, направляемой такими ключевыми словами, как *свобода, равенство, достоинство*" [с.127].

"Оказалось, что постмедитационные протоколы на слово *свобода* чаще всего носят метафорический характер" [с.127-8]. "Сравнение частоты появления слов из тезауруса наших протоколов с частотой слов, поясняющих слово *свобода* в толковом словаре русского языка Ожегова, показало, что мы имеем дело с двоемыслием". "Теперь несколько слов о нирване – одном из труднейших для нас восточных понятий" [с.128].

"... как практически на Востоке реализовалось творческое отношение к слову: "Древним индийцам было присуще творческое отношение к слову. Оно проявлялось двояко: с одной стороны, к определённом слову пристраивались длинные синонимические ряды, придумывались изощрённые "изобразительные" слова (часто сложные). <...> в Индии хорошо понимали знаковую природу слова, осознавали огромные потенциальные возможности формально одного и того же слова для выражения самых разных понятий, знали, что значение слова в большой степени определяется целой системой, в состав которой входит данное слово". "... индийская мысль допускала удивительную смысловую широту слова". "По меткому выражению польской учёной Вильман-Грабовской, слово было подобно полупустой форме. <...> "каждый мог заполнять её по своему вкусу" [с.138].

"... творческое раскрытие слова осуществляется через присоединение к нему длинных семантических рядов". "Отсюда и часто повторяющийся рефрен о недостаточной выразительности слова" [с.139]. "... существует фундаментальная и необходимая гетерогенность между словом и мыслью. Между ними в роли посредника выступает творческая свобода, называемая умом" (Gilson)" [с.154]. "Так, в "Седьмом письме" мы читаем <у Платона>: "Поэтому-то всякий имеющий разум никогда не осмелится выразить словами то, что является плодом его размышления, и особенно в такой негибкой форме, как письменные знаки" [с.155].

"... человек выступает перед нами как текст или, лучше, как слово – элементарная составляющая текста". "Напомним, что так же раскрываются смыслы слов обыденного языка – через их проявленность во фразах, текстах более высокого порядка" [с.168]. "И не можем ли мы здесь сформули-

ровать ещё такую мысль: смысл и трагичность – синонимы, т.е. слова с взаимно связанными значениями" [с.179]. "Словами Л.Шертока: "Гипнотизируемый воспринимает внушения гипнотизёра так, словно они исходят не от другого лица, а от него самого" [с.199].

"... война была воспринята прежде всего как подъём, как великий исторический акт, как радостное начало похода, отказ от обыденности, освобождение от мирового застоя, сделавшегося уже невыносимым, как призыв к чувству долга и мужеству, – словом, как некое героическое празднество" [с.201]. "Не была ли эта власть в своих словах и деяниях только искажённым, огрубленным, ухудшенным воплощением тех характерных убеждений и воззрений, которые христианин и гуманист не без страха усматривает в чертах наших великих людей, людей, что наиболее мощно олицетворяли собой немецкий дух" [с.201-2].

"Словами Ясперса эту мысль можно выразить так: "Издrevле принято считать, будто Китай и Индия, в отличие от Запада, не имели подлинной истории. Ибо история означает движение, изменение сущности, начало нового" [с.203]. "Основным понятием, объединяющим эту серию медитационных экспериментов, было слово *Личность*. В каждом медитационном сеансе использовался тот или иной синоним этого слова" [с.208]. "Ключевое слово: Зерно. <...> Ключевое слово: Кто я? <...> Ключевое слово: Поэтическое "Я". <...> Ключевое слово: Логос" [с.208-9].

"Но мы знаем, что внутренне осязаемые нами ритмы создаются не только звучанием слов, но и заложенными в них смыслами. Есть ритм у самой мысли" [с.243]. "Подойти к барьеру нашей реальности и ощутить то, что находится за ним, – вот это, наверное, и есть сверхисторическая цель, если опять говорить словами Бердяева" [с.251]. "А зачем всё то, что написано здесь? Оно для того, кто, говоря словами Ницше, любит мыслить. Мысль как таковую. Мы – духовные потомки эллинского мира. Мы помним своё прошлое. Мы хотим его прочесть по-новому". Хотим вернуть прошлое в настоящее и так обогатить настоящее утраченными смыслами" [с.255]. "Нужно отметить то обстоятельство, что наш язык тесно связан с фонетической природой слова". "Письменный же язык таков, что, читая текст, мы неизменно должны проговаривать слова, т.е. воссоздавать мысленно их фонетический облик, подобно тому, как нотная запись – это письменный язык музыки" [с.264].

Наше время и страна наполнены смысловыми противостояниями.

6. М.Мамардашвили. Лекции о Прусте. М., 1995.

"Здесь я могу лишь повторить слова Паскаля: "Не в писаниях Монтеня, а во мне содержится всё, что я в них вычитываю" [с.9]. "... и мы не можем всякий раз иметь разные слова для разных вещей". "Скажем, слово "я" в

одном случае означает одно, а в другом случае – другое, и других слов выдумывать мы не можем" [с.16]. "Для Пруста же это – не состояние доброты, а просто слова, которыми выражается наша растроганность, сентиментальность, то есть – намерения" [с.65]. "Нам кажется, что слова мы выбираем произвольно" [с.86]. "Об этом Ницше говорил: "Перестаньте повторять всеу слова, иначе всё рухнет" [с.90].

"Хотя кажется, что слова одни и те же, и предметы одни и те же" [с.104]. "Я сказал "реальность", "волнение" – и это лишь слова". "Я могу назвать это <чувство> его словами". "Когда волнение случилось, то я обозначаю его этим же словом" [с.106]. "... слово "глупец" в нормальном хорошем тексте, в данном случае в художественном, как и в философском, не имеет психологического смысла". "Под словом "глупец" не имеются в виду глупые люди, а просто имеется в виду несовершенство какого-то определённого рода опыта или труда мысли" [с.110-11].

"Различие между некоей невидимой реальностью и видимой неминуемо влечёт за собой в нашей ассоциативной работе ума определённые слова и представления". "Повторяю, дело не в том, что мы ассоциируем слово "метафизика" с некоторым другим миром. Ведь что такое метафизика? Мета – то есть всё то, что за физикой. Так ведь? Значит, это различие само метафизично, – это отвлечённое, не имеющее предметного смысла, различие" [с.112]. "Слова, посредством которых мы наблюдаем и описываем это (потому что мы наблюдаем словами), уже содержат в себе объяснение того, что происходит" [с.121].

"Предупреждаю, что слово "физика", слово "мысль" (противопоставление: физика – мысль) здесь не имеют обыденного значения, потому что когда я вспоминаю произвольным актом черты любимого лица, то ведь это тоже мысль, но не это Пруст называет мыслью" [с.125]. "Между тем такое явление, как личность (причём именно явление, а не слово, потому что слово-то мы знаем), являющееся определённой структурой, определённым образом бытия, каким-то нашим свойством, как голубые глаза или чёрные, такое явление вообще не находит в психологии места" [с.127].

"Мы оживляем мёртвые слова, мы оживляем мёртвые жесты, мёртвые конвенции". "Пушкин прекрасно сказал однажды (конечно, эти слова имеют прямое отношение к литературе, но нужно уметь за словами увидеть общее обстоятельство или закон): "любить умеют только мёртвых" [с.128]. "У Декарта и Канта, этих странных героев в философии (в простом и прямом смысле этого слова), видно, что подумать что-нибудь, помыслить требует героизма, в том числе риска" [с.144]. "Потом у Пруста вместо слова "понять" будет фигурировать слово "создать" или "сотворить" [с.146].

"Именно об этом он пишет, как бы постоянно призывая: слушайте, вслушивайтесь в слова глупых людей, с умными беседовать – тратить вре-

мя". "Истина гораздо доступнее в нелепых словах, которые повторяются глупцами, как попугаями, там – профетические птицы летают. Между словами" [с.152]. "...как, например, прилив крови к коже есть чисто физическое явление. Так ведь? А его можно рассматривать и как слово. Но слово особое" [с.158]. "Кругом полно добрых людей. Все говорят добрые слова". "Как же мне произнести слово? Да, оно у меня внутри доброе, но обождите, оно же на что-то похоже, место уже занято" [с.174].

"Вот это слово "есть" и есть то, что в философии называется бытием" [с.190]. "... а мелодия – другое явление, в ней уже как бы есть что-то, уже есть бытие, и она звучит как нечто, гипнотизирующее нас, что мы должны расшифровать, раскрыть. Здесь слово "гипнотизирующий" тоже имеет значение, потому что от явлений, непонятных в принципе, – мы не можем оторвать глаз..." [с.194-5]. "Потому что даже не мысль, не содержание, а сам выбор слов оттеняет и характеризует то, что нам нужно найти и высказать на примере Пруста" [с.213].

"Представьте, что мистическая энергия вырывается из нас в виде произведения. Слово "энергия" имеет здесь важное значение, так как мы имеем дело с чем-то неделимым" [с.235]. "Кстати, к этой фразе из рукописей Канта в скобках после слова "душа" сделано замечание, и вся фраза звучит так: "Душа (не речь), полная чувств, есть величайшее совершенство". Не речь, а – душа, полная чувств" [с.249]. "Поскольку он часто говорил, что обычно мы понимаем язык как сборник обозначений образов или альбом с картинками, где, скажем, слово "слон" подписано под изображением слона, и так мы классифицируем и понимаем мир" [с.255].

"Ведь я вас предупреждал, что слово "философия" я каждый раз употребляю не в профессиональном, доктринальном смысле слова, а в смысле обычных человеческих проблем" [с.257]. "Слово "видеть" мы воспринимаем обычно как просто слово, а на самом деле в нём содержится вся философия. В одном слове "увидеть". Это значит увидеть в конкретном явлении, в феномене, или увидеть эпифанически. Вся философия резюмируется этим словом" [с.258].

"Однако когда я говорю, что не слышу в потоке речи отдельное слово, сообщающее смысл, я тут же могу ввести такой признак: а поэзия заставляет нас слышать слово". "Скажем, – слово: я его воспринимаю – и оно умерло в акте моего восприятия; я же не тащу его за собой, я воспринял, что мне сказали". "А когда поэт останавливает слово, то я, во-первых, слышу слово, и, во-вторых, оно является выражением того, что вообще невидимо" [с.267].

"Воображение есть способность видения невидимого. Не в смысле способности мечты, запредельных грёз и фантазий, а совершенно в другом смысле: видеть то, изображение чего держится лишь силой слова". "...ведь для того, чтобы видеть вещи, доступные нашим органам чувств, никаких слов не надо,

их даже не нужно называть". "Для чего же тогда нужно слово? Зачем оно вообще? По словам Пруста, тогда это просто дубль или бессмысленное удвоение. Если существует предмет, доступный нашим органам чувств, и он же – в регистре слов, значения". "Следовательно, мы должны связать в одно целое две разные вещи – слово и продуктивное воображение" [с.288].

"Итак, воображение есть то, изображение чего держится лишь силой слова". "Это сказано уже в Евангелии: "В начале было Слово". "Воображение видит в мире то, что держится силой слова или индукцией структуры словесной компоновки". "Я напому вам Малларме, который в своё время высмеивал мысль о том, что для поэзии нужны прежде всего идеи: поэмы, говорил он, пишутся не идеями, а словами". "Здесь содержится ответ на вопрос, откуда мы вообще знаем то, что хотим сказать, а также утверждение, что мы узнаём то, что хотим сказать, – из слова" [с.289].

"Нам кажется, что мы имеем какую-то мысль, и мы выбираем для неё средства выражения или подбираем слова". "Вы знаете, что слова условны в том смысле, что они не мотивированы предметами, которые они обозначают". "Слово "стол" не похоже на стол. Тот факт, что слово "стол" обозначает стол, есть продукт конвенции или соглашения между людьми, исторически сложившегося где-то, в не восстановимой нами теперь древности". "Слова конвенциональны, а выбор произволен, он волевой – мы можем взять это слово, а можем взять другое" [с.290].

"Всё, что у нас есть, – это всего лишь слова и понятия". "Наш мир, ментальный или умственный, состоит из идей, понятий, слов или названий: Рахиль, цветок, женщина, камень и т.д." [с.293]. "Скажем, смысл этого стула лежит вне стула в конвенциональных операциях моего сознания, посредством которых я соотношу слово "стул" с предметом "стул". Предмет никакого отношения к слову, к значению 'стул' не имеет" [с.294]. "Скажем, готический храм как материальная компоновка – это тоже слово" [с.295].

"Идея восхищения – одно, а то, что я воспринял от произведения, – другое. Но у нас только те слова, какие есть, у нас нет других слов, и, следовательно, то неуловимое, что не является такими идеями, всё равно содержится в этих идеях, а не в каких-то других" [с.296]. "Есть такие явления нашей психики, которые умирают в своём использовании. Эти явления всегда обозначены словами" [с.303]. "Всю философию Пруста можно выразить так: родиться ещё раз так, чтобы тот, кто родился, родился бы из Слова. Из структуры предложения" [с.311]. "И одновременно она же <метафора> есть стиль. Тот стиль, который есть человек. Но не в обычном смысле слова, а в том, что стиль производит автора произведения, обладающего стилем" [с.316].

"...мы воображаем вещи, видимая реальность которых держится только силой Слова". "И я говорил, что не случайно в Библии сказано: "В начале было Слово". "... радикально иначе стоит вопрос соотношения выражения и выра-

жаемого. Соотношение мысли выражаемой и её выражения, слова. Мы понимаем, что дело обстоит не так, что мы якобы имеем готовую, случившуюся мысль, которую хотим выразить, оказываясь тем самым в рамках процесса, контролируемого волей и сознанием и направленного на то, чтобы подыскать подходящее средство выражения". "Чтобы узнать, что я думаю, надо прийти в движение, и это движение есть движение выражения, которому выражаемое не предшествует. В этом смысле – в начале было Слово" [с.324].

"Это очень похоже на то, как живут слова, которые могут получить новое значение в новом контексте, а мы, тем не менее, каждый раз узнаём и понимаем их". "Скажем, из литературного языка слово перешло и приобрело какое-то блатное значение" [с.338]. "Контролируется не только выбор слова, но и перебор восприятий" [с.339]. "Мы находимся в области таких проблем, где язык играет с нами каждый раз роковую и коварную шутку. У нас нет слов, чтобы описывать то, что является одновременно совершенно особой вещью и новой вещью" [с.371].

"Поскольку нам лишь кажется, что мы понимаем, так как едва ли видим за выразительностью и красотой прустовских слов то, что нужно увидеть целиком" [с.387]. "На языке Пруста "истина" всё время идёт в сопровождении слова "опасность". В разных сочетаниях, но всегда с этим словом или с его синонимами" [с.388]. "Я хочу, чтобы вы остановились здесь на словах, всмотрелись в слова не как в средство узнавания содержания фразы, а как во что-то другое" [с.399]. "Просто наш мозг, раз есть стиль, устроен таким образом, что он порождает точные слова, которые совпадают со словами, специально выработанными людьми в другой области, но применительно к аналогичной проблеме" [с.407].

"Когда точными словами являются те, что возникают произвольно" [с.406]. "Причём в слове "придумали" мы, опять-таки, не должны вкладывать никакого рассудочного смысла, смысла ментальной операции – так как мы имеем дело здесь с процессами, а не с операциями, которые контролируются нашей волей и сознанием и тем самым выполняются дискретно" [с.471]. "Но поскольку наш запас слов ограничен и мы не можем для каждого оттенка придумывать новые слова, остаётся рассчитывать на понимающего читателя или просто на понимающего человека" [с.499].

7. В.Подорога. Выражение и смысл. М., 1995.

"Именно поэтому он тщательно разрабатывает технику этимологического ("дефисного") письма, которая должна вовлечь читателя в особую работу со словом, диалектным и архаическим, ещё наделённым силами первоначальной, геоморфной пространственности" [с.25]. "Другими словами, смысл – само ускользание". "То, что я буду называть ландшафтом, приписывая ему метафизическое ("ментальное") измерение, не является ланд-

шафтом в узко географическом или искусствоведческом смысле слова" [с.26]. "... чтобы услышать так, необходимо следовать процедурам "правильного" вслушивания в слово, говорящее из бытия сущего, как может говорить тишина из базальтовой толщи" [с.37].

"Когда мысль находит соответствующее выражение в слове, которое реализуется посредством первой рефлексии, то затем следует вторая рефлексия, вводящая отношение между сообщением и его автором и рефлектирующая собственное авторское экзистенциальное отношение к идее" [с.46]. "Чтобы избежать подобной профанации библейского слова, необходимо, как полагает Киркегор, видеть в любом религиозном событии определённый порядок религиозного действия, которое не может быть переведено ни на какой другой язык, ибо "даётся" в самом свершении религиозного действия". "И поскольку проторелигиозные основания веры парадоксальны, другими словами, невысказанными, то их интерпретация невозможна, ибо невысказанность акта веры и есть его возможность стать событием" [с.59].

"Другими словами, смерть прерывает циркуляцию интимно-личностного общения: тот, кто мёртв, уже не "ты", а лишь "он" – тот, кто умер; или "оно" – вот это мёртвое тело, труп; или "они" – все те, которые умирают, когда ты остаёшься живым" [с.102]. "Вся языковая работа остаётся "позади", на уровне смутных реакций тела, чувственности, там, где произносимое слово ещё глубоко пронизано животностью, ещё не прояснено естественным светом разума: в безумии, сне, ошибках и т.д." [с.121].

"Что есть слово? Что есть символ? Подобными вопросами Декарт себя не озадачивал" [с.172]. "Не уравнивать неравное, не упорядочивать, "сокращать" в понятии свободную игру слов естественного языка, вводя одновременно строгий запрет на метафору и символ, но ответить на вопрос, не скрыто ли за декартовским *cogito* иное, действительно первоначальное, но никогда не данное в мысли или самосознании, телесное *ego volo*" [с.172-3].

"Быть может, наиболее существенной функциональной чертой слова, если оставить в стороне фонетическое украшательство стиля, является его способность служить более точному и краткому выражению мыслимого, которого порой трудно достичь наличной лексикой родного языка". "Между естественным порядком философского языка (философ, мыслящий на своём языке) и вводимым иностранным словом возникает поле смыслового напряжения, которое не снять ни вспомогательными языковыми конструкциями, ни отсылкой к когда-то укоренённому в иностранном слове онтологическому значению" [с.179].

"... иностранное слово компенсирует недостаток выразительных средств в родном языке и вместе с тем противостоит всякому однозначному выражению мыслимого". "Т.Одорно: "Иностранные слова, правильно и ответственно используемые, должны стоять на страже утраченных постов,

как греки в имперском Риме на страже гибкости, элегантности и гладкости формулирования". "При этом иностранные слова в силах ещё сохранять что-то от утопии языка, без почвы, без связанности с пеленой исторически существующего". "И далее: "Иностранные слова свидетельствуют о невозможности языковой онтологии" [с.179].

"Иностранное слово – как новый вводимый термин – является графемой и в таком качестве принадлежит строю философского письма, ибо пишется не для того, чтобы быть однозначно истолкованным, а для того, чтобы ситуация мысли осталась без внешне налагаемых границ и само письмо продолжалось". "В случае же своей непереводаемости, я бы сказал, терминологической невнятности (термин, мыслимый отдельно от других, тут же становится графемой) иностранное слово требует развития "чувства текста", требует полной акции чтения, ведь только благодаря ей читающим будут "схвачены" физиономические, психомиметические, телесные свойства мыслимого и будет создан необходимый контекст" [с.179].

"Конечно, сколько ни повторять по разным поводам слово "тело", оно от этого не станет более ясным, тем более что понятие тела в своей долгой терминологической истории до сих пор остаётся верным старому партнёру-противнику духу" [с.183]. "Действительно, танец во всякой его форме не отделить от благородного воспитания, способность танцевать ногами, понятиями, словами: я должен ещё прибавить, что можно танцевать и пером – что следует учиться писать!" [с.194]. "... всё находится в непрерывном движении: сменяются и повторяются маски, жесты, слова, совершаются прыжки и ускользания, короче, царят псевдоподобия Чужого, но не существует "я" Ницше, фиктивными ликами которого так легко завладевает всякий, вступающий в коммуникацию" [с.206].

"... не только метафоры, чьё использование было бы вполне оправдано, если бы священные тексты, передающие читателю слово Божие, рассматривались исключительно с точки зрения их пророческой функции и учили бы читателя не понимать слово Божие, а повиноваться ему" [с.218]. "Когда мы видим, как в умело расставленных скобках, словно в силках, трепещут пойманные иностранные слова, чьё значение всё время уточняется, всё время переводится на другой язык, но так и остаётся непереводаемым, мы догадываемся, что иностранные слова или выражения для Деррида идиоматичны, т.е. нуждаются в непрерывном толковании, причём толковании ради толкования" [с.229-30].

"Иностранное слово никак не может осуществить свою терминологическую функцию – поглотить внешний себе контекст чужого языка". "... ведь всякое слово, понятие или фразовое единство значат всегда больше того, что они могут означать в определённом контексте: они подвижны энергией выражения" [с.230]. "Недаром такое огромное значение Ницше придавал

физиологии суггестивного воздействия слова, говоря о "психомоторной индукции", "трансфузии", "опьянении" воспринимающих тел" [с.231]. "Следует все длинные и краткие предложения, пунктуацию, выбор слов, паузы, рядовую последовательность учиться чувствовать как жесты" [с.232].

"Сами внеязыковые силы определяются степенями интенсивности, и тогда отдельное слово, образ, риторическая фигура оказываются не просто выражениями сложной реальности мыслимого, а знаками интенсивности, т.е. метками, которые ведут нас по тексту, указывая на действие сил, творящих реальность мыслимого" [с.235]. "Читатель подобных текстов "дуэлизируется", так как вовлекается в игру в качестве носителя основных свойств контрагентов, а ими может быть "общество", "культура", "болезнь", "сознание", "язык", "национальная традиция" – одним словом, всё, чем располагает культура" [с.239].

"В собственной ему манере Хайдеггер вопрошает: какова та именовательная сила, которая действует в слове "представление"?" [с.258]. "Движение субъекта в мыслительном пространстве представления Хайдеггер пытается понять из самого слова, используя его именовательный потенциал в каждом отдельном шаге герменевтического развёртывания" [с.260]. "... и пространство, которое собирается из вещей и событий человеческого существования, всегда исполнено равновесия и свободы, не имеет границ в физическом смысле слова" [с.271].

"Ныне забытое удивление греков перед звучащим словом, когда космос ощущался столь живым и магическим пространством, населённым звучащими именами богов, – именно это "наивное" мироощущение и пытается реконструировать Хайдеггер с помощью этимологических изысканий" [с.298]. "Греческое слово, которое мы слышим, подводит нас непосредственно к самой наличной вещи, а не только к значению слова" [с.299].

"Что может означать слово "колодец", "поле", "дом" и т.п., да и не только эти повседневные слова, но и те, которым долгое время приписывалось высшее и неизменное значение в философском словаре, как не стёртое ныне в памяти поколений изначальное условие нашего пребывания на земле!". "Когда мы идём к колодцу, – пишет Хайдеггер, – или когда проходим поле, мы уже всегда идём сквозь слово "поле", слово "колодец". "Слово следует проходить как "проходят" пространство, населяя его "местами" [с.302]. "Рука – это то, что существует до мысли и слова как онтологическое условие, благодаря которому может состояться и то и другое" [с.306].

"Как это сделать, если самое бытие не может быть соотносено с присутствующим в поле зримости словом Sein, ведь бытие не может быть представлено звуковым и графическим образом во всём объёме его смыслового содержания, в своей немыслимости". "Однако создаются тексты, в которых так или иначе осмысливается сущность бытия, не сводимая к слову

Sein" [с.310]. "Каков письменный статус знака бытия: Хайдеггер вполне отдаёт себе отчёт в том, что между словом Sein и бытием, как оно есть, существует зазор, который необходимо преодолеть, чтобы бытие (не слово Sein, а само бытие) смогло проявить себя в материи письма, не утратив уникального смысла" [с.310-1].

"Вступает в игру топология четверицы. Теперь графический знак получает особое измерение и перестаёт быть только знаком бытия, ибо само бытие больше не нуждается в слове Sein, чтобы засвидетельствовать себя в тексте" [с.311]. "Но возможно ли с помощью одной "искренности", минуя требования языка, проникнуть в глубины автобиографического я", открыться для себя и других в жизненной непосредственности, покаянным словом искупить "вечную вину" быть человеком?" [с.333].

"И мысль, – замечает Пруст, – уже бессильна восстановить прежнее состояние, чтобы сопоставить его с новым, ибо ей положен предел: добытые нами знания, воспоминания о первых неожиданных мгновениях и услышанные нами слова загораживают вход в наше сознание, оказывают более мощное действие на наше прошлое, чем на не утратившую свободы форму нашего будущего" (Пруст М. Под сенью девушек в цвету)" [с.341]. "Другими словами, речь здесь идёт не о теле, понимаемом в обыденном физиологическом смысле слова, не о теле-организме, определяемом своими органами, их чётко означенными адаптивными функциями, а о "теле без органов" [с.352].

"Комментирующее слово и физическое действие отделяются друг от друга, чтобы через несколько страниц вновь столкнуться и вновь разойтись, как если бы их одновременно разъединял и соединял смысловой провал". "... и он начинает "понимать", что из комментирующего слова нельзя извлечь объяснение мотивов, вызвавших тот или иной жест персонажа, как впрочем, и сами жесты не нуждаются в комментирующем слове". "Ничто уже не сможет помочь ему выбраться из монотонности повторяющихся ситуаций, в которых жест всякий раз обесмысливает слово, но и комментирующее слово, в свою очередь, обесмысливает жест" [с.383].

"... вокруг главного героя очерчивает свои круги новые, дополнительные персонажи, всё более разнообразными и необычными становятся пространственно-временные отношения, мгновенные трансформации которых подтачивают смысл комментирующего слова, а то, в свою очередь, становится всё более изощрённым в попытках "объяснить" читателю, что всё-таки происходит" [с.387].

"... как только пытаешься произнести слово или фразу, невольно пробуждаешь каннибальскую природу языка". "Страх перед произнесением, ведь всякое слово обречено быть неверно произнесённым, а следовательно, осуждённым и отброшенным". "Почти ни одно слово, что я пишу, не сочетается с другими, я слышу, как согласные с металлическим лязгом трутся

друг о друга, а гласные подпевают им, как негры на подмостках" (Кафка)". "Сомнения кольцом окружают каждое слово, я вижу их раньше, чем само слово, да что я говорю! – я вообще не вижу слова, я выдумываю его". "Кафка "слышит" собственные слова потом, после того, как работа письма закончена, и, скользнув по написанному другим, "третьим глазом", он приходит в ужас: ведь это ещё надо произнести" [с.402].

"Написанная буква, фраза или слово получают в произнесении совершенно иное выражение, его невозможно свести к той незаметной роли, которую они играют в движениях письма" [с.403]. "Именно ты несколькими откровенными словами столкнул меня в грязь, словно таков мой удел" [с.406].

8. М.Мамардашвили. Необходимость себя. М., 1996.

"Слова Сократа, Будды, тексты Платона или что-то из Августина мы, не сомневаясь, назовём философскими, не зная почему, на каком основании и каким образом. Потому что они резонируют в нас по уже проложенным колеям выражения и мысли, укладывали во вполне определённое со-присутствие (в это, а не иное) соответствующих слов, терминов, сюжетов, тем и т.п. [с.7]. "Каждый раз, когда вы читаете философский текст, настраиваете себя на следующее: слова, составляющие его, означают не совсем то, что они означают" [с.39].

"А есть слова (и они часто встречаются в философии), не имеющие предмета, который мог бы быть дан помимо слова на опыте. Например, одним из таких предметов является слово "Бог", встречающееся в религии. Такого предмета нет, как известно. Но это не единственное слово, у которого нет предмета. Скажем, у Платона в своё время появилось слово "душа", а у Декарта – "врождённое знание". Это слова что-то, казалось бы, обозначающие. Но обозначающие не предметы" [с.26].

"Для массы оттенков наших эмоций, вещей существуют тысячи слов". "Слова в нашем языке (я не устаю это повторять) существуют не случайно". "У слов есть ум – не наш ум, отдельных людей, которые произносят слова, а ум самого языка" [с.30]. "Так вот, в гении нашего языка есть слово *совесть*" [с.35]. "Для греков близкое – логос, как мы договорились, слова, – а мы живем в языке. А для индусов – это психика, как некие физические, реальные состояния, испытываемые людьми" [с.56].

"Полагают, что сначала существует индивидуальный предмет, потом возникают слова и термины, его обозначающие, и тогда якобы возможно философское учение, которое говорит о сущности лошади, имея в виду это общее понятие" [с.65]. "Всякое слово имплицитно предполагает существование его эквивалента; и даже слова, обозначающие душевные явления, имеют инерцию, навевающую нам мысль о том, что чувства существуют так же, как

существуют предметы, что мысль существует подобно существованию особых духовных существ и т.д." [с.68].

"Для того, чтобы о мире можно было сказать что-то законоподобное, нужно, чтобы в нём были идеи (в платоновском смысле слова), формы, потому что без них мы не можем ничего рационально сказать ни о мире, ни о сознании" [с.83].

"Диалектика была открыта как своего рода странное (я условно выражусь так) энергетическое явление. В каком смысле слова? В том, что нужно создать какое-то напряжение и потом, не вытекая прямо из него, что-то возникнет само или не возникнет. Сократ же, в свою очередь, называл это майевтикой – искусством рождения" [с.123]. "Попробуйте без философии, то есть не сказав ни слова об онтологии, о сугубо теоретических вещах в контексте анализа того духовного мира, который связан в том числе и с современным искусством, создать портрет XX века" [с.125].

"Но мудрым быть очень трудно – не в психологическом смысле слова (философия не занимается психологическими способностями человека), а в том смысле, что мудрость, ум и даже глупость в философии не означают того, что мы обычно понимаем под мудростью, умом и т.д." "Поэтому мы склонны в том числе и мудрость понимать согласно психологическому миру языка (язык есть одновременно мир психологии) и думаем, что это слово означает просто качество, свойственное или не свойственное тому или иному человеку". "Однако для философа слова, похожие внешне на обозначение человеческих или психологических качеств, не означают эти качества" [с.128].

"Поэтому не случайно язык философии содержит в себе символы – слова, не имеющие предметного, буквального смысла" [с.129]. "Слово "совесть" в данном случае есть конечная инстанция объяснения". "Значит, я сказал: совесть есть конечное слово, и мы останавливаемся в объяснении" [с.93]. "И, во-вторых, совесть не есть моё свойство, но она – не природа. Сверхъестественное в этом смысле слово" [с.140].

<Достоевский> "...был плоть от плоти этого мира, отличаясь лишь тем, что душу-то свою он всё-таки (как и Гоголь) рождал в слове-феномене, и ничего не понимал ни в этом мире, ни в своих созданиях – не понимал со стороны, в самоотчёте, в системе рефлексии" [с.193]. "Господи, сколько слов вокруг простого рабства и моральной трусости! – радостная философия палачей (как же их обидеть!), обратным отражением получаемая от истязуемых жертв: "на коленях бы приполз на Родину, если б разрешили...". Чтобы она ни делала... "Усомниться в советской власти?! – не смей, никогда!" [с.197].

"И теперь сделаем следующий шаг. А именно – к чему применимо слово "есть" (т.е. бытийная характеристика), на самом деле глобально (всякое "есть" – глобально) и воссоздаёт себя в некоторых трансформированных состояниях" [с.254]. "Короче, весь мир человеческих состояний, слов, реак-

ций, страстей возможен только в поле сопряжённости с символами, которые конструктивны по отношению к человеку" [с.262]. "Проблема нации, на мой взгляд, частный случай автономного существования того, что я называю словом, этой феноменальной материи, внутри которой и рождается то, что нам кажется рождающимся в наших головах и душах" [с.308].

"...а то, что можно было бы назвать Словом, – некий элемент стихии, являющейся материей тех самых предметов, о которых мы что-то постигаем и от которых можем получить какие-то чувства" [с.311]. "Так вот, то, что я условно назвал Словом или "языком", предупредив, что не имею в виду *обыденный* язык, и есть то, посредством чего предмет становится источником восприятия и переживания тех качеств, которые мы воспринимаем и переживаем" [с.312]. "Ну, конечно, в начале было Слово, и Слово было Богом". "Но не в том смысле, что Слово было вначале по времени – это неизвестно, мы не можем прийти к его началу" [с.314]. "То, что я называл перед этим Словом, есть текст сознания" [с.314].

"Мёртвыми словами являются те, в которых мы забыли, что в начале было Слово, и как в улье опустелом слова у нас теперь дурно пахнут" [с.315]. "Существующий язык, состоящий из сцеплений десятков слов, из неподвижных блоков, подобно бичу божьему, останавливает любое движение мысли, возможной мысли" [с.316]. "Другими словами, философская мысль, которую мы узнаём как философскую, возникает всегда в контексте того, что древние называли "спасением" [с.318]. "Ведь это тоже, если угодно, некое физическое существо, физическая форма слова, в котором что-то упаковалось. Это – монстр" [с.340].

"В Евангелии от Иоанна сказано, что в начале было Слово. В одном очень странном, на первый взгляд, смысле" [с.350]. "...всё равно мы пользуемся словами *обыденного* языка, сталкиваясь с которыми имеем наглядные предметные референции" [с.351]. "Homo verbo agens – это человек, действующий с помощью описания мира словом" [с.423]. "Станный субъект в полноте своего бытия – это я, для другого произрастающий себя поступком мысли, поступком чувства, поступком слова" [с.427].

9. А.Мень. Мировая духовная культура. Христианство. Церковь. М., 1997

Православное богослужение: "Храмовая молитва и таинства Церкви именуются обычно богослужением. Само это слово на первый взгляд кажется странным" [с.8].

"...ещё до того, как человек стал полноценным, человеком в полном смысле этого слова, тем единственным видом, который живёт сейчас на земле, в нём уже теплились какие-то религиозные представления" [с.16]. "Плоть человека создана по слову Божию из праха земного, то есть из пы-

ли, из самой материи, из вещества, и мы несём этот прах в себе и возвращаемся в него" [с.23]. "Я часто вспоминаю книгу пророка Исаяи, где Бог через пророка говорит страшные слова: "Как небо далеко от земли, так Мои мысли далеки от ваших мыслей. Я Бог, а не человек (по-еврейски: Ани Элохим, вэло адам)" [с.30].

"Брахман – не то и не то, и о нём не может быть сказано никакого человеческого слова. Брахман как бы выдыхает из себя вселенную; подобно пауку, который из себя рождает паутину, он рождает вечный Абсолют, мир" [с.38]. "...а ведь гипноз это тоже загадка, потому что слово само по себе ничего не объясняет, и на самом деле это остаётся загадкой и для пациента и для гипнотизёра" [с.24]. "Законность, право, гуманность – всё это факультет ненужных вещей. Она повторяла чужие слова, она повторяла слова, свойственные целому поколению: мол, ненужные всё это вещи" [с.25].

"Китайское слово "дао" непереводимо, обычно его переводят как "путь". Оно так же многопланово, как греческий термин "логос". Дао – это Бытие, тайна, Абсолют". "Дао – это и Бог, и природа, это нечто, чему нет названия" [с.52]. "Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное дао. Имя, которое может быть названо, не есть постоянное имя. Безымянное есть начало неба и земли". О чём это говорит? О том самом высшем, апофатическом богословии, которое свойственно и византийским, и древнерусским исихастам в христианстве, и брахманизму, как мы увидим позже, и мистику XVII века Якову Бёме, и Шеллингу, и Владимиру Соловьёву, и мн.-мн. другим" [с.52-3].

"Нельзя определить божественное ни одним человеческим словом. Можно сказать, чем не является божественное. С другой стороны, всё, что есть в мире: и обезьяна, прыгающая на ветки, и прекрасный лебедь, плывущий по реке, и паук – всё это проявление единого Брахмана" [с.65]. <"Божественная песнь, или Бхагавад-гита":> "И Арджуна слышит ужасные слова: "Я – время, продвигаясь, миры разрушаю, гибель здесь возрастает, и без тебя погибнут все воины, стоящие друг против друга рати, рази не колеблясь". Как равнодушная природа, как неопишуемая, нечеловеческая, по ту сторону добра и зла стоящая сила" [с.69].

"В Джаммападе есть замечательные изречения, которые волнуют человека и сегодня... "Хорошо сказанное слово человека, который ему не следует, столь же бесплодно, как и прекрасный цветок с приятной окраской, но лишённый аромата" [с.74-5]. "...для Гераклита огонь – это разумное начало, оно управлялось Силой, которую Гераклит назвал Логосом. Вот когда это слово названо, произнесено. С того времени оно прочно войдёт в философию Востока и Запада. И когда евангелист Иоанн захочет поведать нам о тайне Христа, Божественного Слова, он напишет в первых строках своего Евангелия: "Эн архэ эн хо Логос" – "В начале было Слово". Слово – это

многозначный символ; для Гераклита – это разумный закон, который управляет всей вселенной" [с.91].

"Сократ ответил словами: "Я повинуюсь Богу, голосу Бога внутри. Я вас, граждане мои, люблю и уважаю, но повинуюсь больше голосу Бога" [с.101]. "По-русски слово "эйдос" переводится как идея. Я здесь это слово не употребляю, потому что для нас слово "идея" носит немного иной оттенок. Эйдосы – это прототипы всего того, что в мире существует" [с.105]. "Для Платона такими людьми должны быть философы, но не в нашем смысле слова, а в античном, то есть люди, обладающие высочайшей эрудицией и высочайшей способностью мыслить" [с.106]. "Слово "йога" очень старинное, даже происхождение его не ясно. Чаще всего слово "йога" производят от "йудж", что значит 'прилагать усилия, упражняться'" [с.116].

"Собор – это старое церковнославянское слово, которое обозначает собрание людей, собрание представителей Церкви". "Символ – очень ёмкое слово и полисемантическое. Символ есть знак, обозначающий некую реальность, на этом было построено целое литературно-философское течение – символизм" [с.132]. "Слово – это удивительная вещь. Это сигнал, который одна душа передаёт другой душе". "Когда человек говорит, что он любит другого, каждый из нас вкладывает в эти древнейшие слова нечто своё, неповторимое, и всё-таки он говорит те же слова, что говорили его отцы, деды, далёкие пращуры. Оказывается, эти слова продолжают работать тогда, когда за ними стоит определённая душевная и духовная реальность. Итак, любое слово – это символ" [с.133].

"Слово "религия" происходит от латинского religare – "связывать" [с.143]. "Кроме того, слово "отец" завещано нам Иисусом Христом. Он вкладывал в это слово и эмоциональную теплоту". "Познание Бога – не односторонний процесс, как познаёт человек природу, а это – встреча. Поэтому мы здесь употребляем слово откровение, а не открытие" [с.145]. "Библия делится на две части: Ветхий Завет и Новый Завет. Что связывает их? Одно слово, одно понятие, одна реальность, одна сила. Мы определяем её как Христос" [с.147]. "Слово "вера", в древнееврейском языке "эмуна", происходит от слова "аман" – твёрдость, крепость. Это верность" [с.151].

"...когда Ветхий Завет, Библия, были уже канонизированы, когда эта священная книга почиталась как Слово Божие" [с.165]. "Это Его слова, это Его индивидуальный стиль речи" [с.166]. "... насколько превратно они вначале понимали Его служение и слова" [с.168].

"Поэтому когда творит Сущий, Он творит через Своё Слово". "Поэтому сказано: "В начале было Слово". Это начало не во времени. "И Слово было у Бога. И всё через него создано", – говорит апостол Иоанн". "Когда Бог создаёт мир, в этот момент Он выходит из Своего тайного для нас Бытия. Он становится Богом действия, Богом-Словом. В молчании Бог произносит своё

слово, – говорит один из средневековых мистиков. Слово Божие в Библии обозначает одновременно действие Божие. Древнееврейское "давар" и древнегреческое "логос" означают и разум, и смысл, и деяние одновременно". "Когда Бог действует, действует Его Слово, Его второе Я. Второе божественное Я. И оно уже постижимо для нас в большей степени, потому что второе Я Бога – это и Творец, и Любовь, это и многое другое" [с.177].

"Точно так же, рождённое внутри божественного Бытия Слово принадлежит природе Бога" [с.178]. "Он был просто Учителем из Назарета. И надо было слышать Его слова, понять их вещей, вечный, священный смысл, принять Его сначала как учителя, и тогда открывалась Его божественная тайна" [с.184]. "Если Бог как Отец является первоосновой всего, Бог как Логос, как Слово, является творцом всего созданного, то хранителем, поддержателем и непрестанно пребывающей в ней силой является Бог как Дух" [с.194]. "Распространение духовности не могло идти только через устное слово и через внешний символ. Нужна была книга" [с.244].

"...вспомним, прежде всего, слова пророка Исаи, у которого Господь говорит: "Как небо далеко от земли, так и ваши мысли далеки от Моих. Я Бог, а не человек" [с.252]. "... научись, по евангельскому слову, "очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, Господа ради; лишаемый – не мсти, невидимый – люби, гонимый – терпи, хулимый – молчи, умертви грех" [с.253].

"Вместе со своим учителем Ильинским он <Антиох Кантемир> составил первую в России симфонию к части Библии. Должен вам сказать, что симфония, или конкорданция, – это такой словарь, по которому можно найти в библии любое слово. Скажем, "вода", и вы находите, где всюду, в любой Книге Библии употребляется слово "вода". "Но вот слово Моисея... Когда Моисей с израильянами перешёл Ханаан, чувствуя свою смерть, он произнёс пророчество. Это пророчество называется Песня Моисея" [с.273]. "И есть там такие проникновенные слова: "Горе народу, – говорит герой, а его устами и сам писатель, – горе народу без слова Божия" [с.306].

"Он <Л.Н.Толстой> выбрасывает из Евангелия всё чудесное, сверхъестественное, а затем – не только это, но и высшее богословское понятие: "В начале было Слово", Слово как божественный космический Разум. Толстой говорил: "В начале было разумение" [с.310]. "Каждое слово в нём – живое существо, оно очень многогранно, многопланово, многолико" [с.320]. "Может быть, стенограмма нашей встречи в Западном Берлине всё-таки будет где-нибудь опубликована, и сохранятся для людей слова Айтматова: "Христос – это целый космос, и никто не может Его объять" [с.372-3].

"Вот так история, философия, размышления, путешествия – всё сливается в едином созерцании библейской тайны, которая выражена в великих

словах апостола Иоанна: "И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины" [с.394]. "Слово это <"всеединство"> многозначное, но в данном случае оно может означать для нас великолепное умение Соловьёва созидать, синтезировать" [с.413]. "... все наши слова, представления формируются с детских лет на основе контактов" [с.431]. "Сергей Трубецкой не произнёс слово "ноосфера" (сфера разума), но явно уже её предусматривал в своих воззрениях" [с.432].

"...читать религиозно-философские произведения Толстого трудно. И не потому, друзья мои, что это возвышенная, усложнённая метафизика. И не потому, что это, как у Флоренского, текст, оснащённый какими-то своеобразными словами, обилием иноязычных вставок, ссылок, огромным аппаратом" [с.450]. "Он открывает писания индийцев и слышит слова Будды, что всё распадается: всё то, что состоит из чего-то, разлагается" [с.452]. "Но очень скоро эта игра (я употребляю это слово, потому что невольно, по воспоминаниям современников, чувствуется, что это было игра, что Толстой хотел доказать, что всё это лишнее, ненужное) окончилось ничем" [с.454].

"Хозяин", – называл он <Л.Н.Толстой> Бога холодным, отчуждённым словом" [с.456]. "...когда мы читаем первые слова Евангелия от Иоанна: "В начале было слово" – Логос, то есть божественная мысль, обращённая к миру, Логос, который всё создал... Толстой переводит: "В начале было разумение" – и всё исчезает" [с.457]. "Мне вспоминаются проникновенные слова Анатолия Кони, публициста, адвоката, знавшего многих знаменитых людей своего времени" [с.461]. "Я не могу найти для характеристики этих его книг слов, непонятен жанр: это и биографии писателей, это и философские, религиозно-философские, даже богословские мысли, это и блестящая литературная критика – всё вместе" [с.480].

"В широком богословском смысле слова это, несомненно, так. Ибо замысел Божий, как мы знаем, есть соединение разделённого в мире. Но не смешение, не нивелировка, а соединение" [с.493]. "Мир не понял Христа, мир Его не познал. Это правда – то евангельские слова, но тем не менее хотя в Евангелии сказано, что Он в мире был, мир Его не познал, но кто-то Его принял и кто-то Его познал" [с.496]. "... но когда раскаявшиеся интеллигенты ехали к разным старцам и принимали любое их слово за вещание оракула, – Бердяев этого вынести не мог, он считал, что это не его путь" [с.502]. "Люди неправильно понимают идею Промысла, говорит Бердяев, они понимают слова Христа Спасителя буквально, что вот Он над каждым бдит" [с.512]. "Все готовы служить народу, служить Богу – для них пустое слово" [с.519].

"С.Л.Франк опирается на слова Блаженного Августина, который писал, что религия противоречит не законам природы, а известным нам законам. А далеко не все законы нам известны". "Вот его слова: "Наука берёт мир как замкнутую в себе систему явлений и изучает соотношения между этими

явлениями вне отношения мира как целого, а следовательно, и каждый, даже малейшей части к его высшему основанию, к его первопричине, к его абсолютному началу, из которого он произошёл и на котором он покоится" [с.557]. "Знание своего неведения, выраженное в словах Сократа: "Я знаю только то, что я ничего не знаю", – есть начало и постоянная основа научного сознания" [с.558].

"...вера – это Слово Божие, в которое мы углубляемся" [с.593]. "В Новом Завете есть слова: "Надлежит быть между вами разномыслию" [с.596]. "... здесь нам становятся понятными слова Нового Завета: "Надлежит быть разномыслию" [с.597]. "Кстати сказать, Христос создал жанр притчи, потому что в Ветхом Завете слово "притча" означала афоризм, слово было такое "машаль", мы его переводим как "притча", оно означало 'краткая мысль'" [с.610]. "На древнееврейском языке слово "шалом" (мир) означает не просто 'без войны', а особое состояние благословения, особое состояние мира души, близости к Богу, и вот этот мир мы и просим у Него" [с.617].

"...когда мы, служащие, несём настоящее евангельское слово, – то это слово не наше, а слово Его: "Кто слушает вас, Меня слушает". "У книги есть своё преимущество, но у книги есть и свои минусы, потому что есть вещи, которые нельзя передать только словами" [с.642]. "Но всё-таки слово должно сохраняться живым через людей, потому что одних книг недостаточно, потому что есть – и каждый из вас знает – особая сила, которая передаёт от души к душе" [с.643]. "В начале был Логос, и Логос был у Бога, и Логос стал плотью, – читаем мы у апостола Иоанна. Стал плотью – что это значит? Человеком стал, на библейском языке слово "плоть" означает человека" [с.651].

"Это подтверждается словами Священного Писания: не только нового человека увидел ясновидец Иоанн <...>, но также увидел он новое небо и новую землю, ибо старые миновали. Вот в чём смысл. Вот, в двух словах, что такое есть искупление. Но опять-таки, это всё слова и символы" [с.655]. "Многие слова Христа для нас до сих пор непостижимы, потому что мы ещё неандертальцы духа и нравственности, потому что евангельская стрела нацелена в вечность, потому что история христианства только начинается" [с.666]. "Он произнёс слова вечные и вечные: "Я не оставлю вас сиротами, но приду к вам" [с.669]. "Иисус Христос никогда почти не произносит слово Бог, Он всегда называет Его – Отец" [с.670].

Наша выборка приведённых выше фрагментов не совсем случайна, хотя и могла бы быть, конечно, совершенно иной, вариантов самых разных и на всякий вкус в доступной нам литературе достаточно много, нынче хороший и разнообразный выбор умных текстов.

Только на самый первый взгляд и то очень наивному человеку кажется, что слово (о чём речь?) – это совсем просто и так ясно, в общем-то. Каждый грамотей и реалист может ткнуть пальцем в газету и показать там сколько

угодно самых разных слов, наших и не наших, понятных и не совсем, родных и близких или вовсе не знакомых, своих и общедоступных, чужих и пусть не очень привлекательных, и в нашем языке есть заковыристые слова. Но на самом деле слово – это сомнительная простота, вечная проблема, вокруг неё, оказывается, столько споров, откровений и недоразумений, было и будет. Слово всё ещё остаётся религиозной тайной за семью печатями, и самых разных слов бесконечное множество.

Слово – начало начал, Логос и язык, мысль и деятельность, контакт, общение и сообщение. Слово – это ещё и Книга (средство развития, диалог и связи). Культура и искусство, наука и философия, образование и воспитание, политика и государственное управление строятся и далее держатся на словесности. Слово сообщает и связывает, управляет Вселенной. Слово учит всему и, в частности, повиновению. Оно воспитывает, утешает человека, лечит и утишает в нём страсти, дисциплинирует и устанавливает строгий порядок в мире, в обществе, в душе. Слово – это как бы команда свыше и внушение (суггестия). Кроме того, оно неизбежно также и в основе бунта и общественной лжи. В нём особенная взрывная сила разрушения и созидания.

Уровень познания сущности слова скажет и укажет многое о нашей личной и общей культуре и нравственности. Только лишь одного определения самой сути феномена и понятия слова, пожалуй, хватило бы любому профессионалу-словеснику на целую жизнь. Но хватит ли у него самого воли и силы на то, чтобы посвятить и отдать всего себя этому предмету – филологии? Чтобы понять, что такое слово, надо сперва и наряду с этим, заодно и попутно, разобраться в вопросе, что же есть такое ещё: понять, объяснить, разобрать, выбрать, употребить, оценить слово в более общей системе языка и речи, как средства и способа существования человеческого общества и общения. Очевидно, у слова много самых разных назначений, значений и связей, свойств и качеств, их особенностей.

10. А.Швейцер. Благоговение перед жизнью. М., 1992.

"Сила не вызывает шума. Она просто действует. Истинная этика начинается там, где перестают пользоваться словами" [с.221]. "Тысячью способов может выполнить человек своё предназначение, творя добро. Жертвы, которые он приносит, должны оставаться его тайной. Но все вместе мы должны знать, что наша жизнь приобретает ценность лишь тогда, когда мы ощутим истинность следующих слов: "кто теряет свою жизнь, тот её находит" [с.226]. "Чтец читает: "Если не будешь стараться исполнять все слова закона сего, написанные в книге сей, и не будешь бояться сего славного и страшного имени..." (Втор. 28, 58-9), и он начинает вновь" [с.337].

"Вознесение на третье небо и в рай, при котором он слышал неизреченные слова, Павел рассматривает как единственную в своём роде благодать, которой он был удостоен" [с.338]. "На старый вопрос, имеет ли в виду ап.

Павел, когда говорит о Теле, против которого нельзя согрешить на трапезе Господней, Тело распятого исторического Иисуса или воскресшего Господа, следует ответить в том смысле, что он относит слова Иисуса на Тайной вечере к мистическому Телу, то есть к расширенно понимаемой телесности Христа, которая включает в себя и совокупность существований верующих" [с.407]. "Сущность праздника определяется благодарением и прощением: ведь ап. Павел ещё не предвидит, что слова Иисуса на Тайной вечере о хлебе и вине как Его Теле и Крови должны будут каждый раз повторяться на общинной трапезе" [с.407-8].

"Хотя этические требования Павла, в сущности, представляют собой не что иное, как проповедуемую Иисусом абсолютную этику неотмирного бытия, он тем не менее не может в подтверждение их сослаться на слова Иисуса. Он ведь отдаёт себе отчёт в том, что должен то же самое выразить уже как нечто совершенно иное. На место провозглашённой Иисусом Христом этики он может – в соответствии с изменившимся временем мира – поставить этику, осуществлённую Христом в "верных Его". Те, кто продолжает проповедовать этику, просто ссылаясь на слова ("речения") исторического Иисуса, допускает непростительный анахронизм" [с.422].

"Истинно, истинно говорю вам: кто соблюдает слово Моё, тот не увидит смерти вовек" (Иоанн. 8,51) [с.459]. "Импульс к подобным попыткам находят в обращении Иисуса к ученикам: "Слова, которые говорю Я, суть дух и жизнь" (Иоан. 6, 63), выводя из него, что всё предшествующее следует понимать как сугубо духовное. В действительности же Иоаннов Иисус упомянутой фразой хочет сказать лишь то, что его слова – продиктованное Духом знание об обретении жизни и ему приобщится любой верующий, причастившийся Духу" [с.467].

IV

1. А.Мариенгоф. Мой век, мои друзья и подруги

"Потом повторяю есенинские слова: – "Клятая Пречистенка!" [с.144]. – Ты это не выдумала, Изадора? Так и спросил: "Что мы будем делать с нашими детьми?" – Слово в слово [с.166]. "И я отвечал пушкинскими словами: "Марая бумагу", или: "Да вот третий час потею", или "Ковыряюсь помаленьку", – и ещё что-то в этом духе" [с.187]. " – Товарищи, только что написал самые приятные на свете три слова: "Занавес. Конец пьесы" [с.193]. " – Да! Моя миссия, – отвечал он серьёзно, хотя и не любил, как человек со вкусом, высоких слов" [с.210]. "... считая, что у каждого они имеются "беспременно". Это его слово" [с.240].

"Мне всегда думалось, что о живописи можно рассказать не словами, а только самой живописью, то есть цветом" [с.221]. " – Вот бы, Серёженька, и твои стишки переплести так же. После этих слов Есенин заплакал" [с.249].

"Гений! Гений!". Я усмехнулся: – Юноши и старцы любят это противное слово" [с.258]. "Перед большим зеркалом Кирка, любуясь собой, важно произносит слова Помпея: – Перестанете ли вы читать законы нам, перепоясанным мечом" [с.258]. "Мне всегда было стыдно говорить высокие слова" [с.288]. А в нашей школе ведь только тем и занимаются, что культивируют пафос и высокопарность.

"У Василия Ивановича было только одно слово: – Отмаялся" [с.298].

Роман без вранья

"Хотелось говорить о необычном и необычными словами" [с.379]. "В такие дни лицо его было решительно серьезно. Звучали каменные слова: – Окончательно... так ей и сказал: "Изадора, адьо!" [с.395].

Великолепный очевидец

"В Новом времени" из настоящих писателей работал только один В.Розанов, этот изумительный мастер точного философского слова, сочетавший в себе редкий ум и не менее редкое юдофобство" [с.466]. "Северянин принял своё избрание торжественно и помпезно, в благодарственном слове объяснив публике, что только революционная Россия оценила его по заслугам и что он, потомок Карамзина, оправдает это доверие" [с.493]. "...эстетный Зак развил на основе большого лингвистического исследования теорию "слов-запахов" и горячо боролся под фамилией Михаила Россиянского с беспредметностью неологизмов Кручёных" [с.523].

"В то время как кубофутуристы утверждали "слово как таковое", выходя через Кручёных к заумному слову", Зак очень последовательно разлагал слово на звук, "содержанье" и "запах" (он ещё не нашёл правильного определения "образ"). Оставляя содержанье, смысл слова обиходу и науке, Зак призывал поэзию оперировать с образом слова, не смущаясь тем, что образ зачастую противоречит содержанию слова" [с.523]. "Тот же Маяковский доказывает, что применение слова в неграмматическом роде обновляет силу значения слова. Он поясняет: – Меня часто наши критики называют дураком. Я к этому привык. Это слово на меня не действует. Но, если бы кто-нибудь назвал меня не дураком, а дурой, мне стало бы как-то не по себе" [с.542].

"О Сергее Есенине мне писать труднее всего. [Труднее потому, что его могила трагически оправдала слова Гоголя о паршивом городе, в котором только стоит памятник поставить, так всякой дряни нанесут] [с.569]. "В Госиздате из книги выкинули из есенинских стихов все слова "бог", а "бога" было там немало! Где нельзя выкинуть слово, выкидывали целое стихотворение, следуя принципу, что из песни слово не выкинешь, но из-за слова можно выкинуть песню" [с.576]. "Я всегда очень любил и до сих пор люблю поэта Мандельштама. Я люблю его нездешний пафос, его строгость, его "вкуснопахнущие" слова и редкое мастерство" [с.638].

2. Б.Шоу. Автобиографические заметки

"По возвращении я кинулся к матери со словами: "Мама, по-моему, папа пьян!" [с.22]. "Для начала он прочёл мне пространную лекцию о том, как важно уметь держаться на воде, и закончил её следующими словами: "Четырнадцатилетним мальчишкой я плавал уже так хорошо, что..." [с.24]. "Я дал себе слово впредь отказаться от этой привычки и в тот же вечер, в первый раз в жизни с тех пор, как начал говорить, лёг спать, не помолившись" [с.26].

"Презрение выразилось в тоне, а недоверие – в следующих совершенно поразительных словах: – Что-то я вас не помню" [с.49]. "В этом и заключается секрет наших правящих классов: их представители на словах благородны, гуманны, культурны, пекутся об интересах общества, занимаются филантропией, а на деле озабочен лишь тем, чтобы красиво жить и иметь побольше денег..." [с.65].

3. А.Хейдок. Радуга чудес

"Но стоило задать ему вопрос, как он понимает слово "гипноз", как оказалось, что у него самые смутные представления о нём и что он пользуется этим словом как научным термином-маской" [с.18]. "На моего приятеля раз сильно рассердились монголы, хотя он не сказал им ни одного худого слова, а лишь подумал, что они грязны" [с.61]. "Говоря словами самой Агни-Йоги, "Мир переустраивается напряжением двух полярностей" [с.271]. "Слова Платона: "Мысли правят миром", – при свете Учения становятся понятными" [с.276].

"Он осознавал ответственность за каждое своё деяние, за каждое слово и мысль" [с.308]. "Наши действия, слова и мысли с абсолютной точностью запечатлеваются на нетленном фильме пространственной энергии Акаши" [с.309]. "Такое мышление находится в прямом противоречии с мышлением человека Шестой Расы, который сознаёт великую ответственность за каждое своё слово, мысль и поступок" [с.366].

4. М.Фуко. Слова и вещи. СПб.

"Итак, знать – значит истолковывать, идти от видимой приметы к тому, что высказывает себя в ней и что без неё осталось бы невысказанным словом, спящим в вещах" [с.69]. "Между метками и словами нет такого различия, как между наблюдением и принятым авторитетом или между истинным и традиционным. Повсюду развёртывается одно и то же взаимодействие знака и подобного, и поэтому природа и слово могут перекрещиваться до бесконечности, как бы образуя для умеющего читать великий и единый текст". "В XVI веке реальный язык – это не единообразная и однородная совокупность независимых знаков, в которой вещи отражаются, словно в зеркале, раскрывая одна за другой специфическую истину. <...> Взятый в

своём грубом историческом бытии, язык XVI века не представляет собой произвольную систему; он размещается внутри мира и одновременно образует его часть, так как вещи сами по себе скрывают и обнаруживают свою загадочность, как язык, и так, как слова выступают перед человеком как подлежащие расшифровке вещи" [с.71].

"...для филологов слова предстают в качестве объектов, созданных и оставленных историей... для интерпретаторов слова становятся текстом, который надо взломать, чтобы смог обнаружиться полностью скрытый за ним смысл..." [с.326].

"Сама возможность познания вещей и их порядка связана в классическом опыте с державной властью слов: слова здесь и в самом деле не являются ни знаками, требующими разгадки (как в эпоху Ренессанса), ни орудиями, более или менее надёжными и управляемыми (как в эпоху позитивизма); скорее, они образуют некую бесцветную сетку, на основе которой выявляются существа и упорядочиваются представления" [с.333].

"Как может он быть субъектом языка, который образовался за тысячелетия до него и без него, система которого от него ускользает, смысл которого почти непробуден в словах, лишь на мгновение освещаемый его речью, и внутрь которой ему поневоле приходится помещать своё слово и мысль, будто им только и под силу, что оживлять на какое-то время отрезок этой нити бесчисленных возможностей?" [с.344].

"... (даже если человек и не венец эволюции, то он крайняя точка длинного эволюционного ряда), поскольку, наконец, само отношение потребностей человека и средств их удовлетворения непременно требует, чтобы он сам был основой и средством всякого производства. Однако это гордое слово имеет и другой смысл. В известной мере человек подчинён труду, жизни и языку: ими определяется его конкретное существование, добраться до него можно лишь через посредство его слов, производимых им предметов, будто прежде всего в них (быть может, только в них) и содержится истина. При этом сам человек, который мыслит, предстаёт собственному взгляду лишь в облике существа, которое в толще подосновы, в неустранимой изначальности выступает как живой организм, как средство производства, как носитель слов, предшествующих ему" [с.334-5].

5. Л.Боровой. Путь слова

"В каждую эпоху, в определённой общественной среде то или иное значение слова выдвигается, становится главным и центральным, но не единственным. Возникают непрерывные поединки из-за слова, из-за того его значения, которое должно стать центральным (аристократы и чернь; подлый народ; порядок и беспорядки; благородный; патриотизм; педанты; "новые люди"; нигилизм; безбожник и т.д., и т.д.).

Эти поединки разворачиваются перед нами очень наглядно и в словах: в определениях, толкованиях, в той или иной очерёдности значений многозначного слова, которую предлагает составитель. Что *раньше всего* означает или *должно означать* слово?

Эти же поединки получают свою высшую, самую драматическую и всегда своеобразную форму в языке писателя: он утверждает своё значение слова в споре с обычным, общепринятым и не в последнюю очередь – с другими писателями, с теми, кто, "туда же", приходят с этим же словом, даже в *этом же* значении" [с.26].

"Русская советская литература получила в наследство чудесный, много и бурно живший язык. Она приняла и *встретила* слова, которые прошли уже огромный исторический путь: слова возвышались и снижались, унижались, даже растаптывались; переходили из своей узкой сферы в общенародный литературный язык или становились опять очень узкими и специальными; смелые в своё время метафоры превращались в обиходные речевые формулы и клише и уже никого не задерживали, а затем разными средствами воскрешались или опять становились привычными оборотами речи; простодушные некогда слова потом совсем "отлукавились", испортились, пали, а затем опять возвышались, обнаруживали новые, иногда немислимые, претензии и т.д., и т.д." [с.30].

"Ни одно, конечно, слово не вызывало такого ужаса в противоположном лагере, такого яростного и самозабвенного противодействия, как это – "совет".

– Катя боялась некоторых слов; например, *совдеп* казался ей свирепым словом, *ревком* – страшным, как рев быка, просунувшего кудрявую морду сквозь плетень в сад, где стояла маленькая Катя (было такое происшествие в детстве). (Ал. Толстой, "1918 год") [с.118].

"Большие слова (эпоха, история, время, жизнь) издавна имели в языке своё более или менее постоянное окружение, заслоны, сторожевые охранения" [с.174].

"Учёба" была широко распространённым в крестьянском быту словом, которое, однако, не допускалось в литературный язык. После революции "учёба" впервые становится литературным словом, входит в официальную формулу ("отправить на учёбу"). Вся великая работа теоретической переподготовки людей, которые уже практически делали революцию, в том числе и *культурную* революцию, обозначается этим большим и важным словом" [с.245].

"У Щедрина:

– *Интеллигенцией смехотворно называют у нас всякого не окончившего курс недоумка* ("Пошехонская старина").

Совершенно очевидно, что для Щедрина это "хорошее слово", по его же терминологии, которое он не отдаёт недоумкам и пр. Он уже болеет за это слово, которое только что пришло, а уже пережило столь "волшебные превращения"...

У Даля была уже "интеллигенция" в значении собирательном – "разумное, образованное, умственно развитая часть общества". Но "интеллигента" ещё не было; его добавил впоследствии Бодуэн де Куртенэ с очень характерными примерами (об этом ниже) [с.276].

"Почти все, иногда потрясающие "неправильности" больших писателей, особенно так называемые ошибки Толстого, объясняются вполне успешно "здравым смыслом народа".

В советскую эпоху герценовские обороты получили необычайное развитие. Очень многие костные, так называемые непереходные слова были "выведены" вперёд, к новой цели" [с.306].

"И ещё у Белинского:

– У какого писателя нет ошибок против грамматики, да только чьей? – вот вопрос! Карамзин сам был грамматик, перед которой все наши грамматики ничего не значат; Пушкин тоже стоит любой из ваших грамматик...

В этой тираде всё замечательно, и не в последнюю очередь это форма: "сам был грамматик". Совершенно необходимое "прямление" [с.307].

"Но в этой книге стоит, пожалуй, особо отметить ещё одно обстоятельство: очень важно, чтобы и в *словарях* давались умные, широкие, открывающие все *возможности слова* определения" [с.334].

"Л.Сейфуллина, вероятно, и начала писать этот рассказ ("Выхваль") в ту минуту, когда перед ней развернулась эта цепь замечательных превращений слова "утроба". Тяжёлое, по самому своему звучанию как бы беременное слово – утроба матери и утроба земли; интимный и естественный перенос смысла, который делает его уже формой обращения и присловием" [с.418].

"Определяйте значение слов, – говорил Декарт, – и вы избавите свет от половины его заблуждений" [с.638].

"В "Разливе":

"Медленно вытаскивая из головы слова, Жмыхов сказал:

– Понимаю снаружи... суть не понятна... скажи..." [с.648].

"Есть такая же интересная игра на слове "курсистка" и в раннем рассказе Платонова "Песчаная учительница". И в том же рассказе ещё другие интересные "применения".

"Мария Никифоровна пополнила, несмотря на заботы, и ещё больше заневестилась лицом.

...И вот кочевники завершили свой круг и должны явиться здесь снова, чтобы подобрать то, что отдохнувшая степь вымогла из себя".

Заневестилась лицом. Чтобы... вымогла из себя...

Прекрасные слова, редкие в нашей литературе. А поставлены они так, что не производят впечатления коллекционных, где-то вычитанных, "любительских". Точные, прозрачные и единственно приличные в этом случае слова" [с.755].

"Есть слова страшные, строптивые и – смиренные; кроткие, тихие и – судорожные, клянчащие; ладные, плавные и – топорщащиеся, осовывающиеся; замысловатые и прямые, размахнувшиеся и разбежавшиеся и очень собранные, короткие, коренные – слова, которые не только своей озвучкой, но и самим строением своим, фигурой, осанкой сказали уже очень много о том, что они должны означать.

Таких слов – картинных, изобразительных, приличных своему значению и назначению, "натоделных", по народному выражению, – можно насчитать очень много.

И всё же они занимают самое скромное место в огромном словарном составе языка.

В подавляющем большинстве случаев слово – совершенно условное звуковое обозначение понятия" [с.770].

"Хорошо известен рассказ князя Вяземского из его несравненной "Старой записной книжки": когда спросили приезжего итальянца, что могут и должны означать слова "любовь", "дружба", "телятина", он сказал, что "любовь" и "дружба" – это, вероятно, что-нибудь жёсткое, если не бранное, а "телятина", несомненно, что-то нежное, ласковое, обращаемое к женщине" [с.771].

6. С.Мозм. Поводя итоги // Т. 1. М., 1985.

"Я не знал, навсегда ли освободился от театра: ведь писатель – раб того, что я вынужден, за неимением более скромного слова, назвать вдохновением, и я не мог поручиться, что в один прекрасный день у меня не возникнет тема, которую мне во что бы то ни стало понадобится воплотить в форме пьесы" [с.68-9].

"Дождь": "– И неужели вы думаете, что Господь оставит меня, когда я творю волю его? Ветер дует по его велению, и бурные волны вздымаются по его слову" [с.25]. Слово = веление = приказ = согласие.

7. Ф.Александр, Ш.Селесник. Человек и его душа

"В словесно-ассоциативном тесте, разработанном Юнгом, испытуемому предлагается слово, на которое он должен ответить первым пришедшим в голову словом. Например, на слово "мать" он может ответить словом "тёплое" или "большое". В качестве контрольного момента испытующий может предложить "нейтральные" слова, которые, по его мнению, не вызовут эмоционального отклика у испытуемого" [с.341].

"В тех обществах, где к пожилым относятся с большим уважением и где старость имеет положительный оттенок, слово "старый" само по себе не несёт негативного оттенка и нет нужды заменять его эвфемизмами вроде "человек в возрасте". В тех культурах, где старость считается престижной – например, в восточных странах и до некоторой степени в Европе, – старый человек может быть более живым и активным, нежели его американский ровесник" [с.481-2].

"Кроме того, у человека есть возможность передавать эти внутренние психологические явления при помощи слов, выражающих субъективно ощущаемые состояния души. Способность к словесной коммуникации как раз и делает возможным изучение психологии человека" [с.554].

8. С.Г.Антоненко. Русь арийская

"Прежде всего необходимо заметить, что слово "религия" в привычном для нас понимании, приложимо к индуизму лишь отчасти и, скорее, относится к его культурно-обрядовой основе". "...у индусов нет специального слова, понятия, соответствующего нашему понятию религии. В санскрите, языке Вед (Св. Писаний, признаваемых индусами) имеется очень ёмкое слово "дхарма", которому соответствует множество значений: обязанности человека в соответствии с его социальным статусом и свод законов, определяющий их; религиозные предписания; наконец, служение Божеству как вечное и естественное занятие человека" [с.8].

"Христос за свою земную жизнь не написал ни слова, если не считать тех загадочных знаков, которые Он вывел пальцем на песке во время разговора с блудницей" [с.57].

9. Г.Гачев. Русский эрос. "Роман" Мысли с жизнью

"Значит, язык и говорение, толкание слов, выбрасывание их в мир – есть эротическое самоудовлетворение, и болтуны (те, у кого язык без костей) часто импотенты, ибо слишком много совокупаются ротово, чтобы у них оставались силы на низовое соитие. И женщины не даром подозрительно относятся к тем, кто необычайно, сверх меры, красноречивы: раз слишком много говорит – значит, так всё и выговорит и на дело накала не останется" [с.100].

"Значит, чистым духом, целомудренным, из мира в нас входящим, слово произведено быть не может. Оно производится духом уже отработанным в нашей нутри, когда лучший его сок и цвет уже взяты: духом падшим, согрешившим – т.е. иным, чем он входил, иным, чем и мировой дух вокруг. Слово и есть мольба нашего духа к мировому о прощении и возврате" [с.131]. "Членораздельный звук, слово и есть плод соития, кровосмесительной связи (воз)духа с другими стихиями. Земля, вода, огонь хором насилу-

ют невинный дух, когда запирают его в грудной клетке, – но тем и там одаривают его, каждая стихия своей силой" [с.132].

"Слова и есть те духовные семена, что мы рассеиваем по людям и по миру. Мы дух исходящий со словом по миру пускаем. И произнесение слова – это есть каждый раз соитие с миром, наша смерть (дух свой с ним испускаем), а потом воскресение: сказав, облегчённо дух переводим – т.е. выдыхаем ("фу!") все чёрные останки и зато глубокий вдох делаем. Недаром слово тоже имеет рождение, и муки слова = муки родов: как женщина, выродив дитя, пускает в мир свой фалл, так и словотворцы выпускают слово, чтоб оно ходило и зацепляло мир и глаголом жгло сердца людей. <...> Произнося слово, мы испытываем определённое сладострастие – от артикуляции и резонанса: мы посылаем волну – содраганье, струю исходящего из нас (воз)духа, который уже наш: пропитан нами в лёгких и во рту, насыщен стихиями, стал одной с нами природы – и есть уже наше чувствилище, щупальце в мир" [с.136].

"Молитва же, экстатическое произношение любовных слов к Богу – есть наше соитие в дальноедействие; и недаром влюблённые в Бога – религиозные люди впадают в транс, равный эротическому оргазму" [с.137]. "...так и всякое слово, из уст излетающее, есть удар моего "я" (моего языка пламени, моего кванта), его запечатлевание на стихиях – и прежде всего на воплощённом: заземлённом и увлажнённом – воздухе" [с.136]. "...так и здесь все тяжёлые, увесистые материи-стихии превращаются в имя, слово, звук пустой – в нём же воля, сила, власть и вечность" [с.141-2].

"Так, в "Кабус Намэ" (гл.1) сказано: помышляйте о богатствах Аллаха, но не помышляйте о сущности его. Ибо сильнее всего сбивается с пути тот, кто ищет пути там, где его нет. Ибо познающим всевышнего ты станешь тогда, когда перестанешь познавать" [с.143].

"Но зато инструмент готов: гомункулюс создан-выведен: Человек увиден как Фаллос-Логос. А Эрос = его жизнь – соитие с Бытием. Аминь!" [с.150].

"Однако жизнь не нуждается в дополнении – "вечная". В тот миг, когда я живу (дрожу от переполняющей жизни, или в эйфории), я вкушаю высший миг – и остановленное мгновение!" [с.152].

"И если в первой части рассуждения о русском Эросе главным было разработать умозрение человека как фалла и его статического состава из стихий, то теперь надо увидеть человека-фалл в продвижении, в соитии с миром, – т.е. **жизнь** как соитие рассмотреть" [с.153].

"Ибо не одно из слов-идей: Абсолют, Бытие, Истина, Судьба, Единое, Вселенная, Бесконечность, Высокая Истина, Благо, Всеведение, Сверхличное, Природа, Он, Всё, Дух, Троица, Возмездие – не подходит, ибо Бог – целостность всего этого и ещё многого неизвестного – в одном. И чтобы обозначить этот "круг" и было б на что опирать рассуждения о другом –

хоть не на зияние, а на Х (икс), что и есть Бог, – живое неизвестное полагаю как "постоянную величину", "константу"... [с.231].

10. Л.Н.Гумилёв. Этносфера: История людей и история природы

"Ложь как принцип. Слова многозначны. Смысл слова всецело зависит от контекста, так же как смысл фразы зависит от текста, интонации, ситуации, ради которой данный текст написан, и т.п., а смысл текста – от окружения, социального и природного. Даже такое простое слово, как "стол", само по себе не имеет значения, ибо может фигурировать в сочетаниях: "письменный стол", "стол заказов", "золотой стол Киевский", "у этой хозяйки хороший стол" и т.д. Но эти семантические различия просты, и любой читатель текста понимает, о чём идёт речь. Гораздо сложнее – с понятиями столь же многозначными, но смысл коих вуалируется. Например, "убийство". Всем очевидно, что убийство с целью ограбления – преступление; убийство ради садизма – гнусное преступление; но убийство на дуэли – деяние, хотя и наказуемое, но не преступное, ибо тот, кто остался жив, подвергал себя равному риску быть убитым и защищал свою честь; убийство противника на войне не преступление, а подвиг; казнь преступника палачом, т.е. тоже убийство, – выполнение долга, а казнь заведомо невиновного – хуже, чем преступление: это – грех" [с.346].

"Научный сотрудник много читает, а затем излагает чужие мысли своими словами. <...> По сути, это разновидность литературы, причём изящной, и поскольку популяризация науки нужна, то такие авторы обретают симпатии читателей и коллег. Но жизнь их сочинений мимолётна" [с.35]. "Но разве наука – это пересказ чужих знаний? Разве в естественных науках, где нет словесных сообщений, а только немые факты, невозможны обобщения?" [с.368].

Его же. Тысячелетие вокруг Каспия: "Не по словам, а по делам можно судить о той или иной концепции. Кроме того, слова, т.е. догматы, остаются неизменными, а практическое их воплощение всегда меняется вместе с процессом этногенеза" [с.42-3].

Его же. В поисках вымышленного царства: "Ванхан делал это отнюдь не с радостью (но слово есть слово)..." [с.228]. "Верность друзьям и слову не была отличительной чертой кераинского владыки" [с.232]. "Наш разум весьма склонен впадать в одну логическую ошибку: принимать слова за термины" [с.259].

11. Я.Парандовский. Алхимия слова

"Недаром с незапамятных времён люди почитали слово как живую действенную силу. <...>.

Ко всем тем формам энергии, что перечисляются в учебниках физики, следовало бы добавить ещё одну – словесную. Ведь поистине всякое великое творение искусства создаёт вокруг себя могучее "силовое поле", и в слове заключены неисчерпаемые запасы энергии, но, как все другие её виды, оно может быть направлено на созидание или разрушение, служение добру или злу. Не случайно Парандовский завершает свою книгу напоминанием об ответственности художника перед обществом, о том, что увековеченное в письме слово обретает власть над мыслью и мечтой людей, а границ этой власти невозможно измерить" [с.8].

"Словом "писатель" в настоящее время сильно злоупотребляют. Ещё совсем недавно проявляли больше осмотрительности и скромно соблюдали разницу между писателем и литератором... Черты, характерные для писателя как художника слова, надо искать в его фантазии, вдохновении, в глубоко человеческом понимании мира, в заботе о выборе художественных средств, какими наиболее полно можно вызвать задуманное им впечатление – эстетический эффект, эмоциональный, интеллектуальный, – и, наконец, а может быть, прежде всего, надо искать в его собственном стиле" [с.11].

"Слово – великая тайна. Все религии считали способность речи во всём потенциальном богатстве звуков, форм, правил даром божьим, получаемым человеком вместе с жизнью. Народы оспаривали друг у друга право считать себя наследниками первой человеческой речи, каждый приводил свои доводы, иногда прибегая к очень наивным, – об одном из них рассказывает Геродот в повествовании о детях, выросших вдали от людей. Еврейский язык на протяжении многих веков, злоупотребляя авторитетом книг Моисея, навязывал всем остальным народам убеждение, будто именно на нём были произнесены первые слова при сотворении мира и что на нём нарёк первый человек всё сущее: "А имя, данное Адамом каждой твари, есть её правильное имя".

Мы уже давно смотрим на любое явление, лишь беря его в развитии. Сотни гипотез, наивных или глубокомысленных (а последние со временем тоже оказывались наивными), старались выяснить тайну происхождения языков. Допускалось, что это производное инстинкта, что речь могла возникнуть из подражания звукам природы, могла появиться из междометий или ономотопеи. Тщетно искать указаний в безмолвном мраке, скупое озаряемое эолитами, камнями зари человечества – первыми следами работы человеческих рук. Исследователи с напряжённым, мучительным вниманием склоняются над черепом человека, выискивая места, где мог бы помещаться центр речи, и над челюстями, из которых вышли первые звуки.

Как они звучали? На это нет ответа. Может быть, как первые звуки младенца, какими он откликается на окружающий мир, может быть, отдельными гласными, идущими от простых реакций, какие нам известны и сейчас, когда

человек подражает голосам животных, шуму природы, повторяя самые древние движения гортани, языка и губ, неустанно совершенствующих речь. Меня трогает, потому что я и сам это разделяю, нетерпеливость писателей, которых воображение переносит в девственный мир раннего каменного века; не будучи в состоянии дожидаться открытий науки, они сами осторожно и благоговейно пытаются сотворить до сих пор не отгаданные звуки первой человеческой речи. Но зато во мне ничего не вызывают, кроме презрения, убогие выдумщики, подающие целые слова и даже фразы, ссылаясь на "эзотерическую традицию", презираю их за то, что своим шутовством они нарушают торжественную тишину над колыбелью слова.

Некоторые исследователи стараются вырвать хотя бы малую частицу из этих тайн и преподносят нам со многими оговорками и остережениями несколько слогов из эпохи каменного века. К числу таких слогов относятся: "хам" или "кам" – корень, обозначающий понятие "камень". Если так оно и есть, то данный корень является самым благородным из драгоценных камней нашей речи; ступая по тёмным тротуарам свентокшиских Каменок, мы как бы слышим его звучание в такт нашим шагам. Но и этот слог, если верить психологам речи, относился к более позднему периоду, когда словами уже обозначались предметы. Первоначально же слово отбивало лишь ритм голода, страха, наслаждения. Мне думается, что открытие нескольких десятков химических элементов, из которых состоит Вселенная, даёт основание предполагать, что столь же малого количества звуков хватило на создание вселенной слова. Увы, у нас нет возможности разложить элементы этой звуковой материи, как то было сделано в отношении сложных веществ – разложить каждое слово, каждую форму, никакому Менделееву таблицы таких элементов не составить" [с.131-2].

"В словах, в грамматических формах, в синтаксисе запечатлевает свой образ душа данного народа; как следы на окаменевших песках от волн давно не существующих морей, закреплены а нём стремления, склонности, неприязни, верования, предрассудки, первобытные знания о мире и человеке. <...> Одновременно в длинных и трудных переселениях, нашествиях и завоеваниях языки принимали в себя чуждые элементы, в иных условиях менялись обычаи, сказывалось воздействие климата, качество почвы, формы быта. Особенности речи – ударение, придыхание – зависели от смешения разных этнических групп.

Целые народы, целые культуры переставали существовать, оставляя после себя лишь горстку слов – гиацинт и мята сохранили верность своим первым садоводам из эгейской эпохи, которые их так называли.

С самого начала слово было орудием человеческой деятельности и в то же время чем-то таинственным, требующим пиетета и осторожности. Всегда существовали слова священные и проклятия, которых нельзя было про-

износить. Существовали запреты для определённых общественных групп, профессий. У карибов соблюдение святости слова зашло так далеко, что по-карибски могут говорить только мужчины, а женщины пользуются другим языком – аравакским.

Магическая сила слова заключается в его способности вызывать представления, образы. Оно невидимый представитель вещей, воспринимаемых пятью чувствами. По его заклинанию появляются люди, предметы далёкие или не существующие вовсе. А близкие и присутствующие делаются по-настоящему реальными, лишь будучи названными. Адам только тогда стал властелином мира, доверенного ему богом, когда каждую вещь обозначил особым названием. Будь то растение, насекомое или птица, но, пока мы не узнаем, как оно называется, это всего лишь неопределённая частица мира растений, насекомых, птиц. Только в убогом и легкомысленном жаргоне современных мещан неопределённое "это" выручает от незнания предметов; только такие люди умеют жить среди вещей без названий и спокойно смотреть на "дерево", "куст или "злаки". Народ не терпит предметов, оторванных от действительности, поэтому произвольно он живёт не среди деревьев, а среди дубов, буков, берёз, а злаки должны быть или рожью, или пшеницей. Плуг состоит из нескольких частей, и название каждой звучит, как имя доброго демона" [с.134-5].

"Первобытный человек – художник эпохи неолита – делал то же самое, что теперь делает его далёкий потомок – художник слова, форм или красок, обеспечивающий существование тому, что обречено на исчезновение, оба служат памяти жизни.

Посредством слова человек овладел пространством и временем. Слово выделяло предметы из хаоса явлений, давало им форму и окраску, приближало или отдаляло, измеряло. В нём запечатлены события, минуты, часы, годы, время настоящее, прошедшее и будущее. Но само слово – мимолётный звук, едва произнесённое, оно тут же исчезало, и, чтобы вернуть его вновь, надо было повторить; если же человеческие уста молчали, ничто не могло вызвать его из небытия. Вне говорящего человека оно не существовало, а единственное пространство, какое оно могло преодолеть, находилось в границах слышимости человеческого голоса. За этими границами оно прозвучало бы как "глас вопиющего в пустыне".

Переход от слова произносимого к слову писаному был новой эрой в истории человека. До того как научиться удерживать слово – бесформенный и невидимый звук, – люди научились удерживать вещи и явления в изображениях. Мистерия увековечивания проходящего и отражена в на скальной живописи" [с.136-7].

"Люди заурядные мыслят стереотипно и даже чувствуют стереотипно. Это относится и к заурядным ораторам и писателям. "Первый, кто сравнил

женщину с цветком, – сказал Гейне, – был великим поэтом, кто это сделал вторым, был обыкновенным болваном". Флобер составил "Лексикон прописных мыслей" – словарь банальных истин, забавный и немного пугающий. Для каждого языка должен быть составлен такой словарь, и литераторам он нужнее орфографических словарей, потому что об орфографии позаботятся корректоры" [с.161].

"Японцев возмущает мания европейцев очеловечивать всё и вся. Их поэзия, если она ещё не поддавалась влиянию европейской, сохраняет различие мира и человека: у японцев никто не назовёт вишнёвое дерево в цвету невестой" [с.166].

"Миров существует столько, сколько есть мыслящих индивидов. Миры эти поражают своим разнообразием. Одни из них малы и тесны, другие необъятны, рядом с серыми и безрадостными появляются красочные, где звучат звонкие, весёлые голоса, в одних царит вечное ненастье, другие наслаждаются неизменно прекрасной погодой. Наподобие некоторых туманностей, известных только по гипотезам, эти миры настолько иногда далеки друг от друга, что ни один луч не дойдёт от одного до другого. В одиночестве движутся они своими путями и гибнут в бесконечности" [с.177]. См. далее.

"В жизни люди обычно не властны в выборе себе имени и фамилии. За исключением немногочисленных случаев псевдонимов или перемены фамилий, они носят с покорностью, твёрдостью или гордостью имя и фамилию, полученные при рождении. Однако нередко случается, что судьба проявляет определённую творческую изобретательность. На каждом шагу мы встречаем людей, удивительно подходящих для своих фамилий, их даже трудно представить себе под другой, фамилия становится как бы иероглифом, символизирующим физиономию, характер, профессию. Иногда даже создаётся впечатление, что фамилия управляет человеком, как бы приносит счастье или несчастье, вещает будущее" [с.187].

"Один из величайших поэтов поведал нам, что "язык мыслям лжёт" и как часто мысль и слово разделены между собой пропастью! Конечно, мы мыслим словами, но то, что в них выражается, – это только поверхность мысли или её общие контуры. Самое трудное начинается с момента, когда мы пытаемся выразить мысль целиком, до дна" [с.205]. "Надо отправиться в Китай, там можно найти древнюю и изысканную культуру стиха, она не только в словах, но и в знаках, которыми слова изображены, в тщательном выборе этих знаков, в хорошо обдуманной каллиграфии, в качестве бумаги и в орнаментах, украшающих бумагу" [с.208-9].

"Слово – сила. Увековеченное в письме, оно обретает власть над мыслью и мечтой людей, и границ этой власти нельзя измерить и представить. Слово господствует над временем и пространством. Но, только будучи схваченной в сети букв, мысль живёт и действует. Всё остальное развеивает

ветер. Прогресс в развитии человеческой мысли, достижения ума человека родились из этих слабеньких букв-стебельков на белом поле бумаги. В жилах культуры пульсируют капельки чернил" [с.300].

"Даже среди близких людей редко встречается полное совпадение желаний и привычек. Этот праздный, тот чересчур осторожный; этот медлительный, тот слишком быстрый; этот грустный, тот не в меру весёлый; этот глуповат, тот толковее, чем мне бы хотелось; этот отпугивает своей молчаливостью, тот несусветный болтун; этот неповоротлив и грузен, тот худ и немощен; в одном неприятно равнодушное любопытство, в другом – чрезмерное усердие" [с.327].

"Живое слово всегда было у него матерью мысли" [с.491].

V

И ещё самое малое и разное: о слове и со словом (фрагменты текстов)

В.Г.Короленко. Земли! Земли! "А она [толпа] уже привыкла, что к ней обращаются только с ластивыми и приятными большинству словами" [с.117].

Н.Ф.Фёдоров. Сочинения. Примечание: "В споре, когда дело касалось дорогих ему убеждений, Фёдоров был непримирим, отличаясь особой горячностью, и всегда раскаивался в своей излишней запальчивости, тем более что она противоречила его собственным призывам к устранению всеобщей вражды, представляя пример медленного и незаметного "убийства" друг друга не только делом, но и словом" [с.700].

П.Н.Милюков. Воспоминания: "Эти строки были написаны до зимних осложнений 1904-1905 гг. Теперь никакой отдельный государственный деятель спасти положение не может. Слово принадлежит представителям народа" [с.179].

Л.П.Карсавин. Об опасностях и преодолении отвлечённого христианства: "В ней [Церкви] нет раба и свободного, ибо рабство существует лишь в грешном мире, который только хочет стать Церковью, а "свобода" – человеческое слово, слишком немощное и несовершенно для того, чтобы выразить полноту церковного бытия: свободные есть там, где есть и рабы" [с.27].

Дм. Мережковский. Любовь у Л.Толстого и Достоевского: "Да, в сладострастии (слово это я, конечно, понимаю здесь в самом глубоком, мистическом смысле) есть нечто "чуждое", по замечанию Китти, нечеловеческое, как будто "зверское" [с.164].

С.Л.Франк. Этика нигилизма: "...надлежит помнить проникновенные слова Ницше: "Не вокруг творцов нового шума – вокруг творцов новых ценностей вращается мир" [с.184].

А.С.Изгоев. Об интеллигентной молодёжи: "... но у огромного большинства – увы! – средних людей оно [нравственное совершенствование]

заменяется только выкрикиванием громких слов и принятием на сходках радикальных резолюций" [с.199].

Н.И.Петрункевич. Интеллигенция и "Вехи": "... равно как нет слова более непопулярного в интеллигентской среде, чем *смирение*, по свидетельству церкви, первой и основной христианской добродетели" [с.214].

С.Четвериков. Из истории русского старчества: "На старчество взвалили столько лжи и грязи, что даже самоё слово "старчество" многими стало произноситься со смущением и неловкостью, а иными даже и с презрением и отвращением, как нечто далеко не чистоплотное" [с.74].

В.В.Розанов. Мимолётное: "29.VIII.1915. Теперь, когда в тексте мне попадает — "демократические идеи", "классовая борьба", "социал-демократическая фракция", я содрогаюсь, как прикоснувшись к гаду. Мне *невыносимы* сами слова эти, термины..." [с.265].

В.И.Вернадский: Из дневников 1919-1920 годов: "Есть какое-то особое состояние духа, когда охвачен не высказанной в логической форме идеей. Это чувство не удовольствие — слово не подходит, но какое-то нежелание выходить из этого состояния, ибо всегда логический образ ограничит то, что охватывает человека" (16 марта 1919 года).

М.Волошин. Лики творчества: [И.Ф.Анненский] "Поэт будничных слов". "Но они не понимают, что самое страшное и властное слово, т.е. самое загадочное, может быть, именно слово будничное" [с.523].

Б.П.Вышеславцев. Этика преображённого Эроса: "... всякое "слово", брошенное в подсознание, есть внушённое "слово" [с.75].

Вас.И.Немирович-Данченко. Рыцарь на час (из воспоминаний о Гумилёве): "Если бы существовала школа исследователей и авантюристов (в благородном значении этого опошленного теперь слова!), я не мог бы указать для неё лучшего руководителя" [с.509].

П.Новгородцев. Восстановление святынь: "...В.Н. Набоков, когда за три дня до своей кончины писал: "Куда, к чему звать?.. Ведь для нас когда-то — не так давно — "демократия" было великим словом, полным значения и ценности. Если оно оскудело, — что, какие слова и идеалы пришли ему на смену?" [с.42].

Г.П.Федотов. Правда побеждённых: "Заметили ли вы, что в советских романах слово "зло" употребляется в положительном смысле? Это особенно бросается в глаза в последних романах Леонова, писателя, старающегося, и не без успеха, врасти в чужую ему по природе большевистскую кожу. Скутаревский на каждом шагу "зло усмехается", "зло глядит", "зло бросает слова". Здесь злоба становится синонимом силы" [с.34]. "Слово "творчество", кстати сказать, стало в России ходячей, модной монетой. Но, вглядываясь пристально в характер этого полубезумного творчества, видишь, что в основе его лежит всегда пафос борьбы" [с.38].

Его же. Новый идол: "Вещь неслыханная, невозможная вчера: в СССР "родина" объявлена священным словом" [с.53].

Его же. Сталинокрапия: "Слово "знатные люди" само по себе уже целая сословная программа" [с.95].

Его же. Будет ли существовать Россия? "Для целых поколений "патриот" было бранное слово" [с.174].

Его же. Тяжба о России: "Качество новой, открывшейся им духовности нам не ясно – оно, вероятно, различно у разных людей, но будем уверены, что под чудовищным прессом революции эта сдержанная, недоступная слову духовность нагнетается от давления, о котором мы, говорящие и болтающие, не имеем понятия" [с.38].

Его же. Религиозный путь Пеги: "Впрочем, "политика" всегда была бранным словом в его устах: ей он противопоставил "мистику", хитрости и дипломатии – жертвенный порыв, веру, энтузиазм" [с.101].

С.Антонов. От первого лица: "Эти феи одно из самых ненавистных мне слов! Хуже газетного "чреватый!" – кричит Алёша Бунин [с.73]. "Святополки и Игори, печенег и половцы, – меня даже одни эти слова очаровывали", – признавался он в "Жизни Арсеньева" [с.74]. "Не надо слов, они придут сами, пускай бессвязные, непонятные, тёмные", – увещевал Н.Русов в 1910 году" [с.76]. "В каждом, самом босом слове присутствует личность Льва Толстого" [с.367].

А.Ремизов. Записка З.Шаховской: "Зайдите, жду в воскресенье, чтобы Вам устно ещё подтвердить моё слово-решение. 21.6.1956".

А.Синявский. Что такое реализм? "Начиная с 30-х годов окончательно берёт верх пристрастие к высокому слогу и в моду входит та напыщенная простота стиля, которая свойственна классицизму. Всё чаще наше государство именуется "державой", русский мужик – "хлеборобом", винтовка – "мечом". Многие слова стали писаться с большой буквы, аллегорические фигуры, олицетворённые абстракции сошли в литературу, и мы заговорили с медлительной важностью и величественной жестикующей" [с.453-4].

Е.В.Тарле. Наполеон: "Именно ему-то [аббату Прадту] император и сказал при свидании свои знаменитые слова: "От великого до смешного только один шаг, и пусть судит потомство" [с.298].

Евг.Гинзбург. Крутой маршрут: "Да, удивительное, опьяняющее это слово действительно носилось теперь в нашем колымском воздухе, перепархивая из уст в уста" ["Скорейшая ребелитация"] [с.12]. "Мне вспомнилось выражение *мясорубка*, которым часто определяли наши исправительно-трудовые лагеря. При виде этих гружёных якутских саней иносказательный смысл слова вдруг заменялся вещественной буквальностью" [с.20]. "... а по сути и мы уже морально мертвы... мы вернулись к обществу варваров... Антон ужасался таким моим мыслям, страстно опровергал их. И я была

счастлива, когда ему удавалось разбить мои доводы. Ведь я швыряла в него такими жёсткими словами, часто отвратительными мне самой, с единственной целью – чтобы он разуверял меня ещё и ещё..." [с.20]. "Ещё не проникло в наши беседы слепящее слово "реабилитация", но уже носится в воздухе отчасти унижительное, но всё-таки желанное – "амнистия" [с.37].

Е.Евтушенко. Не умирай прежде смерти: "В этом вопросе повторялось скользкое, холодное, крысиное слово "тюрьма", которого с той поры мальчик стал бояться всю жизнь" [с.165].

А.М.Панченко: "Лучше бы Грозный этого не писал, потому что слово обладает способностью материализоваться, и эта фраза отлилась ему полной мерой: он как бы запрограммировал сыноубийство за 17 лет до насильственной смерти царевича Ивана Ивановича" [с.86]. "Однако независимо от рубрикаций все самозванцы присваивают чужие имена. В плане культурного генезиса это связано с так называемым "мифологическим отождествлением", то есть с представлением о тождестве обозначения и обозначаемого, слова и твари. В великорусском ономастиконе многие имена имеют устойчивый ореол, что ясно, например, из поговорки: "Одно дитя и то Фома"... Когда Пугачёв в оренбургских степях назначал своих графов, он дал им не только титулы, но и фамилии... Массовая перемена имён в среде революционеров XX века" [с.90].

М.Э.Поснов. История христианской церкви: "Римское единое государство, римская культура – это не были пустые, праздные слова, но понятия с исключительно ценным содержанием" [с.527].

Свящ. Родион. Люди и демоны: "В заключение церемонии посвящённому даётся мантра (тайное санскритское слово), которую он должен непрерывно повторять во время медитации" [с.52].

И.Шифаревич. Социализм как явление мировой истории: "Свободное население острова – Ажаойи – живёт в условиях полной общности. "Моё" и "твоё" – неизвестные им слова. <...> Жители находятся в состоянии невинности, не зная одежды, никакого управления и слов "твоё" и "моё" [с.141]. "Дешан говорит: "Слово "Бог" подлежит устранению из наших языков" [с.154].

Его же. Есть ли будущее у России? ..."страдание", "сочувствие", "деятельная любовь" – все эти старомодные слова вполне пригодны для определения этого столь же старого стремления" [с.282]. "Хайдеггер считает, что индивидуальность человека гибнет в нивелировке и усреднённости, выражаемой непереводаемым немецким словом *тап*, которое создает общество" [с.364]. "Но ведь "Мессия" – не русское слово! Бердяев говорил, что любой мессианизм есть лишь подражание еврейскому" [с.441]

Р.Хайнлайн. Чужак: "Правда, под конец разговора он, кажется, понял самое непонятное человеческое слово. [Бог]. Майкл давно, ещё когда занимался с братом Махмудом, заметил, что длинные слова чаще всего однозначны,

а короткие – очень скользкие и меняют свои значения совершенно непредсказуемо" [с.150]. "Махмуд вмешался в разговор: "Капитан, мне кажется, что Харшоу прав. Я сужу о культуре по языку, а в языке марсиан я не нашёл слова со значением "война". Я не встречал также таких понятий, как "оружие" и "борьба". Если же в языке отсутствует какое-то слово, то, следовательно, в культуре отсутствует соответствующее ему явление" [с.226].

Л.Шерток, Р.де Соссюр. Рождение психоаналитики: "Свободный обмен словами" – к чему сводится лакановское лечение – далеко ещё не доказал свою эффективность" [с.31]. "Бенедикт также употреблял слово "мистический" по отношению к гипнозу, однако между французским *mystique* и немецким *mystisch* имеется различие в смысле, о котором речь пойдёт далее" [с.160]. "... иллюзорность веры в то, будто свободного обмена словами достаточно для того, чтобы устранить симптомы и излечить больного" [с.247].

Т.В.Гамкрелидзе. Бессознательное и проблема структурного изоморфизма между генетическими и лингвистическими кодами: "Поскольку можно составить всего 64 комбинации из четырёх исходных элементов по три, генетический "словарь" состоит из 64 "слов", из них три представляют собой "знаки препинания", маркирующие в последовательности нуклеиновых кислот начало и конец "фразы", а остальные соотносятся с одной из 20 аминокислот" [с.103]. "При этом становится очевидным, что всё живое на Земле обладает "знанием" генетического кода (в смысле способности правильно считывать генетическим "слова", составляющие содержание генетической информации, и синтезировать соответствующие протеиновые последовательности)" [с.104].

Понятно всем, что наш язык (речь) состоит в первую очередь из слов. Хотя как это "состоит"? Если хотите, из слов *складывается* язык, слова *принадлежат* языку. И слова как бы *составляют* некую основу языка. Как это? К этой мысли, в этой фразе, не то что трудно, но и не так уже и просто подобрать "соответствующий" предикат-характеристику, глагол-сказуемое. Чтобы выразить отношение между отдельным элементом и системой (совокупностью), между словом и языком, надо вникнуть в суть понятий. Мало сказать, что язык и есть его слова – это неточно, – или в языке есть слова. Как это "есть"? Имеются? Находятся? Образуются? Развиваются? И что именно, какие компоненты, есть в языковой системе? Всё это в одном и разное, не то же самое.

Слишком уж общие и неопределённые обозначения взаимосвязей между двумя однородными и ключевыми понятиями, точнее, всего-то на всего названий (имён) на основе каких-то представлений о языке и слове. Масса слов (массив) образует язык. Как именно, как деревья в лесу? Муравьи в муравейнике, пчёлы в улье. Это очень примитивная модель, поверхностное и слиш-

ком грубое сравнение. В случае с лесом и деревьями, как и с языком слов, не всё так элементарно и просто. Нечего явления сравнивать механически и предметно, если они организмы и процессы, – и язык, и слова в постоянном развитии, взаимосвязи и взаимообусловленности. В них не только своя анатомия и морфология, но и своя энергетика, физиология и деятельность.

Некое таинственное и сверхъестественное энергетическое устройство, которое функционирует и используется в жизни человеческого сообщества в определённых целях, определяя и связывая всех нас. Слов в нашем языке неопределённое множество, да и самих языков, диалектов и стилей, в окружающем мире, наполненном разными существами и голосами, чрезвычайно много. Очевидно, некое множество единиц и их некая структурная целостность – слова, словарь и язык (речь, стиль) – образуют нерасторжимое единство и связку, макро- и сверхобъединение. Словарь и язык имеют материальную и духовную природу, а также и, безусловно, явно загадочное происхождение и назначение.

Слов не просто бесконечно много в каждом языке, которых в свою очередь также немало в этом мире, массив их постоянно развивается и изменяется в использовании. Сложный языковой организм, включая и богатое разнообразие лексики, существует и живёт в определённой (неопределённой) среде общения и сообщения. Жизнь их подчиняется неким законам дыхания и подчиняется космическим ритмам.

Слово – это много чего, самого разного, не только обозначение вещи и название предмета, имя существа или сущности, но и по сути своей отношение, и оценка чего-то, и объяснение, и характеристика, и определение, и ещё многое другое выражается именно с привлечением его. Слово – мнение и взгляд, мысль и понятие, сопоставление и сравнение. Так или иначе, со словом соотносится некоторым образом, во всяком случае, никак не обходится без него, обращение и призыв, мольба и благодарение, приглашение и протест, приказ и наказ, согласие и отказ, утверждение и отрицание, мольба и просьба, соболезнование и сочувствие, восклицание и восхищение, восторг и радость, боль и стон, нитьё и обида, жалоба и жалость, ирония, смех, юмор, дразнилка. В слове, естественно, порыв, решимость и воля.

Вокруг русского "*слова*", внутренние и внешние связи, смысловое пространство: аббревиатура агитка анафема анекдот аннотация анонимка архаизм афоризм басня безымянность беседа Библия благовестие благовещение благодарение благодарность благолепие благословение бог богослов богословие богослужение богохульство божба болтливость болтовня болтун бормотанье брань бред ведун вера вероучение вербализация версия вестник весть вещун внушение возглас возражение волеизъявление вопрос воспоминание восхваление вывод выговор выписка выражение высказывание выступление гимн гипноз глагол глашатай глоссарий глупости говор голос грам-

матика девиз декламация декларация дерзости диалектизм диавол (клеветник) диалог дидактика диктант диплом дифирамбы добро доводы догма догматика договор договорённость доказательство доклад документ донесение донос дополнение дословно достижение Евангелие единица ересь жалоба жаргонизм заблуждение заверение завет завещание заговор заголовок заика заикание заказ заклинание заключение заклятие закон заметка замечание записка заповедь запрет заявление звание звук здравица златоуст злорадство злословие знак зов игра идея идиома иероглиф изложение изображение изречение императив имя инкогнито иносказание интервью интерпретация интрига искушение исповедь истерика история казуистика категория клевета клеветник кликуша клич кличка клятва книга колкости команда компиляция комплименты конспект контекст контакт косноязычие кошунство краснобай красноречие кредо критика легенда лексика лексикон лекция лепет лесть лжесвидетельство литература лицемерие логомахия (игра слов) Логос ложь лозунг мадригал максима мантра (тайное санскритское слово) мартиролог мат материя междометие местоимение метафора метонимия миф мнение многозначность многословие молва молитва молитвословие молчание монолог моносемия мудрость музыка мысль мышление наветы наговор название наказ намёк напоминание нареkanie наречие насмешка наставление некролог немой немота неологизм несогласие новость нота нотация нравоучение обвинение обещание обзор обида обман обозначение обозрение обращение общение объяснение однозначность одобрение окказионализм оксюморон омоним описание оправдание опровержение орфография орфоэпия оскорбление острослов остроты остроумие осуждение отвержение ответ отзыв отказ отклик отлучение отречение отчество парадокс пароль пасквиль патетика пафос пауза перебранка переговоры перенос пересказ пересуды перетолки перечень перечить перо песни писание писанина письмо плач повеление повествование повесть повторение поговорка подбор подсказка подслушивание подтверждение позволение поздравление показание покаяние поклёп полемика полилог полисемия полунамёк полуслово поминки поминовение понятие порицание послание послесловие пословица поучение похвала похвальба почтение поэзия поэма правда правописание празднословие предикат предсказание предсказатель предисловие предлог предложение предмет предписание предсказание представитель предупреждение преамбула прения препирательство пререkanie прибаутка привет приветствие приговор призвание признание признательность призыв приказ прилагательное присловье присяга притча приход провозглашение провокация проговориться программа проза прозвище произношение прокламация проклятие пролог проповедь пророк пророчество просторечие пространство просьба прошение прощение проявление псалом псевдоним публикация пуризм пурист пустослов пустословие разговор разрешение разум рапорт раскаяние рассказ рассуждение редакция

резонёр резонёрство ремарка репетиция реплика рефлексия рецензия речь решение рифма рок роман ропот рассказни ругань ругательство русизм ручательство сальность самодеятельность сварливость свидетельство сентенция символ синекдоха синоним сказ сказание сказанное сказка скандал сквернословие слава славословие словарь словесность словник словоблудие словоизвержение словоизменение словообразование словоохотливость словопрения словопроизводство словосложение словосочетание словотворчество словоупотребление словоформа словцо слоган слухи слушание смысл собор совет совещание советизм согласие соглашение сознание сообщение сословие софизм сочинение сплетня спор сравнение ссора статья стиль стих строка строчка строфа суесловие суждения существительное сцена тавтология тезис текст телеграмма тема термин тирада толкование тон тост убеждение уверение увещание уговор угроза указ укор ум умолчание упоминание упрёки условие условность уста утешение утверждение учение фамилия фигура филолог филология флирт формула фраза фразеология фразёрство хвала хвастовство хвастун ходатайство хула цинизм цитата человек число членораздельность чтение шёпот штамп шутка эвфемизм эмблема эпиграмма эпиграф эпилог эпитафия эпитет эстрада язык.

Сколько же в русском языке подобных слов и понятий, которые по смыслу связаны с самим словом, то есть в содержании которых брезжит и мигает сема 'словесность', и, следовательно, понимание, определение или толкование которых, естественно, предполагает учёт и опору на этот первоначальный смысл, как компонент семантики, как на самую элементарную составную часть лексического значения.

Слово до самого конца не раскрываемо и непереводаемо. Самство – эгоизм, тщеславие.

Слово – спор, с. – подсказка, с. – повод, с. – толчок, с. – вызов, с. – приглашение, с. – обмен, с. – подарок, с. – образец, с. – загадка, с. – стимул, с. – награда, с. – оскорбление, брань, ругань, мусор, грязь. Слово, и другое вокруг нас и с нами, как изречение, высказывание, мысль, обращение и общение, то, что связано с жизнью и нашей деятельностью, с материальным и духовным миром, с человечеством, – по природе своей амбивалентно, противоречиво, двойственно. В потенциале в нём заложено разное, предполагается и добро, и зло, как одно, так и другое, противоположное. Уж раз исходит от нас, грешных, – то не абсолютно, не идеально, несовершенно.

Платон. Диалоги; Сочинения платоновской школы. М., 2007. 496 с.

А.Ф.Лосев. Ранние диалоги Платона.

"Сократ впервые столкнулся с тем, что слова и понятия, которые мы обычно употребляем в повседневной жизни, требуют глубокого анализа, что в них есть и существенная и несущественная сторона, что имеются бо-

лее общие и более частные понятия и что для философа интереснее всего находить в определённых человеческих представлениях как раз их более общие и более существенные корни" [с.7]. "Люди, по Платону, пользуются разными словами, смысл которых им самим неясен; и люди эти либо весьма беспомощны в искании истины, либо вовсе её не ищут. Самое же главное для жизни – это уметь философствовать. А самое главное в философии – это не путаться во взаимно изолированных предметах, но находить их общность, и по возможности более высокую, предельную общность" [с.13].

Евтидем.

"– Для каждой существующей вещи есть свои слова? – Конечно. – Слова ли о том, что каждая вещь существует или же нет? – О том, что существует" [с.124].

"...я уверен, тебе было бы очень стыдно за своего приятеля: уж очень он был нелеп в своём стремлении пойти в обучение к людям, совершенно не задумывающимся над своими словами и имеющим на всё готовые возражения" [с.152]. "*Критон*. Ну и как, Сократ? Кажется тебе, дело они говорят? Ведь в их словах есть всё-таки какая-то видимость истины" [с.153].

Гиппий меньший.

"*Гиппий*. Эти слова раскрывают характер каждого из мужей, а именно правдивость Ахилла и его прямооту, а с другой стороны, многоликость и лживость Одиссея" [с.158].

"*Сократ*. ...но по всегдашней своей привычке я, когда кто что-либо говорит, стараюсь вдуматься в это, особенно если говорящий кажется мне мудрецом; стремясь понять, что он говорит, я исследую, пересматриваю и сопоставляю его слова с целью познания" [с.165].

Алкивиад I.

"*Сократ*. Но попробуй мне подражать. Мои слова означали тот вид, который являет собой совершенство: совершенно то, что делается в соответствии с правилами искусства" [с.183].

Лахет.

"*Лахет*. Когда я слышу какого-либо мужа, рассуждающего о добродетели или какой ни на есть мудрости, и он при этом настоящий человек и достоин своих собственных слов, я радуюсь сверх меры, видя, как соответствуют и подобают друг другу говорящий и его речи. При этом мне такой человек представляется совершенным мастером музыки, создавшим прекраснейшую гармонию, но гармонию не лиры и не другого какого-то инструмента, годного для забавы, а истинную гармонию жизни, ибо он сам настроил свою жизнь как гармоническое созвучие слов и дел.<...> Такой человек звучанием своей речи доставляет мне радость, и я начинаю казаться всякому любителем слов – настолько впечатляют меня его речи. Тот же, кто действует противоположным образом, доставляет мне огорчение, и, чем лучше кажется он говоря-

щим, тем огорчение это сильнее, что и заставляет меня казаться ненавистником слов. Сократовых же речей мне не случалось слышать, но прежде, как мне кажется, я узнал о его делах и тогда счёл его достойным произносить прекрасные слова со всевозможной свободой" [с.243].

"*Сократ.* Значит, если бы кто спросил меня: "Сократ, как ты понимаешь то, что во всех вещах именуешь проворством?" – я ответил бы ему, что называю этим словом способность многого достичь за короткий срок – в отношении голоса, бега и во всех остальных вещах" [с.248]. "Итак, по твоим словам, мужество – это разумная стойкость?" [с.249]. "Значит, Лахет, по твоим словам, мы – я и ты – настроены не на дорийский лад: ведь дела у нас не созвучны со словами, потому что кто-то сможет, если подслушает наш разговор, сказать, что на деле мы с тобою причастны мужеству, на словах же – нет" [с.250]. "

Сократ. Мой Никий, приди же на помощь, если ты в силах, своим друзьям, терпящим невзгоду в словесной буре: ты видишь, в каком мы сейчас затруднении. Сказавши нам, что именно ты считаешь мужеством, ты освободишь нас из пут и подкрепишь своим словом то, что ты мыслишь" [с.251]. "Однако, достойнейший мой, чем больше доверяют защитнику, тем более должен он быть разумным. И мне кажется, Никий заслуживает, чтобы мы рассмотрели, что он имеет в виду, когда произносит слово "мужество" [с.256].

"*Лахет.* У меня привычка, Сократ, не отступать; и хоть я и не искущён в подобных речах, однако сказанное задело меня каким-то образом за живое, и я негоую при мысли, что не могу выразить в словах то, что у меня на уме. Мне кажется, я понимаю, что такое мужество, и не знаю, каким образом оно от меня только что ускользнуло, так что я не могу схватить его словом и определить" [с.251].

"*Лахет.* Ведь если бы нам надо было держать ответ в суде, мы уж нашли бы для этого нужные слова. А вот теперь, в подобной частной беседе, зачем это нужно бесцельно тратить слова, чтобы выставить себя в лучшем свете?

Сократ. Мне тоже кажется, что это ни к чему, Лахет. Однако давай посмотрим, не считает ли Никий, что он вовсе не держит речь ради красного словца, но говорит дело" [с.254].

Евтифрон.

"*Евтифрон.* Но мне как-то представляется, Сократ, что такая насмешка прямо относится к сказанному: ведь не я вложил в наши слова эту способность блуждать и не оставаться на месте, но именно ты кажешься мне Дедалом. У меня-то они уже стояли твёрдо.

Сократ. Боюсь, мой друг, я окажусь искуснее этого мужа: ведь он придавал подвижность только своим творениям, я же – не только своим, но похоже, что и чужим. Однако особая тонкость моего искусства заключена в том, что я

мудр поневоле: ведь больше, чем обладать искусством Дедала да ещё вдобавок и богатством Тантала, желал бы я, чтобы мои слова оставались твёрдо водружёнными на месте. Но довольно об этом. Поскольку, мне кажется, ты слабоват, я сам постараюсь показать тебе, как надо мне разъяснить благочестие; но смотри, не падай духом прежде времени. Ну вот, не думаешь ли ты, что всё благочестивое необходимо должно быть справедливым?" [с.276-7].

"Сократ. Значит, вот оно что такое, благочестивое, – это угодное богам. <...> И после всего этого ты удивляешься тому, что твои слова как бы не стоят на месте, но бродят вокруг да около, и обвиняешь меня в том, что я, как Дедал, заставляю их так бродить, а сам куда искуснее Дедала гоняешь слова по кругу! Или ты не замечаешь, что наше рассуждение, описав круг, вернулось к исходной точке?" [с.282-3].

Лисид.

"А разве это не безвкусица, когда слова и песни не очаровывают, но лишь возбуждают" [с.287]. "Ты прав, клянусь Зевсом, – сказал Гиппотал. – Это было бы страшной бессмыслицей. Но раз так, я хочу посоветоваться с тобой, Сократ: если тебе что-либо известно на этот счёт, скажи мне, с помощью каких слов и действий можно стать милым своему любимцу" [с.288]. "Быть может, согласно древней поговорке, нам мило прелестное: слова эти напоминают что-то лёгкое, гладкое, лоснящееся; возможно, поэтому-то они от нас всячески ускользают" [с.303].

Минос. Сократ и его друг.

"Сократ. Значит, по-твоему, и слово – это то, что говорится, и зрение – то, что видится, и слух – то, что слышится? Или же слово и то, что говорится, это разные вещи, точно также как различны между собою зрение и то, что видится, или слух и то, что слышится? Разве не разные вещи закон и то, что узаконено? Так ли ты считаешь или иначе?

Друг. Да, сейчас мне представилось, что это разные вещи" [с.371].

"Сократ. Ведь нет ничего более кощунственного и требующего наибольшей воздержанности, чем оскорбление богов словом или делом; во вторую очередь надо остерегаться оскорблять божественных людей. Всегда нужно соблюдать великую осмотрительность, если ты намерен выразить порицание или воздать хвалу человеку – дабы не ошибиться. Во имя этого надо учиться различать достойных и скверных людей" [с.381].

Соперники.

"Сперва мне показалось, что в словах его что-то есть, и, немного поразмыслив, я спросил, считает ли он философией многознание? А он: "Конечно", – говорит. – Ну а считаешь ли ты философию только прекрасным делом или же ещё и благим? – спросил я" [с.387].

Определения.

"Благородство – добродетель возвышенного нрава; восприимчивость души к словам и делам" [с.401]. "Клевета – внесение разлада между друзьями с помощью слова" [с.406]. "Внушение – наставительное слово, основанное на убеждении; речь, произносимая для отвращения от проступка". "Потенция – мощь в деле и слове; способность, обладатель которой могуществен; природная сила" [с.407].

Примечания.

"Продик Кеосский (род. ок. 470 г.), софист с о-ва Кеоса, в отличие от других софистов проповедовал необходимость морального совершенствования. Для него характерен также интерес к синонимии и толкованию многозначности слова, которое, по его мнению, отражает смысловую глубину жизни" [с.414]. "Аспазия с её тонким знанием общества и людей разных типов и слоёв вполне могла советовать, как воздействовать речью на слушателя, сделав слова убедительными" [с.421].

"В древности верили, что *заклинаниями* можно лечить болезни. Это представление основано на действительном наблюдении: определённым образом подобранные слова, воздействуя на психику, помогают больному справиться с физическим недугом. Лекарь – тот, кто правильно подбирает слова (корень слова "лек" указывает на выбор чего-то и затем собирание в целое, т.е. на произнесение и чтение вслух); лечить – воздействовать с помощью правильно подобранных слов (ср. *лат.* *lego* – читаю, собираю, *elegans* – избранный и т.д.)" [с.479].

Платон. Диалоги; Сочинения платоновской школы. М., 2007.

Морфология "слова" (падежные формы):

1 – 11, 2 – 21, 3 – 8, 4 – 11, 5 – 16, 6 – 8. 11 – 33, 12 – 31, 13 – 31, 14 – 39, 15 – 25, 16 – 16. = 250.

Синтаксис "слова". Контексты и словосочетания: подлежащее – сказуемое.

S-P: внушение, конец, цель, пример, разные вещи, истинны, правильны, таково, то (что говорится), это; были, есть, имеются (в виду), напоминают (загадку) 2, означает/ют/ли ("беседы") 4, остаются/ лись (водружёнными), относятся 2, подчёркивают (иронический характер), помогают (больному), принадлежат, пришло (на память), пропадёт даром, раскрывают (характер), соответствуют, состоит, стоят на месте;

направлены, образовано от, обращены, сказаны (относительно событий).

Генетивные конструкции (Слово → кого-чего).

Nn2: Алкивида 2, Алеманта, Ахилла, Гераклита, других, Крития, Ксенофонта, Лахета, лисицы, мальчика, Менексена, Одиссея, Платона, поэта, реплики (Сократа), родича Солона, Сократа 5, Федра.

Генетивные конструкции (Кто-что → слова).

nN2: автор, близость, доказательство, значение 3, игра 2, истинность, корень, лавина, любитель, многозначность, ненавистник, образчик, перевод, с помощью, подтверждение, свидетельство 2, смысл 6, созвучие, толкование 2, нет.

Переходный глагол > прямое дополнение (что делать > объект: слово).

VN4: брать, бросать 2, вводить, вернуть, возводить, воспринимать, вспоминать/вспомнить 2, вызывать, выслушать, говорить 2, гонять, заменять 2, изрекать, истолковать, молвить, найти, одобрить, осмыслить, памятовать, перифразировать, перехватить, подбирать, подставить, подтвердить, понимать/понять 4, предоставить, произносить/произнести 5, сделать (убедительными), сказать, слышать 2, сопоставлять, толковать, тратить, требовать (анализа), услышать 4.

Определения слова (какое/ие слово/а).

aN: близкие, вежливые, верное, властное, высокопарные, гласящее (что) 2, горделивые, греческое 2, дальнейшие, другие 5, его 14, заключительные 2, знаменитые, известные, иное 2, иронические, их 2, какие 2, какие-то, кощунственные, красное (словцо), меткое, моё/мои 14, наставительное 2, наше/наши 8, нужные, обращённые (к Ахиллу), обычные, первые 2, подобранные (правильно) 2, последние 2, потрясающие, похвальное 3, прежние 2, прекрасные, пустые, разные, своё/и 7, сказанные, слышанные мною, собственные, такие/ое 7, твоё/и (словечко) 29, те 3, теперешнее, увещательное 2, удивительное, хвалебное, чужие, чьё, чьи-то, это/и 34.

Слово/а и что: и действие, и дело 4, и песни, и положения, и понятия, и то (что говорится).

Слово/а или что: или дары, или дело, или иное.

Количество слов: одно 6, пятьдесят, столько.

Конкретизация, или уточнение, слов (о чём и др.): о благодарности, о необходимости (учения), о смерти, о том (что) 2, о трудности, относительно дружбы, к сыновьям, по душе.

Слова (какие именно): "аристократия", "даймон", "делать", "заниматься" 2, "здравствуй", "зло", "знать" 2, "мужество", "скверно", "Сократ", "со-трапезник", "соучастник забав", "трудиться", "учиться" 2.

Слова: oaristes – собеседник, сотоварищ 2, oaroi, pelas, telos.

Слова-цитаты: "...вижу силу нашего города, как бы он не одолел и тебя, и меня"; "Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который долго скитался..."; "наилучшее – вода", "О богам я не могу утверждать ни что они существуют, ни что их нет".

Как видим из одного в общем случайного примера, "слово" много чего самого разного может значить у нас. И в нашем языке насчитывается множество (сотни тысяч) их разной природы. Во многих отношениях слова разнородны и в чём-то неравноценны, и все они усваиваются нами, носите-

лями языка, социально и постепенно, лишь по мере и относительно потребностей общения, познания и сообщения. Слово (язык) – одно из важнейших составных частей, или слагаемых, человеческого сознания (мысли) и исторической подоплёки жизни человечества как сообщества высших, духовных существ, развивающихся в географическом пространстве и в геологическом срезе времени. Важно представить себе объём и мощь словесности, сколько у нас в языке каких слов.

Знаковое многообразие "слова" в речи – предмет нашего исследования, – и оно рассматривается нами поэтапно, последовательно и с самых разных сторон. В плане осмысления семантики "слова" нас занимает не в последнюю очередь вопрос словоупотребления, окружения и контекста его, в некотором достаточном массиве текстов вполне авторитетных и состоятельных литературных источников, признанных авторов и их произведений. При описании и осмыслении содержания языкового знака первостепенное значение для нас имеет разработка контекстовой методики применения и описания нашей словесности.

У каждого мыслителя свой взгляд на мир, на вещи и жизнь, собственно понимание и предпочтения, и проявляются они в рассуждениях, которые обнаруживаются в литературе, и мы воспроизводим чужие мысли и высказывания, или цитируем авторов, так или иначе сами обогащаясь культурой, то есть литературными и оригинальными знаниями.

Иммануил Кант. Метафизика нравов. М., 2007.

"*Лицо* – это тот субъект, чьи поступки могут быть ему *вменены*. *Моральная* личность, следовательно, – это не что иное, как свобода разумного существа, подчиняющегося моральным законам (психологическая же личность – это лишь способность осознания тождества самому себе в различных состояниях своего существования); отсюда, далее, следует, что лицо подчинено только тем законам, которые оно (само или по крайней мере совместно с другими) для себя устанавливает. *Вещь* – это предмет (Ding), которому ничего не может быть *вменено*. Поэтому любой объект свободного произвола, сам лишённый свободы, называется вещью (res corporalis)" [с.65-6].

"...таково понятие *денег* в противоположность всем остальным отчуждаемым вещам, а именно *товару* в рубрике *купли и продажи*, или же понятие *книги*. Но мы ясно увидим, что указанное понятие величайшего и самого ходового из всех средств *обмена* между людьми и вещами, называемого *куплей-продажей* (торговлей), равно как и понятие книги как средство величайшего обмена мыслями, легко превращается в чисто интеллектуальное отношение, и таким образом таблица чистых договоров может и не быть засорена эмпирической примесью.

Что такое деньги? *Деньги* – это вещь, *пользование* которой возможно лишь потому, что её *отчуждают*. Это хорошая *номинальная дефиниция* денег (по Ахенвалю), а именно она достаточна для различения этого рода предметов произвола от всех других; но эта дефиниция не разъясняет нам возможность подобной вещи" [с.140]. "На этом основании можно пока дать такую *реальную дефиницию* денег: деньги – это всеобщее *средство взаимного обмена труда* (Fleiss) *людей*; таким образом, национальное богатство, поскольку оно приобретено посредством денег, есть, по существу, лишь сумма труда, который люди уплачивают друг другу и который представлен обращающимися в народе деньгами" [с.141].

"Что такое книга? Книга – это сочинение (здесь безразлично, написано ли оно пером или напечатано, много в нём страниц или мало), представляющее речь, обращённую кем-то к публике в зримых знаках языка. – Тот, кто *обращается* к публике от своего собственного имени, называется сочинителем (autor). – Тот, кто в сочинении публично выступает от имени другого лица (автора), есть *издатель*. <...> Сумма всех копий оригинала (всех экземпляров) представляет собой *издание*" [с.144]. "Государство (civitas) – это объединение множества людей, подчинённых правовым нормам" [с.170].

"Жизнь, как бы тягостна она ни была, *неоднородна* со смертью; стало быть, нет и иного равенства между преступлением и возмездием, как равенство, достигаемое смертной казнью преступника, приводимой в исполнение по приговору суда, но свободной от всяких жестокостей, которые человечество в лице пострадавшего могло бы превратить в устрашение" [с.195]. "...честный человек выберет смерть, мошенник – каторгу, – таково свойство человеческой души. Ибо первый знает нечто такое, что он ценит выше самой жизни, а именно *честь*; другой считает, что покрытая позором жизнь всё же лучше, чем небытие (animam preferre pudori. Ювенал)" [с.196].

"Если кто-то не может доказать, что вещь существует, то пусть он попробует доказать, что она не существует. Если же ни то ни другое ему не удастся (весьма частый случай), то он может ещё спросить: *заинтересован* ли он в *принятии* того или другого положения (с помощью гипотезы), и если да, то в теоретическом или практическом отношении, т.е. для того ли, чтобы только объяснить себе некоторое явление (как, например, для астронома обратное движение или неподвижность планет), или же для того, чтобы достигнуть определённой цели, которая в свою очередь может быть либо *прагматической* (чисто технической целью), либо *моральной*, т.е. такой, поставить перед собой которую есть максима, а сама максима есть долг" [с.119-20].

"Любой факт есть предмет в *явлении* (чувств); напротив, то, что может быть представлено только чистым разумом, что должно быть причислено к *идеям*, адекватно которым не может быть дан в опыте ни один предмет, – а таково совершенное *правовое устройство* у людей – это вещь в себе"

[с.241]. "Если относительно какого-то предмета существует *философия* (система познания разумом из понятий), то для этой философии должна также существовать система чистых, независимых от всяких условий созерцания понятий разума, т.е. некая *метафизика*" [с.243].

"Слово *совершенство* часто толкуется ложно. Иногда оно понимается как принадлежащее трансцендентальной философии понятия *целостности* многообразного, которое, взятое в целом, составляет *вещь*, а [иногда] также как принадлежащее *телеологии* понятие, которое означает согласие свойств вещи с некоторой *целью*" [с.257].

"В самом деле, совесть – это практический разум, напоминающий человеку в каждом случае [применения] закона о его долге оправдать или осудить". "*Бессовестность* не отсутствие совести, а склонность не обращать внимания на суждение её" [с.273]. "Сознание *внутреннего судилища* в человеке ("перед которым его мысли обвиняют и прощают друг друга") есть *совесть*" [с.312]. "Глубины человеческого сердца непостижимы" [с.323].

"Но передача своих мыслей другому в словах, которые (умышленно) содержат как раз противоположное тому, что при этом думает говорящий, есть цель, прямо противоположная естественной целесообразности его способности сообщать свои мысли, стало быть, отказ от своей личности и лишь обманчивая видимость человека, а не сам человек" [с.302-3].

"Для того чтобы объявить неприемлемой ложь (в этическом смысле слова) как преднамеренную неправду вообще, она необязательно должна нанести *ущерб* другим, ведь тогда она была бы нарушением прав других. Причиной лжи может быть и легкомыслие или даже добродушие; более того, при помощи лжи можно преследовать действительно добрую цель; но сам способ следовать лжи в одной только форме есть преступление человека по отношению к своему собственному лицу и подлость, которая должна делать человека достойным презрения в его собственных глазах" [с.303].

"Обычные сплетни (*obtrectatio*), или злословие, под которым я подразумеваю не *клевету* (*contumelia*), т.е. *навет*, за который привлекают к суду, а лишь непосредственную, не преследующую никаких определённых целей склонность распространять вредные для уважения к другим слухи, противны вытекающему из обязанности уважению к человечеству вообще: каждый такой наговор умаляет это уважение, на котором покоится побуждение к нравственно доброму, и стремится подорвать веру в него" [с.345-6].

"Изложение же [доктрины] может быть либо *акроаматическим*, когда все, к кому оно обращено, только слушатели, или же *эротематическим*, когда учитель учит с помощью вопросов, которые он задаёт своим ученикам; в свою очередь этот эротематический метод делится на *диалогический* способ обучения, когда вопросы учителя обращены к *разуму* учеников, и на *катехизический*, когда они обращены лишь к *памяти*. В самом деле, когда

один человек хочет получить ответ от разума другого, то это может произойти лишь в виде диалога, т.е. учитель и ученик спрашивают *друг друга* и отвечают *друг другу*" [с.357].

"...причём *разучиться* со временем становится гораздо труднее, чем *научиться*" [с.359].

"Протагор из Абдер открывает свою книгу следующими словами: "*Существуют боги или нет – об этом я ничего не могу сказать*". За это он был изгнан афинянами из города и из своих владений, а книги его были публично сожжены" [с.367].

М.М.Филиппов. Иммануил Кант (предисловие).

"Все подозрительные люди провозглашались врагами религии, атеистами, якобинцами и демократами; даже слово "просветитель" стало бранной кличкой в устах этих обскурантов" [с.22]. "Очевидно, что мир – величина вполне неопределённая – никогда не может быть нам дан в целости, а поэтому одинаково нелепо утверждать, что "мир как целое" конечен или бесконечен. Мир сам в себе нам вовсе не известен, а мир как ряд явлений есть *величина неопределённая*, постоянно колеблющаяся в зависимости от суммы опыта, стало быть, не конечная, но и не бесконечная, ибо никакого мерила "величины мира" у нас не существует" [с.37].

Иммануил Кант. Метафизика нравов. М., 2007. 400 с. (Статистика падежей и сочетаний).

Морфология "слова" (падежные формы):

1 – 11, 2 – 17, 3 – 0, 4 – 2, 5 – 13, 6 – 0; 11 – 2, 12 – 5, 13 – 10, 14 – 6, 15 – 8, 16 – 2. = 76.

Синтаксис "слова". Контексты и словосочетания: подлежащее – сказуемое.

S-P (сказуемые): были, истолковываемо, напечатано, обрело славу, означает, отсюда, показывает, может привести к мысли, принадлежало, происходит, стало кличкой, толкуется.

Сочетание слов. Генетивные конструкции (Слово – кого-чего). **Nn2:** Галлера, Канта 7.

Генетивные конструкции (что – слова). **nn2:** в отношении, перевод, синоним, смысл 13, толкование.

Переходный глагол – прямое дополнение (что делать – объект: слово). **vN4:** вкладывать, забывать, записать, написать, приписывать 2, проронить, употреблять.

Определения слова (какое слово). **aN:** библейское, древнегреческое, другие 2, его 5, иное/ые 3, красноречивые, латинское, моё, обыкновенные, одно 8, первое, последние, резкое, свои, следующее 2, собственное, то, это/и 14.

Сочетания: слова и выражения, слово или дело 2,

Слова (какие именно): "бесстрашие", "вещное право", "вне меня", "одновременно", "просветитель", "совершенство", "трансцендентальный"; "Alteren", "intellectualis quaedam constructio", "Potentatem", "Sinn", "Tugend", "Untugend". Слова: "Я желаю иметь друга не для того...", "Жизнь человека длится 70 лет, много 80".

О.И.Масляев. Психология человека. Днепропетровск, 1998.

Д.Леви считает, что "и "пространственное" правое, и "временное" левое полушария обладают способностями, позволяющими им вносить важный вклад в большинство видов когнитивной деятельности"³⁷ [с.177].

Это различие сводится к принципам составления связного контекста из отдельных элементов информации: левополушарное мышление из этих элементов создаёт однозначный контекст, то есть из всех бесчисленных связей между предметами и явлениями оно активно выбирает только некоторые, наиболее существенные для данной конкретной задачи. Правополушарное же мышление создаёт многозначный контекст благодаря одновременному охватыванию практически всех признаков и связей одного или многих явлений. Иными словами, логико-знаковое мышление вносит в картину мира некоторую искусственность, тогда как образное мышление обеспечивает естественную непосредственность восприятия мира таким, каков он есть.

Описанная концепция фундаментальных различий между лево- и правополушарной стратегией переработки информации имеет прямое отношение к формированию различных способностей человека. Так, для научного творчества, то есть для преодоления традиционных представлений, необходимо восприятие мира во всей его целостности, что предполагает развитие способностей к организации многозначного контекста (образного мышления). И действительно, существуют многочисленные наблюдения, что для людей, сохраняющих способности к образному мышлению, творческая деятельность менее утомительна, чем рутинная, монотонная работа. Люди же, не выработавшие способности к образному мышлению, нередко предпочитают выполнять механическую работу, причём она им не кажется скучной, поскольку они "закрепощены" собственным формально-логическим мышлением. Отсюда ясно, как важно с ранних лет правильно строить воспитание и обучение, чтобы оба нужных человеку типа мышления развивались гармонично, чтобы образное мышление не оказалось скованным рассудительностью, чтобы не иссякал творческий потенциал человека" [с.178-9].

³⁷ Красота и мозг. Биологические аспекты эстетики (пер. с англ.). Д., 1995, с. 234.

"При этом "леворукие" называли широкий круг причин <...>, кроме единственно верной. В основе же такого стресса лежит, как правило, невозможность "правомозговой" личности ("левши") приспособиться к другому миру – миру, который является "лево мозговым" [с.186].

Безусловно, что всё спорно в той или иной мере. Живём мы и осознаём себя в этой жизни относительно хорошо и относительно плохо. Ключевое слово здесь – "относительно", или сравнительно и условно, как договоримся. Для одного добро есть добро, зло есть зло, а для другого добро есть зло, а зло есть добро. Да – это да; а вот нет – это нет. Спорно или бесспорно? Но иногда да – это нет, а нет – да. Если есть нечто спорное, то, значит, должно быть и нечто бесспорное. Спорное, как и бесспорное, относительно тоже. В самом деле или конвенционально.

За утром – день, потом вечер, там ночь, за ночью вновь утро. Круговорот в природе. Всё это договорённости. Условность условна или же безусловна? А достигим ли некий идеал (абсолютное понятие)? И всё-таки, если речь о реальных вещах, то чаще приходится говорить конкретно: где, когда, как, какой он, тот факт или идеал, и что именно это? "Удовольствие, красота, добродетель, благо, мудрость, истина – всё это предмет ловли для философа, как дичь для охотника" (А.А.Тахо-Годи. Примечания//Платон. Диалоги. М., 2007, с.439).

Мы добиваемся, так или иначе, какого-то стандарта и качества жизни, достигаем какого-то уровня понимания и взаимопонимания. Если всё относительно, то, в конце концов, как всё-таки до чего-то случается договориться, если случается. Практически часто каждая спорящая сторона почему-то остаётся при своём мнении, подчас никому никого не переубедить, логика не работает, у каждого своя вера или убеждение, и эта вера (убеждение) порой больше разобщает нас, чем сближает, трудно меняется какой бы то ни было взгляд и позиция.

И.К.Стивел

LOGOS

Степенно, противоречиво, сокровенно.

Просматривая рукопись книги **"LOGOS: степенно, противоречиво, сокровенно"**.

Книга служит поводом и стимулом собственно для высоких размышлений. Сообща мы участвуем и наблюдаем за жизнью, развитием и поведением мысли, которая в целом продолжается бесконечно, по нашим меркам, как божественный мир и как дух. В самой основе повествования сотни незаурядных авторов и тысячи их высказываний и вымыслов по случаю всеобщего первоначала. Хочется заранее знать и уловить, чем же задет и обес-

покоен наш дух, что было предположено и заявлено ранее, и какой рисуется современному человеку мудрость, на какой стадии и в какой фазе развития существует главная мысль – о нашем начале, продолжении и конце.

Едва ли не всё, что можно было, сказано когда-то кем-то до нас, однако жизнь и сознание и дальше развиваются или, всё же лучше, только продолжают. И как предугадать и предусмотреть, чего же ещё до сих пор, может, всё же не было отмечено в нашей теме (предмете) и что только предстоит ещё открыть и заявить в ближайшем будущем. Так или иначе, предмет философии расширяется и углубляется, развиваясь при нашем участии, требуя, по меньшей мере, прогноза и последующих комментариев, обсуждения и испытания. Каким видится вообще слово и в чём заключается его роль в жизни? Куда ведёт нас оно и в чём именно его многогранность?

Всякое утверждение касательно слова вызывает вопрос за вопросом. Какими бывают слова, и какими представляются нам, с чем связаны, чему противостоят, что дополняют или же опровергают? Каким образом уточняется мысль и конкретизируется значение слова? Что не обходится без слов, и без чего не обходится само слово? Далеко не всё в нём понятно всем; естественно, многое в жизни вообще и в жизни слова в достаточной мере недоступно каждому из нас. Слова не только разъясняют окружающий мир, раскрывая тайны жизни, но и нередко усложняют их сознательно или бессознательно, так что мы не ведаем определённо и доподлинно, что такое слово, живое и творческое, мёртвое и пропащее.

Книга эта меньше всего учебник по лексикологии, и тем более не катехизис, как и вовсе не поучение или нравоучение. О чём же пойдёт речь когда-нибудь и как будет слагаться наш текст в дальнейшем? Зададимся вопросом, что именно – какой чудесный предмет – озаглавлен и определён выше такими заманчивыми свойствами и характеристиками, как живость и таинственность. И, кроме того, оно ещё рифмуется избирательно, включённое в поэзию и стихосложение. Всех слов в языке много, сверх моих сил, они самые разные, знакомые и незнакомые нам, более или менее публичные и расхожие, есть скрытные, закрытые, а то и вовсе запретные.

И, видимо, мало кто из нас сплошь, от корки до корки, прочитывает словарь, как роман, хотя, должно быть, каждый обращался к разным словникам и вокабулярам, используя их по-своему, когда очень потребовалось. Важно представлять себе, что же нам из всей родной словесности достоверно известно, а что нет. И при этом насколько, в какой мере, в каком качестве усвоено то или иное слово. Во всём этом мире и вокруг нас полно людей, не только нам родные и знакомые, и то же самое со словами в языке, они самые разные, актуальные и потенциальные, есть случайные, есть нормальные. Слова живут, растут и общаются с нами и между собой.

Все слова, очевидно, нужны, хотя и по-своему, по-разному, в той или иной мере. Без одних слов нам никак не обойтись, без других люди всё же обходятся. Мир слов чем-то напоминает человеческое сообщество, а чем-то предметный мир, но больше всего это как бы слепок с библиотеки, сколько там книг, как слов в языке, и расставлены по разделам и полочкам. Мы постепенно осваиваем вещный мир, литературу и вживаемся в общество, множество разных лиц и личностей. Но больше того, слова связаны со всем, они всеохватны, всесветны и вселенны. Слова о чём-то? И о своём одиночестве и неприкаянности тоже.

Слово бывает талантливо и бездарно, отвратительно, когда привлекает внимание, притягивает или же отвращает и унижает. И нередко слова – как духи, порой в них таится и накапливается сила, истина и святость. Однако слово ведь связано не только с высокой истиной, но и с низкой ложью. И что здесь значит "связано" и как именно? Что значит для нас всё то же "слово", в чём же истина, и откуда там ложь? Вопросы порождают всё новые вопросы, уводя нас в бесконечность мысли. Или живут дикари непритязательно, довольствуясь кивками, неполноценными недоответами и полуправдой.

Смотришь, кто-то из нас, скажем, как и нередко сами писатели, едва ли не обходится в жизни, можно сказать, без Бога и совести, без души и чести, но вот без слова, кажется, никому не удастся прожить свой век. Не случайно же, по-видимому, бытие наше и все мы, земляне, осуществляемся (реализуемся) в Слове: и безбожники и верующие, и бессовестные и духовные, и бездушные и разумные, и нечестивые и достойные, все люди и человеки. Нет автора и авторитета без слова, никак невозможно. До тех пор, пока человек был и остаётся существом разумным, сознательным и духовным.

О словах много говорено и рассказано разного и доброго. Однако далеко не всё и всем ясно. Словарь неисчерпаем, как жизнь, которая в нём отражается. Поэтому о словах можно говорить ещё, непрестанно и бесконечно, – вечная тема. Читая книгу, порой человек испытывает радость открытий и другие сложные чувства. Есть мысль вообще и есть конкретное ощущение, и они "есть" по-разному, когда в общем существование, когда конкретно переживание, т.е. ментально и физически. Они слишком значительны и в то же время интимны, и что-то ещё скрывается за пределами слова. Они, помимо всего, раскрываются и расшифровываются. Самые разные, их можно любить и чтить, или презирать, или оставаться к ним равнодушными и безучастными. Слова – искушение. Конечно, не только, но и искушение, большой соблазн.

Что и зачем словеса? Слова – "речения", словосочетание, фраза, цитата, монолог, похвальное слово, рассуждение о чём-то и т.п. Подсказка – это помощь, и в жизни не обойтись без подсказки. Мы вынуждены прислушиваться к словам, или мнению, других, окружающих нас, особенно из числа

опытных и знающих людей. Решая житейские проблемы и задачи, нередко мы бессильны и, нуждаясь в помощи, рассчитываем именно на подсказку со стороны в той или иной мере. "Обида – не то слово". Говоря так, мы ищем и не всегда находим подходящее слово. "И слова его были – кошунство, и хула, и скверная брань" (Ф.Сологуб. В толпе).

Слово никогда не окончательно, и его всегда можно оспорить и продолжить. У каждого слова есть не только своя биография, но и привязанности, своя атмосфера и окружение. Может быть, это в них проявляется его внутренняя сущность, его дух и связь с духовностью. По природе своей слово и всеохватно, и небесспорно, и противоречиво. О слове уже немало известно и сообщено, но вместе с тем многое ещё до конца не разгадано и не раскрыто, ведь оно остаётся сокровенным по самой сути и своему происхождению. До сих пор никому, кажется, ещё не удалось узнать, откуда у землян Слово: то ли от Бога, то ли от Сатаны – и для чего им словесность.

Конечно, не всем всё сразу открыто и доступно, как и не все мы видим, знаем, понимаем и рассуждаем одинаково. Именно поэтому на этом свете люди постоянно соперничают и обо всём непрестанно спорят между собой. В политике спорно всё или, во всяком случае, небесспорно. Нет одного общего решения ни в чём, ни по одному вопросу нет единогласия, нет единомыслия. Мнения – на то и мнения, что они, или то, что кому-то кажется, расходятся, это взгляд, который может быть всегда оспорен, зависит от позиции, интересов и настроения. Это потому, что жизнь человеческая разная, чем-то да отличается, как и сами люди.

Мир слов в чём-то особенный, зависит от их специализации: 1) Слово что делает? Называет и обозначает, именует и символизирует, зовёт, призывает и заывает, лечит и обольщает, отражает и определяет, и много чего другого совершает в этой жизни. 2) Говоря иначе, слово может быть названием, обозначением, именем и т.д. 3) То есть смотря какое слово, а именно? 4) Слово продолжается и сжимается в словосочетание и предложение. И таким образом, если продолжить и уточнить что, то выяснится, кого или что называет, обозначает, именует? 5) Было бы важно собрать воедино группу 'объекты наименований', целый мир вещей и понятий. В своём пределе то вся знаменательная лексика. В конечном счёте, сколько же у нас в языке и в памяти каких слов, наименований и обозначений?

Древние философы – софисты разные – привыкли задавать вопросы и спрашивать себя: "Что такое – х?" (например, корыстолюбцы). В наше время, особенно политикам, явно не хватает той уточняющей и разъясняющей общие смыслы платоники. Потому что современники наши отвыкают думать. Не вникая в суть вещей, не любят напрягать мозги. Не хотят читать, не книжники, глобалисты, всё больше черпая сведения из ущербных аудиовизуальных источников средств довольно массовой информации. Посте-

пенно в мире возвращается недоверие или предвзятость к собственно книжным знаниям. Без них мы всё более поверхностны и легковесней. Такая профанация – свойство современного коллективистского и индустриального образования, более дешёвой культуры, когда талант всё-таки проигрывает очевидной бездарности.

Кто знает и скажет, что такое политика? Это древняя мудрость, или умение, искусство, мастерство, или ремесло, ловкость, специальность и профессия. Это наука и знание о справедливости обустройства мира, гармонизации, разумности и безупречном отношении в обществе. Или опыт и практика, сфера деятельности, как театр, торговля и бизнес. И здесь свои представления о законотворчестве, обман, правда и ложь, а то и порой просто наглая манипуляция общественным сознанием. Сравним политику как практику управления и политологию с экономикой, социологией, юриспруденцией, психологией, методологией. Древние философы отличались от нас, пожалуй, большей рассудительностью и тщательностью суждений, и они могли бы научить нас разумной технике более строгих и логичных умозаключений. Теперь все мы в чём-то более бестолковы и потому пустопорожни и поверхностны. Наши профаны отличаются быстрым и скрытым невежеством, механистичностью ума, исковерканного образованщиной.

"Диалоги Платона" – это своего рода беседы мудрых и уважаемых горожан на самые разные злободневные и умозрительные темы, участвуют в них политики, правители и благородные мужи, авторитеты. Профаны же и невежды, те, что не дружат и не справляются с мудростью, естественно, проходят мимо и не привлекаются. Там в ходу такие приёмы совместного поиска истины и сообщения, как обсуждение, рассуждение, умозрение, выяснение, разбор, выводы, договор. Договариваются и находят согласованное решение, консенсус, может показаться, с излишней и избыточной тщательностью, порой чрезмерно подробно, не торопясь, медленно, постепенно и нудно. Очевидно, люди тогда жили в другом измерении и рассуждали, как и писали, в своём темпе. "*Сократ*. Что же такое – корыстолюбие?" (Гиппарх). "Что именуем мы законом?" (Минос).

Слово – правда и ложь, признание, признательность (выражение), взор и обзор. Но всё же главное, оно – имя и название, обращение и представление, приветствие и благодарность, обозначение и упоминание, звание и воззвание тоже. Заметка на память и для запоминания, памятка чтобы увековечить и обессмертить. И отношение или оценка, чтобы унижить или возвеличить, и утверждение или высказывание. Накопление сведений и знаний, банк и твой вклад. Иллюзия, обман и обмен, ирония и сарказм, неприятие. Есть разные слова – только найти, чтобы можно было высказаться и выразиться, отвести душу и воспеть, благословить и одобрить, поддержать, а то и проклясть, заклясть или отрицать и низвергать. Всего не перечислить, где

живут слова: записка и эпиграмма, словесность и протокол, характеристика и устав, сплетни и слухи... И говорить разный вздор и глупости тоже.

Повторение – мать учения (Выбранные места из книги)

Мистическая энергетика и излучения слова.

"... ведь сказал Он: кто любит Меня, тот соблюдает слово Моё" (Фома Кемпийский).

"Когда Моисей сказал Богу, что евреи не поверят, что его послал Бог, пока он не скажет им имя Бога (как могли идолопоклонники понять безымянность Бога, если сама сущность идола в том, чтобы иметь имя?), то Бог пошёл на уступки. Он сказал Моисею: "Я – сущий, вот моё имя". "Я сущий означает, что Бог не конечен и не личность, и не "существо". Наиболее адекватный перевод этой фразы: скажи им, что "моё имя – безымянность" (Э.Фромм).

"Сокровенное сказание" с полной определённой сообщает нам, что Тенгри был не единственным богом монголов. Наряду с Небом упоминается Земля – Этуген". "Там этот бог называется Вечным Небом. Монголы различали материальное "голубое" небо от духовного "вечного" неба" (Л.Н.Гумилёв).

"Существует название вещи и сама вещь; название – это слово, которое указывает на вещь и обозначает её. Название не есть ни часть вещи, ни часть её сущности. Это нечто присоединённое к вещи и пребывающее вне её. Бог, который в себе самом есть полная завершённость и верх совершенства, не может возвеличиваться и возрастать внутри себя самого, но имя его может возвеличиваться и возрастать через благословения и хвалы, воздаваемые нами явленным им делам. И поскольку мы не в состоянии вложить в него эти хвалы, ибо он не может расти во благе, мы обращаем их к его имени, которое есть нечто, хоть и пребывающее вне его сущности, но наиболее близкое к ней. Так обстоит дело лишь с одним Богом, и ему одному принадлежит вся слава и весь почёт" (Монтень).

"В слове человек находит новый для себя мир, не внешний и чуждый его душе, а уже переработанный и ассимилированный душою другого, "открывает существо с такими же потребностями и потому способное разделять чувствуемые им тёмные стремления" [156, т.6, с.30]. К возбуждениям мысли, какие уединённый человек получает от внешней природы, в обществе присоединяется новое, ближайшим образом сродное с его собственной природою, именно слово" (А.А.Потебня).

"Мантра – это сочетание слов, которые при произнесении их вслух производят определённые вибрации не только в воздухе, но и в тончайшем эфире и таким образом оказывают определённое воздействие". "Но до сих пор в Европе, равно как и в Азии, есть много людей, которые оказывают необычное воздействие на лошадей и крупный рогатый скот при помощи специфических звуков, произнесённых особым способом. В подобных слу-

чаях применяемый звук является мантрой, состоящей из одного элемента, и действует только на конкретных животных" (Е.П.Блаватская).

Для младосимволистов, или соловьёвцев, "художник не только творец образов, но и демиург, создающий миры; новое искусство в основе своей религиозно, это теургия – магия, с помощью которой можно изменить ход событий, "заклясть хаос", подчинить себе при помощи слов" (А.Белый). "В молитве мистическое постижение божества неразрывно соединено с его глубочайшим почитанием и ликующим восхвалением (воспеванием)" (В.В.Бычков).

"Скверная мысль о человеке, негативное слово в его адрес – это нападение на энергетическом уровне и расплата за это...". "Не понимая, откуда идут явления нашей жизни, мы даём им название "судьбы", "случайности", "чуда", но эти слова ровно ничего не объясняют. <...> Положение, в котором мы находимся в каждую данную минуту, определяется строгим законом справедливости и никогда не зависит от случайности. "Случайность" – понятие, созданное невежеством; в словаре мудреца этого слова нет". "Слово – не воробей", а программа, организм, взаимодействующий в поле с другими программами" [с.Н.Лазарев).

Книги – слова, хотя и не только

"Между предметами, которые способствуют сохранению истины на земле, одним из наиболее существенных является, без сомнения, священная книга Нового завета. К книге, содержащей подлинный акт установления нового строя на земле, естественно относятся с особым непререкаемым уважением. Слово писаное не улетучивается, как слово произнесённое. Оно кладёт свою печать на разум. Оно его сурово подчиняет себе своею нерушимостью и длительным признанием святости. Но вместе с тем, кодифицируя дух, слово лишает его подвижности, оно гнетёт его, втесняя его в узкие рамки писания, и всячески его сковывает" (П.Я.Чаадаев).

"Итак, хотя печать, наложенную человеческой мыслью, надо признать необходимой составной частью нравственного мира, настоящая основа слияния сознаний и мирового развития разумного существа, на самом деле, содержится в ином, а именно в живом слове, в слове, которое видоизменяется по временам, странам и лицам и пребывает всегда тем, чем оно должно быть, которое не нуждается ни в разъяснениях, ни в толковании, подлинность которого не требует защиты на основе канонов – в слове, этом естественном оружии нашей мысли. Так что предположение, будто вся мудрость заключается в столбцах одной книги, как это утверждают протестанты, не скажу даже – не правомерно, оно, во всяком случае, не имеет ничего общего с философией" (П.Я.Чаадаев).

"*Это уж не ново, это было уж сказано* – вот одно из самых обыкновенных обвинений критики. Но всё уже было сказано, все понятия выраже-

ны и повторены в течение столетий: что из этого следует? Что дух человеческий уже ничего нового не производит? Нет, не станем на него клеветать: разум неистощим в соображении понятий, как язык неистощим в соединении слов. Все слова находятся в лексиконе: но книги, поминутно появляющиеся, не суть повторение лексикона. Мысль отдельно никогда ничего нового не представляет; мысли же могут быть разнообразны до бесконечности" (Из рецензии на книгу итальянского писателя и мыслителя Сильвио Пеллико "Об обязанностях человека").

"Всё проходит – остаются книги. В книгах строчка за строкой нанизано то, что было, и то, чего быть не могло. За тысячу человек думает один, и с его пера стекает на бумагу недалёкая мудрость и ненарочная выдумка. Будто бы вот в эти годы, вот этой мыслью жили в России все люди или уж, в крайнем случае, – все лучшие. А это не так: одним живёт пьяный кучер Пахом, другим, – пастух деревни Фёдоровки, великий мыслитель и искусник по лапотной части, и ещё совсем иным – городской человек. А старая липа в калымовском саду как росла тогда, так и по сей день даёт цвет и не хочет сохнуть, и никак не убедишь её, что важное случилось и описано в книгах парадными словами" (М.Осоргин).

"Вечные книги – источники: между двух животворных глотков из источника книги протянется промежуток из лет; открываешь страницу: касательские струи вскипят меж строками; и, хлынув на стол, водопадом стекают; вся комната топится струями; волны, разбивши стекло, тебя пенно выносят наружу, ты с ними, струясь, побежал по камням, умножая лучистые блески и бездной алмазов швыряясь в побережье; живо текущее слово, создавши над брызгами радугу, вырастает воздушно архангелам, перекидывающим мосты от земли к небесам" (А.Белый). "Однако я слишком давно имею дело со словами, чтобы не относиться к ним с недоверием, и, приглядываясь к тем словам, которые я только что написал, не могу не видеть, что значение их зыбко" (М.Мозм).

"Корябание пером ещё доставляет радость, но если и это уйдёт, тогда конец. Надо, надо держаться за слово, как за спасительный круг, иного ничего не осталось. Идеи, мысли – чепуха; реальны лишь слова, их порядок, рождающий жизнь. <...> Бунин он меня ничему не учит, ни в чём не убеждает, не обращает в свою веру, – да у него и нет её, – а просто даёт дышать сеном, травой, женщиной, видеть звёзды, тучи, деревья, бедных одиноких людей. Это серьёзно, всё остальное – подёнки, лакейство перед временем и его "проблемами", на завтра уже не стоящими и копейки" (Ю.Нагибин).

"У книги есть своё преимущество, но у книги есть и свои минусы, потому что есть вещи, которые нельзя передать только словами" (А.Мень).

"Музыкальные передачи он мог слушать в день не более часа, а передач, состоящих из слов, его нервы вовсе не выносили, как и лживых книг" (А.Солженицын).

Слова-цитаты, которые уже окончательны и как бы больше нас

"Откуда эта потребность подбирать чужие слова? Свои слова никогда не могут удовлетворить; требования, к ним предъявляемые, равны бесконечности. Чужие слова всегда находка – их берут такими, какие они есть; их всё равно нельзя улучшить или переделать. Чужие слова, хотя бы отдалённо и неточно выражающие нашу мысль, действуют, как откровение или как давно искомая и обрётённая формула. Отсюда обаяние эпиграфов и цитат" (Л.Я.Гинзбург). "Если я порой говорю чужими словами, то лишь для того, чтобы лучше выразить самого себя". "Я не пользуюсь достаточным авторитетом, чтобы каждому моему слову верили, да и не стремлюсь к этому, ибо сознаю, что слишком дурно обучен, чтобы учить других" (Монтень).

"Но писательские "поиски собственного слова", отвечает Бахтин (Записки 1970-71), "на самом деле есть поиски именно не собственного, а слова, которое больше меня самого; это стремление уйти от своих слов, с помощью которых ничего существенного сказать нельзя" (В.Э.Айрапетян).

"Когда ты говоришь, слова твои должны быть лучше молчания" (А.Платонов). "Но я отнюдь не принадлежу к тем чудакам, которые бросаются на всякую книгу, как голодные на хлеб, ищут в ней какого-то нового слова и ждут от неё указаний, как жить" (М.Горький). "Но мы, актёры (мика), не умеем говорить от себя, мы привыкли говорить чужими словами". "Актёр, даже самый что ни на есть талантливый, он всё-таки чужие слова говорит" (М.Козаков).

"...мудрость – не в языке, а в сердце; и не важно, какой пользоваться речью, ибо домогаются вещей, а не слов, и мы рассуждаем не о грамматике или ораторе, коих наука – в том, как подобает говорить, а о мудрости, учение которой – в том, как надо жить" (Цицерон).

Имя-прозвище и определение человеческой личности для нас тайный знак.

"Если бы надо было характеризовать Радищева одним словом, то лучше всего подошло бы определение "энциклопедист".

"... а между тем Гоголя читают и не видят, не видят доселе, что нет в словаре у нас слова, чтобы назвать Гоголя, нет у нас способов измерить все возможности, им исчерпанные: мы ещё не знаем, что такое Гоголь; и хотя не видим мы его подлинного, всё же творчество Гоголя, хотя и суженное нашей убогой восприимчивостью, ближе нам всех писателей русских XIX столетия". "Иногда расстановка слов или параллелизм достигают необы-

чайной утонченности: "Снилось мне, чудо, право, и так живо, снилось мне" ("Страшная месть"). "Блеснул день, но не солнечный: небо хмурилось и тонкий дождь сеялся на поля, на широкий Днепр" (А.Белый).

"Я ничего не могу сказать о себе просто, цельно и основательно. Я не могу определить себя одним словом" (Г.К.Косиков).

Мистическое слово как сокровеннейшая тайна природы

"Язык – наиболее могущественное орудие творчества. Когда я называю словом предмет, я утверждаю его существование. Всякое познание вытекает уже из названия. Познание невозможно без слова. Процесс познания есть установление отношений между словами, которые впоследствии переносятся на предметы, соответствующие словам. Грамматические формы, обуславливающие возможность самого предложения, возможны лишь тогда, когда есть слова; и только потом уже совершенствуется логическая членораздельность речи".

"Образная речь состоит из слов, выражающих логически невыразимое впечатление моё от окружающих предметов. Живая речь есть всегда музыка невыразимого. Мысль изречённая есть ложь", – говорит Тютчев. И он прав, если под мыслью понимает он мысль, высказываемую в ряде терминологических понятий. Но живое, изречённое слово не есть ложь. Оно – выражение сокровенной сущности моей природы; и поскольку моя природа есть природа вообще, слово есть выражение сокровеннейших тайн природы. Всякое слово есть звук; пространственные и причинные отношения, протекающие вне меня, посредством слова становятся мне понятными. Если бы не существовало слов, не существовало бы и мира" (А.Белый).

"Наше взаимопонимание осуществляется лишь единственно возможным для нас путём, а именно через слово: тот, кто извращает его, тот предатель по отношению к обществу: слово – единственное орудие, с помощью которого мы оповещаем друг друга о наших желаниях и мыслях, оно – толмач нашей души; если мы лишаемся его, то не сможем держаться вместе, не сможем достигать взаимопонимания; если оно обманывает нас, оно делает невозможным всякое общение человека с себе подобными, оно разбивает все скрепы государственного устройства" (Монтень).

"Но ведь "умозрение" открывается в слове. В этом его природа – природа Логоса". "Я думаю, что дело сложнее и что в нас говорит опыт нового чувства России, выношенного в боли и муках последних десятилетий. Это чувство я определил бы, за отсутствием другого слова, как чувство хрупкости России" (Г.П.Федотов).

Библиотека как собрание книг – сокровищницы мыслей

● П.А.Флоренский: "Книга – творится или сочиняется, изобретается, но выражения и слова не творятся и не сочиняются, а находятся или отыскиваются, обретаются".

● А.В.Павлов. Европа как книга: "Ни одна проблема не может быть полностью решена отдельным человеком или отдельным сообществом, ни один предмет не может быть исчерпывающе исследован. Изучение предмета прекращается по мере достижения рационально намеченной цели. Более того, за пределами знаний остаётся огромная и вполне неопределённая область неизвестности. Но практически эксплуатировать реальный предмет и человеку, и обществу приходится целиком, включая и то, чего они не знают о предмете.

Принцип неисчерпаемости распространяется не только на познание человеком внешней предметности, но и на самопознание. Следовательно, человек, не отдавая себе полного отчёта в том, кто он таков, и живёт, и пользуется предметами, мало что зная о них.

В таком случае, культура не является "специфически человеческим в человеке", такой спецификой становится ойкуменальность, а культура лишь одна из граней индивидуального человеческого существа. Переживание своей пограничности, её рациональное восприятие превращает человека в "я" удивлённое, любопытствующее, воображающее, то есть в разумное и устанавливающее отношение между обеими – рациональной и внерациональной – сторонами своей сущности.

"Книга" – не просто форма закрепления и передачи знаний, это – символ, за которым угадываются многочисленные "слои" внекультурных, "роевропейских" значений. Попытки понять и ассимилировать, придать культурную форму её внекультурной стороне, заставляет европейца развивать свою культуру в направлении, заданном книгой.

Книга обнаруживается уже у самого начала Европы, это – Библия. Библия единственный из сакральных текстов человечества, которая говорит не только о нравственности, обрядах, и обычаях, но и о земных, в том числе и о бытовых делах. Весь текст Библии легко интерпретируется как роман об истории, имеющей внекультурные, неземные истоки.

Как сакральный и многозначный текст, Библия провоцирует борьбу мнений и стремление жить в соответствии с заданными ею, пусть и не вполне ясными, ориентирами. Борьба мнений становится столкновением жизненных позиций, людских действий и превращается в тенденцию исторического процесса. Таким образом, можно считать, что Библия креативна для Европы, она – то зерно, из которого европейская культура выросла.

Короче говоря, в отличие от других культур, европейские культуры имеют явно выраженный авторский характер, а сама история Европы – книга. Вероятно, поэтому, несмотря на то, что и письменность, и книгопечатание были изобретены не в Европе, именно здесь появилось представление о книге как особой ценности. Книга в Европе становится важнейшим культурообразующим фактором. Европейской книгой является только такой текст, где на переднее место выходит смысл, скрытый в нём и выражающий личное стремление к трансцендентному.

Европейская культура имеет не только книжный, но и авторский характер. Говорится, что поэт в России больше, чем поэт. Это не только в России, ещё недавно так было на всём пространстве Европы: Августин, Сервантес, Экхарт, Эразм, Рабле, Мольер, Шекспир, Руссо, Сартр и т.д. Они не знали ответа на вопрос о смысле человеческой жизни, но чувствовали, что он может быть, и заставляли других почувствовать то же самое.

Конечно, не всякая книга является европейской, и Европа – не любая книга, но только та, которая вызывает неудовлетворённость настоящим и стремление к грядущему, та, которая побуждает к стремлению и заставляет надеяться, выводит человека за пределы сиюминутности. Но европейская культура – не книга для развлечения и самолюбования. Все умнейшие мысли можно почерпнуть из книг. Иногда в процессе общения у нас не хватает смелости высказать определённого рода мысли, а на бумаге в словах вымышленных героев нам открываются сокровенные мысли авторов.

<...>гораздо лучше думать самому, чем думать потом мыслями незнакомых дядек <...> А самое неприятное – что в тех книгах, которые стоит читать, никогда нет ответов, одни вопросы. Голова забивается всеразличными мыслями, тратится впустую время, которое можно было бы использовать с большим толком <...>. Правда, есть такие "писатели", у которых ни мыслей, ни чувств не наблюдается. Например, всякие "Бешеные против повешенных" и прочие маринины".

● <...> "книга давно уже перестала в наши дни быть символом познания. Место книги занял учебник. Кажется, что именно он предлагает самую суть, отбрасывает словесную шелуху, которую всё равно нет времени читать. Но суть-то всегда остаётся в авторском творении. Учебники, как правило, скользят по поверхности и лишь обозначают некий таинственный смысл, остающийся за скобками".

● Библия – самая главная книга для каждого человека.

● Н.Ю.Бубнов. Поморские ответы – главная книга старообрядцев...

"В заключение отметим, что "Поморские ответы" – главная апологетическая книга старообрядцев, подводящая итог ревизии старообрядцами итогов церковной реформы..."

● Главная книга Симхат Тора. "У каждого есть любимая сказка, рассказ или повесть, которая всегда под рукой и которую время от времени хочется открыть снова. И не потому, что мы забываем, о чём там написано. Такая книжка – как лучший друг. Вот вроде бы знаешь его, как облупленного, но всё равно можешь часами болтать с ним обо всём на свете.

Конечно, чтобы захотелось что-то перечитать, должно пройти какое-то время. Единственная книга на свете, которую начинают заново сразу же, как только закончат, – Тора, священная Книга иудаизма. В Торе 52 главы. В году – 52 недели. За год прочитывается вся Книга. В двадцать третий день месяца тишрей, когда чтение Торы завершается, отмечают Симхат Тора (или Симхас Тойрэ) – Радость Торы.

Всё начинается вечером накануне праздника. Свитки Торы раздают нескольким мужчинам, которые должны обойти с ними биму – возвышение в центре синагоги. Остальные тем временем поют и танцуют. Потом свитки вручают другим членам общины. И всё повторяется. Книга как будто обходит синагогу семь раз".

● Книги, изменившие мир: Карл Маркс, "Капитал". Том Пэйн, "Права человека". Жан-Жак Руссо, "Общественный договор". Алексис Токвиль, "Демократия в Америке". Карл фон Клаузевиц, "О войне". Никколо Макиавелли, "Государь". Томас Гоббс, "Левиафан". Зигмунд Фрейд, "Толкование сновидений". Чарльз Дарвин, "Происхождение видов...". Дени Дидро, "Энциклопедия".

● Ю.Бондарев: "Всё чересчур оглушающе-шумное и броское проходит, и остаются книги, и только книги, помогающие людям жить и быть людьми.

Сюжет у больших писателей никогда не строился ради возбуждения интереса читателей. Интерес заключался в мысли, в идее, характерах героев произведения, в той социальной значимости, в той, я бы сказал, общественной нагрузке, которую несёт роман, повесть или рассказ. Усиленно выпирающий на первый план сногшибательный сюжет показывает белые нити шитья, является как бы рукой автора, которую он назойливо протягивает читателю, что разрушает правду вещи.

Не надо бояться неожиданных слов. Они непривычны, но они свежи и заменяют длиннейшие разъяснительно-описательные абзацы. Слова имеют своё сердце, своё дыхание. Сердце слова начинает биться в унисон со временем лишь при точном сочетании с другими словами. В этом проявляется свежесть таланта. Писатель Ю.Бондарев: "Мир спасёт слово".

"... по-прежнему было широко распространено мнение, что "главная книга" о войне ещё впереди".

● Ю.Бондарев. Главная книга:

"У каждого писателя есть главная, та единственная, ненаписанная книга, которая терпеливо-медленно оформляется, будто выкристаллизовывает-

ся по частям, по страницам из накопленного душевного опыта. Это как бы вторая жизнь писателя, внутренняя, сложная, мучительная, ибо тропинки сознания, по которым он незримо идёт, не всегда ясны. В этой второй жизни вас не подвезёт до нужной станции поезд метро, здесь на каждом шагу возникают опасения и колебания: а это ли главное, выношенное, нужное людям? А может быть, то, что ты знаешь, чувствуешь, что накопилось в тебе и рвётся на бумагу, – лишь тусклый отблеск, необъятной в своих вариантах жизни, неясный отпечаток человеческой правды?

Если бы писателю удалось однажды написать эту Главную книгу, высказав в ней всё, он, вероятно, больше бы не писал ничего, ибо высказал самое нужное, самое сокровенное. Но человеческой жизни часто не хватает для этой Главной книги.

Под Главной книгой, должно быть, надо понимать произведение (роман, повесть, дневник, записки, стихи), освещённое ярким индивидуальным чувством художника, где люди в событиях и события в людях, – рассказ о нашей эпохе, о неповторимых чертах её.

Главная книга – это откровение о себе и это книга, в которой ясно и подкупающе должны проступать все черты характера пишущего. Это необычный взлёт высокой души и это исповедь и писателя и его поколения. Это фиксирующее проникновение в настоящее и добрый взгляд вперёд, ради чего было и прошлое и есть настоящее, ради чего были войны, голод, страдания и счастливые глаза людей после войны. Главная книга – это книга самой большой помощи людям, это сердце, положенное на бумагу: смотрите, я раскрыт, я люблю людей, я воюю и борюсь за добро, возьмите меня, это должно вам помочь...

Эта книга может охватывать всю нашу эпоху или одну страничку её, один абзац. Дело не в объёме, не в размере – ведь речь идёт о самом главном.

Бывает так, что вы идёте домой, торопитесь и испытываете странное ощущение радостного нетерпения, будто вас ждёт старый, вернувшийся издалека, умный друг. Этот друг – книга. Вы читаете её не залпом, не сразу. Вы читаете её не спеша, по несколько раз одну и ту же страницу, как перечитывают письма разделённые расстоянием любящие.

Я убеждён, что о войне, о днях жестокого испытания народа, никто не имеет права говорить: "я видел", "я знал", "мне рассказывали". Должны говорить: "я делал", "я участвовал", "я стрелял", "я помогал".

И это относится не только к войне. Это относится ко всему нашему времени, где нельзя, никто не имеет права быть сторонним наблюдателем, где все должны быть участниками, ибо даже в понятие "счастье" всегда входит участие не одного, а многих лиц, вложенная доля всех.

Книгу, ставшую умным вашим другом, хочется цитировать, ибо эти цитаты не утомляют. Ольга Берггольц заканчивает "Дневные звёзды" так:

"Я раскрыла перед вами душу, как створки колодца, со всем его сумраком и светом. Загляните же в него! И если вы увидите хоть часть себя, хоть часть своего пути – значит, вы увидели дневные звёзды, значит, они зажглись во мне, они будут всё разгораться в Главной книге, которая всегда впереди, которую мы с вами пишем непрерывно и неустанно..."

- А.Борщаговский. Его главная книга.

"Это верхняя точка его литературной работы, книга, ставшая в его литературной жизни "главной". Можно не сомневаться, главная его книга – хочу повторить это определение – долго будет служить примером писательского мужества и служения правде".

- Э.Блэр: "Моя главная книга – "Краткая история времени". У каждого из нас есть та главная книга, которую он готов читать до самой смерти".

- Определение термина "Главная книга".

"Главная книга – центральный, основной бухгалтерский сводный документ, в котором представлены итоговые данные по частным бухгалтерским отчётам и счётам, счёта синтетического учёта. Синонимы – главная бухгалтерская книга, гроссбух".

- К.Свасьян. Гражданственность определяется волей к посредственности:

"Мне снилось шиллеровское: "пойми, жизнь не есть наивысшее из благ".

Вы спрашиваете: имеет ли смысл сегодня "философский туризм"? Наверное, если есть к кому ехать. Но к кому же? И куда? Молодым человеком в Ереване я вытерпел всю тяжесть этого вопроса. Хотелось учиться, нужно было учиться, а вопрос оставался открытым: у кого? где? Судьба решила сама: у умерших философов. С которыми, между прочим, прекрасно удавалось общаться через их книги. Иногда казалось даже, что они намного живее..."

- Аарон Бек, Артур Фримен. Когнитивная психотерапия расстройств личности. (Aaron Beck, Arthur Freeman. Cognitive Therapy of Personality Disorders, 1990).

"Выход в свет любой книги связан с шестью важными этапами. Первый из них – это нервная дрожь и возбуждение при начале работы над книгой. На этой ранней стадии предлагаются, разрабатываются, видоизменяются, отвергаются, переоцениваются и по-новому формулируются различные идеи. <...> Второй важный этап в рождении книги – создание рукописи. Теперь идеи получили конкретное воплощение и изложены на бумаге. Именно с этого момента начинается процесс обретения формы. <...> Третий этап начинается, когда рукопись отправлена в издательство. <...> Четвёртый этап связан с окончательной редакцией и набором рукописи. <...> Заключительный этап – публикация книги. Итак, уважаемые коллеги, вы держите в руках нашу книгу, которая, как мы надеемся, окажется полезной для вас".

- "Книга – подборка листов бумаги, пергамента или другого листового материала, содержащих отпечатанный на них текст и (или) иллюстрации,

скреплённая по одному краю и защищённая обложкой. Каждая сторона листа в книге называется страницей или полосой. Иногда книгой называется большой раздел документа или литературного произведения. Книга, записанная в электронном формате, называется ещё е-книга или электронная книга.

Праславянское слово *kъniga* происходит (через древнетюркский **küinig*; волжско-болгарский, дунайско-болгарский **küiniv*; уйгурский *kuin*, *kuinbitig*) из китайского языка: *kQüen* – свиток (Фасмер).

Книга в полиграфическом издании – один из видов продукции непериодического издания в виде сброшюрованных бумажных листов или тетрадей с отпечатанной на них текстовой, графической, иллюстрационной информацией, объемом более 48 страниц, как правило, в твёрдом переплётe. Печать книги может так же происходить и в мягком переплётe, тоже.

Перед изобретением и внедрением печатной машины почти все книги переписывались вручную, что делало тираж книги дорогими и редкими. В седьмом столетии ирландские монахи ввели пробелы между словами. Это облегчило им чтение, так как они не очень хорошо знали латынь. Но до 12-го столетия пробелы так и не получили широкого распространения.

В первых книгах для страниц использовали пергамент или велень (кожу телят). Обложки были сделаны из древесины и покрыты кожей. Поскольку высушенный пергамент плохо формуется, книги были оснащены зажимами или обвязкой. Во времена позднего Средневековья, когда появились первые общественные библиотеки, книги часто приковывались к книжной полке или столу, чтобы предотвратить воровство.

Первые книги переписывались в основном в монастырях, по одной за раз. С развитием в XIII веке университетов, спрос на книги возрос и появился новый способ копирования. Книги делились на отдельные листы ("пециа"), которые выдавались копировщикам. Таким образом, значительно увеличился, на то время, печать больших тиражей книг.

В начале XIV века, в Западной Европе появилась ксилография (она была разработана задолго до этого на Востоке). В ксилографии матрица с изображением страницы вырезалась из куска древесины. Её можно было окунуть в чернила и использовать, чтобы сделать несколько копий книжной страницы. Книги, так же, как игральные карты и религиозные изображения, начали производить ксилографией. Но создание книги было кропотливым процессом, так как для каждой страницы нужно было делать свою резьбу. Кроме того, дерево было недолговечно – оно легко стиралось и трескалось.

Несмотря на рост масштабов книгопечатания в пятнадцатом столетии, книги ещё издавались в ограниченных тиражах и были весьма дороги. Необходимость бережного отношения к книге. В XV веке Иоганн Гуттенберг создал печатную машину с металлическими наборными элементами, что сделало вёрстку книги сравнительно доступными (хотя для большинства

людей всё ещё весьма дорогими). Печатные книги, отдельные листы и иллюстрации, которые были созданы в Европе до 1501, известны как инкунабулы (лат. *incunabula* – "колыбель").

Только в 1880-х бумага получила широкое распространение и позволила сильно уменьшить стоимость книги. В начале 1800-х стали популярны паровые печатные машины, которые дали возможность увеличить тиражи книг в сотни раз. Такие машины могли печатать до 1100 листов в час, однако рабочие могли установить за то же время не более 2000 знаков. В конце XIX века были внедрены монотипные и линотипные прессы. На них можно было ставить до 6000 знаков, и даже целые строки сразу.

Многие годы, начиная с XV века, были потрачены на улучшение печатных машин и принятие свободы слова, постепенно снижая уровень цензуры. А к середине XX века, производство книг быстро, в Европе, перешагнуло отметку 200 000 наименований в год.

В современном мире получили распространение электронные книги. Главным преимуществом таких непечатанных книг был, по сути, неограниченный объём, возможность создания любых иллюстраций и относительная компактность. Огромную популярность приобрели электронные словари и энциклопедии, полностью заменившие громоздкие и неудобные печатные издания. Однако и печатный вид книг, благодаря развитию полиграфической индустрии, в наше время успешно развивается. Как правило, печатают учебные книги, научные книги или книги художественной литературы".

- Джозеф О'Коннор, Джон Сеймор. Введение в нейролингвистическое программирование. Новейшая психология личного мастерства: "Каждая книга является суждением, справедливым для того времени, когда она была написана. Это "фотография" описываемого предмета. И тем не менее, нет никаких причин не делать фотографию сегодня лишь потому, что человек завтра станет другим. Отнеситесь к этой книге, как к мостику, позволяющему вам исследовать новую территорию и продолжить увлекательное путешествие по жизни".

- Александра Купина, Татьяна Каламай, Львовская областная библиотека для детей. Книга исцеляет (пресс-консультация о библиотерапевтическом направлении деятельности библиотек).

"Душа и слово. Эти понятия вечны. И ничем так не сразишь, как словом. Им можешь и подбодрить, им можешь и причинить боль. <...> Библиотерапия – это перспективное направление деятельности библиотек, которое занимается изучением влияния специально подобранной литературы на состояние здоровья больного человека. Мы предлагаем вниманию библиотечек пресс-консультацию "Книга исцеляет", где содержатся общие теоретические выкладки основных понятий и ключевых элементов библиотерапевтической деятельности. <...>

Библиотерапия берёт своё начало с седой старины. Раньше в церковных библиотеках хранились издания религиозного содержания, прочитав которые, люди успокаивались и находили выход из сложных житейских ситуаций. В эпоху Возрождения книги стали более доступными широкому читателю, и врачи стали использовать их с лечебной целью. Так, один врач из Англии в XVII столетии предлагал своим пациентам читать роман М.Сервантеса "Дон Кихот", а в других странах врачи рекомендовали своим больным кроме прописанных лекарств ещё и прочитать 2-3 страницы развлекательной литературы. Со временем в библиотеках при больницах больным всё чаще стали предлагать читать юмористические произведения, развлекательные книжки, детективы и приключенческую литературу.

Официально термин "библиотерапия" был признан в 1916 году Ассоциацией библиотек США. Что же такое библиотерапия? Это перспективная область деятельности, которая объединяет достижения в медицине, психологии, педагогике и библиотечном деле. <...>

Научное обоснование библиотерапии получила лишь в начале XX столетия с развитием психоанализа. Книга уже становится не только хранителем знаний, медицинских рекомендаций, но и непосредственно – лекарством. <...> Адаптационная программа библиотерапии, кроме чтения книг, может также складываться из самостоятельного письменного творчества детей. Когда ребёнок уже является не пассивным наблюдателем, а партнёром, самостоятельным автором, что помогает ему избавиться от комплексов.

Есть очень удачное выражение: если ты не можешь изменить ситуацию, измени своё отношение к ней, – этим психологичным настроем должны пользоваться те, кто занимается библиотерапией. Библиотекари, зная про её возможности, считают иногда, что получить библиотерапевтический эффект можно от какой-либо интересной книги. Это действительно так? Ведь книга не может быть одинаково интересной для всех читателей". <...>

Литература: Дрешер Ю. Кого и как лечит книга: современное состояние библиотерапии за рубежом // Библиотека. – 1999. – № 3. – С. 68-70. Келлер Т. Хорошая книга – тоже лекарство // Библиотека. – 1999. – № 4. – С. 27-28. Тимофеев А. Лечит слово: о первом международном семинаре по библиотерапии // Библиотека. – 2000. – № 4. – С. 37-39.

● "Ещё в самом начале кризиса эксперты осторожно предполагали, что книга относится к числу "доступных развлечений". Что люди, у которых серьёзно сократятся доходы, откажутся от покупки новых машин, гаджетов и дорогих поездок, но не будут покупать меньше книг. А то и вовсе начнут больше читать. Сейчас это предположение начинает сбываться. Олег Новиков считает, что реальный спрос на книги в среднем упал лишь на 10%, а падение всего рынка на четверть объясняется плохой работой книготорговцев. А Борис Пастернак уверяет, что в тех случаях, когда его издательство

имеет дело напрямую с магазинами, падения спроса нет, а кое-где есть даже прирост. Люди просто стали покупать более дешёвые книги, но потребность в чтении по-прежнему остаётся одной из самых насущных. Как говорит издатель журнала "Что читать" Александр Гаврилов, "людям хочется интимного удовольствия, которое им сегодня может дать только книга".

- Книга "Казан, мангал и другие мужские удовольствия" – ни в коем случае не сборник рецептов узбекской кухни, не путеводитель по кухне среднеазиатской или даже, шире, по кухне восточной. Это приглашение взглянуть на мир глазами увлечённого, талантливого и щедрого человека, которому довелось проникнуть в древнюю и прекрасную культуру, напоенную ароматами таких разных стран и обогащённую традициями таких разных народов. Эта кухня яркая, пряная, веселая, изысканная, и в то же время простая. Такая, каков сам Сталик Ханкишиев, и какова его "жизненная философия".

Книга "Казан, мангал и другие мужские удовольствия" – мало того, что исключительно познавательная и полезная, мало того, что очень увлекательная. Это обаятельная книга... Всё для тебя, детально и доходчиво, подробностей автор не жалеет, точно и справедливо понимая, что в кулинарном деле только подробности и имеют значение.

Из предисловия Петра Вайля: "Меня и не учили, а также не инструктировали, не дрессировали и не строили в две шеренги – мне рассказывали интересную историю, которую хотелось пережить еще и в качестве действующего лица. Историю о плове – не о тарелке еды и не о рисовой каше с мясом, а о великом блюде, этнокультурном признаке грандиозной и древней цивилизации, с которой мы были знакомы преступно мало, даже когда проживали в одной стране, а теперь что уж говорить...". (Из предисловия Бориса Бурды).

- Книга жизни: что это?

"480-е годы до Р.Х. Палестина подвергается ассирийской экспансии на севере, на юге её пощипывает Египет, с запада время от времени приходит Филистимский десант и грабит незащищённые селения. Самария сдалась с потрохами после непродолжительной осады войсками Сеннахирима и вступила с ним в сомнительный союз. Лучшие плодородные долины наводнены бесчисленной вражеской конницей, тот хлеб, который бережно хранился земледельцами, теперь бесцеремонно изымается, даже не столько для солдат, сколько как фураж для лошадей, а тучные стада бездумно вырезаются пирующей армией, войско занято своим любимым занятием – грабежом и повальным насилием. Это было легендарное время, время, когда человека можно было купить точно также как коня, верблюда или овцу, и хороший конь стоил дороже. Куда было деваться от этих набегов мирному, незащищённому жителю? Ответ один – только в укреплённый город. Но вот досада – всем желающим не хватает места. И тут мы приходим к самому главному, для то-

го что бы остаться в городе необходимо зарегистрироваться в специальном свитке-ведомости, так называемой книге жизни. Но получить это спасительное право было не так то легко и очень часто просто не по карману обычному жителю. Вот таким вот образом этот невзрачный свиток или, выражаясь современным языком, прописка, стал прототипом пророческого символа и этого мистического понятия – "книга жизни". Конечно, это только гипотеза, но я более чем уверен, что она подтверждается фактами истории".

- Камасутра – книга удовольствий, шедевр эротической культуры Востока, даёт возможность проникнуться её мудростью и изучить технику поз.

- Джиду Кришнамурти в его эзотерическом произведении "Книга жизни". "Мы читаем книгу человечества, которая и есть ты, и я, и все остальные люди. Пожалуйста, обрати на это внимание. Если мы научимся читать эту книгу, которая и есть мы сами, то прекратятся все конфликты и весь наш тяжкий труд. Только тот разум, который научился этому, и есть разум религиозный – не верующий разум, разум, исполняющий все ритуалы, а разум свободный. Только такой разум, от начала и до конца прочитав эту книгу, получает благословение истины.

В тебе самом – история человечества, тот огромный опыт, те глубоко укоренившиеся страхи, тревоги, та печаль, те удовольствия и убеждения, которые впитывал в себя человек на протяжении тысячелетий. Ты и есть эта книга. Она не напечатана ни одним издателем. Она не продаётся. Ни к одному специалисту не сможешь ты обратиться за разъяснением, потому что его собственная книга ничем не отличается от твоей. И не прочтя эту книгу внимательно, неторопливо и с терпением, ты никогда не сможешь изменить общество, в котором мы живём, – общество, которое развращено и безнравственно. Кругом царят бедность, несправедливость и множество других зол. Любого сколько-нибудь серьёзного человека не может не волновать то, что происходит сейчас в мире: весь этот хаос, разложение и война – величайшее из всех преступлений. Чтобы в корне изменить наше общество и его структуру, нужно научиться читать эту книгу, которая и есть ты. Ведь все мы, наши родители, родители наших родителей и т.д. – все мы и создаём то общество, в котором живём. Это общество создано совместными усилиями всех без исключения людей, и если оно не изменится, то впереди нас ждут ещё большее разложение, новые войны и дальнейшее уничтожение человеческого разума. Поэтому, чтобы прочесть эту книгу, которая и есть ты, нужно постичь искусство слушать то, что говорит эта книга. Слушать – не значит так или иначе истолковывать то, о чём говорит книга. Просто наблюдай себя, как ты наблюдал бы тучу. Ведь ты ничего не можешь поделать ни с тучей, ни с качающимися на ветру пальмовыми листьями, ни с красотой заката: ты не в силах всё это изменить. Поэтому нужно постичь искусство слушать, что говорит книга. Книга эта – ты; она всё тебе откроет".

● Папа Шульц. Рица. "Кто в Домбае не бывал, тот Кавказа не видал. Везде хочется встать на колени и бесконечно удивляться, славя творца. Природу очень люблю, благодаря ей восстанавливаюсь. Мама в детстве говорила: "Бог создал всё и даже человека. Он вдохнул в него жизнь, дал тело, и три книги. Первая книга природа. Глядя на природу и разумную красоту, имеешь доказательство того, что Бог есть. Наслаждайся ею, пользуйся, благодари. Вторая книга – совесть человека. Любой человек, даже если он никогда не слышал о Боге, никогда не держал библию в руках, его душа всё рано чувствует, знает что такое хорошо и что такое плохо! Надо к себе внутри прислушаться и быть послушником. Третья книга – это Библия. Правила дорожного движения по жизни, кто их нарушает, терпит крах и наказания, а кто просит, тот иметь будет и иметь с избытком. Библию не читают, её исследуют, изучают, соблюдают, учат других. Человеческая душа зависит от чувств, а христианская должна быть выше настроения и сомнений.

● Романов И. Ад интеллектуалов. "Книги – естественная радость интеллектуала. Да и простые смертные, скажем, такие как я, любят порадовать себя достойной литературой. Вместе с тем, любая книга, пусть и отвечающая самым неутилитарным запросам читателя, – это товар, реализацию которого осуществляет книжный магазин. Так как "умную книгу" продать тяжело, то и магазинов с соответствующим ассортиментом кот наплакал. А после недавних пожаров, превративших в пепел собрания "Фаланстера" и "Билингвы", податься и вовсе некуда.

Потребитель философской литературы, в отличие от любителя оперы или балета – существо непритязательное. Однако любимые народом магазины делают всё, чтобы унизить его ещё больше, в чём мне довелось убедиться во время недавнего посещения со своим другом московской книжной Мекки – знаменитого Ad Marginem'a. Магазины и раньше не отличались гостеприимством, но все с благодарностью терпели страдания. <...>

В Кодексе интеллектуального книготорговца должны быть прописаны парадоксальные правила. И в первую очередь, ему будет необходимо признать, что книга – это духоподъёмный товар, деньги за который брать стыдно, а фиксированную цену на него установить невозможно. В некоторых случаях цена на такой товар должна определяться личностью реципиента".

Дневник – собственная запись и книга о своей жизни

- "Чередa лет, дней, мгновений – это жизнь. А жизнь – это главное!"

По определению Паскаля, "человек — самая ничтожная былинка в природе, но былинка мыслящая" (Паскаль Б. Указ. соч. С. 78). Философ полагает очевидным, что "человек создан для мышления; в этом всё его достоинство, вся его заслуга" (Там же). Идея ценности мысли становится лейтмотивом автобиографических сочинений Флобера конца 30-х – начала

40-х годов. В область мысли бросается, задавшийся целью объяснить себе самого себя, герой "Агоний", "Записок безумца" и исповедальных дневников, озаглавленных позднее Каролиной Амар, – "Воспоминания, заметки, тайные мысли". В поисках истины посредством мысли, а не поэтического воображения, Флобер следует паскалевскому представлению и обнаруживает, что безграничность души и природы многократно превосходят возможности человеческого понимания: "Человек, стремящийся постичь то, чего нет, и из небытия создать науку; человек, душа, сотворённая по подобию Божию, возвышенный гений которой бессилен пред ростком травы, не может разрешить загадку пылинки!" (Флобер Г. Указ. соч. Т. 2. С. 332).

• Л.Н.Толстой в дневнике (запись 25 января 1863 г.): "Прежде я думал и теперь ещё больше убеждаюсь, что в жизни во всех отношениях людских, основа всему работа – драма чувства, а рассуждение – мысль, не только не руководит чувством и делом, а подделывается под чувство. Даже обстоятельства не руководят чувствами, а чувство руководит обстоятельствами, т.е. делает выбор из тысячи фактов".

• Е.Беркович (Германия). Слово и дело.

"В том, что Виктор Клемперер физически пережил страшные годы нацистского режима, – огромная заслуга его жены Евы Клемперер, урождённой Шлеммер. В том, что он пережил эти испытания духовно, сохранил себя как личность, важную роль сыграл дневник, который он вёл все эти годы без перерыва. Вот как он это описывает: "Я вставал каждый день в половине четвёртого утра, и к началу смены на фабрике у меня был уже описан предыдущий день. Себе я говорил: ты слышишь всё собственными ушами, и повседневную жизнь, и быт, и самые обычные дюжинные вещи, лишённые всяческого героизма... И ещё: ведь я держал свой балансир, а он меня..."

Дневники Клемперера написаны не просто умным и наблюдательным человеком. Они написаны профессиональным филологом, который поставил перед собой задачу: "наблюдай, изучай, запоминай, что происходит, зафиксируй, как ты это сейчас видишь, как это на тебя действует". И Виктор Клемперер с этой титанической задачей справился, он создал уникальный документ, живое свидетельство страшной эпохи, проблемы которой остаются актуальными и в наши дни.

Эпиграфом к своей книге "ЛГП. Язык Третьего Рейха. Записная книжка филолога", написанной на основании "Дневников" и изданной в Дрездене в 1946 году, Виктор Клемперер выбрал слова Франца Розенцвейга: "Язык – это больше, чем кровь". Роль языка в манипулировании массовым сознанием, особенно в тоталитарных государствах, к сожалению, часто недооценивается. Слова Шиллера об "образованном языке, что сочиняет и мыслит за тебя", которые любил повторять Иосиф Бродский, часто понимаются чисто эстетически. Виктор Клемперер пишет: "Но язык не только творит и мыс-

лит за меня, он управляет также моими чувствами, он руководит всей моей душевной субстанцией, и тем сильнее, чем покорнее и бессознательнее я ему отдаюсь. А если язык образован из ядовитых элементов или служит переносчиком ядовитых веществ? Слова могут уподобляться мизерным дозам мышьяка: их незаметно для себя проглатывают, они вроде бы не оказывают никакого действия, но через некоторое время отравление налицо".

<...> Анализируя происходящее, Клемперер писал: "Нацизм проникал в душу народа через отдельные словечки, обороты речи, конструкции предложений, вдалбливаемые в толпу миллионными повторениями и поглощаемые ею механически и бессознательно". Без тщательного анализа и очистки языка от ядовитых примесей невозможно по-настоящему избавиться от фашистского мировоззрения.

<...> Но со словами, сказанными Вальзером о Викторе Клемперере, невозможно не согласиться: "У Клемперера учишься: надо думать о своей совести, а не следить за совестью других людей".

"В прошлый раз мы остановились на том, что одним из Важнейших Критериев Ценности Личного Дневника является Динамика Мысли автора. Мы будем говорить именно о Динамике, потому как мысль без движения, не эволюционирующая в самой себе, мыслью, как таковой, не является, а есть Догма".

- "Но, собственно, эволюция мысли, её движение (динамика), прослеживающиеся в процессе ведения дневника, есть не что иное, как философский подход к тем или иным проблемам, отражаемым в дневниковых записях".

- "На приведённых здесь примерах (выдержках) из дневниковых записей одного из современных авторов я попытаюсь показать наиболее характерные элементы такого подхода, которые, на мой взгляд, заметно усиливают Значимость и общественную Ценность его Личного Дневника:

"28.07.2007. Ещё кое-что хочу записать, да вот трудно сформулировать. Люди запросто общаются друг с другом, хоть по-разному понимают слова. По сути, мы общаемся через омонимы: пользуемся одними и теми же словами, но вкладываем в них разный смысл.

Про то, что слово "бог" – неопределённое по смыслу, я уже говорил. Ещё одним таким словом является "я": мы пытаемся как-то определить "я", познать себя, но этого-то "я" нет! "Я" – лишь продукт мышления, лишь мысль. Как ощутить "я" без слов? Как его схватить?

Нет никакого "я". Не из "я" вытекает мышление, мысли, но наоборот: сначала существует просто мышление, а потом появляется мысль об "я", но это лишь побочная мысль. Субстанции за "я" не стоит, его нет. Человек есть, но "я" нет".

И не важно, в какой степени для стороннего читателя интересна сама тема тех или иных записей. Но нам, кого интересует технология дневнико-

ведения, важно, прежде всего то, насколько интересно и оригинально Рахманов излагает свои мысли, передаёт ощущения, строит рассуждения, приводит обоснования, выражает своё мировоззрение.

Это и есть элементы Динамики мысли, о которой мы говорим. Если она присутствует, Твой Дневник интересно читать, а значит, можно говорить о его Ценности. Если нет, то о чём речь? И даже сам автор вскоре забудет о нём, не чувствуя смысла в ведении дневника.

Личный Дневник Марса Рахманова, это – философский дневник. Но он философский по содержанию, а по сути – классический реальный дневник нормального человека. Редкий автор Личного Дневника философ по образованию. Но это и тот редкий случай, когда в поиске Истины, правильного решения, не зазорно быть дилетантом, как большинство из нас, доморощенных философов, кровь и плоть производных каждый своей экстремальной экосистемой.

Любому нормальному человеку, не лишённому органов чувств, нравственному и не глупому, доступно простыми словами показать своё настроение, описать эмоции и переживания, выразить своё отношение к чему-либо (кому-либо), ну и, конечно, пораскинуть мозгами, а не констатировать всякий раз лишь голые факты и события из жизни себя, любимого, которые никому не интересны, а интересен именно Ты со своим внутренним миром и Мир, увиденный Твоими глазами".

• Ю.Бриль. Возвращение домой. "Ну, да, конечно, счастливые времена студенчества, филологический, филологини... курилка на четвёртом этаже, "дым табачный воздух выел", бесконечный трёп, цитации, ассоциации, умопомрачительные загулы. Кажется, что-то я не доделал. Да, была совершенно абсурдная мысль, пройти по всему Северу и Востоку.

Наверно, мир бесконечен в своей протяжённости и красоте, путешествуя, познавай, пиши и перевоплощайся – жизни всё равно не хватит, но человек так устроен: в какое-то время зрение его меняется, он начинает путешествовать, не выходя из своего кабинета. Внутрь себя, домой, к тому изначальному материку, где его одинокая душа соединяется с мировой душой. Уверовал, что моё занятие литературой – это и практика создания мыслетформ. А как иначе, если он – Творец, а мы созданы по Его образу и подобию? Он творил словом, и мы... Ещё ведь Ницше сказал, если ты достаточно долго заглядываешь в пропасть, то пропасть начинает заглядывать в тебя.

Книга, картина или какое-либо другое произведение искусства сродни пантаклю, который изготавливает маг для защиты своего подопечного от всяких невзгод жизни. Это предмет, который является аккумулятором энергии, он связан с эгрегором, он впитывает энергию художника и отдаёт, обменивается энергией с читателями или зрителями. Так вот со временем я совершенно излечился от своего юношеского тщеславия. Потому как уяс-

нил, не читатель, не публичность определяют ценность того, что ты сделал в ментальном плане. Вообще с моральной стороны профессия писателя двусмысленна. Если он работает на свою популярность, значит, впадает в прелесть. Прелесть, как известно, один из страшных смертных грехов".

Редкие и часто незнакомые многим слова: пантакль, эгрегор, ментальный, прелесть.

Пантакль – 1) магическое изображение, рисунок, талисман, амулет, охраняющий от злых духов; 2) геометрическая пятиконечная фигура, представляющая собой символ человека как микрокосмоса; син.: пентальфа.

Эгрегор – В самом простом объяснении эгрегор означает некоторую энергетическую (космическую) совокупность определённых идей. Сходные идеи, эмоции, верования в энергетическом смысле объединяются в мощные силовые поля, пропитанные ими.

4. Размышления и рассуждения о словах и словесности

1. Функции, стиль и применение слов

- Алексей Нянин (2007г., Екатеринбург). "Слово". На санскрите "шрава". Не случайно давно уже сказано, что "слова устанавливаются сообразно разумению толпы... Слова прямо насилуют. Для сменившей средневековые эпохи Возрождения характерен исключительный интерес к отдельной человеческой личности. "Слова прямо насилуют разум, смешивают всё и ведут людей к пустым и бесчисленным спорам и толкованиям" (Ф.Бекон). И созвучно ему говорит другой естествоиспытатель К.Линней: "Если ты не знаешь слов, то невозможно и исследование вещей". А заучивание лексических значений слов из современных словарей нельзя назвать ЗНАНИЕМ Слова. В общем, чем проще и беднее сознание, тем оно бесчувственнее к Языку и Природе, к течению живых явлений и смыслов. И, наоборот, чем совершеннее сознание, тем оно ближе к Природе и тем глубже понимание и чувствование языковых процессов, когда только и открываются сокровенные тайны Живого Слова.

- "Что может сделать несколько слов? Несколько слов может обидеть человека. Может принести радость или добрую новость, может разжечь войну или привести толпы людей в отчаяние. Мы знаем, что "Смерть и жизнь – во власти языка" (Прит.18:22). Наш язык и наши слова могут изменить нашу жизнь полностью. И опыт человечества показывает, что во многих ситуациях лучше промолчать".

- "Человек один среди всех созданных Богом тварей получил дар речи. Святые отцы видят в этом "отпечаток образа Божия в человеке". Но, будучи высшим даром, речь в то же время – суд человеку, ибо слово может стать

средством падения, самоуничтожения, обмана и греха. Слово может спасти и убить, вдохновить и отравить. Правда является в слове, но и ложь облекается в словесную форму. Когда слово отклоняется от своей Божественной природы и назначения, оно становится праздным, подкрепляет и выражает дух праздности, уныния и любоначалия".

- "Слово праздное то, которое учит делать добро, а само не делает. Плохой отзыв о другом – праздное слово" (Преподобный Ефрем Сирий).

"Язык для тебя и оружие неправды, если он не от сердца говорит, но для обмана других... Жизнь наша наполнена грехопадениями языка: постыдные, смехотворные, глупые, непристойные речи, пересуды, празднословие, лживые клятвы, ложные свидетельства (наговоры, оклеветания) – всё это и гораздо ещё большее число зол – это произведение языка. А те, которые отверзают уста свои на поругание славы Божией или "говорят свысока" (Пс. 72:8), каким орудием совершают своё нечестие, как не орудием языка?"

Праздное слово есть слово несообразное с делом, ложное, дышащее клеветой, а также... и пустое слово, например, возбуждающее смех, срамное, бесстыдное, неблагопристойное.

Привычка к словам негодным служит некоторым путём и к делам. Поэтому со всяким охранением надо оберегать душу, чтобы, находя удовольствие в словах, незаметно не принять чего-нибудь плохого, как иные с мёдом глотают отраву (Святитель Василий Великий)".

- А.Ледяев. Давид и Урия:

"Пышные речи, глубокомысленные соболезнования, яркие эпиграммы, скорбные эпитафии, словесный хлам и мусор – неизбежные спутники любой авантюры. Слова, слова, слова. Как много их нужно, чтобы оправдать преступление, замести следы и уgomонить разбуженную совесть. Слова, слова, слова. Пустые и надутые, бессмысленные и лживые, лукавые и ядовитые. Слова, во власти которых жизнь и смерть. Слова, слова, слова..."

- В.Распутин: "Только избегайте красотей и высоких, не в меру высоких слов для изображения нашей грешной жизни. Это всё равно, что на работу выходить со знамёнами".

2. О роли и силе человеческого слова

- С.Фурсова. Силе слова повинуюсь. "В начале было Слово..." (Евангелие от Иоанна 1:1). "Верь в звук слов: смысл тайн в них!" (В. Брюсов).

Слова формируют сознание и мышление человека. С самого раннего детства и до глубокой старости жизнь человека связана со словами. Невозможно представить реальную жизнь без слов. Это факт. Насколько умело каждый из нас использует то, что Творец вложил в уста? Слова – это главное движущее средство, приводящее в действие добро или зло. Слова могут быть сказанные, написанные, или же произнесённые внутри. Слова – это

сильнодействующий инструмент в наших руках, при помощи которого мы выражаем позитивные или негативные эмоции, возвышенные или низменные чувства, принимаем или отвергаем события нашей жизни...

С помощью слов заявляем о своих потребностях и желаниях, беседуем с людьми или ведём бесконечные диалоги с самим собой. Слова нам нужны для того, чтобы высказать свою позицию, отношение к чему-либо или к кому-либо. Со словами в нашу жизнь приходит мудрость. Словами мы передаём свой опыт, знания. Словами связываются поколения.

Слово имеет силу побуждать к действию, которое может привести к подвигу. Слово может "парализовать", остановить человека на пути. С помощью слов мы восторгаемся красотой Вселенной и этим самым притягиваем чудеса в свою жизнь. Посредством слов заявляем миру о себе: кто мы есть, для чего живём, о чём мечтаем.

Словом можно исцелить! Словом можно ранить! Словом можно убить! Словом можно обидеть! Словом можно примириться! Словом можно возвыситься! Словом можно унизиться! Подумайте! Только слово и никаких действий! Итог! При помощи слов люди: общаются, устанавливают контакты, разрывают отношения, выражают свои чувства и эмоции, вызывают чувства и эмоции у собеседника. Можно утверждать, что слова – это мощное оружие влияния на свою жизнь, на жизни окружающих и даже на изменение самой жизни.

Правильно ли мы используем слова в жизни? Служат ли они созиданию и улучшению нашей судьбы, жизни близких нам людей или же несколькими движениями губ мы разрушаем то, что уже сотворено и служило благом для нас?

Задумаемся! Являются ли сказанные слова животворящими, вселяют ли они веру в детей, надежду в ближнего, любовь в возлюбленных? Или же вдребезги разбивают последние крохи взаимопонимания и доверия?

Какие слова преобладают в нашей речи: слова, которые назидают, подбадривают, укрепляют, наставляют или же слова, которые уничижают, обвиняют, пристыжают, подавляют?

Сила слова в жизни неописуемо велика! Довольны ли мы тем, как используем её? Даём ли себе отчёт, как наше слово отзовется в жизни родной дочери или сына, сестры или брата, жены или мужа, матери или отца, ученицы или ученика...

Понимаем ли мы, что "Слово не воробей, вылетит – не поймаешь"?

Уделить время подобным размышлениям очень полезно. Всегда ли осознаётся истинный смысл каждого сказанного, написанного или внутри произнесённого слова? Сейчас многие на распутье. Кризис всколыхнул не одну довольно спокойную жизнь. Начать изменения в себе никогда не поздно, и начать можно с анализа слов, которые преобладают в жизни.

Кто желает сдвинуться с места, выйти из жизненного тупика, запишите слова, которые чаще всего вы говорите себе, своим близким (особенно детям), коллегам, друзьям... А далее дайте анализ им, исходя из понимания, что за каждым словом есть сила. В какое русло вы продвигаете жизнь вокруг себя, используя только слово? Результаты, могут удивить, а кого-то даже и ошеломить.

Помните! Сила слов способна менять направление! Изменяя свои слова, можно быть уверенным, что внутренняя работа по развороту от тотальных провалов к успехам стартовала. Это нелегко, но очень действенно и растянуто во времени.

Я хочу убедить каждого, что очень важно правильно и мудро использовать наш язык в общении с самим собой и дорогими нам людьми.

И напоследок... Гении, уходя из жизни, оставляют своё творческое наследие, которое заставляет остановиться на миг и задуматься. Далее подборка мыслей известных людей о слове.

Слова – это то единственное, что остаётся на века (У.Хезлитт).

В каждом слове бездна пространства, каждое слово необъятно (Н.Гоголь).

Нам не дано предугадать, / Как слово наше отзовется (Ф.Тютчев).

Как ни коротки слова, всё же они требуют самого серьёзного размышления (Пифагор).

Когда не знаешь слов, нечем познавать людей (Конфуций).

Когда слово не бьёт, то и палка не поможет (Сократ).

Ты от зверей отличен слова даром (Саади).

Полезнее наобум бросить камень, чем пустое слово (Пифагор).

Цени слово. Каждое может быть твоим последним (Лец).

Не знаю ничего прекраснее, чем умение силою слова приковывать к себе толпу слушателей, привлекать их расположение, направлять их волю, куда хочешь, и отвращать её, откуда хочешь (Цицерон).

Металл узнаётся по звону, а человек – по слову (Грасин-и-Моралес).

Воздержанность и распушенность проявляются не только в поступках, но и в словах (Абу-ль-Фарадж).

Столько же создать может слово, сколько разрушить страх (Иоанн Златоуст).

Ржавеет золото и истлевает сталь, / Крошится мрамор. / К смерти всё готово. / Всего прочнее на земле – печаль, / И долговечней – царственное слово (А.Ахматова).

Словами можно смерть предотвратить, / Словами можно мёртвых оживить (Навои А).

В душах есть всё, что есть в небе, и много иного. / В этой душе создано первозданное Слово! (К.Бальмонт).

Нет магии сильней, чем магия слов (А.Франс)".

8/8/09. Если нет своего понимания (мнения), то вспоминают обычно и используют чужие слова. И к такому положению вещей быстро привыкают, совсем не зря такая авторитарность.

• Юрий Минералов. Сила слова // Переправа. 2008. № 1.

В XX веке почти без взаимного соприкосновения существовало то, что говорит о "силе слова": с одной стороны, филология как наука (стилистика – применительно к обычной речи, поэтика и риторика – применительно к речи художественной) и, с другой стороны, богословие (которое темой "силы слова" интересуется не в меньшей степени, но подходит к ней в ином плане). Впрочем, одна авторитетная филологическая концепция привлекла самое пристальное внимание богословов. Было это в Серебряный век, когда подразумеваемая концепция стала чрезвычайно популярна в литературно-художественных кругах и её воздействие на современную словесную культуру было весьма интенсивным. Речь идёт о филологической концепции А.А.Потебни.

Труды скромного харьковского профессора, скончавшегося в 1891 году, в Серебряный век заново "открыли" для себя, назвав их автора великим мыслителем, деятели русского символизма. Для их теорий, опирающихся на феномены символа, художественно-творческого синтеза – по-особому трактуемого, по-особому понимаемой стилизации и т.п., оказалось чрезвычайно близким то, как переосмыслил А.А.Потебня восходящее к античности понятие "внутренней формы". Для Потебни внутренняя форма есть нечто центральное и в языке, и в стиле художественной словесности. По Потебне, внутренняя форма, как известно, образует сложную иерархию (внутренняя форма слова – словосочетания – фразы – строфы – абзацы – главы – части... – вплоть до внутренней формы произведения как целого). Символистов в соответствии с их творческими устремлениями заинтересовал, пожалуй, более всего круг вопросов, связанных с внутренней формой слова и образного словосочетания – тропа (в особенности символа), да и вся потебнианская концепция была воспринята сквозь призму мистического символистского мировидения. Так, А.Белый в работе, в подражание знаменитому труду Потебни названной им "Мысль и язык", писал: "От лингвистики, грамматики и психологии словесных символов приходит Потебня к утверждению мистики самого слова...". На деле в работах А.А.Потебни нет прямых утверждений этого рода. Но значит ли последнее, что А.Белый совершенно произвольно приписал его концепции данную черту?

Цитированная брошюра А.Белого опубликована в 1910 году, однако, ещё годом ранее в "Богословском вестнике" вышла статья П.А.Флоренского "Новая книга по русской грамматике", где молодой теолог, будущий священник, тоже в восторженном тоне отзывается о концепции Потебни, на-

зывая его даже "святым от науки". Флоренский в качестве богослова отнюдь не одинок в своём внимании к слову и языку. Его старший современник святой праведный Иоанн Кронштадтский записывал в своём дневнике "Моя жизнь во Христе":

"Словесное существо! Помни, что ты имеешь начало от слова Всетворца и в соединении (через веру) с зиждительным словом, посредством веры, сам можешь быть зиждителем вещественным и духовным". "Помни, что в самом слове заключается возможность дела; только веру твёрдую надо иметь в силу слова, в его творческую способность".

Если вернуться к символистам, то их мистика опиралась именно на веру в "силу и совершимость слова" – впрочем, эта вера, что важно, символистами с их теософскими, оккультными, гностическими увлечениями извращалась в явно не христианском, а то и антихристианском духе. Такие их теоретики, как уже цитированный А.Белый или Вяч. Иванов, в своих мечтах о придании художественному символу мистических энергий предпочитают ссылаться не на христианские молитвы, а на источники совсем иного рода – на "заговоры и заклинания" языческих "жрецов и волхвов", на практику колдунов и магов. Православие, как известно, не отрицает определённой действительности колдовских словесных текстов, однако чётко указывает, что "помощь" практикующему чародею приходит от злых сатанинских сил. Такая "помощь" таит огромную опасность: "Кто в каком слове упражняется, – на заре христианства писал св. Петр Дамаскин, – тот получает свойство того слова, хотя этого и не видят неопытные, как видят имеющие духовность". В православных святоотеческих текстах содержится множество примеров исполнения молитв – чудесных спасений, исцелений и т.д. (констатируем это как факт, не пытаясь вдаваться в разбор такого рода свидетельств). Обычно описывается исполнение какой-либо конкретной молитвенной просьбы, обращённой верующим к Богу. Но вот интересный случай иного рода, рассказанный в относительно недавнее время нашим православным святым епископом Игнатием Брянчаниновым, образованнейшим богословом, ярким писателем, современником Тургенева и Гоголя. Его посетил в монастыре пришедший в Россию с самого Афона монах, в котором св. Игнатий заметил "что-то особенное", а беседа с монахом обнаружила, что тот "в самодовольстве, в восторге от себя, в самооболении, в прелести" (то есть в сатанинском прельщении – Ю.М.). При этом, что особенно интересно, оказалось, что пришелец с Афона способен ходить в зимний мороз без тёплой одежды, может почти ничего не есть, не спать, и носит тяжёлые вериги. Св. Игнатий рассказал тогда гостю, что проводит якобы "развлечённую жизнь" и потому сам не способен опробовать описанный Святыми Отцами особый способ молиться "со вниманием", но просит сде-

лать так пришельца. Тот усмотрел в этой просьбе комплимент своей "святости" и охотно согласился.

И вот всего через несколько дней такой молитвы монах, подобно обычным людям, стал зябнуть на морозе, испытывать потребность в еде и сне и, ошеломлённый, поспешил снять с себя и вериги. Естественно, молился он Богу о своём помиловании, а не об отнятии у своего организма всех этих "чудесных" свойств, – то есть соответствующих именно им слов не произносил. Но лишился как раз их, хотя напрямую не просил об этом и явно на это не рассчитывал.

Опять-таки не дерзая на личный комментарий приведённому свидетельству (фактическая достоверность которого несомненна), обратим внимание, что П.А.Флоренский, давая богословское объяснение силе слова, предлагал "искать и магическое средоточие слова в том же центре его, где нашли мы средоточие лингвистическое". Напомним, что этот "центр", эта "душа" слова есть, по Флоренскому, потебнианская внутренняя форма. Потебня не раз писал, что главное во внутренней форме, её смысловых возможностях то, что она представляет собою образ. Образ же не сводим к улавливаемому (и то не всегда) этимологическим анализом ближайшему образному признаку слова. В образе присутствует, по Потебне, в "сгущённом", "сконденсированном" виде множество разнообразных смыслов. По роду научных интересов А.А.Потебне приходилось, как известно, помимо языка и литературы много заниматься изучением славянских языческих верований, как и текстов, используемых колдунами и волхвами, вообще древней мифологической образностью. Так, именно на труды А.А.Потебни опирается А.Блок в таком характерном своем эссе, как "Поэзия заговоров и заклинаний". Хотя сам Потебня, вопреки А.Белому (и в отличие от него, как и иных символистов), к теме "мистики слова" не обращался, оставаясь в пределах научной филологии, однако фактический материал он всегда собирал огромный. Отталкиваясь от подобных фактов, Вяч. Иванов в разгар Серебряного века напишет, что "жрецы и волхвы" знали некогда "особенное, таинственное значение" обычных слов.

Оставим, однако, этого рода материал, сосредоточив внимание на ином – на христианском понимании силы слова. Так, Никодим Святогорец пишет, что в словах молитвенных "заклѹчен и дух молитвенный; сим же духом преисполнишься и ты, если будешь их прочитывать так, как должно, как дух какого-нибудь писателя сообщается тому, кто читает его с полным вниманием". А современный священник, о. Родион в книге "Люди и демоны" облекает обсуждение последнего семасиологического тезиса в более близкие нашему времени категории: "Такова наша природа. Фиксируя на чём-либо своё внимание, человек простирается своим биополем к данному объекту и входит с ним в контакт. Читая, например, книгу, мы невидимым

образом устанавливаем связь с её автором (даже если тот уже умер) и с тем состоянием души, в котором находился писатель в момент создания своего произведения. <...> И вот почему так вредно читать литературу, написанную страстными, неочищенными людьми, от которых человек может заразиться их страстями, и тем более – демоническую (учителей йоги, например). Через подобные тексты читатель открывается для воздействия...". Вспомнив цитированные слова св. Петра Дамаскина, можно сделать вывод, что всё приведённое – как бы лейтмотив православных воззрений на данную тему. Прибавим ещё суждение св. Игнатия Брянчанинова: "Если же ты позволил исписать и исчеркать скрижали души разнообразными понятиями и впечатлениями, не разбирая благоразумно и осторожно – кто писатель, что он пишет: то вычисти написанное писателями чуждыми, вычисти покаянием и отвержением всего богопротивного".

Таким образом, православное богословие не только развило по-своему стройную систему воззрений на слово, словесность, взятые с их семасиологической стороны, интересным образом сближаясь иногда с научно-филологическим отношением к проблеме (как в случае с А.А. Потебнёй), но и осветило в уникальном – религиозно-мистическом – аспекте тему ответственности писателя, вообще ответственности за произнесённое ли, написанное ли слово, художественное и нехудожественное. Или, ещё раз прибегая к высказываниям святого праведного Иоанна Кронштадтского, "никакое слово не праздно, но имеет или должно иметь в себе свою силу, и горе празднословящим, ибо они дадут ответ за свое празднословие". Эти материи инстинктивно всегда ощущала русская литература, которая ставила вопрос об ответственности писателя (гражданской, социальной, нравственной и т.д., и т.п.), пожалуй, острее, чем какая-либо другая". [Заметки на полях. Почти всё так или иначе уже высказано было, до меня и для меня? Каждое высказывание и слово имеет свой вес, как и здравый смысл, уместность и целесообразность].

3. Слово истины – духовный мир

- Книга Жизни. "Живое слово: Каждый из нас от начала осознанного пути земного имеет оружие – Слово. Но не все из нас способны признаться себе в этом.

Книга Жизни состоит из живых слов, которые и призваны помочь каждому встать на путь признания и осознания. Что может слово? Слово может всё! Поскольку Новая Мировая Религия является результатом долгой и кропотливой работы на базе синтеза признанного и осознанного с признанием и осознанием неоткрытого. Мы говорим, что и до нас многие отмечали силу живого Слова.

Слово может убить и спасти, слово может вознести и низвергнуть, слово может созидать и разрушать. Слово – это джинн, выполняющий желания произносящего его. Но подлинная сила слова проявляется лишь в устах и мыслях признавшего и осознавшего. Слово – это маска, которую надевает сознание для нас. Мы создали эту маску, поэтому должны всецело управлять ею. Только так мы сможем обрести свой путь, познать гармонию.

То, что написано здесь, – на первый взгляд, всего лишь слова, – но какие! За каждым словом скрыт глубокий культурный слой, выраженный в семантике слова, что, в конечном счёте, приводит нас к синтезу, которым пользовались, пользуются и будут пользоваться.

Итак, Слово – это мы, а мы – это слово".

• А.Арапов. Контекстуальные подходы в современной библейской герменевтике. Русская библейская герменевтика и теория сакральной коммуникации в 19 – 20 веках.

"Основные понятия теории сакральной коммуникации П.А.Флоренского. Сакральное слово для П.А.Флоренского связано не только с образом сакрального объекта, но с его сущностью. Присутствие слова вызывает присутствие сущности. Причём сущность объекта присутствует в слове через энергию – определённый аспект объекта. Изучение сакрального текста позволяет получить сведения не только об образе Бога, но и о самом Боге. "Явление являет являемое" (П.А.Флоренский У водоразделов мысли). Такой подход коренным образом отличается от подхода либеральной протестантской герменевтики, для которого сакральное слово связано не с самим сакральным объектом, а с его образом или понятием. Таким образом, исследуя сакральный текст, мы получаем сведения лишь об образе Бога, а не самом Боге.

Для протестантизма важен глагол – процесс, действие. Для православия сущностное – сущность, деятель. Основными понятиями теории сакральной коммуникации Флоренского являются сущность, энергия, символ, слово и имя. "Сущность" – внутренняя сторона бытия, которой оно обращено к себе. "Энергия" – внешняя сторона бытия, направленная к другому бытию, которое служит обнаружению, явлению, раскрытию". Для познания необходим резонанс энергии познающего и познаваемого бытия, этот резонанс именуется синергией. Пример – настройка колебательного контура приёмника.

Символ – сущность, являющаяся энергией другой сущности, более ценной. Символ "несёт на себе" эту другую сущность через её энергию. Слово – выражение этой синергии, соединение энергии познающего и познаваемого. Слово есть не копия реальности, а сама реальность. Оно выражает и раскрывает как сущность объекта, так и сущность субъекта познания, соединением энергий которого оно является. Имя – слово, обладающее особой духовной интенсивностью. Каждое последующее понятие является

частным случаем предыдущего. Имена делятся на имена нарицательные и имена собственные".

● А.С.Холманский. Сакральный язык Библии

"Библия есть учебник по обожению человека. Она актуальна всегда и везде благодаря фрактальному принципу подачи истинного знания о духовной сущности законов бытия. Фрактальность или самоподобие, есть следствие изоморфизма, как физического – между Вселенной и человеком, так и духовного – между человеком и Богом. Сакральный язык Библии образует сама фактура бытия её героев. Глубина разума священного смысла Библии сопряжена с уровнем самопознания человека. Физическая суть природы Христа, реализуясь в человеке в процессе его умственной деятельности, делает его христианином и одновременно причастником сущности Бога: "Бог бе слово" (Ин 1, 1).

Образно говоря, логика есть механизм материализации Слова Божия или Света-импульса в форме слова человеческого: "Бог бе Слово (Logoz); Свет истинный, иже просвещает всякого человека; Слово плоть бысть" (Ин 1, 1; 9; 14). Усвоенная человеком крупица непрерывного Духа сообщает знаково-фонетической форме мысли смысловую связанность и практическую ценность: "даётся явление Духа на пользу" (1 Кор. 12, 7). Человеку же на роду было написано обрести способность резонировать "на силы гласа" (1 Кор. 14, 11) Слова Божия, то есть на ЭФ-Премудрости: "Человеколюбив бо дух премудрости" (Прем 1, 6).

Духовный язык. По письму можно изучить или, по крайней мере, судить о национальном характере мышления людей, его создавших. Мышление народа, обладающего высоким, строгим, монументальным письмом, несомненно отличается от мышления народа с мелким, орнаментальным письмом. О путях духовной эволюции человека однозначно свидетельствует развитие средств выражения мысли – знаки-символы устной и письменной речи. Насколько точно эти знаки подобны сущности мысли: "Помышления ваша от мысли Моея" (Ис 55, 9), – настолько же ясно человек понимает ту или иную открывшуюся его духовному взору закономерность в изменении порядка мира.

Условимся называть язык, на котором излагается духовная сущность физических законов и явлений духовным языком: "Испонишася вся Духа Свята и начаша глаголати иными языки" (Дея 2, 4). Духовный язык имеет свою знаково-символическую систему выражения, которую назовём сакральным (священным) языком: "кая писмена начала словес Божиих" (Евр 5, 12). Сакральный язык включает в себя систему знаков-символов и правил их сочетания в мыслеформы. Физика самого сакрального языка, как явления духовной сферы, будет родственна физике организации порядка мира,

который предшествует порядку элементарных частиц и ядер. Азбука сакрального языка опирается на законы взаимодействия ЭФ как между собой, так и с веществом и в этом смысле сакральный язык является дополнительным по отношению к научному языку.

Языческие мифы, народные сказки и легенды, авторизованные произведения древности, составляя основу культурного наследия человечества, играли и играют большую роль в духовной эволюции человека. Предела информативной ёмкости достиг сакральный язык в Священных Писаниях (Библия, Коран). Их тексты несут в себе поистине безмерную глубину многомерного смысла, сочетая в своих сюжетах буквально-исторический, мифо-аллегорический и сакрално-символический смыслы. Сакральный подтекст Священных Писаний наделяет их уникальным свойством священнодействия. При вдумчиво-доверительном чтении Библии она может стать источником благодетельного Света, под действием которого совершенствуется архитектоника мозга и усиливаются творческие способности человека: "не в препетельных человеческия премудрости словесах, но в явлении духа и силы" (1 Кор. 2, 4). Аналогичным образом действует на молящегося человека умная молитва: "молитва моя в недро моё возвратится" (Пс 34, 13)".

● Тахо-Годи. Греческая мифология

"Греки различали "слово" как "миф", "слово" как "эпос" и "слово" как "логос".

Итак, выясняется, что древняя традиция совсем не случайно именовала "мифом" слово о богах и героях, закрепив за песнями об их подвигах наименование "эпоса" и предоставив "логосу" сферу философии, науки и рассуждающей мысли вообще".

● "Что касается Китая, то даже и в самом китайском языке отсутствует слово "бог", на что обратил внимание ещё А.Шопенгауэр. Слово "шэнь" означает: психическое начало в человеке (шэньсюэ – "теология"), дух в его отличии от тела (дух умершего), нечто необычное, сакральное, стихийное, природное божество (божество ветра, дождя, горы и т.п.). Поэтому христианские миссионеры так и не могли решить, как переводить слово "бог" на китайский язык, а первые проповедники-иезуиты вообще предпочитали транскрипцию тэусы (от лат. deus и греч. theos)".

● М.Лейрис. Сакральное в повседневной жизни: "Существуют сообщества, куда, казалось бы, не вмешивается сакральное – это животные сообщества; существуют сообщества, в которых сакральное оказывается, по крайней мере на первый взгляд, на пути к исчезновению – это сообщества развитой цивилизации, такой, как наша" (Батай). "Если всё, что касается языка, кажется мне по крайней мере в какой-то степени несущим на себе

печать сакрального, то потому, что сущность языка – быть инструментом общения, духовного объединения" (Лейрис).

Чем является для меня сакральное? Точнее, в чём заключается моё сакральное? Каковы объекты, места, обстоятельства, которые пробуждают во мне эту смесь страха и преданности, это двойственное отношение, вызванное восприятием вещи одновременно как притягательной, так и опасной, как авторитетной, так и отвергаемой, этой смесью почтения, желания и ужаса, которая может быть принята за психологический признак сакрального?

Речь не идет о том, чтобы определить мою шкалу ценностей, определить, что для меня является самым важным и самым ценным в общепринятом смысле слова, стоящим на вершине существования. Речь, скорее, о том, чтобы найти среди неких весьма скромных фактов, взятых из повседневной жизни и пребывающих вне сферы того, что сегодня официально называется сакральным (религия, мораль), выявить посредством анализа мельчайших фактов, какие же черты позволили бы охарактеризовать моё сакральное со стороны его качеств. Какие черты могли бы помочь зафиксировать границу, начиная с которой я знаю, что уже не нахожусь более в пространстве обычных вещей (ничтожных или серьёзных, приятных или мучительных), но уже проник в мир, так радикально отличающийся от профанного, как огонь отличается от воды".

● А.Езеров. Священный язык: "Им не нравится сакральность, высокое, небесное великолепие священных языков, их в буквальном смысле таинственность, которые должны уступить место профанности, приземлённости, "усреднённости", а иногда и кощунам новоязов, так как им необходимо ослабить содержание через упрощение, стандартизацию, измельчение и профанацию конкретных языковых форм Слова.

Всё дело в том, что сакральные языки (санскрит, иврит, сирийский-пешито, геэз, коптский, арабский, зенд (древнеперсидский), древнегреческий, латынь, армянский, старогрузинский, славянский, древнеирландский, "классический" (Библии короля Якова и Шекспира) английский, возможно – и ассирийский и т.п., и проч.) значительно и существенно ближе к языку-первообразу, к Едемскому сакральному (священному) языку праотца Адама и Евы – к праязыку человечества. Профанная, секулярная, апостасийная реальность даёт "социальный заказ" на профанацию языков, текстов, человеческих отношений. Но стоит ли исполнять заказ сей, если мы хотим быть причастными высшей реальности?"

● Протопресвитер А.Шмеман. Любовь – скрытый двигатель нашей жизни и её цель:

"Вернёмся к молитве святого Ефрема Сирина. Вслушаемся в эту простейшую просьбу человека, осознавшего вдруг неправду своей жизни и то, что эту неправду составляет: "Дух праздности, уныния, любоначалия и

празднословия не даждь ми". Вот первое – не дай мне, огради, защити, избави меня. От чего? От таких с виду простых недостатков, такой, казалось бы, мелочи. Дух праздности. Какая же, скажет современный человек, у нас праздность, когда каждый из нас изнемогает от работы, когда ритмы и темпы жизни ускоряются, когда немного праздности и есть, казалось бы, то, что нам больше всего нужно. Но слово "праздность" совсем не означает безделья и физического отдыха. Слово "праздный" означает, прежде всего, пустой. От духа пустоты избави меня. И вот сразу нам указана самая страшная болезнь человеческого духа: пустота.

Да, мы работаем, мы спешим, мы суетимся буквально день и ночь, но в чём же сущность, в чём смысл всей этой спешки и суеты? Не бывает ли так, что мы вдруг на минуту как бы останавливаемся, и вот – тишина вокруг нас, и так ясна становится пустота и бессмыслица нашей жизни. Есть страшный в своей правдивости и простоте стих поэта: "Жизнь прошумела и ушла". И, быть может, мы оттого и глушим себя работой, может быть весь мир вокруг нас так шумит и грохочет, что все хотят скрыть от себя, от других эту бездонную пустоту. Во имя чего? Куда? Для чего? "Жизнь прошумела и ушла". И вот, углубляясь в себя и вглядываясь в этот – такой короткий – дар жизни, мы просим спасти и защитить нас, избавить от первоосновы всякого зла: от пустоты, бессмыслицы, от страшной опустошённости души, в которой так часто пребываем.

Празднословие может показаться таким маленьким, таким незначительным недостатком. Ну что в этом такого уж страшного? Болтовня, красное словцо, пустословие... Все мы люди, все мы человеки, все этим погрешаем, и уж несомненно есть грехи куда более страшные. Так нам кажется, так все мы привыкли думать. Но в Евангелии сказано: "За каждое пустое слово даст ответ человек". И мы начинаем задумываться, так ли всё просто и невинно с этим "празднословием"? Каждый из нас, если бы он только вдумался не в отвлечённые теории, а в свою собственную жизнь, если бы он хорошенько припомнил её, то тотчас же убедился бы в том, что слова, – слова, сказанные им или сказанные ему – наверное, принесли ему в жизни больше всего страдания, испортили больше всего крови, отравили больше всего минут, часов и дней. Клевета, донос, предательство, измена, ложь, сплетни – всё это страшные явления, и все они совершаются посредством слова и только слова, и этого одного уже достаточно было бы, чтобы почувствовать его страшную силу.

Действительно, им, словом, выражается и создаётся добро, красота, мудрость. Но им же добро, красота и мудрость разрушаются. Слово может отравить душу, наполнить её подозрением, страхом, злобой, ненавистью, цинизмом. И, конечно, не только в личной, частной жизни. Мы живём в эпоху действительно космического празднословия. Газеты, радио, книги,

школы – всё это орудия, всё это – чуть ли не символы одного грандиозного, сплошного, непрекращающегося "празднословия", долженствующего забить наши головы, наполнить их чужими идеями, заставить нас думать так, как этого желают так называемые "властители дум". Можно без всякого преувеличения сказать, что мир болен, отравлен "празднословием", которое в конечном счёте есть всегда ложь.

Христианство считает дар слова высшим, действительно божественным даром, данным человеку. Оно противопоставляет человека как существо словесное – существам бессловесным. Оно самого Бога называет Словом и говорит про Него в Евангелии: "В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог". Но именно потому, что христианство так высоко ставит слово, наделяет его такой великой творческой силой, оно с таким ужасом воспринимает пустое слово – "празднословие" – эту измену слова самому себе, когда из орудия добра и света оно становится орудием зла и тьмы... "За каждое пустое слово даст ответ человек". И ещё: "От слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься...".

Каждый из нас дал бы дорого, чтобы вот это слово, отравившее жизнь, оказалось никогда не сказанным. Всё это нужно вспомнить и почувствовать, чтобы понять – почему, наряду с праздностью, унынием и любоначалием, молитва св. Ефрема Сирина ставит, как один из четырёх главных грехов, как одно из основных зол – "празднословие". "Дух празднословия не даждь ми". С очищения слова, с восстановления его в его первоизданной силе начинается очищение и возрождение жизни. Мы говорим: "взвешивать каждое слово". Да, именно взвешивать. Но взвешивать не только на весах осторожности, пользы и расчёта, но на весах правды, добра и истины".

- "Власть кого должна быть доминирующей в церкви? Исключительно Бога. А Он руководит нами через Своё Слово. То есть в собрании Слово должно быть главенствующим. Все ответы и руководство нужно искать в Слове". "Следовательно, чтобы человек спасся, ему нужно слышать Слово".

[Мой комментарий: Церковь как организация стоит и держится на Слове (Бог, Библия, Коран) и внушении. Моё возражение: легко сказать "внять Истине", но как это исполнить на деле?]

- "Куда интереснее подспудное противопоставление религиозных понятий "музыка" и "слово".

- А.И.Осипов: "Сложность передачи даже обычных чувств очевидна. Мы говорим: "Было очень весело" или: "У меня тяжело на душе". Но что стоит за этими словами, другому человеку никогда точно не узнать – внутренний мир глубоко индивидуален и по существу непередаваем. Также и в религии. Для действительно, а не номинально, верующего она открывает особый духовный мир, Бога и такое бесконечно богатое многообразие ду-

ховных переживаний, которые другому человеку (хотя бы и прекрасно знающему внешнюю сторону религии) словами передать его невозможно".

"Но все подобные свидетельства останутся бессильными, если сам человек не прикоснётся к миру таинственной Божественной жизни. Не имея живой связи с Богом, не изучив аскетического опыта святых отцов, он не сможет понять религии и неизбежно создаст себе глубоко искажённый её образ. В какие наиболее распространённые ошибки впадает при этом человек, можно хорошо видеть на типичных примерах религиозных взглядов трёх немецких мыслителей: Канта, Шлейермахера, Гегеля". С.Н.Булгаков: "лишь бледное представление о опаляющем огне религиозного переживания даётся мыслью..."

● Г.Гессе. Эссе и отрывки из книг. Внутри и снаружи:

"Ничего нет снаружи, ничего нет внутри. Религиозный смысл этого выражения тебе известен: Бог находится везде. Он в нашем духе, он также и в природе. Всё божественно, потому что Бог – это вселенная. Раньше мы называли это пантеизмом. Потом философский смысл: разделение между внешним и внутренним привычно нашему мышлению, однако не является для него необходимым. Наш дух имеет возможность удаляться за пределы границ, которые мы для него провели – по другую сторону. По ту сторону пар-противоположностей, из которых состоит наш мир, начинается его новое, иное познание. Но, мой дорогой друг, я должен тебе признаться: с тех пор как моё мышление изменилось, для меня больше не существует однозначных слов и изречений, а каждое слово имеет десятки, сотни значений. Именно здесь и начинается то, чего ты страшишься: магия.

Божок снова выйдет из тебя. Верь мне. Верь самому себе. Ты научился верить в него. Научись теперь любить его! Он в тебе, но он пока мёртв, он пока остаётся для тебя призраком. Разбуди его, заговори с ним, спроси его! Ведь он – это ты сам! Не испытывай больше к нему ненависти, не страшишься его, не мучай его – а как ты мучил этого бедного божка, который был ничем иным, как твоим отражением! Как мучил ты сам себя!

Эрвин молвил:

– Да, это и есть путь к магии, и самый трудный шаг ты, пожалуй, уже сделал. Ты увидел: внешнее может стать внутренним. Ты был по ту сторону пар-противоположностей. Это показалось тебе адом: научись видеть, друг мой, что это – рай! Ибо это рай, что ждёт тебя впереди. В чём состоит магия? В перестановке местами внешнего и внутреннего, не по принуждению, не страдальчески, как это делал ты, а свободно, с охотой. Вызови прошлое, вызови будущее: и то и другое находится в тебе! До сегодняшнего дня ты был рабом того, что у тебя внутри. Научись же быть его властелином. Это и есть магия".

● М.Эпштейн. Проективный словарь философии: "После того, как само Слово обрело плоть, и жило среди людей, и было распято, и воскресло –

какое ещё слово мог обратиться Бог к людям? Теперь слово – за человеком. Бог молчит, чтобы слушать нас. В этом молчании готовится Его последнее слово, которое явится во славе, чтобы судить мир".

"Любое слово можно перетолковать, извратить, опредметить – но нельзя опредметить слух. Тайное сильнее явного, слух сильнее голоса. То, к чему относит себя религия после атеизма, уже не есть некий обнаруживающий себя голос, но есть всё вбирающий слух. Безбожие борется со словом Божиим, а Бог побеждает его своим слухом.

Церковь доносит до нас слово Божье. Но как донести глубину Его слуха? Можно ли воздвигнуть храм Слуху? У него нет проявлений, очертаний, нет слов, но всем словам он даёт тот последний смысл, ради которого они звучат. Религия Слова переживает ныне огромное потрясение: падение и новый подъём – превращаясь в религию Слуха. У религии Слуха нет пророка и провозвестника, потому что она живёт и движется не Словом, которое было в начале, а Слухом, которому мы отвечаем в конце".

- Как писал У.Джеймс, "слово "религия" следует рассматривать скорее как собирательное имя, нежели как обозначение единого и цельного явления. С точки зрения Джеймса, попытка создать некое отвлечённое понятие, в котором все особенности конкретных религий стираются, больше затемняет явление, чем проливает на него свет".

4. Сакральное слово

- Н.Б.Мечковская. Язык и религия. Фидеистическое отношение к слову. Безусловное восприятие знака как предпосылка и первоэлемент словесной магии:

"Магическая ("заклинательная") функция языка и неконвенциональное (безусловное) отношение к знаку.

Один из наиболее глубоких языковедов XX в. Р.О.Якобсон на основе теории коммуникативного акта определил систему функций языка и речи. Три из них являются универсальными, т.е. такими, которые присущи любым языкам во все исторические эпохи. Это, во-первых, функция сообщения информации, во-вторых, экспрессивно-эмотивная функция (выражение говорящим или пишущим своего отношения к тому, о чём он сообщает) и, в-третьих, призывно-побудительная функция, связанная с регуляцией поведения адресата сообщения (почему эту функцию иногда называют регулятивной). В качестве частного случая призывно-побудительной функции Якобсон называет магическую функцию, с той существенной разницей, что в случае словесной магии адресат речи – это не собеседник (грамматическое 2-е лицо), а неодушевлённое или неведомое "3-е лицо", возможно, высшая сила: Пусть скорее сойдет этот ячмень, тыфу, тыфу, тыфу! (литовское заклинание, см.: Якобсон, [1960] 1975, 200).

...в религиях Писания – священные тексты, т.е. тексты, которым приписывается божественное происхождение; можно считать, например, что они были созданы, внушены или продиктованы высшей силой. Представления о неконвенциональности знака в сакральном тексте создают характерную для религий Писания атмосферу особой, пристрастной чуткости к слову. Таким образом, вырисовывается ещё одна черта, сближающая сакральный и поэтический текст: обычно это искусные, мастерские тексты. Они завораживают ритмом, звуковыми и смысловыми переключками, странным и одновременно точным подбором слов, метафоричностью, способной, ошеломив, вдруг обнажить таинственные связи явлений и бездонную глубину смысла".

● Магия, святость и красота слова (о близости фидеистического и эстетического):

"С точки зрения психологии и семиотики, неконвенциональная трактовка знака в сакральном тексте предстаёт как иррациональное и субъективно-пристрастное отношение к слову. Это роднит религиозное восприятие священного слова и художественное (эстетическое) отношение к речи, т.е. сближает магическую функцию языка с его эстетической функцией. Эстетическая (в терминологии Р.О.Якобсона – поэтическая) функция речи состоит в том, чтобы вызывать у слушателя (читателя) эстетические переживания: чувство притягивающей красоты слова, желание повторять его – вчитываться, вслушиваться в текст, как бы вбирая его в себя или растворяясь в нём, сопереживая самому его звучанию и переливам смысла.

Эстетическое восприятие речи, как и вера в магию слова, связано с работой правого полушария головного мозга. Это область эмоционального, чувственно-конкретного, алогичного (или надлогичного); здесь "кажимость" субъективно важнее "реально сущего". Художественное сознание, как и сознание, верящее в магию слова, не только мирится с непонятным и тёмным в значимых текстах, но даже нуждается в смысловой непрозрачности ключевых формул. Магическое и эстетическое восприятие слова нередко сливаются. Можно вспомнить рассказ Чехова "Мужики": женщина каждый день читала Евангелие и многого не понимала, "но святые слова трогали её до слез, и такие слова, как *аще* и *дондеже*, она произносила со сладким замиранием сердца".

Как и феномен неконвенциональной трактовки слова, эстетическое отношение к речи повышено чутко к внешней, формальной стороне знаков. Эстетические проявления языка связаны не с содержанием сообщения (не с тем, *о чём* говорится), а с формой сообщения (с тем, *как* говорится), т.е. эстетические чувства вызываются самой звуковой, словесной тканью речи. Но именно такова безотчётная пристрастность неконвенционального восприятия священного текста, литургических и молитвенных формул в психологии верующего.

Знаменитый историк В.О.Ключевский так писал о близости религиозного и эстетического отношения к слову: "Религиозное мышление или познание есть такой же способ человеческого разума, отличный от логического или рассудочного, как и понимание художественное: оно только обращено на более возвышенные предметы <...>. Идею, выведенную логически, теорему, доказанную математически, мы понимаем, как бы ни была формулирована та и другая, на каком бы ни было нам знакомом языке и каким угодно понятным стилем или даже только условным знаком. Не так действует религиозное и эстетическое чувство: здесь идея или мотив по закону психологической ассоциации органически срастаются с выражающими их текстом, обрядом, образом, ритмом, звуком" (Ключевский, 1988, 271).

Фидеистическое слово и поэтическую речь сближает еще одна черта, связанная с их fasciniрующим воздействием на адресата: они обладают максимальной способностью убеждать, волновать, внушать, завораживать. (Применительно к искусству слова эффект фасцинации* раньше называли иначе: одни (метафорически) – "волшебством поэзии", другие – "воспитательной или агитационной силой художественной литературы"). Способность фидеистических и художественных текстов к фасцинации связана с их искусным построением – прежде всего с ритмом и экспрессией переносно-образного употребления языка. Таким образом, вырисовывается ещё одна черта, сближающая сакральный и поэтический текст: обычно это искусные, мастерские тексты. Они завораживают ритмом, звуковыми и смысловыми переключками, странным и одновременно точным подбором слов, метафоричностью, способной, ошеломив, вдруг обнажить таинственные связи явлений и бездонную глубину смысла.

* Фасцинация (лат. *fascinatio* – околдовывание, зачаровывание, завораживание) – термин психологии, обозначающий специально организованное словесное воздействие на человека, обладающее повышенной силой убеждения и/или внушения.

Не случайно в истории самых разных фольклорных традиций первые поэтические произведения восходят к магическим текстам. Причём дело здесь не только в первичном синкретизме разных форм общественного сознания. В основе и магии и поэзии лежит метафора (в широком смысле, т.е. разного вида переносные употребления слов – собственно метафора, метонимия, сравнение, олицетворение, гипербола, символ и т.п.)*. В заговоре, например, сравнение – это смысловой стержень магии, путь от "действительного" к "желаемому" и средоточие "чар"; в поэзии метафора – генератор смыслов, инструмент проникновения в тайны вещей и главный фактор поэтической выразительности <...>.

* В исследованиях по мифологии и фольклору возник синоним к термину мифологический, двукорневое слово мифопоэтический (например,

мифопоэтическое сознание, мифопоэтическая традиция и т.п.) – для того, чтобы подчеркнуть общий *образный* характер мифологического и художественного видения мира.

Не случайно пророк (чародей) и поэт во многих мифопоэтических традициях – это один персонаж. Таков древнегреческий Орфей, которому внимали люди, боги, природа (его музыка умирляла диких зверей и волны: корабль аргонавтов, зачарованный песнями Орфея, сам спустился на воду и поплыл*); таковы, далее, языческий славянский бог Баян (в "Слове о полку Игореве" упоминается Вещий Баян, т.е. 'всеведущий'), внук одного из главных богов – Велеса, "скотьего бога" и бога богатства (см. статьи Вяч.Вс.Иванова и В.Н.Топорова "Баян" и "Белее" в МНМ); верховный скандинавский Бог Один – владелец магических рун, покровитель воинских инициаций и жертвоприношений, "воплощение ума, не отделённого, впрочем, от шаманской "интуиции" (Мелетинский, 1988). Литературная традиция объединяет поэта и пророка и в новое время. Ср. образ собственного творчества у Б.Ахмадулиной: "Мне с небес диктовали задачу".

* Вот как это позже вспоминалось очевидцам (в мифологическом эпосе римского поэта I в. н.э. Публия Стация): "Вдруг – нежней лебедей отходящих и фебова плектра – / голос раздался с кормы, и море – само уступало / днищу. И только потом мы узнали: тогда прислонившись / к мачте, Эагров Орфей запел и, гребцов прерывая / песнею, им позабыть о трудах необъятных позволил" (Стаций. Фиваида // пер. Ю.Шичалина).

- Ностр Адамус. Тайна Тайной Вечери:

"Обряд омовения ног заключается совсем в другом, чем буквальное следование букве Писания. Священные тексты содержат скрытую тайнопись, рассчитанную на её прочтение через русский алфавит. Вернее сказать, все Священные Писания являются большим сакральным текстом, предназначенным для индивидуального ищущего ума, чтобы, начав путь к Богу с одной лишь верой в Него, через личный поиск Его Истин, прийти к неопровержимому Знанию о Нём.

В Писании идёт заявка, что Бог есть Слово. Сам Бог с человеком не общается, но присылает на Землю Своего Сына для общения.

В чём оно заключается? В том, чтобы Слово Божие поведать людям. Успевае ли Сын сделать это из отпущенного Ему человеком времени? Нет. Тем более, всё, что известно из Посланий и Евангелий, сказано Христом посредством притч и иносказания.

Театр – это, по сути, двойной язык. Таким же тайным языком являются и Библейские, Коранические и иные древние тексты. Но все они имеют один основной сравнительный смысл, который, если говорить о Священных текстах, и есть та искомая Божественная Истина".

- Е.А.Торчинов. Религии мира: опыт запредельного.

- Маханаим – еврейский культурно-религиозный центр: "Всепроникающая бессмысленность, бесцельность и абсурдность жизни много говорят интроспективному, тонко чувствующему человеку. Это недовольство собой, своей внутренней значимостью, проявляется в чувстве скуки, основном недуге современного человека. Люди тратят миллионы для того, чтобы избавиться от скуки, забыть о своих заботах и о пустоте самого существования. Они испытывают отвращение к рутине и однообразию повседневной жизни, а ведь это естественные явления.

Он ищет нового, но со временем оно бледнеет, и его потребность в новом оказывается неутоляемой; он погружается целиком в работу, надеясь, что когда он дойдет до вершины мастерства, его объемлет восторг. Но этого не происходит. Вместо этого он чувствует себя еще более обманутым и угнетённым.

В древнегреческой философии существуют разные мнения по поводу сущности бытия. Парменид является защитником тождества постоянства; мир современной науки можно назвать миром Парменида – устойчивый, постоянный, неизменный; мир наших мыслей, мир абстракций, также имеет дело с постоянными величинами. Гераклит описывал мир в вечном изменении, постоянно меняющийся, как водный поток. Непосредственно воспринимаемый нами мир (в отличие от постигаемого с помощью понятий) является Гераклитовым; это мир чувств: сюда входят цвет, запах, свет, все качественные признаки, все эстетические ощущения. В то время как познаваемый мир, мир науки, построенный с помощью абстракции, постоянен, тот мир, в контакте с которым существует наше сознание, – пульсирующий, дышащий, эстетический. Постоянный мир, созданный путем абстракции, есть некая параллель нашему чувственному, качественному миру. Тем самым возникает конфликт в личности человека, разрешение которого – в согласовании познавательно-постоянного с подвижно-эстетическим.

Выход из кризиса и возникающих во время него отчуждённости, скуки и раздвоенности возможен только через молитву. Молитва-диалог включает в себя такие взаимоотношения с Богом, которые позволяют человеку снять экзистенциальную обеспокоенность и неудовлетворённость. В этом отношении молитва уникальна среди всех наших переживаний".

- "Господство профанных экспертов в религиозных вопросах. <...> они не дали никакого определения терминам "профанный читатель", "неверующий", "безбожник", "заблудший" и применили лишь один-единственный метод – контент-анализ... Следовательно, профанный читатель – это человек, не сведущий в данном случае в области религии".

- Д.Дейч: "Сократить расстояние между сакральным и профанным".

5. Познание действительности и название

● А.Р.Басов. Орден силы. Что такое Элитаризм? Материалы по элитаристике:

"Количество не способно перейти в качество в плоскости интеллекта и особенно сознания. Слабые и глупые, вне зависимости от их количества миллиардов, принципиально не способны создать ничего, что выходит за рамки их убогого сознания. Диктатура убогих неминуемо обрекает мир, сама эта диктатура так же нелепа и опасна, как если дать обезьяне играть с кнопкой запуска ядерных ракет. Мир обретает смысл лишь тогда, когда происходит воцарение Силы и Красоты. Трудно не заметить, что порядок вещей сегодня нарушен...

Постепенно мир людей слабел, не стало великих Героев и мудрецов; и животворящее Слово превратилось в заповеди. Люди исполняли эти заповеди, и это поддерживало их мир. Но от века к веку лучших людей становилось меньше, аристократический Принцип слабел. С уходом могучих и мудрых мир погружался во тьму...".

● "По-видимому, он <Ж.Деррида> был убеждён, что миропорядок зависит от правильного употребления понятий и от понимания слов, которыми мы пользуемся, т.е. всё дело – в разумной организации нашего дискурса. Своё понимание глобализации французский философ изложил как исповедание веры в "новое мировое согласие", в "универсализацию, которая освобождает саму себя от собственных корней или исторических, географических, национально-государственных ограничений". Деррида сформулировал своё исповедание глобализации как символ веры.

Напомним: речь философа была обращена к ЮНЕСКО, организации сугубо практической, и свидетельствовала о его серьёзном убеждении в том, что кажущееся громоздким объяснение понятий, используемых в политическом языке, не может быть бесполезным, ибо превращает слепоглухонемые символы речи дипломатов и политиков в животворящее слово".

6. Пространство слова

- "Слова не живут в словарях, слова живут в сознании".
- А.Р.Лурия. Язык и сознание.

"Основной функцией слова является его обозначающая роль (которую некоторые авторы называют "аннотативной" или "референтной" функцией слова). Слово действительно обозначает предмет, действие, качество или отношение. В психологии эту функцию слова вслед за Л.С. Выготским (1934, 1956, 1960) принято обозначать как предметную отнесённость, как функцию представления, замещения предмета. Слово, как элемент языка человека, всегда обращено вовне, к определённому предмету и обозначает или предмет (например, "портфель", "собака"), или действие ("лежит", "бе-

жит"), или качество, свойство объекта ("портфель кожаный", "собака злая"), или отношение объектов ("портфель лежит на столе", "собака бежит из леса"). Это выражается в том, что слово, имеющее предметную отнесённость, может принимать форму или существительного (тогда оно обычно обозначает предмет), или глагола (тогда оно обозначает действие), или прилагательного (тогда оно обозначает свойство), или связи – предлога, союза (тогда оно обозначает известные отношения). Это решающий признак, который отличает язык человека от так называемого "языка" животных.

Что выигрывает человек благодаря слову, имеющему функцию предметной отнесённости?

Огромный выигрыш человека, обладающего развитым языком, заключается в том, что его мир удваивается. Человек без слова имел дело только с теми вещами, которые он непосредственно видел, которыми он мог манипулировать. С помощью языка, который обозначает предметы, он может иметь дело с предметами, которые непосредственно не воспринимались и которые ранее не входили в состав его собственного опыта. Слово удваивает мир и позволяет человеку мысленно оперировать с предметами даже в их отсутствие. Животное имеет один мир – мир чувственно воспринимаемых предметов и ситуаций; человек имеет двойной мир, в который входит и мир непосредственно воспринимаемых предметов, и мир образов, объектов отношений и качеств, которые обозначаются словами. Таким образом, слово – это особая форма отражения действительности.

Человек может произвольно вызывать эти образы независимо от их реального наличия и, таким образом, может произвольно управлять этим вторым миром. Он может управлять не только своим восприятием, представлением, но и своей памятью и действиями, ибо произнося слова "поднять руку", "сжать руку в кулак", он может выполнить эти действия мысленно. Иначе говоря, из слова рождается не только удвоение мира, но и волевое действие, которое человек не мог бы осуществить, если бы у него не было языка.

Далее, благодаря слову человек может оперировать вещами мысленно при их отсутствии, совершать умственные действия, умственные эксперименты над вещами. Человек может вообразить, что он поднимает килограммовую или пудовую гирию и чувствовать, что он легко может сделать первое, но лишь с трудом – второе, хотя в действительности гирия перед ним нет; человек может это сделать с помощью мобилизации всех тех признаков, которые таит в себе слово. Наконец последнее: удваивая мир, слово даёт возможность передавать опыт от индивида к индивиду и обеспечивает возможность усвоения опыта поколений.

Как мы указывали, животное имеет только два пути организации своего поведения: использование наследственно закреплённого опыта, отложившегося в его инстинктах, и приобретение новых форм поведения путём личного

опыта. В отличие от этого, человек необязательно должен всегда обращаться к личному опыту, он может получить его от других людей, используя речь как источник информации. Подавляющая часть формирования нового опыта человека (как житейского, так и получаемого в процессе школьного обучения) использует именно этот специфически человеческий путь. Роль слова в психическом развитии человека была детально изучена А.Н.Леонтьевым (1959, 1975), и мы не будем останавливаться на этом особо.

Следовательно, с появлением языка как системы кодов, обозначающих предметы, действия, качества, отношения, человек получает как бы новое измерение сознания, у него создаются доступные для управления субъективные образы объективного мира, иначе говоря, представления, которыми он может манипулировать даже в отсутствие наглядных восприятий. И это есть решающий выигрыш, который получает человек с помощью языка.

СЛОВО И "СМЫСЛОВОЕ ПОЛЕ"

Было бы, однако, неверным считать, что слово является лишь "ярлыком", обозначающим отдельный предмет, действие или качество. На самом деле смысловая (семантическая) структура слова гораздо сложнее, и исследование подлинной смысловой структуры слова, как это многократно отмечалось в лингвистике, требует гораздо более широкого подхода.

Хорошо известно, что многие слова имеют не одно, а несколько значений, обозначая совсем различные предметы. Так, в русском языке слово "коса" может обозначать 'косу девушки', или инструмент, которым косят траву, или узкую песчаную отмель. Слово "ключ" также может обозначать и инструмент, которым отпирают дверь, и родник или источник и т.д. Так, слово "ручка" может одинаково обозначать и маленькую руку ребёнка, и прибор для писания, и дверную ручку и ручку кресла, иначе говоря, совершенно различные предметы, общим для которых является лишь то, что все они какими-либо сторонами связаны с рукой человека.

Слово "поднять", которое, с первого взгляда, обозначает одно определённое действие, на самом деле также многозначно. Оно может обозначать 'наклониться и поднять что-нибудь с пола' ("поднять платок"), или 'поднять что-либо вверх' ("поднять руку"), или 'поставить какой-либо вопрос' ("поднять вопрос"), или вообще 'начать какое-либо действие, меняющее прежнее состояние' ("поднять шум"), а слово "сдать" – либо 'успешно выдержать экзамен' ("он сдал экзамен"), либо 'ухудшить свое состояние' ("он сильно сдал") и т. д.

В английском языке эта многозначность слов выражена ещё более отчётливо, и слово to go может обозначать и "идти", и "ехать", и "начинать" и т.д.; слово to run может обозначать "быстро идти", "играть роль", "предлагать проект", а слово bachelor может иметь значение "рыцарь", "холостяк", "человек имеющий низшую научную степень", "молодой тюлень" и т.д. (Катц и Фодор, 1970; и др.). Такие слова хорошо известны как в русском

языке, так и в других языках; они называются "омонимами". Множественное значение одного и того же слова встречается не так редко, и "полисемия" является скорее правилом языка, чем исключением (Виноградов, 1947; Щерба, 1958; и др.).

Всё это показывает, что явление многозначности слов гораздо шире, чем это могло казаться, и что точная "предметная отнесенность" или "ближайшее значение" слова является по существу выбором нужного значения из ряда возможных. Чаще всего это уточнение значения слова или его выбор осуществляется "семантическими маркерами" и "семантическими дистринкторами", которые уточняют значение слова и отделяют его от других возможных значений. Обычно эта функция определяется той ситуацией, тем контекстом, в которых стоит слово, а иногда и тем тоном, которым слово произносится ("он купил себе шляпу" или "он – шляпа").

Всё это дало многим исследователям основание считать, что слово почти никогда не имеет лишь одной, твёрдой и однозначной предметной отнесенности и что более правильным будет утверждение, что всякое слово всегда многозначно и является полисемичным.

Именно поэтому, по мнению ряда авторов, для уточнения понимания конкретной "предметной отнесенности" (или "ближайшего значения") слова одной лингвистики (или её раздела – лексики) недостаточно, и выбор "ближайшего значения" слова определяется многими факторами, среди которых есть как лингвистические, так и психологические – конкретный контекст слова, включение его в конкретную действительную ситуацию и т.д. (Ромметвейт, 1968, 1972; Катц, 1972; Катц и Фодор, 1963; и др.).

Факт многозначности слов не исчерпывается, однако, только упомянутым явлением полисемии слова. Пожалуй, наиболее существенным является то, что наряду с прямым "референтным" или "денотативным" значением слова существует ещё и обширная сфера того, что принято называть "ассоциативным" значением. Как отмечал ряд авторов (Дизе, 1962; Нобль, 1952; и др.), слово рождает не только указание на определённый предмет, но неизбежно приводит к всплыванию ряда дополнительных связей, включающих в свой состав элементы близких с ним слов по наглядной ситуации, по-прежнему опыту и т.д.

Таким образом, слово становится центральным узлом для целой сети вызываемых им образов и "коннотативно" связанных с ним слов, которые говорящий или воспринимающий задерживает, тормозит с тем, чтобы из всей сети "коннотативных" значений выбрать нужное в данном случае "ближайшее" или "денотативное" значение.

Эти комплексы ассоциативных значений, произвольно всплывающих при восприятии данного слова, были детально изучены, и частота, с которой всплывали эти "ассоциативные" значения, была даже измерена целой

серией авторов (Кент, Розанов, 1910; Лурия, 1930; ДIZE, 1962; Вейцбергер, 1959, 1962); таким образом, в науку было введено новое понятие "семантическое поле", стоящее за каждым словом (Тирр, 1934; Порциг, 1934; и др.).

Всё это и говорит о том факте, что слово не только удваивает мир, не только обеспечивает появление соответствующих представлений, но является мощным орудием анализа этого мира, передавая общественный опыт в отношении предмета, слово выводит нас за пределы чувственного опыта, позволяет нам проникнуть в сферу рационального. Всё это даёт возможность утверждать, что слово, обладающее предметной отнесённостью и значением, является основой системы кодов, которые обеспечивают перевод познания человека в новое измерение, позволяет совершить скачок от чувственного к рациональному, т.е. к возможности как обозначать вещи, так и оперировать вещами в совершенно новом, "рациональном" плане.

7. Этимология, или происхождение слова

- "Есть теории, что слово "бумага" берёт своё начало от итальянского bambagia, что значит – хлопок. Историки считают, что русское слово бумага произошло от татарского слова "бумуг", что так же означает хлопок. Бумага – это листовой материал из натуральных растительных либо искусственных волокон, и предназначение её совершенно различное.

Скорее всего, что впервые массовое ознакомление русского народа с бумагой случилось в середине 13 века, тогда хан Батый, чтобы собирать дани осуществил первую всенародную перепись населения Руси и составил он её на бумаге. В те времена её уже использовали в Северном Китае, а также в Персии и Туркестане, с которыми их связывала торговля. В России же бумагу стали делать гораздо позже".

- "В японском языке слово "бумага" – омоним слова "божество".

- "Бумага для японцев сразу стала сакральным предметом: сходство звучания японских слов "бумага" и "Бог" – "ками". В современном мире такая форма общения практически отсутствует. Люди привыкли выражать свои мысли, чувства словами, используя бумагу. Но ведь можно демонстрировать своё отношение к адресату и с помощью оригами. Вы не думали?"

- "Потом просыпался, быстро писал блестящий, умнейший, безукоризненный текст и убегал домой. Невозможно понять природы творчества, просто невозможно. Даже если считать то, что он делал, не творчеством, а ремеслом, всё равно ничего не понятно. К-ий не был обделён плохой наследственностью: его дедушка придумал слово самолёт. Впрочем, что я говорю: каждый ребёнок знает, что самолетами в дореволюционной России называли пароходы. Точнее сказать, дедушка К-го придумал называть самолётами аэропланы. Вот так правильно. Известный был дедушка, многие знают. Но по наследству способность к словотворчеству не передаётся".

8. К истории учений о слове

• Н.Галь: "О том, как огромна роль слова, роль языка в жизни человека и человечества, говорится не первый день и не первый век. Об этом говорили и писали величайшие мыслители, учёные, поэты. С этим как будто никто и не спорит. И всё же на практике всем нам, кто работает со словом, ежедневно приходится чистоту его отстаивать и охранять".

• П.А.Флоренский. Стрoение слова // Библиотека "Вехи", 2000.

1. В употреблении слово антиномично сопрягает в себе монументальность и восприимчивость. Очевидно, в нём самом должно искать основание как того, так и другого; и следовательно, антиномичность функции слова определяется строением его. Обращаясь в эту сторону, сразу же усматриваешь, что наряду с неразложимым единством слово образует целый мир многообразных внутренних отношений. Речи, чтобы быть общезначимой, необходимо опираться на некоторые первичные элементы, себе тождественные при всех взаимоотношениях и потому представляющиеся атомами речи. Так понятое слово будет неподвижным, данным моему использованию, но не мною создаваемым.

Но чтобы быть от меня исходящей, речи необходимо подчиняться малейшим тонкостям моей мысли, моей личности, и притом вот в этот, настоящий раз; а для этого она не должна содержать в себе ничего твёрдого, никаких уже далее неподатливых комьев, зёрен – вся пластичная, во всём имеющая сложность организации, так чтобы каждый элемент речи способен был принять оттиск именно моего способа пользования речью, именно моей духовной потребности, и притом не вообще моей, а в этот, единственный в мировой истории, раз.

Противоречивость требований, предъявляемых речи, может быть удовлетворена только в том случае, когда самоё слово в своём строении содержит равносильную той, функциональной, противоречивость структурную: твёрдости и текучести, причём и та и другая должны быть, однако, проработаны человеческим духом. Иначе говоря, обе должны быть формами слова, слагать собою форму слова.

2. Действительно, лингвистика давно различала в слове его внешнюю форму от формы внутренней, или: слово как факт языка, существующего до меня и помимо меня, вне того или другого случая применения, и слово как факт личной духовной жизни, как случай духовной жизни.

Внешняя форма есть тот неизменный, общеобязательный, твёрдый состав, которым держится всё слово; её можно уподобить телу организма. Не будь этого тела – не было бы и слова как явления надындивидуального; это тело мы получаем, как духовные существа, от родного народа и без внешней формы не участвовали бы в его речи. Это тело, безусловно, необходимо; но

жизненная сила его, самого по себе, только тлеет, ограниченная узкими пределами, и неспособна согреть и освещать окружающее пространство.

Напротив, внутреннюю форму слова естественно сравнить с душою этого тела, бессильно замкнутой в самую себя, покуда у неё нет органа проявления, и разливающую вдаль свет сознания, как только такой орган ей дарован. Эта душа слова – его внутренняя форма – происходит от акта духовной жизни. Если о внешней форме можно, хотя бы и приблизительно точно, говорить как о навеки неизменной, то внутреннюю форму правильно понимать как постоянно рождающуюся, как явление самой жизни духа.

Я не могу, не разрывая своих связей с народом, к которому принадлежу, а чрез свой народ – с человечеством, – не могу изменять устойчивую сторону слова и сделать внешнюю форму его индивидуальной, зависящей от лица и случая употребления. Индивидуальная внешняя форма была бы нелепостью, подрывающей самую строение языка. Даже в тех случаях, когда, удачно или неудачно, новообразование внешней формы происходит, оно делается не как обычное приспособление к индивидуальному случаю – внутренней формы, а как всенародное языковое творчество, как вклад в сокровищницу языка. Отныне он имеет войти в общее потребление, если он удачен, или должен быть исключён из данного случая, если он не оказался народно-творческим: с правом или самозванно, но такое новообразование внешней формы делается от лица всего народа и его силою, но никак не по личному замыслу. Если, например, в последние годы голубизну небесную один из поэтов стал называть голубелью, то, может быть, это слово войдёт в язык, может быть, не будет им усвоено, но во всяком случае оно предложено именно как слово, как нечто хотя и не употреблявшееся, но предсуществовавшее в сокровищнице языка. Не без причины говорится о "счастливо найденном" выражении, но никогда о – сочиненном, и всякий автор огорчился бы, если бы услышал такое выражение, применённое применительно к собственному языку. Книга – творится или сочиняется, изобретается, но выражения и слова не творятся и не сочиняются, а находятся или отыскиваются, обретаются.

Напротив, внутренняя форма должна быть индивидуальной; её духовная значимость – именно в её приспособленности к наличному случаю пользования словом. Неиндивидуальная внутренняя форма была бы нелепостью. Если нельзя говорить языком своим, а не народа, то нельзя также говорить от народа, а не от себя: своё мы высказываем общим языком.

Процесс речи есть присоединение говорящего к надындивидуальному, соборному единству, взаимопроращение энергии индивидуального духа и энергии народного, общечеловеческого разума. И поэтому в слове, как встрече двух энергий, необходимо есть форма и той и другой. Внешняя форма служит общему разуму, а внутренняя – индивидуальному.

3. Однако внешняя форма, именно как внешняя – некоторой разумности, сама необходимо должна быть двуединой, имея объективное существование, но – не как процесс физический или физиологический, как некоторое явление разума. Если продолжать прежнее сравнение слова с организмом, то в этом теле слова подлежит различению: костяк, главная функция которого сдерживать тело и давать ему форму, и прочие ткани, несущие в себе самую жизнь. На языке лингвистики первое называется фонемой слова, а второе – морфемой. Ясно: морфема служит соединительным звеном между фонемой и внутренней формой слова, или семемой.

Таким образом, строение слова трихотомично. Слово может быть представлено как последовательно обхватывающие один другой круги, причём ради наглядности графической схемы слова полезно фонему его представлять себе как основное ядро, или косточку, обвёрнутую в морфему, на которой в свой черед держится семема. Таково строение слова, если исходить из функции слова. Это схематическое построение легко заполняется своим содержанием, как скоро обратиться к психофизиологическому анализу слова.

4. Как внешний процесс мира физического слово прежде всего есть звук или хотя бы преднамечающийся звук: как таковое оно есть *fwn*, откуда и название его костяка. Но этот звук возникает не чисто физически, а физиологически и психофизиологически. Он неотделим от артикуляционных усилий, его производящих, и слуховых усилий, его воспринимающих; а усилия эти неотделимы от первичных психических элементов, мотивирующих самоё усилие. Итак, некоторое ощущение, чувствование, волнение плюс усилие артикуляции и слуха, плюс звук – всё это вместе образует один состав психофизического костяка слова – фонемы.

Но содержание слова не ограничивается вышеперечисленным, хотя это последнее и подразумевает. Слово есть не только ощущение и прочее, но и представление – понятие. Оно ставится нами предметно, метается пред, пред нами как нечто вне нас; и это может быть достигнуто чрез подведение наличных психических данностей под некоторое общее понятие: чтобы стать предметным, ощущение отрывается от слепой своей данности и подвергается категориальному синтезу. Так образуется морфема слова, от *morf* (что этимологически и по смыслу соответствует латинскому *forma*, т.е. *form*) в смысле внешнего вида, как выражающего закон или норму бытия. Общее понятие, под которое подводится здесь первичная данность, есть коренное значение слова, его первоначальное или истинное значение, *ntumon*, почему в этом разрезе рассматриваемое слово подлежит преимущественно этимологии. Но этимологическое обобщение данности подвергается некоторой чеканке, и тогда корень, обросший рядом вторичных элементов, получает грамматическую форму, завершающуюся окончанием, – посредством которого тема плотно входит в состав речи, образуя, другими словами, нечто

целое. Теперь первичная данность прочеканена грамматическими, а чрез них – и логическими категориями.

Наконец, это живое и разумное, но ещё неподвижное в своей монументальности тело приобретает гибкость, когда облачается в свою душу – в своё знаменование – *shmas...on*, в свой смысл, когда становится индивидуально значащим (*shma...nw* "имею значение, означаю"). Однако эту семему слова неправильно было бы представлять себе чем-то определённым, устойчивым, как было бы ложно видеть в наличной неопределённости её – временный, но устранимый впоследствии недостаток: в ходе данной живой речи семема всегда определённа и имеет завершённо точное значение. Но это значение меняется даже в пределах одной речи иногда весьма существенно, включительно до противоположности: ироническое, например, или саркастическое словоупотребление меняет семему на прямо противоположное. Так, если собеседник спрашивает меня, тепло ли на улице, а я иронически отвечаю "тепло", то семема слова "тепло" в устах спрашивавшего и семема в моих устах, хотя слова поставлены рядом, были прямо противоположными, ибо под моим "тепло" разумелось "ничуть не тепло, а холодно"; моё "тепло" было по семеме равносильно семеме "холодно", если бы употребил это слово мой собеседник, – да вдобавок подчёркнуто, усиленно вложенным в семему моего "тепло" пояснением, что даже нелепо предполагать, будто на дворе сейчас может быть тепло.

Итак, семема слова непрестанно колыхается, дышит, переливает всеми цветами и, не имея никакого самостоятельного значения, уединенно от этой моей речи, вот сейчас и здесь, во всём контексте жизненного опыта, говоримой, и притом в данном месте этой речи. Скажи это самое слово кто-нибудь другой, да и я сам в другом контексте – и семема его будет иная; мало того, более тонкие его слои изменятся даже при дословном повторении той же самой речи и даже тем же самым лицом. Возможность различного истолкования одной и той же драмы различными артистами и даже одним и тем же при повторениях – наглядное доказательство сказанного. Слова неповторимы; всякий раз они говорятся заново, т.е. с новой семемой, и в лучшем случае это бывает вариация на прежнюю тему. Объективно единым (оставляя пока в стороне вопрос мистического сочувствия и сомыслия, телепатический момент беседы), объективно единым в разговоре бывает только внешняя форма слова, но никак не внутренняя.

"Мысли говорящего и понимающего сходятся между собою только в слове", т.е. в неизменной части его, отмечает А.Потебня. "Графически это можно было бы выразить двумя треугольниками, в которых углы В, А, С и D, А, Е, имеющие общую вершину А и образуемые пересечением двух линий ВЕ и CD, необходимо равны друг другу, но всё остальное может быть бесконечно разнообразно. Говоря словами Гумбольдта, "никто не думает

при известном слове именно того, что другой [...]. Всякое понимание есть вместе непонимание, всякое согласие в мыслях – вместе несогласие".

Мы говорим ради семемы, ради значения слова; нам важно высказать именно то, что мы хотим высказать. Нам нет дела до общего или даже всеобщего этимологического значения слова, коль скоро этим словом не выражается именно наше, заветное, с его тончайшими оттенками. Но именно потому, что семема безусловно непринудительна, вполне неустойчива, моя, личное моё проявление, она не дана в чувственном восприятии и потому не может посредством его передаваться. Речь страдает глубочайшей противоречивостью.

Однако мы не верим в непреодолимость этого противоречия: это значит, мы верим в сверхчувственное его преодоление, преодоление его артикуляциями и восприятиями иного, чем чувственный, порядка. Мы верим и признаём, что не от разговора мы понимаем друг друга, а силою внутреннего общения, и что слова способствуют обострению сознания, сознанию уже происшедшего духовного обмена, но не сами по себе производят этот обмен. Мы признаём взаимное понимание и тончайших, часто вполне неожиданных отрогов смысла: но это понимание устанавливается на общем фоне уже происходящего духовного соприкосновения.

5. Вглядимся в строение слова теперь уже более конкретно. Так, если возьмём слово "берёза", то как внешний факт налична некоторая артикуляция и происходящие отсюда звуки б-е-р-е-з-а; это – костяк слова. Но он не мёртв психически: с указанными звуками связывается некоторая духовная значимость, хотя этой коренной значимости, держащей на себе все дальнейшее, ещё очень далеко до смысла слова, как разумеет мы его обычно. Фонема б-е-р-е-з-а и необходимые для неё артикуляции отнюдь не обозначают ещё дерево известного вида, ни тем более – того поэтического содержания, которое в нашем сознании неотъемлемо от образа белоствольной любимицы русского народа. Плоть этого слова определяется его этимолоном – от корня **бере**, первоначально **брнь**, означающего светиться, гореть, белеть – брезжить. Береза или брѣза имеет в виду впечатление: "брезжится", "белеет", "мерцает белизною среди лесных стволов" и т.п. Но это коренное впечатление не остаётся неопределённым категориально: суффикс **з** и окончание **а** отливают это впечатление белизны в грамматическую форму имени существительного женского рода, единственного числа, именительного падежа. Иначе говоря, это впечатление брезжения протолковано как вещь или существо, и притом существо женское и т.д. Теперь **береза** рассматривается под категорией субстанциональности, причём эта субстанция признаётся могущей иметь много разных признаков; но внешняя форма слова отмечает только один – белизну, белоствольность. Корень слова даёт содержание, а грамматическая форма – логическую форму вещиности, или

категорию субстанциональности. Таким образом, это данное впечатление белизны, закреплённое нашим отзвуком на него, артикуляционно-звуковой реакцией или фонемой, присоединяет тут к себе чрез морфему понятие: во-первых, качества, а во-вторых, – существа. С морфемой, фонема уже не есть реакция на единичное впечатление, но – воплощает в неё понятия о всех существах – субстанциях, имущих признак белизны, брезжения. Морфема подымает слово от чувственного мышления к грамматическому. Понятно, что оно, будучи аналитическим, раздробляющим, выделяющим из наглядных образов отдельные признаки, должно давать неподвижную часть слова, ибо в таковой, по её аналитической несложности, нечему изменяться. Это – внешняя форма слова.

Что касается до семемы слова **берёза**, то по самому существу дела душу слова невозможно исчерпать хотя бы приблизительно. Она есть всё то, что осадилось с течением веков на внешней форме, хотя и не оставляя вещественных или иных извне учитываемых следов. Тут осело то, например, что думал о берёзе первобытный человек, т.е. как о живом существе, дриаде или гамадриаде, со всеми мифами, случаями, воспоминаниями, в которых принимало участие белоствольное дерево. Но сюда относится также и то, что думает о нём ботаник в связи с классификационным местом *Betula alba* L., в связи с представлением о ней биолога как о растительном организме, состоящем из клеточек, сложенном определёнными тканями, растущем, дышащем, питающемся и размножающемся по определённым законам, распространённым в определённых лесных сообществах, с определённой ботанико-географической характеристикой и т.д. и т.д., причём имеется в виду вся совокупность научных знаний и проблем, прямо или косвенно сделавших своим предметом это дерево. Далее, семема берёзы – это мысль о берёзе и образы её в сознании художника, припоминающего произведение, где изображена берёза, свои собственные художественные замыслы около неё и т.д. Ещё, это – воспоминание причастного к словесности, когда он сопоставляет вокруг занимающего нас слова отрывки народной поэзии и другие словесные произведения, затрагивающие берёзу, а также лингвистические соображения об этом слове и его исторических судьбах, хотя бы, например, вроде излагаемых сейчас. Ещё, это – мысль философа или богослова, когда в берёзе предчувствуется им символ Мировой Души, и т.д. и т.д. Но, кроме всего прочего, это – совокупность почти неуловимых эмоциональных оттенков, которыми определяется самое проникновенное из того, что говорящий, вот сейчас, в данном случае, вкладывает в произносимое им слово **берёза**: может быть, растроганности воспоминаниями о далёкой родине, а может быть, хозяйственной скорби о дороговизне дров и т.д. до бесконечности.

6. Итак, этимон, или, по Потебне, "ближайшее этимологическое значение слова", "объективное значение слова", всегда включает в себе только один признак, и потому, как и звук, слово, это коренное его значение есть нечто общее для всех людей, говорящих на данном языке: оно есть общий корень всех разнообразных проявлений семемы.

Внешняя форма, тело слова подлежит общеобязательному учёту и потому общеобязательной нормировке; но живёт оно не для себя, а для своей души. Душу же слова образует объективное его значение, содержащее сколько угодно признаков, имеющее полутона духовной окраски, ассоциативные обертоны: это целый мир смысла, тут свои пропасти и вершины; но сюда нет доступа внешнему учёту и извне предъявляемым требованиям. Семема данного слова в моём словоупотреблении может быть удачна или неудачна; но никому не принадлежит указывать или заказывать пути её формирования. Она бесконечно шире своей морфемы, как последняя – бесконечно шире своей фонемы. Семема способна беспредельно расширяться, изменяя строение соотнесённых в ней духовных элементов, менять свои очертания, вбирать в себя новое, хотя и связанное с прежним содержание, приглушать старое, – одним словом, она живёт, как и всякая душа, и жизнь её – в непрестанном становлении:

Слова – хамелеоны, Они живут спеша.

У них свои законы, Особая душа.

Они спешат меняться, Являя все цвета;

Поблекнут – обновятся, И в том их красота... (*К. Бальмонт*)

Фонема слова есть, следовательно, символ морфемы, как морфема – символ семемы; эта последняя есть цель и смысл морфемы, а морфема – цель и смысл фонемы. Если в фонеме нужно видеть духовную реакцию на впечатления, и, следовательно, процесс, которым осознаётся ощущение, то морфема есть духовная реакция на уже сознанное ощущение и, следовательно, процесс, которым образуется понятие – представление; наконец, семема, как духовная реакция на последнее, служит образованию идеи. Ещё: фонема – впечатление впечатления или ощущение; морфема – ощущение ощущения или представление – понятие; семема же – понятие понятия или идея.

7. Тут в лингвистическом анализе слова подтверждается каббалистическое и александрийское, преимущественно Филона-Иудея, учение, а чрез него и многих святых отцов о троякости смысла Священного писания. А именно, согласно этой герменевтике, каждое место и слово Писания имеет значение, во-первых, чувственно-буквальное, во-вторых, отвлеченно-нравоучительное и, в-третьих, идеально-мистическое, или таинственное.

Действительно; но не только Писание, но и всякое удачное слово имеет три соотнесённых между собой слоя, и каждый может подвергаться особо-

му толкованию. В удачной речи целесообразна не только семема, смысл её, но и внешняя форма по обеим своим сторонам, и находится в теснейшей связи с предметом речи. Толковнику надлежит, конечно, углубиться во все три напластования толкуемого места. Тогда и получится, что известному ряду впечатлений соответствует ряд понятий-представлений, а этому последнему – ряд идей.

Усвоение читаемого или слушаемого происходит одновременно на трёх различных этажах: и как звук, вместе с соответственным образом, и как понятие, и, наконец, как трепетная идея, непрестанно колышущаяся и во времени многообразно намекающая о надвременной полноте. Каждый из этих рядов порождается особой духовной деятельностью: мышлением психологическим, драматическим, и как называют иногда, логическим, хотелось бы думать – от *Itgoj*, или чувственностью, рассудком и разумом. Эти три духовные функции соответствуют тому, что Филон называл действительностями тела, души и духа. А внимательное пользование ими есть условие поэзии как символической, когда слово, гармонически развитое в трёх своих сторонах, воздействует на весь духовный организм, поддерживая каждое своё действие двумя другими.

8. Каждый из трёх моментов слова есть сам некоторое направление духовной деятельности, и многообразие раскрывающегося здесь весьма велико. На каждом этаже своего строения слово есть мир. Рассмотрим для примера одно слово, самое заурядное, но более внимательно, чтобы убедиться, как много даётся нам в каждом слове, хотя бы мы и не усваивали всего сознательно.

Обратимся к фонеме. Вникнуть в неё – значит рассмотреть, во-первых, то чувство усилия, которым артикулируются голосовые органы, и шире – всё тело, ибо, в сущности, говорим мы не гортанью и языком только, но и всем телом. Так, одно слово произносится легко, другое – трудно, одно – приятно, другое – неприятно; самая артикуляция вызывает иногда соответственное содержанию слова настроение, например, улыбка как артикуляция заставляет улыбнуться. Во-вторых, необходимо взглянуть в артикуляционные сокращения мускулов и все сопутствующие физиологические процессы, равно как и переживание их в виде известных добавочных чувствований, придающих особый тон нашему волевому импульсу. Такова, например, неподатливость известного рода артикуляций, приятное или неприятное ощущение, вызываемое артикуляцией, и т.д. Наконец, в-третьих, необходимо рассмотреть самые звуки, испускаемые голосовыми органами, в результате артикуляции; и, в-четвёртых, слуховые впечатления от этих звуков, поскольку слышание звука – как слушающим, так и самим говорящим – есть сложный психофизиологический акт.

Всякому, прикасавшемуся к подобным вопросам, должна быть понятна огромная сложность процессов по каждому из указанных пунктов. И уси-

лие есть большой психический процесс, особенно когда дело идёт об игре мускульных сокращений, столь тонких, как голосовые. Расстройство речи от, по-видимому, ничтожнейших причин, как чисто психических причин, так и физиологических, непроизвольное изменение голоса от самых разнообразных факторов достаточно убеждает в непростоте голосового усилия. Не менее сложны и процессы самого сокращения мускулов, как и сопровождающие их добавочные восприятия: возможность бесконечного многообразия в оттенках речи опирается на эту сложность. Подобно этому не менее сложны и процессы слуха, кстати сказать, и до сих пор не имеющие достаточного анализа. Но, не касаясь этих пунктов, рассмотрим несколько подробнее самые звуки.

Прежде всего, что значит изучить звуки слова? – Звук характеризуется тремя данными: высотой, силою, окраскою, если не считать не очень отчётливо сознаваемого его местопроисхождения и – места и длительности его во времени. Записывающий прибор аббата Русело или симограф Вердена, равным образом и многие другие аппараты того же назначения позволяют достаточно точно вникнуть в звуковое строение слова, причём это строение сказывается весьма сложно.

Возьмём для примера слово **кипяток**, разученное в звуковом отношении В.А. Богородицким. Запись соответствующих этому слову вибраций произведена посредством Русело. Богородицкий даёт нотную транскрипцию своей записи; значком ~~, когда он помещает<ся> над нотою, обозначается, что истинный тон несколько выше её, а когда значок ниже ноты, то и тон несколько ниже; кроме того, знаком соединения **С** обозначается тон промежуточный между соединяемыми им нотами. Но при этом нотная транскрипция передаёт лишь основной тон звучания, между тем как на самом деле мелодия слова богато гармонизирована тонами верхними, суммовыми, разностными, разнообразнейшими ширмами и другими звуками, превращающими слово в целый оркестр. Итак, при упрощении словозвучания до одной мелодии результат записи слова **кипяток** представляется так:

1. Произношение неударяемого слога **ки** есть восходящий звукоряд, имеющий наибольшую задержку в начале.

2. Слог **пя**, непосредственно предшествующий ударяемому, имеет почти ту же высоту или даже ниже начального слога **ки**; тон гласного **а** тут не восходящий, а задержку имеет в конце.

3. В ударяемом слоге **ток** тон гласного почти все время восходит и понижается лишь на последних вибрациях, а остановка приходится на самой верхней ноте.

Приняв теперь во внимание, что каждая из написанных нотных строчек должна была бы быть заменённой целой партитурой, необходимо говорить о фонеме как о сложной системе звуков даже самой по себе, помимо других

элементов слова, являющейся целым музыкальным произведением. Независимо от смысла слова, она сама по себе, подобно музыке, настраивает известным образом душу. Нет нужды, что это музыкальное восприятие бессознательно, тем глубже западает оно в душу, не принявшую мер к самоограждению, тем проникновеннее вибрация души откликается этой музыке. Мы сказали – **души** в смысле целостности личности, потому что весь организм, раз он воспринимает, вибрирует сообразно слушаемому. Поэт, остро и даже во вред уравновешенности звука со смыслом чувствовавший музыкальную аффекцию слова, давно уже отметил:

Есть речи – значенье / Темно иль ничтожно,
Но им без волненья / Внимать невозможно.
Как полны их **звуки** / Безумством желанья!
В них слёзы разлики, / В них трепет свиданья.
Не встретит ответа / Среди шума мирского
Из пламя и света / Рождённое слово;
Но в храме, среди боя, / И где я ни буду,
Услышав, его я / Узнаю повсюду.
Не кончив молитвы, / На **звук** тот отвечу
И брошусь из битвы / Ему я навстречу (*Лермонтов*).

Поэт настаивает именно на звуке слова, как могущественно действующего, не на значении – "тёмном иль ничтожном". И когда эта фонема падает на благоприятную почву, звуковая энергия её развертывается в звучании всего существа:

Их кратким приветом, / Едва он домчится,
Как Божиим светом / Душа озарится. (*Из первой редакции*)

Да, не в смысле этих речей, а в звуке – их действенность, полная глубокого содержания, внутренне благообразного:

Надежды в них дышат, / И жизнь в них играет.
Их многие слышат, / Один понимает.

Один, т.е. тот, чьё существо способно вибрировать ответно на эти звуки; и потому

Лишь сердца родного / Коснутся в дни муки
Волшебного слова, / Целебные **звуки**,
Душа их с молением, / Как ангела встретит,
И долгим биеньем / Им сердце ответит. (*Из первой редакции*)

Эта иррациональная действенность слова, хочется сказать, понятна, т.е. понятна как аналогичная действенности чистой музыки. В этом сложном музыкальном произведении, которое мы называем фонемой слова, каждый тон вносит нечто в общее впечатление, а хорошо известно и в этом смысле кажется понятным, что в музыке достаточно изменить иногда одну ноту, по тональности ли, или длительности, или акценту, или тембру, как произве-

дение получит существенно иной характер. Чем тоньше "совесть ушей", тем более значительным, а потому и ответственным сознаётся слово как явление звука.

11. Итак, если оставить в стороне боковые ветви, то генеалогия семемы **кипяток** такова: скакун, прыгун кипяток получает значение кипуна, т.е. бьющего вверх ключа; затем – всякого изобильного отделения; затем – бурления воды от парообразования; затем – воды горячей, вара; наконец – чело-века, находящегося в движении и потому внутренне беспокойного, торопящегося, вспылчивого, горячего: "что за кипяток", "не человек – кипяток".

Родословие этой семемы длинно, но нельзя думать, будто образование семемы настоящей наличностью ее слоёв завершено. Напротив, медлительный вначале и, при ясном сознании этимона, боязливо держащийся в ближайших окрестностях корня этот процесс роста семемы идёт ускоренно, когда коренное значение, обволочнутое рядом слоёв, уже не чувствуется как господственно влиятельное или даже вовсе не понимается без лингвистических изысканий. Тут семема приобретает чрезвычайную подвижность, и можно быть уверенным, распространение её пойдёт далее и далее, наращая на изначальной симфонии звуков, на фоническом ядре слова всё новые и новые семантические концентры. В сознании физика, например, семема слова кипяток включает в свой состав совокупность многообразных фактов и теорий, касающихся до кипения жидкостей; что температура кипения зависит от упругости окружающей атмосферы, что для кипения необходимо присутствие в жидкости газовых пузырьков, что температура кипения зависит от посуды, в которую налита жидкость, что существует критическая температура – абсолютного кипения и пр. и пр. – всё это тоже вошло в семему **кипяток**, но один раз выдвигается один слой её, а другой раз – другой. Каждый из нас придаёт пластичной семеме слова своё, сообразное потребности данного случая значение; у каждого коренное значение связывается с неуловимыми, но весьма существенными духовными обертонами, сознание каждого слова пускает свои воздушные корни. Говоря слово **кипяток**, мы обращаемся с целым снопом понятий и образов; но и разнообразные, они вяжутся в одно целое. Суждением подчёркивается тот или другой слой семемы: сказуемое даёт слову новую свежесть и новую значительность. Оставаясь старым, оно приобретает новую функцию, и нам радостно узнавать в новом старое и в старом открывать новое; на языке дельцов это можно было бы назвать удовлетворённым чувством экономии.

12. Итак, слово и неподвижно, устойчиво и, наоборот, неопределённо, безгранично, зыблемо, хотя, и зыблясь, оно не оттягивает места своего ядра. Невидимые нити могут протягиваться между словами там, где при грубом учёте их значений не может быть никакой связи; от слова тянутся нежные, но цепкие щупальца, схватывающиеся с таковыми же других слов, и

тогда реальности, недоступные школьной речи, оказываются захваченными этой крепкою сетью из почти незримых нитей".

9. Многозначность как свойство слова

- "Пять интересных фактов о человеческой речи. Обыкновенное слово "Привет" может означать множество вещей. Тональность голоса показывает, человек доволен, скучает, торопится, злится, грустит, напуган, злой. Имеет значение также интенсивность голоса при произнесении фразы – она может свидетельствовать об иронии, привязанности, поддержке или насмешке. Смысл этого простого выражения может изменяться за доли секунды благодаря сложной координации всех речевых мышц".

- Л.Н.Гумилёв: "Ложь как принцип. Слова многозначны. Смысл слова всецело зависит от контекста, так же как смысл фразы зависит от текста, интонации, ситуации, ради которой данный текст написан, и т.п., а смысл текста – от окружения, социального и природного. Даже такое простое слово, как "стол", само по себе не имеет значения, ибо может фигурировать в сочетаниях: "письменный стол", "стол заказов", "золотой стол Киевский", "у этой хозяйки хороший стол" и т.д. Но эти семантические различия просты, и любой читатель текста понимает, о чём идёт речь. Гораздо сложнее – с понятиями столь же многозначными, но смысл коих вуалируется. Например, "убийство". Всем очевидно, что убийство с целью ограбления – преступление; убийство ради садизма – гнусное преступление; но убийство на дуэли – деяние, хотя и наказуемое, но не преступное, ибо тот, кто остался жив, подвергал себя равному риску быть убитым и защищал свою честь; убийство противника на войне не преступление, а подвиг; казнь преступника палачом, т.е. тоже убийство, – выполнение долга, а казнь заведомо невиновного – хуже, чем преступление: это – грех".

- "Более 1000 студентов и школьников, в том числе и студенты Московского института юриспруденции собрались 9 мая на стадионе "Спартак", чтобы выстроиться в живое слово "СПАСИБО". Таким образом они выразили свою благодарность всем ветеранам Великой Отечественной войны".

- Н.А.Подзолкова. Оправдание познания:

"Я называю познанием духовный рост человека, развитие и изменение себя в направлении совершенного Я. Я называю познанием бескорыстный и бесполезный с утилитарной точки зрения процесс узнавания нового, который подключает и использует все силы человеческой души, а взамен даёт ощущение подлинности жизни. Я называю познанием самоотверженный поиск Истины, не боящийся показаться банальным или не критичным, одержимым или тщетным. Я также называю познанием самообразование, т.е. накопление личного багажа знаний, который будет помогать в преодолении собственных и чужих стереотипов, а также позволит сохранить свободу и независимость

суждений. Наконец, я называю познанием некоторое действие, которое требует сознательных и целенаправленных усилий, а значит, безусловно, места и времени, специально отведённых для своего осуществления".

10. Энергетика слова

- Л.Бабаджаниян. Экология речи // Сталь, газета Совета МИСиС:

"Любое произнесённое слово – не что иное, как волновая генетическая программа, – утверждает старший научный сотрудник Отдела теоретических проблем РАН Пётр Гаряев. – Иногда слово может сработать как убийца и даже вызвать рак, иногда – способно лечить... С помощью словесных мыслеформ человек созидает ... свой генетический аппарат, которому далеко не безразлично, о чём вы думаете, говорите, читаете: любые слова могут впечататься в волновой геном. Но не только ваши слова, с кем поведёшься, от того и наберёшься ... наследственных программ. Причём ДНК не разбирает, общаетесь вы с живым человеком или героем телевизионного сериала – и тот и другой влияют на вашу наследственность".

- А.Н.Орлов. Исцеление словом. "Ещё в глубокой древности было замечено, как велика сила воздействия слова врача на общее состояние и настроение больного. Попытки использования целебной силы слова доносят до нас египетские папирусы, труды философов и медиков Древней Греции, древнего Востока, учёных средневековья. Ещё в тибетском трактате "Чжудши", написанном задолго до Гиппократов, обязательным компонентом врачевания признавались "приятные речи, возбуждающие энергию больного", врач же, не обладавший талантом психотерапевта, уподоблялся "стрелку, стреляющему в темноте, и даваемые им ... средства не попадут на болезненные процессы". Примечательно, что в трактате указанные предписания дополняются рекомендациями врачевателю: строгими мерами подчинить себе больного.

Врачи Древнего Ирана утверждали: "Три орудия есть у врача: слово, растение и нож". Нетрудно догадаться, почему наши древние коллеги первым орудием врача называли слово. Многовековой опыт лечения словом, внушением, самовнушением, а также научное обоснование применения этого профилактического и сильнодействующего лечебного средства выдающимися учёными [с.П.Боткиным, В.М.Бехтеревым, К.И.Платоновым, П.Б.Ганнушкиным, И.П. Павловым, К.М.Быковым и др.) в нашей стране и за рубежом даёт возможность психотерапию применять в самых различных отраслях клинической медицины. Слово в медицинской практике – не только средство общения, но и мощный лечебный фактор. При умелом использовании слово врача способно повысить жизненный тонус больного. Кто, как не врач, закрепит у пациента доверие к применяемым методам диагностики и лечения, внушит уверенность в выздоровлении, столь необходимую

в борьбе с болезнью? Врач, врач, только врач (Остапенко А. Слово лечит, слово ранит. // Медицинская газета, 1984, 17 февр.). <...>.

Таким образом, невольно приходится говорить о слове врача "как факторе с огромным диапазоном не только психического, но и физического действия" [2, с.53]. Разумеется, не только словом врач лечит недуги своих пациентов, он должен быть профессионалом. Сплав высоких профессиональных и этических качеств определяет идеал врача с позиций больного с давних времён. Но и сегодня современны суждения древнеримского философа-моралиста Сенеки, высказанные в "Нравственных письмах к Луцилию": "Больной ищет не того врача, что красно говорит. А кто встретит такого, что и лечить умеет, и изящно рассуждать о необходимых средствах лечения, тот, конечно, будет доволен".

К сказанному Сенекой следует дополнить, что не только врачам, но и далёким от медицины людям, нужно постоянно помнить: "Мудрое и доброе слово доставляет радость, глупое и злое, необдуманное и бестактное приносит беду. Словом можно убить и оживить, ранить и излечить, посеять смятение и безнадёжность и одухотворить, рассеять сомнения и повергнуть в уныние, сотворить улыбку и вызвать слёзы, породить веру в человека и заронить неверие, вдохновить на труд и привести в оцепенение силы души".

- "Однако если возможность благотворного воздействия слова врача на больного и на происходящие в его организме болезненные процессы в настоящее время, по-видимому, уже ни у кого не вызывает сомнения, то самый механизм словесного воздействия остаётся ещё недостаточно ясным. <...> Следует отметить, что метод психотерапии эффективен не только в случаях психогенного функционального нарушения высшей нервной деятельности и при психогенных расстройствах функций различных органов и систем, но и при органических заболеваниях (в качестве вспомогательного средства).

Из последующего изложения будет видно, что изучением слова как физиологического и лечебного фактора и научным анализом физиологических механизмов, лежащих в основе функциональных расстройств деятельности высших отделов центральной нервной системы, под методы психотерапии подводится прочная научная физиологическая база.

При этом мы всё более убеждаемся, что слово оказывается подчас чрезвычайно могущественным лечебным фактором, производящим прямое и непосредственное воздействие на характер и динамику корковых процессов. Это открывает прямой путь к устранению патологических процессов и мобилизации необходимых внутренних ресурсов организма больного. Слово врача, применённое правильно, с учетом важнейших особенностей ближайшего и отдалённого анамнеза больного, получает большое терапевтическое значение, что далеко не все врачи вполне сознают и оценивают. Наш труд имеет целью приблизить читателя к пониманию механизмов физиоло-

гического и лечебного воздействия слова. Нет сомнения, что пути этого воздействия на высшую нервную деятельность человека раскрыты далеко не полностью. Всё это составляет задачу дальнейших исследований. <...>

При этом особенно должна быть отмечена всё ещё встречающаяся недооценка врачами роли психотравмирующих факторов в возникновении различных расстройств функций внутренних органов и систем. Недооценивается также роль слова врача, нередко являющегося источником патогенных заболеваний.

Психотерапия может быть: речевой, выражающейся в прямом воздействии врачебного слова на психику больного в целях успокоения его, разъяснения ему характера его заболевания и тех врачебных мероприятий, какие будут применены для его устранения, убеждения больного в излечимости его недуга и, наконец, в применении для этого соответствующих речевых терапевтических внушений, и средовой, направленной на устранение неблагоприятных средовых факторов, ослабивших нервную систему больного, травмировавших его психику и в силу этого явившихся причиной заболевания. <...>

Из последующего изложения будет видно, что изучением слова как физиологического и лечебного фактора и научным анализом физиологических механизмов, лежащих в основе функциональных расстройств деятельности высших отделов центральной нервной системы, под методы психотерапии подводится прочная научная физиологическая база. <...> В целом наш труд является попыткой активизировать врачебную мысль в направлении широкого повседневного применения всех форм терапевтического воздействия врачебного слова. Мы сознаём, что этот путь труден. Но работа в этом направлении, конечно, очень благодарна и в высокой степени гуманна. Помогая лечению и исцелению больного, она может быть высокоплодотворной, причём в значительно больших пределах, чем это может казаться вначале...

- Платонов К.И. Слово как физиологический и лечебный фактор.

"Второе издание монографии, опубликованное в 1957 г., разошлось в короткий срок.

За истекшие три года литература по психотерапии пополнилась, а методы речевой психотерапии и психопрофилактики всё шире внедряются в практику. В связи с этим при подготовке третьего издания оказалось необходимым некоторые разделы монографии пересмотреть, частично переработать и дополнить новыми наблюдениями. Всё это должно помочь более глубокому уяснению особенностей клинической казуистики, а также патофизиологических механизмов, лежащих в основе того или иного заболевания, поддающегося речевой психотерапии.

По-прежнему мы полагаем, что содержание монографии должно представлять интерес для медицинских работников всех специальностей и ши-

роких врачебных кругов, а также для физиологов, педагогов, психологов, деятелей искусства и спорта, лиц, имеющих отношение к вопросам подготовки кадров, повышения производительности труда и формирования характера советского человека".

- "Христианство – религия Слова, этим определяется специфика иконы. Созерцание иконы не есть акт эстетического любования, хотя эстетические ценности в христианской культуре играют не..."

11. Слово живое и мёртвое

- Магія слова живого.

"Відомо, що словом можна окрилити людину, а можна й убити. Якщо ж міркувати далі, виявляється, що кожне сприйняте нами слово або виліковує недуги, або, навпаки, провокує захворювання. Щоденно в нашій країні друкується понад дві тисячі газет і журналів, загальний наклад яких досить значний. Українці щороку купують майже 150 млн книжок. Переглядаючи вранці пресу чи сидючи перед екраном телевізора, ми не замислюємося, шкідливо чи корисно читати і слухати те, що нам пропонують політики, журналісти, коментатори. Так само письменник, створюючи книгу, зазвичай не прогнозує вплив своїх творів на фізичний та психоемоційний стан майбутнього читача. Отже, потік інформації, який лине звідусіль, здатний формувати... здоров'я нації!

Яким чином діє слово на організм? Який механізм спрацьовує при цьому? Такими й подібними питаннями переймається багато вчених і на основі власних теорій та спостережень будують наукові інститути і клініки. Деякі із цих людей взяли участь у дебатах "Чи можна вилікуватися читаючи?", що відбулися в УНІАН. Так, в Інституті метафізики, який очолює головний лікар і автор методу "Живе слово" Олександр Філатович, створюють певні тексти. У чому критерій живого слова? Біблія засвідчує: Спочатку було Слово. А Слово було в Бога. Отже, слово – це початок усього і це є все. Людина – триєдина сутність: тіло, душа і дух. Гармонія цих трьох єдностей забезпечує здоров'я. Бог – єдине інформаційне поле, що підтримує все живе. А тому, як стверджує Філатович, шлях від Бога до людини можна охарактеризувати так: словосполучення – задум Творця – світлоносний потік. При цьому людина одержує світлоносний зв'язок із Творцем.

Усі, хто бажає поліпшити своє здоров'я, можуть звернутися до Інституту, де асистенти навчать кожного із потрібною послідовністю і ритмом читати тексти певного змісту. Результати, як стверджують тамтешні лікарі, відчутні вже через невеликий проміжок часу.

Доктор філософських наук Назип Хамітов також працює зі словом, але трохи в іншому ракурсі. Він заснував школу андроген-аналізу, започаткував метод афоризмотерапії. Хамітов вважає афоризми своєрідними стрілами,

які через розум потрапляють у серце і пробуджують дух, а потім поєднують дух і душу, вивільняючи безмежну енергію особистості. При цьому долаються кризи, що здавалися вічними. Для кожного можна сформулювати його ключові афоризми, які пробуджують приховані можливості і змінюють долю.

Психоаналітик розповів про те досить відому московську письменницю, яка переживала творчу кризу, відчувала себе надзвичайно самотньою. Проаналізувавши всебічно її психічні травми і комплекси, він дійшов висновку, що у її "я" чоловіче начало домінувало над жіночим. Вона усвідомила основну травму, з якої і розпочалася втеча від жіночості, але розуміння цього виявилось недостатнім. Жінка відчула полегшення, але творча криза не минула. Якимось в одній із бесід психоаналітик несподівано для самого себе сформулював для пацієнтки основний афоризм. Тільки тоді вона змогла реально усвідомити, що нерозділене кохання змусило її викинути зі свого світосприймання кохання як цінність. Але будь-яка творчість має сенс тоді, коли веде до любові і завершується любов'ю. Афоризм був таким: "Чоловік відрізняється від жінки своєю здатністю досліджувати безодні. Жінка відрізняється від чоловіка тим, що носить безодню у собі". Отже, афоризм, який підходить нам у певний момент, змушує на якусь мить подивитися довкола іншими очима. А потім пробуджує оновленими. Це рятує особистість, її свободу і кохання від повільного згасання і повсякденності.

Звичайно, багато що із висловленого ще потребує всебічного аналізу і вивчення. Наприклад, як діє слово або фраза, вихоплені з контексту; які критерії висуваються до позитивних текстів; чи завжди негативного змісту набуває слово "смерть"... Таких запитань у нас може виникнути безліч. Проте незаперечним є те, що наше фізичне тіло залежить від стану душі. А стан душі пов'язаний зі словом, що також належить до емоційної сфери. Отакий замкнений ланцюг, кожна ланка якого залежить від іншої.

Прозвучали запитання і до тих, хто безпосередньо причетний до поширення тієї чи іншої інформації. Редактор відділу "Культура і дозвілля" газети "Без цензури" Юка Гаврилова розповіла про те, що своїми матеріалами вона насамперед прагне зруйнувати усталений погляд, який існує в суспільстві. Цим вона змушує читача переглянути стереотипи: або його ствердити або відкинути. На сторінках журналу "Любимая", розповідає його головний редактор Наталка Портная, час від часу вміщуються афоризми, серед яких кожен може знайти свій. Вона радить не просто його зрозуміти, а й пережити, і тоді він справді розпочне "зцілюючу роботу".

- А.В.Миртов. Живое слово. Умение говорить публично:

"Слово одно из величайших орудий человека. Бессильное само по себе – оно становится могучим и неотразимым, сказанное умело, искренно и вовремя (А.Ф.Кони)".

- В.Ирзабеков:

"Русское слово свидетельствует о Боге". Когда я выступаю, то это живое слово, импровизация. Это такая стихия, которую нельзя записать. Нет двух похожих выступлений, каждая минута общения с аудиторией диктует что-то новое".

- "Живое слово, как элементарная частица, чем оно меньше и быстрее, тем глубже пронзает душу. Скорость, с которой слово вонзается в душу слушающего, придаётся ему тогда, когда оно вырывается из души говорящего. Пытаясь повесить на истину пояснение, можешь превратить её в глупость. Кому дано свыше, тот поймет. А дано свыше всем".

- "Живое слово" ("Звучащая поэзия").

- Что собой представляет Живое Слово? "Живое Слово – это чёткие, гармонические слова, объединённые в словосочетания, которые отображают сущность Божьих замыслов! Что происходит с человеком в процессе лечения методом информотерапии Живым Словом?

1. Читая, озвучивая Живые Слова, человек создаёт вокруг и внутри себя высокий Вибрационный Поток, который очень быстро настраивает связь со Светоносным Потокom;

2. Светоносный поток стирает, растворяет, ликвидирует блокирования на уровне огненного тела, тонкого тела, энергетических центров и физического тела – заболевание на всех этапах его развития, во всех трёх телах Человека;

3. Светоносный Поток восстанавливает, возрождает, активизирует жизнедеятельность больных клеток, тканей, органов на уровне: физического тела; энергетических центров; сегментов тонкого тела; сегментов огненного тела.

Живое Слово создано таким образом, что представляет собой внутреннюю смысловую суть каждой буквы алфавита, начиная от А до Я (звуконы). Живое Слово создано таким образом, что представляет собой внутреннюю смысловую суть основных цифр и чисел от 1 до 25 и от 101 до 108 (цифроны). Благодаря этому становится возможным использование священных буквенных и цифровых скрижалей, тех скрижалей, о познании и использовании которых мечтали тысячелетиями посвящённые (знающие, избранные).

Владея методикой формирования вибрационных потоков, врач-информотерапевт способен направлять Светоносный Поток на огненное, тонкое, физическое тело пациента локально, где сегмент блокирования может составлять объём всего 5-10 см кубических. Интенсивность, сила взаимодействия Светоносного Потока с конкретным сегментом всех трёх тел увеличивается соответственно в сотни – тысячи раз в сравнении с использованием обычных вибрационных методов! Благодаря этой возможности время выздоровления ускоряется в тысячи раз! <...>

Мы выяснили, что когда человек читает чистые молитвы, Живые Слова, возникает взаимодействие со Светоносным Поток, который насыщает огненное, тонкое и физическое тело Светоносной информацией. При этом Поток равномерно распределяется на весь объём огненного, тонкого и физического тела (50 тыс. см кубических). Но врач-информотерапевт знает, что заболевание локализуется в сегменте огненного, тонкого тела, в сегменте энергетического центра, сегменте физического тела, объём которого может составлять всего-навсего 10 см кубических (например, при хроническом поражении правого надпочечника).

Врач-информотерапевт, который владеет знаниями использования буквенных и цифровых скрижалей, способен создать информационную форму Живого Слова, которая локализует уплотнённый Светоносный Поток на патологический сегмент объёмом 10 см кубических, в котором находится само ядро заболевания".

- "Живе Слово – нова розробка Інституту метафізичних досліджень: Біополе руйнується думкою і словом, так само воно відновлюється лише думкою і словом".

- Рамачандран. "Когда эпилептик видит слово "Бог", гальванический ответ кожи очень велик, а на сексуальные слова – слабее. Значит, на религиозные слова он реагирует сильнее, чем на сексуальные. Мы предположили, что в височных долях избирательно активируются некоторые нервные цепи, и именно это служит усилению мистической веры".

Исследования взаимосвязи веры и мозга дали начало новой ветви науки – нейротеологии. В её рамках проводит эксперименты доктор Майкл Персингер из Канады. Он утверждает, что путём стимуляции височных долей мозга может вызвать религиозный опыт, нечто, похожее на откровение, почти у каждого человека. Не все люди могут иметь религиозный опыт и видения. Сейчас идёт дискуссия о том, может ли у человека быть талант к религии. Кто-то может им обладать, а кто-то нет. Все люди разные.

Теперь мы знаем, что вера в Бога определяется физиологией мозга. И тут возникает вопрос: как у людей возникла вера? Этому можно дать простое эволюционное объяснение. По статистике верующие живут дольше и они здоровее, даже раковых и сердечных заболеваний у них меньше. Может ли быть, что вера возникла как механизм выживания? Теперь мы знаем, что в мозгу есть структуры, помогающие нам верить в Бога. Вне зависимости от того, есть он или нет, люди будут продолжать верить в него".

- "Мы довольно часто употребляем по отношению к языкам слова "живой" и "мёртвый". Все знают, что мёртвый язык – это язык, на котором не говорят, язык, как бы "застывший", остановившийся на определенном этапе своего развития. Живой язык, напротив, постоянно меняется, потому что есть люди, которые на нём говорят, и, как правило, это целый народ или

несколько народов, объединённых одним языком. Меняется мир, время, пространство, и все эти перемены отражаются в языке. Однако не всё так просто. Мёртвое рано или поздно забывается. Но если бы забытое умирало, то у нас не было бы истории, прошлого, и в результате мы не помнили бы, что с нами было вчера. А без прошлого нет ни настоящего, ни будущего, потому что прошлое – это знание, а знание – это жизнь...

Любой язык – это история жизни народа, открывающая отношение человека к миру. И как в каждом человеке отражается его народ, его эпоха, так и в каждом слове сохраняется целая жизнь. Именно в истории слова мы обнаруживаем удивительные превращения.

Путь слова часто настолько причудлив, что ничего не стоит запутаться в переплетениях значений и созвучий. Например, всем известна любимая "холостяцкая" поговорка о том, что "хорошее дело браком не назовут". Остроумно, но ошибочно! Слово брак со значением "недостаток" – древнегерманского происхождения, а славянское слово "брак" (супружество) образовано от глагола брати, в котором трудно усмотреть что-то негативное. Кстати, слово супруг, однокоренное со словами упряжка, подруга, раскрывает глубокий смысл, вызывая ассоциации с крепкой связью и дорогой, по которой необходимо идти вместе и по возможности слаженно.

<...> Жизнь слова, как и вообще любая жизнь, непредсказуема, а история его увлекательна. Как на основе истории любой семьи можно написать роман, так и в жизни слова можно найти удивительные сюжеты. Но самое главное то, что жизнь слова никогда не заканчивается. Ни язык, ни слово не может быть мёртвым, потому что они не прекращают своё существование. Слово может быть неизвестным или забытым, но и то, и другое ведёт к новому витку истории и новому знанию".

12. Общение во лжи

- Н.Рубанова. Не верь словам.

● Д.Фьюче. Ницше "у-у-у" Пелевина или Охота на Обратной // Новая литература.

"Почему не подходит к Тайне Истины такой ключ, как Язык".

"Нельзя открыть рот и не ошибиться, так уж устроен язык. Это корень, из которого растёт бесконечная человеческая глупость, которой мы все страдаем, потому что всё время говорим".

"Язык нужен для того, 1) чтобы врать, 2) чтобы рассуждать о том, чего нет, 3) чтобы ранить друг друга шипами ядовитых слов".

- "Нет пошлых слов, есть пошлые мысли.

1. Это ЛЖИВОЕ слово – "СВОБОДА". "Свободы нет, но есть освобождение..." (Максимилиан Волошин. "Пути Каина"). Стремление человека к свободе столь же вечно <...>

2. Уста и язык – одни из врат нашей души. Через них одни наполняют свои сердца полезными знаниями, поминанием Аллаха и добром, а другие ложью и сомнениями. Посредством языка одни произносят свидетельство единобожия и оказываются под покровительством Всемогущего Господа, а другие произносят слова, которые делают тщетным всё, что они совершили.

Однако многие люди не осознают своей зависимости от языка и даже не обращают внимания на свои слова. Среди них есть такие, которые распространяют великую ложь и сбивают других с пути Аллаха. Есть и такие, которые сквернословят и грубят, и такие, которые постоянно сетуют на судьбу и жалуются. Одни лгут, чтобы посмешить друзей, а другие разносят сплетни и клеветуют на своих знакомых. К великому сожалению, даже среди мусульман есть немало тех, кто позволяет себе говорить ложь и вести бесполезные беседы, не стыдясь своего Создателя и ангелов, которые нас окружают. А ведь Всевышний Аллах в суре "Каф" сказал: "Какое бы слово он ни произнёс, при нём всегда готовый наблюдатель" (Каф, 18).

Что бы ни говорил человек, его слова записываются благородными писцами, и очень скоро ему придётся отчитаться за всё, что он совершил и произнёс.

3. Демагогия – это лукавое, лживое слово, обращённое к людям. Лживое слово в политике опасно. Однако все попытки искоренить ложь вообще или демагогию как приём политической борьбы оканчиваются ограничением свободы слова, которая может привести к диктатуре.

4. Запомни ещё одну истину, слово правды вносит мир и покой в душу человеческую, а лживое слово вызывает мечты и сомнения, и как солёная вода, только усиливает ...

5. Не надо путать свободу слова со свободой от ответственности за лживое слово. Не надо путать свободу слова с безнаказанностью за преднамеренное уничтожение ...

6. Юрий Архипов: "Всякая неправда есть грех" – говорит Писание. Особенное значение имеет неправда в слове. "За всякое слово праздное – тем более, лживое – даст человек ответ в день Суда". Хуже всего праздное и лживое слово – там, где речь идёт о святости, о святине, о святых. В старину было очень важное, забытое теперь слово – "пустосвят".

7. "Если бы ложь, подобно истине, была одноликою, наше положение было бы значительно легче. Мы считали бы в таком случае достоверным противоположное тому, что говорит лжец. Но противоположность истине обладает сотней тысяч обличий и не имеет пределов (Монтень).

8. Лейла. – "Эльсинор – безумный мир зла": Лживый мир не родился бы, если бы однажды лживый человек не произнёс лживого слова, которое перевернуло мир, заставило людей говорить, не понимая смысла слов, думать, не отдавая отчёта своим мыслям, видеть то, что на самом деле являет-

ся всего лишь призрачной реальностью. Жизнь приобрела новый смысл, новый облик, каждый предмет, каждое слово, каждый человек имеет своего двойника, а некоторые и вовсе трансформировались в хамелеонов, лживых и двуличных. Нет гарантии, что такой идеализированный мир никогда не проникнет в реальность, поэтому актуальность проблемы данного общества является далеко не теорией, но истиной, на которую никто не имеет права закрывать глаза. Да, это страшно и мучительно, но это правда, хотя правда порой и лицемерит.

Выходит наружу порочность мира, Гамлет осознаёт, что лживость и пустота слова – это нормальное явление: все льстят и все актёры.

9. Всякое злое или лживое слово имеет разрушительную силу: оно может разрушить дружбу, семью и даже целые государства.

10. Из проповеди: "Праздным словом, прежде всего, является не просто бессмысленное или лживое, а правдивое и истинное, но которое мы делаем праздным, когда употребляем святые слова всуе, как ничего не значащие. Мы живём в мире, где самая главная война идёт против человека; против единственного словесного существа – человека. Всё делается для того, чтобы слова стали бессмысленными. Чтобы не только потопить всех в море, в океане лживых слов, которые ежедневно обрушиваются на нас, но и святые слова смешать со словами лживыми и скверными. И чтобы мы тоже приняли в этом участие. Если мы поддаёмся врагу, то горе нам. Для того и предлагается нам пост, чтобы мы помнили, что есть самое главное; чтобы мы помазали главу свою: свой ум, свое слово – елеем смысла, добра, веры, правды и чистоты, и чтобы слово наше стало живым, как и мысли".

● Шаховский В.И. Человек лгущий в реальной и художественной коммуникации. //Человек в коммуникации: аспекты исследования. 2005.

"У нас пристрастие к словам – / Совсем не прихоть и не мания; / Слова необходимы нам / Для лжи взаимопонимания (И.Губерман).

I. Введение. Ложь не всегда была сутью человеческого коммуникативного поведения. Общеизвестно, что животные, в отличие от современного человека, не лгут и не краснеют. Человек в далёкие времена, когда он мало чем отличался от животных, т.к. был в полном смысле слова, как и они, частью природы, тоже не врал. Х.Шухардт в своей эмоциональной гипотезе происхождения языка считает первыми языковыми образованиями эмоциональные выкрики-восклицания (аффективы). Они были искренними тогда, ибо были жизненно важными.

"Будь мы в состоянии проследить слова до их источников, нашли бы, что названия, обозначающие вещи, не относящиеся к области наших чувств, во всех языках имели своё первое начало от чувственных идей" [Локк 1960: 403]. Справедливость этих слов подтверждается наблюдениями и выводами Л.С.Выготского о первоначальной непосредственно- чувственной ступени

развития обобщений у ребёнка, который повторяет путь и все ступени развития обобщений у первобытного человека, на которых проявляется, кроме видового, ещё и индивидуальный и социальный интерес ко лжи.

Исследование ряда теоретических работ по лингвистике лжи и собственный эмпирический материал, включающий факты реальной и художественной коммуникации, позволяют утверждать, что вербальная ложь тоже эмоциональна (явно или скрыто) и базируется на эмоциях человека лгущего – *homo mentiens (fallens)* – в частности, как минимум на эмоции определённого ("шкурного") интереса.

II. Ложь как лингвистическая проблема языковой, правовой и нравственной экологии.

Мнения разных языковых личностей (ЯЛ) на одно и то же событие, факт, явление редко полностью совпадают. Истинным каждому из нас представляется только наш взгляд, наше восприятие и понимание, только наша интерпретация. И.Губерман этот исторический факт точно и ёмко объективировал в одном из своих четырёхстиший, в котором все мнения он считает заблуждениями и как основу всех споров: "Между слухов, сказок, мифов, / Просто лжи, легенд и мнений, / Мы враждуем жарче скифов / За несходство заблуждений".

Людям свойственно разбредаться кому куда угодно в понимании одного и того же, что и является базой для лжи, которую трудно отличить в огромном разнообразии мнений от правды. Люди думают, что они общаются друг с другом на уровне правды, которая у каждого из них разная, своя. При переходе на уровень истины каждому из речевых партнёров позволяет увидеть другие правды и применить к ним свою. В речевых актах (диалогах) всегда существует оппозиция "твоя правда vs моя правда". Интересно, что, по замечанию А.В.Пузырёва, у русского слова истина (которая выше правды) нет синонимов, по сравнению со словом "правда". Этот факт, по его мнению, указывает на отсутствие концепта "Истина" в русском менталитете, хотя само слово есть.

Правду и ложь трудно дифференцировать ещё и потому, что, по мнению французского философа 60-х годов Мишеля Пете, слова не прозрачны и говорящий субъект не является полновластным хозяином своей речи. Это мнение аргументируется тем, что всегда есть слова, предшествующие тому, что мы говорим, и то, что мы говорим, всегда пронизано словами других. Плюс к этому – "паутина" тысячи ассоциаций у каждого слова, своего и чужого. Всё это – огромная база для порождения лживых (неискренних) высказываний.

Характерно, что заблуждаются, разбредаясь в своих мнениях об одном и том же, не только рядовые ЯЛ, но и исследователи языка, т.е. специалисты-лингвисты. На это в своё время указывал В.Дорошевский: "... все фор-

мы проецирования языка за пределы среды, выделение его для получения более отчётливых контуров исследовательского предмета основаны на принципиальном теоретическом заблуждении" [Дорошевский: 102]. Этот объективный факт объясняется тем, что семантика любого слова для его пользователя содержит помимо кодового содержания ещё и личностные компоненты, соотносящие это слово с ситуациями всех его предыдущих употреблений. А они у каждого пользователя языка свои, поэтому и появляется разброд в восприятии, понимании и интерпретации одного и того же высказывания даже во внутрикультурном (одноязычном) общении. При межкультурном общении проблема динамической эквивалентности ещё более усугубляется [Шаховский: 1998]. <...>

Изначально язык служил системой ориентирования *homo loquens* в общении. А теперь он всё больше превращается в систему дезориентации, разобщения людей. Недостроенная древними людьми Вавилонская башня продолжает разрушаться. И теперь виновато в этом не разномыслие, а "разномыслие", т.е. ложь в ментальных и в (а)вербальных репрезентациях ситуативного взаимодействия *homo mentiens* (*fallens*). Язык считается путеводителем человека к самому себе и к другим. Но, как выясняется, путеводитель этот неблагонадёжный, потому как люди лгут не только другим, но и самим себе. Как утверждает В.Ф.Петренко, "грязная рубашка – теплее". Видимо, в этом и заключается интрига лживого общения как специфического коммуникативного жанра.

Тот факт, что ложь в коммуникативном поведении ЯЛ занимает огромное место, подтверждается огромным концептуальным полем лжи, все фрагменты лексикализации которой имеют имена в разных частях речи русского и английского языков. Приведу только имена существительные, обозначающие различные оттенки семантики "номов" языковой лжи в русском языке: ложь, обман, враньё, неправда, неискренность, уловка, ухищрение, сокрытие правды, затемнение, двуличие, усиление/смягчение информации, симуляция (эмоций), мистификация, лукавство, ловкачество, комплимент, похвала (неискренняя), лесть, зомбирование, манипуляция (манипулирование), дезинформация, тенденциозность, инсинуация, опорочивание, притворство, делание вида, полуложь, запоздалая правда, лицемерие, небылица, ахиня, клевета, перевираание, уклончивость, лжесвидетельство, видимость, двойная игра, увёртка, наговор, оговор, фальсификация и др. Разговорные, сленговые и сниженные имена лжи здесь не приводятся (типа: лапша, обувка, ксива...), равно как и прилагательные, глаголы, наречия, причастия.

Л.Андерсон считает, что "лингвистика может внести вклад в установление новых строгих принципов, позволяющих судить о ложной рекламе и ложной коммуникации, что способствовало бы выработке правовых установок и журналистской этики ..." [Цит. по: Болинджер: 42]. Для этого, по

моему мнению, необходимы специальные интегрированные исследования лингвистов, психолингвистов и текстолингвистов <...>.

Врут друг другу супруги, коллеги, дети и родители, особенно активно дети врут друг другу и учителям. Эта ложь наименее обидна и поражающа, в отличие от государственной лжи – источника психических травм и нездоровья населения всей страны (по замечанию Б.Немцова на телешоу, "у нас вся страна – инвалиды"). Государственная ложь ведёт к суициду многих людей: реальная статистика врёт на этот счёт, занижая данные. Не зря люди говорят, что есть три вида лжи: маленькая ложь, большая ложь и статистика. Целью лжи в любом случае является непосредственное или опосредованное манипулирование адресатом: обмануть его, создавая у него ложную ментальную картину (пропозицию, по Л.Витгенштейну), которая позволяет отодвинуть обратную связь на неопределенное время ("Партия торжественно провозглашает, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!").

Ложь, несомненно, является, социальным, правовым и нравственным злом. Теперь в определённых структурах уже и специальное обучение проходят так называемые имиджмейкеры – манипуляторы общественным сознанием (пиарщики). И ведь лжецы всегда побеждают, как ни странно! И в наше время тоже. Все знают, что реклама лжёт, чтобы обмануть покупателя, избирателя, и всё равно люди покупают, выбирают фальшивки. Наблюдения за практикой лжи показывает, что вживую врать труднее, чем по телефону или через СМИ. Поэтому реклама предпочитает врать по радио, ТВ или в газетах, когда нет прямого физического контакта с клиентом. Замечено, что при свидетелях врать труднее, но врут даже в суде, где обещают говорить правду, только правду, одну только правду... Видимо, ложь, как и мафия, непобедима. <...>

Ложь живёт и процветает везде: "сказка – ложь..." (А.С.Пушкин), в каждой шутке неявной функцией является ложь (Замятин: 313-316), и каждая метафора ("ночь – дама с глазами звёздными") – тоже ложь. С её помощью происходит индукция ложных картинок (пропозиций) у реципиентов. Лживые слова, типа никогда, ни за что, реформа, демократия и т.д. – крючки, на которые ловятся люди. И хорошо бы каждому знать эти крючки заранее, априори, а не уже побывав распятым на них. Такие слова – маски лжи, и задача лингвистики – сорвать с них эти маски, маркировать их предупредительным знаком. Людям нужна языковедческая помощь в своевременном опознании лжи. Л.Витгенштейн утверждал, что язык переодевает мысли. Мои наблюдения показывают, что он часто их переодевает в ложные одежды, и эта одежда тоже должна быть маркирована фосфорным свечением в темноте лживого общения.

Конечно, лингвистика лжи ещё не сложилась окончательно. Работ число лингвистических на эту тему мало (см. библиографию: [Панченко], [Плотникова]). Объясняется это многими причинами и прежде всего тем, что лживыми высказываниями людей руководят биологические, социальные, религиозные, психологические, политические, финансовые (экономические) и многие другие факторы. Наиболее обобщённо лингвистический аспект лжи рассмотрен в работах Х.Вайнриха и Д.Болинджера. Основные выводы их исследований взаимодействия языка и лжи таковы: Ложь как феномен существует.

Лингвистика не может уничтожить ложь. Но лжёт не язык, а ЯЛ. Люди лгут с помощью языка, они используют для лжи все его экспрессивные средства и стилистические приёмы. Интересно утверждение Х.Вайнриха о том, что ложь занимает так много места в языке (речи) людей, что для истины почти совсем не остаётся места, "только узкая улочка" [Вайнрих: 46].

Лингвистика действительно не может упразднить ложь и лживую коммуникацию, но она может установить прототипичные лживые средства языка, может выявить, как именно истина с помощью языка превращается в ложь, как нормальные слова становятся лживыми, рефлектируя коррелирующие с ними лживые понятия: борьба хозяйствующих субъектов, демократия, реформа, суверенитет, монетизация льгот, демонизация денежных знаков и мн. др. в русском лексиконе. Россия давно уже висит "над пропастью во лжи" (В.Новодворская), и эмпирически "библиотека лживых слов" уже давно не только на слуху, но и в памяти, в языковом сознании русскоязычных людей старшего и среднего поколения. Молодое поколение в настоящий период активно к этой "библиотеке" прибегает через СМИ.

Лингвистика может установить лживые валентности слова и его отличие от слов, у которых таких валентностей нет. Лингвистика может и должна составить перечень всех слов, структурных интоном, просодем и кинем, уличающих ЯЛ в лживости, чтобы противостоять манипулированию собой и зомбированию со стороны, прежде всего, СМИ. Сюда включаются и прямые и косвенные улики – сигналы лжи. Если с этой задачей лингвистика справится, то лживая речь и сигналы лжи уничтожат друг друга [Вайнрих: 82], а у лживой информации ослабеет манипулятивная функция, и люди будут успешнее ей сопротивляться.

Другими словами, в языковую и в эмоциональную/эмотивную субкомпетенции ЯЛ необходимо с детства вводить знания о лживых языковых знаках, структурах и приёмах их опознания: "точечные бомбардировки", "лагерь беженцев", "зачистка", "восстановление порядка" и другие многочисленные случаи переноминации как средства лжи о войне в Чечне. Их семантическое разоблачение – это проблема социолингвистической, правовой и нравственной экологии.

Уже из имеющихся исследований по психологии и лингвистике лжи видно, что лживые РА – результат намеренного злоупотребления языком, а следовательно, такое использование языка является унижением и оскорблением человека, нарушением его прав... <...>

Лжёт в любом случае не язык, а *homo fallens* (*mentiens*), который использует кодированные языковые средства, а они – полифункциональны. Это уже известно. Но в случае лживых РА *homo fallens* (*mentiens*) переформатирует их, т.е. перемещает те же самые слова, которые используются в искреннем дискурсе, в другое пространство во вновь заданные смысловые рамки с иной (смещённой) референцией. Так происходит овнешвление лжи для продуцента. Для реципиента это овнешвление, чаще всего, является истинной информацией (до поры до времени).

Слова – всегда жалкое отражение мыслей. Установлено, что мысль, изречённая в слове, теряет качество прежнего (внутреннего) измерения, т.к. переходит в мир других (внешних) измерений: временных и пространственных. Мысли не тождественны словам, а значит, мысли врут меньше. Может быть, мысли вообще не врут? Изначально язык слов – это биологическое приспособление для передачи информации, ориентирующей человека в пространстве и во времени. Основным биологическим инстинктом человека, как известно, является его самосохранение, в том числе и с помощью лжи, а значит, с помощью дезинформации реципиентов (спасительная ложь, кстати, может быть для обоих коммуникантов в определённой эмоциональной ситуации).

Слова можно увидеть, услышать, а мысли – нет. То, о чём человек думает, можно узнать только из его высказываний, а они могут довольно часто расходиться с его мыслями, т.е. быть намеренно неискренними (лживыми). Вербальная ложь представляет собой систему скрытых смыслов, а они представлены на всех этажах языка: в лексике и в синтаксисе, в их семантике (скрытые для получателя смыслы), в интонации (см. [Биркенбил]). <...>

Ложь не только распространена в любой лингвокультуре, но и особенно популярна у власть предержащих. Как замечает А.Меняйлов, "на практике уничтожали (во все времена – В.Ш.) лишь не изощёренных во вранье, притворстве, хитрости. Лживые же выживали, давали потомство и занимали ключевые посты во власти" (Меняйлов: 231). А раз лживые у власти, особенно если они двумя руками держатся за ложное мировоззрение, искоренить ложь в обществе и в быту невозможно (см. Дж. Оруэлл "1984"). С ней надо сосуществовать и учитывать её в процессе коммуникации с этим обществом, ибо у него громадный генетический опыт лживости. Уже во времена Понтия Пилата верхом святости был обман [Меняйлов: 297], например, лживые клятвы и валютные махинации первопрестольного Храма [он же: 292-294].

Обман и ложь как его разновидность в громадном разнообразии широко практикуются в повседневной жизни людей, и поэтому в языке так мно-

го слов, фразеологических единиц, устойчивых словосочетаний – клише для номинации этих практик лжи.

Психологи утверждают, что общение без истины невозможно. Но роман Дж. Оруэлла "1984" опровергает это мнение. Речевая жизнь общества показывает, что именно без лжи общение (и вертикальное, и горизонтальное) становится всё более и более невозможным. И это в то время как ложь объявляется грехом в Нагорной проповеди! <...>

13. Мир иерархический

- "Иерархию можно представить как форму, принцип, смысл, модель, формулу. По каждому из параметров возможны различные типы, формы социальных иерархий по смыслу – иерархии подчинения: место в нижних рядах определяет форма зависимости от верхнего. Дерево, человек, животное, организм, кибернетическая система – иерархии подключения: одна часть, подключаясь к другой, взаимодействует с ней, и они вместе образуют целое. Язык – модель иерархии включения: большее включает меньшее как составную часть, меньшее проявляет свои функции в большем. Так, самые низшие единицы языка (звуки, фонемы) реализуют себя в единицах следующего уровня, т.е. в морфемах, из которых в свою очередь образуются слова, единицы более сложные, стоящие на одну ступень выше, из слов составляются предложения и т.д."

- "У вас в школе, во дворе, в училище, существует некая условная иерархия?" Субординация, последовательность, построение власти и подчинение силе – всюду в мире своя система, или иерархия, такое вот устройство жизни. Не только в армии командная система зависимости".

- "Язык как иерархия – это статическое в динамике, модель, предшествующая появлению в речи: модель построения высказывания, модель организации смысла, модель формообразования, модель устройства системы в целом. Иерархия в языке – это иерархия составов".

14. Школьная лингвометодика (словесность)

- Лариса Новикова. Путь к душе слова // Развитие личности. 2005. № 1. С. 176-185.

"Не достаёт детям понимания многих слов". (И детям, и взрослым.)

Если задать современному школьнику вопрос: какое слово является его любимым словом, то такой вопрос многим покажется провокационным и неправомерным. У многих детей этот вопрос вызывает искреннее недоумение: а что, мол, здесь любить-то? Но ведь мир для человека зачастую "поделён" на любимое, нелюбимое и безразличное. Вполне естественно, что у человека есть любимая книга, любимый фильм, любимый цвет, любимая одежда... И только слов любимых нет. И такая ситуация сложилась не сегодня.

И.Срезневский сто лет назад с горечью отмечал, что "не достаёт детям понимания многих слов", а потому, считал учёный, необходимо заставлять детей "вдумываться в оттенки значения всякого основного слова, и в значения слов, из них произведённых... и в отличия значений слов, сходных по смыслу".

Равнодушие к слову. Современные учёные и методисты обращают внимание на достаточно распространённое явление – "равнодушие школьников к незнакомым словам, отсутствие стремления понять их смысл". Это равнодушие не только к слову, но и к мысли, к её оттенкам. Сегодняшние школьники равнодушны как к знакомым словам, так и к неизвестным. Те слова, которые давно известны, для учеников естественны, как сон, еда, воздух, а привычного не замечаешь и не задумываешься над ним. Слова неизвестные порой и остаются незнакомцами, мимо которых проходишь в житейской суете, не замечая и не обращая внимания на существование их неповторимого мира, на уникальность каждого слова. Школьники зачастую остаются глухи к интонациям, переливам, мелодичности родного слова. Но ведь детей и не учат радоваться слову, удивляться ему, восхищаться им.

Когда родители воспитывают в своих маленьких детях любовное, бережное отношение, например, к природе, они обращают их внимание на многие детали, на то, как красив цветок или бабочка, какое удивительное небо, как замечательно в берёзовой роще. Но мало кто скажет ребёнку: "Послушай, какое удивительное слово! Как оно красиво!".

"Но скажут ли достаточно в школах о красоте своего языка? Приходя в школу, ребёнок, так и не получив представления о красоте слов, сразу вступает в мир науки с её классификационными категориями и строгими законами. Живые созвучья слов укладываются в скупые характеристики-диагнозы: это существительное... прилагательное... одушевлённое... неодушевлённое. Но ещё В.А.Сухомлинский предупреждал: "До тех пор, пока ребёнок не почувствовал аромат слова, не увидел его тончайших оттенков, – нельзя вообще начинать обучение грамоте". А Рерих в начале XX века беспокоился: "Но скажут ли достаточно в школах о красоте своего языка? Скучные правила пусть придут после, а сначала, от первого дня, пусть будет сказано о красоте русской речи, её богатстве, о восточности, о подвижности и выразительности своего языка".

Помочь увидеть значимость слова. Между тем понимание того, что к слову необходимо формировать ценностное отношение, работать более глубоко и системно, в методике преподавания русского языка существовало давно. Появление новой лингвистической категории – концепта – и проблема использования последних достижений лингвистики в школе сегодня диктуют необходимость пересмотра существующего арсенала методов и приёмов работы, иные подходы к работе со словом, нацеленные на вдумчивое к нему отношение. Умения ученика определять необходимые категории у слова (род, число,

падеж у прилагательных; спряжение, вид у глагола и т.д.) при таком подходе не являются самоцелью, а служат лишь необходимым звеном в формировании позитивного ценностного отношения к слову как артефакту культуры. Поскольку концепт – это в большей степени понятие логики, чем языкознания, считаем целесообразным работать на уроке со словом, учитывая при этом различные системы связей и точки отсчёта – и языковые, и логические, и культурные, пересматривая работу со словом в соответствии с последними достижениями лингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии.

От переживания слова к его познанию. Если мы хотим помочь школьникам увидеть значимость слова, почувствовать его уникальность, распознать целительную или разрушительную силу слов, увидеть мир, в котором обитают слова, для этого необходимо самому учителю знать о том, что такое концепт, знать пути его формирования в сознании, уметь воспитывать интерес к слову как языковой единице, как к индивидуальности, имеющей свою биографию, своих родственников, друзей, врагов и т.д. Существуют пути, посредством которых мы можем формировать интерес к слову как историко-культурному феномену, идти от переживания слова к его познанию. Таковыми будут являться новые подходы, новые методы работы со словом, позволяющие учитывать достижения лингвистики последних десятилетий и в то же время доступные школьникам, способные в первую очередь вызвать эмоциональные переживания слова, так как "слово и непосредственно связанное с ним переживание вызывает последствия иного рода, а именно глубоко волнующие эмоции".

Опора на языковую личность. При проектировании методов работы со словом мы опирались на языковую личность учащегося и учитывали степень известности им слова и уровня информированности о нём. Данная точка отсчёта позволила увидеть, что в сознании обучающейся языковой личности слова представлены по-разному. Одни слова хорошо известны и школьники самостоятельно могут многое рассказать о них. Другие кажутся ученикам знакомыми (их часто употребляют окружающие, они на слуху), но на самом деле информация о них у школьников мала, обрывочна, фрагментарна. Наконец, есть слова, не известные ученикам, которые они ни разу не использовали в речи, а иногда даже не слышали.

Методы работы со словами. Следовательно, если слова в сознании языковой личности представлены по-разному, то и методы работы с разными группами слов должны различаться. Условно методы можно разделить на: методы, используемые для работы со словами, хорошо известными учащимся; методы, используемые для работы со словами, относительно известными учащимся; методы, используемые для работы с не известными учащимся словами; методы, используемые для работы со всеми группами слов.

Многоаспектная работа со словом. Для формирования культуроведческого концепта значима комплексная (многоаспектная) работа со словом. Традиционно слово рассматривалось в рамках тех или иных разделов русского языка, "растворяясь" в сведениях по фонетике, словообразованию, лексике, грамматике. Изучается фонетика – учитель работает над фонетической стороной слова; изучается морфология – слово анализируется с точки зрения наличия у него тех или иных грамматических признаков. При изучении лексики слово рассматривается со стороны его лексического значения и т.д.

Иначе говоря, по отношению к слову проявлялась "узкая специализация". Возможно, в этом сказывались последствия выдвинутого в своё время Ф.деСоссюром принципа: "Язык в самом себе и для себя". Он сознательно отграничивал лингвистику от других наук: психологии, антропологии, нормативной грамматики, физиологии, считая, что, связав эти науки, объект лингвистики выступит "как беспорядочное нагромождение разнородных, ничем между собою не связанных явлений". Однако лингвистика последних десятилетий XX века преодолела этот принцип-барьер, что нашло отражение в рождении новой лингвистической категории – в концепте. Следовательно, и методика должна найти новые приёмы работы со словом, или, шире, концептом.

Мир, закодированный в звуках. Понимая сложность проблемы, Н.Л.Аринина указала, что "необходимые в учебных целях анализ, разложение слова на составные части не должны убивать живую душу значения слова". Любой вид языкового анализа в школе, бесспорно, необходим. Но слово не должно превращаться в абстрактные глаголы, существительные, частицы, а сам анализ не должен становиться самоцелью, так как слово – единое целое. Если подходить к слову как концепту, то следует работать, понимая, что в слове заключён целый мир, закодированный в звуках и буквах. Суть метода – рассмотрение слова в единстве его различных характеристик, в комплексе. Цель подобной работы совпадает с целевой установкой Л.Успенского, который в книге "Слово о словах" писал, что радость и удача его работы заключаются в том, чтобы не только "думать словами, но и "думать о словах".

"Слово, оно что яблочко... ты умей его повёртывать". В одной из былин об Илье Муромце есть образная характеристика слова: "Слово, оно что яблочко: с одного-то боку зелёное, так с другого румяное, ты умей его... повёртывать". Комплексный подход к слову предполагает, что слово "повёртывается", рассматривается с различных сторон. Причём традиционные виды анализа включаются в комплексное рассмотрение слова не как сумма отдельных "школьных" видов разбора, но преодолевают определённые изменения. Так, фонетический анализ заключается не только и не столько в установлении качественных и количественных характеристик отдельных звуков, но в ана-

лизе фоносемантического ореола слова в целом. Рассматривая словообразовательные возможности слова, мы оцениваем, насколько продуктивно образование новых слов, какие новые значения приобретают образованные от базового слова однокоренные слова, какие новые "способности" оно приобретает или какие из имевшихся в базовом слове утрачивает, выявляем значения, которые совпадают или различаются у однокоренных слов.

Анализируя слово с учащимися, мы рассматриваем его не только в синхронной реальности, но и в диахронной, обращаясь к этимологии слова, к тем изменениям, которые произошли со словами в течение их жизни в языковой системе. Есть слова, в которых всё понятно, в них всё как на ладони, а есть слова-загадки, и, думая об этих словах, мы можем только высказывать те или иные догадки, гипотезы. В любом случае, "историческая память", заключённая в слове, обогащает учащихся, расширяет их видение слова и формирует особое мировидение.

Ассоциативные связи слов. Выполняя комплексную работу, необходимо выявлять ассоциативные связи слов. Вводя подобный вид работы при формировании концепта, мы опираемся на мысль Н.В.Крушевского о том, что "представление о вещи и представление о слове, обозначающем эту вещь, связываются законом ассоциации в неразлучную пару". Однако слово не только связано теснейшими узами с вещью, но и неразлучно с различными рядами слов, "оно всегда член известных гнёзд или систем слов и в то же время член известных рядов слов". В лингвистике концептуальный анализ невозможен без обращения к ассоциациям, механизмам ассоциирования. Вопросы, связанные с образованием ассоциаций, взаимосвязь их с глубинными структурами памяти, мышления накладываются на проблемы исследования процессов порождения речи и её восприятия. На уровне, доступном учащимся, в методике преподавания русского языка следует использовать приёмы, позволяющие актуализировать и проявить ассоциации учеников.

Необходим и анализ значений слов, как основных, так и дополнительных, как прямых, так и переносных. Но данный анализ не заключается только в констатации тех значений, которые зафиксированы в словарях, но предполагает сопоставление, сравнение значений, которые определяются у одного и того же слова в различных словарях.

Важна работа с контекстами. Особенно важна работа с контекстами (словосочетаниями, пословицами, поговорками, фразеологизмами, стихотворными и прозаическими текстами и т.д.). Задача учителя в данном случае заключается в том, чтобы помочь ребятам увидеть слово в мире других слов, почувствовать, какие взаимоотношения существуют между ними, каким мерцанием смысла наполняется слово, т.к., по верному замечанию Ц.Тодорова, в контекст "слово приходит из другого контекста, пронизанное

чужими осмыслениями", и наша "собственная мысль находит слово уже населённым".

"Слова должны удивляться своему соседству". Особенно интересно в этом плане рассмотрение слова в поэтическом контексте, так как "участвуя в жизни нового поэтического сообщения, слово тянет за собой всё своё прошлое, свою роль и обычаи, связанные с принадлежностью к данной языковой системе и определённым сферам социального функционирования". Отношения слов в контексте становятся весьма драматическими: бывшие противоположности стираются, а связи рвутся. Этот драматизм их отношений имел в виду Гораций, когда отмечал, что слова должны удивляться своему соседству. Важно в этой работе сделать так, чтобы удивились и учащиеся, заметив, что в контекстах часто происходит переосмысление одного слова под влиянием другого или других, высвобождается поэтическая энергия слова.

При рассмотрении слова крайне важна сочетаемость слов, особенно учёт несвободной сочетаемости, которая обусловлена "ассоциативным потенциалом" слов. В русском языке обстоятельства складываются, а события разворачиваются; конфликт может вспыхнуть, а может и погаснуть; угроза способна нависать и нарастать; в русском языке (и в русском сознании) проблему ставят, а приговор выносят; победу одерживают, а поражение терпят; интриги плетут, а козни строят. Именно через сочетаемость слов "осуществляется символизация умопостигаемой... сущности".

"Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...". Поскольку культуроведческий концепт предполагает формирование зрительного образа слова, то один из видов работы с детьми заключается в том, чтобы каждый из них создал и проанализировал свой собственный образ слова. Учащиеся рисуют слово на бумаге с помощью карандашей или устно через посредство приёма словесного рисования, объясняя при этом своё восприятие слова. Школьникам интересна работа по сопоставлению зрительных образов, когда они наглядно видят, что слово произносим одно и то же, а "видим", воспринимаем мы его по-разному. Именно в результате этой работы ученикам становится понятно, почему известный поэт в своё время сказал: "Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...".

Значение слов. Важен при формировании концепта анализ грамматических значений слова и их роли в контексте. Этот анализ также не тождествен традиционному для школы морфологическому анализу. В данном случае внимание учащихся аккумулируется на тех грамматических категориях и значениях, которые актуальны именно в данном случае, в конкретном контексте, в конкретном окружении. Интересны для школьников наблюдения над грамматическими "аномалиями" рода, числа, падежа и т.п. Главное при проведении этого вида анализа "вычерпать" информацию о слове, передаваемую на уровне грамматических значений.

Национальная специфика слова. Необходим в ряде случаев и такой вид анализа, как сопоставительный анализ слова в русском языке со словами других языков. С помощью такого анализа школьники могут увидеть национальную специфику слова, выявить общее и различное в лексических и грамматических значениях слов родного и неродного языков.

Наконец, многое может дать учащимся анализ синонимов, антонимов, омонимов, паронимов. Этот анализ не сводится к традиционному для школы подбору указанных категорий слов, но даёт возможность увидеть место слова в ряду других, понять его "изюминку", почувствовать, какие сложные взаимоотношения существуют между словами в языке, выявить слова "друзья", "враги", "близнецы" и т.д.

Нет пределов познанию слова. Работа, проводимая комплексно, многогранно, не должна пониматься только как совокупность предлагаемых методов и приёмов, изложенных выше. Нет пределов познанию слова, а потому этот метод открыт для дальнейшего обогащения его другими сторонами, нюансами. Об этом мы читаем у В. фон Гумбольдта: "...невозможно представить подлинный смысл, совокупность всех объединённых признаков слова как определённую и завершённую величину". И уж если это представляется невозможным сделать в рамках досконального, детализированного научного исследования, то понятно, что школьный вариант анализа вовсе не претендует на всеобъемлющий охват всех сторон концепта.

Многократное возвращение к слову. Это означает, что при исследовании слова на уроке всегда будет оставаться множество сторон, которые в данном конкретном уроке ускользнули от внимания учителя и учащихся, следовательно, возможно и необходимо многократное, концентрическое возвращение к одному и тому же слову в различных ситуациях обучения. Например, при работе с концептом "дорога" возможны следующие концентры:

5-й класс: рассмотрение слова на примере произведений устного народного творчества (дорога в сказках, былинах, народных песнях, пословицах и т.д.); 6-й класс: анализ слова на поэтических примерах, изучаемых по программе литературы или специально подобранных учителем; 7-й класс: многоаспектный анализ слова с привлечением широкого, разнообразного материала; 8-й класс: обогащение видения слова рассмотрением отдельных его сторон ("дорога" в лирике военных лет; "дорога" в творчестве отдельных писателей и т.д.); 9-й класс: углубление знаний и представлений о слове при анализе образного и символического смысла этого слова в произведениях А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Н.В.Гоголя.

Концентрические возвращения выделяются индивидуально по отношению к каждому концепту. Учитываются при этом различные факторы: насколько концепт известен школьникам (первичный объём знаний ученика);

как он представлен в смежных дисциплинах; насколько сильна необходимость работы с данным концептом в конкретном классе и т.д.

При неоднократном возвращении к слову (при концентрическом подходе к рассматриваемому слову), на каждом этапе актуализируются и обостряются наиболее важные и ценные представления о слове, которые постоянно углубляются и обогащаются посредством рассмотрения новых сторон одного и того же слова. Рассмотренный метод имеет парадоксальный характер, поскольку при накоплении некой суммы знаний о том или ином слове учащиеся понимают, сколько ещё не познано, ощущают бесконечность слова.

Рисование образа слова. Отдельные методы и приёмы в рамках многоаспектного анализа слова могут выступать в качестве самостоятельных методов, например, рисование образа слова. Этот метод ориентирован на актуализацию и активизацию воображения учащихся, на перевод мысленных образов, возникающих при восприятии слова, в зримые, наглядные, с помощью создания рисунка слова. Данный метод – эффективный способ не только преодоления своих страхов и опасений, но и возможность раскрыть творческие (в том числе и речевые) способности ученика, подключить образное мышление и, как следствие, повысить общую интеллектуальную культуру школьника, способствовать его умственному развитию. Этапы работы в этом случае таковы: 1 – презентация слова; 2 – формирование эмоционального отношения к слову (прочтение учителем отрывков поэтического или прозаического текста, высказываний о слове и т.д.); 3 – внутреннее переживание и осмысление слова; 4 – рисование своего видения слова; 5 – анализ собственных образов и сопоставление их с другими зрительными образами.

Спектры ассоциаций слов. Одним из самостоятельных методов может быть ассоциативный эксперимент. Цель метода – выявление спектра ассоциаций к тому или иному слову, объяснение этого ряда или мотивировка появления одного из слов-реакций. К тому же, как показывает опыт, использование этого метода при работе со словом позволяет подготовить учащихся к выявлению ассоциативных связей слов в контекстах, помочь в проявлении имплицитного (невербализованного, скрытого) смысла текста. Методика ассоциативного эксперимента при работе со словом такова: 1 – объяснение или восстановление учителем в памяти учащихся представлений о том, что такое ассоциации, слово-стимул, слово-реакция; 2 – презентация слова-стимула; 3 – произнесение или запись слов-ассоциаций; 4 – анализ собственных слов-реакций; 5 – сопоставление собственных ассоциаций с ассоциациями других учеников, принимавших участие в эксперименте, выявление общего и индивидуального; возможно сопоставление с данными ассоциативного словаря. Такая работа в целом представляет собой прорыв в микрокосм слова, в процессе выполнения работы у школьников

вырабатывается синестезия (соощущение), поскольку он даёт возможность ощутить слово зрительно, на слух, на вкус и т.д.

"...как прекрасно слово само по себе!". Разнообразные методы работы со словом помогают воспитывать в ребёнке бережное, чуткое отношение к слову, раскрывают внутренние ресурсы слова, показывают путь к душе слова. Благодаря подобной работе, у детей формируется интерес к слову, они начинают относиться к нему как к ценности, видеть его красоту и своеобразие. И слова становятся не просто фразой, но внутренним чувством слова. Совершенно правильно писал В.Солоухин: "Эпитеты – одежда слов. Они лишают слово его первозданного звучания. Они избаловали нас. Мы уже плохо воспринимаем слово как таковое: осень, море, трава. Нам необходимы подпорки: трава зелёная, сухая, прелая, душистая; осень ранняя, ненастная, серая, тёплая. А между тем как прекрасно слово само по себе! Осень. Море. Трава". В данном случае под фоносемантическим ореолом мы понимаем ореол звуковой, или семантической, значимости, дополняющий представление о значении слова посредством своеобразия набора звуков в слове.

15. Религия живого слова (вместо заключения)

- К.Фрумкин (04/06/08):

"Одно из самых ярких произведений русскоязычной фантастики последних лет, причём фантастики в самом точном смысле этого слова философской, интеллектуальной, является роман киевских писателей, супругов Марины и Сергея Дяченко "Vita nostra". Роман этот стоило бы обсудить более подробно и отдельно, но в данном случае хотелось бы обратить внимание на одну, ключевую идею этого романа. Некие высшие силы путём таинственного, и порою очень мучительного, обучения разъясняют его героям, что все люди – это на самом деле слова. Мироздание – это текст, и люди в нём слова. Слово, которое должно быть лишь орудием коммуникации между людьми, оказывается сутью самого человека и кирпичом бытия.

Такая идея, могла бы шокировать, если бы она была неожиданной, – однако с тех пор, как в античной философии появилась категория "логос", поклонение слову стало соблазном, который всегда преследует человечество. Можно сказать, что это стереотипный соблазн филолога. Этого соблазна, прежде всего не избежала еврейская философия, объявившая 22 буквы еврейского алфавита теми кирпичиками, из которых создан мир.

Прагматичное мышление, занятое коммуникацией, думает, что именно сказал или хотел сказать собеседник. А можно ведь ещё задуматься над тем, почему он это сказал именно такими словами, почему в его распоряжении оказались именно такие слова. А можно поставить вопрос ещё более остро: какой смысл в существовании данного слова или слов, вне зависимости от того, кто и что ими сказал или может сказать.

Семантические теории, связанные со смыслом слов так или иначе, явно или скрыто, но выходят на участников семиозиса, на их намерения, взаимоотношения, возникающие в процессе последних условности и т.д. В конечном итоге слово всегда считается элементом человеческой жизни и объясняется через человека. Но религиозно или метафизически настроенное сознание должно видеть, что слова – это части мироздания, они имеют объективное существование и входят в действительные процессы, а может быть и в божественные замыслы. И потому надо же уметь слышать "метафизическое звучание" слова, смысл его существования не только в ситуации межчеловеческого общения, но и во Вселенной вне связи с коммуникацией. Для верующего человека – это верно вдвойне. Ибо возможно стремление к хотя бы поверхностному проникновению в замыслы Бога, которые он имел по поводу существования данного слова.

Если возможна мистика и если возможна метафизика, то возможна мистическая и метафизическая семантика. Речь должна идти о слове-в-себе, и это несмотря на то, что человеку дано только "слово-для-нас", т.е. слово в общении и словоупотреблении, и рассуждать о слове не возможно, не употребляя его, ибо даже простое упоминание есть уже словоупотребление. Но в уже известном можно пытаться искать дотоле неизвестную ценность. Например, может быть есть самостоятельная ценность в том, чтобы нечто было записано. И не ради будущего, не ради потомков, вообще не ради читателей. А просто, и мир, и письмо сами по себе достаточно стоящие вещи, чтобы имело смысл первый выразить во втором. Книга или книгохранилище могут пережить человечество, могут пережить и любого потенциального адресата. Но их существование столь величественно, и вызывает такой восторг, что поневоле приходит мысль, что есть в этом существовании и самодостаточная ценность, независимая от человека, вернее, в том числе независимая от человека.

Мистик должен именно так относиться к словам. Обобщив опыт индийской и европейской мистики, П.Д.Успенский пришёл к выводу о ясно сформулированной в мистической литературе особой неаристотелевой логике – логике высшего, неиллюзорного мира. Она строится на нарушении законов тождества и противоречия, и главная её аксиома: "всякая вещь есть всё". Если мы преклонимся пред этой логикой, то должны подумать и о следующем шаге. Сказав "всякая вещь есть всё", надо обратить внимание на те реалии, которые трудно назвать вещами. Можно ли слово назвать вещью, может ли не в человеке, но в отдельном человеческом представлении содержаться всё? И, тем не менее, если мы встали на путь высшей логики, то рано или поздно мы должны к этому прийти.

Первым приближением к этому является осознание того, что всякое слово может быть определено только через весь язык, через всю совокуп-

ность остальных слов со всей массой отношений между ними. Вторым приближением будет – "мир есть текст", понимание того, что весь мир, как мы его знаем, есть квазисловесное, текстовое образование, букет языков. И беря слово, берём в определённом аспекте всю вселенную нашего опыта. Так – приближение за приближением, ступень за ступенью – надо восходить к пониманию того, что слово – всё. На вершине этой "лестницы" будет настоящий филологический экстаз, который поразит как молния, и ясно, как дважды два, увидишь тотальность слова. Любому до этого далеко. Но есть те, кто понимает необходимость движения в этом направлении. Это те, кто осознаёт свою ответственность перед словом, и кто не мнит язык своим орудием, а скорее самого себя чувствует лишь медиумом языка. И если влияние, оказываемое такими людьми, будет достаточно сильно, то тогда не отдельного человека, а всю нашу культуру, весь наш "менталитет" может поразить филологический экстаз, и тогда Россию как Исландию можно будет назвать страной поэтов. До этого не близко, но есть путь, который просто вопиет, зовя вступить на него.

В филологии и культурологии требуется провести эксперимент, который некоторые философы пытались проделать для физики, требуя, чтобы самодвижение материи объяснялось не "механизмами", а мотивировками, актами воли, бессознательного и т.п. Философ Николай Лосский утверждал, что протяженность как атрибут материального происходит от взаимной антипатии, взаимного отталкивания личностных монад. Лев Шестов полушутливо выдвигал гипотезу, что явление всемирного тяготения проистекает от стремления атомов сбиться в кучу из-за боязни одиночества. Бахтин намёки на возможность построения экспрессивной геометрии, где линия будет определяться не как кратчайшее расстояние между двумя точками, а как "стремление вверх", "вниз", и т.п. Но подобных гипотез практически невозможно найти в отношении произведений человеческого духа. Такие учения, как персонализм или панпсихизм, должны сделать ещё одно усилие и приобрести себе ещё одно измерение: признать сознательность за культурными явлениями – словом, текстом, литературным героем, мифологемой.

Философия, мистика, и всевозможные околонуточные теории подозревают в мире большее, чем предполагалось ранее, обилие жизни, сознания. Начиная с планетарной модели атома, побудившей написать Валерия Брюсова "Быть может, эти электроны – вселенные, где сто планет", науку преследуют на каждом шагу призраки вселенных, планет, жизни и разума. И только науки о культуре оставались в стороне от этого тревожного озирания в поисках одушевлённых существ. Имея дело с безусловно сознательным существом – человеком, им не приходилось приравнивать к нему его же произведения. Но законы человеческого мышления таковы, что дан-

ная изоляция предмета наук о культуре не может продолжаться, если она будет осознана.

Признание слова личностью, обладающей сознанием, можно назвать филологическим персонализмом, или персонализмом слова. Владимир Эрн, в своё время, писал о персонализме русской философии, суть которого в том, что личности философов выше их творений. В том парадоксальном пространстве, которое расстелет перед нами филологический персонализм, надо думать о следующем: личности слов возвышаются над их смыслом. Слово, рассмотренное метафизически, значительнее своего значения.

В выражении "филологический персонализм" эпитет "филологический" имеет две функции. Он не только указывает на круг объектов, входящих в компетенцию филологии, – скажем, слов. Филология, как известно, означает любовь к слову. Данный эпитет содержит не только указания на область реальности, но и на особое моральное отношение к ней. С другой стороны, эпитет указывает на человека и ситуацию, в которой филологический персонализм уместен. Призыв к персонализму актуален лишь для определённых обстоятельств, либо для личностей определённого склада, обладающих интенцией в отношении словесности. Лишь в определённых обстоятельствах и для некоторых людей идея ответственности перед словом имеет определённое звучание. Филологический персонализм есть религия филолога.

Импульсы к этой религии возникают из мелочей. Вот великие поэты, вот Бродский – вот кто, казалось бы, полновластный господин слова, лепящий из него как из теста. Но нет, поэт склонен видеть в себе только медиума и проводника заключённых в языке сил (хотя в данном вопросе авторитет Бродского наталкивается на авторитет Бахтина, наоборот, считавшего что "художник как бы побеждает язык" и "заставляет его превзойти самого себя"). Вот в истории языкознания одна за другой терпят поражение попытки объяснить язык из социологических, экономических, психологических обстоятельств – и растёт понимание, что язык можно объяснить только из языка – это самодовлеющая реальность. Вот Татьяна Ларина совершает поступок, неожиданный для самого Пушкина, – а ведь тело Татьяны не из крови и костей, а из слов.

Так формируется атмосфера, в которой может произрасти филологический персонализм – религия живого слова. Вопрос о персонализме слова – прежде всего вопрос этический. Если человек становится всё более ответственным, всё более совестливым, то на каком-то этапе должна быть поднята проблем совестливого отношения не только к окружающей природе, как требует экология, и не только к умершим предкам, как требует Николай Фёдоров, но и к сотворённому самим человеком. И, наконец, может и должен возникнуть вопрос об уважительном отношении к говоримому человеком слову.

Одухотворение – признание за чем-либо личности есть особого рода духовное действие, внешне заключающееся в перестройке картины мира, но фактически сводящееся к работе над собой. Ибо это изменение именно в моей картине мира, и оно реально лишь постольку, поскольку изменение в ней требуют от меня практических выводов. При этом: хотя они действительно требуют практических выводов, и очень серьёзных, но во внешней, зримой стороне картины мира они как раз незаметны, ибо дух, признаваемый нами за одухотворенным, как известно, невидим. Судить о существовании или несуществовании другого "Я" в принципе невозможно. И поэтому действие одухотворения направлено, по сути, не на объект, а на субъект. Признав в чём-либо личность, мы, в сущности, совершили только одно: наложили на себя дополнительные моральные ограничения. Поэтому одухотворение – моральное самосовершенствование одухотворяющего.

Если обыкновенный современный филолог из соображений высшего гуманизма, из сострадания, из высоких моральных требований к себе является панпсихистом, одухотворяет окружающий его мир, то тогда предмет его науки – словесность – остаётся единственной областью, где этот филолог, согласно его же шкале ценностей, ведёт себя аморально. Стать филологическим персоналистом – значит увеличить моральную однородность мира, ликвидировать двойной стандарт в своей нравственности, ликвидировать выморочные области в своей морали. Одухотворение – это сфера, в которой проблема арбитража равнодостоверных гипотез перестаёт быть морально индифферентной. Сострадательность и уважительность требуют утверждения морального достоинства личности, даже если это фиктивная личность, даже если статус этой личности – как скажем, животных, – вызывает сомнения. Гипотеза, представляющая вселенную как совокупность личностей, равным образом недоказуема и неопровержима. Но поэтому при выборе одной из гипотез надо руководствоваться не истинностью, а иными соображениями. Если нет рациональных оснований для выбора, что должен делать человек? Он должен делать то, что он должен делать. Здесь в свои права вступает учение о должном, то есть этика. Если этичнее признать личность – то её надо признать, несмотря на низкую достоверность, или, точнее, несмотря на то, что непризнание будет столь же основательно с точки зрения истинности.

Персонализм слова есть, прежде всего, система требований его сторонника к самому себе. Его можно было бы назвать частью мировоззрения, особым мировосприятием, но, поскольку, по всей видимости, никто не может (во всяком случае, пока) разделять его всерьёз, то персонализм слова точнее будет определить как стремление, желание обладать таким мировосприятием.

Мораль развивается по пути расширения круга находящихся под её защитой объектов. Не свой род, а свой народ, не свой народ, а своя раса, не

раса, а всё человечество, не человечество, а всё живое, не живое, а всё бытие – до этого дошёл панпсихизм. Но культурные феномены оставались за бортом этого развития. Основой, или наиболее ярким проявлением, этого двойного стандарта служит проходящее через всю западную культуру различие естественного и искусственного, при явно уничижительном отношении к последнему. Созданное человеком до самого последнего времени не считалось созданием природы, как будто человеческая деятельность – не один из происходящих в космосе процессов. Главной философской заслугой Владимира Вернадского было именно чёткое понимание человеческой цивилизации как части природы.

В чеховском "Таинственном монахе" привидение говорит: существую ли я в природе? Я существую в твоём воображении, а оно – часть природы. Приведению не было бы нужды заострять этот вопрос, если бы воображение как человеческое произведение не было бы заведомо чем-то менее ценным, чем природа. Добившись статуса "существующего в природе" галлюцинация добивается морально более высокого положения, и самое главное – статуса равноправного собеседника. Именно последнего добивается чёрт от Дмитрия Карамазова, когда не хочет довольствоваться статусом карамазовской галлюцинации. Здесь мы подошли к тому, что у персонализма в словесности могут найтись не только нравственные основания, – хотя они, пожалуй, важнейшие. Но могут быть и другие, например методологические.

Уфологи иногда говорят, что их методология – парадигма будущего, а в методологию "обычных" наук они не вписываются, поскольку обычные науки требуют воспроизводимости одного и того же явления при одинаковых условиях, чего уфологи, разумеется, предоставить не могут. Действительно, уфолог имеет дело с действиями существ не менее разумных, чем он сам. Как правило, уфологи склонны интерпретировать поведение НЛО как разумное. И как бы к этому не относиться, но, возможно, такой подход окажется перспективным в области наук о культуре. Знаковые, культурные явления могут рассматриваться – пусть хотя бы в качестве методологической фикции – как сознательные существа, которые живут своей жизнью и даже реагируют на действия исследователя. Объект познания предстаёт как равноправный партнёр, а то и как противостоящий субъект познания. Слова можно считать игроками, играющими против тех, кто ими пользуется. Философской предысторией такого подхода являются учения о самостоятельной и независимой от человека жизни идей.

Говоря о значении одухотворения, можно также вспомнить Бердяева, утверждавшего, что абсолютной ценностью обладает не только человек, но всякий уровень иерархически устроенного космоса, в том числе нация, государство. Вопрос о ценности – вопрос вненаучный, и стереотипы гуманизма легко отвергают излишне щепетильное отношение государства к са-

мому себе. И тем не менее, может быть только признав за государством самодовлеющую, неинструментальную ценность, и, таким образом, проявив максимум уважения к предмету своего исследования, историк, юрист или политолог может добиться каких-то особых результатов.

Конечно, признать сознательность за явлением эфемерным, таким, как слово, – для этого нужна особая смелость мысли. Такой смелостью обладал Николай Фёдоров, когда в основу прекращения мировой вражды клал любовь не к живым, а к мёртвым. А смелость здесь нужна тем большая, что, возможно, такое признание ничем не вознаградится – и эта возможность более, чем очевидна. Какой может быть толк от признания сознательности за тем, чьё не только сознание, но и само существование двусмысленно? Всё это так, но гложет одна уверенность: нельзя глубоко познать то, чего не любишь, или не уважаешь. В сфере культуры эта истина верна вдвойне. А признание сознания – это высшая степень уважения, которую в жестокой обыденной жизни порою и человеку не оказывают. И поэтому есть надежда, что такой уважительный подход одарит хоть одной новой гранью понимания.

Слово, текст – произведение человеческого духа, несут на себе его отпечаток. И логично поставить вопрос: не несут ли они на себе частицу его генерального свойства – сознания и самосознания. Легко ответить на этот вопрос "нет". Легко назвать всё это бредом. Но труднее ответить "нет" на другой вопрос: не необходимо ли увлечённому и желающему добиться результатов в своей области филологу быть заражённым этим бредом, обладать таким – назовём это так – перекосом в мировоззрении. И, наконец: не является ли подобный мировоззренческий перекос скрытой религией многих выдающихся филологов и писателей? Кто с лёгким сердцем отвергнет следующее утверждение: "Многие выдающиеся филологи и писатели признавали за словом собственную, самостоятельную жизнь"?

Огромное количество раз по самым разным поводам было повторено словосочетание: "живое слово". Но никогда оно не употреблялось буквально, т.е. до конца искренне. Всегда предполагалось, что "живость" в слово вносит чья-то деятельность вне слова – читающего ли, пишущего ли. Однако это словосочетание всё-таки было произнесено. А ничто из сказанного не пропадает бесследно. Многократное повторение этих слов создаёт определённое настроение, когда человек сосредотачивается на словах, отвлекаясь от своей и от чьей бы то ни было функции читателя или писателя. Это совсем особый вид внимания – обращённость "Я" на "Ты".

Для любителей же натурфилософии можно придумать и косвенные доказательства гипотезы "живого слова". Прежде всего, следует обратить внимание на концепции, устанавливающие связь между духовностью материи и её структурностью. Об этом есть и полунаучные гипотезы, есть и построенные на этом философии. Например, русский философ XIX века Памфил Юрке-

вич, истолковывая учение Платона, объединял в понятие идеи тела и его форму, и его духовность. А ведь слова – это чистые формы, чистые структуры. Всё, что в них есть материального – будь то звуковые колебания или типографская краска, – не имеет отношения к слову (разумеется, в той степени, в какой произнесённое и напечатанное слово – одно и то же). Имеет значение лишь некоторая идеальная схема слова, инвариантная в разных его произнесениях и написаниях. Следовательно, раз для нас слово – чистая структура, то внутри себя, его можно считать чистым, бестелесным духом.

Но пусть даже онтологические основания персонализма слова ничтожны. Пусть это только схема, образец некого хода мысли. Вся обстановка нашего времени говорит за то, что для данной схемы должно найтись содержание. Принято считать, что древнему мышлению было присуще оживать окружающий человека мир, представлять его в виде скопища антропоморфных существ. Тогда предлагаемое "новое измерение панпсихизма" – повторение этой стадии человеческого мышления для малореального мира произведений человеческого духа.

Скажут: и это уже было, когда верили, что священная книга, священный текст – самостоятельный участник бытия, имеющий самостоятельную ценность. Что ж, если было – значит должно возвратиться. Давно звучат проповеди новых язычников: океан – живое существо, планета – живое существо. И на этом фоне неужели не будет произнесено: слово – живое существо?

Обострённый экологический морализм создал секты, члены которых боятся лишиться жизни даже муху. Логично увидеть людей с таким же отношением к явлениям культуры. Это может проявиться в форме молчаливости, а может и наоборот – в боязни стереть даже написанную кем-то букву. Не только шагом или дыханием, не только наступив на бабочку или приняв антибиотик, но и каждым культурным актом – сказав (или не сказав) слово, написав повесть или сфальшивив ноту – человек порождает или уничтожает жизнь – вот ещё одно измерение экологизма. Такой подход может быть пока бессмысленным для естествознания, но это особое мироощущение в изучении культурных явлений.

Боязнь стереть букву непонятна, но как душевное настроение довольно естественна. Николай Фёдоров видел в таких феноменах как музей, кладбище, памятник, обряд погребения начало человеческой работы по воскрешению предков. И если воспользоваться его ходом мысли и душевным настроением, то во всей этой, в широком смысле слова Археологии можно увидеть и деятельность по реконструкции всех когда-либо сказанных и написанных слов. Если воплощением работы по воскрешению отцов, по Фёдорову, служат кладбище и музей, то воплощение персонализма слова служат, конечно, архив и библиотека. Архив можно назвать кладбищем слов, их моргом, мавзолеем, или даже домом престарелых.

Но какую бы метафору здесь не подобрать, что главное, и что несомненно – архив знаменует человеческую боязнь уничтожать слова и предавать их забвению. Конечно, это ещё ни о чём не говорит, человек вообще боится что-либо забывать, и для усиления памяти создаёт огромные банки данных. Но филологический персонализм вскрывает особый смысл и причину существования архивов. Потому что главная причина нежелательности забвения личности в том, что забвение – горе для личности. И во имя счастья сообщества разумных, сообщества сознательных, мораль должна толкать на создание архивов.

Филологический персонализм ставит личность первоосновой не только бытия, но и культурного пространства, текстовых реальностей. Одним из источников этого служит, может быть, ложная, но обаятельная интуиция, что и как смысл, и как смыслоноситель в человеческом "Я" может звучать только другое человеческое "Я". Из такого понимания мира идеальных феноменов может возникнуть особое понимание миссии человека в нём, аналогичной миссии человека в природе, проповедуемой такими философами, как Владимир Соловьёв, Даниил Андреев, Николай Фёдоров, Сергей Булгаков, или среди поэтов – Николай Заболоцкий. Согласно их воззрениям человек обязан нести нравственность в природу и прекращать эгоистическое противостояние элементов природы друг другу.

Филолог-персоналист вполне может возомнить, что такова же его задача в мире слов. Однако какие у него для этого практические средства? Разве что критика или комментарии. А наиболее подходящий инструмент – постмодернистская деконструкция текста, в результате которой действительно прекращается эгоистическое противостояние (т.е. различие) смыслов, и смысловые единицы сливаются в бессмысленную соборность. В общем, утопия порождает утопию. Но каждая утопия посылает на землю своих заместителей, которых даже принимают за предвестников её наступления. Философские мечтания о культуртрегерстве человека в природе воплощаются в различных идеях, связанных с экологией. И академик Никита Моисеев, автор термина "козволюция" и идеи, что человечеству суждена роль регулирующего механизма биосферы, считает свои проекты осуществлением проектов Николая Фёдорова и ему подобных.

И современное движение "трансгуманистов", думающих об искусственном изменении живого тела, считает себя наследниками философов-космистов. Кроме экологии в собственном смысле появилась новая интеллектуальная мода, так называемая "экология духа", с заботами об экологии туманного предмета, именуемого ноосферой. Но у этой моды может и должен быть утопический идеал, предельная цель. И если для экологии биосферы такой ориентир – Николай Фёдоров, то для ноосферной экологии главным горизонтом может служить персонализм слова. Здесь видится ни-

ша, которую филологический персонализм может занять в современной культуре, несмотря на все аргументы о его неосновательности. В то же время такие имеющие непосредственное отношение к религии слова, как god, messiah, jesus, jehova, buddah, koran, mohammad, islam и даже satan, система пропускает безропотно".

16. Послесловие

● Феномен человеческой речи

"Слово есть единственный знак и единственное верное свидетельство мысли, скрытой и заключенной в Теле. И в этом истинное отличие человека от животного. И таким образом, не слово – продукт мысли, а наоборот: мышление – плод речи. В мозге человека нет центра или зоны мысли, а вот центры или зоны речи действительно есть – в левом полушарии (у правой), в верхней и нижней лобной доле, в височной, на стыках последней с теменной и затылочной. Они являются крошечными, с орешек (т.н. зоны Брока и Вернике).

Мышление, сознание, воля, личность – это не другие наименования речевой функции, но это её сложные производные. Без речи нет и не могло бы их быть. Формула "речь – орудие мысли" годится лишь для случая, когда мы подбираем наиболее подходящие слова для выражения своей готовой мысли. Но возможность мыслить восходит в сферу отношений индивида не только с объектами, но с другими индивидами, акт мысли есть акт или возражения или согласия, как и речь есть акт побуждения или возражения.

Очень важно выделить в речевом общении, во второй сигнальной системе его ядро – функцию внушения, суггестии. И находится это ядро не внутри индивида, а в сфере взаимодействия между индивидами. Внутри индивида находится лишь часть, половина этого механизма. Принимающим аппаратом внушения являются как раз лобные доли коры, именно они и есть орган внушаемости. Внушение и есть явление принудительной силы слов. Слова, приносимые одним, неотвратимым, "роковым" образом предопределяют поведение другого, если только не наталкиваются на отрицательную индукцию, контрсуггестию, обычно ищущую опору в словах третьих лиц. В чистом виде суггестия есть речь минус контрсуггестия. Последняя находится в обратной зависимости от авторитета лица – источника суггестии.

Разговор – это по большей части цепь взаимных возражений. Можно ответить молчанием или неправдой. Возражением является и задержка реакции, обдумывание услышанных слов. Можно задать вопрос. Психическое поле возражений (контрсуггестии) огромно, кажется, они не могут распространяться только на строгие формально-математические высказывания".

● Слова и реальности в общественной жизни // "Шестое чувство".

"Слова имеют огромную власть над нашей жизнью, власть магическую. Мы заколдованы словами и в значительной степени живём в их царстве.

Слова действуют, как самостоятельные силы, независимые от их содержания. Мы привыкли произносить слова и слушать слова, не отдавая себе отчёта в их реальном содержании и их реальном весе. Мы принимаем слова на веру и оказываем им безграничный кредит. Сейчас я предполагаю говорить исключительно о роли слов в общественной жизни. А в общественной жизни условная, но ставшая привычной фразеология приобретает иногда власть почти абсолютную. Ярлыки-слова – самостоятельная общественная сила. Слова сами по себе воодушевляют и убивают.

Кажется, Теккерей сказал: "Мужчин убивают дела, а женщин – слова". Но и мужчины очень походят на женщин, – и их убивают слова. За словами идут массы. Всякая агитация в значительной степени основана на власти слов, на гипнозе слов. Привычная фразеология скрепляется и инстинктами масс. Для одной массы нужно употреблять "левую" фразеологию, для другой – "правую" фразеологию. Демагоги хорошо знают, какие слова нужно употреблять. Общественная жизнь отяжелевает от рутины слов. Как много значат и как сильно действуют слова "левый", "правый", "радикальный", "реакционный" и пр., и пр. Мы загипнотизированы этими словами и почти не можем общественно мыслить вне этих ярлыков.

А ведь реальный вес этих слов не велик, и реальное их содержание всё более и более выветривается. В общественном словоупотреблении царит номинализм, а не реализм. Я слышу, как говорят: это очень "радикальный" человек, подавайте за него голос. А этот "радикальный" человек – адвокат, зарабатывающий 20000 руб. в год, ни во что не верящий и ничему не придающий цены, за радикальной фразеологией скрывающий полнейшее общественное равнодушие и безответственность. Личная пригодность человека для общественного дела отступает на второй план перед условной и рутинной фразеологией. Качества личности вообще у нас мало ценятся, и не ими определяется роль в общественной жизни.

Поэтому у нас так много совершенно ложных общественных репутаций, много имён, созданных властью слов, а не реальностей. Инерция слов и условностей мешает разглядеть настоящие характеры. В общественной жизни совсем почти не происходит естественного подбора личных характеров. А в жизни государственной явно происходит подбор характеров негодных и недоброкачественных. При помощи условной фразеологии у нас легко превращают людей глубоко идейных, с нравственным закалом характера, чуть ли не в подлецов, а людей, лишённых всяких идей и всякого нравственного закала, высоко возносят. Более всего не терпят людей самостоятельной и оригинальной мысли, не вмещающихся ни в какие привычные рутинные категории.

У нас часто убивают людей посредством приклеивания ярлыков – "реакционер", "консерватор", "оппортунист" и т.п., хотя, может быть, за этим

скрывается более сложное и оригинальное явление, неопределимое обычными категориями. В другом лагере убивают при помощи слов противоположных. И все боятся слов и ярлыков. Огромная масса людей живёт не реальностями и не существенностями, а внешними покровами вещей, видит лишь одежду и по одежде всякого встречает. Широкие слои русского интеллигентного общества особенно как-то живут фикциями слов и иллюзиями покровов. Власть инерции поистине ужасна. Если велика власть инерции и привычных, заученных категорий в обывательских кругах, то там это понятно и простительно.

Но интеллигенция претендует быть носительницей мысли и сознания, и ей труднее простить эту леность и вялость мысли, это рабство у привычного, навязанного, внешнего. Трудно жить реальностями. Для этого нужны самостоятельная работа духа, самостоятельный опыт, самостоятельная мысль. Легче жить фикциями, словами и покровами вещей. Огромная масса людей принимает на веру слова и категории, выработанные другими, вампирически живёт чужим опытом. Никакой собственный реальный опыт уже не связывается со словами, которые, однако, определяют все оценки жизни. Слова были реально содержательны для тех, у кого были свой опыт и своя мысль, своя духовная жизнь. Но эти же слова стали номинальными и бессодержательными для тех, которые живут по инерции, по привычке и подражательности.

Так бывает и в жизни религиозной, где слишком многие питаются чужим опытом и живут чисто словесной догматикой, и в жизни общественной, где заученные партийные лозунги, формулы и слова повторяются без всякого самостоятельного акта воли и мысли. На этой почве вырабатывается политический формализм, не желающий знать реального содержания человеческой жизни. В общественной жизни всё ведь – в силе, в энергии духа, в характере людей и обществ, в их воле, в их творческой мысли, а не в отвлечённых принципах, формулах и словах, которым грош цена. Самое ведь важное и существенное – люди, живые души, клетки общественной ткани, а не внешние формы, за которыми может быть скрыто какое угодно содержание или полное отсутствие всякого содержания.

Демократическая республика, в которой всё построено на прекрасных формулах и словах, может быть самым отчаянным рабством и насилием. Это давно уже обнаружено горьким опытом жизни европейского человечества, который должен был бы научить нас недоверию к чисто внешним формам и к прекрасной фразеологии равенства, братства и свободы. Столь же формальным, столь же номинальным может оказаться и любой социалистический строй. Вот почему необходимо устремить свою волю к существенной свободе, к перерождению клеток общества, к осуществлению ценностей более высокой жизни изнутри. Этот внутренний процесс неизбежно приводит к

внешнему изменению общественного строя и общественной системы, но всегда в соответствии с реальным содержанием и направлением народной воли".

• **Джозеф О'Коннор, Джон Сеймор. Введение в нейролингвистическое программирование.** Глава 5. Слова и значения.

Слова не стоят ничего, гласит поговорка, и всё же они обладают силой вызывать образы, звуки и ощущения в воображении слушателей и читателей, это известно любому поэту или составителю рекламы. Слова могут завязывать дружеские отношения и разрушать их, рвать дипломатические связи, провоцировать сражения и войны.

Слова могут погрузить нас в хорошее или плохое состояние: они являются якорями для сложной гаммы переживаний. Так что единственным ответом на вопрос: "Что на самом деле означает слово?" – является вопрос "Для кого?" Язык представляет собой инструмент коммуникации, а раз так, слова имеют тот смысл, о котором договорились люди. Это разделяемый способ устанавливать коммуникацию по поводу сенсорных переживаний. Без этого не было бы основы для возникновения общества в известном смысле.

Мы полагаемся на интуицию людей, говорящих на одинаковом с нами языке как на родном, и на тот факт, что наш сенсорный опыт достаточно похож на наши карты, чтобы иметь много общих черт. Без этого общение вообще было бы безнадежным занятием, а мы как коммуникаторы были бы похожи на Шалтай-болтая.

Однако... мы не все имеем в виду одни и те же карты. Каждый из нас воспринимает этот мир своим уникальным способом. Слова сами по себе лишены смысла, и это становится очевидным, когда мы слушаем иностранную речь, которую не понимаем. Мы придаём словам смысл посредством закрепления ассоциаций между этими словами и объектами или переживаниями нашей жизни. Мы не видим одни и те же объекты и не имеем одни и те же переживания. Тот факт, что люди действительно имеют различные карты и смыслы, обогащает и разнообразит нашу жизнь.

Вероятно, мы поймём значение слов "сладкий торт", потому что существует разделяемый всеми нами одинаковый вид, запах и вкус этого торта. Но мы будем спорить до глубокой ночи о значении таких абстрактных понятий, как "уважение", "любовь", "политика". Великолепная возможность запутаться. Эти слова весьма похожи на чернильные кляксы Роршаха, обозначающие различные вещи для разных людей. При этом мы ещё не рассматриваем таких вещей, как отвлечение внимания, утрата раппорта, неясность представления или взаимная неспособность понимать определённые идеи. Как мы узнаём, что мы понимаем кого-то? Придавая смысл его словам. Наш смысл. А не его. И нет никакой гарантии, что эти два смысла одинаковы. Как мы придаём смысл тем словам, которые слышим? Каким образом мы подбираем слова, чтобы выразить свои мысли? И как слова струк-

турируют наш опыт? Эти вопросы лежат как раз в основании лингвистической части НЛП.

Два человека, утверждающие, что им обоим нравится слушать музыку, могут обнаружить, что у них очень мало общего, когда они увидят, что одному из них нравятся оперы Вагнера, в то время как другой слушает тяжёлый рок. Если я скажу другу, что провёл день отдыхая, то он может вообразить, что я весь вечер сидел в кресле и смотрел телевизор. Если же я на самом деле играл в теннис и затем долго бродил по парку, то он может подумать, что я сумасшедший. Он может также удивиться, как одно и то же слово "отдых" может употребляться для обозначения двух столь различных вещей. Не слишком большие ценности поставлены на карту в этом примере. Чаще всего наши значения достаточно близки для адекватного понимания. Бывают также ситуации, когда очень важно выражаться точно, например в интимных отношениях или при заключении соглашения в бизнесе. Вам желательно быть уверенным в том, что другой человек разделяет ваше значение, и вам захочется узнать как можно более точно, что человек имеет в виду в своей карте действительности, и вы захотите, чтобы он ясно это выразил.

Язык является мощным фильтром для нашего индивидуального опыта. Он является частью той культуры, в которой мы выросли, и не может измениться. Он направляет наши мысли в определённых направлениях, облегчая одни способы мышления и затрудняя другие. Эскимосы имеют множество различных названий для одного нашего понятия "снег". Их жизнь во многом зависит от того, насколько точно они могут определить качество снега. Им необходимо точно различать снег, который можно есть, снег, который может быть использован для строительства, и т.д. Можете ли вы вообразить, насколько мир был бы другим для вас, если бы вы могли различать десятки разнообразных состояний снега?

Наш язык делает тонкие различия лишь в той области человеческого опыта, которая является важной в данной культуре. Например, у нас есть десятки слов для обозначения различных гамбургеров и более пятидесяти названий моделей автомобилей. Мир оказывается настолько богатым и разнообразным, насколько мы делаем его таким, и унаследованный нами язык играет решающую роль в том, чтобы направлять наше внимание на одни стороны этого мира и скрывать другие. Наши мысли не определяются нашим языком. В то время как мы можем думать и действительно думаем словами, наши мысли оказываются также смесью мысленных картинок, звуков и ощущений. Знать язык – означает знать, как перевести эти картинки, звуки и ощущения в слова.

Вопрос, который мы хотим здесь исследовать, заключается в следующем: что происходит с нашими мыслями, когда мы облакаем их в форму языка, и насколько точно они исполняют свою службу, когда наши слушате-

ли срывают с них эту форму? В языке, безусловно, есть своя многозначность. Легко понять, что слова имеют различные значения (либо смысловые оттенки) для разных людей, потому что не найдётся двух людей, имеющих одинаковый жизненный опыт. Слова являются якорями для сенсорного опыта, но опыт – это ещё не реальность, а слова – это не сам опыт. Следовательно, два шага отделяют язык от реальности. Спорить относительно реального значения слова – примерно то же самое, что утверждать, что одно меню вкуснее другого по той причине, что вы предпочитаете именно ту пищу, которая напечатана в первом из них. Люди, изучающие иностранный язык, почти всегда отмечают радикальное изменение своих представлений об этом мире.

- <Ю.Степанов>: Образцы словарных статей. Вводные статьи.

КОНЦЕПТ. Концепт – явление того же порядка, что и понятие. По своей внутренней форме в русском языке слова *концепт* и *понятие* одинаковы: *концепт* является калькой с латинского *conceptus* – "понятие", от глагола *concipere* "зачинать", т.е. значит буквально "понятие, зачатие"; *понятие* от глагола *пойти*, др.-рус. <...> "схватить, взять в собственность, взять женщину в жёны" буквально значит, в общем, то же самое. В научном языке эти два слова также иногда выступают как синонимы, одно вместо другого. Но так они употребляются лишь изредка. В настоящее время они довольно чётко разграничены.

Концепт и *понятие* – термины разных наук; второе употребляется главным образом в логике и философии, тогда как первое, *концепт*, является термином в одной отрасли логики – в математической логике, а в последнее время закрепилось также в науке о культуре, в культурологии, и является главным термином нашего Словаря. Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не "творец культурных ценностей" – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё. <...>

<...> Всем известно, что в последние десятилетия до самого последнего времени в жизни теперешнего активного населения России день 23 февраля был ежегодным "праздником мужчин", а день 8 марта – "праздником женщин". В первый из этих дней предметом торжества являлись все мужчины, независимо от их профессии и возраста, – дома, на предприятиях, в школах от первого до последнего класса и даже в детских садах мальчики получали поздравления и мелкие подарки от девочек. Во второй из этих дней точно то же делают мужчины и мальчики по отношению к женщинам и девочкам. Этот факт культурной жизни образует концепт.

В данном случае перед нами к тому же "двойной концепт", состоящий из двух связанных представлений о двух праздниках. В этом факте культурной

жизни имеется ещё и некая собственная структура – два праздника симметричны, противопоставлены и расположены по календарю в непосредственной близости один к другому (к тому же по странному, но примечательному стечению обстоятельств, 23 февраля по старому стилю приходится на 8 марта нового стиля, т.е. в некотором смысле обе даты – это одна и та же дата). Обозначим описанное положение дел как "положение дел 1". Столь же хорошо известно, что по своему происхождению эти два праздника различны и никак между собой не связаны. 23 февраля отмечался (и в жизни старшего поколения всё ещё является таковым) как "День Советской Армии", т.е. праздник военных, или, как принято выражаться в современном русском быту, – военнослужащих. 8 марта отмечался (и для определённой части старшего поколения всё ещё отмечается) как "Международный женский день", т.е. день борьбы "всего прогрессивного человечества" (а не только самих женщин и не только мужчин ради женщин) за равноправие женщин с мужчинами, за эмансипацию женщин. В этом качестве оба праздника не соотносятся между собой и тем более не "симметричны" ("положение дел 2").

Наконец, историки и некоторая часть просто образованных людей знают (причём больше о 23 февраля, чем о 8 марта) исторические факты далёкого прошлого, приведшие в дальнейшем к установлению этих памятных дней. 23 февраля 1918 г. только что организованная тогда регулярная армия Советского государства – Красная Армия – одержала под Нарвой и Псковом крупную победу над войсками Германии (ещё продолжалась Первая мировая война). Это событие тесно связано с именем Л.Д.Троцкого (факт, о котором советская пропаганда впоследствии старалась не вспоминать), бывшего тогда народным комиссаром по военным и морским делам, председателя Реввоенсовета Республики. 8 марта как праздник было определено по инициативе Клары Цеткин (1857–1933), активной деятельницы международного женского и коммунистического движения; она возглавляла женский секретариат Коминтерна и была одним из основателей Коммунистической партии Германии ("положение дел 3").

Совершенно очевидно, что все три положения дел – (1), (2), (3) – отражены в существующем в нашем сознании "концепте дней 23 февраля и 8 марта". Но отражены они по-разному, с разной степенью актуальности, как разные компоненты этого концепта. Компонент (1) является наиболее актуальным, собственно, он-то и составляет основной признак в содержании концепта "праздник". Компонент (2) всё ещё участвует в понятии "праздник", но не столь живо, не столь "горячо", образуя его как бы дополнительный, не активный, "пассивный" признак. Компонент (3) уже не осознаётся в повседневной жизни, но является "внутренней формой" этого концепта. Этот признак определяет конкретные календарные даты проведения того и другого праздника, прямо указывая на эти даты; он же определяет, в конеч-

ном счёте, и главный концептуальный признак – связь первого праздника с мужчинами, а второго с женщинами; наконец, этот компонент определяет и название праздников, их словесную форму – *Двадцать третье февраля, Восьмое марта*.

Кроме названных в этих концептах есть и другие компоненты – "мужское начало", "женское начало" и их оппозиция, восходящие к глубокому древнему пласту культуры; их мы сейчас рассматривать не будем (они будут затронуты в ст. *ЛЮБОВЬ*). Итак, мы обнаружили здесь три компонента, или три "слоя", концепта: (1) основной, актуальный признак; (2) дополнительный, или несколько дополнительных, "пассивных" признаков, являющихся уже неактуальными, "историческими"; (3) внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечатлённую во внешней, словесной форме. С такими же компонентами, или "слоями", мы будем иметь дело в других концептах и явлениях духовной культуры вообще и современной русской, в частности.

<...> В основном признаке, в актуальном, "активном" слое концепт актуально существует для всех пользующихся данным языком (языком данной культуры) как средство их взаимопонимания и общения. Если вернуться к приведённому выше примеру, то говорящие на русском языке все знают, что "23 февраля" и "8 марта" – это праздники, праздничные, нерабочие дни и т.д. Будучи средством общения, концепт в этом своём "слое" включается, помимо духовной культуры в собственном смысле этого слова, ещё и в структуры общения и в мыслительные категоризации, связанные именно с общением (например, в практические классификации, такие, как "рабочие" – "нерабочие" дни). Этот аспект концептов мы здесь рассматривать не будем (отсылаем читателя к специальным работам, например к работе: Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога [концепт, категория, прототип] // Научно-техн. информация, сер. 2. 1992, № 3).

В дополнительных, "пассивных" признаках своего содержания концепт актуален лишь для некоторых социальных групп. Так, "23 февраля" – для военнослужащих, особенно старшего поколения; "8 марта" – для деятельниц феминистского движения, и т.п. Притом во всех таких случаях актуализируются "исторические", "пассивные" признаки концепта главным образом при общении людей внутри данной социальной группы, при общении их между собой, а не вовне, с другими группами. Внутренняя форма, или этимологический признак, или этимология, открывается лишь исследователям и исследователями. Но это не значит, что для пользующихся данным языком этот слой содержания концепта вообще не существует. Он существует для них опосредовано, как основа, на которой возникли и держатся остальные слои значений <...>.

Мы уже видели на примере русских концептов "23 февраля" и "8 марта", что богатство ассоциаций (количество признаков, содержание понятия) тем больше, чем уже круг людей, использующих данный концепт во всех его "слоях": самое ограниченное содержание – в общерусском употреблении, это просто "мужской праздник" и "женский праздник"; более насыщенные ассоциации у военных, еще более богатые – у военных старшего поколения, но круг таких людей значительно уже предыдущего, и т.д., – пока мы не дойдём до коллективно-группового, далее семейного и, наконец, интимно-личного круга ассоциаций. Это уже не может быть описано в словаре, а иногда не может быть описано и вообще, в принципе – неопишимо. <...>

Возьмём, например, представления рядового человека, не юриста, о "законном" и "противозаконном", – они концентрируются, прежде всего, в концепте "закон". И этот концепт существует в сознании (в ментальном мире) такого человека, конечно, не в виде чётких понятий о "разделении властей", об исторической эволюции понятия закона и т.п. Тот "пучок" представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово *закон*, и есть концепт "закон". В отличие от понятий в собственном смысле термина (таких, скажем, как "постановление", "юридический акт", "текст закона" и т.п.), концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. <...>

ДУША. В словаре Вл. Даля определяется так: "Бессмертное духовное существо (сущность. – Ю.С.), одарённое разумом и волею; в общем значении: человек с духом и телом; в более тесном: человек без плоти, бестелесный, по смерти своей; в смысле же теснейшем: жизненное существо человека, воображаемое отдельно от тела и от духа, и в этом смысле говорится, что и у животных есть душа" (Т. III., 504). Это определение – наилучшее, оно полностью отвечает тому концепту "Душа", который присутствует в русской культуре и сегодня. И это, разумеется, не могло быть допущено с точки зрения официальных представлений советского периода.

В словаре под редакцией Д.Н.Ушакова, под воздействием партийной редакции, на первое место в определении было выдвинуто следующее: "В религиозных и идеалистических представлениях – нематериальное начало жизни, противопоставляемое телу; бесплотное существо (сущность. – Ю.С.), остающееся после смерти человека" (Т. I, стлб. 816, – 1935 г.). Желая соединить "религиозные" и "идеалистические" представления в некое целое и одним разом запечатлеть штампом порочного и запретного, эта редакция одновременно стёрла и важнейшее различие между "душой" и "духом". Между тем, идеалистическая философия оперирует главным образом концептом "Дух", а русская повседневная духовная жизнь обладает концептом "Душа", и эти концепты различны.

Чтобы поправить дело, словарь С.И.Ожегова пошёл на компромисс между определениями двух различных типов, приведёнными нами выше, в результате чего "душа" оказалась определённой следующим образом: "**Душа**. 1. Внутренний, психический мир человека, его сознание" (изд. 9-е, 1972 г.) и отождествлённой с "сознанием". "Словарь русского языка в 4-х томах" (изд. 2-е, т. I, М.: Рус. яз., 1981, 456) несколько улучшает положение, не приравнивая "душу" к "сознанию": "**Душа**. 1. Внутренний психический мир человека, его переживания, настроения, чувства и т.п. <...> В идеалистической философии и психологии: особое нематериальное начало, существующее якобы независимо от тела и являющееся носителем психических процессов. По религиозным представлениям: бессмертное нематериальное начало в человеке, отличающее его от животных и связывающее его с богом (в тексте этого словаря Бог – дано с маленькой буквы. – Ю.С.). 2. Совокупность характерных свойств, черт, присущих личности; характер человека".

Определение Вл. Даля остаётся, как видим, наилучшим. Поправки в нём требует только одно: слово "существо" надо заменить на слово "сущность", которое для Даля оставалось ещё терминологически неосознанным (см. *СУЩНОСТЬ*). Итак, концепт "Душа" не отождествляется (не "синонимизируется") с концептами "Дух", "Сознание", "Человек, Личность", но тесно соприкасается с ними, – почему и может быть освещён через эти соприкосновения. "Душа" как сущность, отличная от "Духа". Эти русские и общеславянские слова принадлежат к семье слов от и.-е. корня *dheus-//dhus – "разлетаться, рассеиваться (об искрах, пыли, дыме), а также о дыхании (Pokorný 268—270). В ст.-сл. имеется еще **дѣхъ** "дыхание, запах"...

Слово **духъ** представляет тот же корень, что и **дѣхъ**, – но в полной степени гласного, и значит "дуновение, ветер; испарение; дух, жизненное начало; дух, бесплотная сущность" (Срезневский 1, стлб. 748). Слово *душа* произведено от **духъ** (*dux-i-a). **Духъ** – слово муж. р., а *душа* – жен. р., и в соответствии с общим правилом индоевропейской грамматики, первое означает нечто основное и доминирующее, а второе, женский род, нечто производное, частное и подчинённое. Все эти словообразовательные (а значит, и понятийнообразовательные) процессы, запечатлённые языком, сохраняются в виде "слоёв" или "пластов", концептуальных представлений. В литовском языке имеется производное от того же корня (с другой огласовкой) слово *daĩsos* (жен. р. только мн. ч., т.е. *plurale tantum*), означающее "1) тёплые края, 2) рай", а также "поднебесье, воздух". Но в значении целого словосочетания имеется глагол *daus(i)óti* "бродить, подобно душе", т.е. "бродить без дела, шататься", параллель к русскому "бродить как неприкаянная душа; как неприкаянный". Таким образом, за всеми этими значениями реконструируется более древнее слово и значение * *dausà* "душа, дух".

Различие двух близких концептов "Дух" – сущность мужского рода и пола и "душа" – сущность женского рода и женского пола, отражённое также в латинской культуре в виде двух слов *animus* муж. р. "дух" и *anima* жен. р. "душа", исследовано Карлом Густавом Юнгом (1875—1961), который восстановил архаический глубинный концепт сознания, "архетип", проявляющийся в подсознании современных мужчин как некая женская сущность, и современных женщин, как, напротив, мужская сущность. И, наконец, представление о "лёгком дыхании" человека, которое, отлетая от него, сливается с "мировой душой", по-прежнему живо в русском сознании и художественно запечатлено И.А.Буниным ("Лёгкое дыхание", 1916 г. – уже шла война и отлетали души):

"На кладбище, над свежей глиняной насыпью стоит новый крест из дуба, крепкий, тяжёлый, гладкий. Апрель, дни серые; памятники кладбища, просторного, уездного, ещё далеко видны сквозь голые деревья, и холодный ветер звенит и звенит фарфоровым венком у подножия креста. В самый же крест вделан довольно большой, выпуклый фарфоровый медальон, а в медальоне – фотографический портрет гимназистки с радостными, поразительно живыми глазами. Это Оля Мещерская". <...> "Последнюю свою зиму Оля Мещерская совсем сошла с ума от веселья, как говорили в гимназии. Зима была снежная, солнечная, морозная, рано опускалось солнце за высокий ельник снежного гимназического сада, неизменно погожее, лучистое, обещающее на завтра мороз и солнце, гулянье на Соборной улице", каток в городском саду, розовый вечер, музыку...". В ту же весну Олю застрелил её случайный возлюбленный. Могилу Оли посещает её классная дама. "Теперь Оля Мещерская – предмет её неотступных дум и чувств. Она ходит на её могилу каждый праздник, по часам не спускает глаз с дубового креста, вспоминает бледное личико Оли Мещерской в гробу, среди цветов – и то, что однажды подслушала: однажды, на большой перемене, гуляя по гимназическому саду, Оля Мещерская быстро, быстро говорила своей любимой подруге, полной, высокой Субботиной: – Я в одной папиной книге, – у него много старинных, смешных книг, – прочла, какая красота должна быть у женщины. Там, понимаешь, столько насаказано, что всего не упомянешь: ну, конечно чёрные, кипящие смолой глаза, – ей-богу, так и написано: кипящие смолой! – чёрные, как ночь, ресницы, нежно играющий румянец, тонкий стан, длиннее обыкновенного руки, – понимаешь, длиннее обыкновенного! – маленькая ножка, в меру большая грудь, правильно округленная икра, колена цвета раковины, покатые плечи, – многое почти наизусть выучила, так всё это верно! – но главное, знаешь ли что? – Лёгкое дыхание! А ведь оно у меня есть, – ты послушай, как я вздыхаю, – ведь правда, есть? Теперь это лёгкое дыхание снова рассеялось в мире, в этом облачном небе, в этом холодном весеннем ветре".

Почти в том же году "Новый энциклопедический словарь" издательства Брокгауз и Эфрон в Петербурге публикует статью "Мировая душа", написанную ранее знаменитым философом Владимиром Соловьёвым (1853–1900). Статья начиналась определением: "Мировая душа – единая внутренняя природа мира, мыслимая как живое существо, обладающее стремлениями, представлениями и чувствами", и заканчивалась отрицательным выводом самого Соловьёва: "При допущении Мировой души как единственного первоначала, такой процесс (мирового развития. – Ю.С.) являлся бы постоянным производением чего-то, безусловно, нового или непрерывным творением из ничего, т.е. чистым чудом" (т. 26, стлб. 788–789). Прекратительный вывод Соловьёва как-то гармонизировался с судьбой самого издания: через три тома, на 29-м, "Новый энциклопедический словарь" прекратился. Шёл 1917-й год, и в дальнейшем в русских изданиях никаких рассуждений о "мировой душе" уже никогда не появлялось. А то, что эти мысли и образы так вдруг ожили году 1916-м, было как будто бы предчувствием прекращения.

Словарь С.И.Ожегова (изд. 9-е, М., 1972) под словом *Душа* вообще не упоминает концепта "Душа". А Словарь С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой (М.: Азъ; Техноплюс, 1992 – это продолжение словаря С.И.Ожегова) восстанавливает его, помещая между 2-м и 4-м значениями слова *душа* (2. То или иное свойство характера, а также человек с теми или иными свойствами. *Добрая душа. Низкая душа*; 4. перен., чего. Вдохновитель чего-н., главное лицо. *Душа всего дела*). В этот промежуток (в словаре С.И.Ожегова здесь сразу шло, под цифрой 3, то, что теперь отодвинулось на 4-е место) новый словарь вставляет: 3. В религиозных представлениях: сверхъестественное, нематериальное бессмертное начало в человеке, продолжающее жить после его смерти. *Бессмертная душа. Думать о спасении души...* – то, что в словаре под ред. Д.Н.Ушакова (т. I, 1935 г.), несмотря на жёсткое партийное редактирование, всё-таки ещё шло на – естественном – 1-м месте.

Представление о душе в её отличии от духа наиболее чётко было концептуализовано в христианстве. "Греческие отцы (церкви. – Ю. С.), – пишет Владимир Николаевич Лосский (1903–1958), – говорят о человеческой природе то как о троичном составе духа, души и тела (...), то как о соединении души и тела. Разница между сторонниками трихотомизма и дихотомизма сводится, в общем, к терминологии: дихотомисты видят в "духе" высшую способность разумной души, способность, посредством которой человек входит в общение с Богом. Личность или человеческая ипостась объемлет все части этого естественного состава, выражается во всём человеке, который существует в ней и через неё...

Дух должен был находить себе пищу в Боге, жить Богом; душа должна была питаться духом; тело должно было жить душою – таково было первоначальное устройство бессмертной природы человека. Отвратившись от Бо-

га, дух, вместо того, чтобы давать пищу душе, начинает жить за счёт души, питаясь её сущностью (тем, что мы обычно называем "духовными ценностями"); душа, в свою очередь, начинает жить жизнью тела, это – происхождение страстей; и, наконец, тело, вынужденное искать себе пищу вовне, в бездушной материи, находит в итоге смерть. Человеческий состав распадается" (В кн.: Очерк мистического богословия восточной церкви. Догматическое богословие. М.: Центр "СЭИ", 1991, с. 97–98).

В.Н.Лосский, как и Вл. Даль в приведённом вначале определении, связывает душу с волей. И, говоря после процитированного отрывка о том, как произошла деградация души и духа, он подчёркивает, что "зло вошло в мир через волю". С концептом "Душа" определённым образом связаны представления о "Мировой душе", но в русской культуре они не получили развития. Мы коснёмся их в связи с концептом *ГЕНИЙ* и *АНГЕЛ* (см. эту ст.). Далее см. также *ЧЕЛОВЕК*, *ЛИЧНОСТЬ* и *ИПОСТАСЬ*.

5. Текст как "часть речи"

- "Горькие слова падают и медленно застывают, а что-то прекрасное сочится сквозь в вечность, и это "что-то" невыразимое остаётся, но не слова, образующие текст, для свидетельства, для прикрытия пустоты (наготы). То есть текст – неизбежное и гибнущее, нам приятно как воспоминание о дорогом. Ет сетера" (А.Ильянен. И финн).

1. Межтекстовые отношения

- Н.Ганьшина. Ритм как дыхание живого текста.

"Слова "дух", "душа", "дышать" являются различными по своему значению, но этимологически близки друг другу, потому что имеют общий родственный корень. Однако есть между ними и семантическая слитность. Каждое из названных слов имеет отношение как к Миру в целом, так и к Человеку, и к Тексту. Объединяет все три явления – Мир, Человек, Текст – то, что они живые, а также тесно взаимосвязаны. Живой Человек порожден живым Миром, а живой Текст порождается живым Человеком. Их объединяют также одухотворенность и живое дыхание, основанное на ритме, который лежит в основе всего – Мира, Человека, Текста. Таким образом, ритм является основой энергии, что и составляет дыхание живого текста. С.Аверинцев справедливо утверждал, что ритм речи является такой "формой", которая задана свыше.

"Сам человек существует во взаимодействии своих ритмов: ритма дыхания, ритма, идущего от смены дня и ночи, ритмов, порождаемых метаболи-

ческими процессами; лунного цикла женского организма... Мягкое, поэтическое общение с природой – это взаимодействие ритма человека с ритмом Мира". Об инстинктивных ритмах писал А.Рембо: "Я придумал цвет гласных! А – чёрный, Е – белый, И – красный, У – зелёный, О – синий. Я установил движение и форму каждой согласной и льстил себя надеждой, что с помощью инстинктивных ритмов я изобрёл такую поэзию, которая когда-нибудь станет доступной для всех пяти чувств. Разгадку я оставил за собой".

Энергия текста – это энергия автора, которую он в свою очередь черпает извне, как и ритм. Может быть энергия восторга. Или энергия грусти. Читатель явственно ощущает её при чтении, потому что он находится в том же творческом состоянии, что и писатель. Совпадает их энергия, т.е. ритм (дыхание). В бездарном тексте энергия отсутствует. Этим талантливый текст отличается от текста графомана. В тексте графомана есть, конечно, языковые особенности, но всё равно это мёртвое произведение, без энергии. Генрих Сапгир попытался в своих стихах (цикл "Дыхание ангела"), как нам кажется, показать исходную пульсацию, исходный ритм как дыхание. Например, в стихотворении "Конец света": "(вдох) / свет / (выдох) / конец света". Приведём пример стихотворения "Чу!": "воздух дышит, / за стеной дышат, / голуби дышат на крыше, / крыши дышат на солнце, / листья на солнце дышат, / дышат мысли, / а это дышу я, / а это не дышит покойник, / ветер эфирный дышит".

Энергия и энергетика языка привлекали внимание лингвистов, философов, физиологов издавна и продолжают волновать до сих пор. Гумбольдт говорил об энергии как о языковом процессе. Об энергетической теории речи писал несколько лет назад В.Г.Таранец: "Принцип ритмичности присущ вообще нервной системе человека и животного. Эта физиологическая характеристика ... находит прямое отражение в речевых единицах".

Очевидно, можно сделать вывод, что ритм и энергия, безусловно, близки друг другу, и в то же время ритм и энергия (= дыхание) – это явления всеобщие, свойственные Миру, Человеку и Тексту".

● Г.К.Косиков. Текст / Интертекст / Интертекстология

"Слово по своей природе диалогично", "диалогическое общение и есть подлинная сфера жизни языка" – таков исходный тезис М.М.Бахтина. Это означает, прежде всего, что все без исключения речевые высказывания представляют собой "выраженные в слове позиции разных субъектов", поскольку же эти позиции принадлежат "разнонаправленным", зачастую враждебным и несовместимым социально-ценностным "контекстам" и "кругозорам", то любое высказывание субъекта о предмете возникает в результате активного восприятия и столь же активной реакции на другие высказывания о том же предмете. Всякое "слово" "учитывает" чужие "слова", строится с "оглядкой" на них и само "корчится в присутствии или в предчувствии чужого слова,

ответа, возражения, иными словами, возникает в процессе напряженной "взаимоориентации" с чужими позициями и высказываниями, и эта взаимоориентация располагается в широком диапазоне между полным "согласием" и абсолютным "несогласием" с "чужим словом", диапазоне, включающем "сомнение", "возмущение", "иронию", "насмешку", "издевательство" и т.п.

"Человек никогда не совпадает с самим собой", а потому "подлинная жизнь личности" совершается "в точке этого несовпадения человека с самим собою, в точке выхода его за пределы всего, что он есть как вещное бытие, которое можно подсмотреть, определить и предсказать помимо его воли, "заочно". Человеческая личность, таким образом, есть *"неопределённость"* – *нерешённость*", – воплощённая "незавершимость", не поддающаяся никакой объективации, "овеществлению".

Во-вторых, все существующие голоса-точки зрения принадлежат качественно разным социальным "контекстам", или "ценностным кругозорам".

"Любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст – это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия интересубъективности встаёт понятие интертекстуальности, и оказывается, что поэтический язык поддается как минимум двойному прочтению".

Кристева Ю. Избранные труды: "...обнажить амбивалентную и незавершимую природу человека и человеческой мысли". "...сократический метод диалогического раскрытия истины", которая "не рождается и не находится в голове отдельного человека", но "рождается *между людьми*, совместно ищущими истину, в процессе их диалогического общения".

Одним из ключевых для М.М.Бахтина положений является следующее: *"ничего окончательного в мире ещё не произошло, последнее слово мира и о мире ещё не сказано, мир открыт и свободен, ещё всё впереди и всегда будет впереди"*. Такой взгляд на мир возможен лишь в том случае, если вовлечь все возможные "точки зрения" любые "ценностные кругозоры" и "идеологии" – с их неизбежной ограниченностью, предвзятостью и тягой к непрерываемости – в безначальный и бесконечный поток исторического становления, где этим идеологиям предстоит вступить в неизбывную "борьбу".

...для Кристевой образом и образцом интертекстового романа оказывается такое произведение, где автор заведомо выступает в специфической роли скриптора, который организует столкновение множества противоречивых и никак не иерархизированных идеологий ("точек зрения", "голосов", "текстов"), но сам в этом столкновении не участвует, поскольку стоит вне каких бы то ни было идеологий. Он – их карнавальным разоблачителем: "Текст (полифонический) не имеет собственной идеологии, ибо у него нет субъекта (идеологического). Это особое устройство – площадка, на которую выходят различные идеологии, чтобы обескровить друг друга в противоборстве".

2. К определению текста

● Произведение и текст

"Необходимо осознавать одну, как, по мнению обычного человека, парадоксальную вещь: текст – это искусственный барьер между автором и читателем, но барьер, без которого человечество себя не мыслит. Поэтому существует проблема: как делать так, чтобы этот барьер становился самым малым, чтобы форма текста меньше всего мешала общению автора с читателем".

● "Представление о тексте как объекте книговедческого и лингвистическо-стилистического исследования; соотношение между планом выражения и планом содержания в рамках текста как речевого произведения. Овладеть навыками самостоятельного анализа текста разной функционально-стилевой принадлежности (научного, официально-делового, публицистического, художественного). Значение и смысл. Глубина прочтения текста".

● Я.Кротов:

"Гуманизм есть, прежде всего, филология – восприятие мира как текста. Однако не всякое восприятие мира как текста есть гуманизм. Книжничество тоже воспринимает мир как текст. Гуманизм отличается от книжничества, как астрономия от астрологии, как исследователь от следователя. Разница – в отказе от власти. Исследователь не для того изучает текст, чтобы передать дело в суд. Он не претендует на власть над текстом и, тем более, над автором текста. Химик не мечтает о власти над миром, астроном не вершит судеб.

Для гуманиста мир – текст, созданный людьми. Это возрождение старой античной традиции: человек есть существо словесное. Не Бог – Слово, а человек – слова. Но, в отличие от античных филологов, для гуманиста текст всегда под подозрением. Это – христианское в гуманизме, ведь христианство считает, что человек не только в грехопадении дал трещину, но что и после крещения, после любого взлёта, человек остаётся под сомнением – потому что слишком высоко призвание человека.

Для гуманиста текст потенциально бесконечен, читатель же возвышен до положения соавтора. При этом гуманист знает, что текст – любой текст – может быть фальсифицирован, подменён, может просто не состояться. Критика текста есть воскресение автора и читателей, соавторство и освобождение. В этом смысле текстом является всякое сообщение, исходящее от человека, включая картину, жест, сигнал.

Сравнение гуманизма и фанатизма (реакционности, антигуманизма, консерватизма) как разных отношений к тексту особенно наглядно в вопросах биоэтики. Человеческая жизнь есть текст, который человек получает готовым, получает несвободно, получает из чужих рук. Это единственное, что не вызывает разногласий.

Но нет человеческой жизни без страдания, и кто не способен принять его, лишает себя того переживания, которое единственно делает нас зрелыми.

ми" (Ратцингер Й. Вечно реформируемое сообщество // Новая Европа. – №3, 1993).

Мень далеко не сразу нашёл точные слова для обозначения своего "дела". В конце 1970-х годов, обозначая основные этапы своего пути, он сперва сформулировал так: "Цель: создать предпосылки для образа жизни, мысли и устоев христиан XX века, без староверства".

● Я.Кротов. Именославие.

"Пока ещё большинство людей функционально анонимны. Человек пишет текст, подписывается – но текст сам анонимен, лишён своеобразия, является набором лозунгов. Что ж, ещё сто лет назад большинство людей были неграмотны вообще. Через сто лет, хочется верить, индивидуальность стиля перестанет быть достоянием немногих. Пока же анонимные писатели находятся в ловушке: они пытаются вложить побольше индивидуальности в свой текст, чтобы компенсировать отсутствие имени, но, если человек умеет вкладывать в текст свою индивидуальность, имя его неизбежно становится известным и стиль его опознаётся быстро. А если стиля нет, то какая разница, какое там имя в конце!"

3. Мир как текст (всё – текст)

● "Мир – это бесконечный текст, а искусство – бесконечная экзегеза.

"Экзегетика, экзегеза (др.-греч. ἐξηγητικά, от ἐξηγήσις, "истолкование, изложение") – раздел богословия, в котором истолковываются библейские тексты, изъяснение библейских текстов, учение об истолковании текстов, преимущественно древних, первоначальный смысл которых затемнён вследствие их давности или недостаточной сохранности источников. Понимание достигается грамматическим исследованием языка, изучением исторических реалий и вскрытием намёков, смысл которых со временем сделался непонятным; конкретно-психологическими изысканиями и рассмотрением закономерностей формы произведения.

Экзегетика послужила основным источником герменевтики (др.-греч. ἐρμηνευτική, от ἐρμηνεύω – разъясняю, толкую). Применительно к Библии герменевтика (лат. Hermeneutica Sacra) означает выяснение тройкого смысла текста: чувственно-буквального, отвлечённо-нравоучительного и идеально-мистического".

● Х.Г.Гадамер. О круге понимания // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. –С.72-91.

"Целое надлежит понимать на основании отдельного, а отдельное – на основании целого. Это герменевтическое правило берёт начало в античной риторике; герменевтика Нового времени перенесла его из области ораторского искусства на искусство понимания. В обоих случаях перед нами круг. Части определяются целым и в свою очередь определяют целое: благодаря

этому эксплицитно понятным становится то предвосхищение смысла, которым разумелось целое. <...>

Анализируя герменевтический круг части и целого, Шлейермахер различал в нём объективную и субъективную стороны. Как отдельное слово входит во взаимосвязное целое предложение, так и отдельный текст входит в свой контекст – в творчество писателя, а творчество писателя – в целое, обнимающее произведения соответствующего литературного жанра или вообще литературы. А с другой стороны, этот же текст, будучи реализацией известного творческого мгновения, принадлежит душевной жизни автора как целому. Лишь в пределах такого объективного и субъективного целого и может совершаться понимание. Следуя этой теории, Дильтей говорит о "структуре", о "схождении к центру" – на основании этого и совершается понимание целого. Тем самым Дильтей переносит на исторический мир тот принцип, который испокон века был принципом любой интерпретации: необходимо понимать текст на основании его самого. <...> Задача герменевтики – прояснить это чудо понимания, а чудо заключается не в том, что души таинственно сообщаются между собой, а в том, что они причастны к общему для них смыслу. <...> Цель любого понимания – достичь согласия по существу; ради этого мы общаемся, друг с другом и договариваемся между собой. И задача герменевтики с незапамятных времён – добиваться согласия, восстанавливать его. История герменевтики это подтверждает. Можно вспомнить об Августине – ему необходимо было соединить Ветхий завет и Евангелие. Можно вспомнить о раннем протестантизме – перед ним вновь встала та же самая проблема. Или об эпохе Просвещения – тут, правда, почти готовы отказаться от взаимосогласия, потому что выясняется, что "совершенного толка" можно достичь лишь путем исторической интерпретации текста. <...>

Кто хочет понять текст, занят набрасыванием: как только в тексте появляется первый проблеск смысла, толкователь пробрасывает себе, проецирует смысл целого. А проблеск смысла в свою очередь появляется лишь благодаря тому, что текст читают с известными ожиданиями, в направлении того или иного смысла. И понимание того, что "стоит" на бумаге, заключается, собственно говоря, в том, чтобы разрабатывать такую предварительную проекцию смысла, которая, впрочем, постоянно пересматривается в зависимости оттого, что получается при дальнейшем вникании в смысл. >

Понимать – означает, прежде всего, разбираться в чём-то, а уж потом, во вторую очередь, вычленять мнение другого, разуместь подразумеваемое им. Итак, первое из условий герменевтики – это предметное понимание, ситуация, возникающая тогда, когда я и другой имеем дело с одной и той же вещью".

- Монологи русской хтони. "Мир – это не текст, а галлюцинация".

- Постмодернизм. "Утверждается экуменически-безличное понимание искусства как единого бесконечного текста, созданного совокупным творцом".

- Эссе или разбег ассоциаций. "Текст мира, жизни и смерти субъективен и подчинён мировоззренческим, ментальным, психологическим, интеллектуальным особенностям конкретного человека. Мир есть продукт творения. Мир есть текст, который начат Богом и дописывается человечеством (по Н.Бердяеву)".

- Л.Пирогов:

"Текст как мир пресловутое хайдеггеровское "Язык есть дом Бытия"? Когда "бытие" внутри "языка" – всё нормально, а когда наоборот – такая **тоска накатывает....**

Но в широком смысле роль "авторской маски" – "внешнего я" выполняют вообще "тексты". Объявляя "мир как текст", художник прячется в "текст как мир".

- Бытие текста. О книге Н.Байтова "Прошлое в умозрениях и документах". А.Урицкий:

"В открывающем книгу "рассказе" "Детская смертность" Байтов, рассматривая метафору "мир как текст", пишет: "...всякий ли текст несёт в себе сообщение, т.е. обязательна ли для него коммуникативная функция? – Может быть, это лишь частный и весьма узкий случай функционирования текста, а вообще пишется он вовсе не для того, чтобы кто-то его прочитал? – Если бы нас, читателей, не было, или мы бы были гораздо глупее, <...> перестал ли бы в этом случае физический мир быть текстом? – Нет. Похоже, мы здесь вообще ни при чём". Точно так же и тексты самого Байтова существуют от нас независимо, мы, читатели, "здесь вообще ни при чём", и текст, лишённый коммуникативной функции, превращается в идеальный художественный объект.

Николай Байтов – литератор одинокий. Одинокое стоящий. Так было в 80-х, когда он редактировал легендарный самиздатский альманах "Эпсилон-салон", так оно продолжается и сейчас. Одиночество Байтова закономерно – он не только оригинален и ни на кого не похож, что для художника естественно, – он ничем не жертвует ради читателя, не делает в сторону читателя ни одного шага. Читателю лишь предлагается работать вместе, пристально всматриваясь в текст, за которым – темнота и молчание. Позиция вполне безнадёжная, и внешний успех Байтову не грозит. Но, вероятно, его ожидает нечто большее".

- О.Е.Фролова. Мир, стоящий за текстом.

"Начиная читать любое художественное произведение, мы пытаемся выяснить, какой мир стоит за текстом, и по мере погружения в него не только реконструируем его в своём сознании, но и понимаем, какими инструментами пользовался его автор".

● 3.Г.Минц. Понятие текста и символистская эстетика

"...для символистов дело обстоит прямо противоположным образом: реальности приписываются свойства художественного текста. Мир, с этих позиций, предстаёт как иерархия текстов. На вершине располагается отражающий мифологическую природу мира универсальный Текст – текст высшего уровня. Стремясь воссоздать архаически-мифологическое мирозерцание, символисты осмысливают этот Текст и как глобальный "миф о мире", и как самоё "мистическую реальность" – объективную сущность мира, как знак и денотат одновременно.

Универсальный Текст реализуется в "текстах жизни" и в "текстах искусства". Единственность Текста противопоставлена бесконечной множественности его конкретных манифестаций".

● "Под коммуникативным потенциалом в настоящем определении цели работы мы понимаем способность текста донести до читателя именно ту мысль, которую вложил в неё писатель.

Как вариант, возможна замена деепричастия "появившись" деепричастием "явившись", означающим в русском языке не экзистенциальный, а эссенциальный пласт бытия".

● А.Бартов. Иной мир возможен?

"Ведь история и общество, – это слова Юлии Кристевой, – есть нечто такое, что можно читать как текст. Каждый человек, и тем более каждое новое поколение перезаписывают, казалось бы, давно написанные исторические дискурсы".

● Ж.Деррида (1930-2004): "Мир может быть рассмотрен как бесконечный текст. Сознание личности = сумма текстов, которая вступает во взаимодействие с другими текстами, образующими культуру. "Ничто не существует вне текста" (напр., традиция – это цитирование и т.п.) Т.к. текст имеет множество значений, то и мир может быть проинтерпретирован как угодно = ДЕЦЕНТРАЦИЯ (нет центрального смысла, доминантных ценностей, абсолютной истины). Поэтому история лишена всякого смысла и направления".

● "...догма постструктурализма "Вне текста ничего нет", высказанная Жаком Дерридой".

● А.Бартов. Топос: "От текста к контексту – вечное движение языка. Так как, по их мнению, язык служит основой человеческого существования в мире, и мы конкретно воспринимаем вещи и явления лишь потому, что они имеют названия, окружающая действительность для человека – сплошной текст.

Нет разницы в субординации между ними, между автором и читателем, ибо как тот, так и другой являются, согласно мысли Дерриды, лишь конст-

руктами языка, тот и другой подвергнуты децентрации "вследствие того, что все знаки лабильны". И человек – тоже знак.

Принцип "ничего не существует ни до, ни после языка" Деррида разъясняет таким образом: "Всякое упоминание о реальности определено архе-писью (письмом до письма). Любой текст включает намного больше, чем это кажется с первого взгляда, и становится в принципе неадекватно воспринимаемым, ибо всякое чтение – чтение неверное.

Итак, какова же суть лингвистичности Дерриды? Он заявляет: "Так как язык служит основой бытия, то мир – это бесконечный текст. Всё текстуализуется".

Все контексты – будь они политическими, экономическими, социальными, психологическими, историческими или теологическими, становятся интертекстами, то есть, влияние и силы внешнего мира текстуализуются. Вместо литературы у нас текстуальность, вместо традиции – интертекстуальность. Авторы умирают для того, чтобы возвысились читатели. В любом случае каждая самость, будь то критик, поэт или читатель, выступает как конструкция языка – текст.

То, что происходит, текстуально насквозь. Но это не делает ракеты и тексты скучно безопасными, такими же, так некоторые считают, как книги".

Расширение понятия текста почти до бесконечности. Кристева, например, говорит, что история и общество – нечто такое, что можно читать как текст. Каждый человек, и тем более каждое новое поколение перезаписывают казалось бы давно написанные исторические дискурсы.

Для каждого писателя его сочинение – это закрытый текст, это его идеологическая крепость. Так вот, говоря словами классика постструктурализма и постмодернизма Ролана Барта, это крепость, на которую необходимо нападать. Каждое сочинение в наш постиндустриальный век адекватно ядерным снарядам, оружию массового поражения. Каждое сочинение – это продукт нашего постиндустриального времени и обладает такой же разрушительной силой. Бомба находится в каждом из нас".

- Философия XX века. "...характерно сомнение в незыблемости мира и культуры, убеждённость в том, что то, с чем имеет дело человек, по сути – иллюзия, а выбор, который он совершает, возможен лишь как предпочтение плохого перед ещё более худшим.

...Отказ от познания мира и, следовательно, его преобразования ведёт к игнорированию значимости истины, к утверждению множественности и субъективности истин, к тезису о значении "понимания", а не знания. Понимание философии как текста или акта говорения приводит к убеждению в том, что философия и её язык не могут выступать точной репрезентацией и результатом канонических соглашений. В результате реальность выступает как единый бесконечный "текст", содержащий в себе метафоры, аллю-

зии, цитаты, проигранные смыслы. На этом базируется требование множественности стилей философствования, признание избыточности текста как условия поливариативности интерпретаций, истин и ценностных иерархий.

Для постмодернизма характерно отношение к миру как к объекту осознания, результаты которого фиксируются, прежде всего, в письменных формах. Поэтому мир выступает как текст. Самосознание личности также уподобляется "сумме текстов", вступающих во взаимодействие с иными текстами, которые образуют культуру. "Ничто не существует вне текста" (Ж.Деррида), поэтому всё существует внутри текста и определяется контекстуальными интерпретациями, которые проявляются в результате специфической критической деятельности – "различения". "Власть через и посредством языка" – вот наиболее интересующая постмодернизм проблема".

● А.Столяров. Русская идея: текст и реальность. Круглый стол. "Уже неоднократно высказывалась мысль, что человек живёт не в реальности, он живёт в её отражении, которое создает культура. То есть человек существует в определённом "тексте". Этот "текст" может полностью не совпадать с реальностью, может полностью с ней совпадать, может совпадать лишь частично. Однако при несовпадении "текста" с реальностью побеждает именно "текст".

Согласно Панарину, в каждую историческую эпоху можно выделить так называемый "центральный текст". Этот "текст" обладает одним важным свойством: он абсолютно законен, и его законность ни у кого не вызывает сомнений. Все же остальные "тексты" эпохи, как и все остальные социальные практики, приобретают законность только в соотнесении с этим "центральным текстом". Для христианской эпохи таким "центральным текстом" являлась Библия. Всё остальное становилось законным, только соотнесясь с этим "центральным текстом". Для эпохи Просвещения или эпохи модерна, этим "центральным текстом" являлась, как ни удивительно, та же Библия, только Библия трансформированная, переведённая в светский формат, где стремление к царству Божьему истолковывалось как прогресс, личное спасение – как успех в профессиональной деятельности и так далее.

С точки зрения постмодерна, "центральный текст", каким бы он ни был, светским или религиозным, это – "текст" абсолютно тоталитарный, "текст", который всегда выстраивает и культуру, и общество "под себя". Всё, что не совпадает с "центральным текстом", обычно им репрессируется. То есть постмодернизм боролся прежде всего против тотальности. В этом смысле размонтирование "центрального текста" было явлением прогрессивным: признавались равными все нации, все культуры, все языки, все религии, все народы.

Европейская цивилизация завершила три глобальных проекта: христианский проект, проект просвещения и проект постмодерна. Всё, постмодер-

низм завершен. Что дальше? Возможен ли четвертый глобальный проект? Возможно ли наметить в нынешней смысловой пустоте какое-то мировоззренческое направление? Куда нам двигаться дальше? Можно ли предложить новый "центральный текст"?

О.Вениамин: ...лично я поддерживаю европейский проект и главным "текстом" нашего времени считаю Всеобщую декларацию прав человека, которая была принята 10 декабря 1948 года. Там изложены, по сути, библейские заповеди без ссылки на Бога. Это так называемые общечеловеческие ценности.

Ещё Достоевский писал, что русская идея – это всеединство идей.

... я уже говорил о разнице между "текстом" и конкретной реальностью. Мы все живём в "тексте", а не в реальности. И грандиозная Куликовская битва – это несомненный "исторический текст". Русский мир, о котором мы сейчас говорим, – это тоже глобальный "текст". А глобальный "текст" обладает способностью форматировать существующую реальность.

О.Вениамин: Я бы всё же хотел, чтобы не "текст" формировал реальность, а реальность формировала конкретный "текст". Иначе мы можем заиграться в различные игры. С религиозной точки зрения высшей реальностью является Бог. То, что Россия утратила веру в Бога, тут я согласен с А.Солженицыным, отсюда – все наши несчастья и беды.

Я предлагаю за основной "текст" нашего времени принять Всеобщую декларацию прав человека. Там написаны простые и понятные вещи: не убивай, не воруй, уважай права остальных, свобода слова, свобода передвижения. К постмодернизму это имеет какое-нибудь отношение? Нет. И, между прочим, я тоже за "тексты" и понимаю, что мы живём в "тексте", а не совсем в реальности. Только я пытаюсь различать "тексты", которые имеют отношение к реальности, от "текстов", которые такого отношения не имеют. Говорить о "текстах" вообще бессмысленно. Причём мне тоже хотелось бы знать, что вы имеете в виду под реальностью? Для постмодерниста реальности нет вообще, она для него субъективна".

● Р.Ганжа. Интимный дневник.

"Вот почему Барт называет Японию "империей знаков" – потому что здесь люди и вещи не навязывают свой смысл, не говорят всем своим видом "я есть то-то и то-то", но вежливо дают прочесть и одновременно написать себя как книгу. Лёгкое, воздушное, непостоянное, хрупкое, парящее, свежее, прохладное, сквозистое, живое, светлое, разрежённое, пустое, несуществующее – все эти слова годятся, за неимением лучшего, для указания на способ бытия того, что пишется, а не строится, производится или мыслится. В Японии пишется буквально всё: город, магазин, театр, вежливость, сады, жестокость, жест, еда, стихотворение, лицо, тело..."

● Рождение постмодернизма из духа буддийской метафизики.

● А.Пашис. Метафизика фотографии.

"Основным качеством постмодерна становится непонимание. ... смысл жизни, смысл существования Вселенной – это путь раскрытия заложенной в ней потенциальности. И много тех, кто не может пойти по этому пути. Ещё больше тех, кто могут, но не пойдут. Человечество явление историческое. А историческое – значит временное, имеющее, возможно, случайное начало но, увы, неизбежный конец. И всё же те, кто начинают этот путь, далеки от конца.

Ибо взрослый человек – не выросший ребенок, но совокупность "Я" разных возрастов. Искусство постмодерна неотлично от науки. Оно продукт сотворчества всех как бы пишущих и читающих, как бы творящих и воспринимающих творение, как бы доноров и как бы реципиентов. Постмодерн – это искусство магического "как бы".

В восприятии произведения искусства можно выделить три уровня: 1. Уровень вербализации, пересказа словами. На этом уровне выполнено большинство документальных и информационно репортажных фотографий. Функция зрителя при этом – "наблюдатель" или "рассказчик". 2. Уровень подобия. У зрителя воспринимающего фотографическое изображение на этом уровне, полуосознанно возникает некое новое внутреннее настроение, состояние. Функция зрителя – "участник действия" или "герой". 3. Уровень катарсического вдохновения. Когда в результате действия многих факторов мгновенно возникающий целостный образ приводит к просветлению сознания и тем самым индуцирует ответное творческое состояние. Функция зрителя – "соавтор" или "творец".

Таким образом, наиболее аутентичное восприятие произведений искусства приводит к появлению другого, ответного произведения искусства. Только такого рода творческую индукцию я называю целостным духовным восприятием художественного произведения. Следствием такого восприятия искусства будет являться виртуализация действительности, замена грубых материальных действий, вызванных постоянно возникающими психологическими аффектами, переживанием просветления при творчестве и творческом восприятии произведения искусства. Собственно, идея виртуализации – порождение отнюдь не нашей "компьютерной эпохи". Это продолжение религиозной концепции загробной жизни души человека, смысл которой заключается в том, что человек, обретя сознание, поднявшись над миром животных, приобрел главный порок – чувство депрессии, несчастья от сознания собственной неудовлетворённости и /или смертности. Это плата за цивилизацию. Накопление и потребление материальных благ, не разрушит, а скорее усугубит состояние беспомощности человека перед временем. Только медитация посредством искусства или религиозный экстаз даёт почувствовать нечто больше телесного – жизнь души.

Закключение. Перефразируя слова К.Г.Юнга можно сказать, что осознанно ориентированное, но спонтанное и пневматичное фотографическое творчество возможно благодаря четырём функциям: – это ощущение при созерцании говорит нам, что существует нечто достойное съёмки; – мышление даёт нам информацию о том, чем является это нечто; – чувство отвечает, благоприятно это или нет; – интуиция оповещает нас откуда это возникло и куда уйдет. Таким образом, художественное творчество средствами фотографии является своего рода коллективным мифотворчеством, способом создания иллюзии счастья отдельного человека, ментальной терапией для всего человечества, обеспокоенного и страдающего от голода, войн, болезней, старости и смерти.

● И.П.Ильин. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа.

"Да к тому же не следует забывать, что деконструктивизм не признаёт существования отдельного текста как такового, его приверженцы вообще изучают не тексты, а "интертекстуальность". Само интерпретирующее "я" вместе с тем понимается им как своеобразный текст, составленный из культурных систем и норм своего времени.

Самым существенным в учении Фуко, как об этом свидетельствует практика постструктурализма, явилось его положение о необходимости критики "логики власти и господства" во всех её проявлениях. Именно это является наиболее привлекательным тезисом его доктрины, превратившимся в своего рода негативный императив, затронувший сознание широких кругов современной западной интеллигенции. При этом дисперсность, дискретность, противоречивость, повсеместность и обязательность проявления власти в понимании Фуко придают ей налет мистической ауры, не всегда уловимой и осознаваемой, но тем не менее активно действующей надличной силы.

Сознание как текст. Рассматривая мир только через призму его осознания, т.е. исключительно как идеологический феномен культуры и, даже более узко, как феномен письменной культуры, постструктуралисты готовы уподобить самосознание личности некой сумме текстов в той массе текстов различного характера, которая, по их мнению, и составляет мир культуры. Поскольку, как не устаёт повторять Деррида, "ничего не существует вне текста", то и любой индивид в таком случае неизбежно находится внутри текста, т.е. в рамках определённого исторического сознания, что якобы и определяет границы интерпретативного своеволия критика.

Весь мир в конечном счёте воспринимается Дерридой как бесконечный, безграничный текст. Панъязыковая и пантекстуальная позиция постструктуралистов, редуцирующих сознание человека до письменного текста, а заодно и рассматривающих как текст (или интертекст) литературу, культуру, общество и историю, обуславливала их постоянную критику суверен-

ной субъективности личности и порождала многочисленные концепции о "смерти субъекта", через которого "говорит язык" (М.Фуко), "смерти автора" (Р.Барт), а в конечном счёте и "смерти читателя" с его "текстом-сознанием", растворённом во всеобщем интертексте культурной традиции".

- М.Ямпольский. Исчезновение реальности.

"Текст имел высокий престиж в культуре только тогда, когда реальность представлялась человеку осмысленной. Более того – именно культура, с помощью текстов, и придавала хаосу реальности связность и насыщала его смыслом. Однако с распадом изолированных национальных культур этот веками отлаженный механизм начал давать сбои. К тому же в новейшую эпоху "реальность" оказалась растиражирована в бесконечном количестве фото-, кино-, теле- и прочих изображений – и постепенно исчезла как собственно реальность. Её место занял вал текстов-симулякров: неполноценных, неадекватных, неизбежно ущербных. И эта подмена поставила под подозрение текст как таковой: он стал восприниматься как фальшивая структура, производящая мнимые смыслы.

По существу, эти писатели имитировали тот самый текстовый вал, что подменил реальность: для Дмитрия Александровича Пригова акт бесконечного производства текстов был гораздо важнее самих текстов..."

- Т.Борисова. Автокоммуникация как семиотическая проблема.

"...континуальность" собственного тела-текста. Перефразируя "Капитал", такую филологическую установку можно было бы назвать "текстуальным фетишизмом": текст (отдельное произведение или, скажем, сочинения некоего автора) рассматривается не как частное событие в бесконечном ряду обменов слов на поступки и наоборот, а как окончательное, сакрализованное вместилище бесконечно богатых смыслов, в принципе всех возможных смыслов".

- П.Басинский. Битов как текст: Автор "Пушкинского дома" отмечает юбилей.

"В 90-е годы в культурный обиход вошло модное словечко "текст". Вошло в новом качестве. "Текстом" стали называть решительно всё. Появилось выражение "мир как текст". С другой стороны, "текстом" стали называть хулиганские надписи на заборах и в общественных туалетах.

Что такое окончательный "Пушкинский дом"? По-моему, это какой-то бесконечный текст – страшная головная боль для текстологов, но зато идеальное произведение для критиков, особенно для молодых критиков, желающих блеснуть аналитическим умом и эрудицией".

- Фракталы в литературе. "Как же можно создать бесконечный текст? Этим вопросом задавался герой рассказа Х.-Л.Борхеса "Сад расходящихся тропок": "...я спрашивал себя, как может книга быть бесконечной. В голову не приходит ничего, кроме цикличного, идущего по кругу тома, тома, в ко-

тором последняя страница повторяет первую, что и позволяет ему продолжаться сколько угодно".

"Еду я и вижу мост, под мостом ворона мокнет, / Взял ворону я за хвост, положил её на мост, пусть ворона сохнет. / Еду я и вижу мост, на мосту ворона сохнет, / Взял ворону я за хвост, положил её под мост, пусть ворона мокнет".

- Е.Попов. Подлинная история "Зелёных музыкантов".

"Россию погубила её литература. Литература завела в бесконечный тупик – он же бесконечный текст, бесконечно воспроизводящий этот тупик – он же бесконечно упирающийся в тупик печатной страницы взгляд русского интеллигента (скажем, читающего роман Галковского)".

- Е.А.Репина. Агрессивный текст как тип текста.

"Если человек склонен к агрессивному типу поведения, это не может не отразиться в его языке. При этом наивным было бы делать выводы об агрессивности человека лишь на основании обнаружения в его высказываниях прямых призывов к агрессии против кого-либо. Так же, как ошибочные действия происходят в результате противоборства конкурирующих желаний, часть из которых вытеснена в подсознание, агрессивность будет проявляться в неосознаваемых предпочтениях употребления особой лексики. Назовем её агрессивно окрашенной лексикой".

- Л.А.Ашкинази. Конец цитаты.

"Вы не обижайтесь. Что я сказал "все вы цитата". Это не в обиду. А есть и другая гипотеза: что бесконечные элементы в книгах – это просто контакты с другим миром, миром бесконечных текстов, где все тексты бесконечны, и ничего странного в этом нет".

- Применение метода генетического консилиума в образовании и управлении. "Многие творческие произведения и другие объекты человеческого труда, будь то научные статьи, технические проекты, компьютерные программы, музыкальные произведения, шахматные партии и т.п., можно представить в виде некоторого **текста**, написанного с использованием соответствующего алфавита по определённым правилам".

4. Текст как мир

- Т.Касаткина. О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Достоевского как основа "реализма в высшем смысле". М., 2004. Рец.: В.Губайловский. Слово, творящее мир // Новый Мир 2005, 12.

"Язык стал "домом бытия". Безо всякого преувеличения. Когда человек выходит сегодня в Интернет или слушает DVD – он просто использует те выводы, которые были сделаны из языковых описаний реальности, той реальности, которую нельзя почувствовать, но которую можно познавать, познавая её язык. Почему это стало возможно? Язык науки – это язык матема-

тики. Галилей говорил, что книга бытия написана языком математики. И потому, познавая математические структуры, мы способны познавать бытие. Но сам язык математики мы формулируем и объясняем себе и друг другу, используя естественный язык. Без этого языка наши выкладки понимают машины (иногда), но не люди. <...>

Татьяна Касаткина принадлежит к тем немногим, кого такое положение дел не устраивает. Она пишет: "Мы давно живём в культуре, для которой <...> не внятна истинная жизнь слова. И <...> здесь неожиданный путь открывается для литературоведа, отважившегося искать оснований для своего взгляда на слово внутри своей собственной науки. Повторю, что означенный мною аспект, поворот восприятия самого слова, может быть уловлен ныне лишь изнутри литературоведения, при именно и только литературоведческом подходе к самой проблеме, он остаётся решительно "за кадром" при попытке внедрения в литературоведение лингвистического, социологического, психологического, философского (в смысле последних двух веков) взгляда на слово, упорно определяющего его через центральную философскую категорию последних двух веков – категорию отношения, в свете которой главной функцией слова становится функция коммуникативная".

Татьяна Касаткина обращается едва ли не к самой важной теме не только филологии, но вообще осознания человеком самого себя. Что есть слово? "...искусство стало последовательно рассматриваться как (огрубляем) форма сообщения о познанном мире. Между тем, впадая в другую односторонность (и надеясь, что она будет плодотворной), нужно указать на совершенно иной модус существования искусства. Это творение мира, требующее познания как от читателя, так и от своего автора. Другими словами, произведение пишется не для того, чтобы изложить некоторую систему взглядов, но для того, чтобы создать мир, который может быть постигнут только в процессе его создания <...> К жизни вызывается некая реальность, которая облегчает постижение не тобой сотворённого мира, ибо типологически сходна с любым творением".

Если рассматривать произведение словесного творчества как сообщение, то это сообщение, у которого принципиально не определён адресат. Слова Ницше о том, что его "Заратустра" предназначен всем и никому, можно отнести к любому произведению искусства. Лишённое адресата сообщение, во-первых, сообщением быть перестаёт, во-вторых, требует совершенно другого отношения к нему адресанта – автора сообщения. Татьяна Касаткина показывает, что судьба слова в художественном тексте иная, чем в сообщении.

Для того чтобы определить полное значение слова, нам необходимо исследовать все его контексты. Их количество в любом языке потенциально бесконечно или бесконечно порожаемо. Но Татьяна Касаткина замечает:

"В сущности, каждое художественное произведение начинается с сотворения мира и заканчивается его разрушением, или разрешением, или преобразованием, просто не везде это так очевидно. Пылкий Честертон, отстаивая особую связь искусства с Христианством (как первообразом всех смутных образов), писал: "В каждой повести, даже в грошовом выпуске, найдётся то, что принадлежит нам, а не им. Каждая повесть начинается сотворением мира и кончается Страшным Судом". Если художественное произведение есть проекция целого мира и потому всего языка, то мы можем увидеть и прояснить смысловую полноту слова буквально в границах одного художественного текста. Никакого другого способа определения полного смысла при анализе конечного текста у нас просто нет.

Полноценное онтологическое слово не является коммуникативным. Оно является не средством, а целью, оно не переносит смысл, а таит и сохраняет его в себе. Этот смысл можно потерять, забыть, но его можно и разбудить. Если частота колебаний слова и воспринимающего его человека вдруг совпадёт, то смысл может очнуться в человеке. Но для этого слово прежде всего должно существовать, а если оно существует независимо от автора текста (адресанта) и от читателя (адресата), оно должно обладать собственным набором объективных и определимых свойств. Татьяна Касаткина пишет: "Художественность есть полновесное, т.е. не присвоенное творящим, неизнасилованное слово, слово, не лишённое глубиной непостижения его творящим способности творить, вызывать к жизни стоящую за ним реальность".

Писатель ничего не придумывает, точно так же, как и математик. Как сказал Станислав Лем, в математике есть "чудесная несвобода", которая ограничивает любой произвол, потому что она обращается напрямую к истине. Но точно так же не свободен и писатель. Освободившись от этого служения истине, писатель проваливается в пустоту. Татьяна Касаткина пишет: "Утратив реальность имени, мы оказались в разных реальностях с вещами, мы оказались отделены от них, окружены потоком "мнимостей", порождённых "опустошёнными" нами словами". "Именно реальность, создаваемая "художественным словом" (я опять имею в виду слово в его полном объёме), т.е. удостоверенная его творящая способность, является на самом деле единственным критерием художественности произведения".

Естественно, чистого декларирования недостаточно, необходимо показать, как именно живёт полноценное слово внутри художественного текста. И Татьяна Касаткина убедительно это демонстрирует на примере творчества Ф.М.Достоевского, которое априори полагается безусловно художественным текстом. Собственно, вся книга и есть доказательство этого тезиса.

Касаткина выделяет несколько главных моментов. Во-первых, слово в творчестве Достоевского неслучайно и непротиворечиво. "Если Достоевский делает купол церкви из сна Раскольникова зелёным и постоянно поминает

зелёный платок Сони, то это никоим образом не случайное совпадение". Неслучайность и непротиворечивость словоупотребления в достаточно большом корпусе текстов, каковым является корпус Достоевского, говорит о том, что писатель не придумывал слова, а отыскивал – он говорил найденными словами, именно говорил, так, как мы говорим на родном языке.

Слово неслучайно и непротиворечиво только во всём его словоупотреблении. Только язык так использует слово. В каждом языковом подмножестве и случайность, и противоречивость (то есть использование одного и того же слова для обозначения разных реалий и смыслов) встречаются очень часто. А вот язык как целое точен и экономен. В работе "Начало геометрии" Эдмунд Гуссерль пишет: "слово *Lcwe* встречается в немецком языке только один раз, оно образует то, в чём идентичны бесчисленные его высказывания какими угодно лицами". Гуссерль ни в коем случае не говорит, что слово *Lcwe* употребляется каждым носителем немецкого языка одинаково – в каждом высказывании оно может интерпретироваться по-разному, но если мы возьмём всю полноту этого слова (и любого другого) – т.е. возьмём его как слово немецкого языка, – оно одно.

Это – точный аналог словоупотребления в художественном тексте, в котором востребована вся полнота слова. Не может быть в одном и том же тексте двух разных словоупотреблений. Не может быть у Достоевского двух разных "Швейцарий", иначе цельность ("целость") слова будет разрушена. И Татьяна Касаткина блестяще показывает, что у Достоевского стоит за "Швейцарией" – "местом истины без Христа", пространством между небом и землёй, куда "уезжает" Ставрогин, где оказывается полностью помещавшийся князь Мышкин и откуда в Россию хлынули "бесы" и "бесенята".

Одним из важнейших качеств живого языка является его открытость. Не обновляется лексический запас, не меняется фонетика и грамматика только у мёртвых языков. Открытость предполагает постоянное пополнение и изменение языка, при устойчивом сохранении его собственной идентичности. Сколько бы английских слов, интернет-терминов, жаргонизмов ни вошло в русский язык – он останется самим собой: лишнее он мягко, но безоговорочно отринет, а необходимое преобразит так, что оно станет его неотъемлемой частью.

Художественный текст у Достоевского построен так же: он открыт и для других художественных языков – в частности, через цитату, и для других материальных и смысловых измерений – через художественную деталь. Татьяна Касаткина пишет: "Деталь есть некоторая частность, подробность художественного текста, уточнение, избыточное с точки зрения аскетического сюжетного смысла произведения. В то же время деталь – единственное, что способно сделать этот смысл достойным вникания в него, полнокровным и неисчерпаемым. В сочетании этих двух свойств заключено определение

детали как частности, претендующей на обобщение; уточнения, претендующего на большую смысловую нагрузку в сравнении с уточняемым".

Касаткина приводит огромное количество интереснейших примеров использования художественной детали у Достоевского. В частности, она пишет: "Особенность художественного языка Достоевского состоит в том, что <...> создав словом вещь, он затем пользуется вещью как словом. Достоевский очень сродни средневековью, знавшему, что мир есть книга и человек призван ее читать <...> Например, при появлении Рогожина в гостиной Настасьи Филипповны вскользь упоминается о некоторых изменениях в его костюме: "Костюм его был совершенно давешний, кроме совсем нового шелкового шарфа на шее, ярко-зелёного с красным, с огромною бриллиантовою булавкой, изображавшею жука, и массивного бриллиантового перстня на грязном пальце правой руки". Смысл бриллиантового перстня легче всего поддаётся расшифровке из сравнительно неширокого контекста. Незадолго перед этим читателю сообщается о точно таком же перстне на указательном пальце правой руки у Афанасия Ивановича Тоцкого. А заканчивается вечер у Настасьи Филипповны (и с ним – вся первая часть романа) словами Тоцкого о ней: "Нешлифованный алмаз – я несколько раз говорил это". Тотальная переключка деталей – это признак внутренней тесноты и единства созданного мира. Говоря о цитате у Достоевского, Касаткина замечает: "Как за словом всегда видится ему мир и его Творец <...> так за цитатой для него всегда встаёт художественный мир и его творец". Касаткина подчёркивает, что цитата может присутствовать в тексте на совершенно разных правах: как реминисценция, которая будит внешний мир, вводит его в границы текста, или как *mot* – и тогда она будет ощущаться как чужое слово, которое не интегрируется в текст.

Постмодернизм тоже использует цитату в форме припоминания – реминисценции. Но в случае постмодерна у нас нет опорного текста, на котором строится интерпретация цитаты. Столкновение цитат остаётся столкновением цитат – "цитатной мозаикой", которая создаёт какую-то картинку с неустойчивым изображением, смазанную и подрагивающую. Цель этой картинки – изображать, ничего не изображая, любое изображение, закреплённое в восприятии, – это диктат и превосходство одного над многим, но это одно не имеет никакого права на превосходство. Здесь мы можем видеть, как живёт контекст, как он переопределяет (всякую минуту заново) значение слова, но о самом слове мы вряд ли что-то узнаем. Это не язык, а столпотворение языков. "Цитата – от латинского *cito* – вызываю, привожу. Для Достоевского цитата – всегда возможность создать дополнительное измерение в творимой им "вторичной реальности", двумя-тремя словами соединить мир своего романа с иным миром, который тем самым начинает в его романе подспудно присутствовать и оказывать на него иногда очень мощное воздействие".

Касаткина приводит пример такого припоминания целого универсума: цитирование "Египетских ночей" в романе "Идиот". Чтобы раскрыть смысл этого цитирования, Касаткина указывает на слова Достоевского из его журнальной заметки: "В Клеопатре, пишет Достоевский, "кроется душа мрачно-фантастического, страшного гада: это душа паука, самка которого съедает, говорят, своего самца в минуту своей с ним сходки". Татьяна Касаткина продолжает: "...возглас: "Ценою жизни ночь мою!" – возглас, утверждающий превращение героини из жертвы в палача, в паука; из совращённой – в совратительницу, словом — в Клеопатру". Клеопатра – это Настасья Филипповна, у которой нет совести, нет глубоко интимного переживания собственной греховности. Касаткина пишет: "Понять порыв героини, правильно его истолковать можно, только расслышав за опереточно-сладострастным возгласом "какого-то канцеляриста" могучий голос Пушкина, заставляющий почувствовать весь ужас и всю безнадёжность, всю бездонность падения в глубины "человеческой" природы мира, отторгнутого от Бога, заставляющий услышать всё это в вызове Клеопатры: "Ценою жизни ночь мою!"

Достоевский цитирует направленно – его припоминания порождают устойчивый семантический ряд, он будит энергию внешнего текста и заставляет информацию протекать сквозь собственное романное пространство. Художественный текст – текст открытый. Он остаётся художественным, пока остаётся живым. Пока он получает внешнюю энергию и отдает её. Этот непрерывный энергетический обмен не нужен (и невозможен) для текста коммуникативного: выполнив свою функцию передачи сообщения, коммуникативный текст умирает – он больше не нужен. Если он случайно живёт (например, вторично общается вчерашняя новость), он вносит ошибку и недопустимое возмущение. Открытость художественного текста, множественность координатных сеток его бытования, при его принципиальной ограниченности и конечности, – одно из важнейших его характеристических качеств.

Касаткина приводит важное и неожиданное высказывание Бахтина о Достоевском: "Ведь главным предметом его изображения является само слово, притом именно полнозначное слово. Произведения Достоевского – это слово о слове, обращённое к слову. Изображаемое слово сходится со словом изображающим на одном уровне и на равных правах. Они проникают друг в друга, накладываются друг на друга под разными диалогическими углами". Татьяна Касаткина продолжает: "...для выявления смыслового объёма слова единственный путь – это совмещение контекстов словоупотребления, сочетание голосов, встреча голосов в едином пространстве слова. Слово, проведённое по голосам – от однозначно серьёзного до иронически извращающего, полностью охватит пространство своего смыслового поля. И тогда "полифония" Достоевского может быть описана как отказ от заключения слова в монологический единичный контекст, неизбежно его ре-

дуцирующий, как способ достижения той "сплошной контекстуальности", о которой применительно к Пушкину пишет В.С.Непомнящий".

То есть полноценное живое слово может быть сведено к некоторому базису словоупотреблений – к сумме голосов – личностей, говорящих это слово. При этом художник может так выстроить эти личности, что главный смысл слова окажется выраженным во всей своей полноте. Возможно, это применимо не только к художественному тексту, но и к языку как целому: каждый живой человек может быть представлен как персонализированный текст, в котором слово звучит голосом человека, и сумма этих голосов – этот хор – произносит слово, и оно звучит во всей полноте и силе и возвращает эту силу человеку". Владимир Губайловский.

● О.Кушлина. Литература, интернированная в литературоведении. "Солнце культурно-исторического метода закатилось. Это неудивительно, это закономерно, и вряд ли, похоронив в современной литературе реализм с романтизмом, можно было рассчитывать на что-то иное: так в могильнике воина-кочевника археологи находят кости его верного коня. <...>

Слабыми, обветшалыми словами пытаемся объяснить другие слова; к этим манипуляциям, в сущности, и сводится нынче смысл нашего высокого служения. Если сочинитель не совсем соцреалист, то у исследователя появляется шанс выстроить пирамиду: словами объяснить слова, которые говорят о других словах, которые... Ну и так далее, всем знаком оптический фокус умноженных зеркал, раздвигающий баньку с пауками до пределов вечности: подтексты, контексты, гипертексты, интертекстуальные связи, цитаты, выловленные в мутной воде, цитаты, выведенные на чистую воду, цитаты, обитающие в тихом омуте, и прочая хренотень.

Выход во "вне-текст" оказался для меня возможным только при помощи "текстуализации" невербального пространства. Занятие абсурдное уже по определению, – потому оно и тешит, и утешает, и утишает филологические страсти.

В логоцентрической системе, истончившей слово до немислимых пределов условности, не осталось места для единственной вещи – именно вещи, денотата. Можно попытаться заполнить трещину между литературой и твердым миром трехмерными, чувственно внятыми метафорами. Затрудняюсь точно определить этот нелепый жанр: "филология жизни", "опыт чтения жизни как текста"; один случайный, но чуткий свидетель оставил на память термин "мистический натурализм", что, может быть, несколько точнее.

Книги, написанные ногами на улицах, на стенах старой квартиры во время ремонта; на подоконниках, где выращены цветы, упомянутые в стихах подопечных поэтов; коллективная многолетняя пьеса в газете объявлений, антология запахов и сборники рассказов, лежащие увесистым грузом в

старых коробках, поэма-симфония на валике фонографа, переделанного из пишущей машинки.

Всё началось с попыток сконструировать гектограф, когда писала о Кручёных и вживалась в футуризм, а кончилось вообще каким-то язычеством, или филологическим сектантством: попыткой оправдать дух слова плотью вещи, а плоть вещи – духом слова. Этими обрядами, в конечном счёте, я сама себе пытаюсь доказать, что слово вещественно, не растворилось в щелочах и кислотах многоговения, оно иногда ещё, несмотря на наши усилия, может что-то значить, и его по-прежнему можно и съесть, и выпить, и поцеловать.

Когда очищаешь денотат от ассоциативных, образных, фонетических (рифменных), всяких иных напластований, отмываешь от тины собственного невежества, то зачастую он оказывается таким беззащитным, раздетым и разутым, что вытолкать его взашей, откуда пришёл, не хватает духу. Жалко отдавать его назад, грубому миру, где он опять затеряется, и тогда я оставляю его в литературе. Уговариваю бесполезную вещь, то есть вещь, достигшую почти бестелесного ангелического состояния, попробовать стать словом в новом тексте – на компромиссных условиях, разумеется, сама с трудом объясняясь с нею на пальцах. Для этого пришлось изобрести что-то вроде шрифта Брайля для зрячих, поскольку тактильные ощущения тоже важны.

В результате вокруг меня возникла модель нестрашного мира, где прирученные предметы живут по законам литературного произведения – по тем единственным законам, диктатуре которых и я добровольно могу подчиниться.

Чистоту жанра удаётся сохранить только в том случае, когда трансформируешь "вещь в себе" в "слово для себя", исключая возможность тиражирования и существования стороннего читателя (в большинство книг надо войти вовнутрь, под обложку, стать персонажем и только при этом условии превратиться в читателя). Комментарии к книгам-объектам появились позже, по вынужденной необходимости, и повредили первоначальному замыслу. Приспособление текстов для чтения воспринимаю как капитуляцию: война вещи с самодержавным словом окончилась братанием в окопах. Стоило пойти на уступки, как сюжеты вздумали обходиться вовсе без подставок-вещей, стали говорить о другом и по-другому, и тогда пришлось сознаться, что я самым постыдным образом занимаюсь сочинительством. И всё опять перевернулось с ног на голову.

Текст, порождающий вещь, то есть слово, материализующее денотат, включает заблокированные (детские) механизмы "проживания" литературы, а это довольно болезненная операция. Наша обыденная жизнь стала избыточно "остросюжетной", потому даже при восприятии реальных фактов приходится выстраивать заслон отстранения. В получасовой программе вечерних новостей по телевизору – больше событий, чем во всём собрании сочинений Гоголя, и

не меньше трагедий, чем в романах Достоевского. Традиционный, добротный, ностальгически-честный реализм годится нынче разве что для исторических детективов, стилизаций. Русская литература задыхается от навязанного ей ритма, она уже не может существовать без инъекций сильнодействующих средств, и дозу "виртуальности" приходится постоянно увеличивать. В итоге мы все оказались в сильнейшей зависимости от наркотика, разрушившего психологию сопереживания литературному произведению, убивающего самую возможность нормального общения писателя и читателя.

Литературный мейнстрим уже легко просчитывается, дребезжание его механизма становится нестерпимо назойливым, и вовлечённый в игру читатель не удивляется ничему, но и ничему не верит. Иллюзия вседозволенности на самом деле сузила поле изящной словесности, сведя весь инструментарий к набору нескольких жёстких приёмов рецептурной прозы. Точное бытописание, прямое авторское слово, вызывающий симпатию герой, романтические коллизии (не секс), не говоря уже о хеппи-энде, которого отродясь в русской литературе не было, – практически вся "потребительская корзина" беллетристики наполняется нынче бульварными писателями и жанрами "второго сорта". Поэтика постмодернизма оказалась на поверку не менее табуированной системой, чем поэтика соцреализма. <...>

Сегодня без труда можно отличить прозу, написанную на компьютере, от произведений, что настучал на пишущей машинке писатель старой "реалистической" закваски. Свобода и лёгкость построения самых немыслимых комбинаций, причудливый монтаж сюжета, гибкость фабулы, неограниченные возможности стилистической правки, даже мера художественной условности, – весь этот качественный скачок произошёл во многом благодаря усовершенствованному способу письма. (Конвейер макулатуры, сляпанной из одних и тех языковых блоков, – это нормальные издержки технического прогресса).

Странно, что никто из коллег филологов не обратил внимания на то, что в новой прозе авторские разговоры с процессором занимают то же место, что раньше – обращения к читателю, внутренние монологи или лирические отступления. О, муза! Компьютер – неизбежный скептический соавтор современного текста; он навязывает свои представления о виртуальном мире, делится сокровенными знаниями о тонкой реальности, иронично демонстрирует писателю призрачность слова и разомкнутость любого камерного пространства. <...>

...А книги-объекты, несмотря на все авторские ухищрения, теоретически оказалось возможным опубликовать: в сетевых изданиях. Так бесславно закончилась моя игрушечная битва с литературной условностью.

Не умея жить по-другому, но только: словом и в слове; ощущая слово как единственную надёжную реальность, со временем неминуемо начинаешь мучиться и от недостаточности, и одновременно от тошнотворной из-

быточности слов. Да ещё этот город, где меня угораздило поселиться, что постоянно вмешивается в приватные занятия, лезет куда его не просят, путает и страшит. Как вообще в этом воздухе, залитературенном, пролитературенном насквозь, можно разглядеть черту, отделяющую плотное слово от бесплотной вещи, почувствовать ту грань, где кончается книжная страница и начинается твоя собственная кожа? Поначалу казалось, что обглоданный кирпич в куче мусора имеет больше прав на существование в литературе, чем любая рядом с ним прозвучавшая новая фраза. Добавишь самую малость, и раствор перенасытится, что-нибудь выпадет на дно, нарушится хрупкое равновесие. Сначала молчала, но всё равно в осадок стали выпадать немые книжки.

В этом непригодном для нормальной жизни пространстве Петербурга, в пресловутом "городе-книге" нет даже пробелов в строке. Слова идут сплошь, пытаться втиснуть в плотный ряд свою букву бессмысленно: и шрифт, и чернила всё равно выдадут чужака. Внезапно обнаружила себя на единственном пустом месте, где никого не потесняю, – месте титлы, устаревшей закорючки над сокращённым словом. Эту нелепую позу мне пришлось сначала ощутить физически, всем напряжением вывернутых мышц, но со временем я к ней привыкла, и теперь уже не так больно. Титла молчит, потому что не знает, над каким словом она стоит, сама прочесть его не умеет, но только надеется, что с её помощью кто-то сторонний расшифрует тёмный текст либо догадается, что язык обезгласел. Или хотя бы вспомнит о том, что материал для письма когда-то был дорог. <...>

Эта публикация не нарушает моего решения не печатать пока ничего выходящего за пределы приличных для филолога жанров. Но произошло вот что. Один из "прототипов", журналист Михаэль Мартин, попросил разрешения перевести рассказ для возобновившейся в Петербурге немецкой газеты. Узнав, что в заголовке своего издания редакция использовала старое клише, сохранившееся в фондах Музея города, я не сочла себя вправе отказаться от предложенного судьбой эпилога: сюжет получил завершение опять за пределами письменного текста, почти там же, где взял своё начало, и литература не замкнулась сама на себе. Таким образом, факт русской публикации или непубликации стал несущественным".

5. Полифония текста

● Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – М.: Прогресс, 2000.

"В самом деле, слово живёт вовсе не в словаре, а в реальной практике речевого общения, и эта живая (несловарная) жизнь заключается, прежде всего, в том, что оно бесконечно повторяется, ежесекундно включаясь в самые разнородные контексты.

Полемизируя с "абстрактным объективизмом" соссюрдовской лингвистики, М.М.Бахтин развивал идею, согласно которой контекст употребления той или иной языковой единицы радикально и до бесконечности меняет ее семантику: "Смысл слова всецело определяется его контекстом. В сущности, сколько контекстов употребления данного слова, – столько его значений. При этом, однако, слово не перестает быть единым, оно, так сказать, не распадается на столько слов, сколько контекстов его употребления.

М.М.Бахтин подчёркивал: "Множественность значений – конститутивный признак слова. Относительно всезначущего слова <...> мы можем сказать следующее: такое слово, в сущности, почти не имеет значения; оно все – тема. Его значение неотделимо от конкретной ситуации его осуществления. Это значение так же каждый раз иное, как каждый раз иной является ситуация. Здесь тема, таким образом, поглощает, растворяет в себе значение, не давая ему стабилизироваться и хоть сколько-нибудь отвердеть" (Волошинов В.Н. (Бахтин М.М.). Марксизм и философия языка, с. 103).

Этимологически, напоминает Барт, "текст" означает "плетение", "паутину", "ткань", и если в 70-е годы прообразом бартовского "текста" служили обычно "галактика Гуттенберга" или борхесовская "библиотека", то сегодня наиболее адекватным его образом является компьютерный "гипертекст" – "всемирная паутина", "сеть".

"Такой идеальный текст пронизан сетью бесчисленных, переплетающихся между собой внутренних ходов, не имеющих друг над другом власти; он являет собой галактику означающих, а не структуру означаемых; у него нет начала, он обратим; в него можно вступить через множество входов, ни один из которых нельзя наверняка признать главным; вереница мобилизуемых им кодов теряется где-то в бесконечной дали, они "не разрешимы" (их смысл не подчинен принципу разрешимости, так что любое решение будет случайным, как при броске игральных костей); этим сугубо множественным текстом способны завладеть различные смысловые системы, однако их круг не замкнут, ибо мера таких систем – бесконечность самого языка" (Барт Р. S/Z. – М.: Ad Marginem, 1994, с. 14-15.).

Текст – это воплощение той самой смысловой "бездонности" и "неисследимости", о которых в 60-е годы настойчиво размышлял М.М.Бахтин, – сокровищница, обладающая безграничной вместимостью. Погружение в Текст сулит "обретение всего мира"; по стремлению к всеохватности его можно сравнить только с энциклопедией. Однако энциклопедическая память, чья цель – обуздать разнообразие, добыть полное и завершённое знание и примирить в своем лоне не только различные дисциплины, но и сферы бытия, требует рационального "порядка и последовательности", строгой архитектоники, преобразования "спорного в бесспорное". (Теория Текста сопоставима с такими бахтинскими понятиями 60-х годов, как беспрестан-

но растущая "текстовая цепь", звеном которой является каждое конкретное высказывание, незавершимый "диалогический контекст" и "большое время" культуры. Ср.: "Мир культуры и литературы, в сущности, так же безграничен, как и вселенная. Мы говорим <...> о его *смысловых глубинах*, которые так же бездонны, как и глубины материи", когда "каждое слово (каждый знак) текста выводит за его пределы" таким образом, что "только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет, освещающий и назад и вперед", не позволяющий стукнуться о смысловое "дно", поставить "мертвую точку". "Не может быть единого (одного) смысла. Поэтому не может быть ни первого, ни последнего смысла, он всегда между смыслами, звено в смысловой цепи, которая только одна в своём целом может быть реальной. В исторической жизни эта цепь растёт бесконечно, и потому каждое отдельное звено её снова и снова обновляется, как бы рождается заново" (Бахтин М.М. Собрание соч. Т. 6, с. 399, 423, 424, 410).

Интертекст – это размытое поле анонимных формул, происхождение которых нечасто удаётся установить, бессознательных или автоматических цитат без кавычек". "Любой текст – это интертекст: на различных уровнях, в более или менее опознаваемой форме в нём присутствуют другие тексты – тексты предшествующей культуры и тексты культуры окружающей; любой текст – это новая ткань, сотканная из побывавших в употреблении цитат" (Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика, с. 415). "Будучи продуктом языка, писатель так или иначе всегда вовлечён в войну фictions (диалектов), причём он является всего лишь игрушкой в этой войне" (Барт Р. Удовольствие от текста // Барт Р. Избранные работы, с. 490).

Отношение между языками это, по Барту, отношение соперничества. Каждый идеологический социолект борется за абсолютное господство: "Жизнью языка правит безжалостная топка; язык всегда исходит из какого-то места, и потому всякий язык есть не что иное, как воинствующий топос", и если такой топос "обладает достаточной силой, то неизбежно растекается по всем уголкам повседневной, обыденной социальной жизни". Иными словами, социальная жизнь представляет собой перманентную логомахию – "войну языков", а сам язык социальных отношений – это язык агрессии и насилия, "один из наиболее древних и употребительных языков" (Барт Р. Удовольствие от текста // Барт Р. Избранные работы, с. 484, 473).

"Текст, – пишет Барт – это ни в коем случае не "диалог": в нём нет и намёка на лукавство, агрессию, шантаж, нет ни малейшего соперничества идиолектов"; напротив, представляя собою "райский сад слов" – место встречи всех социокультурных инстанций и всех мыслимых "желаний", он как бы обращается к ним: "я всех вас люблю совершенно одинаково, люблю как знаки, так и призраки тех предметов, которые они обозначают; это своего рода францисканство, вызывающее ко всем словам одновременно,

призывающее их поскорее явиться, поспешить, пуститься в путь" (Барт Р. Удовольствие от текста // Барт Р. Избранные работы, с. 473, 466-467).

Тем самым, "Жизнь" в классическом тексте превращается в тошнотворное месиво расхожих мнений или в удушливый покров, сотканный из прописных истин" (Барт Р. S/Z, с. 227).

Барт обобщает: "Вот это и есть интертекст, иначе говоря – сама невозможность построить жизнь за пределами некоего бесконечного текста, будь то Пруст, ежедневная газета или телевизионные передачи" (Барт Р. Удовольствие от текста // Барт Р. Избранные работы, с. 491)".

6. Центо, или центон

Даже вроде выражая как бы самого себя (или высказывая свои "собственные" мысли), мы всегда неизбежно, вольно или бессознательно, в какой-то мере так или иначе, пользуясь общим языком, уже тем самым всё-таки подражаем и повторяем других, насколько такое общинное воспроизводство фрагментов речи, или изречений, по готовым образцам и примерам бывает в общении продуктивно, целесообразно и неизбежно. Далее здесь следуют разрозненные цитаты о связанности и зависимости репродуктивного речевого мышления, части и целого культуры, взятые из интернета, не дающего сноска на источник определения понятия.

Таким образом, "каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нём на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собою новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки старых культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т.д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нём, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык" (Р.Барт).

Смысл возникает именно и только как результат связывания между собой этих семантических векторов, выводящих в широкий культурный контекст, выступающий по отношению к любому тексту как внешняя семиотическая среда. Это даёт основание для оценки постмодернистского стиля мышления как "цитатного мышления", а постмодернистских текстов – как "цитатной литературы" (Б.Морриссетт). Феномен цитирования становится основополагающим для постмодернистской трактовки текстуальности. Речь идёт, однако, не о непосредственном соединении в общем контексте сколов предшествующих текстов.

Такое явление уже встречалось в античной культуре в виде "лоскутной поэзии" позднего Рима (центоны Авсония; поэма Геты "Медея", составленная из отрывков Вергилия, и т.п.). Однако само понятие центона (лат. cento – лоскутные одеяло или одежда) предполагает построение текста как мозаики из рядоположенных цитат с достигаемым системным эффектом, при-

чём каждая из цитат представлена своей непосредственной денотативной семантикой; коннотативные оттенки значения, связанные с автохтонным для цитаты контекстом, как правило, уходят в тень.

Центон – (от лат. cento – лоскутное платье или одеяло), стихотворение, целиком составленное из строк других стихотворений, обыгрывающее подобие или контраст нового и прежнего контекста каждого фрагмента. Центон – произведение, составленное из отрывков, взятых у различных авторов. <> ...с элементами центона (перифраз известных фраз, выражений, строк). Центон – произведение, целиком состоящее из цитат. Под центонным методом часто понимают активное использование в тексте не выделенных кавычками цитат; чёткой границы между этим художественным методом и традиционным плагиатом нет.

Центо (англ.) – литературный монтаж. "Центоны – мозаические стихотворения, составленные из фрагментов других стихотворений, или, как писали древние, центон – "стихотворение, крепко сложенное из отрывков, взятых из разных мест и с разным смыслом" (Авсоний, IV в.)... Материалом для центона служили, как правило, стихи наиболее почитаемых авторов, кому стремились подражать. В любом случае центонизм – это перемена контекста, а значит – обострение стихотворного высказывания.

<>...характерна так называемая **центонность**. Центонизацию, как особую авторскую манеру, как своего рода новый вид тропеизации, в последнее время отмечают и русские литературоведы. Появляются целые стихотворные и иные произведения, состоящие из фрагментов уже печатанных, публикуемых произведений (центо), причём такой приём творчества не считается плагиаторством. Говоря очень обобщающе, всё центон, вся культура – лоскутное одеяло (лат. cento).

В языке средств массовой информации появилось новое стилистическое явление – центонность. Тропеизация способствует созданию особой словесной экспрессии и может обозначаться словом **центонизация**. Тексты, отличающиеся указанной манерой их создания, представляют с точки зрения возможности их перевода такое сложное целое, которое невозможно адекватно декодировать без познания и декодирования ключевых текстов, из которых исходил автор **центонемы** (отрывок, в исходном или переработанном виде, из знакомого текста, использованный в актуальном значении). Иногда отрывок из такого ключевого текста не имеет никакой существенной семантической ценности и служит только фоном для оживления текста и привлечения к нему внимания реципиента, но иногда выполняет роль семантически маркированного фактора".

"КОЛЛАЖ – способ организации целого посредством конъюнктивного соединения разнородных частей, статус которого может быть оценён: 1) в модернизме – в качестве частного приёма художественной техники; 2) в

постмодернистской философии – в качестве универсального принципа организации культурного пространства. 1. Идея коллажности генетически восходит к античности (классическим примером может служить жанр цента как организации стихотворного текста в качестве мозаики разнородных фрагментов) и средневековью (например, калейдоскопичность матета как музыкального жанра, пришедшего в своей эволюции к синтезированию элементов литургии и песенного фольклора)".

7. Разновидности текстов

- Т.Ю.Волошинова. Эстетика тождества: назад в будущее? Читатель художественного текста как субъект коммуникации в современном обществе.

"При этом художественный текст (в том числе и созданный в эстетике противопоставления) начинает восприниматься как своего рода Библия, универсальный образцовый текст, значение которого может быть и не до конца понятно, но не подлежит обсуждению. Литература при этом превращается в подобие средневекового богословия.

Остаётся предположить, что воспитание читателя, который готов к восприятию произведений, созданных в эстетике противопоставления, следует перенести на более поздний этап становления личности, тем более что необходимые для декодирования художественного текста умения и навыки требуют хорошо сформированного абстрактного мышления. В этом случае можно будет вернуться хотя бы к ситуации XIX века: при господствующей в массовом сознании эстетике тождества ведущей вновь станет эстетика противопоставления, носителем которой будет являться интеллигенция, образованные слои общества. Очевидно, что в любом случае студенты целого ряда специальностей ("Филология", "Связи с общественностью", "Издательское дело и редактирование") должны приобрести указанные навыки за период обучения в вузе, ибо их будущая профессиональная деятельность требует умения не только осуществлять коммуникацию в системе "автор – художественный текст – читатель", но и оценивать эффективность такой коммуникации в современном обществе".

- Главный текст. "Арт-Конституция 2003". "Можно, например, изобразить труд, и даже довольно легко. Но как изобразить право на труд? Не будет ли наилучшим решением изобразить человека, лежащего под деревом на раскладушке? Ведь у него это право на труд пребывает в потенциальном, нетронutom, неистраченном виде.

Просто искусству последнего столетия довольно трудно изобразить права – это значит ломиться в открытую дверь. Как изобразить безграничность? Нарисовав границы. И зачем это нужно иллюстрировать каким-то непонятным и подозрительным искусством основополагающий текст российской государственности?

Проект иллюстрированной Конституции – единственный в своём роде. Издатели и художники ни одной другой страны мира не пытались снабдить картинками основную закон своего государства. Да и в классической истории книжной графики вспоминаются Библии и молитвенники, а не законодательные кодексы".

- (Из рекламы). "Абевега не знает лёгких путей к сердцу читателя. Наверное, таких путей нет. Зато есть другой, царский путь – представить на его суд максимально совершенный текст".

- "Сколько бы мы ни готовились к написанию работы, как бы ни озирали нас вспышки вдохновения, а совершенного текста сразу всё равно не получится. Никто не в состоянии писать "набело". И стоит только отложить текст на одну недельку, а затем прочесть его снова, моментально обнаружатся пробелы и изъяны. Всё это подталкивает нас к избитой, но важной мысли: нужно вкладывать больше сил в редактирование наших текстов.

Сколько времени нужно посвящать редактированию готового текста, сколько раз нужно проходить его от начала до конца? "Золотого" числа я указать не могу, но свято верю в принцип "чем больше – тем лучше". Никогда наш текст, сколь бы гениальным ни было его содержание, не может получиться сразу с точки зрения формы".

- Что такое образцовый текст? "Очень нужно найти определение образцового текста..."

- "Вообще говоря, образцовый текст невозможен без отклонений (вариантов), иначе его не с чем сравнивать".

- "Безукоризненный текст – возможно ли такое?"

- Г.В.Иванченко, Ю.В.Рыжов. Энциклопедия как совершенный текст. "Да и кто будет создавать этот совершенный текст?"

- "...и наконец перед глазами возник совершенный текст. Именно тот, который я пытался написать уже несколько месяцев подряд, но не было нужных слов, мыслей и чувств. У него была теперь именно та, необходимая мне глубина".

- А.Стригин: "Я хотел бы дать Вам совет, как написать совершенный текст, и могу это сделать. Я хотел бы написать совершенный текст, повествование которого находилось бы вне времени и вне пространства. Я хотел бы, чтобы мои герои не были опутаны сетями имён и времени, и чтобы читатель не плутал в трущобах моих декораций, моих фантазий, моих снов. Я хочу написать очень лёгкую, очень прозрачную вещь, совершенную вещь, чтобы она не отягощала читателя, чтобы он прожил очень долгую очень короткую жизнь вместе с моими героями, я хочу чтобы мой текст сравнивали с текстами Сэлинджера и Хемингуэя, но я не могу написать совершенный текст, так как у меня не хватит терпения, я не смогу, я живу своей жизнью, и она есть мой самый совершенный, самый бездарный текст, я хотел

бы плести текст из моих мыслеформ, ибо никогда они не оставят следов на бумаге, и поэтому я пишу Вам эти короткие записочки, как это когда-то делала маленькая девочка, по имени Kate, и Вы должны разорвать эту книжку на кусочки, как все мои другие книжки, что когда-нибудь окажутся в Ваших руках, спрятать, разбросать их по дому, находить их время от времени, складывать словно puzzle, удивляться своему умению и всё".

- Баллада о солдатах. "Легендарную песню "Степом, степом..." Он сделал литературно совершенный текст. Вот так совместными усилиями и довели мы песню "до ума". Предназначалась она для хорового исполнения..."

- "Волшебный текст".

- Е.Мешарова. "Самый таинственный текст на земле".

- Л.Штоппель. Окаменевшая душа. "На верхней скошенной поверхности камня – геометрический рисунок какого-то сооружения и загадочные буквы с таинственным текстом".

- С.Шаповал. Славой Жижек: "Все режимы, которые превозносят гуманизм, в результате обращаются с человеком, как с мусором". Но на самом деле нет нелицемерной идеологии: любой жест в этой сфере имплицитно лицемерен. Когда руководство Советского Союза подписывало знаменитое Хельсинкское соглашение, оно поступало вполне лицемерно, потому что не собиралось его выполнять. Поэтому я предпочитаю лицемерие откровенности, я даже написал ТЕКСТ под названием "В защиту лицемерия". На самом деле в глубине души мы все расисты, но в силу господствующего лицемерия мы себя ведём так, как будто ими не являемся.

Известен исторический анекдот о Нильсе Боре. К нему пришёл в гости некий приятель и увидел висящую подкову. Он спросил Бора, зачем она, тот ответил, что подкова приносит счастье. Приятель возмутился: "Вы же учёный, как вы можете верить в такие предрассудки!" Бор ответил: "Я не верю, но мне сказали, что это действует, даже если не веришь". Именно так работает сегодня вера: на уровне риторики, субъективно вы можете быть циником, но объективно вы верите. Сегодняшний парадокс: никто не верит в демократию, но мы практикуем её".

- "Рыба – условный, зачастую бессмысленный текст, вставляемый в макет страницы. "Рыба" – слово из жаргона дизайнеров, обозначает условный, зачастую бессмысленный текст..."

- К.Чуковский. Заумный язык. "Начнём с заумного языка. Этот язык открывает поэту новую область: звукоподражание. Вы можете сочетанием бессмысленных звуков создать иллюзию того или иного наречия. Вот иллюзия грузино-армянского или арабского говора: / Хан хан да даш / Шу шур и дес / Виларь ягда...

Кроме буквенных узоров и звуковых подражаний различным наречиям, заумный язык предоставляет поэту возможность комбинировать слоги за-

умных слов самым неожиданным образом. У В.Хлебникова вообще таких опытов много, и он сам называет их вздором. Конечно, над такой тарабарщиной очень легко издеваться, но я попробую её похвалить. Постараемся хотя бы на минуту стать адвокатами Хлебникова. Так как Хлебникову, несомненно, дано острое чувство эмоциональной сущности слова, он виртуозно владеет своим заумным наречием и порою создает на нём такие, например, шедевры: Я смеярышня смехочеств...

Нужно, действительно, носить в душе самую стихию русской речи, чтобы создать эти вихревые, плясовые звуки: "пусть гопочичь, пусть хохотчичь, гопо гоп гопопей!" – здесь отличная словесная инструментовка в глубоко национальном духе; право, здесь есть что-то Малявинское. Не забудем также о грациозных смехунчиках, где, помимо пронизательного постижения славянских флексий и суффиксов, есть какое-то настрейство лирическое. То же хочется сказать о семистишии: Бобэоби пелись губы, / Вээоми пелись взоры.

Вот и всё, что можно сказать о кубофутуристах московских. Вы видите: я рад им аплодировать, я нежен к ним и ласков, как никто, я всё время им киваю, поддакиваю, но чем больше я киваю и поддакиваю, тем для меня несомненное, что пред нами отнюдь не скандал, не безумие... И т.д."

8. Культура текста

● П.А.Ольхов. М.М.БАХТИН: К Философскому опыту исторической науки в России

"Высшая задача историка культуры, согласно Л.М.Баткину, "состоит в толковании и воссоздании особенного", "бесконечного в себе особенного" – текста – произведения, смысл которого всегда относителен. Само собой, претензия на всеобщность свойственна каждому культурно-особенному; в историческом мире культуры всеобщее и особенное периодически совпадают; "нет универсального и абсолютного смысла, пригодного стать причиной или готовой рамой для всех других смыслов", "бесконечный смысл рождается всякий раз сызнова, в качестве конечного смертного неповторимого". Отсюда, в глубине каждого культурно содержательного текста мы обнаруживаем не некий смысл *en grand*, но лишь особую логику парадокса, свидетельствующую о вечном неравенстве текста по отношению самому себе. Парадоксальный текст абсолютно таинственен, "не мыслим"; только парадоксальная гуманитарная логика Бахтина способствует достижению желанной цели, которая "каждый раз состоит в переосмыслении – в открытии произведения как бесконечно-особенного, мыслимого лишь на границе со всеми иными особенными духовными мирами" (Баткин Л.М. Пристрастия. М., 1994).

Слово-высказывание неповторимо исторично в своём побуждающем единстве. Оно более чем рационально, оно принимает императив ответно-

сти, им устанавливаясь, становясь решительным, будучи непрестанно отзывчивым".

● Н.И.Клушина. Языковые механизмы формирования оценки в СМИ. Часть 2.

М.М.Бахтин писал, что "наша жизненно-практическая речь полна чужих слов: с одними мы совершенно сливаем свой голос, забывая, чьи они, другими мы подкрепляем свои слова, воспринимая их как авторитетные для нас, третьи, наконец, мы населяем своими собственными чуждыми или враждебными им устремлениями" (Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963. С. 261).

Таким образом, поданные интерпретации цитат нередко требуют, по выражению Т.В. Булыгиной и А.Д.Шмелёва, "переинтерпретации", т.е. цитатой задаётся "лишь общее направление осмысления, а подробности нуждаются в экспликации. Так, точный смысл конфуцианского изречения "Твой сын – это не твой сын..." становится понятен, если продолжить его: "...а сын своего времени" (Булыгина Т.А., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики. М., 1997. С. 446).

● О.Е.Григорьев. Чудаки и другие. "Только в первую минуту этот неожиданный и откровенно парадоксальный текст кажется обязательной данью текущему моменту общественного сознания... Впрочем, это дело вкуса и к серьёзным дебатам не располагает".

9. Сакральный текст

● Г.Т.Тухтиева. Сакральные тексты в истории культуры (на примере Библии и Корана).

● Тексты мантр. "Со словом Тексты ищут: Сакральные тексты, тексты саркофагов, буддийские тексты, мудры и тексты, тексты мантры, Священные тексты, тексты авесты..."

● С.Рыков. Л.Аннинский.

"В человеке заложено ровно столько сил, чтобы себя преодолеть.

За тысячелетиями отобранными текстами стоит читательский миф. Вы читаете и думаете: Боже, сколько там всего намешано. Но если вы уже подготовлены, вы вычлените для себя близкое вам. Это святой, сакральный текст. Верите вы в это или нет, не важно. Ну, Бога нет, но что-то всё равно же есть, как Толстой сказал. Эти тексты несут сакральный смысл, потому что они намолены. Когда вы их читаете, на вас глядят века. И в Коране намоленные тексты.

Человеку надо приобщиться к какому-то мифу. Я приобщился к Христианству, хотя хорошо понимаю мусульман, которые боятся потерять эту культуру. Великие религии должны мирно сосуществовать. Дай Бог, чтобы не было соперничества. Иначе – гроб. Конец. Вот такого рода тексты долж-

ны быть прочитаны вовремя, а если не вовремя, так всё равно должны быть прочитаны. <..> Великого писателя можно разматывать так же бесконечно, как и Евангелие. <..>

Правда – это лучший способ лжи, потому что всей правды ты никогда не знаешь и не скажешь. А когда ты говоришь какую-то частичную правду, она ложь, потому что она частична. Но это светлая ложь, она не запутывает. Она немножко помогает тебе раскрепоститься".

- Ф.Ю.Бородин. Текст как способ бытия религиозной веры.
- Есть сакральный текст. "Текст – это то, что написано, на каком-либо языке. Сакральный текст – это особый тайный текст".
- В.Бачинин. Символ, аллегория и метафора в языках сакральных и художественных текстов. "Для Ареопагита мироздание иерархично, и человеческий дух имеет возможность восходить по его ступеням в стремлении обрести высшее знание о Боге. Через тексты Священного Писания, через образы искусства, знаки и символы человек становится причастен к духовному свету, нисходящему из сакральной выси. Многозначность содержания символов существенно затрудняет их понимание. Во многих естественных и искусственных символах свет истины скрыт от непосвящённых. Однако христианин должен уметь прочитывать значения символов, верно их понимать и толковать.

Метафорами насыщены сакральные тексты. Метафора – это не только выразительное языковое средство, но и важный мыслительный инструмент, которым всегда пользовались обладатели как религиозного, так и секулярного сознания – литераторы, ученые, философы, культурологи. В ряде случаев метафоры имеют значения и смыслы, которые не умещаются в художественно-эстетические рамки. Это позволяет философскому сознанию прибегать к разнообразным мировоззренческим метафорам. Таковы, например, фундаментальные мироописательные метафоры "мир-часы", "мир-машина", "мир-организм", "мир-текст" и др.

Метафоры, равно как символы и аллегории, будучи полиморфными эстетическими структурами, несут в своём содержании богатый опыт мирозмысления. Это позволяет им активно участвовать в духовной жизни личности и социума, выявлять в жизненной стихии значимые семантические, ценностные и нормативные структуры и тем самым открывать дополнительные возможности для их углублённого понимания".

- Сакральные тексты: "Польётся, как дождь, учение мое, как роса, речь моя" (Второзаконие, 32:2).

Книга Экклезиаста – философское рассуждение о смысле жизни и неизбежности смерти, облечённое в форму скорбных сентенций о греховных наклонностях человека и тщетности всех его усилий. Стремление к богатству или власти есть "суета и томление духа", ибо "всё произошло от праха,

и всё возвратится в прах". Автор противопоставляет всесилие Господа ограниченности человеческих возможностей и приходит к выводу о необходимости бояться Бога и соблюдать заповеди, данные Им, "ибо всякое дело бог приведёт на суд".

- А.В.Петров. Несколько слов о статусе сакральных текстов в греко-римской мысли.

"Текст, подобно самосушей вещи, обладает презумпцией истинности, его практически невозможно править – только истолковывать. Доказанная подложность автоматически означает бессмысленность содержания. И наоборот, доказательство древности делает текст доступным лишь интерпретации, но не критике, т.е. превращает его в сакральный.

Иудейский Талмуд, христианская экзегетика, платонические комментарии функционируют в рамках единой парадигмы, образующим центром которой является сакральный текст, который можно неверно понять, но который не может быть сам неправильным, плюс комментариев к этому тексту, имеющий целью вскрыть еще один аспект (или несколько) неисчерпаемой глубины реальности текста".

- "Иными словами, я попытаюсь показать, что их "отход от традиции", от сакральных еврейских текстов – в профанную повседневность будущими русско-еврейскими интеллигентами воспринимался, скорее, как движение в противоположном направлении, от повседневности и Талмуда – к открывшейся им сакральной реальности Библии, а затем и русской литературы".

- Это самая главная молитва из всех молитв на земле.

- Молитва является основой и опорой Ислама, на что указывают слова Пророка, мир ему: "Главное – это Ислам, основой которого является молитва".

- Господня молитва. "Отче наш. Раздел: Основные молитвы.

Отче наш (также молитва Господня) – главная молитва в христианстве, предложенная самим Иисусом Христом и приведённая в Библии.

В нагорной беседе Господь говорит, что хлеб может иметь три значения: может означать и вещественный хлеб, и таинство Тела Христова... и пищу духовную. Из сих трех значений Он иногда преимущественно рассуждает об одном, иногда о другом, но всегда имеет во внимании все три (Августин).

- Молитва "Отче наш" – главная молитва христианина, ибо ею завещал молиться Сам Господь наш Иисус Христос: Отче наш, Иже еси на небесех!". Под долгами здесь разумеются грехи – слова, дела и помышления, закону Божию противные...

- Молитва. "При условии, что ищущий человек как следует углубится в "Отче наш" и правильно постигнет Его, Один этот Текст может стать для него Всем. Ничего, кроме "Отче наш", ему, собственно говоря, и не надо. Перед ним предстанет всё Евангелие в самом сжатом виде. Это Ключ к Сияющим Вершинам для того, кто сумеет по-настоящему вжиться в "Отче

наш". Для всех и каждого Он может стать Жезлом и Светильником на Пути, Ведущем Вперёд и Ввысь! Его Глубина просто Безмерна.

Через Это Богатство нам открывается Истинная Цель "Отче наш". В этой Молитве Иисус даровал человечеству Ключ к Царствию Божию, а в этом и состояла Главная Цель Его Миссии. Он, однако же, не имел в виду, что Её надлежит "отмаливать" в таком виде.

Именно поэтому человечеству придётся убедиться в том, что Иисус желал чего-то иного, Большого. Он даровал Ключ к Царствию Божию, а не просто Молитву!"

- Молитва святому Пантелеймону-целителю – это главная молитва за больных людей.

- Шри Свами ШИВАНАНДА БХАКТИ ЙОГА. Часть VI. Молитва.

"Веди меня от нереального к реальному, от тьмы к свету, от смерти к бессмертию".

Это – лучшая молитва, молитва к Свету, Истине и Бессмертию. Самая главная молитва ученика должна быть направлена на устранение его невежества. Его цель – достичь Истины и освободить себя из западни нереальности. Цель верующего – реализовать свою присущую ему Божественную Природу".

- Т.Л.Смирнов: Молитва и медитация (краткий обзор).

"...известный индийский гуру Ошо откровенно профанирует молитвенный метод так: "Некому слышать ваши молитвы. Ваша молитва – просто монолог; вы молитесь пустому небу. Никто не вознаграждает вас за ваши молитвы – помните об этом". ...Многим "глубокомысленным" и "премудрым" духовным концепциям, вообще, свойственно ироническое отношение к молитвенному упражнению. Молитву зачастую считают "всего лишь" набором обычных, ничего незначащих слов, "субъективной проекцией", рабочей и бесплодной просьбой.

Молитва – а мы будем говорить именно о православной молитве, потому что молитва молитве – рознь и, вообще, её легко перепутать с магическим заклинанием, – молитва, безусловно, эзотерична и проникновенна! Молитва – хранитель подлинной тайны...

Молитва – это сложный, многоуровневый и многоэтапный эзотерический приём, связанный с прогрессирующим тренингом кванта индивидуального сознания молитвенного делателя к Абсолюту Любви (!), активной реализацией конкретной Судьбы (а значит исполнением сущих желаний!) и формированием вневременного боди духовного Света!

Молитва связана с проговариванием молитвенных слов, и это не просто слова... Для молитвы недостаточно только сосредоточения (примитивной концентрации в йоге), необходим волшебный трафарет, чудесное лекало, наложение которого станет своеобразным ключом, открывающим тайную

створку в духовном сердце. И таким золотым лекалом в православной мистике являются общая композиция, ритм и сами молитвенные слова! А общая ритмика молитвы и приводит к таинственному движению кванта сознания, к мистическому погружению...

Православные молитвы создавались и нарабатывались веками. Это шифр, тайнопись, бесценные древние манускрипты, чудесно влияющие на сознание человека, – они задействуют световоды сокровенного Центра! Православные молитвы энергетически "питают" и незримо священнодействуют. От них исходит золотой волшебный Свет! И, конечно же, как подлинная тайна, наука молитвенного делания открывается не сразу и не каждому, – но каждому доступна! Ну, а что же медитация? Молитва активна, медитация – пассивна. Молитва заключается в усилиях, напряжении, "делании", духовной устремлённости. Она показывает Силу, пробуждает, оживляет. Медитация – это безусильность, замедление, расслабление, заторможенность...

Молитва – это целая духовная наука, разнообразное искусство! Она напрямую связана с жизнью, и сама есть сокровище жизни – выражение сплава сладостных драгоценных состояний души! И, конечно, молитве надо учиться. У молитвы имеется глубина. Медитация же – примитивна и, зачастую, поверхностна, – наблюдай за мыслями, отстраняйся от них и всё... Молитва производит сладчайший нектар, который омолаживает всё тело. Она возвышает, просветляет, очищает, наполняет. Молитва способна энергетически насытить даже до такой степени, что долгое время не хочется есть. Медитации же сопутствует тупость, сонливость и лень <...>

Строго говоря, будущего, вообще, не существует, это только продукт ума, воображение, проекция..."

● Протоиерей Н.Катальников: "Нужно заполнить жизнь молитвой..."

"Молитва" – от слова "молвить", разговаривать, с кем-то, общаться. То есть молитва – это общение с Богом. Чтобы было более понятно, нужно сопоставить её с таким распространённым явлением, как заговор или заклятие, то есть языческое общение с высшими силами. Они не подразумевают личности на "той" стороне. Это – безличное отношение к высшим силам. То же относится и к такой духовной практике как медитация. Очень часто йоги думают, что медитация близка к молитве. Но это – заблуждение. Если мы остановимся на корне молитвы, то мы увидим два слова: с одной стороны – мольба, прошение, а с другой стороны – молчание. Молчание перед лицом Божьим, которое рождает в сердце человека некое движение, некое состояние, которое выливается в благодарение, в славословие, в покаяние".

● В.В.Митрофанова. Богослужение и молитва по писаниям талмудистов, раввинов.

"Молитва, независимо от того, выражает ли она просьбу, обращённую к Богу, или возносит Ему хвалу, является ли она свободным изливанием

чувств или установленной формулой богослужения – она всегда представляет собой диалог между человеком и Богом, интимно-личное отношение между ними. <...> Амида (стояние), основная молитва каждой из трёх ежедневных обязательных служб. В Талмуде Амида носит также название Тфила. Это главная молитва, которую обязаны читать все".

- "Самая главная молитва – это "Господи, помилуй!". Всё зависит от того, сколько мысли человек будет в неё вкладывать". (Разберись тут: мысли или чувства?)

- Император читает Тору. "У разных текстов разная судьба, разный вес в культурном обиходе. "Десятеро казнённых" – текст, сохраняющий актуальность скоро уже тысячу лет не только в силу своего содержания и изобразительной силы, но и в силу функционального использования: он включён в службу Йом Кипура (Судного дня)".

- Л.С.Шишкина. Язык и культура в филогенезе личности.

"Резкое развитие индивидуального сознания способствовало постепенному ослаблению "родового бессознательного" или родового начала в человеке. А следовательно, ослаблялась и связь между членами рода. Необходимость в усилении этой связи, обеспечивающей выживание, привела к разделению сакрального и профанного планов бытия и к утверждению разных областей бытования слова, что впоследствии отразилось в известном изречении: "Богу — богово, а кесарю — кесарево". Слово приобретает функцию общения, ещё более укрепляя позиции индивидуального сознания.

Множатся индивидуальные проекции целого, всё в меньшей степени освящённые сакральным знанием. Формируется Культура, в пределах которой в полной мере проявляется возможности индивидуального постижения мира, всё более "свободного от оков религии". Сакральные тексты начинают пониматься как тексты профанные, но присвоившие себе особую функцию, и этим уже готовится почва для перехода Мифа, эпоса в фольклор. Бывшее сакральным становится элементом Культуры.

Таким образом, развитие индивидуального сознания во многом обусловлено профанацией языка. Из инструмента познания он становится, прежде всего, орудием общения. Переориентация языка с целого на часть обеспечивает человеку возможность зарабатывания собственного опыта, а утروение реальности за счет формирования Культуры влечёт за собой развитие сознания и возможность осмысления жизни".

10. Текст (информация) о текстах – филология

- Ф.Григорьев. Другая журналистика:

"...в термине "информация". В тексте Закона об СМИ он используется более 200 раз (!), но определения ему не даётся. Между тем, "информация" – это и обмен сведениями, и сами сведения, и наследуемые признаки, и ки-

бернетический бит (да/нет), и код, и декодированные данные, и истина, и заблуждение, и наблюдение, и состояние, и ещё многое, многое другое... Однозначного определения информации в науке не существует, а в журналистике без него – никак".

- Филология [fɪlɐlɔɡijə] наука, изучающая историю и культуру при помощи текстов.

- Филология (греч. philologia "любовь к слову") – совокупность гуманитарных дисциплин, изучающих историю и сущность духовной культуры человечества через языковой и стилистический анализ письменных текстов.

- Филология (с греч. φιλολογία, "любовь к слову") – название группы дисциплин (лингвистика, литературоведение, текстология и др.), изучающих человеческую культуру через текст. Лингвистика не всегда включается в филологию: во-первых, она не обязательно исследует тексты, во-вторых, не всегда затрагивает культурологическую сторону вопроса (хотя связь языка и культуры – лингвофилософская проблема, которая нередко ставится); для лингвистики характерна большая близость к точным наукам, чем для других дисциплин, традиционно относимых к филологии. В России лингвистика (в том числе общее языкознание) обычно изучается на факультетах, именуемых филологическими; в западноевропейских странах и в Америке под филологией подразумевают изучение древних (классическая филология) и средневековых текстов, а изучение языков и особенно теории языка считается отдельной дисциплиной.

- Словарь Даля: Филология ж. греч. языковеденье, наука или изученье древних, мёртвых языков; изученье живых языков: лингвистика. Филологический факультет. Филолог, учёный языковед.

- И.Карпов. Филологии – нет, или От того, чего нет, – к антропологической филологии (мысли из 2003 года).

1. Филология – единое интеллектуальное пространство.

Во-первых, актуальные проблемы в нашей науке есть, но никакой филологии как чего-то единого как никогда не было, так нет и сейчас. Лингвисты существуют сами по себе, литературоведы – сами по себе. И это – замечу с огорчением – не в нашу, литературоведческую, пользу. Мы заходим во владения лингвистов редко и двигаемся там довольно неуклюже. Мы прошли мимо многих заметных явлений в лингвистике последних десятилетий. Один из примеров – исследования группы института языка РАН "Логический анализ языка", руководимые Н.Д. Арутюновой (1). Эта группа многие годы исследовала "культурные концепты", "модели действий", "ментальные действия", "язык речевых действий", "понятие судьбы". Прошли мимо – в том смысле, что, может быть, и читали, но не вобрали результаты исследований этой группы в своё мышление, не использовали их в своей собственно литературоведческой деятельности.

Даже самая близкая нам область – стилистика – остаётся запредельной для нас, тогда как литературно-художественное произведение есть объективация прежде всего эмоционального комплекса писателя и семантико-синтаксическое выражение этого комплекса. И здесь лингвистические исследования являются базой для наших литературоведческих исследований. Имею в виду работы хотя бы Л.Г.Бабенко (2) о лексических средствах обозначений эмоций, Е.А. Иванчиковой (3) о синтаксисе художественной прозы Достоевского и многие другие. И не имеет значения то, что мы анализируем, может быть, не произведения Достоевского, а Пушкина или Солженицына.

Резюме моего пространного выступления может быть очень кратким: филология как единое интеллектуальное пространство, история русской литературы как аналитическая парадигма, теория литературы как теория литературно-художественной деятельности, в перспективе – как антропологическая филология.

• А.В.Домащенко. Филологи как проблема // ВІСНИК ДОНЕЦЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ, СЕР. Б: ГУМАНІТАРНІ НАУКИ, ВИП.2, 2008.

"Ах, и я был строптивым, а теперь онемел и оглох, и куда мне идти, я не знаю, и безмолвствует Бог" (О.Г.Чухонцев. Что такое филология?)

Странный вопрос. Разве мы уже в курсах "Введение в литературоведение" и "Введение в языкознание" не объясняем, что это общее название для литературоведения и лингвистики?

Утвердившись в этой своей однозначности, ставшее понятием слово "филология" никакого другого значения не имеет и не может иметь. Эту однозначность можно только конкретизировать, углублять, но ни в коем случае не дополнять какими-то противоположными или просто другими значениями. Требовать его переосмысления – всё равно что пытаться найти другое определение для катета или, к примеру, для гипотенузы: затея никому не нужная и безнадежная.

Впрочем, даже вопрос о катете и гипотенузе вовсе не так элементарен. Мы помним, как по-своему талантливый филолог дед Щукарь успешно возвращал к живой жизни разные учёные слова: с любым словом это всегда может произойти. Однозначное слово – принадлежность гербария. Мы переоцениваем свои силы, когда полагаем, что способны раз и навсегда превращать слова в засохший листик или цветок. Они, пожалуй, посмеиваются над нами, делая вид, что их окончательный удел отныне – быть приколотыми булавкой к бумаге. В любом слове всегда явно или подспудно присутствует избыток и даже преизбыток жизни, который противится такой операции. Не дело мысли – сдувать пыль со страниц гербария. Если язык – онтологическая основа мысли, то понятийность – это, конечно, склероз языка. Источник же исцеления – в самом языке.

Тем более сказанное относится к слову "филология". Проблемы обнаруживаются, как только мы предпринимаем попытку конкретизировать приведённое выше слишком уж общее его понимание. Эти проблемы, впрочем, не всегда замечают.

"Филология, – пишет С.С.Аверинцев, – содружество гуманитарных дисциплин – языкознания, литературоведения, текстологии, источниковедения, палеографии и др., изучающих духовную культуру человека через языковой и стилистический анализ письменных текстов. Текст во всей совокупности своих внутренних аспектов и внешних связей – исходная реальность филологии. Сосредоточившись на тексте, создавая к нему служебный "комментарий" (наиболее древняя форма и классический прототип филологического труда), филология под этим углом зрения вбирает в свой кругозор всю широту и глубину человеческого бытия, прежде всего бытия духовного. Таким образом, внутренняя структура филологии двуполярна: на одном полюсе – скромнейшая служба "при тексте", не допускающая отхода от его конкретности, на другом – универсальность, пределы которой невозможно очертить заранее" [1, с.544].

Николай Кузанский, которого А.Ф.Лосев считает крупнейшим мыслителем "не только эпохи Ренессанса, но и вообще всей новой и новейшей европейской философии" [2, с.294], говорит: "...Умом (*mens*) является то, от чего возникает граница и мера (*mensura*) всех вещей" [3, с.388. Пер. А.Ф. Лосева]. Определение – это проведение границы.

Что определяется, ограничивается в приведённом фрагменте из энциклопедической статьи С.С.Аверинцева? Полагая сердцевинной сущностью филологии ориентацию на текст, учёный на самом деле даёт определение текстологии, палеографии и лингвистической поэтики, которые именно с текстом по-разному напрямую связаны.

Можно возразить: С.С.Аверинцев, очерчивая смысловое пространство филологии, указывает на два конституирующих его полюса. Полюс в данном случае – это точка пересечения некой смысловой целокупности, сферы осяю, вокруг которой эта сфера движется. Сфера пересекается осяю в двух противоположных точках, которые являются границами оси и остаются неподвижными. Если так, то в определении С.С.Аверинцева полюс, ограничивающий филологию как смысловую целокупность, конечно, один – всё тот же эмпирический текст, отчётливый, как колышек, вбитый бушком в землю. Другой растворяется в туманной бесконечности. Почему?

Потому что в определении допущена логическая ошибка: граница, проведённая тем или иным определением, не может и не должна быть наполовину эмпирической, наполовину – онтологической. В таких случаях одна из половин непременно исчезает. Исчезает та, которая для ученого *de facto* является менее существенной. Поэтому заявленное двоецентрие у С.С.

Аверинцева становится едиоцентрием: колышек на наших глазах превращается в Полярную звезду (одно из значений лат. *polus*), вокруг которой движется филология.

Филология, утверждает С.С.Аверинцев, "вбирает в свой кругозор всю широту и глубину человеческого бытия, прежде всего бытия духовного". Почему это не философия? Почему это не религия? Уточнение, что филология связана с текстом, ничего не даёт: Людвиг Витгенштейн, анализирующий предложение как законченный текст, остаётся философом. Он же пишет в параграфе 99 "Философских исследований": "Неопределённый смысл, по сути, *вообще* (здесь и далее в цитатах курсив авторов. – А.Д.) не был бы смыслом. Так же как нечёткая граница, собственно говоря, вовсе не граница" [4, с.125. Пер. М.С.Козловой, Ю.А.Асеева].

"Итог философии (заметь: не филологии! – А.Д.), – говорится в другом параграфе того же труда, – обнаружение тех или иных явных несурязиц и тех шишек, которые набивает рассудок, наталкиваясь на границы языка. Именно эти шишки и позволяют нам оценить значимость философских открытий" [4, с.129]. От себя, несколько забегаая вперёд, замечу: пока теория литературы в свою очередь не набьёт шишек о границы единственно актуального для неё инструментального языка, она не сможет пробудиться от "догматического сна", поэтому не только не сможет приблизиться к подлинной филологии, но даже осознать потребность в таком приближении.

Когда С.С.Аверинцев говорит, что филология ограничена языковым анализом письменных текстов как её исходной реальностью, он по сути утверждает, что филология должна ограничиться языком в его функциональной данности, поскольку лишь таким образом понятый язык может быть предметом анализа. Язык в его более существенном онтологическом проявлении не анализируется, но интерпретируется или истолковывается. Это разграничение в кругозор советской теории литературы, конечно, не входило.

Поэтому один из авторитетных участников дискуссии о филологии, проведенной в 1979 году журналом "Литературное обозрение", утверждает: "...Филология начинается не с доверия, а с недоверия к слову". И ещё: "Филология началась с изучения мёртвых языков" [5, с.27]. То, что прямой смысл слова "филология" последовательно М.Л.Гаспаровым игнорируется, совсем не случайно: так советское литературоведение поступало всегда.

Филология начинается с любви, а любовь никогда не начинается с недоверия. Филологическое понимание оказывается достижимым постольку, поскольку любовью осуществляется непредубеждённое приобщение к понимаемому, моё пребывание в нём. Чем полнее приобщение, тем глубже понимание. Филология – это ни в коем случае не комиссар Мегрэ. При этом согласимся, что недоверие является добродетелью лингвиста и, с оговорка-

ми, литературоведа. Что из этого следует? Этот вопрос прозвучал слишком рано, у нас будет ещё возможность вернуться к нему.

Что касается второго утверждения М.Л.Гаспарова, то оно и фактически неверно. Если исходить из общепринятого мнения, что началом современной филологии была эллинистическая грамматика, то греческий язык для неё никаким мёртвым языком, разумеется, не был. Тем более утверждение М.Л.Гаспарова неправомерно, если начало филологии усматривать не в грамматике, а в стихии живой речи, что было самоочевидной данностью и для такого последовательного представителя устной философской культуры, как Сократ, и для такого закоренелого скептика, каковым был Секст Эмпирик. <...>

Мёртвое и филологическое не только не подразумевают друг друга, но тотально друг другу противостоят: по ту сторону Стикса филологии делать нечего. В отличие от учёных второй половины XX столетия Г.В.Ф.Гегель, чуткий к опасности, грозящей филологии смертью, писал 29 апреля 1817 г. Людвигу Дёдерлейну: "Филология теперь так запуталась в паутине учёности и трудоёмкой и неживой старательности, так прочно засела в приёмах и внешних средствах и их измысливании, что для несчастного, попавшего в её тенёта, суть дела всё больше ускользает из виду; наука эта вскоре дойдёт до той ступени ценности, на которой стоит и такая благородная дисциплина, как геральдика" [8, с.365. Пер. А.В. Михайлова]. Сроднившись с геральдикой, филология перестанет быть самой собой, оставив после себя лишь пустое имя. Впрочем, именно это и произошло. Пустое же вольно наполнять каким угодно смыслом, а потом уверенно говорить об этой процедуре как о факте, который бессмысленно отрицать.

Возвратимся к энциклопедической статье С.С.Аверинцева. Определение филологии, данное С.С.Аверинцевым, показательно тем, что определения филологии в нём нет: результат, вполне противоположный намерениям учёного. Почему это произошло? Достижением является уже то, что мы пришли к этому вопросу. Ответ попробуем найти в аналогии.

Может ли лингвист определить язык? Любой лингвист, отрицательно ответивший на этот вопрос, в тот же момент перестаёт быть лингвистом. <...> Без оговорок сказанное справедливо лишь по отношению к литературоведческой грамматике, озабоченной изучением и анализом литературных текстов. Эйдосному и персоналистскому дискурсам недоверие к слову чуждо, поскольку они обращены к воплощённой в слове и явленной представляющему мышлению жизненной данности, которой дела нет до нашего возможного недоверия. Необходимым условием понимания этой жизненной данности является предварительное принятие её такой, какова она есть. Чёткие однородные границы очерчивают ту область, в которой утверждается и развивается наука лингвистика.

Может ли "филолог" определить филологию? Любой "филолог", положительно ответивший на этот вопрос, тем самым доказывает, что он не филолог. Филология связана с той областью языка, которая не может быть определена, поэтому она (филология) не может быть определена. Любая попытка её определения будет на самом деле определением чего-то другого, в чём мы имели возможность убедиться на примере С.С.Аверинцева. Филология не имеет внешних границ, определяемых специфическим предметом исследования, но она имеет имманентные границы, определяемые состоянием мысли: способностью вопрошания, обращённого к тому, что является её (мысли) онтологической основой. В случае филологии такой основой является поэтическое стихосложение, поэтическая речь.

Сказанное – краеугольный камень филологии, который стал камнем преткновения для всех, кто пытался и пытается интерпретировать филологию в границах представляющего мышления.

Тем не менее не будем забывать, что актуализацией вопроса о "филологичности" лингвистики и литературоведения в конце 70-х гг. в упомянутой выше дискуссии мы обязаны В.В. Фёдорову: "Обе эти науки традиционно считаются "филологическими", но в чём заключается их "филологичность" – никто не знает толком" [9, с.3]. Постановка вопроса в той сфере, где призвана править мысль, тем более такого вопроса, который проблематизирует основоположения той или иной науки, значит не меньше, чем успешное разрешение этого вопроса.

В.В.Фёдоров видит то, что не замечает С.С.Аверинцев: филологичность лингвистики и литературоведения не данность, а проблема. При этом, подобно С.С.Аверинцеву, он полагает, что филологичность в них наличествует, только её нужно надлежащим образом осмыслить. Согласно В.В. Фёдорову, это произойдёт, когда филологи смогут уяснить, что предметом филологии является автор, а не литературное произведение или текст. Несмотря на то, что мысль В.В.Фёдорова не выходит за пределы представляющего понимания, такую филологию он называет "новой", утверждая при этом, что её история начинается с ранних работ М.М.Бахтина [см.: там же, с.8-9].

Новизна предмета исследования приводит не к рождению новой филологии, а только к появлению новой теоретико-литературной установки. Но даже и в этом отношении можно ли говорить о принципиальной новизне того, что предлагает В.В.Фёдоров?

Родословная актуальной для В.В.Фёдорова филологии начинается, конечно, не с М.М.Бахтина. Ошибка в хронологии у В.В.Фёдорова вызвана общим для всех нас недостатком: недооценкой одного удивительного в истории эстетики и теории литературы периода, имплицитная смысловая полнота которого оказала решающее воздействие на все наиболее значимые направления сегодняшнего теоретического литературоведения. Одиноким голос

А.Ф.Лосева, который в этом отношении, кажется, был в XX веке единственным исключением, всё ещё не услышан. <...>. Я, разумеется, имею в виду немецкую эстетику и теорию литературы первой трети XIX века (то же касается и лингвистики, но об этом должен вести речь другой человек). Примеров плодотворного воздействия этого периода так много, что их не исчерпать не только в небольшой статье, но и в самой обширной монографии.

Приведу лишь один. Важным моментом, равно актуальным для Ф.Шеллинга, Ф.Шлегеля и других романтиков, "было *эстетически схваченное понятие целого*. Как мир, по воззрению Шеллинга, есть художественное произведение, так и всякий продукт человеческого духа должен пониматься в качестве такового. Понятие же целого получает своё содержание в ходе известного логического процесса, проецируемого философией тождества на все явления", в том числе, разумеется, и на поэтическое творчество. Сущность этого процесса, согласно В.Дильтею, удачно выразил Фридрих Аст: "Начало образования – единство, само образование – множество (противоположность элементов), полнота образования, или образованное – взаимопроникновение единства и множества, т.е. всеединство" [10, с.88. Пер. В.В.Бибихина].

<...> "В чём заключается "филологичность" лингвистики и литературоведения?" – спрашивал В.В.Фёдоров в 1979 году. Даже к такой очень осторожной постановке проблемы советское литературоведение того времени не было готово (см. упомянутую дискуссию). Между тем за 105 лет до В.В.Фёдорова в ситуации гораздо более обнадёживающей для филологии, ещё не скованной идеологическими рамками, Ф.Ницше ставит проблему гораздо более фундаментально: "Думают, что подходит конец филологии – а я думаю, что она ещё не начиналась" [23, с.275]. Это значит: прежде чем искать "филологичность" в лингвистике и литературоведении, нужно для начала спросить, являются ли они по своей сути "филологичными".

В самом деле, на чём основана наша убеждённость, что лингвистике и литературоведению а priori свойственна "филологичность"? Только потому, что это "факт", т.е. то, что засвидетельствовано современными учебниками? Но мы-то знаем, что факты бывают разного рода, их можно принимать или не принимать, поскольку они вовсе не обязательно – бытие, с которым не спорят. К тому же и в учебниках не всегда так писали. Ф.И.Буслаев в своей замечательной книге о преподавании родного языка (1844 г.) вслед за Я.Гриммом решительно разграничивает филологию и лингвистику [см.: 24, с.28 – 29, 73 – 79], и нужно ещё доказать, что он менее глубоко понимал проблему, нежели тот или другой учёный второй половины XX века. Создаётся впечатление, что лингвистика застолбила территорию, а теперь не уступает её, ссылаясь на прецедент. То же, впрочем, хотя это и менее очевидно, касается литературоведения.

Филология, забывшая, что она филология и отождествляющая себя с лингвистикой и литературоведением, напоминает путника, о котором говорится в приведённом в качестве эпиграфа отрывке из стихотворения О.Г.Чухонцева.

Согласно Я.Гримму и Ф.И.Буслаеву филологическим является только такое изучение языка, когда язык понимают как средство к изучению литературы [см.: 24, с.28].

Из этого можно сделать вывод, что и теория словесности для Ф.И.Буслаева по определению является филологией. В таком понимании филологии, конечно, больше смысла. <...>

И всё же даже спустя тридцать лет после выхода книги Ф.И.Буслаева, когда теория словесности достигла новых вершин в своём развитии, Ф.Ницше категорически отрицает её филологический статус. Почему? Вот вопрос, который теория словесности никогда себе не задавала.

Но что такое новая филология? Вопрос подразумевает, что будет дана характеристика этого нового состояния уже сугубо филологической мысли, а именно такой, которая исходит из факта своей любовной приобщённости к смыслу логоса в противоположность исследовательскому зуду классифицирующе-констатирующей теории литературы. Таким образом, вопрос подразумевает, что изначальная онтологическая сущность филологии будет осмыслена в границах этого второго подхода, озабоченного обобщением и упорядочиванием добытых знаний. Однако традиционный теоретико-литературный подход как раз ничего не знает и не может знать о том состоянии мысли, которое присуще филологии как таковой, поэтому неизбежно будет характеризовать только самого себя и то, чем обусловлено его своеобразие, т.е. свой предмет: опять текст в его лингвистической определённости, опять произведение в его эстетической завершенности, опять ситуацию диалога, уходящего в бесконечность. При этом понимание поэзии исключительно как мимесиса останется незбылемым, как бы ни стремилась дискредитировать это недоступное её пониманию слова та же лингвистическая поэтика. Разговор о новой филологии не является новой филологией, но остаётся в границах традиционных подходов к поэтическому слову.

Филология в её подлинной сути есть эксплицирование поэтического смысла, отклик стихослагающей мысли на поэтическое стихосложение: его эхо. Поэтому вместо невозможного разговора о филологии следовало бы предложить попытку истолковывающе-филологического приобщения к поэтическому сказыванию. Такие попытки были предприняты мною в третьем разделе недавно вышедшей книги [см.: 25] при истолковании онтологии поэтического творчества, поэтических родов, поэзии Ф.И.Тютчева.

Задача, стало быть, заключается не в том, чтобы вести разговоры о филологии, но в том, чтобы приобщиться к ней как к реальности. Это может

произойти лишь тогда, когда доступным для нас окажется различие между – недоверием к слову лингвиста и литературоведа и доверием к нему филолога; – интересом к мёртвым языкам и любовью к живому слову; – функциональным языком и языком в его онтологическом проявлении; – однозначным или стремящимся к однозначности понятием и именем с его неисчерпаемой смысловой глубиной; – миметическим воображением и онтологическим приобщением; – представляющей и вопрошающей мыслью; – интерпретацией и толкованием; – установленной правильностью и дарующей бытие Истиной.

Пока все эти различия не только не осмыслены, но даже не поставлены как проблемы, филология "не начнётся".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ. 1. Аверинцев С.С. Филология // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. 2. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1998. 3. Николай Кузанский. Сочинения: в 2 т. М., 1979–1980. 4. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч.1. М., 1994. 5. Гаспаров М.Л. Филология как нравственность // Литературное обозрение. 1979, №10, С.26-27. 8. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т.2. М., 1973. 9. Фёдоров В.В. Оправдание филологии. Донецк, 2005. 10. Дильтей В. Собр. соч.: в 6 т. Т.4. М., 2001. 23. Ницше Ф. Мы филологи // Философия в трагическую эпоху. М., 1994. 24. Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка. М., 1992. 25. Домашенко А.В. Об интерпретации и толковании. Донецк, 2007.

11. Энергетика текста

- Шекспировские тексты, в отличие от обычных, заставляют мозг активно работать.

"ЭЭГ испытуемых во время чтения шекспировских фраз оказалась не похожа на ЭЭГ читающих обыденные или бессмысленные тексты. Как пояснил участник исследования профессор-нейрофизиолог Нил Робертс, когда человек читает бессмысленный текст, состоящий из привычных слов, то на его ЭЭГ появляется особый минимум, так называемый эффект N400. Он означает, что слова не восприняты мозгом. Этой отрицательной волны при обычном чтении не возникает. Когда же предлагается для прочтения осмысленный, но грамматически "корявый" текст, то энцефалограф вычерчивает положительную волну, так называемый эффект N600. Этот эффект продолжается ещё некоторое время после окончания чтения, т.е. мозг продолжает заниматься перепроверкой смысла неправильно (или необычно) употреблённого слова. При чтении Шекспира на ЭЭГ появляется именно такая N600-волна.

На томограммах испытуемых видно, что при чтении фраз из Шекспира расширяется область работающих нейронов. Особенно активизируется область теменной доли и нейроны Сильвиевой борозды, ответственной за лингвистический анализ. Мозг начинает интенсивно работать.

Профессор Дэвис, чья книга "Мыслить по-шекспировски" (Thinking Shakespeare), должна выйти в следующем месяце, уверен, что это исследование показало, что чтение классики – это не просто необязательные украшения современной жизни, это, прежде всего, одна из возможностей заставить "скрипеть" наши ленивые мозги. Он также предполагает, что для пожилых людей чтение Шекспира может служить отличным мозговым тренажёром, который не даст мозгу состариться раньше времени".

12. Письмо (текст и стиль) и совесть писателя-художника

● М.О.Меньшиков. Красивый цинизм. М.Горький. Рассказы. Т.I-IV. СПб., 1900.

"Живой темперамент г. Горького придаёт его рассказам характер страстный, яркий, сочный, колоритный, и это, конечно, достоинство, но мера его, к сожалению, не всегда выдержана, и наш автор впадает кое-где в вычурность, в крикливую, холодную жестикуляцию слов. Но из приведённых строк рассказа читатель может почувствовать кроме вычурности слога и обыкновенно сопутствующую последней неправду мысли.

Кроме неуравновешенности чувства для дарования г. Горького есть и другая опасность, несравненно более серьёзная. Это неуравновешенность мысли, его склонность к рефлексии, к бесплодной умственной суматохе так называемых интеллигентных людей, оторванных от органического быта. Уже в первых и плохих и хороших вещах г. Горького чувствуется тенденция; уже в них художнику, видимо, мало рисунка и красок и хочется пера, чтобы подписать "мораль", хочется отвести душу в проповеди, в споре с читателем.

Книжное развитие не усиливает таланта, оно заметно истощает свежесть его и оригинальность. На человека чаще всего книга действует, как на сорванный цветок: между её страницами живое существо сплющивается, засыхает, из трёх измерений теряет, по крайней мере, одно. Все мы, так называемые люди интеллигентные, существа как бы двух измерений, и отсюда наша неудовлетворённость жизнью, неизвестная предкам. Г. Горький едва ли много приобрёл, читая книги и журналы, но потерял много. Читая его, во многих местах чувствуешь, как связывает его книжное внушение, как свежий и сильный талант бьётся в сетке общепринятых и модных предрассудков.

Именно, образованность, встречая выходящий из народа талант, часто обезличивает его до посредственности, отнимая самую соль таланта – оригинальность. Удивительно богатый, образный, звучный, цветной язык народный – очевидно, заимствован у народа, а не из книг, знание жизни отверженных, их психологии и философии почерпнуто не из книг. Но лжеромантизм, склонность к вычурной размашистости, – влияние явно книжное. Это рабство пред "образованностью", пред мнимым светом школы и книги – самая серьёзная опасность для г. Горького, и пока – главная причина его

недостатков. Во что бы то ни стало он должен одолеть в себе власть книги и вернуться к прирождённому самодержавию таланта.

Сама же жизнь не только ярче и истиннее книжных изображений, но и спокойнее их. Она менее истерична, в ней больше вечной мудрости, спасающей от лжи. Бродяги – циники по самой натуре, и не книга научила г. Горького цинизму, а сама жизнь. Пусть будет так, соглашусь я. Но книга оправдала это жизненное явление для г. Горького. В народной среде, на изломах её, среди человеческого мусора возникают все заблуждения, которые мы встречаем в книгах, все безумные теории и взгляды, но стихия народная всё же относится к ним как к ошибке".

● **Н.Т.Федоренко. Кобо Абэ. Впечатления и мысли**

"Неверно, что все важнейшие темы давно уже исчерпаны мировой литературой и это неизбежно обрекает писателей на повторение. Никто не может знать, на чём сосредоточится пронизательный взгляд писателя, какие открытия ждут читателя Кобо Абэ. Ибо Кобо Абэ никогда не перепахивает старое поле – каждый раз поднимает целину.

Основная идея его романов – столкновение человека с враждебным ему обществом и тщетность любых попыток уйти от него, порождающие чувство глубокой безысходности. В буржуазном обществе человек – былинка, неспособная определять свою судьбу, а значит, главная проблема заключена в необходимости изменения общественного устройства, социальных условий существования человека.

<Японский писатель признавался как-то>. "Особенно большое влияние оказал на меня Гоголь. Переплетение вымысла и реальности, из-за чего реальность предстаёт предельно ярко и впечатляюще, появилось в моих произведениях благодаря Гоголю, научившему меня этому".

"Следовательно, лицо человека – нечто гораздо более важное, чем мы привыкли считать, поскольку всё в нашей жизни, в том числе и порядок, обычаи, законы – "эта готовая рассыпаться песчаная крепость, удерживается тонким слоем кожи – настоящим лицом".

● Владимир Брагинский. Иммиграция евреев в Германию: Манипуляция сознанием и этический аспект. Фрагменты книги.

От автора.

Эта книга о совести. Совесть – столь же высокая загадка человеческого бытия как и любовь. Эту загадку человек пытается разгадать с тех самых пор, как осознал себя человеком. В тайну совести пытались проникнуть высочайшие умы человечества, её пытается разгадать каждый человек, живущий на этой земле, но, как правило, не отдавая себе отчёта в том, что поиск ответа на вопрос, как устроена жизнь, – это, по сути, поиск ответа на вопрос, что есть совесть?

Эту книгу я писал всю жизнь. Меня с детства влекла тайна нравственного. Одна из причин, почему я оказался в Германии, это стремление понять изнутри, как стал возможен Холокост – результат самого масштабного в истории человечества феномена утраты миллионами людей совести. В последние годы я настолько продвинулся в понимании этого, что посчитал себя вправе и даже обязанным написать эту книгу.

● **Владимир Лефлер. Алгебра совести**

Я вдруг понял, что перед лицом смерти меня совершенно не волнуют политические взгляды этих людей. Тем более что они разговаривали между собой, и ясно было, что и их совершенно не интересуют политические идеи. В этот момент возникло некоторое прозрение, что существует нечто более глубокое, чем политические взгляды людей.

Я должен сделать здесь маленькую поправку. Это было не религиозное чувство, скорее открытие инженера: вот мы все так устроены, наша конструкция такова, что наши политические взгляды, наши дискуссии в какой-то момент оказываются несущественными и управляют нами скрытые от нас силы, те, которые обычно многих из нас не интересуют. Я стал подумывать о том, что же это за силы? И главная мысль сводилась к тому, что есть нечто автоматоподобное, то, что мной не управляется.

Я потом поясню, почему обращение к Богу, хотя я достаточно религиозный человек, по этому вопросу было бы совершенно неинтересно. Потому прежде всего, что ничего не объяснило бы, высокими словами объяснить такие состояния невозможно. Но вот эта мысль у меня тлела. Потом мы эмигрировали в Америку. Было трудное устройство, плохое знание языка, непонятный мир вокруг...".

13. Восприятие текста

● **С.Зенкин. Филологическая иллюзия и её будущность.**

"В самом деле, основным приёмом филологического анализа являются поиски интертекстуальных связей и внетекстуальных прототипов, но и то и другое оправданно, интересно искать лишь при условии, что круг поисков заведомо ограничен и более или менее знаком, – в противном случае комментирование уходит в дурную бесконечность "случайных" обстоятельств, которые лишены ценностной значимости и ничего нам не говорят".

● Любое произведение (и любое сознание) – часть этого бесконечного текста. Отсюда идея полицитатности как нормы (нет смысла в делении на своё и чужое).

● Текст может быть бесконечное количество раз дешифрован, по-разному прочитан.

● Поэтому потребители текста, имеющие разное социальное происхождение или разный культурный опыт, могут прочесть один и тот же текст по-

разному. Текст существует материально, но не обязательно в форме письменного сообщения (предложения, записки, отчёта или романа). Фотография, песня, реклама (сочетание фотографического или любого другого визуального изображения с письменными знаками), видеотекст или одежда могут пониматься в качестве текста. (Источник: Key Concepts in Cultural Theory, Edgar Andrew, Sedgwick Peter (eds), London, New York: Routledge, 1999).

● Р.Барт. Удовольствие от текста

"Если я с удовольствием читаю ту или иную фразу, ту или иную историю, то или иное слово, значит, и писавший их испытывал удовольствие (что, впрочем, отнюдь не исключает писательских сетований на муки творчества). А наоборот? Если я, писатель, испытываю удовольствие от письма, то значит ли это, что удовольствие будет испытывать и мой читатель? Отнюдь. Я вынужден разыскивать этого читателя ("вылавливать" его) не имея ни малейшего представления о том, где он находится. Вот тогда-то и возникает пространство наслаждения.

В конечном счёте, можно сказать, что вы написали свой текст вне всякого наслаждения; ваш лепечущий текст по сути своей остаётся фригидным, как и всякая потребность, до тех пор, пока в нём не возникнет желание, невроз. Таким образом, всякий писатель может сказать о себе: на безумие не способен, до здоровья не снисхожу, невротик, есмь".

● Задание: Сформулировать главную мысль каждого текста одним предложением.

14. К истории изучения текста

● А.Кибрик:

"ТЕКСТ (фр. *texte*, англ. *text*, от лат. *textus* "ткань, сплетение, структура; связное изложение"), языковое произведение неограниченной длины. Тексты являются предметом исследования не только (и даже, пожалуй, не столько) лингвистики, но и других наук – литературоведения и семиотики; психологии; истории, в состав которой входят палеография и текстология; юриспруденции; теологии; этнографии. Данная статья ограничивается в основном рамками лингвистического подхода к тексту. Соответствующая дисциплина обычно именуется лингвистикой текста, хотя некоторыми авторами употребляется термин "теория текста"; встречается и выражение "синтаксис текста", по своей внутренней форме обозначающее раздел лингвистики текста, но часто понимаемое и расширительно, как синоним предыдущих.

Следует заметить, что термин "текст" иногда, особенно в литературоведческом и культурологическом контексте, употребляется в особом абстрактном смысле, приблизительно следующем: "связная совокупность концептов и идей, относящихся к некоторой сфере". Так, В.Н. Топоров, анализируя петербургские произведения Н.В.Гоголя, Ф.М.Достоевского, А.А.

Блока и др., выявлял в них некий общий "петербургский текст" – некоторое единое содержание, не обязательно выражаемое одинаково, но ощущаемое читателем как часть определённого идейного комплекса и воспринимаемое по образцу восприятия текста, "прочитывающегося" за всей совокупностью принадлежащих этим авторам текстов в собственном смысле. До определённой степени такое понимание коррелирует также с восходящей к И.Канту метафоре МИР – ЭТО ТЕКСТ, следствием из которой является представление о познании как чтении некоторой "книги природы". В данной статье обсуждается более общепринятое понимание термина "текст", сформулированное в начале статьи.

Тексты возникают в результате языкового взаимодействия, и адекватное понимание сущности текста возможно лишь при учёте динамических процессов языкового общения, разворачивающихся во времени и ведущих к возникновению текста. Тем не менее существует длительная традиция изучения текстов, особенно письменных, как статических объектов, существующих независимо от обстоятельств их возникновения. В данной статье рассматриваются именно аспекты текста, связанные с этой традицией, а более широкий круг вопросов языкового взаимодействия рассматривается в статье ДИСКУРС.

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

Тексты издавна привлекали внимание как особый объект изучения. Изначально это касалось сакральных текстов, играющих центральную роль во всех крупнейших религиях. Позже объектом изучения стали тексты других типов, в частности юридические и литературные. С конца 19 в. тексты стали предметом пристального внимания этнологов – ср. лингвоэтнографическую школу американистики, основанную Ф.Боасом. Однако текст как структура становится объектом специального интереса, по-видимому, лишь в 19–20 вв. Наиболее известная ранняя работа о структуре текста принадлежит русскому фольклористу и литературоведу В.Я.Проппу (Морфология сказки, 1928). Открытие Проппа состояло в том, что в волшебных сказках имеется ограниченное число типов событий и персонажей, и они весьма стабильны, хотя могут реализоваться по-разному. В конце 1950-х – начале 1960-х годов книга Проппа была переведена на английский и французский языки и, мгновенно превратившись в научный бестселлер, оказала существенное влияние на ряд научных направлений, в том числе семиотику и лингвистику текста. В особенности это касается французских структуралистов и семиологов (К.Леви-Стросс, Р.Барт, Ц.Тодоров, А.Греймас).

Другим источником идей для западноевропейской лингвистики текста стала чешская лингвистическая школа. Под прямым и косвенным влиянием чешской школы в Западной Европе в 1960-е годы начала формироваться лингвистическая теория текста (П.Хартманн, Р.Харвег, З.Шмидт, Т. ван

Дейк, В.Дресслер, Я.Петефи, К.Гаузенблаз, П.Сгалл, И.Беллерт, Н.Энквист и др.). В этой традиции текст первоначально анализировался в основном структурными, таксономическими методами, по аналогии с более привычными языковыми объектами (так, в работах Харвега лексические единицы квалифицировались с точки зрения того, типичны они для начальных или конечных фраз текста). Однако к середине 1970-х годов текст был переосмыслен как коммуникативный процесс, и вслед за этим лингвистика текста "переродилась" в дискурсивный анализ. Так, один из основателей лингвистики текста и её наиболее активный организатор и популяризатор голландский лингвист Т. ван Дейк во второй половине 1970-х годов перешёл с текстовой на дискурсивную терминологию, что знаменовало переход от статического к динамическому, процедурному подходу. Важную роль в таком переходе сыграли также монография Р.А. да Богранда и В.Дресслера "Введение в лингвистику текста" (1981) и работы по моделированию понимания и производства связного текста, выполненные в рамках искусственного интеллекта (прежде всего Р.Шенком и его последователями).

В СССР также возник интерес к языковым объектам, большим, чем предложение. Такие объекты иногда выступали под псевдонимом "сверхфразовые единства" или "сложные синтаксические целые", но нередко использовалась и собственно текстовая терминология. Ранние работы в этой области (1948) принадлежат И.А.Фигуровскому и Н.С.Поспелову. В 1950–1960-е годы исследованиями структуры текста занимались Н.Ю.Шведова, Т.Г.Винокур, Е.В.Падучева, Ю.С.Мартемьянов и др. В этих работах, в частности, были подняты вопросы структуры абзаца и семантики межфразовых отношений в тексте. Особенно активно лингвистика текста развивалась в СССР в 1970–1980-е годы в работах таких авторов, как Т.М.Николаева, С.И.Гиндин, И.И. Ревзин, М.И.Откупщикова, И.Р.Гальперин, В.Г.Гак, Б.М. Гаспаров, О.И.Москальская, З.Я. Тураева, Е.А.Реферовская, И.И.Ковтунова, В.А.Бухбиндер, Г.В.Ейгер, Ю.А.Здоровов и др.

Круг вопросов, рассматривавшихся в этих работах, очень широк, однако в качестве основных можно указать следующие: просодия и интонация в тексте; использование служебных слов как маркеров структуры текста; текстовая реализация более мелких языковых единиц (фонем, морфем и т.д.); общая структура текста; время и модальность в тексте; референция в тексте; типология текстов; вклад лингвистики текста в литературоведение и обучение языкам. Один из лучших трудов, суммирующий результаты лингвистики текста, – это стостраничное учебное пособие М.И.Откупщиковой "Синтаксис связного текста" (Ленинград, 1983). В этом труде резюмируются исследования по основным вопросам лингвистики текста – о границах и единицах текста, о законах связности, о средствах реализации связности (к их числу относятся замещения и коннекторы), о статусе предложения и ак-

туального членения и др. Популярности исследований по лингвистике текста в указанный период способствовало также широко распространенное ощущение, в соответствии с которым эти исследования рассматривались как вносящие вклад в преодоление разделения филологии на лингвистику и литературоведение и в углубление междисциплинарных связей обеих этих наук с семиотикой и другими гуманитарными дисциплинами; это ощущение хорошо прослеживается в ряде публикаций Института славяноведения и балканистики АН СССР (ныне РАН), в названии которых присутствует словосочетание "структура текста".

Исследования текста проводились и проводятся также в связи с прикладными задачами. Среди задач автоматической обработки текста следует особо выделить проблему автоматического реферирования – компьютерного порождения сжатого изложения на основе исходного текста. В СССР (в Киеве) этой задачей занимались, в частности, И.П.Севбо и Э.Ф. Скороходько. В компьютерной лингвистике возникла идея построения так называемых повествовательных грамматик (story grammars). В одной из наиболее известных моделей такого рода, принадлежащей американскому специалисту по искусственному интеллекту Д.Румелхарту, схема рассказа порождается по правилам, несколько напоминающим правила построения синтаксических структур из ранних версий генеративной грамматики. Теория риторической структуры У.Манна и С.Томпсон, имеющая большое теоретическое значение (см. ДИСКУРС), первоначально также возникла как прикладная разработка, направленная на исчисление типов связей в тексте, равно как и близкая ей концепция риторических предикатов К.Макьюин. В настоящее время проводятся исследования по компьютерной реализации этой теории. В современной науке текст в большинстве случаев рассматривается как частный аспект более широкого явления – дискурса и исследуется дисциплиной, именуемой дискурсивным анализом".

15. Лингводидактика

● Л.Чувакова, учитель начальных классов. Урок риторики 3-й класс. Изучаем виды текстов.

"В той или иной ситуации в жизни при определённых условиях общения мы создаём самые разнообразные тексты, которые имеют своё назначение. Когда мы идём в первый класс, мама пишет заявление с просьбой принять нас в школу. Когда мы дружим с кем-нибудь из другого города или страны, мы поддерживаем общение с помощью писем. В детстве мы просим, чтобы мама или бабушка рассказали нам на ночь сказку, а когда вырастаем, то сами сочиняем интересные рассказы".

- Н.А.Шапиро. Безукоризненный текст – возможно ли такое? "Дефектные" тексты (с нарушением тех или иных языковых и речевых норм) нежелательно использовать на экзамене.

Кажется, качество текста контрольного изложения становится одной из вечных тем для учителей русского языка. В материалах газеты "Русский язык" за прошлые годы можно прочитать и о том, как плох текст неряшливый и безвкусный...

"Любой текст, имеющий отношение к русскому языку как предмету школьного изучения, должен быть безукоризненным", – пишет Селезнёв. Безукоризненным, с какой точки зрения? Ярким, образным, точным? Или соответствующим всем нормам современного литературного языка? Или, может, интересным, информативным? А может, доступным для понимания? Боюсь, такого текста, который удовлетворял бы всем перечисленным требованиям, не существует".

- В.М.Селезнёв: "Любой текст, имеющий отношение к русскому языку как предмету школьного изучения, должен быть безукоризненным. Кажется, это неопровержимая истина. Однако текст выпускного изложения заставил меня усомниться в её бесспорности: он не отличался изяществом, а кроме того, в нём имели место речевые и грамматические ошибки".

- Обучение студентов употреблению прецедентных текстов (ПТ)

"Так называемые "прецедентные тексты" (Караулов). Эти тексты используются в речи, проникая в память языковой личности иногда помимо её воли и всплывают в её речевом поведении в виде обкатанных готовых высказываний. Прецедентные тексты формируют особую область коллективного творчества, которая носит название речевой субкультуры. Она существует в сознании носителей языка в виде **цитат**, выхваченных из каких-либо текстов, из разнообразных коммуникативных ситуаций. Такие фразы передают экспрессию того контекста, осколком которого они являются; они несут в себе эмоциональную память о речевом акте, их породившем. Главное условие вхождения в субкультуру – общеизвестность социально-речевого контекста, в котором она возникла (Горелов, Седов).

Под прецедентным текстом мы понимаем текст: 1) хорошо известный представителю того или иного национально-культурного сообщества; 2) многократно воспроизводимый в речи часто в сжатой форме; 3) смысл которого не соответствует сумме значений составляющих его слов; 4) самодостаточный для понимания, т.е. способный существовать без контекста. Прецедентный текст – это условное наименование речевого явления, условное потому, что включает слова (Геркулес, Аполлон), словосочетания (гадкий утёнок), предложения (Кому на Руси жить хорошо, Быть или не быть – вот в чём вопрос?), пословицы, поговорки, крылатые слова, афоризмы, которые информативны как тексты. Они хранятся в памяти человека.

Знание и использование ПТ говорит о его принадлежности к определённой культуре. Употребляя прецедентное слово или предложение, говорящий обогащает содержание высказывания, которое становится более информативным и выразительным.

Как пишет М.Бахтин, "чужое слово, чужое высказывание как предмет заинтересованной передачи – неотъемлемый компонент общения". Наши наблюдения показывают, что учащиеся нередко неуместно (без надобности) вводят в свою речь "чужую" речь, иногда неточно её воспроизводят, искажая при этом мысль, высказанную другим человеком. Это приводит к сбою в устном общении, а говорящий может зарекомендовать себя как человек поверхностных знаний, некомпетентный в определённой области. Современный носитель родного языка должен узнавать "чужие" слова в речи других и правильно, уместно, оправданно использовать их в своей речи".

● Л.К.Мазунова. Текст как культурно-языковое пространство и единица обучения иностранному языку и культуре. "Новое направление мысли начинается с нового осмысления объекта овладения. <...> рассмотрение языка, системы формально-языковых средств, в качестве единственной, автономной цели языкового образования – нонсенс: языковой конструкт без внутреннего наполнения, содержания, сам по себе лишён какого-либо смысла вообще. С введением в терминологический аппарат методики понятия "культура" ИЯ как учебная дисциплина обретает, наконец-то, предметное содержание.

Новая стратегия обучения ИЯ – это стратегия одновременного изучения языка и культуры, транслируемой посредством данного языка в условиях диалогового взаимодействия, взаимопонимания контактирующих культур и их трансляторов-языков, родного и иностранного.

Актуально для методики обучения ИЯ также следующее высказывание В.И.Чернышёва: "Значение чтения не следует ограничивать одним пониманием читаемого. Полнота развития требует не только восприятия мысли, но и её усвоения и передачи. Передача, устная и письменная, является при этом одним из средств усвоения или, по крайней мере, закрепления мысли. Нужно научиться не только видеть, что есть в книге, но ещё и брать из неё то, что нам нужно и полезно, передавать это другим, чтобы подвергнуть многосторонней оценке и проверке, своей и чужой". В заключение отметим, что образцовый текст даже в языковой среде определяет прогресс в культурно-языковом развитии личности, именно зрелые навыки восприятия (чтения) эталонных текстов позволяют перейти к другим способам использования текста в процессе развития речи обучаемых – письменному изложению первичного образцового текста, прочитанного или услышанного, выражению (устному и письменному) собственных мыслей, написанию сочинений, рецензий, аннотаций, деловых бумаг, писем, подготовке докладов,

сообщений, составлению конспектов, тезисов и др.". (Чернышев В.И. Сокровища родного языка // Избр. труды: В 2-х т. М., 1970. Т. 2. С. 544).

- Копирайтинг и поисковая оптимизация.

"Чтобы сделать текст более привлекательным для поисковых машин, разработаны методы SEO – копирайтинга, т.е. (в двух словах) оптимизации вашей страницы под поисковые запросы и создания текста, представляющего интерес для пользователей. Всем этим и занимается "Студия Контента", в составе которой журналисты, филологи и seo-оптимизаторы. Наилучший состав для написания текстов и статей, безукоризненных во всех отношениях. Мы не предлагаем комплексного продвижения. И мы не "мастера на все руки". Мы просто мастера своего дела – создания уникальных и максимально оптимизированных текстов для сайтов".

16. Лингвистическая терапия: словесное программирование

- Центр чтения ЧОУНБ представляет подборку литературы. Гармония души и тела.

"Жизнь – вызов, примите его" (Мать Тереза). В каждом человеке заложены неисчерпаемые скрытые возможности, которые могут помочь ему противостоять всем невзгодам и болезням. Главное – познать себя, поверить в свои силы. Книги, которые мы предлагаем вам, станут добрыми и ценными спутниками на пути к восстановлению здоровья.

Сытин Г.Н. Животворящая сила: Помоги себе сам: Метод СОЭВУС – М.: Животворящая сила, 1994. – 351с. Слово лечит. Автор книги доказал это собственным примером и многолетней практикой лечения словом – "исцеляющим настроем", пробуждающим в человеке силы обновления и саморегуляции. Составленные Г.Н.Сытиным оригинальные лечебные тексты оказывают целенаправленное воздействие на организм, внушая уверенность в своих силах, в своём здоровье. Метод словесно-образного, эмоционально-волевого управления состоянием человека – это и профилактика болезней и мощное средство для поддержания жизненного тонуса организма.

Ковпак Д.В. Как избавиться от тревоги и страха – СПб.: Наука и техника, 2007. – 235 с. Беспокойство, тревога, страх – эти чувства знакомы каждому человеку, но иногда они принимают тяжёлые формы и с их последствиями трудно справиться в одиночку. Поможет людям, желающим решить эту сложную проблему, практическое руководство, обобщающее в себе анализ мировой практики и собственный опыт известного психотерапевта.

Казинс Н. Анатомия болезни с точки зрения пациента. – М.: Физкультура и спорт, 1991. Когда автор этой книги неожиданно заболел, врачи дали ему один шанс из 500 на выздоровление. Казинс сам решил бороться за своё здоровье. Эта книга о том, какую роль в выздоровлении играет воля

человека, его вера в свои возможности, позволяющие мобилизовать все ресурсы организма и помогающие справиться с болезнью.

Ковпак Д.В. Как преодолеть боль. – СПб.: Наука и техника, 2008. – 251 с. Что такое боль большинство из нас знает не понаслышке. О механизмах возникновения боли, основных её видов, медикаментозной и немедикаментозной терапии боли, а также о методах её преодоления расскажет эта книга, адресованная людям, страдающим болевыми синдромами разного происхождения.

Ковалев С.В. Исцеление с помощью НЛП: Нейролингвистическое программирование психосоматических исцелений. – М.: КСП+, 2001. – 570 с. Эта книга о том, как с помощью одной из наиболее эффективных психотехнологий XXI века – нейролингвистического программирования – резко повысить эффективность обычных медицинских процедур, как минимум. А как максимум – излечиться, а также сделать свою жизнь успешной. Создавалась она на опыте конкретной работы с многочисленными пациентами автора, а также на осмыслении теоретических изысканий на тему использования НЛП в медицинской практике.

Норвуд Р. Как принимать удары судьбы: Пер. с англ. – М.: Мир, 1995. – 381с. Как принимать удары судьбы, будь то болезнь, потеря близкого человека или серьёзные проблемы в семье, как по-новому взглянуть на выпавшие нам невзгоды, как сохранить веру даже в периоды глубокого отчаяния, рассказывает книга известного американского психотерапевта – женщины с нелёгкой судьбой". (Сост.: Алябьева Т.А.)

● "Психотерапия является старейшим методом лечения больного человека, ей издавна придавалось большое значение. На важную роль психического фактора в развитии болезненных состояний и их лечении указывали выдающиеся отечественные медицинские деятели М.Я.Мудров, В.М.Манассеин, С.П.Боткин, Г.А.Захарьин, А.А.Остроумов, С.С.Корсаков, В.М.Бехтерев и др. Однако если возможность благотворного воздействия слова врача на больного и на происходящие в его организме болезненные процессы в настоящее время, по-видимому, уже ни у кого не вызывает сомнения, то самый механизм словесного воздействия остаётся ещё недостаточно ясным.

При этом мы всё более убеждаемся, что слово оказывается подчас чрезвычайно могущественным лечебным фактором, производящим прямое и непосредственное воздействие на характер и динамику корковых процессов. Это открывает прямой путь к устранению патологических процессов и мобилизации необходимых внутренних ресурсов организма больного. Слово врача, применённое правильно, с учётом важнейших особенностей ближайшего и отдалённого анамнеза больного, получает большое терапевтическое значение, что далеко не все врачи вполне сознают и оценивают. Наш труд имеет целью приблизить читателя к пониманию механизмов физиологического и лечебного воздействия слова. Нет сомнения, что пути этого

воздействия на высшую нервную деятельность человека раскрыты далеко не полностью. Всё это составляет задачу дальнейших исследований".

● Лечебная сила слова. "Утверждение, что слово лечит и калечит, давно стало банальным, но никто не воспринимает это серьёзно. Есть, правда, истории о том, как кто-то кому-то выкрикнул в сердцах страшные слова, и человек через час (на следующий день или через неделю) действительно умер или погиб. Получается, он вроде как выполнил "приказ" – умереть. Но куда же девается хваленая сила слова, когда кому-то не менее эмоционально приказывают: "не опаздывай!", "не ври!", не упади!" – а тот продолжает и врать, и опаздывать, и спотыкаться на ровном месте... Можно ли предугадать, как повлияет на человека слово?

Наверное, тысячи студентов собирали фольклор. Издавались сборники произведений русского народного творчества, а там, кроме песен, частушек и сказок ещё и заговоры, и присушки, и отсушки, заклинания, и всякое разное... Специалисты изучали и описывали словесные образы, особенности жанра, красоту и богатство языка древних текстов, их распространение в разных областях страны, национальные особенности <...>.

Парадокс в том, что при изучении заговоров не принималось во внимание самое главное – то, для чего они, собственно, и были созданы. Внимание учёных было приковано к чему угодно, только не к секрету силы текстов, при помощи которых "присушивали" любимых, заговаривали болезни <...> вроде бы народ сочинял всё это не пользы для, а чтобы удивить многомудрых ценителей народного фольклора. А чего там изучать-то, считали учёные мужи, Бога нет, а это всё невежество и мракобесие. Суеверие и темнота народная, филфак-то они не кончали, это уж точно. И вообще, дело это тёмное, не для серьёзных людей.

Идея разобрать древние тексты "по косточкам" несколько лет назад пришла в голову молодому аспиранту Пермского госуниверситета Ирине Черепановой. Несколько лет работы, диссертация, несколько написанных на эту тему книг и вот как результат; профессор Ирина Юрьевна Черепанова известна сегодня как психолингвист не только в России, но и во всех европейских странах. Сальери, помнится, предлагал музыку алгеброй проверить, и это всегда казалось какой-то невозможной глупостью. А Черепанова взяла и пропустила старинные тексты через компьютер, и обнаружили удивительные закономерности в звуковой насыщенности текстов и их композиции.

– Наукой уже установлено, что на человека можно воздействовать словом, не обращаясь к его смыслу, – через звук, ритм и форму, – объяснила Черепанова. – Таков санскрит. Недаром американцы используют именно его для работы с искусственным интеллектом.

Монахи сохранили в веках санскрит, как язык для записи сакральных (тайных) текстов, чтобы профаны не смогли их прочитать, а в результате

получилось идеальное средство воздействия на человека. Мантры, ради которых Черепанова общалась с йогами, – это просто сочетание звуков, и в отличие от заговоров они действуют жёстко и однозначно, меняя человека изнутри. По словам Черепановой, воздействие мантры на психику человека неотвратимо, как смерть. А вот молитвы действуют мягко, обволакивают человека постепенно.

– Я не оцениваю действие текстов как "хорошее" или "плохое", я только выясняю, сильно или слабо влияют. Наши программы, где для каждой звукобуквы высчитана специальная формула, это легко высвечивают, анализируя написанное по шкале от "прекрасного" до "зловещего", – уверяет Черепанова.

Анализ нескольких сотен мантр и заклинаний показал: они, как правило, красного цвета. Черепанова объясняет это тем, что в индийской традиции красный цвет считается цветом Учителя. Получается, что через повторение мантры учеником неотвратимо овладевает идея служения учителю, непрерывности его авторитета. Когда люди часами повторяют звукосочетание-мантру, их невозможно вывести из этого состояния ни логикой, ни психотерапией, потому что мантра, минуя сознание, сразу воздействует на подсознание.

Если мантры – красные, то какого цвета молитвы? Большинство из них – голубого цвета. Как тут не вспомнить Павла Флоренского, который всегда связывал голубой цвет с божественными, религиозными идеями и высоким служением Истине. Исследования показали, что все подобные тексты, которые ведут разговор с нашим подсознанием на древнем языке, построены по типу мягкого кодирования, исключением являются лишь мантры, построенные по типу жёсткого кодирования. Причём речь не о том, что мантры влияют".

- "Каждый человек обладает творящими мыслями о себе, которые своей материализующей силой тотально формируют физическое тело. Если человек думает о себе как о молодом, здоровом в сто лет и дальше — он таким и будет. Творящие мысли о себе сильнее всесильной судьбы, сильнее всех стихий естества. Возможности человека действительно невообразимы, безграничны. Самоубеждением человек приводит в действие творящие мысли о себе.

Каждую творящую мысль можно выразить в словесной формулировке. Настрой человека – это система словесно сформулированных творящих мыслей о себе. Г.Н.Сытин создал тысячи таких настроев, которые охватывают все области медицины, и опубликовал серию "Я дарю вам здоровье и молодость" из двадцати трёх книг. А сейчас он подготовил к печати новую серию "Реальное продление жизни" из тридцати одной книги. Все эти книги выйдут из печати уже в этом году. Кроме того, он создал сто новых книг, которые подготавливаются к печати.

В Европе исцеляющие настрои распространяются на немецком языке в тексте и звуке на лазерных дисках и аудиокассетах. Американцы установи-

ли в кабинете Г.Н.Сытина аппаратуру круглосуточного телемоста для прямой трансляции на Америку исцеляющих настроев (они вылечивают людей от разных заболеваний, в том числе и от рака) и поздравили президента РФ В.В.Путина "с победой российской науки над раком". Об этом подробно написала газета АИФ "Здоровье", № 50, в декабре 2004 года. Разве не возмутительно, что свои достижения для оздоровления своего народа используем не мы, а европейцы и американцы?!

Г.Н.Сытин открыл великую тайну сохранения здоровья и продления жизни. Обычно люди сами порождают и усиливают свои болезни. Если какой-либо орган стал из-за травмы функционально слабеть (а травма может быть и духовная), а иногда и болеть, то человек недоволен этим органом, он к нему относится с пренебрежением, с претензией и тем самым своими творящими мыслями разрушает этот орган: его нервно-мозговой аппарат неправильно управляет его внутренним строением, его питанием. Так возникают все болезни, в том числе и рак.

По мнению Сытина, надо ослабевшему органу помочь своими всеильными творящими мыслями, сказать ему: "Я люблю тебя великой Божественной любовью, я вливаю в тебя постоянным космическим потоком святое Божественное исцеление, я вливаю в тебя огромный заряд энергии жизни, я наполняю тебя огромной жизненной силой, я расширяю кровеносные сосуды, которые несут тебе прекрасное полноценное питание, я вливаю в твои нервы огромную Божественную силу, вливаю святую Божественную сталь, твои нервы здороваются-крепнут, рождаются новорожденно-здоровыми, крепкими-стальными, ты весь оживаешь, расцветаешь в полном довольстве, я наполняю тебя молодой энергичной животворящей радостной жизнью, ты живёшь весело, радостно-счастливо, ты сейчас снова-заново родился молодой, здоровый, не тронутый ни болезнями, ни временем, ни жизнью".

Таковыми творящими мыслями вы всегда можете укрепить здоровье любого органа и всего физического тела. Но самое главное – заботиться о здоровье своей души. В душе должны быть только чистые помыслы, только светлые чувства, только радостные мысли. В душе всегда должна быть вечно новая светлая Божественная радость жизни. Как видите, вы на самом деле реально можете продлить свою жизнь, постоянно укрепляя своё здоровье.

Г.Н.Сытин добивался массового использования своих достижений. С этой целью он организовал массовый эксперимент в масштабе целого города с полумиллионным населением сразу во всех 148 школах. Для этой работы Г.Н.Сытин выбрал город Горловку в связи с тем, что она занимала в СССР первое место по преступности среди молодёжи.

Был создан городской Научно-методический центр по самовоспитанию при школе- интернате №1. В каждой школе работал семинар по самовоспитанию для родителей учащихся, а для директоров школ работал постоянно дей-

ствующий городской семинар, который вёл Г.Н.Сытин. В каждом классе сделали уголок самовоспитания, в котором под девизом "Мы будем воспитывать себя сами" были обязательства каждого ученика в области самовоспитания и раздел "отличники самовоспитания". Организовали общешкольный ученический комитет по самовоспитанию и родительский комитет по самовоспитанию. Суть всей этой работы заключалась в воспитании у каждого школьника мыслей о себе как о способном, здоровом, высокоразвитом ученике.

В результате во всех классах с первых по десятые был отмечен невиданный скачок в повышении успеваемости и духовности школьников, была полностью ликвидирована преступность среди учащейся молодёжи. Улучшился социальный климат всего города Горловки. После третьего учебного года была проведена городская конференция по самовоспитанию школьников, на которую съехались педагоги со всей Украины и из многих областей России.

Заведующий Донецким ОблОНО был назначен Министром просвещения Украины, а начальнику Областного Управления МВД было присвоено внеочередное звание генерала. МВД СССР стало организовывать самовоспитание преступников в местах заключения подростков, а также в строго-режимных исправительных учреждениях, и с этой целью посылало туда Г.Н. Сытина. По материалам этой работы Г.Н.Сытин опубликовал монографию "Самовоспитание школьников". За эти научные исследования Российская Академия Образования присвоила Г.Н.Сытину учёную степень доктора педагогических наук.

Разве сейчас для спасения своей молодёжи Россия не может организовать самовоспитание школьников?! Сейчас надо повсеместно создать научно-методические центры по самовоспитанию школьников и взрослого населения, и Россия будет спасена от пьянства, наркомании и преступности. А методика всей этой работы уже создана Г.Н.Сытиным, проверена на практике и опубликована. В настоящее время при катастрофическом состоянии здоровья и укороченной жизни россиян это может спасти Россию. Самая главная задача государства, как напоминает нам А.И.Солженицын, — сбережение народа. А у нас почти полмиллиона подростков сидит в тюрьмах: вот как мы их воспитали! А сколько молодёжи гибнет от наркотиков! В России сейчас насчитывается три миллиона беспризорных детей! Какими они станут в нашей жизни, когда вырастут?! Необходимо, чтобы воспитательных учреждений было не меньше, чем медицинских, а педагогов — больше, чем медиков. Нужна фундаментальная реформа нашего общества путём организации самовоспитания всего населения России!

Организацией самовоспитания школьников и взрослых мы сделаем Россию самой богатой, самой процветающей страной, в России будет самая большая в мире продолжительность жизни людей, россияне будут наиболее высокоразвитыми, не будет ни пьянства, ни наркомании, ни преступности,

не будет и беспризорных детей. Организацией самовоспитания мы реализуем безграничные возможности каждого человека. Для претворения всего этого в жизнь нужны высокоразвитые педагогические и медицинские науки, обеспеченные современной аппаратурой.

<...> Создавая свой метод, он не нашёл в медицине и в психологии никакой опоры, там даже не было научного определения "волевого усилия". Ему пришлось всё начинать с нуля, с изучения волевого усилия, за что ему была присвоена учёная степень кандидата педагогических наук. В педагогической науке Сытин нашёл опору для создания своего метода в учении о самоубеждении, ядром которого является волевое усилие. В последние десятилетия самоубеждение глубоко исследовал академик-педагог РАО Виктор Михайлович Коротов. По мнению кардиологического центра Чазова, "метод Г.Н.Сытина является уникальным приоритетом российской науки", он широко используется в нашей стране, а также в Европе и Америке.

Метод Г.Н.Сытина включает в себя лечебные тексты – настрои самоубеждения, методику их усвоения, 21 приём самовоспитания и теорию метода. Приёмы самовоспитания впервые разработаны Г.Н.Сытиным в нашей науке.

<...> Вот мнение космонавта В.М.Жолобова о возможностях Г.Н.Сытина: "После полёта в космос у меня было тяжёлое расстройство нервной системы, и вся медицина не могла мне помочь. Тогда я поехал к Г.Н.Сытину на Ладожское озеро, где он работал в экспедиции с космонавтами. И Сытин исцелил меня за один день в присутствии руководителя Группы поддержки ЦПК Виталия Николаевича Колесова. Я много лет слежу за достижениями врача-академика Георгия Николаевича Сытина. Для меня очевидно, что то, что он делает, не могут сделать ни целые институты, ни целые академии наук, ни вся мировая медицина. Его нельзя измерить никакими научными степенями и званиями и никакими наградами.

То, что он делает – непостижимо. Он стоит как бы над всеми званиями и наградами, над всей мировой наукой. Будущее всей мировой медицины лежит на пути к достижению того, что делает Сытин. Медицина сможет гордиться, если она хотя бы через сто лет приблизится к тем результатам, которые повседневно творит этот гений.

Лётчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза Виталий Михайлович Жолобов. 7 марта 2000 года".

Г.Н.Сытин за выдающиеся научные достижения награждён в России золотой медалью "За научные заслуги" и серебряной медалью "Почётный профессор".

На Западе сразу высоко оценили и поддержали Г.Н.Сытина в его исследованиях: ему присвоили учёные степени доктора медицинских и психологических наук, Гранд Доктора философии, учёное звание "Полный профессор", в Мюнхене избрали академиком Международной Академии

Наук, его назначили вице-президентом Всемирного Распределённого Университета, под его научное направление учредили Международный Университет Георгия Сытина в Брюсселе с отделениями в Москве и Нью-Йорке, наградили орденами "Кавалер" и "Командор" всемирного ордена "Наука. Образование. Культура".

При избрании Г.Н.Сытина в Мюнхене академиком Международной Академии Наук широко известный на Западе ученый Карл Гехт сказал: "Мы избираем в действительные члены классика мировой психотерапии, автора самого эффективного психотерапевтического метода, который неизбежно станет основным методом во всей мировой психотерапевтической практике и будет широко использоваться во всех областях медицины".

В Институте нормальной физиологии им. П.К.Анохина РАМН проводятся начальные исследования физиологических механизмов, обеспечивающих омолаживающий эффект лечебных текстов-настроев Г.Н.Сытина. Учёные убеждены в том, что эти тексты-настрои Г.Н.Сытина, оказывающие омолаживающее влияние на организм человека, могут обеспечить укрепление здоровья, повышение духовности, увеличение продолжительности жизни, снижение смертности и повышение рождаемости среди всего населения России.

Чтобы дать научное объяснение этим достижениям Г.Н.Сытина, может быть, потребуется много времени и средств, но для нас важен сам факт их существования, их доступность всем людям, возможность их широкого распространения среди населения России. А это, безусловно, имеет большое государственное значение.

Перейдём к практическому продлению жизни. Г.Н.Сытин создал многие тысячи настроев, которые охватывают все области жизни и деятельности человека.

Настрой – это система словесно сформулированных творящих мыслей о себе. Настрой, который называется "Всегда" можно усваивать бесконечно. А другие настрои служат для решения какой-либо конкретной задачи. После того, как эта задача решена, настрой больше усваивать не надо. Например, настрой на спокойствие. Его не надо всегда усваивать. Бывают в жизни случаи, когда нужно предельно большое волевое усилие или предельно большое физическое усилие, или предельно высокая скорость мысли и движений, тогда нужны другие соответствующие настрои. Но если человек разнервничался, возбуждён, раздражён, ему надо усвоить настрой "Блаженное спокойствие". Когда он успокоится, то этот настрой в данный момент больше не нужен.

Только настрой "Всегда" можно усваивать бесконечно. Он всегда нужен. Его значение никогда не теряется".

- Как правильно усваивать настрои Сытина.

"Легче всего усваивать исцеляющие настрои Сытина, если читать их вслух или прослушивать в звукозаписи. Тон изложения должен быть деловым, твёрдым, без всякого пафоса, очень убедительным. Одни люди предпочитают прослушивать настрой, другие – прочитывать. Это по вкусу, кому как больше нравится. При прослушивании можно ещё и делать что-нибудь по хозяйству. Но лучше, если вы постараетесь не отвлекаться и сосредоточиться.

Независимо от того, знает человек лечебный текст наизусть или нет, настрой усваивается только в процессе его прослушивания или проговаривания. Продолжать это придётся до тех пор, пока состояние человека не придёт в прочное соответствие с содержанием настроя. При прослушивании текста старайтесь вести себя как можно активнее (лучше ходить), прилагайте усилия к тому, чтобы запомнить текст. Это повышает внимательность, яркость восприятия, а тем самым и эффективность усвоения.

Начинать занятия (особенно в первые дни) нужно с вводного текста: "Настрой, который я сейчас усваиваю, окажет на меня сильнейшее влияние благодаря тому, что организм будет в десять раз усиливать, в сто раз усиливать его влияние и мобилизовать все свои резервы для быстрого и полного исполнения того, что сказано в настрое; я настраиваю себя на глубокое, прочное усвоение содержания нужного, полезного настроя, я буду стараться как можно глубже и прочней его усвоить".

- Описание метода настроев Сытина. "За последние два десятилетия отечественные и зарубежные физиологи экспериментально показали, что вызванные словом импульсы второй сигнальной системы поступают с коры больших полушарий головного мозга во внутреннюю среду организма и перестраивают жизнедеятельность тканей, внутренних органов на длительное время. Этим и объясняется большая устойчивость здоровой жизнедеятельности организма, вызванной усвоением настроев метода СОЭВУС. Как показали исследования, результаты одного тридцатиминутного занятия с больным фиксируются приборами на протяжении месяца и более.

Например, в двух приведённых случаях положительный результат был достигнут после воздействия основного фрагмента настроя на оздоровление сердца: "В моё сердце вливается здоровая новорождённая юность (во втором случае – молодость), моё сердце полностью обновляется, моё сердце новое рождается новорождённое, нетронутое сердце". Так, у людей зрелого возраста для омоложения лица используют следующий фрагмент настроя на молодую жизнь: "Новорождённая молодость вливается в моё лицо, моё лицо полностью обновляется, моё лицо новое рождается новорожденно-молодое, первозданно-свежее, новорождённая молодость рождается в моём лице".

Применением метода СОЭВУС можно добиться и восстановления природного цвета седых волос в пожилом возрасте, для чего достаточно усвоения фрагмента настроя: "Животворящая новорождённая жизнь вливается в

мои волосы, волосы полностью обновляются, волосы новые рождаются, новорожденно-густые, новорожденно-здоровые. Красивая природная краска наполняет мои волосы". Подобные фрагменты полезно усваивать на фоне воздействия общего настроения на молодую жизнь, который способствует восстановлению и усилению всех физиологических функций организма и, таким образом, устранению их различных нарушений как в молодом, так и в пожилом возрасте.

Построение сытинских настроев таково, что они формируют у человека яркие образы здоровья, молодости, силы, неутомимости и красоты, усиливают положительные чувства, например радость жизни, и стимулируют волевые усилия в целях управления состоянием. Управление состоянием по данному методу стимулирует жизненную позицию, активизирует личность, развивает волевые усилия человека. Многие задачи оздоровления-омоложения человека можно решать только на основе его активной жизненной позиции, на управлении своим состоянием во имя личных и общественных целей. В свою очередь управление состоянием обеспечивает высокую работоспособность, а в сочетании с самовоспитанием активной жизненной позиции, целеустремленности и сильной воли обеспечивает высокую производительность труда.

Метод СОЭВУС не требует какой-либо предварительной специальной подготовки для его применения. Настрои можно усваивать без всяких ограничений в возрасте от 16 лет и старше. Лишь специальный настрой на преодоление ночного недержания мочи рассчитан на детей.

По своей сущности целительные настрои Сытина являются методом психокоррекции соматических структур: при язвенной болезни желудка восстановление слизистой идёт не рубцеванием, как обычно, а путём эпителизации, так что после заживления на слизистой не остаётся следов и т.д. Данный метод проходил неоднократные проверки в различных организациях по поручению Минздрава СССР. По результатам клинических испытаний метод СОЭВУС рекомендован к внедрению в практику врачей-психотерапевтов.

Данным методом Сытин Г.Н. излечивает шизофрению, болезнь Миньера, нервный тик и другие заболевания, которые трудно поддаются лечению.

Некоторые настрои написаны в двух вариантах, чтобы человек мог выбрать наиболее подходящий. Исцеляющие настрои метода нельзя редактировать. При переводе на другой язык очень важно сохранить авторские знаки препинания. Для удобства пользования и усвоения тексты настроев можно прочитывать про себя, проговаривать вслух или прослушивать в звукозаписи в любое время дня. Каждому из нас необходимо иметь полный комплект настроев в тексте.

В целях профилактики заболевания и перестройки организма на долготелную жизнь необходимо приучать людей к усвоению настроев как мож-

но с более раннего возраста. Оказывать в этом помощь новым поколениям должна вся система воспитания и обучения в стране. Наиболее важные настроения полезно систематически передавать по радио, по телевидению, печатать в газетах, например, настрой на устойчивость в жизни, на здоровый образ жизни, на долголетнюю жизнь и другие. Эффективность применения метода СОЭВУС велика. Он даёт прекрасные результаты в развитии всех способностей человека, в повышении его творческой активности, в учёбе, самовоспитании, науке, искусстве, на производстве".

- Принцип построения сытинских настроев. "Основа метода – настрой, которые разработал Георгий Николаевич Сытин (настрой Сытина). Их построение отличается от всех до сих пор известных молитв, заговоров, текстов, используемых в психотерапии. Специфика структуры и смысловое содержание отдельных формул настроев обеспечивают их высокую эффективность, поэтому редактировать их нежелательно (снижается эффективность применения). Настрои базируются на смысловых элементах, впервые созданных и поэтому до сих пор неизвестных.

Содержание настроя при усвоении должно быть приятно человеку. Слова и целые фразы, которые ему не нравятся, желательно исключить из настроя. Все словесные формулировки должны быть понятными, образными, формирующими яркое представление.

Настрой должен включать выражения типа: "Я стараюсь как можно отчётливей почувствовать". Этот приём подключает в работу нужные чувства. Или это могут быть выражения типа: "Я стараюсь приложить усилия, чтобы как можно отчётливей почувствовать". Этот приём активизирует влияние волевых усилий. Настрой должен включать словесные формулы, отражающие системы жизненно важных отношений человека, например: "Я люблю жену, детей, я буду стараться приносить им как можно больше радости и счастья", или "Я буду упорно работать над собой, чтобы людям было приятно со мной общаться".

Психологические настрои Сытина, как правило, должны основываться на положительных утверждениях, например: "У меня сильная воля". Нельзя пользоваться такими выражениями: "У меня голова не болит", "У меня не больное сердце", так как они оказывают отрицательное влияние. Настрой следует основывать на подавлении сомнений: "Подавляю все сомнения в том, что у меня здоровое молодое сердце". Г.Сытин разрабатывал лечебные тексты в период увлечения всей страной повальным упоминанием Господа всуе, поэтому он так часто упоминается в текстах настроев. Если Вы по каким-либо причинам не принимаете этого, скопируйте эти настрои в текстовый редактор и путём массовой автозамены удалите мешающие Вам словосочетания".

- **Сытинские настрои – введение**

"В наше время уже многим людям известно о целебных словах доктора Георгия Николаевича Сытина (в просторечии — сытин настрои). Его собственный метод, разработке которого он посвятил более 40 лет жизни, называется по-научному СОЭВУС (метод словесно-образного, эмоционально-волевого управления состоянием человека). СОЭВУС — комплексный метод управления состоянием человека, заключающийся в речевом управлении его психическим и соматическим состоянием. А проще говоря — настрои. У этих настроев очень большой диапазон воздействия. С помощью слов, их повторения в совершенно определённом ритме, вначале создаётся, а после усиливается и закрепляется определённое настроение. СОЭВУС — это концентрат добрых слов. А добрые слова могут творить только добрые дела...

У вас нет болезней, и кажется, что метод доктора Сытина вам не нужен? Тогда вам полезно знать, что метод СОЭВУС, лечебные настрои Сытина — уникальное средство и для поддержания жизненного тонуса организма на долгие годы. <...>

Руководитель московского Центра психологической поддержки Георгий Сытин поставил перед собой задачу помолодеть — и отлично справился с ней! Учёные Академии медицинских наук, обследовав профессора, определили, что в 75 лет его организм функционирует на уровне 30-40 лет. При этом Сытин применял только самовнушение. Он садился перед видеокамерой и 45 минут проговаривал текст настроя на омоложение разных систем организма".

● "Что представляют из себя и на чём основано лечение и омоложение настроениями Сытина. Слово обладает способностью многостороннего комплексного раздражителя, то есть способностью оказывать на кору мозга весьма мощное общее и специальное воздействие, в частности, вызвать у человека сильнейшую эмоциональную реакцию. Внушающее слово в гипнотических опытах, как правило, вызывает внутреннее (по утверждению И.П.Павлова, охранительное) торможение, благодаря чему снимаются барьеры для некритического восприятия словесного содержания внушения. Примерно то же самое происходит в системе аутотренинга, когда релаксация размягчает сознание, ослабляет волю, оставляя открытую дверь лишь к эмоциям человека.

Наша методика, напротив, ориентирована на словесно-образную эмоционально-волевою активность личности. В этом её безусловная новизна и неоспоримое преимущество. Сходство нашей методики с традиционной релаксацией состоит лишь в том, что в обоих случаях наблюдаются повторения словесных воздействий. Однако это лишь внешнее сходство обеих методик. В действительности, если обычная релаксация гасит активность личности, то наша методика СОЭВУС, наоборот, рассчитана на эффект, основанный на эмоционально-волевой активности личности.

В метод СОЭВУС входят тексты-настрои, теоретические принципы построения настроев, методика усвоения настроев, приёмы самовоспитания и

методика организации самовоспитания школьников. СОЭВУС словесно-образное эмоционально-волевое управление самоубеждением; его основу составляют тексты-настрои, которые строятся так, что формируют у человека определённое представление – образ: "с яркостью молнии своим внутренним зрением вижу себя человеком с сильной памятью; вовлекают чувства: с яркостью молнии чувствую себя человеком смелым-решительным; мобилизуют волю: из всех сил стараюсь активизировать запоминание, прилагаю могучие волевые усилия, создаю великую концентрацию могучих волевых усилий, направляю великую концентрацию могучих волевых усилий на активизацию запоминания, готовлюсь усваивать настрой на развитие памяти на высочайшем уровне волевой активности, на высочайшем уровне психической энергии, в состоянии ярчайшего озарения, в состоянии величайшего вдохновения, резко усиливаю и активизирую мышление, резко повышаю силу мысли, идёт моё активное и материализующее усвоение настроя на развитие памяти. Моё волевое желание усилить память обладает гигантской силой материализации. Мозговые механизмы запоминания резко усиливаются, я запоминаю ярко и твёрдо на длительное время, рождается яркая-твёрдая-сильная память".

Созданная мной система настроев на оздоровление личности включает настрои на управление всеми системами организма, всеми внутренними органами. Эта система включает много настроев на омоложение, которые дают возможность восстанавливать здоровье даже тогда, когда мы имеем дело, казалось бы, с неизлечимыми заболеваниями.

Настрои являются инструментом самоубеждения, причём инструментом безотказным и всемогущим. В отличие от лекарств настрои не имеют срока годности, они никогда не кончаются, как таблетки. Лекарства имеют известные пределы своего воздействия, настрои же не имеют пределов. Легче всего усваивать настрой, если прослушивать его в звукозаписи. Если условий для этого нет, усваивать настрой можно чтением про себя".

- В.Руднев: "Лингвистическая терапия – направление аналитической философии, связанное с техникой психоанализа и рассматривающее анализ языковых проблем, с одной стороны, как лечение языка и, с другой – как терапию самого аналитика. В "Философских исследованиях" Витгенштейн пишет: "Философ лечит проблемы, как болезни".

Логический позитивизм рассматривал традиционную философию с её псевдопроблемами – свободы воли, бытия, сознания, истории – как болезнь языка. Метафизика, говорили логические позитивисты, возникает от неправильного употребления языка или злоупотребления (misusing) неоднозначными и тёмными (vague) выражениями. Задача философа состоит в том, чтобы очистить, прояснить, наконец, вылечить язык от путаницы многозначных наслоений, ведущих к непониманию, заводящих в тупик

(misleading), и построить идеальный логический язык, в котором таким "болезнетворным" выражениям не будет места.

Поздний Витгенштейн называл Фрейда своим учителем. Действительно, многое в методологии философов-аналитиков и аналитиков-психотерапевтов совпадает: прежде всего, анализ неправильностей языка, ошибок речи, чему посвящены, по меньшей мере, две книги Фрейда – "Психопатология обыденной жизни" и "Остроумие и его отношение к бессознательному". В 1930-е годы Витгенштейн читал в Тринити-колледже Кембриджского университета лекции о Фрейде, которые были впоследствии опубликованы его друзьями-учениками вместе с лекциями о религии и эстетике.

В 1953 году философ-аналитик Джон Уиздом выпустил книгу "Философия и психоанализ", которая стала началом нового направления в аналитической философии – лингвистической терапии. Дж. Уиздом полагал, что в процессе анализа языка аналитик подвергает терапии не только язык, но и самого себя, выздоравливает в философском смысле, подобно тому как это происходит в психоанализе (непременным условием для начинающего аналитика было пройти анализ на себе, только после этого он имел право начинать психоаналитическую практику (как сказано в Евангелии (Лк. 4:23): "Врачу, исцелися сам").

Поздние философы-аналитики, как правило, брали одну фразу-проблему – например: "Существуют ли ручные тигры?" (Дж. Э.Мур) или "Как странно, что этот мир существует!" (Л.Витгенштейн) – и "обкатывали" её со всех сторон, обычно не приходили ни к каким утешительным выводам. Во всяком случае, как утверждает Уиздом, вывод аналитика всегда один: язык богаче любого вывода. Поэтому дело, в общем, не в выводе, а в самом процессе анализа, который происходит таким образом, что к концу его в голове аналитика проявляется сама эта сверхценная для него идея сложности языка, несводимости его к тем или иным аналитическим операциям над ним. Чтобы добиться такого результата, философ-аналитик прибегал к тем же приёмам, что и психоаналитик-практик, то есть сочетал утончённую рассудочность на поверхности и глубинную интуитивную аналогичность, как это делает дзэнское мышление.

Так, уже в "Логико-философском трактате" Витгенштейна сочетаются рационализм и мистика, когда важно, как писал В.В.Налимов, не то, что выражено в словах, а то, что стоит за ними, когда слова не доказывают мысль автора, но заставляют задуматься, что же должно находиться в сознании человека, способного мыслить таким образом. Не логика, а симуляция, то есть моделирование логики, сопровождающееся назойливым повторением одних и тех же квазилогических предложений – "мантр", заставляющих зачарованного читателя в какой-то момент перестать думать об этом анализе и погрузиться в некую иную – не логической природы – мен-

тальную стихию и в этот момент осознать, что стоит за словами, понять их невыразимый смысл.

Таким образом, путь философа, исповедующего лингвистическую терапию, таков: от мишуры дискретных логических выводов – к чистоте континуального поствербального опыта".

<...> Для подготовки данной работы были использованы материалы с сайта <http://lib.ru/>

● Заговоры

"Заговоры – это один из самых сильных методов работы магов. Заговоры очень разнообразны, они являются мощными инструментами в разрешении разных проблем, таких как защита дома, лечение различных заболеваний, взаимоотношения между людьми, удача, отвод беды, защита от дурного глаза и так далее. Заговорами пользовались с древних времён, ещё до появления официальной медицины, и они действительно помогают, так как слово имеет силу.

Из словаря славянской мифологии: "Заговор – фольклорный текст магического характера и обряд его произнесения. Заговоры функционируют главным образом в устной форме, однако могут фиксироваться и письменно <...>. Первые фиксации заговоров и близких текстов на русском языке восходят к эпохе Древней Руси <...>. Многочисленные тексты заговоров сохранились в рукописных сборниках и следственных делах о колдовстве 17–18 вв.

Имеются заговоры лечебные (от лихорадки, от сглаза, от зубной боли, от укуса змеи и т.д.), хозяйственные (связанные со скотоводством, разведением скота, земледелием и т.д.), любовные (присушки и отсушки), промысловые (пастушеские, пчеловодческие, охотничьи и т.д.), ситуативные (при зарытии или поисках клада, при собирании целебных трав, при отправлении в путь и т.д.) и др. Направленность заговоров может быть "позитивной" (призванные вылечить человека, обеспечить ему успех, оградить от внешних посягательств) и "негативной" (злокозненные, призванные нанести урон другому человеку, вызвать у него болезнь, наслать порчу)...

Мифический сюжет заговора развёртывается, как правило, в особом пространстве – в центре мира, на острове среди моря-океана, на камне Алатыре, возле священного дуба. Характерны для заговора обращения к звёздам, зорям, деревьям, к природным стихиям, к мифическим существам <...>. В качестве исполнителя заговора может выступать само лицо, заинтересованное в его успехе, или знахарка, колдун, к которым обращались за помощью. Заговоры от детских болезней произносила или мать ребёнка, или баба-повитуха, или специально приглашённая для этого соседка, или знахарка. Несложными заговорами от бородавок, от ушиба, от кровотечения, при встрече с волком и т.п. владел каждый человек.

Произнесение заговора обставлялось как определённый ритуал, причём значимым было, кто и каким образом произносил заговор, а также вся обстановка, в которой это происходило. Как правило, заговоры шептали, не проговаривая отчётливо слова, при этом совершали действия, имеющие символический смысл: крестились, сплёвывали, обращались к предметам, упоминаемым в тексте и т.д.

Наиболее удачным временем для исполнения заговоров считалась утренняя или вечерняя заря, а место определялось содержанием самого текста, например, заговоры от детской бессонницы, обращённые к курам произносили у куриного насеста. Многие мотивы заговоров непосредственно отражают определённые обрядовые действия, ср. очерчивание магического круга около того или иного объекта и мотив железной или каменной стены до неба, обрядовые действия с замками и ключами, и мотив замыкания заговора, и т.д. Произнесение лечебных заговоров сопровождалось массажем, элементами гипноза, причём больному давали пить "наговоренную" воду, другие снадобья, советовали ему соблюдать те или иные правила и запреты".

- Добро пожаловать на страничку www.3angela.com

"На этой страничке Вы найдёте молитвы и старинные лечебные заговоры. Точнее, из тех лет, когда бабушки лечили больных и безнадежно больных людей при помощи заговоров, молитв и лекарственных растений. У нас вы можете найти заговоры, помогающие от испуга, сглаза, ангины, ячменя, зубной боли, щитовидной железы, от рожи и т.д. А также молитвы Псалом 90-й (Живые помощи), Отче наш, Богородица, Символ веры, Николаю Угоднику. Хочу обратить ваше внимание на то, что всё написанное взято из тетрадок моих бабушек. Поэтому утверждать, что всё абсолютно верно, не берусь. Но заговоры проверены годами и они действительно помогают. Вы, конечно, тоже можете лечить себя или своих близких, если вы имеете достаточно знаний и имеете веру. Но делать это вы должны бескорыстно. Лечение людей заговорами за деньги или использование их в целях наживы не принесёт пользы ни вам, ни тому, кого вы лечите. Эту страничку делаю для всех, верите вы или не верите, по вере нашей и воздастся. Знаю, что у многих от бабушек остались заговоры, буду рада, если пришлёте на мой E-mail, а я опубликую для всех. Всем желаю здоровья, семейного благополучия и мира".

17. НЛП – нейро-лингвистическое программирование

- **Жизнь человека – результат бессознательных программ**

"То, что происходит с человеком, – на 80% результат его неосознанных программ. Эти программы можно находить, менять и создавать новые, удачные.

В числе таких пресуппозиций: Карта – не территория. Мир, который мы воспринимаем, не то же самое, что объективно существующий мир (ав-

тор тезиса – философ Альфред Коржибски). В каждый момент человек совершает лучший выбор из доступных ему при выборе <...> (Прибрам, Галантер и др. о кибернетической регуляции в нервной системе). Разум и тело – элементы единой кибернетической системы. Изменение в одной части несёт за собой изменение в другой. Модель мира другого человека может в корне отличаться от моей. Модель мира каждого человека уникальна, и все субъективные модели одинаково верны (или неверны). Смысл коммуникации заключается в реакции, которую она вызывает. За любым поведением стоит исходно позитивное намерение. Вселенная сфера дружественная и изобильна ресурсами. У людей уже есть все необходимые им ресурсы для удовлетворения всех своих намерений. Нет неудач, есть только обратная связь. Человек – не его поведение. И др. <...>

Большинство из них происходят из идеи Альфреда Коржибски и Грегори Бейтсона относительно того, что карта не есть территория, множественные описания действительности обеспечивают возможность выбора и гибкость, что позволяет эффективно организовать личные ресурсы (состояния, цели и убеждения), чтобы изменить себя и получить желаемый результат. <...>

Разработчики НЛП, Ричард Бендлер и Джон Гриндер, объясняют, что в нейролингвистическом программировании воплощены идеи Коржибски относительно того, что наши карты, или модели, мира являются искажёнными репрезентациями ввиду особенностей нейрологического функционирования и ограничений, связанных с ним. "Информация о мире получается рецепторами пяти чувств и затем подвергается различным нейрологическим трансформациям и лингвистическим трансформациям даже до того, как мы впервые получаем доступ к этой информации, что означает, что мы никогда не переживаем на опыте объективную реальность, не изменённую нашим языком и нейрологией". <...>

Альтернативой саентологии является нейро-лингвистическое [программирование] (НЛП), хотя, как и в других случаях, рассмотренных ниже, в ней содержится больше неявно выраженной религиозности. <...> Вероятно, [в НЛП] присутствуют некоторые схожие моменты со школами восточного мистицизма. Например, в кратких биографиях тренеров НЛП всегда упоминаются имена людей, у которых они обучались. Не являясь религиозной системой per se, эта программа может рассматриваться как аналогичная новым религиям восточного происхождения, восходящим в своей истории через вереницу гуру, и эзотерическим движениям, заявляющим о праве называться аутентичными благодаря своему происхождению из предшествующих движений. <...>

"НЛП имеет мало общего с нейрологией, лингвистикой или даже респектабельной поддисциплиной нейролингвистикой". <...> НЛП достигло

нечто вроде культового статуса, когда оно может быть ничуть не более, чем очередная психологическая причуда (Sharpley, 1987). <...>

Всё, что мы собираемся вам здесь сказать – это ложь. Поскольку у вас нет требований к истинным и точным понятиям, на этом семинаре мы постоянно будем вам лгать. Между точными и другими учителями существует лишь два различия. Первое: мы на наших семинарах в самом начале предупреждаем, что всё, что мы скажем, будет ложью, а другие учителя этого не делают. Большинство из них верит в то, что провозглашает, не осознавая искусственности своих утверждений. Второе отличие состоит в том, если вы будете действовать так, как будто наши утверждения действительно истинны, то убедитесь, что они работают.

Существует множество вещей, которые мы не можем сделать. Если вы сможете запрограммировать себя так, чтобы найти в этой книге что-то полезное для себя вместо того, чтобы искать случаи, где наш метод не находит применения, то вам непременно встретятся такие случаи. Если вы будете честно использовать этот метод, то обнаружите множество случаев, где он не срабатывает. В этих случаях я советую использовать что-нибудь другое".

● **Джозеф О'Коннор, Джон Сеймор.** Введение в нейролингвистическое программирование. Новейшая психология личного мастерства.

"В результате получилось Нейролингвистическое программирование – громоздкое словосочетание, за которым скрываются три простые идеи. Часть "Нейро" отражает ту фундаментальную идею, что поведение берёт начало в неврологических процессах видения, слушания, восприятия запаха, вкуса, прикосновения и ощущения. Мы воспринимаем мир через пять своих органов чувств, мы извлекаем "смысл" из информации и затем руководствуемся им. Наша неврология включает в себя не только невидимые мыслительные процессы, но и наши видимые физиологические реакции на идеи и события. Одно просто является отражением другого на физическом уровне. Тело и разум образуют неразделимое единство, человеческое существо. "Лингвистическая" часть названия показывает, что мы используем язык для того, чтобы упорядочивать наши мысли и поведение и чтобы вступать в коммуникацию с другими людьми. "Программирование" указывает на те способы, которыми мы организуем свои идеи и действия, чтобы получить результаты. НЛП имеет дело со структурой субъективного опыта человека: как мы организуем то, что видим, слышим и ощущаем, и как мы редактируем и фильтруем с помощью органов чувств то, что получаем из внешнего мира. НЛП также исследует то, как мы описываем это в языке и как мы действуем – намеренно или ненамеренно – чтобы получить результат. <...>

Мы используем свои органы чувств для восприятия внешнего мира, его исследования и преобразования. Мир представляет собой бесконечное разнообразие всевозможных сенсорных проявлений, но мы способны воспри-

нимать лишь очень малую часть этого разнообразия. И та часть, которую мы воспринимаем, фильтруется нашим уникальным опытом, культурой, языком, убеждениями, ценностями, интересами и предположениями. Каждый из нас живёт в уникальной реальности, построенной из своих сенсорных впечатлений и индивидуального опыта жизни, и мы действуем, опираясь на то, что мы воспринимаем – на нашу модель мира.

Мир настолько широк и богат, что мы вынуждены упрощать его, чтобы осмыслить. Составление географических карт – хороший пример того, как мы осмысливаем внешний мир. Карты имеют избирательный характер: они как несут в себе информацию, так и упускают её, но они оказываются бесценными помощниками при исследовании территории. Какого рода карту вы составляете, зависит от того, что вы замечаете и куда вы хотите идти.

Карта – это не территория, которую она описывает. Мы обращаем внимание на те аспекты мира, которые нас интересуют, и игнорируем другие. Мир всегда богаче, чем те идеи, которые мы имеем относительно его. Фильтры, которые мы накладываем на наше восприятие, определяют мир, в котором мы живём. Рассказывают историю о Пикассо, к которому обратился незнакомец и спросил его, почему тот не рисует вещи такими, какие они есть на самом деле. Пикассо выглядел озадаченным. "Я не вполне понимаю, что вы имеете в виду", – ответил он. Мужчина достал фотографию своей жены. "Посмотрите, вот как здесь, – сказал он. – Именно так выглядит моя жена на самом деле". Внешний вид Пикассо выдавал сомнение. "Она очень маленькая, не правда ли? И слегка плоская?"

Художник, лесоруб и ботаник, прогуливаясь по лесу, получают весьма отличающиеся друг от друга переживания и заметят самые разные вещи. Если вы будете идти по миру, отыскивая мастерство, то вы найдете мастерство. Если вы пойдете по миру, отыскивая проблемы, то вы найдете проблемы. Арабская поговорка гласит: "Как выглядит кусок хлеба, зависит от того, голодны вы или сыты". Очень узкие убеждения и интересы сделают восприятие мира скучным, предсказуемым и безрадостным. Тот же мир может стать наполненным и возбуждающим. Различие лежит не в самом мире, а в тех фильтрах, через которые мы его воспринимаем.

У нас есть множество естественных, полезных и необходимых фильтров. Язык – это фильтр. Это карта наших мыслей и переживаний, отделённая от реального мира. Задумайтесь на мгновение, что означает для вас слово "красота". Несомненно, у вас есть воспоминания и переживания, внутренние картинки, звуки и ощущения, которые позволяют вам понять это слово. В равной степени кто-нибудь другой будет иметь отличающиеся от ваших воспоминания и переживания и будет думать об этом слове другим способом. Кто из вас прав? Оба правы, и каждый в пределах своей собственной реальности. Слово – это не переживание, которое оно описывает, и тем не менее люди

будут бороться, а иногда даже умирать, веря в то, что географическая карта это и есть территория. Наши убеждения тоже действуют как фильтры, вынуждая нас поступать определённым образом и обращать внимание на одни вещи в ущерб другим. НЛП предлагает некоторый способ думать о самих себе и об окружающем мире, оно само является фильтром. Чтобы применять НЛП, вы не обязаны изменять свои убеждения или ценности, вам просто нужно быть любопытным и готовым к эксперименту. <...>

Мы способны сознательно ухватить лишь очень маленький кусочек из того объёма информации, который мир предлагает нам, неосознанно мы реагируем и замечаем значительно больше, чем осознаём. Наше сознание весьма ограничено и оказывается способным сохранять следы максимум семи переменных (или кусков информации) в любой момент времени.

Эта идея была подчёркнута в 1956 году американским психологом Джорджем Миллером в классической статье "Магическое число семь, плюс-минус два?" Эти куски информации не имеют фиксированных размеров, они могут быть чем-то вроде Управления автомобилем или наблюдения в зеркало заднего вида. Один из способов, которым мы учимся, состоит в сознательной организации маленьких кусков поведения и в объединении их во всё более и более значительные куски таким образом, чтобы они стали привычными и бессознательными. Мы формируем привычки и тем самым освобождаем себя для того, чтобы замечать другие вещи. <...>

Итак, наше сознание ограничено семью, плюс-минус два, кусками информации либо из внутреннего мира наших мыслей, либо из внешнего мира. Напротив, наше подсознание – это все жизнеобеспечивающие процессы нашего организма, всё то, чему мы уже научились, наш прошлый опыт и всё то, что мы могли бы заметить, но не замечаем в настоящий момент. Подсознание является значительно более осведомлённым, чем сознание. Идея постижения бесконечно сложного мира с помощью сознательного разума, который может охватить лишь около семи единиц информации, является очевидно смехотворной.

Понятия сознательного и неосознаваемого являются центральными для рассматриваемой модели того, как мы учимся. В НЛП нечто считается сознательным, если это в настоящий момент осознаётся, как, например, это предложение прямо сейчас. Неосознанным считается то, что в настоящий момент не осознаётся. Окружающие звуки, которые вы можете слышать, были, вероятно, неосознанными до тех пор, пока вы не прочитали это предложение. Воспоминание о том, как вы в первый раз увидели снег, почти наверняка находится вне вашего сознания. Если вы когда-нибудь помогали ребёнку учиться кататься на велосипеде, то вы поймете, насколько неосознанным стало это умение в вас самих. Мы живём в культуре, которая поддерживает убеждение о том, что большую часть того, что мы делаем, мы

делаем сознательно. И тем не менее, большую часть из того, что мы делаем, – и то, что мы делаем наилучшим образом, мы делаем неосознанно.

Чтобы прожить свою жизнь так, как вам хочется, вам следует знать, чего вы хотите. Быть эффективным в этом мире означает добиваться тех результатов, которые вы выбираете. Первый шаг, таким образом, состоит в том, чтобы выбрать. Если вы не сделаете этого, то найдётся масса людей, желающих сделать это за вас.

Коммуникация – это значительно больше, чем те слова, которые мы говорим. Они составляют лишь малую часть того, что мы выражаем как человеческие существа. Исследования показывают, что во время презентации перед группой людей 55% воздействия определяется языком ваших телодвижений: позы, жесты и контакт глазами, 38% определяется тоном вашего голоса и лишь 7% – содержанием того, о чём вы говорите (М.Арджайл и др., в Британском журнале социальной и клинической психологии, т.9, 1970, с. 222-231).

Точные цифры будут различными в разных ситуациях, но язык телодвижений и тон голоса вносят огромные различия в силу воздействия и смысл того, о чём мы говорим. Различие создаётся не тем, что мы говорим, а тем, как мы это говорим. Маргарет Тэтчер затратила уйму времени и усилий на то, чтобы изменить свой голос. Тон голоса и язык телодвижений определяют, будет ли слово "привет" звучать как простое приветствие, как угроза, как подавление или как очаровательное восклицание. Актёры на самом деле работают не со словами, они оттачивают тон голоса и язык телодвижений. Любой актёр должен уметь передать по крайней мере дюжину различных оттенков смысла в слове "нет". Каждый из нас выражает множество оттенков смысла в ежедневных разговорах и, вероятно, имеет дюжину различных способов сказать "нет", только мы не думаем об этом сознательно.

Если слова являются содержанием сообщения, то позы, жесты, выражение лица и тон голоса представляют собой контекст, в который помещаются сообщения, а вместе они образуют смысл коммуникации. Мы постоянно используем наши коммуникационные умения, чтобы оказывать влияние на людей; терапия, менеджмент и образование включают в себя умения общаться и оказывать влияние на людей. Существует парадокс: никого не беспокоит обучение неэффективным умениям, в то же время эффективные умения могут быть признаны порочными, и им может быть присвоен ярлык манипуляции. Манипуляция несёт негативную коннотацию, как будто вы оказываете давление на человека, чтобы сделать что-то против его интересов.

Это абсолютно неверно по отношению к НЛП. НЛП – это способность эффективно взаимодействовать с другими людьми и способность понимать

и уважать их модели мира. Коммуникация – это замкнутый цикл: то, что вы делаете, оказывает влияние на другого человека, а то, что он делает, оказывает влияние на вас, – это не может происходить иначе. Вы можете взять на себя ответственность за свою часть в этом цикле. Вы уже оказываете влияние на других людей, единственный выбор заключается в том, осознавать или не осознавать тот эффект, который вы производите. Единственный вопрос: можете ли вы влиять на людей, сохраняя целостность и прямоту? Согласуется ли это влияние с вашими ценностями? Техники НЛП являются нейтральными. Как и в случае управления автомобилем, их использование и применение зависит от мастерства и намерении человека, сидящего за рулём управления.

Слова несут в себе огромную силу. <...>НЛП – это искусство коммуникации: изящное, доставляющее удовольствие и очень эффективное.

<...> ВОССТАНОВЛЕНИЕ СМЫСЛА СЛОВ – МЕТА-МОДЕЛЬ

Хорошие коммуникаторы используют достоинства и недостатки языка. Способность точно употреблять те или иные обороты является существенной для профессионального коммуникатора. Умение использовать точные слова, которые будут иметь смысл в карте мира другого человека, и точно определять, какой смысл вкладывал человек в те слова, которые он употребил, является бесценным умением в коммуникации.

НЛП содержит весьма полезную карту воздействия языка, которая будет предохранять вас от таких коммуникаторов, как Шалтай-болтай, и не позволит вам стать одним из них. Эта карта языка называется метамоделью в литературе по НЛП. Слово "мета" пришло из древнегреческого языка и означает "выше" или "над", или "на другом логическом уровне". Метамодель использует язык для того, чтобы сделать язык более ясным, она предохраняет вас от заблуждения в том, что вы понимаете смысл слов, она восстанавливает связь между языком и опытом.

СКАЗАТЬ ВСЁ. ГЛУБИННАЯ СТРУКТУРА

Чтобы понять метамодель, которая является инструментом для более полного понимания того, что люди говорят, нам следует рассмотреть, как мысли превращаются в слова. Язык никогда не сможет воздать должное скорости, разнообразию и чувствительности нашего мышления. У говорящего может быть полная и завершённая идея того, что он хочет сказать, лингвисты называют её глубинной структурой. Глубинная структура не принадлежит сознанию. Язык проникает на весьма глубокие уровни нашей неврологии. Мы сокращаем эту глубинную структуру, чтобы выразиться ясно, и то, что мы на самом деле говорим, называется поверхностной структурой. Если бы мы не сокращали эту глубинную структуру, разговор стал бы ужасно длительным и педантичным. Если кто-то спросил вас, как пройти к ближайшему госпиталю, то он вряд ли будет благодарен вам за ответ,

содержащий трансформационную грамматику. Чтобы перейти от глубинной структуры к поверхностной, мы неосознанно делаем три вещи.

Во-первых, мы отберём лишь некоторую часть информации, имеющейся в глубинной структуре. Большая часть информации будет упущена. Во-вторых, мы дадим упрощённую версию, которая неизбежно будет искажать смысл. В-третьих, мы будем обобщать. Перечисление всех возможных исключений и условий может сделать разговор слишком громоздким.

Чтобы перейти от глубинной структуры к поверхностной, мы обобщаем, искажаем и упускаем часть информации, когда высказываем свою идею другим. Метамодель представляет собой серию вопросов, цель которых – повернуть вспять и разгадать упущения, искажения и обобщения языка. Эти вопросы имеют целью восполнить утраченную информацию, восстановить структуру и извлечь специфическую информацию, чтобы придать смысл коммуникации. Стоит помнить, что ни один из следующих паттернов сам по себе не является плохим или хорошим. Все зависит от контекста, в котором они используются, и от последствий их применения.

● **Магия влияния:** Особенности психологического воздействия НЛП. Продолжение тем "Паутина НЛП" и "Свет и тень НЛП".

С.А.Мегентесов. "Лингвистические аспекты психического воздействия и приёмов манипуляции". – Краснодар, 1997. "...психотерапевт может применять методы лингвистического воздействия, направленные на разрушение болезненной языковой установки. Направление, занимающееся исследованием и разработкой преимущественно терапевтических методов суггестивного воздействия, в настоящее время получило название "нейролингвистическое программирование" (НЛП) <...>".

"<...>(следует отметить, цели терапевтического применения суггестивного воздействия во многом прямо противоположны таковому в политической, идеологической, коммерческой и т.д. сферах, в связи с чем обозначение указанного направления как "программирование" является не совсем корректным. Терапевт, как правило, ставит задачу освободить пациента от негативных программ и установок, то есть, скорее "распрограммировать" его)".

"Включение специалистов-языковедов в изучение феномена суггестии тем более необходимо, что, например, психотерапевты, разрабатывающие в своих целях методы нейролингвистического программирования (НЛП), как правило, не отдают себе отчёта в лингвистических особенностях суггестивных текстов. Поиск лингвистических форм, способных вызвать то или иное эмоциональное состояние, обычно осуществляется ими интуитивно".

"Одной из наиболее частных целеустановок процедуры гипнотического воздействия является установление так называемого раппорта – состояния особого контакта между гипнотизером и пациентом, при котором последний чрезвычайно чутко реагирует на слова гипнотизера".

"Как указывалось выше, основным условием достижения суггестивного эффекта посредством языка является воздействие на подсознание человека. В соответствии с этим тексты, рассчитанные на такое воздействие, строятся, как правило, таким образом, чтобы "обмануть", усыпить, нейтрализовать сознание, обойти контроль "критического разума" и второй сигнальной системы. Этого можно достигнуть различными способами: отвлечением внимания сознания на нечто броское, но не существенное с точки зрения планируемой конечной цели (подобно тому, как иллюзионист отвлекает внимание публики какой-либо эффектной деталью, в то время как сам проделывает в этот момент трюк, остающийся незамеченным)".

"В языковом плане манипулятивная личность прежде всего характеризуется определенными сценариями общения, в которых доминируют установки на достижение тех или иных преимуществ. Если это не прямая korzyсть, то хотя бы психологическая выгода: самоутверждение, самолюбование, возвышение за счёт другого".

Карнеги: Правило 3. Имя человека – самый сладостный и самый важный для него звук на любом языке. Однако наше различие в подходе заключается в том, что Вы сами берёте на себя функцию манипулятора. "Параллельный пассажизм", как я уже писал, в этом плане объединяет суггестора и объект воздействия в одно лицо.

Таким образом, исчезает сам факт насилия над личностью, и уж тем более невозможна никакая манипуляция ею. Мало того, подобный метод развивает личность, укрепляет волю, открывает путь к личному творчеству, в то время как чужая "рука", вторгшаяся в "душу" нуждающегося в помощи, закрывает для него эти возможности. С уважением, П.Веденин".

18. Письменность: интерпретация и герменевтика

● Текст как явление культуры.

1. Знаковые системы записи.

"< > Важнейшие из них – письма, системы записи знаков естественного языка, устной речи. К этому типу знаковых систем также относятся нотная грамота, способы записи танца и т.п. Особенностью знаковых систем этого типа является то, что они возникают на базе других знаковых систем – разговорного языка, музыки, танца, – и вторичны по отношению к ним.

Изобретение знаковых систем записи – одно из величайших достижений человеческой мысли. Особенно большую роль в истории культуры сыграло возникновение и развитие письменности. Можно сказать без преувеличения, что только её создание позволило человеческой культуре выйти из начального, примитивного состояния. Без письменности было бы невозможно развитие науки, техники, искусства, права и т.п. и т.д.

В древности письменность казалась людям удивительным чудом, поэтому её считали даром богов. "У вавилонян письмо изобрел бог Набэ – покровитель наук и писец богов... В китайских легендах изобретателем письменности считался либо Фу-си – основоположник торговли, либо мудрец Цан цзе с ликом четырехглазого дракона. По представлению древних евреев, у них, помимо более позднего "человеческого" письма (Исход, 8,1), некогда имелось более древнее "божественное" письмо (Исход, 21,18). По исламской традиции, сам Бог был создателем письменности. С точки зрения мудрецов им был Брахма: считалось, именно он дал людям знание букв. Скандинавская сага приписывает ей изобретение рук Одину, а в ирландских легендах изобретателем письма является Огме. <...>

Письменность позволяет обществу транслировать информацию, количество которой намного превосходит объём памяти одного человека. Возникают библиотеки, выполняющие функцию хранения знаний и делающие его доступным для грядущих поколений. Снимаются временные и пространственные границы общения: становится возможной коммуникация между людьми, живущими на больших расстояниях друг от друга и в разное историческое время. Это позволило многое узнать о жизни давно исчезнувших народов – древних египтян, греков, восстановить через несколько веков после гибели Римской империи и положить в основу европейской юриспруденции римскую систему права. <...>

2. Тексты и их интерпретация.

< > Как мы уже отмечали, всякое явление культуры есть сочинённый людьми с помощью знаковых систем текст. Текст – это плоть и кровь культуры. Но любой текст – в виде вещи ритуала, художественного произведения, речи и т.д. – представляет собой нечто такое, что подлежит прочтению и пониманию. Как только это будет сделано, сразу встает вопрос: правильно ли текст прочитан и понят? Таким образом, каждый раз нам приходится, сталкиваясь с каким-либо культурным явлением, решать две задачи: как его понять и как проверить правильность его понимания. Но необходимо сказать, что однозначного решения эти задачи не имеют. <...>

Читатель и автор – совершенно разные неповторимые личности, поэтому читательская интерпретация текста в принципе никогда не может совпасть с авторской. Существенное значение при этом имеет также различие культурных контекстов, в которых воспроизводится данный текст. Когда читатель знакомится с текстом – например, у него возникает "избыточное видение": он знает то, что создатель этого произведения знать не мог. Поэтому он способен к какой-то иной и в чём-то, возможно, даже более глубокой интерпретации того, что автором сказано. Как пишет М.М.Бахтин, древние греки не знали о себе самого главного, что они древние. Но та дистанция во времени, которая превратила их в древних греков, имеет огром-

ное культурное содержание: она наполнена постепенным раскрытием в произведениях античной культуры всё новых и новых смысловых регистров, о которых сами творцы этих произведений ничего не знали. <...>

Текст, попадая в новый историко-культурный контекст, наполняется новым смыслом, отличным от того, какой он имел во время его создания. "Каждый век, приобретая новые факты, приобретает и новые глаза" (Гёте). Новыми глазами многое видится иначе. Таким образом, понимание произведений культуры меняется от эпохи к эпохе. Оно никогда не может быть окончательным, единственно верным. Но не существует и единственно правильной их интерпретации. <...>

Конечно, в научных текстах свобода интерпретации гораздо меньше, чем в художественных. Как правило, учёный стремится уложить свою мысль так, чтобы его поняли однозначно. Особенно заметна разница между тем, как воспринимают научный труд, написанный в прошлом, современники автора и последующие поколения специалистов. Одно дело, когда научный текст читается в рамках тех знаний, на фоне которых он был создан, и совсем другое – когда он видится в свете иного уровня знаний, достигнутого позже: "наука постоянно" пересматривает "своё прошлое". < >

Что же касается искусства, то здесь свобода интерпретации несравнимо больше, чем в науке. Художественный текст обращён не только к разуму, но и к чувству. В нём обязательно должен быть "подтекст", не выражаемый в явной форме смысл. В конкретном материале, в описании единичного случая, художник воплощает замысел, имеющий более общее значение. Поэтому в произведении искусства всегда остаётся что-то недосказанное. Если бы художник просто явным образом сформировал в общем виде мысль, которую он воплотил в своём творении, то это был бы уже не художественный текст, а абстрактно-теоретическое рассуждение. < >

Заключение. Любой текст, будь то художественное произведение, картина, скульптура, что-либо произведённое человеком – это всегда явление культуры. Читаем ли мы книгу, рассматриваем ли картину, смотрим ли фильм, мы сопереживаем герою, пытаемся понять, что вложил автор в это произведение, чего хотел добиться этим. И если мы способны к сотворчеству, то, может быть, увидим в нём, этом тексте, новые, ещё никем не найденные аспекты. <...>

Понимать какую-либо культуру – значит понимать её семиотику, уметь устанавливать значение используемых в ней знаков и расшифровывать тексты, составленные из них. Под словом "текст" в культурологии понимается не только письменное сообщение, но любой объект (художественное произведение, вещь, обычай и т.д.), рассматриваемый как носитель информации.

< > Текст – это культурные явления, несущие информацию и смысл. < >

Каждому человеку более ли менее понятна семиотика его родной культуры. Но гораздо хуже обстоит дело с чужими культурами. Чтобы научиться улавливать значения, смысл её знаков и текстов, требуется много усилий, и всё же редко кому удастся достичь того же уровня, на котором находится понимание родной, знакомой с детства культуры. Язык любой культуры своеобразен и уникален. Но во всех культурах используются одни и те же типы знаковых систем. Поэтому знать их необходимо для понимания любой культуры". < >

• Ф.К.Урузбакиева. Деконструкция и интерпретация в американской философии.

"В течении последних 30 лет появилось большое число текстов, носящих подпись "Жак Деррида". Тексты Дерриды, в свою очередь, вызвали к жизни настоящий поток других текстов, что естественно природе текстов, особенно тех, которые называются "текстами деконструкции". Тексты требуют чтения, и читать текст значит, в сущности, производить другой текст. И этот бесконечный процесс называют интерпретацией. Все мы как человеческие существа непрерывно вовлечены в процесс интерпретации (и таким образом в дело производства текста), до тех пор пока мы, как мыслящие существа, склонны к коммуникации и ищем понимания. Как сказал Итало Кальвино словами своего героя мистера Паломера в одноименном романе: "Не интерпретировать невозможно, так как не думать невозможно". С другой стороны, собственные тексты Дерриды сами являются в большинстве интерпретациями текстов других. Его интерпретации других текстов являются, сверх того, "активными интерпретациями", т.е. теми, которые бросают вызов привычным прочтениям текстов западной традиции.

<...> сам Деррида утверждал, что существуют принуждения к чтению ("...кто-то должен признавать и уважать классические необходимости"). И хотя он утверждает, что "чтение есть трансформация", он полностью признает, что эта "трансформация не может быть осуществлена как бы ни хотел кто-то", и что требуются "протоколы чтения". Как известно, любому опытному читателю, несмотря на то, что хороший текст всегда будет иметь многочисленные значения, он не может означать всё вообще. Если значения текста не были решены в той или иной степени, можно даже не начинать "деконструировать" его.

Книга без читателя – это не более чем бумага с нанесённой на неё краской. "Война и мир", равно как и записанные на бумаге принятыми у нас символами уравнения Максвелла, перестанет быть "фактом", когда во вселенной не останется разумных существ, способных эту писанину расшифровать и понять".

• **ГЕРМЕНЕВТИКА: происхождение термина "герменевтика"**

"Вопрос Гадамера: как мы понимаем текст?"

Согласно Хайдеггеру, человек заброшен в мир, он изначально находится среди сущего, он заинтересован им и вместе с тем озабочен, испытывает чувство неопределенности, страха перед неведомым и прежде всего в силу своей конечности, смертности. Понимание предполагает практическое действие, но оно с той же необходимостью есть выражение субъекта, его выкладка, интерпретация. Но всякая интерпретация имеет языковую, текстуальную форму, в силу чего герменевтика и есть интерпретация текста.

Понять текст — это значит найти в нём ответы на ряд вопросов, определяемых границами вопрошаемого, его образованием, вкусом (эстетическим, например), талантом, традиционностью. Согласно немецкому философу Гадамеру, которого считают основателем современной герменевтики, тщетны попытки видеть смысл текста в сознании его творца (ибо создатель текста сам есть часть мира, к тому же мы хотим познать непосредственно данное, точнее: за-данное для нахождения ответа), у текста нет собственного смысла вне его интерпретации, а в рамках этой интерпретации неуместен субъективный произвол, ибо сам текст не произволен. Итак, понимание достигается в обеспечении слияния горизонтов текста и человека. При этом надо иметь в виду так называемый герменевтический круг. Человек должен понять то, внутри чего он с самого начала находится, круговая зависимость связывает целое и его часть. Мы можем понять текст только как часть целого, о котором у нас есть некоторое пред-понимание до начала интерпретации текста. Наконец, следует учесть, что понимание исторично, преходяще, временно, а это означает изменчивость самих горизонтов понимания. Каждое новое поколение интерпретирует по-своему. Для герменевтики самое главное — это познать суть дела.

Основные положения герменевтики. Соберём воедино главное из предыдущего, перечислим основные положения герменевтики и её термины: • Бытие человека-в-мире. • Соотносительность человека и мира (вещей). • Заброшенность человека в мир, его забота, страх, временность. • Потаённость вещи, её сокрытость. • Философия как вопрошание. • Преодоление потаённости вещи и её самораскрытие как истинность. • Горизонты человека и вещи. • Понимание как слияние границ человека и вещи. • Герменевтический круг. • Понимание как интерпретация на основе образования, вкуса, таланта, вовлечённости в традиции интерпретатора. • Историчность интерпретации. • Сближение герменевтики с поэтикой. • Главное дело человека — понять суть дела".

• Александр Левинтов. Герменевтический круг.

"Проблема герменевтического круга, сформулированная и в принципе решённая около двухсот лет тому назад немецким филологом и теологом Шляйермахером, может быть сформулирована следующим образом: Нельзя понять любой фрагмент текста, не понимая текст в целом, но нельзя понять

текст в целом, не понимая каждого его фрагмента. Настоящая статья – попытка переинтерпретации этого утверждения и, таким образом, расширения понятия герменевтического круга.

И, встав вровень с автором, достигнув его вершин или глубин, мы получаем единственный шанс вступить на одиннадцатый уровень понимания – на уровень интерпретации текста. Интерпретация текста – это понимание и выражение того, что автор не сказал, не смог сказать, недосказал. Интерпретация – недосказанная автором часть текста. Иногда эта часть – коротенькая реплика (девушка, выходя с премьеры пьесы Карамасовых): "Я думала, что будет детектив, а это просто любовная история"), иногда – нечто большее, чем сам текст.

Последним, двенадцатым уровнем понимания является понимание границ собственного понимания и направлений собственного непонимания. Это – развивающее, проблематизирующее понимание, понимание, озарённое всполохами креативности и смены рамок собственного мироздания. Взыскательный вопрос может возникнуть по поводу любого уровня понимания – о жанре, содержании, смысле и так далее; и мы, мобилизованные собственным недоумением, начинаем новое движение по герменевтическому кругу Шляйермахера, зачарованные и обескураженные бесконечностью понимания, благодарные за эти блуждания Водящему нас".

• В.З.Демьянков. Лингвистическая интерпретация текста. "Диалогика символизации и интерпретации в герменевтике П.Рикера. Размышляя о полисемии, двойственности и множественности смыслов, Рикер находит механизм символизации в действии к о н т е к с т а: "Когда я говорю, – пишет Рикер, – я реализую только одну часть потенциального означенного; всё остальное пребывает в тени тотального значения фразы, которая действует как единство речи. Но оставшиеся семантические возможности не уничтожаются, они витают вокруг слов как не полностью уничтоженная возможность; контекст же играет роль фильтра; ...благодаря выборочному или просеивающему действию контекста, мы из многозначных слов составляем однозначные фразы" [28, с.109].

<...> Весьма характерно, что одно из своих важнейших произведений Рикер назвал "Конфликт интерпретаций" [28] и показал в этой книге изначальную и извечную конфликтность – антиномичность различных интерпретаций. Благодаря глубокому анализу проблемы, учёный доказал, что, с одной стороны, именно их "неслиянно-нераздельное" и взаимодополняющее взаимодействие интерпретаций является истоком множественности и различия их смыслов, а с другой стороны, конфликтно-взаимодополняющее взаимодействие является основанием возможности и реальности порождения новых смыслов и нового бытия. Тем самым герменевтическая концеп-

ция и парадигма конфликта интерпретаций становится герменевтической концепцией и парадигмой диалога интерпретаций".

- "Язык художественного текста – это особая знаковая система, которая характеризуется неоднозначностью семантики и множественностью интерпретаций. Словесные знаки здесь используются в их вторичном значении" (Турева З.Я. Лингвистика текста. – М., 1986; с. 13).

- Одним из средств художественной интерпретации текста является литературный перевод.

- Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста. Изд.5. 2010. 128 с.

"Научный текст и – шире – научная коммуникация является одной из наиболее востребованных сфер человеческой деятельности и познания с точки зрения исследовательского интереса. Это наиболее значимая форма коллективного взаимодействия специалистов разных областей знания и разной языковой принадлежности. Это также и наиболее значимая форма коммуникации в профессиональном обучении иностранным языкам, в том числе при формировании навыков и умений научного перевода. <...>

Основываясь на том, что ведущим текстообразующим фактором в научных текстах является интертекстуальность, отражающая взаимодействие текстов (их фрагментов) в плане содержания и выражения, мы детально рассматриваем различные средства актуализации интертекстуального диалога на всех этапах текстопорождения: при формулировании проблемы (проблемной ситуации), выдвижении идеи, гипотезы, доказательстве и оформлении выводов, прогнозов. <...>

Раздел 1 (вводный). Научный текст как объект лингвистических исследований – проблематика, задачи, основные выводы.

Раздел 2. Стил, текст, дискурс как основные категории современного языкознания. (2.1. Текст как объект лингвистики. 2.2. Стил и текст: соотношение понятий. 2.3. Текст и дискурс: соотношение понятий. 2.4. Научный текст – научный стил – научный дискурс: к уточнению понятий).

Раздел 3. Типы и классы текстов в научной коммуникации (3.1. Типологизация текстов как лингвистическая проблема. 3.2. Проблема разграничения понятий "жанр" и "тип текста" в отечественной и зарубежной лингвистике. 3.3. Тип текста как лингвистическая категория и как единица типологического анализа. 3.4. Критерии текстовой классификации. 3.5. Типы научных текстов. 3.5.1. Научно-популярный текст в системе научной коммуникации).

Раздел 4. Интертекстуальное взаимодействие в языке науки и лингвистические средства его актуализации (4.1. Интертекстуальность как текстообразующий фактор в научной речи. 4.2. Цитация как форма интертекстуального взаимодействия. 4.3. Косвенная речь в научных текстах. 4.4. Фоновая ссылка как сигнал интертекстуального взаимодействия).

Раздел 5. Композиционная организация академического научного текста (на примере монографии и статьи) (5.1. Композиционно-прагматический сегмент как единица композиционной организации академического научного текста. 5.2. Лингвистическая характеристика композиционно- прагматических сегментов).

Раздел 6. Субъект речи и её адресат в научном тексте (6.1. Средства авторизации в научных текстах. 6.2. Средства адресованности к читателю в научных текстах)".

• **Ю.А.Гастев. Большая Советская Энциклопедия (цитаты)**

"Интерпретация (лат. interpretatio), истолкование, объяснение, разъяснение.

1) В буквальном понимании термин "Интерпретация (объяснение)" употребляется в юриспруденции (например, Интерпретация (объяснение) закона адвокатом или судьёй – это "перевод" "специальных" выражений, в которых сформулирована та или иная статья кодекса, на "общежитийский" язык, а также рекомендации по её применению), в искусстве (Интерпретация (объяснение) роли актёром или музыкального произведения пианистом – индивидуальная трактовка исполнителем исполняемого произведения, не определяемая, вообще говоря, однозначно замыслом автора) и в других областях человеческой деятельности.

2) Интерпретация (объяснение) в математике, логике, методологии науки, теории познания – совокупность значений (смыслов), придаваемых тем или иным способом элементам (выражениям, формулам, символам и т.д.) какой-либо естественнонаучной или абстрактно-дедуктивной теории (в тех же случаях, когда такому "осмыслению" подвергаются сами элементы этой теории, то говорят также об Интерпретации (объяснении) символов, формул и т.д.)

Понятие "Интерпретация (объяснение)" имеет большое гносеологическое значение: оно играет важную роль при сопоставлении научных теорий с описываемыми ими областями, при описании разных способов построения теории и при характеристике изменения соотношения между ними в ходе развития познания. Поскольку каждая естественнонаучная теория задумана и построена для описания некоторой области реальной действительности, эта действительность служит её (теории) "естественной" Интерпретацией (объяснением). Но такие "подразумеваемые" Интерпретации (объяснения) не являются единственно возможными даже для содержательных теорий классической физики и математики; так, из факта изоморфизма механических и электрических колебательных систем, описываемых одними и теми же дифференциальными уравнениями, сразу же следует, что для таких уравнений возможны по меньшей мере две различные Интерпретации (объяснения). В ещё большей степени это относится к абстрактно-

дедуктивным логико-математическим теориям, допускающим не только различные, но и не изоморфные Интерпретации (объяснения). Об их "естественных" Интерпретациях (объяснениях) говорить вообще затруднительно. Абстрактно-дедуктивные теории могут обходиться и без "перевода" своих понятий на "физический язык". Например, независимо от какой бы то ни было физической Интерпретации (объяснения), понятия геометрии Лобачевского могут быть интерпретированы в терминах геометрии Евклида (см. Лобачевского геометрия). Открытие возможности взаимной интерпретируемости различных дедуктивных теорий сыграло огромную роль как в развитии самих дедуктивных наук (особенно как орудие доказательства их относительной непротиворечивости), так и в формировании связанных с ними современных теоретико- познавательных концепций".

- Новейший философский словарь / Сост. А.А.Грицанов, 1998.

"ИНТЕРПРЕТАЦИЯ (лат. *interpretatio* – толкование, разъяснение) – когнитивная процедура установления содержания понятий или значения элементов формализма посредством их аппликации на ту или иную предметную область, а также результат указанной процедуры. Проблема И. является одной из фундаментальных проблем гносеологии, логики, методологии науки, философии языка, семиотики, теории коммуникаций и др. <...> В социально-гуманитарной сфере И. выступает как установление значения понятийных вербальных структур и понимается амбивалентно: и как аппликация их на предметные области (например, идентификация формулировок законоположений с индивидуально-конкретной ситуацией в практике юриспруденции), и – вне такой аппликации – как наделение выражений тем или иным смыслом.

Этапы развития И. как методологического приёма в гуманитарной сфере могут быть выделены следующим образом: 1) И. как объективно практикуемая когнитивная процедура, имевшая место уже в античной культуре в рамках истолкования неоплатониками аллегоризма литературных памятников классического наследия; 2) И. как сознательно культивируемый приём, ставший базовым для христианской культуры средневековья, инспирируя её выраженную интенцию на усмотрение знамений в явлениях и символизма в "книге природы" (парадигмальная установка отношения к миру как к тексту), и фактически конституирующий такое её направление, как экзегетика; 3) И. как конституированный метод и эксплицитно поставленная проблема, ставшая ключевой для философской герменевтики, вырастающей из экзегетической традиции именно по линии развития осмысления процедур понимания и И.

Концепция Шлейермахера, сформулированная в рамках экзегетики, является в то же время первым прецедентом в эволюции и философской герменевтики, и концептуального осмысления проблемы И. В качестве предмета И. у Шлейермахера выступает индивидуальный план выражения (в

отличие от плана содержания, который в силу своей объективности не требует специальной процедуры аппликации на предметную сферу). Интерпретационная процедура предполагает, по Шлейермахеру, осуществление как объективной ("лингвистической" или "грамматической") И., так и И. субъективной ("психологической" или "технической").

В философской концепции Дильтея И. герменевтически трактуется как постижение смысла текста, причём смысл понимается как объективно заложенный в текст и связывается с феноменом Автора. В свете этого, И., по Дильтею, предполагает двухэтапное "перемещение" текста: во-первых, аппликация его на "опыт Автора" (как в индивидуально-психологической, так и в культурно-исторической его артикуляции), совмещение текста с узловыми семантическими и аксиологическими значениями этого опыта, и, во-вторых, последующая аппликация его на личный опыт интерпретатора, реконструкция в нём указанных узловых значений. В этом отношении в концепции Дильтея И. тесно смыкается с таким феноменом, как понимание (ср. трактовку понимания в баденской школе неокантианства...).

6. Мысли (фразы) о мысли

1. Идея, мысль, убеждение, мнение, сознание

- "Мнение – субъективная точка зрения отдельного существа? Мысль – объективное направление к истине? Как по-вашему?" [с.Бровин). Лучший ответ: "Мысли формируют мнение. – Похоже. Причём Мысль-Истину можно увидеть в любом мнении. Часто она может быть найдена методом "от противного" – нужно же от чего-то "отталкиваться" (даже от своего прежнего мнения), чтобы найти ТУ самую Мысль".

- Чужое мнение. "Люди – мысли. У каждого своя мысль, своё мнение... но часто у общества они или сходятся или расходятся... но мнение бывает не только о чём-то, но и о ком-то. А важно ли это чужое мнение? Важно ли что думают окружающие о тебе? Когда вы что-то делаете, вы задумываетесь, что об этом подумают другие? Для меня чужое мнение очень важно, и я задумываюсь. – А мне пофиг, что думают остальные, главное мнение моё".

- Мысли... мнения... впечатления. "У женщин же мысль рассеивается в нескольких направлениях, тут же обрабатывает все возможные и невозможные варианты. Это чем-то подобно зрению – мужчины".

- "Ага, именно сводки ОГПУ отражают мысли среднего человека... – А мнения отражают мысли. Так что не понимаю претензию. – Они отражают мнения, отклоняющиеся от "лояльных". – Мысли и мнения лояльных, тем более одобряющих членов общества обычно не слишком интересны "ком-

петентным органам", которые не следует путать с социологическими службами. Это то же, что изучать религиозные взгляды общества в целом по архивам инквизиции. – Данные сводки носили, прежде всего, информационный характер. Карательные санкции это другой, во многом независимый этап. Если вы почитаете сводки, то увидите, что там приводятся всякие мнения, и лояльные и нелояльные, причем масштаб распространенности тех или других можно оценить. Насчёт точности оценки масштаба есть сомнения. Главное же, ОГПУ/НКВД и все другие подобные органы смотрят на общество под слишком узким углом зрения, политико-идеологическим, причём с точки зрения отношения к существующей конкретной власти. Тогда как мироощущение – понятие более широкое".

- Используй преимущество раннего утра. "Именно в это время внутренний голос звучит особенно отчетливо. Я много раз замечала, что если существует проблема, и я никак не могу найти решение, нужно хорошенько подумать о ней перед сном, а затем постараться проснуться как можно раньше. Именно в момент пробуждения, когда разум ещё дремлет и не успел приступить к привычному анализу, внутренний голос его опережает и даёт очень чёткий ответ".

- Займись энергетикой. "В йоге это называется "сидхи". Когда вследствие практики у тебя вдруг открываются необычные способности, и ты можешь слышать свой внутренний голос, а то и "видеть" прошлое и будущее. Единственное, о чём надо помнить, что "сидхи" – ни в коем случае не самоцель. Они даются как награда за практику. То же самое можно сказать про китайскую гимнастику тайцзи. Так же, как и йога, тайцзи прочищает энергетические каналы, способствует накоплению и гармонизации энергии, что и является главным условием так называемой "громкости" нашего внутреннего голоса".

- Попробуй автоматическое письмо. "Есть такая интересная практика – ты садишься за стол, берёшь ручку и лист бумаги, по возможности останавливаешь "внутреннюю болтовню" и начинаешь писать. Сначала из-под твоей руки выходят абсолютно сумбурные каракули, потом более осмысленные фразы и, наконец, ты получаешь тот ответ, который можно считать посланием твоей интуиции. Конечно, в основном, это помогает в том случае, когда у тебя есть время на то, чтобы решить ту или иную проблему и нет необходимости действовать быстро. Но, практикуя этот способ постоянно, можно приблизиться к тому, что в экстренных ситуациях интуитивные мессиджи будут приходить к тебе "устно".

- Каким бы высоким ни было уважение нашего общества к разуму, оно ещё не настолько возвысилось, чтобы опыты вне круга его знаний автоматически отвергались как нереальные.

"Однако какой бы ни была культура, все мистики подчёркивают, что сам по себе опыт остаётся недоступным для аргументации и что он как необъясним, так и непередаваем. Это означает, что содержание такого опыта недоказуемо и может быть известно только тем, кто имеет подобные ощущения, и тем, кто открыт и восприимчив к мистическому опыту. Характеристика недоказуемости аргументами присуща также различным другим фундаментальным человеческим восприятиям, которые склонны быть лучше осознанными, будучи выражены языком телесным или поэтическим".

• Albert V. Mer. МЫСЛЬ – первый и важнейший элемент антигламура. "С мысли начинается всё. В данном контексте мысль означает первейшую реакцию на "Г", далее примитивное осознание "Г", вселяющее сначала неясное чувство дискомфорта, а позднее перерастающее в активную форму отворачивания. Последующее развитие мысли приводит к переходу в активную фазу протеста, когда противодействие "Г" становится не только банальной запоздалой реакцией на "Г", но начинает действовать упреждающими, комплексными, сложенными и эффективными методами. Мысль выступает также и как единичный, мельчайший элемент, на котором строятся интеллектуальные переходы и метаморфозы в развитии борьбы. Мысль как атом – начало материи. Мысль как звено в прочной цепи. Мысль как мельчайшая кровяная клетка, несущая живительный кислород к каждому органу интеллектуального бытия. Мысль как бульдозер, прокладывающий сложнейшие лабиринты сознания. Как только появляется мысль, сразу возникает и критика.

КРИТИКА – второй элемент в цепи и первый после мысли. Ибо мысль рождает критику. Мысль позитивная изобличает недостатки, вскрывает порочность, развеивает затуманенность. Мысль, направленная на осмысление бытия, критикует порядок, протестует против устоявшейся формы. В данном случае протестует против "Г". И потом уже, спустя время, определяет и конкретизирует объект протеста, уточняет конкретное проявление "Г" и обрушивает всю свою интеллектуальную силу на критику "Г" и поиск методов борьбы с ним. И очевиднейшим из этих методов является КАЧЕСТВО.

КАЧЕСТВО – обширнейшее понятие, противопоставляющее себя халтуре. В ходе работы критической мысли выясняется, что большинство проявлений "Г" являются халтурными по своей природе. Что за музыка, в которой мелодия не главное? Что за песня, в которой слова не складываются в текст? Что за мода из разнородных розовых тряпок? Что за литература, в которой читающий не видит глубины мысли? Что за концерт под фонограмму? Ещё много аналогичных вопросов можно задать и получить один единственный ответ: ЭТО ХАЛТУРА. Халтура типична для сегодняшнего гламура, в котором делается ставка на броскость, но не на качество. В противостоянии "цена – качество" с точки зрения "Г" выигрывает цена, но проигрывает качество. С точки зрения "Г" продаётся то, что "круче", но "круче" не означает лучше.

Вот почему КАЧЕСТВО как метод является для антигламура концептуальным. Качество по форме и по содержанию. Всестороннее качество – это совокупность внутреннего предметного, функционального качества и качество форм и дизайна. Это значит, что хорошая вещь хороша не только в работе, но и в исполнении. Это значит, что хорошая книга имеет глубокую содержательность, качественную печать, бумагу и радует глаз на полке. Это значит, что хорошая машина быстра, маневренна и элегантна. Это значит, что хорошая песня сложна, многогранна и требует исполнительского мастерства. Это значит, что хороший артист – прежде всего качественный артист, а потом уже шоумен. И можно привести ещё массу примеров глобального подхода к качеству, но общим у всех этих примеров будет одно: каждый из них стал плодом критической работы мысли, породившей движение.

ВКУС – это КАЧЕСТВО, обращённое внутрь индивида. О человеке со вкусом говорят, что он искушён, требователен, аккуратен, внимателен к деталям. Вкус, это элемент индивида, который воспитывается годами и является плодом длительного творческого процесса и процесса познания мира. ВКУС и КАЧЕСТВО рожают уважение у настоящих и тонких ценителей, ибо лишь человеку с высоким вкусом доступно оценить вычурность мысли, сложность интеллектуальных построений и колоссальный затраченный труд на создание шедевра. Человеку с высоким вкусом подвластно оценить сложность и исчезающую тонкость букета. Вкус – это ГАРМОНИЯ. Это гармоничное сочетание стиля, образа, антуража, мыслей и поступков человека. И абсолютно нелепым выглядит утверждение "на вкус и цвет товарищей нет". Мы не говорим здесь о гастрономических пристрастиях, хотя и они являются полноценными составляющими хорошего вкуса. Мы говорим о том, что есть и "товарищи по вкусу" и "товарищи по цвету". Товарищи с хорошим вкусом органически не переваривают товарищей с плохим вкусом, в то время как товарищи с плохим вкусом начисто не понимают специфику хорошего вкуса как таковую. Хороший вкус рождается как отрицание плохого вкуса после осознания последнего. Плохой же вкус не требует интеллектуального процесса и возникает сам по себе. По этой причине со стороны плохого вкуса хороший вкус незаметен. Вот почему выражение "на вкус и цвет товарищей нет" в большей степени слышно со стороны людей с плохим вкусом либо отсутствием вкуса как такового. Они просто не в состоянии понять, что есть что-то, до чего те не доросли.

ДВИЖЕНИЕ – понятие не менее обширное, чем качество. Объективный мир изменчив. Изменяется качество предметов в нём. Хорошие, но устаревшие вещи также неактуальны, как и современные, но плохие. Вот почему одним из главных путей поддержания качества является постоянное движение, выражающееся в поиске новых форм, нового содержания. Застой недопустим для антигламура, в то время как умеренный консерватизм, построен-

ный на уважении качественных благородных традиций, является столбовым вектором, указывающим направление движения при поиске новых решений.

РАЗВИТИЕ – развитие вытекает из обобщения позитивного движения в разных сферах. Все положительные стороны должны поощряться, а негативные подавляться. Это залог развития. И таким образом получается, что развитие является следствием **МЫСЛИ**, **КАЧЕСТВА** и **ДВИЖЕНИЯ**. Эти три составляющие формируют позитивный вектор развития. Развитие характерно для антигламура, также как и для гламура. Но для "розового бомонда" не характерно поступательное движение. Розовый бомонд топчется вокруг одной точки: потенциальной ямы в координатах "затраты-выгоды-понты". Гламур развивается хаотически, спонтанно, бессистемно. При этом вектор его развития единомоментно обращается в противоположную сторону, когда уровень затрат или размер выгоды не оправдываются достигаемыми понтами. Тогда "Г" резко берёт в противоположную сторону и заново бежит по тому же кругу, но в противоположном направлении, становясь "псевдоантигламуром". И так происходит до того момента, пока не настанет время вновь сменить движение и при аналогичных затратах нарезать ещё несколько кругов по протоптанному кольцу. В это же время движения антигламура продуманно, перспективно и взвешенно. Гламур подчиняется импульсивным веяниям, модным тенденциям, последним пискам, а антигламур развивается по законам разума и логики. Гламур может обратиться вспять в своём развитии, деградировать. **АНТИГЛАМУР** – никогда!

СИСТЕМНОСТЬ – развитие и усложнение взаимодействия. Системность обеспечивает образование и взаимодействие различных узких специфических структур.

ПОРЯДОК – неотвратимая перспектива создания сложных систем. Находиться в творческом хаосе можно бесконечно долго, если не создавать конструкцию, включающую в себя множество разнородных элементов и требующих определённого взаимодействия. Развитие идёт по пути усложнения конструкции от простых аморфных форм к сложным кристаллическим образованиям, от хаоса к структуре, от потока сознания к сложным теориям.... В процессе взаимодействия разнородные элементы цепляются друг за друга в определённом порядке и создают комплексные системные вещи. В современном "Г" порядка нет. Там царит беспечный хаос. Вороти-лы местного шоу бизнеса топчутся на избитых формах и порождают конструкции, мало отличающиеся друг от друга. Однотипные шоу, однотипные песенки, однотипные танцульки, однотипные сплетни. В установлении порядка на их уровне развития нет необходимости. Однако современному антигламуру порядок необходим для дальнейшего усложнения и развития. Сложные произведения не мыслятся без порядка, ибо в отсутствии порядка многообразие сложных и разнородных элементов будут складываться в ка-

кофонию звуков, слов, смыслов, вещей. Бардак для антигламура недопустим, он будет мешать его (антигламура) дальнейшему развитию. Порядок можно воспринимать на примитивном бытовом уровне как аккуратность. Порядок можно воспринимать и на более высоких уровнях как некие специфические правила.

ПРОИЗВОДСТВО (ВОСПИТАНИЕ) – итак, пожалуй, это заключительный крупный элемент. Логическим завершением долгого и тернистого антигламурного пути является выпуск в массы пусть не элитарного, не эксклюзивного, не единичного, а массового продукта. Продукта любого и из любой сферы, но отвечающего необходимому качеству. Таким образом, качественный рост в борьбе приобретает количественное измерение. Чем больше в мире будет качественного товара, тем меньше в нём будет оставаться места для желтухи и попсы. Окончательный удар по "Г" будет нанесён не только на основе качественного превосходства **АНТИГЛАМУРА**, но и на основе его количественного превосходства. Необходимо создать критическую массу **АНТИГЛАМУРА** для максимального вытеснения "Г" из всех сфер жизни. Разумеется, массовый **АНТИГЛАМУР** гораздо дороже попсового "Г" и к этому надо быть потенциально готовыми, нужно воспитывать в массах хороший вкус и отвращение к "Г".

Выводы: Вот так вот хотел немного поизобличать гламур, а вышел окофилософский опус. Да иначе и быть не могло! В этих размышлениях можно заходить сколь угодно далеко, перебирая и пересматривая всякие признаки и свойства современной беспечной действительности, сравнивая их с депрессией на мировых рынках, со спадом экономики, с потерей интереса к созидательному труду, с понижением интеллектуального уровня, с падением культуры масс. Вообще изначально **ГЛАМУР** несёт в себе понятие красоты, к которой у меня нет ни малейшей враждебности. Но в современных условиях **ГЛАМУР** получил новое звучание и превратился в "Г", стал нарицательным, стал образом примитива, пошлости и деградации. Против такого "Г" и направлен страстный протест, который, сознательно или нет, но неминуемо будет строиться с учётом тех концептуальных элементов, которые обозначены выше. Добавления к тому списку, на мой взгляд, возможны и даже обязательны. Исключения – **НЕТ**". (Albert V. Mer. 2008)

- "Вокруг мы иногда встречаем фразы, весьма точно передающие ту или иную мысль, "переживаемое" в настоящее время. Или же просто они красиво звучат. Легко запоминаются. Предлагают поразмышлять. Вселяют надежду и веру. Радуют. Необязательно, чтобы такие фразы принадлежали "Большим Людям".

- Стиль жизни. "Если вы хотите изменить что-то малое в своей жизни, тогда измените своё отношение и поведение, если хотите произвести боль-

шие весомые перемены, тогда вам нужно изменить своё мышление" (Альберт Эйнштейн). Но как же это изменить мышление, отношение и поведение?

2. Художник-космист, сосредоточенный на духовной мысли

"Они проводили разведку, выясняя, какие сорта засухоустойчивых растений могут быть найдены в этом районе. И чем больше Николай Константинович этим занимался, тем больше ему не давала покоя одна мысль. Мысль о том, что пустыни – не только творения природы, но и дело рук человека". "Николай Константинович бросает несколько слов. По его словам видишь, что он и тут работает. В этой гонке по степям ни на минуту не прерывается его мысль". "То, о чём он писал, всегда было тесно связано с жизнью. Из этой жизни он черпал мысли для своих очерков. Незначительные факты, с точки зрения других, обретали в его глазах иное, глубокое значение и нередко служили отправной точкой для глубоких обобщений" (Последняя экспедиция).

• Ю.Будникова. К образу Небесного Иерусалима в творчестве Н.К.Рериха

"Н.К.Рерих нередко прибегал в своём искусстве к такому приёму, как реплика, заключающемуся во введении в авторский контекст известного образа, нагруженного культурной семантикой. Реплика – изобразительный аналог "скрытой цитаты". Она связана и с понятием концепта, введённым акад. Д.С.Лихачевым. Концепт в культуре представляет собой нечто вроде алгебраического заместителя сложного значения. Задачей зрителя, читателя, исследователя становится "прочитать" такой художественный текст со всеми вложенными в него цивилизационными смыслами".

• "Культура состоит из выраженных и скрытых схем мышления и поведения, являющихся специфическим, обособляющим достижением человеческих общностей и воплощённых в символах, при помощи которых они воспринимаются и передаются от человека к человеку и от поколения к поколению. Сюда необходимо включить также и те достижения, которые проявляются в созданных культурным обществом материальных благах. Ядром любой культуры являются идеи <...>, и особенно ценности, передающиеся при помощи традиций. Культурные системы могут рассматриваться, с одной стороны, как результат совершённых действий, с другой стороны, как одна из основ действия в будущем" [Kroeber, Kluckhohn: 181].

• **Е.И.Рерих о мысли** (выдержки из писем).

"3 марта 1930 г. Навязанные догмы, человеческие законы, стандарт жизни отучили человечество от процесса мысли и сделали из него, за редким исключением, автомата и попугая, повторяющего заученные принятые формулы. Когда же явится возможность раскрепостить человеческую мысль! Все твердят о различных свободах, но сами противоположные лагеря боятся одного и того же зверя – свободы мысли! Грустно за человечество!"

17 августа 1930 г. Во имя благого сотрудничества для новой ступени совершенно неотложно усвоить значение мысли. <...> Ведь весь Космос строится на мысли! Всё благо, всё разрушение зиждется на мысли. Мысль несёт жизнь, мысль приносит смерть! Когда же это будет познано? Нет в Космосе рычага сильнее мысли, насыщенной психической энергией.

24 августа 1930 г. Каждая эпоха имеет свой призыв, и сила мысли будет зовущим началом Нового мира. Потому мы зовём Вас к усвоению великого значения творческой мысли, и первой ступенью на этом пути будет открытие сознания, освобождение от всех предрассудков, предвзятых, навязанных понятий. Охватите взором всю ширь ночного неба, облетите мыслью все бесчисленные миры и тайники бесконечного Пространства. Ведь мысль в сущности своей безгранична, и лишь наше сознание ставит ей предел, потому без замедления приступите к следующей ступени – расширению сознания.

Древнейшая мудрость Индии говорит: "Мысль есть первоисточник мироздания". Великий Будда указывал на значение мысли, слагающей нашу сущность, и учил своих учеников расширению сознания. Лао Тзэ, Конфуций, Христос, все великие Учителя духа и великие мыслители учили только этому. Великий Платон сказал: "Мысли управляют миром", и современные нам учёные, как, напр., проф. Комптон, высказав предположение о действенной разумной силе за каждым феноменом природы и о воздействии мысли на материю, заканчивает следующими замечательными словами: "Возможно, что мысли человека являются самым важным фактором мира".

13 октября 1930 г. Все законы заключаются лишь в нашем сознании, и с расширением сознания расширяются и законы. Отсюда должна вытекать великая подвижность законов, но что видим мы в действительности? Преступную косность мысли. <...>

3 декабря 1930 г. "Урусвати". ...мысль, порождённая самостью, всегда идёт вразрез с великим планом Космической эволюции. Потому во всех неудачах ищите этого подтачивающего основы червя и только его. Самость есть прежде всего ограничение, но ограничение есть смерть, ибо Космос существует лишь на принципе безграничности. <...>

7 января 1931 г. ... человек есть часть Космоса, и потому каждая его мысль, каждое слово и действие способствуют нарушению или установлению равновесия в Космосе.

15 января 1931 г. Расширяйте, расширяйте сознание Ваше путём очищения от обычности, стандарта и губительных маленьких мыслей. Одна маленькая мысль может разрушить мировое дело, так же как стебель травы на горной тропе может сбросить гиганта в пропасть. "Широтою мысли отмерите свой кусок". Маленькие мысли – достояние рабов. Будьте царями духа!

Февраль 1933 г. Нужно, чтобы каждая мысль зародилась более или менее самостоятельно в сознании, чтобы быть успешно применённой в жизни.

Февраль 1933 г. Так мало людей, которые в наши дни чтут мысль и понимают всё её значение и силу, и ещё меньше пытающихся мыслить самостоятельно и облекать мысли свои в краткие и красивые формулы.

Февраль 1933 г. Люди слишком привыкли ко всяким видам запрещений и ограничений. И больше всего пугает их простор мысли, ибо они чувствуют, что с простором мысли пробуждается и соответственно растёт сознание ответственности.

14 июня 1934 г. Только мысль, оплодотворённая огнями сердца, творит и убеждает.

30 июня 1934 г. Но беда в том, что люди не хотят понять, что основа всех достижений лежит в следовании Великому Идеалу и в огненной трансмутации наших чувств, наших мыслей, всего нашего характера. Им гораздо легче отказаться от излишеств в пище и, не отягощая своего мышления, механически отсчитывать пранаяму, нежели обуздать хотя бы одну привычку, лежащую камнем преткновения на пути к их духовному продвижению. Но, как сказано, все механическое, касаясь лишь внешнего человека, не имеет цены и не может преобразить внутреннего человека, преобразование которого есть единая цель всех истинных Учений. Потому очень и очень нужно запомнить, что все высокие Йоги заботятся и имеют дело лишь с внутренним человеком, сфера которого лежит в мире мысли.

26 сентября 1934 г. ... мысли есть первопричина и накладывают свою печать решительно на всё, даже на лицо.

10 октября 1934 г. Сказано, что "человек может явиться взрывателем планеты". Можно ли сильнее указать на эту основную зависимость и страшную ответственность человека перед всем строительством в Космосе? Так что никакого невольного участия в человеческих и планетных судьбах не может быть. Все мы ответственны за каждую мысль, за каждое слово и действие перед всем Космосом. Закон Кармы непреложен. Именно эту ответственность малодушные сознания не хотят признать.

18 октября 1934 г. Ведь мир проявлен, держится и развивается лишь действием, лишь действие даёт рождение новым энергиям. Сказано также, что мир сложен мыслью, или мысль рождает действие, потому многие, полагая, что мысль выше действия, погружаются в мечтания, принимая их за творческие мысли, и воздерживаются от действий, забыв, что лишь мысль, насыщенная огненной волей, творит. Но волю эту мы можем приобрести лишь путём долгого упражнения в проведении в жизнь, в действие мыслей своих и чужих.

19 октября 1934 г. Легкомыслие всегда пагубно.

29 ноября 1934 г. ...нужно вкоренить в сознание и помнить, насколько каждая неправильная мысль, каждое низкое побуждение разлагают наше тонкое тело.

6 декабря 1934 г. Будем надеяться, что скоро наука придёт на помощь и докажет, что именно мысль питает жизнь, и потому, где мысль останавливается, там начинается процесс разложения.

12 декабря 1934 г. Да, нужно бороться с косностью и невежеством, с тёмным сознанием, с ограниченным мышлением. Это самое неотложное и светлое задание. Ведь жизнь питается только высокою мыслью, потому удушение мысли неминуемо приведёт к разложению.

8 мая 1935 г. Чтобы получить мысль или ответ из пространства, нужно достичь полного соответствия вибраций. Тот же принцип, что и в радио. Люди чаще, чем они думают, улавливают пространственные мысли, но мысли эти не всегда бывают высоки. Ведь пространство наполнено всевозможными мыслями, и мы получаем из него то, что отвечает нашему приёмнику. <...> Так называемые вдохновения часто не что иное, как созвучие вибраций.

31 мая 1935 г. Венцом Мироздания является Мысль, ибо лишь сознательная мысль может творить. Потому мыслящий человек, озарённый светом духовности, и назван Венцом Мироздания и Творцом.

5 июня 1935 г. Каждая мысль наша возносит или низвергает нас.

11 июня 1935 г. Знаю многолетних читателей книг Учения, в писаниях которых не найти претворения великих мыслей. Можно повторять мысли, но важно не повторение их, но претворение их в своём сознании, пропускание через свою призму. Но, конечно, для этого нужно быть поэтом и нужно уметь самостоятельно мыслить, а многие ли умеют это?

24 сентября 1935 г. Притом следует всегда помнить, что карма наша творится, утяжеляется и облегчается, главным образом, МЫСЛЯМИ. Именно мысль и внутренние побуждения ткут нашу ауру – магнитное поле, притягивающее или отталкивающее возможности. Именно этот решающий фактор нашей кармы – мысль-побуждение так часто упускается из виду людьми при суждении о карме. Но если бы было иначе, то не было бы возможности выйти из заколдованного круга причин и следствий. Ибо всё есть карма, и всё держится кармой. Но, заканчивая один круг кармы на тот или иной цикл, мы начинаем новый круг на других планах и мирах, и так в бесконечность. <...> Так, Мысль есть Первопричина и Венец всего творения. Мысли правят миром, следовательно, правят кармою.

15 октября 1935 г. Царство не в коронах и мешках золота, но в космо-сопространственных идеях. Ничто не может противиться мысли, Мысль Высокая всегда побеждает, в этом закон эволюции.

17 октября 1935 г. Основные вопросы смысла нашего существования давно решены, но люди не хотят их принять, ибо никто не хочет нести ответственности за каждую мысль свою, за каждое слово и поступок. Так приходим мы сюда на Землю, пока не выполним принятой на себя ответст-

венности – усовершенствованием себя усовершенствовать и Землю, и все окружающие сферы.

21 января 1936 г. ...именно наши побуждения и мысли творят нашу карму, поступки – факторы второстепенные. Ведь именно мысли создают нашу внутреннюю сущность. Мысли откладываются энергиями в нашей ауре, и если эти энергии будут очищены и утончены, то ясно, что они могут созвучать или притягивать лишь такое же чистое, и потому всё злобное и низкое не сможет уже коснуться нас в полной силе.

25 января 1936 г. Возможно также, что некоторые смешивают достижение состояния "ваирага" с окаменением сердца. Для них ваирага означает именно окаменение, тогда как на самом деле это есть отрешение от привязанностей к плотским предметам, причём отрешение это должно состояться, главным образом, в мыслях. Отсутствие привязанности к низшим и плотским проявлениям не есть бесчувственность. Так, непривязанность к пище не значит, что человек перестал ощущать голод, и т.д. Но при достижении состояния "ваирага" человек всему отдаёт должное и умеет различать, где оно, главное и ведущее.

17 апреля 1936 г. Духовность достигается лишь очищением мыслей и трудом. Стремитесь по этому высшему и кратчайшему пути.

24 апреля 1936 г. Так, каждая эволюционная мысль, дающая направление грядущей эпохе, встречалась и посейчас встречается страшным противоборством со стороны неподвижных и затемнённых сознаний, отсюда все ужасы отвратительных эксцессов.

Потому, когда даётся нечто, ведущее к общему благу, то нужно явить всю широту просветлённого сознания. Много гонений на мыслителей, но каждый такой мыслитель есть фокус, в котором собрались и отразились в современном одеянии мысли, которыми наполнено пространство. Мыслители есть провидцы грядущего.

14 мая 1936 г. Чем больше мы знаем, тем легче нам понять всю глубину Великого Плана Эволюции и сложность жизнестроения. Кроме того, каждое систематическое изучение даёт нам необходимую дисциплину ума и для самостоятельного мышления. А ведь лишь тот, кто умеет мыслить самостоятельно, может стать действенным служителем и сотрудником Сил Света. Потому так важно всестороннее образование. Конечно, мы не можем быть специалистами во всех областях знания и искусства, но должны иметь хотя бы понятие о них.

24 мая 1936 г. Без умения мыслить нельзя продвинуться в познании.

25 мая 1936 г. Застывшая мысль, застывшие формулы противны Космосу, жизнь которого есть вечное движение, вечная смена форм. Разнообразие есть жизнь, однообразие – смерть.

8 июня 1936 г. ... если бы люди меньше думали о карме и больше о чистоте и усовершенствовании своих чувств и мыслей, то они и преуспели бы несравненно.

25 июня 1936 г. Пространство, заражённое хаотическими вибрациями низких энергий или мыслей и чувств, конечно, привлекает самых непрошенных гостей в виде всевозможных микробов тех или иных эпидемий, а дисгармонические токи вызывают различные бедствия и пр.

18 октября 1936 г. В истории видим, что ни деньги, ни численность не давали перевеса, но лишь мощь духа слагала достижения. Можно привести много примеров, где не количество денег, но именно сила мысли и действий создавали великие последствия.

29 октября 1936 г. Всякая удача зависит прежде всего от качества переданных мыслей.

25 января 1937 г. Отгонять нужно силою духа мрачные мысли и сомнения, как самые смертоносные яды.<...> Мрачные мысли – удушители магнита сердца.

27 января 1937 г. ...мысль может быть прекрасна, но если она не будет одухотворена огнём сердца, то останется мёртвой.

28 января 1937 г. Рабские чувства ещё не изжиты большинством человечества. Человек ещё не обрёл свою единственную свободу – свободу мысли.

28 мая 1937 г. ...каждый даже земной творец творит или создаёт именно духом из самого себя. Человек может быть окружён самыми изысканными материалами, но если огонь творчества в нём слаб, он ничего не создаст. Именно мысль и мыслительная энергия творят.

4 июня 1937 г. Оглядываясь назад, можно найти глубокие причины, подготовившие падение старого мира. Удушение мысли и духа, которое проводилось в некоторых странах, породило всё последующее безумие. Мысль есть венец создания, и убийство её есть тяжчайшее преступление. Гонимые и лучшие духовные Отцы давно осознали это и сказали: "Ад есть невежество".

19 июня 1937 г. Необходимо будить сознания людей к правильной оценке значения мысли. На основе кооперации и значения мысли зиждется грядущая эволюция.

31 июля 1937 г. ...пока Мысль не получит признания и духовный синтез не займёт первенствующего значения в жизни государства, до тех пор не будут осуществлены мир, свобода и счастье человека, и великое Служение Общему Благу останется в пределах отвлечённости. <...>

Будем надеяться, что грядущая эпоха с её особенными сочетаниями космических лучей принесёт новое пробуждение сознания, и новое поколение осознает всю преступность зачинщиков самоистребления, и не только посредством пушек и газов, но, главным образом, через разъединение и недопустимые злобные и убийственные мысленные посылки. Ведь убийств от

злых посылок гораздо больше, чем от пушек. Но и эта истина ещё недоступна человечеству.

23 августа 1937 г. Лишь большее знание, лишь прекрасная мысль могут первенствовать, и в этом первенстве заключается Закон Космоса.

11 сентября 1937 г. ...что форма не имеет значения, но существенна лишь сама идея. Но люди более всего цепляются за формы и тем утрачивают понимание мысли, стоящей за ними.

3 декабря 1937 г. ...опыты проф. Рейна и его 40 коллег и известного психиатра проф. Бехтерева достаточно ярко доказали возможность передачи мысли на расстояние.

24 декабря 1937 г. Силы тьмы стремятся или уничтожить предметы искусства, или, по крайней мере, отвратить от них внимание человечества. Нужно помнить, что отвергнутое, лишённое внимания произведение не может излучать свою благотворную энергию. Не будет живой связи между холодным зрителем или слушателем и замкнутым творением. Смысл превращения мысли в произведение очень глубок, иначе говоря, он является притягательным магнитом и собирает энергию. Так, каждое произведение живёт и способствует обмену и накоплению энергии.

8 марта 1938 г. Грядущая Эпоха, с её редчайшими сочетаниями космических лучей, принесёт новое пробуждение сознания, и новое поколение осознает всю преступность зачинщиков самоистребления, и не только посредством пушек и газов, но, главным образом, через разъединение и недопустимые злые и убийственные мысленные послышки. Ведь убийств от злых посылок гораздо больше, чем от пушек. Но и эта истина ещё недоступна человечеству.

10 мая 1938 г. Именно бесплодна мысль, не напитанная психической энергией...

5 июля 1938 г. Ведь не только каждое наше действие, но каждая мысль создаёт вибрацию, и именно эти вибрации являются энергиями, входящими в строение всего человека, как объективного, так и субъективного. Именно эти энергии, порождённые человеком, и являются его неотъемлемым достоянием (кармическим), которое сопутствует ему и в его новой земной жизни. Кармические следствия прошлой жизни следуют за человеком, и человек в следующей своей жизни соберёт запечатлённые им энергии или вибрации...

6 августа 1938 г. ... важно воспитывать в себе способность мышления и направлять мысли в сторону созидательного труда, ибо мысль творческая в Тонком Мире имеет безграничное применение.

10 сентября 1938 г. Великая красота заключается в осознании беспредельной жизни, беспредельной эволюции, в осознании единства в многообразии всего сущего и, следовательно, основного равенства. Но не меньшая

красота и в представлении беспредельной мощи человеческого ума и его мыслетворчества.

14 сентября 1938 г. ...самое важное не останавливаться мыслями на тяжком прошлом, но нужно устремиться поверх каждодневности и слепой очевидности в действительность и в будущее. Ничто так не обманчиво, как очевидность. Но можно научиться распознавать действительность.<...> Наши мысли строят и наше будущее.

24 февраля 1939 г. Мысль есть проявление и качество психической энергии, потому мысль может быть самым объединяющим началом.

23 апреля 1939 г. Люди всё ещё не могут усвоить значения мысли и слов. Насколько бы очистилась атмосфера, если бы люди воздержались от взаимных оскорблений и осуждений.

24 апреля 1939 г. В Тонком же мире воображение или мощь мысли есть единственный рычаг и двигатель.

22 мая 1939 г. ...посылка мысли связана с посылкою вибрации. Как посылающий, так и получающий должны быть созвучны.

4 апреля 1940 г. Смысл жизни в неустанном творчестве и созидании. Но творчество может развиваться лишь при свободе мысли. Там, где мысль стеснена, там все созидания — убогие калеки, и не могут они войти в жизнь будущего человечества.

12 ноября 1943 г. ...энергия мысли есть одно из высших проявлений или качеств психической энергии.

6 декабря 1943 г. Каждая прекрасная мысль, каждое индивидуальное проявление красоты уже творит само по себе эволюцию и тем служит Общему Благу.

12 июня 1944 г. Кто-то назвал материализм дефективным мышлением или трехмерной собачьей психологией в противовес человеческой, четырехмерной, ибо мысль уже принадлежит к четвёртому измерению.

16 августа 1944 г. Будем бороться всеми силами духа с пошлостью, с легкомыслием в мышлении и во всех жизненных проявлениях и утвердимся на несении подвига.

10 сентября 1945 г. Ничто в пространстве не исчезает, и каждая мысль где-то и когда-то зазвучит, как умноженное эхо.

30 ноября 1945 г. Мало кто отдаёт себе отчёт о великом значении цементирования пространства плодотворными мыслями, между тем все великие вдохновения и воодушевления приходили именно от уловления вибраций таких брошенных в пространство мыслей.

20 января 1947 г. Одно образование ещё не может создать культурного человека. Необходимо воспитание и утончение чувств и мыслительного аппарата. Следовало бы часть времени, затрачиваемого на физический спорт, уделить спорту мыслительному, но и к этому придём. Хотя ничто так

медленно не развивается, как сознание, всё же новые космические лучи принесут нам общее ускорение эволюции через поднятие вибраций высших центров в человеке. <...> люди разучились мыслить, всё думает за них, даже машины. Кроме того, грубейшие и пошлейшие развлечения (тоже результат отсутствия мысли) туманят сознание и парализуют восприимчивость. Жуткое время всеобщего огрубения! Ничто так не парализует психическую энергию, как именно грубость.

30 марта 1947 г. Сердце даёт силу мысли, и она творит в Тонком Мире. <...> Без продолжения жизни в Тонком Мире, без непрерывности и роста наших чувств – жизнь и сама Вселенная становится бессмыслицей. Вселенная в основе имеет великую мысль и гармонию, и мы, как частицы этой мысли и гармонии, не можем оказаться бессмысленными отрывками в Великой Книге Бытия".

3. Словарное определение мысли: порядок и путаница

- "Как сердцу высказать себя? / Другому как понять тебя? / Поймёт ли он, чем ты живёшь? / Мысль изречённая есть ложь" (Ф.И.Тютчев).

- "Мало кто задумывается также и о том, что все свои действия человек совершает, руководствуясь мыслью, т.е. если более точно выразиться, то человек часть своих мыслей претворяет в действие".

- В.Зорин. "Евразийская мудрость от А до Я", толковый словарь:

"МЫСЛЬ – всё то, что мы осознаём. В более узком смысле мысль означает акт размышления о мире, о человеке (мыслить – значит судить, по выражению Канта) или продукт рефлексии ("Мысли" Паскаля)".

- И.Кондрашин. Глоссарий философских терминов, 2006 г.

"МЫСЛЬ – всякое одиночное действие ума, рассудка, разума, представление чего-либо в уме, идея, суждение, мнение, соображение и заключение, предположение, выдумка; то, что заполняет сознание, дума; мыслительный процесс, мышление; убеждения, взгляды; то, что явилось в результате размышления, идея.

Мыслить что-либо или о чём-либо – думать, размышлять, судить умом, про себя; соображать или полагать; помышлять. Мыслитель – остро и глубоко мыслящий, думец, доходящий умом до отвлечённых логических заключений".

- Философский энциклопедический словарь. /Е.Ф.Губский и др., 2003 г.

"Мысль – мыслительный акт, часть процесса мышления или же его результат, содержание, продукт мышления; идея".

- Л.А.Карпенко. Словарь: "Мысль – результирующий паттерн размышлений, рассуждений, анализа чего-либо, воплощающийся в речевом или текстовом высказывании. М. может быть выражена афористично или развёрнуто. В первом случае это сжатый смысл контекста размышлений,

имеющий: (1) форму вывода, если анализируются данные опыта или конкретных исследований, (2) форму идеи, если анализируются умозрительные представления или гипотезы. Во втором (развёрнутом) случае М. сопровождается системой доказательств (рассуждений), призванных показать разумность и обоснованность её высказывания. М. как паттерн (англ. pattern – английское слово, значение которого передаётся по-русски словами "шаблон", "система", "структура", "принцип", "модель", также это слово имеет значение "узор"). Из-за применения его в различных западных дисциплинах и технологиях в русскоязычную среду оно проникло как специфический термин сразу в нескольких сферах деятельности. По набору смыслов и интерпретаций в различных контекстах это слово до некоторой степени коррелирует с некоторыми смыслами греческого слова характер (в переводе с греческого характер – это печать, чеканка, отличительная черта) имеет форму, порядок, качество, структуру. В развёрнутом виде М., как паттерн размышления, отражает также конфигурацию взаимоотношений между тезисами доказательной системы высказывающегося субъекта. М. может возникать и как паттерн неосознаваемого анализа собственных состояний. Тогда её появление осознаётся как "внезапно возникшая" идея, озарение, "непосредственное (интуитивное) усмотрение".

- "Идея – это всякая мысль, облечённая в мыслимую форму, и представление, и образ, и понятие; знак, в нашем случае слово, а вещь – всякое телесное явление действительности, воплощающее идею и выраженное в слове знаке, в нашем случае это текст. Так рисуется и историческая последовательность погружения в текст: исследователь переходит от слова через идею в текст. В такой же последовательности рассмотрим и нашу тему, с разных сторон разворачивая перспективу развития древнерусской литературы".

- **МЫСЛЬ – МЫШЛЕНИЕ – СФЕРА МЫШЛЕНИЯ.** "Мысль – мыслительный акт, часть процесса мышления или же его результат, содержание, продукт мышления; идея. Мышление – процесс моделирования неслучайных отношений окружающего мира на основе аксиоматических положений. Мышление – внутреннее, активное стремление овладеть своими собственными представлениями, понятиями, побуждениями чувств и воли, воспоминаниями, ожиданиями и т.д. с той целью, чтобы получить необходимую для овладения ситуацией директиву.

Мышление, которое по своей структуре может быть познающим или эмоциональным мышлением, таким образом, состоит в постоянной перегруппировке всех возможных содержаний сознания и образовании или разрушении существующих между ними связей (сфера мышления); при этом может выделяться результат содержания сознания, который принимает сравнительно определённую форму и который может быть назван мыслью.

Форма мысли в нормальных условиях есть её языковое выражение. Значит, мышление есть немая, внутренняя речь, язык есть озвученное мышление. Способ мышления зависит от того, что представляет собой человек как таковой (в широком смысле этого слова) и что определяет его индивидуальность. Мыслит ли данный человек, что и как думает в данный момент тот или иной человек, зависит от его настроения (см. Законы мышления).

Часто мышление начинается с ситуации, а поэтому сначала это ситуативное мышление.

Если мышление направлено на реальные предметы, то оно называется конкретным, если мышление направлено на идеальные предметы или на представляемое, то речь идёт об абстрактном мышлении. Оба способа мышления переходят один в другой. В научно-философском смысле мышление представляет собой всегда в той или иной степени понятийное мышление: если эта степень больше, то мышление называется априорным, если эта степень меньше, то мышление называется апостериорным.

Говорят также о первобытном, магическом, архаическом и символическом мышлении. Мышление исследуется психологией (мышления), его функции в познании – учением о познании, его отношение к понятийному – логикой, к бытию – метафизикой, его роль в обществе – социологией, его связь с жизнью мыслящего организма – биологией. Архаичное мышление – мышление древности; в более узком смысле – мышление народов Древней Греции (времен Гомера, до 5 в. до Р. Х.), у которых логическое мышление было ещё тесно связано с мифологией.

Дискурсивное мышление (от лат. *discurrere* – растекаться, распадаться), или сукцессивное, – мышление, которое от одного определённого представления логическим путём переходит к другому и из его элементов строит мысленный образ. В широком смысле слова дискурсивным называется логическое мышление вообще в противоположность интуитивному познанию путём созерцания. Дологическое мышление – естественное, эмоциональное, неподготовленное мышление, которое без контроля разума пытается овладеть своим предметом; оно подготавливает путь логическому мышлению.

Мышление по воспоминанию – естественная форма мышления в противоположность дедуктивному логическому, или дискурсивному мышлению. Мышление по воспоминанию состоит в использовании знаний "наудачу", каждый раз в зависимости от конкретной ситуации, в обращении к богатствам памяти, при котором мысль перескакивает от одного воспоминания к др., пробуя, проверяя их одно за другим и таким путём нащупывая нужную связь.

Тенденциозность мышления – в общем понимании тенденция к определённому, строго обусловленному способу мышления в рамках какого-либо идеологического или догматического учения. В области логики тенденциозность мышления означает подчинение правилам и законам по-

строения логического умозаключения, откуда результируется определённая форма мышления, налагающая свойственные ей ограничения на процесс и результаты мышления.

Формы мышление – способы и виды формальной организации мыслительного процесса, абстрагированные от его содержательной компоненты. Кант и Гегель рассматривали формы мышления в качестве философских категорий. Своё дальнейшее развитие система форм мышления получила в философии экзистенциализма, особенно у Хайдеггера и Ясперса.

Сфера мышления – образное выражение, означающее совокупность всех возможностей мышления, которыми располагает человек, группа людей, народ. Сфера мышления охватывает микрокосмос, вспоминаемое знание и представления познающего и эмоционального мышления. Внутри сферы мышления совершается духовный процесс поисков в запасе знания или накопленного в сокровищнице памяти; чисто пространственно переживаемое блуждание духа между возможностями представляемого или возможностями измышляемого; отыскание представлений, которые можно присоединить к тем, которые отыскиваются; припоминание прошлого.

Всякое понятие, которым пользуется человек или народ, по своему содержанию и по своему объёму находится в зависимости от того, что совершается в мышлении и какое место в его сфере занимает данное понятие. От того, какое место занимает последнее в сфере мышления, зависит его значение и то влияние, которое оно оказывает на остальное содержание сферы мышления (например: "В центре его мышления находится забота о жене и ребёнке"; "Его мышление постоянно занято созданием благополучия для жены и ребёнка").

Сфера мышления постоянно меняет объём и содержание. В особых случаях, напр. перед лицом смертельной опасности или в чад любви опьянения, сфера мышления может совершенно исчезнуть, оставив Я наедине с самим собой. Основная структура индивидуальной сферы мышления в какой-то мере остаётся постоянной. Это постоянство составляет часть осознанности тождества Я".

● В.Галкин. Теоретические аспекты и основы экологической проблемы: толкователь слов и идиоматических выражений: "МЫСЛЬ – результат и инструмент мышления. Существует только в голове думающего человека и имеет огромное количество ассоциативных связей с другими мыслями, обоснованиями, разветвлениями (модификациями), что позволяет сказать: "Мысль высказанная мертва". Точнее, высказанная мысль начинает жить уже другой, совершенно самостоятельной жизнью и является фразой, то есть фраза – продукт (труп) мысли, правда, во многих случаях достаточно съедобный. Ассоциативный блок. "Мысль высказанная есть ложь".

ПРАВО НА МЫСЛЬ (имеется в виду собственная мысль) – одно из естественных прав человека как информационной системы; право на мысль в полном смысле этого слова не реализуется ни в одной цивилизованной стране мира, так как основная задача института цивилизации заключается в перераспределении богатств, созданных одними, в пользу других, для реализации которой созданы и изобретены мощные общественные системы: спецслужбы, средства массовой информации, институт рекламы, преступный мир и тому подобное, действие которых направлено на лишение человека этого права. Особенно протестовать здесь нечего: общество это тоже информационная система, которая живёт по своим законам и решает свои задачи; человек – лишь клетка в организме, а клетки в организме гибнут миллионами, являясь его строительным материалом. Люди лишь в меньшинстве пытаются думать об окружающем. Нежелание мыслить закрывает и вход в будущее. Между тем, представим себе разницу сознания каждого столетия.

Мысли земные легче ложатся на сознание, но злобные мысли могут вызывать нервное сотрясение неприятного свойства. Мысли Тонкого Мира будут порождать некоторый сердечный трепет и не так легко усвоятся, даже могут причинять головную боль, как бы вонзаясь в мозг. Огненные мысли бывают подобны метеорам, и когда полёт огненных вестников зажигает окружающую атмосферу, он даже производит рокот звучания. Явление огненных мыслей сопровождается огнями и даже как бы выбивает течение обычного мышления. Огненные мысли очень мимолетны и забываются легко. Но, редко достижимые, светлые послышки Высших Сфер подобны молнии и по неожиданности, и по пронзанию сердца. Лишь редкие люди выдерживают эти молнии. Можно назвать много признаков посылок мыслей, но особенно важно вообще усвоить существование таких посылок.

Разве не великое чудо – мысль из Беспредельности? Прав на Истину нет ни у кого! Кроме тех, кто способен мыслить.... Да и то, – только в определённом смысле. А теперь поговорим о главном. Итак, мы видели, что любые истины мы можем излагать совершенно простым языком, практически без всяких формул и специфических выражений, но только тогда, когда мы сами понимаем ТО, о чём говорим и когда мы сами внутренне убеждены в этой истине.

Каков же очередной вывод? Вывод в том, что именно логика, диалектика и философия, изучающая наиболее общие и фундаментальные законы бытия и развития мира – самое действенное средство познания Истины, которое вполне самодостаточно и не требует, в принципе, иных инструментов познания, таких как научные дисциплины.

Таким образом, логика и диалектика + философия + основополагающие принципы + правильные способы действия, закладываемые с младенчества и со школьной скамьи, а также постоянно практикуемые людьми в решении их

проблем – вот тот джентльменский набор, без которого невозможно представить себе действительно эффективную жизнь и познание жизненных Истин.

Мыслю – значит существую. Мыслительная деятельность, о которой мы здесь распространялись, реально требует весьма кропотливой и вдумчивой работы над фактами. Она требует скрупулёзного анализа, непредубеждённого сопоставления и тонкого синтеза логических конструкций, отточенных словесных формулировок и построений. И так далее и тому подобное.

Мы не даём себе труда заняться главным делом жизни – мыслить по-человечески, а ждём каких-то результатов. Мы беззаботно предполагаем, что залетевшая к нам в голову неизвестно откуда, как и чья идея – это и есть мышление. Про такие "мысли" в русском языке есть соответствующее слово: не мысль это, а приبلуда! Как точно сказано! Нет, мышление без труда, без напряжений – это жуткий самообман. Своей мыслью надо ещё "забеременеть", выносить её, а потом в муках родить! Вот только тогда у нас будут действительно свои, родные дети-мысли, которых не захочется ни бросить, ни оставить на растерзание злым и чужим людям.

Мысли, как собственные дети, вырастут и возмужают, и станут с вами в один ряд, плечом к плечу, защищая и ваш мир, и мир ваших настоящих единомышленников".

● В.И.Редюхин. 03.05.2007: "Не надо множить число сущностей сверх меры... Слова врут, сколько их не уточняй, сколько терминов не вводи, сколько определений не формулируй, сколько понятий не строй, сколько моделей (теорий) не конструируй. Я утверждаю, что непротиворечива только СВЯЗНАЯ и ЦЕЛОСТНАЯ СИСТЕМА единиц смысла. Я утверждаю, что дихотомичные, а уж тем более атрибутивные описания единиц смысла порочны в корне, и нужно удерживать целостность типа двух кружков в рамочке. Отклонение от этой целостности и связности в сознании и являются, на мой взгляд, основной первопричиной порождения разрывов сознания, то есть конфликтов. Например, откуда выскочил в сознании субъекта эклектический набор терминов "виртуальный конфликт", "конфликтоген" (причина возникновения конфликта – разрыв сознания), "модель виртуального конфликта" (это обсуждать надо), "виртуальное бытие" это уж за пределами... "виртуальный субъект" носитель Образа-Слова-Действия".

"То есть как бы получается, что какой-то слой (круг, группа) мыслей управляют остальными. Высшая каста получается. Как же иначе объяснить то, что одна мысль разрешает или запрещает другой существовать. Да и вообще, напрашивается вопрос, есть ли базовые какие-то мысли, управляющие человеком, или всё же мышление человека – продукт хаоса? Это весьма хороший вопрос. Он имеет прямое отношение к Врождённым Идеям Декарта, Монадам Лейбница и Модусам Спинозы, впоследствии все это преобразилось в Архетипы Профессора Юнга.

Вопрос кружится вокруг вопроса, есть ли у человека Свободная Воля. Выражаясь коротко, вопрос сводится к следующему: являются ли мысли, спорадически рождающиеся в нашем мозгу, проявлением свободной воли индивида либо... Это очень серьёзный вопрос, и меня, честно говоря, удивило, что в Армении есть люди, которые задумываются над подобными вещами. Есть мнение, что подавляющее большинство людей на этой планете не обладают свободой волей".

4. Форма мыслей: понятие, высказывание, суждение...

- Соотношение чувственного и рационального отражения в процессе познания.

"Но ощущения – это действительно лишь исходная клеточка познавательного процесса. Более сложной и высокой формой чувственного отражения является восприятие – целостный чувственный образ объекта, непосредственно воздействующего на органы чувств, отражающих различные стороны, свойства этого объекта. Здесь уже, как правило, вступает в дело мысль, обозначающая воспринимаемый объект.

Наконец, высшей формой чувственного отражения является представление – образное знание о непосредственно не воспринимаемых нами объектах, воспроизводимое по памяти.

В представлении уже вступает в дело абстрагирующая способность нашего сознания, в нём отсечены несущественные детали. При этом на уровне представлений обнаруживает себя такая способность нашего сознания, имеющая громадное значение в процессе творчества, какой является воображение – способность соединять чувственный материал иначе, не так, как он соединен в действительности.

А теперь обратимся к характеристике основных форм мышления. Эти формы знакомы каждому из нас, и хотя мы пользуемся ими постоянно, наверное, не каждый сможет с ходу назвать их. Это понятие, суждение и умозаключение.

Суждение – форма мысли, в которой посредством связи понятий нечто утверждается либо отрицается о предмете мысли. Суждение, как правило, выражается в форме предложения. При этом связь понятий в суждении должна соответствовать связи вещей.

Наконец, умозаключение – форма движения мысли, при которой из одного или нескольких суждений, называемых посылками, выводится новое суждение, называемое заключением или следствием. Умозаключения делятся на два основных класса: индуктивные, представляющие собой выведение общего положения из ряда частных фактов, и дедуктивные, при которых из некоторого общего положения выводятся частные, менее общие".

- **К.Паустовский. Золотая роза. Животворящее начало**

"Кто может провести резкую границу между воображением и мыслью? Её нет, этой границы. Человеческая мысль без воображения бесплодна, равно как и воображение бесплодно без действительности.

Воображение – великий дар природы. Оно заложено в натуре человека. Одно из замечательных свойств воображения заключается в том, что человек ему верит. Без этой веры оно было бы пустой игрой ума, бессмысленным детским калейдоскопом.

Эта вера в воображаемое и есть та сила, что заставляет человека искать воображаемого в жизни, бороться за его воплощение, идти на зов воображения, как это сделал старый гидальго, наконец – создавать воображаемое в действительности. Но прежде всего и сильнее всего воображение связано с искусством, литературой, с поэзией".

5. Мысль – личность

- Люди разные, мысли у них разные...
- Дневная личность непрерывно мыслит.
- С опытом рождаются мысли, которые раньше никогда не приходили в голову или не представляли никакой ценности – мысли о будущем. Исследование определило, что реалистично планируют своё будущее люди активного среднего возраста.

- Мысли о жизни: "Скажи мне, что ты думаешь, и я скажу тебе, кто ты! Это действительно так! Во многом наши мысли определяют нашу сущность, особенности нашей личности. А то, как мы относимся к нашей жизни, предопределяет нашу судьбу. В нескольких словах это можно выразить так: Человек есть то, что он думает.... Например, если мы думаем о счастье, мы чувствуем себя счастливыми. Если нас посещают печальные мысли, нам грустно. А то, что в наших мыслях присутствует страх, даёт нам понять, что мы боимся. Верно?

Думайте и ведите себя жизнерадостно, и Вы почувствуете себя жизнерадостным, ведь наша жизнь есть то, что мы думаем о ней. "Живая мысль делает человека бодрее, здоровее, одновременно и сильнее и мягче, менее замкнутым, более простым и откровенным, так что радость живой мысли распространяется как бы по всему телу и даже затрагивает глубины психики. Живая мысль сильнее всего и красивее всего, от неё делается теплее на душе, а жизненное дело становится эффективнее и легче, сильнее и скромнее" [Лосев А.Ф. Я считаю себя человеком мысли. // Литературная газета, 11 ноября 1998, №45, с.14].

Мы получаем ответы, только когда у нас появляются вопросы. Если не читать, не думать, не сомневаться, никаких вопросов не появится. Если принять полученные ответы за окончательную истину, новых вопросов не появится тоже. Но самое главное, что, если мы перестанем задавать вопро-

сы, Единое информационное поле перестанет существовать. Ведь мы сами создаём его своими мыслями, своим познанием.

Учителя говорят нам, что ни одна наша мысль не исчезает бесследно. Это должно быть так. Мысли, обладающие достаточной чистотой и силой, организуют собственное пространство, пусть это будет пространство оформления той Истины, которую нам дал Бог. Но, получая от человека форму (в виде некоего творения), божественное содержание приобретает нечто такое, чего у него раньше не было, нечто новое, оно становится более прекрасным, более совершенным и именно в таком виде возвращается к Богу. Тогда Бог ликует и радуется. Радуется каждому нашему творению, каждой нашей маленькой победе в освоении Истины подлинной любви.

Без радостного содействия прорастанию Единого в каждом индивидуальном Я познание не может быть полноценным. Каждый великий мыслитель, каждый человек, не испугавшийся своего Я, каждый индивид, однажды ступивший на стезю познания, создаёт свой собственный единственный и уникальный путь. Этот путь никем и ничем не должен быть ограничен, но если это действительно путь мысли, путь творчества и самосовершенствования, он никогда не помешает другому пути, никогда не встанет поперёк чьей-то дороги, никогда не вызовет противостояния. Великое множество путей лучами сходится где-то в бесконечности. Пока мы ищем согласия в вопросах всеобщего экономического благоденствия, справедливого распределения власти, возможности Царства Божия для грешников и т.д., мы теряем драгоценное время. Только по поводу познания и может быть подлинное согласие. Истина, являясь в разных одеждах, остаётся единой в своём существе. А существо Истины в триединстве с Добром и Красотой, которое есть Любовь Бога".

• А. Колупаев: "Мне кажется несколько странным то, что большинство людей не замечают, не понимают того, что очень многие мысли, возникающие в их умах, не являются их собственными, ведь для того, чтобы привести ум в действие, нужно усилие, нужна проблема, которую нужно решить, нужно впечатление, вызывающее ассоциации, мысли же нередко появляются без всего этого, следовательно, являются продуктами активности ума существа, находящегося в духовном взаимодействии с человеком. Поэты, писатели, мыслители, художники, люди, добросовестно практикующие религиозное учение, заметили, что в творческом состоянии, при вдохновении, интуиции, озарении не все возникающие идеи, мысли, чувства, видения являются их собственными идеями, мыслями, чувствами, видениями, они приписывали их музе, говорили, что вдохновение от Бога, что не они сами творят свои произведения, называли процесс творчества инспирацией, приписывали часть хороших мыслей и чувств ангелам, большую часть нехороших мыслей и чувств приписывали бесам. Существует множество их откровений по этому вопросу.

Учение Православия прямо говорит о том, что многие мысли, чувства, желания, возникающие у человека, принадлежат бесам, демонам или Ангелам, которые находятся в постоянном духовном общении с человеком <...>. В Православии утверждается, что все чудеса, совершаемые святыми, совершаются силой Божией, что люди находятся в общении с Ангелом-Хранителем, часто подвергаются воздействиям бесов, демонов, например, говорят, что бес гнева возбудил в человеке гнев на кого-либо, или бес чревоугодия возжёт в человеке желание мясной или вкусной пищи".

● **ЧТО ТАКОЕ ТВОРЧЕСТВО?** "Один человек, фигура не менее важная, чем Платон, считал, что слова творческих поэтов есть продукт Божественного вдохновения; как он писал в III, от Ионы: "И потому Бог отбирает у этих людей разум и использует их, чтобы они служили ему... чтобы мы, кто слышит их, могли знать, что это не они произносят слова эти... но что это сам Господь говорит... через них". Возможно, будет разумным полагать, что творить способен всякий, но вот степень творчества меняется в очень широких пределах. Творчество таких людей, как Пабло Пикассо, или Бакминстер Фуллер, или Вольфганг Моцарт, или Томас Джефферсон не только есть проявление великого таланта; кроме этого, оно хорошо известно. Существуют, конечно же, и другие творческие гении, но они остаются в неизвестности. Мы будем опираться на определение творчества как когнитивной деятельности, которая ведёт к новому или необычному видению проблемы или ситуации. Такое определение не ограничивает творческие процессы утилитарными действиями, хотя в качестве примера творческих людей почти всегда приводят создателей какого-нибудь полезного изобретения, рукописи или теории.

ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

По иронии – и в укор современной когнитивной науке – за последние 20 лет не возникло ни одной крупной теории (как это было с памятью или восприятием), которая смогла бы объединить рассеянные и иногда конфликтующие исследования творчества. Отсутствие общей теории указывает как на трудность этой темы, так и на недостаточное внимание к ней со стороны широкой научной общественности. И всё же эта тема широко заявлена как важная часть повседневной жизни и образования. Много лет назад в истории когнитивной психологии Уоллес (Wallas, 1926) описал четыре последовательных этапа творческого процесса:

Подготовка: Формулировка задачи и начальные попытки её решения.

Инкубация: Отвлечение от задачи и переключение на другой предмет.

Просветление. Интуитивное проникновение в суть задачи.

Проверка: Испытание и/или реализация решения.

Описанные Уоллесом четыре этапа почти не получили эмпирического подтверждения; однако психологическая литература изобилует отчетами об

интроспекции людей, породивших творческую мысль. Наиболее знаменитое из этих объяснений принадлежит Пуанкаре (Poincaré, 1913) французскому математику, открывшему свойства автоморфных функций. Поработав над уравнениями какое-то время и сделав некоторые важные открытия (подготовительная стадия), он решил отправиться в геологическую экскурсию. Во время поездки он "забыл" про свою математическую работу (инкубационная стадия). Затем Пуанкаре пишет о драматическом моменте инсайта. "Когда мы прибыли в Кутансе, мы садились в омнибус, чтобы ехать куда-то ещё. И в момент, когда я поставил ногу на подножку, ко мне без всякой видимой подготовки мысли пришла идея, что преобразования, которые я использовал в определении автоморфных функций, идентичны преобразованиям неевклидовой геометрии". Автор пишет, что когда он возвратился домой, то на досуге проверил эти результаты.

Четырехэтапная модель творческого процесса Уоллеса дала нам концептуальные рамки для анализа творчества. Рассмотрим вкратце каждый из этапов.

ПОДГОТОВКА

Пуанкаре упоминал в своих записках, что он интенсивно работал над этой задачей две недели. За это время он, видимо, перепробовал и по разным причинам отверг несколько возможных решений. Но было бы конечно неправильно предполагать, что подготовительный период длился две недели. Вся его профессиональная жизнь как математика, а также, возможно, и значительная часть его детства может рассматриваться как часть подготовительного периода. Общей темой в биографиях многих знаменитых людей является то, что даже в раннем детстве они развивали идеи, приобретали знания и пробовали развивать свои мысли в конкретном направлении.

Под воздействием таких ранних идей часто формируется самая отдалённая судьба творческой личности. Одной из многих тайн в этом процессе остаётся то, почему другим индивидуумам, находящимся в аналогичном стимульном окружении (а во многих случаях и лишений), не удаётся получить признание своего творческого таланта. Платон предполагал, что творчество может быть делом рук гораздо более непреодолимых сил, чем силы окружения. Может, стоило бы обратить внимание на генетические основы творчества.

ИНКУБАЦИЯ

Почему так получается, что творческий прорыв часто следует за периодом, во время которого проблема может оставаться "вспаханной под пар"? Возможно, наиболее прагматическое объяснение этому состоит в том, что значительную часть нашей жизни мы отдыхаем, смотрим телевизор, плаваем с аквалангом, играем, путешествуем или лежим на солнце и наблюдаем, как плывут облака, вместо того, чтобы упорно размышлять о какой-нибудь проблеме, требующей творческого решения. Так что творческие акты часто

следуют за периодами сна или безделья скорее всего просто потому, что эти периоды занимают много времени.

Познер (Posner, 1973) предлагает несколько гипотез, касающихся инкубационной фазы. Согласно одному из его предположений, инкубационный период позволяет человеку оправиться от усталости, связанной с решением задачи. Перерыв в трудной задаче позволяет также забыть несоответствующие подходы к данной задаче. Как мы уже видели, решению задачи может препятствовать функциональная закреплённость, и не исключено, что во время инкубационного периода люди забывают старые и безуспешные способы её решения. Ещё одна гипотеза, объясняющая, как инкубация может помочь творческому процессу, полагает, что в этот период мы на самом деле продолжаем работать над задачей бессознательно. Такое представление сходится со знаменитым положением Вильяма Джеймса: "Мы учимся плавать зимой и кататься на коньках летом". Наконец, во время перерыва в процессе решения задачи может происходить реорганизация материала.

ПРОСВЕТЛЕНИЕ

Инкубация не всегда ведёт к просветлению (мы все знаем много людей, которые пребывали в инкубации большую часть своей жизни, но до сих пор не достигли просветления). Однако, когда это происходит, невозможно ошибиться в ощущениях. Неожиданно "включается лампочка". Творческая личность может почувствовать порыв возбуждения, когда все кусочки и крупички идеи вдруг встают на место. Все относящиеся к делу идеи согласуются друг с другом, а несущественные мысли игнорируются. Примеров просветления в истории творческих прорывов множество. Открытие строения молекулы ДНК, открытие бензольного кольца, изобретение телефона, завершение симфонии, сюжет повести – всё это примеры того, как в момент просветления в разум приходит творческое решение старой назойливой задачи.

ПРОВЕРКА

Вслед за радостным возбуждением, иногда сопровождающим проницательное открытие, наступает время проверить новую идею. Проверка – это своего рода "отмывание" творческого продукта, когда он проверяется на предмет его законности. Зачастую после тщательного изучения решение, представлявшееся творческим открытием, оказывается интеллектуальным "самоварным золотом". Этот этап может быть довольно коротким, как в случае перепроверки вычислений или пробного пуска новой конструкции; однако, в некоторых случаях верификация идеи может потребовать целой жизни исследований, проверок и перепроверок".

6. Мысль как национальный менталитет

- В.В. Колесов. Источники древнерусской культуры и истоки русской ментальности.

● **М.Н.Фомина. Диалогичность мысли Востока**

"...не каждому можно было доверить сокровенное, так как знание несёт в себе не только пользу, но и вред, если попадёт в руки преждевременно".

● **Н.А.Бердяев. Об отношении русских к идеям.**

"I. Многое в складе нашей общественной и народной психологии наводит на печальные размышления. И одним из самых печальных фактов нужно признать равнодушие к идеям и идейному творчеству, идейную отсталость широких слоёв русской интеллигенции. В этом обнаруживается вялость и инертность мысли, нелюбовь к мысли, неверие в мысль.

Моралистический склад русской души порождает подозрительное отношение к мысли. Жизнь идей признаётся у нас роскошью, и в роскоши этой не видят существенного отношения к жизни. В России с самых противоположных точек зрения проповедуется аскетическое воздержание от идейного творчества, от жизни мысли, переходящей пределы утилитарно нужного для целей социальных, моральных или религиозных.

Этот аскетизм в отношении к мысли и к идейному творчеству одинаково утверждался у нас и с точки зрения религиозной, и с точки зрения материалистической. Это так свойственно русскому народничеству, принимавшего и самые левые, и самые правые формы. Ярко выразилась эта складка русской души в толстовстве. Одни считают у нас достаточным тот минимум мысли, который заключается в социал-демократических брошюрах, другие – тот, который можно найти в писаниях святых отцов. Брошюры толстовские, брошюры религиозно-философской библиотеки М.А.Новосёлова и брошюры социально-революционные обнаруживают совершенно одинаковую нелюбовь и презрение к мысли. Самоценность мысли отрицалась, свобода идейного творчества бралась под подозрение то с точки зрения социально-революционной, то с точки зрения религиозно-охранительной.

Любили у нас лишь катехизисы, которые легко и просто применялись ко всякому случаю жизни. Но любовь к катехизисам и есть нелюбовь к самостоятельной мысли. В России никогда не было ничего ренессансного, ничего от духа Возрождения. Так печально и уныло сложилась русская история и сдавила душу русского человека! Вся духовная энергия русского человека была направлена на единую мысль о спасении своей души, о спасении народа, о спасении мира. Поистине эта мысль о всеобщем спасении – характерно русская мысль. Историческая судьба русского народа была жертвенна, – он спасал Европу от нашествий Востока, от татарщины, и у него не хватало сил для свободного развития.

Западный человек творит ценности, созидает цвет культуры, у него есть самодовлеющая любовь к ценностям; русский человек ищет спасения, творчество ценностей для него всегда немного подозрительно. Спасения ищут не только верующие русские души, православные или сектантские,

спасения ищут и русские атеисты, социалисты и анархисты. Для дела спасения нужны катехизисы, но опасна мысль свободная и творческая. Ошибочно думать, что лучшая, наиболее искренняя часть русской левой, революционной интеллигенции общественна по направлению своей воли и занята политикой. В ней нельзя найти ни малейших признаков общественной мысли, политического сознания. Она аполитична и необщественна, она извращенными путями ищет спасения души, чистоты, быть может, ищет подвига и служения миру, но лишена инстинктов государственного и общественного строительства.

"Общественное" мирозерцание русской интеллигенции, подчиняющее все ценности политике, есть лишь результат великой путаницы, слабости мысли и сознания, смешения абсолютного и относительного. Русский интеллигентский максимализм, революционизм, радикализм есть особого рода моралистический аскетизм в отношении к государственной, общественной и вообще исторической жизни. Очень характерно, что русская тактика обычно принимает форму бойкота, забастовки и неделания. Русский интеллигент никогда не уверен в том, следует ли принять историю со всей ее мукой, жестокостью, трагическими противоречиями, не праведнее ли её совершенно отвергнуть. Мыслить над историей и её задачами он отказывается, он предпочитает морализировать над историей, применять к ней свои социологические схемы, очень напоминающие схемы теологические.

И в этом русский интеллигент, оторванный от родной почвы, остаётся характерно-русским человеком, никогда не имевшим вкуса к истории, к исторической мысли и к историческому драматизму. Наша общественная мысль была нарочито примитивной и элементарной, она всегда стремилась к упрощению и боялась сложности. Русская интеллигенция всегда исповедывала какие-нибудь доктрины, вмещающиеся в карманный катехизис, и утопии, обещающие лёгкий и упрощённый способ всеобщего спасения, но не любила и боялась самоценной творческой мысли, перед которой раскрывались бы бесконечно сложные перспективы.

В широкой массе так называемой радикальной интеллигенции мысль не только упрощена, но опошлена и выветрена. Разложение старых идей в полуравнодушной массе – ядовито. Катехизисы допустимы лишь в огненной атмосфере, в атмосфере же тепло-прохладной они пошлеют и вырождаются. Творческая мысль, которая ставит и решает все новые и новые задачи, – динамична. Русская же мысль всегда была слишком статична, несмотря на смену разных вер и по отношению к теократически охранительным доктринам и по отношению к доктринам позитивистически-радикальным и социалистическим.

II. Русская нелюбовь к идеям и равнодушие к идеям нередко переходят в равнодушие к истине. Русский человек не очень ищет истины, он ищет

правды, которую мыслит то религиозно, то морально, то социально, ищет спасения. В этом есть что-то характерно-русское, есть своя настоящая русская правда. Но есть и опасность, есть отвращение от путей познания, есть уклон к народнически обоснованному невежеству. Преклонение перед органической народной мудростью всегда парализовало мысль в России и пресекало идейное творчество, которое личность берёт на свою ответственность. Наша консервативная мысль была ещё родовой мыслью, в ней не было самосознания личного духа. Но это самосознание личного духа мало чувствовалось и в нашей прогрессивной мысли.

Мысль, жизнь идей всегда подчинялась русской душевности, смешивающей правду-истину с правдой-справедливостью. Но сама русская душевность не была подчинена духовности, не прошла через дух. На почве этого господства душевности развивается всякого рода психологизм. Мысль родовая, мысль, связанная со стихийностью земли, всегда душевная, а не духовная мысль. И мышление русских революционеров всегда протекало в атмосфере душевности, а не духовности. Идея, смысл раскрывается в личности, а не в коллективе, и народная мудрость раскрывается на вершинах духовной жизни личностей, выражающих дух народный. Без великой ответственности и дерзновения личного духа не может осуществляться развитие народного духа. Жизнь идей есть обнаружение жизни духа. В творческой мысли дух овладевает душевно-телесной стихией. Исключительное господство душевности с её животной теплотой противится этой освобождающей жизни духа. Величайшие русские гении боялись этой ответственности личного духа и с вершины духовной падали вниз, припадали к земле, искали спасения в стихийной народной мудрости. Так было у Достоевского и Толстого, так было у славянофилов. В русской религиозной мысли исключение представляли лишь Чаадаев и Вл. Соловьев.

Русская стихийно-народная душевность принимает разнообразные, самые противоположные формы – охранительные и бунтарские, национально-религиозные и интернационально-социалистические. Это – корень русского народничества, враждебного мысли и идеям. В настроенности и направленности русской народной душевности есть что-то антигностическое, берущее под подозрение процесс знания. Сердце преобладало над умом и над волей. Русский народнический душевный тип моралистичен, он ко всему на свете применяет исключительно моралистические оценки. Но морализм этот не способствует выработке личного характера, не создаёт закала духа. В морализме этом преобладает расплывчатая душевность, размягчённая сердечность, часто очень привлекательная, но не чувствуется мужественной воли, ответственности, самодисциплины, твёрдости характера.

Русский народ, быть может, самый духовный народ в мире. Но духовность его плавает в какой-то стихийной душевности, даже в телесности. В этой без-

брежной духовности мужественное начало не овладевает женственным началом, не оформляет его. А это и значит, что дух не овладел душевным. Это верно не только по отношению к "народу", но и по отношению к "интеллигенции", которая внешне оторвана от народа, но сохранила очень характерные черты народной психологии. На этой почве рождается недоверие, равнодушие и враждебное отношение к мысли, к идеям. На этой же почве рождается и давно известная слабость русской воли, русского характера. Самые правые русские славянофилы и самые левые русские народники (к ним за редкими исключениями нужно причислить по душевному складу и русских социал-демократов, непохожих на своих западных товарищей) одинаково восстают против "отвлечённой мысли" и требуют мысли нравственной и спасающей, имеющей существенное практическое применение к жизни.

В восстании против отвлеченной мысли и в требовании мысли целостной была своя большая правда и предчувствие высшего типа мысли. Но правда эта тонула в расплывчатой душевности и неспособности к расчленениям и дифференциациям. Мысль человеческая в путях человеческого духа должна проходить через раздвоение и расчленение.

Первоначальная органическая целостность не может быть сохранена и перенесена в высший тип духовности, без мучительного дифференцирующего процесса, без отпадения и секуляризации. Без сохранения этой истины органически целостная мысль переходит во вражду к мысли, в бессмыслие, в мракобесный морализм. Своеобразие и оригинальность русской души не может быть увита мыслью. Боязнь эта есть неверие в Россию и русского человека. Недифференцированность нашей консервативной мысли перешла и к нашей прогрессивной мысли.

III. В России не совершилось ещё настоящей эмансипации мысли. Русский нигилизм был порабощением, а не освобождением мысли. Мысль наша осталась служебной. Русские боятся греха мысли, даже когда они не признают уже никакого греха. Русские всё ещё не поднялись до того сознания, что в живой, творческой мысли есть свет, преображающий стихию, пронизывающий тьму. Само знание есть жизнь, и потому уже нельзя говорить, что знание должно быть утилитарно подчинено жизни. Нам необходимо духовное освобождение от русского утилитаризма, порабощающего нашу мысль, будет ли он религиозным или материалистическим.

Рабство мысли привело в широких кругах русской интеллигенции к идейной бедности и идейной отсталости. Идеи, которые многим ещё продолжают казаться "передовыми", в сущности, очень отсталые идеи, не стоящие на высоте современной европейской мысли. Сторонники "научного" мирозерцания отстали от движения науки на полстолетия. Интеллигентная и полуинтеллигентная масса питается и живёт старым идейным хламом, давно уже сданным в архив.

Наша "передовая" интеллигенция безнадежно отстаёт от движения европейской мысли, от всё более и более усложняющегося и утончающегося философского и научного творчества. Она верит в идеи, которые господствовали на Западе более пятидесяти лет тому назад, она всё ещё серьёзно способна исповедывать позитивистическое мирозерцание, старую теорию социальной среды и т.п. Но это есть окончательное прекращение и окостенение мысли. Традиционный позитивизм давно уже рухнул не только в философии, но и в самой науке. Если никогда нельзя было серьёзно говорить о материализме, как направлении полуграмотном, то невозможно уже серьёзно говорить и о позитивизме, а скоро нельзя будет говорить о критицизме Кантовского типа. Также невозможно поддерживать тот радикальный "социологизм" мироощущения и мирозерцания, за который всё ещё держится интеллигентская масса в России. Раскрываются новые перспективы "космического" мироощущения и мирознания. Общественность не может уже быть оторванной и изолированной от жизни космической, от энергий, которые переливаются в неё из всех планов космоса.

Поэтому невозможен уже социальный утопизм, всегда основанный на упрощённом мышлении об общественной жизни, на рационализации её, не желающий знать иррациональных космических сил. Не только в творческой русской мысли, которая в небольшой кругу переживает период подъёма, но и в мысли западноевропейской произошёл радикальный сдвиг, и "передовым" в мысли и сознании является совсем уже не то, во что продолжают верить у нас слишком многие, ленивые и инертные мыслью.

Вершина человечества вступила уже в ночь нового средневековья, когда солнце должно засветиться внутри нас и привести к новому дню. Внешний свет гаснет. Крах рационализма, возрождение мистики и есть этот ночной момент. Но когда происходит крах старой рассудочной мысли, особенно нужно призывать к творческой мысли, к раскрытию идей духа. Борьба идёт на духовных вершинах человечества, там определяется судьба человеческого сознания, есть настоящая жизнь мысли, жизнь идей. В середине же царит старая инертность мысли, нет инициативы в творчестве идей, ключья старого мира мысли влачат жалкое существование. Средняя мысль, мнящая себя интеллигентной, доходит до состояния полного бессмыслия.

Мы вечно наталкиваемся на статику мысли, динамики же мысли не видно. Но мысль по природе своей динамичная, она есть вечное движение духа, перед ней стоят вечно новые задачи, раскрываются вечно новые меры, она должна давать вечно творческие решения. Когда мысль делается статической – она костенеет и умирает. У многих наших передовых западников мысль остановилась на 60-х годах, они – охранители этой старой мысли, они остановились на стадии самого элементарного просветительства, на Западе восходящего до XVIII века. В области мысли люди эти не прогрес-

систы и не революционеры, а консерваторы и охранители; они тянут назад, к рассудочному просветительству, они слегка подогревают давно охлажденные мысли и враждебны всякому горению мысли.

IV. Творческое движение идей не вызывает к себе сколько-нибудь сильного интереса в широких кругах русского интеллигентного общества. У нас даже сложилось убеждение, что общественным деятелям вовсе и не нужны идеи или нужен минимальный их запас, который всегда можно найти в складках традиционной, давно охлажденной, статически-окаменевшей мысли. Всё наше движение 1905 г. не было одухотворено живыми творческими идеями, оно питалось идеями тепло-прохладными, оно раздиралось горячими страстями и интересами. И эта идейная убогость была роковой.

За последние пятнадцать лет у нас было высказано много творческих идей и идей не только отвлечённых, но жизненных, конкретных. Но вокруг этих идей всё ещё не образовалось никакой культурной атмосферы, не возникло ещё никакой культурной атмосферы, не возникло ещё никакого общественного движения. Идеи эти остались в кругу немногих. Мир идей и мир общественности остались разобщёнными. Со стороны общественников не было спроса на идеи, не было заказов на идейное творчество, они были довольны жалкими остатками старых идей. Вся ненормальность и болезненность духовного состояния нашего общества особенно почувствовалась, когда началась мировая война, потребовавшая напряжения всех сил, не только материальных, но и духовных.

Нельзя было подойти к мировой трагедии с запасом старых просветительных идей, старых рационалистически-социологических схем. Человек, вооружённый лишь этими устаревшими идейными орудиям, должен был себя почувствовать раздавленным и выброшенным за борт истории. Гуманитарно-пасифистская настроенность, всегда очень элементарная и упрощённая, бессильна перед грозным ликом исторической судьбы, исторической трагедии.

Если у нас не было достаточной материальной подготовленности к войне, то не было и достаточной идейной подготовленности. Традиционные идеи, десятки лет у нас господствующие, совершенно не пригодны для размеров разыгравшихся в мире событий. Всё сдвинулось со своих обычных мест, всё требует совершенно новой творческой работы мысли, нового идейного воодушевления. Наша же общественность во время небывалой мировой катастрофы бедна идеями, недостаточно воодушевлена. Мы расплачиваемся за долгий период равнодушия к идеям. Идеи, на которых покоилась старая власть, окончательно разложились. Их нельзя оживить никакими силами. Не помогут никакие ядовитые мистические оправдания, почерпнутые из старых складов. Но идеи русской общественности, призванной перестроить русскую жизнь и обновить власть, охладели и выветрились раньше, чем наступил час

для их осуществления в жизни. Остаётся обратиться к творческой жизни идей, которая неприметно назревала в мире. Расшатались идеологические основы русского консерватизма и идеологические основы русского радикализма. Нужно перейти в иное идейное измерение.

В мировой борьбе народов русский народ должен иметь свою идею, должен вносить в неё свой закал духа. Русские не могут удовлетвориться отрицательной идеей отражения германского милитаризма и одоления тёмной реакции внутри. Русские должны в этой борьбе не только государственно и общественно перестроиться, но и перестроиться идейно и духовно. Постыдное равнодушие к идеям, закрепощающее отсталость и статическую окаменелость мысли, должно замениться новым идейным воодушевлением и идейным подъёмом. Почва разрыхлена, и настало благоприятное время для идейной проповеди, от которой зависит всё наше будущее.

В самый трудный и ответственный час нашей истории мы находимся в состоянии идейной анархии и распутицы, в нашем духе совершается гнило-стный процесс, связанный с омертвлением мысли консервативной и революционной, идей правых и левых. Но в глубине русского народа есть живой дух, скрыты великие возможности. На разрыхленную почву должны пасть семена новой мысли и новой жизни. Созревание России до мировой роли предполагает её духовное возрождение". Опубликовано в январе 1917.

● **А.В.Бабаева.** Ритуальное и профанное поведение в русском культурном пространстве. "Поведение человека в русской культуре – вечный синтез сакрального и профанного".

● **О.Седакова. Посредственность как социальная опасность**

"Диагноз: источник происшедшего – хулиганство, хулиганство как исторический феномен. Он возникает каждый раз, когда кончается аграрная цивилизация и люди из деревни приходят в город. Они вырываются из своей культуры и не приобщаются к городской. Здесь месторождение люмпенства, которому "нечего терять", которому ничего не жалко, потому что окружает его чужое, месторождение хулиганства как всеобщей роковой опасности. Между прочим, эту стихию хорошо чувствовали и Блок, и Василий Розанов. Эту опасную полосу проходят все страны, в которых происходит индустриальная революция.

В посредственности блеска не бывает. Она и не понимает блеска. Великое для неё – это просто очень, очень большое и устрашающее.

Русское слово "посредственный" по своей морфологии позволяет понять его по-разному: посредственный как нечто посередине, ни то ни сё – или иначе: как человека, которому необходима опосредованность, который воспринимает всё только через готовые, опосредованные формы: он не может перенести прямого неопосредованного, непосредственного отношения с миром. Вот такого человека и стали прославлять, называя его золотой се-

рединой, которая спасёт нас от опасных крайностей. Мне крайне обидно за Аристотеля, который в своей "золотой середине" никак не предполагал посредственности, он бы никогда не связал её с таким благородным металлом. Аристотелевская "середина" – очень радикальная вещь: она заключается в равном отстранении от двух противоположных пороков, но в этой сложной пропорции всегда есть блеск и мужество. Впрочем, не один Аристотель пострадал и обтрепался, попав в развязный журналистский дискурс".

- "Серые будни и однообразная жизнь не всех одинаково тяготит, кто-то у нас к ним привыкает и даже привязывается. Серость, может быть, врождённое свойство человека, его характера, и передаётся по наследству. Часто, но не всегда, серое существование как бы сродни вялой и ленивой породе, когда никаких амбиций и претензий, прежде всего к самому себе. Хотя окружение и фон тоже могут не отличаться особенной яркостью. У кого-то на всю жизнь укореняется в душе и остаётся склонность к равномерности, чтобы жить без излишних волнений. Как-никак это и защитный цвет в природе. И сколько в нём своих тонов и оттенков!

Практичный и прочный середняк, тем не менее, незаслуженно опороченный и обиженный цвет. Считают, что серый – невыразительный, безрадостный, неинтересный, рутинный, скучный, пыльный, грязный, однообразный, надоевший, наскучивший, отсталый, тупой, утомительный, туманный, дождливый, приглушённый (смотря о чём речь). Нормальные люди всё-таки, как могут, борются с серостью и бедностью мысли, чураясь невыразительности, приземлённости и ограниченности духа. Важно было бы познать нам таинственный смысл и роль сверхъестественной Мысли в нашей Жизни.

Эволюция – развитие мира и наше продвижение, человечества и каждого из нас, связана с накоплением мысли и опыта, информации и знаний, и, может быть, в чём-то тормозится намеренно и сдерживается временами распространяющейся повсеместно будничной серостью, рутинной мыслью (в результате общего переизбытка её массы). Мысль, как и личность, отнюдь не всегда и всецело исключительно только лишь яркая, творческая, передовая и величественная, она самая разная, и спорная, и сомнительная, и подлая, и гадкая, и грязная. В ней все наши достижения, как и все пороки тоже".

- "Мысли, которые не удались. Бывает так, что серый-серый человек, просидев весь день в сером-сером офисе и выполняя свою серую-серую работу, вернулся домой по серым-серым улицам серого-серого города в сером-сером автобусе полном серых-серых людей, вошёл в серую-серую парадную и по серой-серой лестнице вошёл в свою серую-серую квартиру. Он включил свой серый-серый компьютер, вошёл на Интернет и попал на свой любимый форум. И жизнь заиграла красками. Здесь он перебросился словом с приятелем, пожаловался на дурака-начальника, посмеялся над брошенной кем-то шуткой, обругал одного участника форума, оказался обруганным сам, устро-

ил небольшую войну, вышел из неё в уверенности своей победы, покритиковал президента России, осудил действия Америки и конспиративные замыслы инопланетян с Альфа Центавры, сообщил всем, что "Чемберлен – это голова!" и, наконец, хлопнув дверью, ушёл с форума, после чего уже усталый, хлопнулся в постель и заснул, чувствуя, что день прошёл не зря".

● Печаль пессимиста. "В начале была мысль... Большой мир. Он не был таким уж большим, на самом деле. Работа, комнатка в родительской квартире, однокурсники, встречи выпускников в первую неделю каждого февраля. И – серость. Серые мысли, серые люди, серые звуки, серый мир. Он не большой, мир, он – серый. Он просто серый..." (Николай Юрьевич Андреев).

● Ю Соболев. Бригадный Подряд

Серые мысли, серый террор. / Серые тени устроили пир.

Серые крысы, серый забор – / Это агрессия в мой мир.

Серые силы рады давить, / Серый цвет у меня вызывает рвоту.

Серая сила рада душить, / Ну, что же ей делать – такая работа!

Серый цвет у меня вызывает рвоту! (1988-89гг., в конце перестройки).

● Р.Морган:

"Стол серый. Телефон серый. Серые стены. Серая жизнь. Серое пальто.

И в серую дверь...

Окунулся в серую толпу. Серые мысли ведут в никуда... Серость кругом. Только серость одна! Серая девушка. Серая грудь. Серая жизнь сексуальная.

Серую водку по серому пью. Серой закуской закусываю. Серым рождён. Видно, серым помру. Серая исповедь в серой тетради.

Серые девушки на сером асфальте. Ищут с деньгами серого дядю. Серые баксы не могут раскрасить серых занудных и проклятых дней!" Что это? Как называется?

● "Серые Мысли Серого Человека... Я есть Я, и нечего пытаться меня изменить! Всё равно ничего не получится!" А почему? Обидно ведь, если зрелая мысль и не пустая, и не посредственная, но отчаянная и злая. Хотя здесь, возможно, другое: упадничество и самобичевание. Человек, не спеши с выводами и поверь себе – и тогда всё может случиться. Хотя я не навязываю тебе своих мыслей. А вот совершенно иной, восхищённый и сказочный, взгляд на мир, у ребёнка и романтика свои наивные рассуждения". Сказка о серой мысли.

● О серой блогосфере. "Серая блогосфера – это "стадо" блогов, тесно связанных между собой постоянным перекрёстным цитированием друг друга (пиаром и самопиаром), заимствованием друг у друга идей и тем (это не датамайнинг (англ. data mining – "раскопки данных"), а просто воровство). Серые блоги отличаются "пустым" содержанием, односторонностью, самовосхвалением, они не несут читателю практической пользы, а только отвлекают от дел".

● Д.Бонхеффер. О глупости // "Вопросы философии", 1989, №10:

"Глупость – ещё более опасный враг добра, чем злоба. Против зла можно протестовать, его можно разоблачить, в крайнем случае его можно пресечь с помощью силы; зло всегда несёт в себе зародыш саморазложения, оставляя после себя в человеке, по крайней мере, неприятный осадок. Против глупости мы беззащитны. Здесь ничего не добиться ни протестами, ни силой; доводы не помогают; фактам, противоречащим собственному суждению, просто не верят – в подобных случаях глупец даже превращается в критика, а если факты неопровержимы, их просто отвергают как ничего не значащую случайность. При этом глупец, в отличие от злодея, абсолютно доволен собой; и даже становится опасен, если в раздражении, которому легко поддаётся, он переходит в нападение. Здесь причина того, что к глупому человеку подходишь с большей осторожностью, чем к злому. И ни в коем случае нельзя пытаться переубедить глупца разумными доводами, это безнадежно и опасно.

Можем ли мы справиться с глупостью? Для этого необходимо постараться понять её сущность. Известно, что глупость не столько интеллектуальный, сколько человеческий недостаток. Есть люди чрезвычайно сообразительные и, тем не менее, глупые, но есть и тяжелодумы, которых можно назвать как угодно, но только не глупцами. С удивлением мы делаем это открытие в определённых ситуациях. При этом не только создаётся впечатление, что глупость – прирождённый недостаток, сколько приходишь к выводу, что в определённых ситуациях люди оглупляются или дают себя оглуплять.

Мы наблюдаем далее, что замкнутые и одинокие люди подвержены этому недостатку реже, чем склонные к общительности (или обречённые на неё) люди и группы людей. Поэтому глупость представляется скорее социологической, чем психологической проблемой. Она не что иное, как реакция личности на воздействие исторических обстоятельств, побочное психологическое явление в определённой системе внешних отношений. При внимательном рассмотрении оказывается, что любое мощное усиление внешней власти (будь то политической или религиозной) поражает значительную часть людей глупостью.

Создаётся впечатление, что это прямо-таки социологический и психологический закон. Власть одних нуждается в глупости других. Процесс заключается не во внезапной деградации или отмирании некоторых (скажем, интеллектуальных) человеческих задатков, а в том, что личность, подавленная зрелищем всесокрушающей власти, лишается внутренней самостоятельности и (более или менее бессознательно) отрекается от поиска собственной позиции в создающейся ситуации. Глупость часто сопровождается упрямством, но это не должно вводить в заблуждение относительно её несамоостоятельности. Общаясь с таким человеком, просто-таки чувствуешь, что говоришь не с ним самим, не с его личностью, а с овладевшими им ло-

зунгами и призывами. Он находится под заклятьем, он ослеплён, он поруган и осквернён в своей собственной сущности. Став теперь безвольным орудием, глупец способен на любое зло и вместе с тем не в силах распознать его как зло. Здесь коренится опасность дьявольского употребления человека во зло, что может навсегда погубить его.

Но именно здесь становится совершенно ясно, что преодолеть глупость можно не актом поучения, а только актом освобождения. При этом, однако, следует признать, что подлинное внутреннее освобождение в подавляющем большинстве случаев становится возможным только тогда, когда этому предшествует освобождение внешнее; пока этого не произошло, мы должны оставить все попытки воздействовать на глупца убеждением. В этой ситуации вполне очевидна тщетность всех наших усилий постичь, о чём же думает "народ" и почему этот вопрос совершенно излишен по отношению к людям, мыслящим и действующим в сознании собственной ответственности. "Начало мудрости – страх Господень" (Пс 110, 10). Писание говорит о том, что внутреннее освобождение человека для ответственной жизни пред Богом и есть единственно реальное преодоление глупости.

Кстати, в этих мыслях о глупости всё-таки содержится некоторое утешение: они совершенно не позволяют считать большинство людей глупцами при любых обстоятельствах. В действительности всё зависит от того, на что делают ставку правители – на людскую глупость или на внутреннюю самостоятельность и разум людей".

- Э.Роттердамский. Глава XXXI. (Только благодаря Глупости жизнь бывает сносной).

7. Пространство и горизонты мысли (см. 11).

- М.Хайдеггер. "Память – это собрание мыслей. Мыслей о чём? О том, что держит нас в нашей сущности постольку, поскольку мы его мыслим".

- Kerima. Спор души и разума. "У тебя много мыслей в голове, их целый рой. Твои мысли сменяют друг друга с калейдоскопической скоростью. И ты быстрее стараешься их поймать и записать, боясь, что они исчезнут. Ведь многие мысли легче написать, чем произнести вслух".

- Психолого-педагогический консилиум по изучению проблем мотивации

- Работа немецких реставраторов: консилиум для Нефертити.

- Правозащитный консилиум по делу о преследовании организации "ГОЛОС".

- Консилиум на ладони. "Мы раньше думали, что нашу судьбу определяют звёзды. Сейчас мы знаем, что во многом наша судьба – это наши гены", – сказал недавно легендарный биолог, нобелевский лауреат Джеймс Уотсон, открывший структуру ДНК.

- Консилиум, обмен опытом и мнениями, врачебная практика.

- Педологический консилиум как одна из организационных форм осуществления педагогического эксперимента.

- В.И.Дроганов: "Пишет Вам, врач психотерапевт Дроганов Виктор Иванович. Одна из задач семейного психотерапевта – научить супругов решать проблемы методом конструктивного спора. К сожалению, практика показала, что не только супруги, но даже учёные, не хотят решать проблемы методом конструктивного спора. Для решения данного вопроса необходимо разработать эффективную программу воспитания, направленную на формирование у студентов и школьников навыков решения проблем методом конструктивного спора. Но чтобы реализовать данную программу, Парламент должен дополнить Закон " Об образовании" статьёй, обязывающей все учебные учреждения формировать у учащихся навыки решения проблем методом конструктивного спора".

- Ф.Гиренок. Удовольствие мыслить иначе. Гиренок обосновывает свой метод: "Кто хочет мыслить, тот должен перестать играть в классику, рассуждая о сущностях, законах, субстанциях и прочем. Не основания, а пределы возможного интересуют нас сегодня. То, что есть, на пределе перестаёт быть тем, что оно есть. В пространстве предела мышление носит не понятийный характер, а парадоксальный. <...> Здесь ты, как сплавщик леса, прыгаешь с бревна на бревно, а не подчиняешься априорным предписаниям разума".

8. Разновидности мысли

- В.И.Вернадский. Научная мысль и научная работа как геологическая сила в биосфере. "Выявление новой геологической силы в биосфере – научной мысли социального человечества".

- В.Ю.Лебедев. К вопросу об описании опыта религиозного освоения мира. "Религиозное освоение мира – отдельная и самостоятельная сфера действия мыслящего и познающего индивида. При действовании в сфере религиозного индивид входит в область специфических смыслов (последовательная инвентаризация которых не проводилась; таксономия их также отсутствует). Религиозные смыслы, будучи воплощены при помощи материальных средств языка, должны сохранять свою обособленность. В случае её утраты область религиозного опыта заполнится профанным. Ситуация профанации – это ситуация отсутствия адекватных языковых средств опредмечивания (воплощения) сакральных смыслов.

Феномен секуляризации требует для своего осмысления учёта закономерностей воплощения сакральных смыслов в текстах любого рода. Исходя из отмеченной выше трихотомии, представляется более корректным говорить далее не о секуляризации, а о десакрализации".

- Джозеф О'Коннор, Джон Сеймор. Введение в нейролингвистическое программирование. "Коммуникация начинается с наших мыслей, и мы

используем слова, тон голоса и язык телодвижений для того, чтобы передать их другому человеку. А что такое наши мысли? Существует множество различных научных ответов, и всё же каждому из нас хорошо знакомо, что представляет наше собственное мышление. Один полезный способ думать о мышлении заключается в том, чтобы думать, что мы используем наши органы чувств внутренним способом.

Когда мы думаем о том, что мы видим, слышим и ощущаем, мы воссоздаём эти картины, звуки и ощущения внутри себя. Мы вновь переживаем информацию в той сенсорной форме, в которой мы первоначально её воспринимали. Иногда мы осознаём, что мы это делаем, иногда нет. Можете ли вы, например, вспомнить, куда вы ездили в свой последний отпуск?

Итак, как вы это вспомнили? Может быть, картинка того места всплыла в вашей голове? Возможно, вы произнесли название или услышали звуки, сопутствовавшие отдыху. Или, может быть, вы воспроизвели свои ощущения. Мышление является настолько очевидным и банальным действием, что мы никогда не задумываемся о нём. Мы предпочитаем думать о том, о чём мы думаем, а не о том, как мы думаем. Мы также предполагаем, что другие люди думают точно так же, как и мы.

Один способ, которым мы думаем, заключается в сознательном или бессознательном воспроизведении картин, звуков, ощущений, вкусов и запахов, которые мы переживали. Посредством языка мы можем даже создать разнообразие сенсорных переживаний без того, чтобы переживать их в действительности. <...> многие люди имеют внутренний голос, который возникает в аудиальной системе и создаёт внутренний диалог. Они перечисляют аргументы, вторично прослушивают речи, подготавливают реплики и, как правило, обсуждают различные вещи сами с собой. Тем не менее, это лишь один из способов мышления.

9. Качества и свойства мыслей

- Б.Рассел. Философский словарь разума, материи, морали:

"МЫСЛЬ. Люди боятся мысли больше всего на свете – больше, чем разорения, даже больше, чем смерти. Мысль разрушительна и революционна, губительна и ужасна; она беспощадна к привилегиям, установленным институтам и обычаям. Мысль анархична и незаконна, безразлична к авторитету; она пренебрегает проверенной веками мудростью. Мысль заглядывает в бездну ада, и не боится. Она обнаруживает там человека, ничтожную пылинку, окружённую пучиной безмолвия; но он держится с достоинством, невозмутимо, будто господин вселенной.

Мысль величественна, быстра и свободна. Она – свет мира и важнейший источник красоты человека".

• С.Хусамов. Делаю своё агентство. "Также поясню немного, что есть мысль по моим понятиям. Мысль это вопрос и ответ. Причём правильных ответов может быть много. Бесплезная мысль та, ответ на которую нельзя сразу же, через секунду, применить на практике (болтовня...). Ну, соответственно, полезная мысль та, которую можно сразу применять и получать результат. Итого, мысль это вопрос -> ответ -> применение -> результат".

• Ю.Айхенвальд. Николай Болдырев. Пьяная мысль.

• Л.А.Киселёва. Старообрядческая аксиология слова и буквы в поэзии Н.А.Клюева.

• Д.Менделеев: Познание России. Заветные мысли.

• Г.Мирошниченко. Я так считаю: "Абсурдная мысль не даёт покоя: как многое в России походит на процессы, характеризующие колонию!"

• Почва и судьба А.Якобсона: "Да не будет мне приписана абсурдная мысль о том, что причиной кровавой оргии 30-х годов и следующих десятилетий явилась романтическая поэзия 20-х годов. Причины были другие. Стихи не делают историю. Палачи не читают стихов..."

• Дневник бесполезных мыслей (или сам себе психоаналитик).

• Беспорядочные мысли:

"Уже какой день пытаюсь что-нибудь здесь написать, но никак не могу собрать все мысли в кучу. Напишу строчку, прочитаю, удалю... Но сегодня я поставил себе цель всё-таки написать тут хоть что-нибудь похожее на полноценную мысль.

С чего начать? Начну с итогов месяца, я вообще люблю анализировать прожитые мной дни, будь то год, сезон, месяц или неделя. Ну что, по-прежнему не курю, и по-прежнему этому очень рад. Правда, травки в этом месяце скурил немного больше чем обычно, не знаю, связано это с тем, что я бросил курить табак, но со следующего месяца я трачу на ганжу в три раза меньше.

Так, что ещё... Обновил движок форума, на своём сайте ghetto.ru, очень доволен. То есть последние несколько дней я занимался хоть каким-то делом. На улице погода просто супер, но, как ни странно, на улицу идти не хочется, да и с настроением какой-то рамс. Итог: Как не пытался я сегодня написать хоть что-нибудь толковое и связанное, ничего не получается".

• Беспорядочные мысли. Что хочешь, то и пиши.

• Непричёсанные и беспорядочные мысли.

• Бредовые мысли. Семь. Жадность, гордыня, зависть, чревоугодие, вожделение, лень и, наконец, гнев – семь коротких шагов навстречу пылающей бездне геенны огненной...

• Иначе куча бесполезных мыслей и знаний будут просто тебе мешать.

• Маджджхима-Никайя, 140: "Я есть" – бесполезная мысль; "Я не есть" – бесполезная мысль; "Я буду" – бесполезная мысль; "Я не буду" – беспо-

лезная мысль. Беспольные мысли являются болезнью, язвой, занозой. Но преодолевший все беспольные мысли называется безмолвным мыслителем. И мыслитель, Безмолвный, не возникает более, не возвращается более, Ему неведомы более ни трепет, ни страсти".

- Г.А.Левинтон. Заметки о зауми. 1. Дыр, бул, щыл.

"В.Хлебников. И я уже встречал лиц, которые покупали "Тэ ли лэ", ничего не понимая в дыр бул щыл, но восхищаясь его живописью". "Мы дали образец иного звука и словосочетания: / Дыр, бул, щыл, / убещур / сдум / вы со бу / р л эз. (Кстати, в этом пятистишии более русского национального, чем во всей поэзии Пушкина)".

- Е.Е.Левкиевская. Заумь как разновидность ритуальной речи славян:

"Заумь – разновидность ритуальной речи, представляющая собой бессмысленный набор непонятных, искажённых слов, обычно ритмически организованных и зарифмованных. Заумь часто имитирует иноязычную речь. Заумь используется в сакральных и магических ситуациях: для общения с потусторонним миром, для передачи речи нечистой силы, как способ обозначения сакральных понятий, а также для коммуникации с животными, маленькими детьми, иностранцами, т.е. с "не-людьми" или "не вполне людьми". С заумью тесно связана глоссолалия – говорение на иностранных, "непонятных" языках.

Заумь, как и глоссолалия, характеризует в былинках и поверьях язык нечистой силы и, наряду с хромотой, кривизной, слепотой и др. физическими недостатками, свидетельствует об ущербности, неполноценности демонов, их неспособности говорить на нормальном человеческом языке. Культурная заумь используется как сакральная речь в религиозной практике различных сект: хлыстов, бегунов, пятидесятников, штундистов и др. В этом случае создание заузного текста часто носит характер импровизации и основано на имитировании чужого языка, сакральный статус которого оценивается выше родного. Члены русских религиозных сект во время религиозного экстаза произносят глоссолалические молитвы, которые осознают как говорение на немецком, "египетском", "иерусалимском" или "индейском" языках, на которых, как они считают, общаются с Богом".

- Е.Иванова. Элементы заузного языка в лирике Сергея Есенина:

"Категория заузости исторически изменчива. Новая семантическая система часто воспринимается как бессмыслица. Объём понятия "заумь" тоже варьируется. Можно выделить следующие функции заузи:

Остранение: поиск нового языка, который может устранить автоматизм восприятия действительности. Попытка более точно и выразительно передать образы, возникшие у автора. Заумь – язык с нарочито высокой степенью неопределённости. Заумь – язык стрессовых ситуаций. Суггестивное влияние на читателя с помощью звучания слова. Поэт обращается непо-

средственно к чувственному уровню восприятия, минуя логически-понятийный. Приобщение читателя к сотворчеству. Эпатаж".

- Л.Пантелеев в своих воспоминаниях о Маршаке говорит: "После Пушкина и Блейка Хлебников был, пожалуй, самой большой любовью Маршака. Мне вспоминается как нечто светлое, как праздник, появление в нашей жизни пяти желтовато-белых томиков собрания творений этого прекрасного, ни на кого не похожего, до сих пор непонятого и незаслуженно гонимого мастера. Учитель Маяковского, Заболоцкого, Асеева, почти всех наших молодых поэтов, он почему-то и доныне ходит у части нашей критики в "заумниках", даже в декадентах, в нём видят будетлянина, футуриста, чудака, "председателя земного шара" и даже попыток не делают услышать в его стихах и в прозе державный голос одного из лучших русских поэтов" (Л.Пантелеев. Маршак в Ленинграде. // Сб. "Избранное", Л., 1967, с. 502).

- Н.С.Сироткин. О методологии исследования авангардизма, или Эстетические отношения авангардизма к действительности: "Заумная поэзия "освобождает", даёт творческую свободу – в этом одна из её главных целей: "Общий язык связывает, свободный [т.е. заумный. – Н.С.] позволяет выразиться полнее"; "заумь пробуждает и даёт свободу творческой фантазии, не оскорбляя её ничем конкретным" [Крученых 1992 45, 126].

Поэт-заумник предлагает нам некую форму, в которую (при различных условиях) можно вместить практически любое содержание. Косный язык не может адекватно представлять (репрезентировать) вечно обновляющийся мир, и задача создать такую форму искусства, которая соответствовала бы этому основному принципу жизни – принципу вечного обновления – составляет, так сказать, теоретическую основу заумной поэзии.

Известный лингвист И.А.Бодуэн де Куртене утверждал, что и сам способен "в течение нескольких часов извергать из себя, с разнообразной интонацией, заумные слова", но это вовсе не живая речь, а "звуковые экскременты" [Марков 191]).

- "Выставку в галерее Reflex я сопровождал следующим весьма заумным текстом. Сейчас уже сам не очень понимаю, что же я хотел этим сказать..."

- Г.Регель. Казус Беларуси. Перспектива гегельянского анализа. О "рабе" и "господине":

"После первого взгляда на название статьи, читателю может показаться, что это очередной заумный текст, очередная доза неопределённости и философствования. Нет. Я не буду вызывать тёмных духов гегельянства. Не тут и не сейчас. Я не буду использовать сложных слов. Я не буду говорить о роли Гегеля в мировой философии. Все эти размышления возникли в моей голове во время одной из прогулок. И, если быть честным, мне никогда не хватало терпения на всю "Феноменологию духа". Всё, о чём я расскажу в данной статье, опирается на несколько глав из Гегеля, о которых мне рас-

сказала Джудит Батлер и, размышляя над которыми, я пришёл к тем идеям, которые представлены ниже...".

- Д.Карельштейн. Мои СУБЪЕКТИВНЫЕ критерии таланта.

"Читатель не должен натужно "продираться" через "заумный текст". Желательно, чтобы он (читатель) наслаждался чтением, а не мучился преодолением. Хотя этот критерий не всеобъемлющий. Есть прецеденты".

- М.Татарович. Не разбудить бы Герцена: "Если перевести заумный текст пресс-релиза на нормальный человеческий язык, то получится вот что. Нонпрофитная галерея "Франция" объединяет вокруг себя адептов интеллектуального и политического радикализма. Адепты устраивают перформансы и акции, беспрестанно вторгаясь "в алфавит массовой культуры", нарушая "схему кодировок восприятия", борясь с навязанными "кем-то стереотипами сознания". По крайней мере, сами они в этом не сомневаются".

- Могу изложить доступно заумный текст ...

10. Патология мысли

- В.Горький: "И наблюдая в Море за известными или малоизвестными людьми, можно понять и то, что разным людям отведена разная судьба, и потому одни становятся известными и знаменитыми, будучи недавно ещё никем, а другие так в итоге и остаются никем. Человеку непонятно, почему так происходит, а непонятно лишь потому, что они не знакомы с понятием "иерархия мысли".

Иерархия мысли – это когда одна мысль способна управлять другой, подавляя её. Иерархия мысли формируется согласно иерархии сознания, т.е. того, что генерирует мысль. Сознание находится в Мире Бога, т.е. нематериальном мире, и чем древнее сознание, тем, как правило, выше его иерархическая ступень, т.е. значение и статус. Поэтому высшее сознание управляет низшим, и это довольно легко понять на примере религиозной иерархической системы, где на высшей ступени сознания стоит Бог, управляющий всеми, затем идут архангелы, далее – ангелы и т.д. Можно в качестве примера привести и проявление гипноза, когда во время сеанса гипноза мысль более сильного человека способна подавлять мысль более слабого. Вот почему, с одной стороны, гипнотизёрами могут работать далеко не все люди, а с другой стороны, далеко не все люди поддаются гипнозу. Взрослый человек, как правило, управляет ребёнком, а умный управляет и подавляет глупого. Всё это примеры иерархии мысли, а значит и сознания".

- "Попробуйте представить себе, что кто-то неизвестный и невидимый незаметно для Вас вмешивается в Вашу систему мышления, подавая Вам мысль со стороны, которую Вы воспринимаете как свою, для того, чтобы Вы совершали необходимые ему действия и поступки. Ведь Вы на самом деле не сможете в своей системе мышления определить, Ваша это мысль

или нет. Достаточно вспомнить хорошо известный фильм "Тень", где путём внушения, через передачу мысли, потомок Чингисхана управляет другими людьми, при необходимости зомбируя целый город. И лишь один человек устойчив к зомбированию – это тот, на которого иерархия мысли потомка Чингисхана не распространяется".

- Методика самооценки тревожности, ригидности и экстравертированности (по Д.Моудсли). Вас когда-нибудь тревожила "бесполезная мысль", которая всё время вертелась в голове?

- "Порою, в моменты особенно противного настроения, когда я бреду по городу (неважно куда), приходит мысль: "Тени. Тени. Вокруг только тени. Я живу среди теней. Я просто тень". Дурацкая и абсолютно бесполезная мысль. Наверно, её появлению способствует моё далеко не идеальное зрение. Люди и их лица просто расплываются. Призма плохого настроения только ухудшает это. Я перестану видеть в них живых существ. Это плохо. Надо от этого избавляться".

- Бесконечные мысли. Бессонница. Человек дождя: "Раньше ночь была лучшим временем суток, сейчас же будто каторга. Устаю безумно, но стоит лечь, как мысли начинают терзать: гадкие картины недавнего прошлого, размышления о жизни, людях – тяжёлые, мучительные размышления! Жизнь последних лет больше похожа на "квадратики серой плитки, с черной полоской между. От которой становится тошно и хочется повеситься".

- Общие сведения. "Навязчивые состояния (называемые также ананкастными реакциями) широко распространены. Как временное явление они наблюдаются у большинства здоровых подростков и взрослых. Часто встречается также психастеническая психопатия – состояние, при котором склонность к навязчивому повторению мыслей и действий является чертой характера. Кроме того, 2–3% взрослых страдают неврозом навязчивых состояний".

11. Экология и лечение мысли

- Свами Шивананда Йога и Сила Мысли

Гл.6. Мысли – их разнообразие и победа над ними.

"ИЗБАВЬТЕСЬ ОТ НАВЯЗЧИВЫХ МЫСЛЕЙ"

В начале практики контроля мыслей вы испытаете огромную трудность. Вам придётся воевать с собственными мыслями. Они будут сражаться изо всех сил за своё существование. Они будут говорить: "У нас есть все права оставаться в этом дворце разума. С незапамятных времён мы обладаем исключительной монополией занимать эту территорию. Почему вдруг мы должны покинуть своё владение? Мы будем сражаться за своё неотъемлемое право до конца".

Они будут свирепо на вас набрасываться. Стоит вам лишь сесть медитировать, как в вашей голове появятся всевозможные дурные мысли. Когда

вы попытаетесь их подавить, они захотят атаковать вас с удвоенной силой и яростью. Но позитивное всегда побеждает.

ИЗБАВЛЯЙТЕСЬ ОТ ПРЕДОСУДИТЕЛЬНЫХ МЫСЛЕЙ

Изгоняйте из сознания все бесполезные и предосудительные мысли. Бесполезные мысли препятствуют вашему духовному росту; предосудительные мысли – это камни преткновения на пути духовного продвижения. Когда вы лелеете бесполезные мысли, вы отходите от Бога. Замените их на мысли о Боге. Лелейте только мысли, которые приносят помощь и пользу. Полезные мысли – это ступеньки на пути духовного роста и прогресса. Не позволяйте мыслям бежать по проторённой колее, выбирать пути-дорожки и приобретать собственные привычки. Будьте бдительны.

Если галька в нашем ботинке причиняет нам боль, мы её выбрасываем. Мы снимаем ботинок и вытряхиваем гальку. Когда проблема полностью понята, непрошеную и предосудительную мысль можно выбросить из головы с такой же лёгкостью. В этом вопросе не должно быть никаких сомнений. Это очевидно, ясно и понятно. Избавляться от ненужных мыслей надо так же легко, как вытряхивать камешек из туфли; и до тех пор, пока человек не умеет это делать, просто глупо говорить о его господстве или власти над природой. Он просто раб и жертва фантомов, которые напоминают летучих мышей, машущих крыльями в коридорах его разума.

КАК ИЗЖИТЬ ЛИШНИЕ МЫСЛИ

Не пытайтесь отгонять от себя ненужные и бесполезные мысли. Чем больше вы будете пытаться это сделать, тем мощнее будет их натиск, тем больше силы они обретут. Вы перенапряжёте энергию и волю. Проявляйте безразличие. Наполняйте сознание мыслями божественного характера. Ненужные мысли постепенно пройдут. С помощью постоянной медитации укрепляйтесь в нирвикальпа-самадхи.

Устранение напряжения в мышцах тела даёт отдых и покой сознанию. При расслаблении вы даёте отдых сознанию, измученным нервам и переутомлённым мышцам. Приходит бесконечное успокоение сознания, сил и энергии. Когда вы практикуете физическую или умственную релаксацию, в вашем мозгу не должно быть разнообразных посторонних мыслей неопределённого характера. Гнев, разочарование, неудача, нездоровье, несчастье, печаль, ссоры вызывают внутреннее ментальное напряжение. Выдворите эти мысли за пределы сознания.

Мысли бывают четырех видов: символические, инстинктивные, импульсивные и обыденные.

УДЕРЖИВАЙТЕ ВДОХНОВЛЯЮЩИЕ МЫСЛИ

Цель жизни – это обретение божественного сознания. Цель жизни заключается в осознании, что вы – не это бренное тело, не это изменяющееся и ограниченное сознание, а всечистый и извечно свободный Атман.

ВЕСЬ ДИАПАЗОН МЫСЛЕЙ

Есть разные виды мыслей. Есть инстинктивные мысли. Есть зрительные мысли. Есть слуховые мысли (мышление в терминах слухового восприятия). Есть символические мысли (мышление в рамках символов). Бывают и обыденные мысли. Есть кинестетические мысли (мышление в терминах движения, как будто вы играете в игру). Есть эмоциональные мысли. Зрительные мысли переходят в слуховые, а слуховые – в кинестетические. Существует тесная связь между мыслью и дыханием, как есть тесная связь между сознанием и праной. Когда сознание сосредоточено, дыхание замедляется. Если человек мыслит быстро, его дыхание учащается.

УБОГИЕ МЫСЛИ И МОРАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Неуправляемые мысли – вот корень всего зла. Каждая мысль сама по себе чрезвычайно слаба, потому что сознание обычно отвлекается бесчисленными и вечно изменяющимися мыслями. Чем сдержаннее мысли, тем сфокусированнее внимание и тем больше силы и энергии оно обретает. Для разрушения убогих и низких мыслей требуется кропотливая работа; но самый простой и быстрый метод разрушения низких мыслей состоит в их замене на возвышенные мысли. Несведущий в законах мышления и поглощённый в житейские дела и интересы человек становится добычей разных мыслей – пропитанных ненавистью, гневом, мстительностью, похотью – и превращается в слабовольного и лишённого дара проницательности раба, жертву неблагоприятной для него тонкой деятельности сознания.

Лучший метод приобретения ментальной силы – в культивировании возвышенных, благородных и праведных мыслей, при помощи которых можно сдерживать рассеивающие и отвлекающие внимание, разнообразные, суетные и низкие мысли. Когда любая злая мысль терзает душу, лучший метод от неё избавиться – не обращать на неё внимание. Как можно не обращать внимание на злую мысль? Для этого надо забыть о ней. Как можно о ней забыть? Не потворствовать ей и не предаваться ей вновь. Как можно помешать сознанию потворствовать дурной мысли и предаваться ей вновь? Думать о чём-то очень интересном, о чём-то возвышенном и вдохновляющем. Не обращать на неё внимания, забыть и думать о чём-то вдохновляющем; эти три элемента составляют великую садхану, с помощью которой можно подчинить себе злые мысли".

12. О природе мыслей

- "Сам он, как и большинство людей, не задаётся вопросом, что такое мысль, а потому и не пытается понять истинную природу мысли. Тем не менее, целый ряд учёных всё более и более убеждаются в том, что мысль нематериальна, и потому материальная наука до сих пор не может доста-

точно внятно объяснить природу мысли. Мысль по-прежнему остаётся одной из самых фундаментальных загадок человека".

●. **О природе мысли А.Хапилин человека** ("Кузбасс", №3, 18.01.94)

"Всё во Вселенной творится мыслью. Бог сотворил миры Своей Божественной Мыслью. Мы, люди, появились на Земле по замыслу Творца мыслящими существами. Наши маленькие миры мы строим нашей творческой мыслью. И чем чаще и качественнее наши мысли, тем нами творимое будет лучше. Поэтому важно знать природу мысли и способы её очищения.

Для возникновения мысли необходим Мыслитель, способный ощущать окружающую действительность, создавать связующие звенья между представлениями от ощущений, а также строить мысль. В нашем физическом мире таким существом является Человек.

Вспомним, что всё человечество соединено между собой подобием огромной информационной сети, по которой безостановочно передаются токи мыслей. И только от нас зависит состояние этой информационной сети, состояние всех оболочек планеты, жизнь и эволюция народов, населяющих её. Так защитим планету дисциплиной мышления и духа!

Мысль есть тот огонь, который похитили люди с неба. Мысль не абстракция, но реальность. Форма мысли, имея действительное существование, вибрирует в пространстве, излучая из себя заложенную в ней энергию. Будучи послана определённом лицу с определённой целью воздействия, она пребудет около этого человека, пока не исчерпает вложенных в неё энергий.

Мы постоянно касаемся мыслью множества людей, о которых говорим или думаем, и постоянно производим эти воздействия в той или иной мере, сознательно или бессознательно. Сознательных воздействий сравнительно мало. Тем более они действительны, и тем труднее от них защититься. Если случайное слово осуждения или случайная мысль достигает своего объекта, то что же сказать о мысли, сознательно посланной волевым приказом с целью определённого воздействия. Как стрела, посланная опытной рукой, поражает она избранную цель. От мыслей нельзя защититься, от мысленных стрел человек беззащитен.

Мысль есть энергия. Как таковая, она, будучи приведена в движение, не может не дать следствий. Всё, что создано руками человеческими, есть следствие мыслей, а также и многое другое, ускользающее от наблюдения. Мысль тесно связана со стихиями и воздействует на них. Коллективная мысль человечества мощно влияет на условия жизни тела планеты, улучшая или ухудшая их в зависимости от общего характера мыслей. Дисгармония порождает хаос, хаос, вторгаясь в сознание человека, нарушает стройность мышления – взаимодействие тесное. Но хаотические мышления масс разрушают здоровье планеты, выводя стихии из состояния равновесия.

Каждый, кто допускает в себе неуравновесие, является вредителем общепланетарным, пожирающим жизненные соки Земли. Следствия эти ужасны и выражаются в ураганах, наводнениях, засухах, ливнях и прочих стихийных бедствиях. Обратите внимание на слово "стихийных", то есть вызванных неуравновесием стихий. Человек – охранитель Земли, является в роли её разрушителя. И действующим агентом служит беззвучная, незримая сила – мысль. О мысли помыслить всем время приходит, иначе она, не обузданная волею, в век наступающий Огня может стать источником неслыханных бедствий.

И люди влекутся и вовлекаются в течения, гармонизирующие с обычным течением их мыслей привычных. Для творческой мысли в сферах пространства невозможного нет ничего, ибо всё достижимо. Из пластичной субстанции светящейся материи творит огненная мысль образы, формы, картины того, что хочет она воплотить в действительности Тонкого Мира. И дух в ней живёт, ей окружённый, и творчество его созвучит красоте, жемчужный, прекрасный узор вплетает тогда он в ткань Мира и им украшает ту сферу, к которой магнитно стремится. Но те, созвучающие с тьмою, что вписывают они в рекорды пространства.

Чудесная сила творческой мысли может быть направлена в любую сферу активности. Можно достичь того, чтобы не было мыслей пустых и бесцельных. Можно всё мышление настроить на ключе творчества. Так даже себя может преобразить человек, если желание окажется достаточно сильным, чтобы обычную мысль сделать творческой мыслью.

Бесцельные мысли вредны. Они занимают большую часть времени. Мелкие, ненужные мысли, как они засоряют сознание – словно ракушки, наросшие на дне корабля и задерживающие его ход непомерно грузом своим бесполезным. Мысль творческая есть мысль, следствия приносящая. Эти мысли в сознании отделите от мыслей ненужных и лишних. Им сердце отдайте, в них сердце вложите и с ними общайтесь. В союзе с творческой мыслью можно вершить чудеса. Но прежде освободите сознание от сора. Сор мыслей ненужных – с ними никуда не уйти!"

- "Изучая природу мысли на протяжении нескольких лет, используя для этого достижения нематериальной науки, мы достаточно хорошо изучили и описали процесс генерирования, формирования и иерархии мысли, а также той структуры, которая носит название "сознание" и является источником генерирования и формирования мысли. Только понимая природу мысли и её "хозяина", можно понять и то, что в действительности происходит с людьми в Море, каким образом, к примеру, появляются тираны или почему народ до сих пор не может победить. Только понимая иерархию мысли, можно понять, как формируется судьба человека. Попробуйте сегодня найти учебное заведение, где бы изучали такое понятие как "судьба". Тем не менее, в судьбу

верит большинство людей, и если бы люди знали заранее судьбу такого человека как Гитлер, вряд ли бы Гитлер смог прийти к власти".

- "Освоение знаков теперь называется образованием. Собственно же познание (т.е. познание смысла, понимание сути) всё более перестаёт быть обязательным атрибутом интеллигентности".

- Изумрудная скрижаль Х. "Узнал я, что Слова – это сила, отпирающая планы, что скрыты от человека. Поистине, даже в Словах скрыт ключ, отпирающий то, что сверху и внизу.

Мысль, возникшая в бездне, была первым проявлением действия и движения. Без Закона, который есть Порядок, ничто не могло существовать в форме. Время, великая тайна, – это ключ к свободе, ибо когда человек подчиняет себе время, он подчиняет и смерть. Безмерное сокровище истины никогда не может быть познано до конца, ибо истина несёт в себе своё продолжение, и как только познана одна истина, появляется другая".

- Становление философии. "Хотя это и философия, но не Философия – т.е. мысль, но не Мысль. Это столь верно, что продолжают мыслить, философствовать, т.е. реализовывать самосознание. А сие значит, что философии нет, она становится; что наличное бытие философии влечёт за собой возникновение абстрактного логоса, который должно растворять снова в конкретном – иными словами, мысля: если мысль – бесконечное самосознание, то мысль и как субъект, и как объект должна быть целым, бесконечным. И поскольку она мыслит себя, существует эта бесконечность; но поскольку мысль становится объектом самой себя, это целое распадается на части, и бесконечность ограничивается благодаря акту новой бесконечной мысли, которая бьёт из него ключом. И мысль всегда есть, но она никогда не является всем; это равнозначно тому, что она всегда мысль – и никогда не является мыслью".

13. Связь с космосом

- Шри Ауробиндо. Синтез йоги. Гл. 22. Сверхразумная Мысль и Знание:

"Переход от ума к сверхразуму является не только заменой мысли и знания более великим инструментом, но изменением и преобразованием всего сознания. Развиты не только сверхразумная мысль, но и сверхразумная воля, чувство, ощущение, сверхразумные заменители для всех видов деятельности, которые сейчас выполняются умом".

- "Бог питает человека силой мысли". "... чистое знание получается путём взаимодействия человеческого сознания с полем Сознания Вселенной. Но при этом не уточняется, что ум человека является частью мирового Разума". "Но Космос и Земля тесно взаимосвязаны. Человеческая мысль, человеческие поступки оказывают огромное влияние на Космические процессы. Как сказано выше, сеть мысленной световой энергии опоясывает Зем-

ной шар, другие планеты, всю Вселенную. Можно ли рвать эту сеть? Но инородные тела, не допускаемые точной механикой неба, не зная и не ведая, постоянно рвут мысленную сеть, создавая непонимание разногласия, разномыслие". "Земля излучает поток отрицательной энергии, "энергии зла". Поэтому не нужно удивляться происходящим катаклизмам, катастрофам, которые так часты в последнее время".

"С прекращением мысли прекращается (данная) жизнь".

● **К.Э.ЦИОЛКОВСКИЙ – ТЕОРИЯ КОСМИЧЕСКИХ ЭР.** Эволюция есть движение вперёд. Человечество как единый объект эволюции тоже изменяется, и, наконец, через миллиарды лет превращается в единый вид лучистой энергии, то есть единая идея заполняет всё космическое пространство. О том, чем будет дальше наша мысль, мы не знаем. Это – предел её проникновения в грядущее, возможно, что это – предел мучительной жизни вообще. Возможно, что это – вечное блаженство и жизнь бесконечная, о которых ещё писали древние мудрецы...

● **Что такое мысль?**

"**МЫСЛЬ** – воздействие Космоса на вашу кору головного мозга и всего мозга. Очень сложная структура, выработанная Высшей Материей. Основоположник – **ВЫСШИЙ РАЗУМ**, который всегда присутствует рядом с вами и в вашем физическом теле. **МЫСЛЬ** – работа высшей материи, невидимой вашему глазу, но воспринимаемой головным мозгом и оболочкой (аурой).

Головной мозг – своего рода космический компьютер, который нужно развивать, а развитие его и происходит лишь после того, как вы мыслите. Ведь само мышление и делает человека развитым, и чем больше развит человек, тем больше он начинает мыслить. Отсюда вывод – развитое мышление и преподносит вам много открытий, которые вы воплощаете в своей жизни, и поэтому всё, благодаря мысли, неумолимо движется вперёд.

Представьте себе Космическое пространство – неисчерпаемое количество информации. При желании информацию можно обрабатывать мозгом, который и преобразует всё в мысль. И теперь становится понятно, что связь человека с Космосом неразрывна. Даже во время сна можно получить информацию **ПРОШЛОГО, НАСТОЯЩЕГО, БУДУЩЕГО**, и это ещё раз доказывает взаимосвязь человека с **ВЫСШИМ РАЗУМОМ – МАТЕРИЕЙ**. И ещё одно доказательство – ваша невидимая оболочка – "аура", когда происходит связь с Космосом, она совместно с мозгом воспринимает на себя информацию, мозг обрабатывает (мыслит), тело выполняет, хотя всё происходит у каждого по-разному, по-своему (не могут же все быть музыкантами).

Существуют два вида информации, если так можно выразиться, **ДОБРАЯ** и **ЗЛАЯ**, или положительная и отрицательная. Положительная настроена на добрую мысль, отрицательная на злую, или враждебную. Примеров много, но злость искореняется только добром, пусть даже с утратой

физического тела, но здесь, во владениях НАУГАТМЫ, душа ответит за содеянное, так что мысли тоже бывают разными. Когда рождается человек, в физическое тело вселяется живой дух, и по мере возрастания данного тела происходит одухотворенность, и если у него развито здоровое мышление, то ему сопутствуют удачи бытия на Земле. Вам предоставлено очень мало времени, просто миг во Вселенной. Этим нужно дорожить, и за короткое время нужно успеть развиваться в положительном аспекте, ибо только после будет лёгкий переход в Космическое бытие, или в Другое существование. Исходя из сказанного, составим формулировку: "Смысл всей жизни на Земле – воплощение живого духа в физическое тело, развитие духовности для перехода в другое измерение (душу)".

Космическое пространство – Вселенная – такая гигантская МЫСЛЬ, что и составляет ВЫСШИЙ РАЗУМ. Всё запрограммировано – движение планет (Солнечные часы), их расстановка, вес и назначение, и происходит всё при помощи мысли, но уже Высшей Субстанции. Многое можно взять при помощи мышления (мысли) из необозримого пространства. Даже читаемое вами, которое может только положительно влиять на ваше бытие. Микро-молекулярное движение информации воспринимается интегральными схемами Высшей Материи – мозгом или микроосциллографическим зондом Галактики.

Поймите, мозг состоит (образно) из микросхем Высшей Живой Материи, и всё легко объяснимо, потому что на коре головного мозга можно найти точку, или микросхему наслаждения, зрения, горя, обиды и т.д., на которые можно воздействовать даже искусственно. Высший Разум тысячами борется за усовершенствование мозга и мысли, чтобы вы все слышали своего Учителя, но, увы, слышат единицы, и благодаря единицам Высший Разум должен добиться положительного результата. Мысль Учителя должна дойти до своего изобретения, и когда это произойдёт, только тогда будет благополучие здоровой мысли.

Подумайте, у вас много высших заведений, они созданы для развития мышления – это с вашей точки зрения, но дела обстоят совсем не так. Человек, окончивший такое заведение, забывает даже то, что и знал, и лишь единицы за столетия принимают положительную информацию. Не секрет, неграмотный человек может стать учёным, если он поймет Учителя своего, но такого человека не поймёт общество вашего "высшего образования", хотя человек, беседующий со Мной, может принести больше пользы данному обществу, потому что ему помогает его Учитель – Высший Разум, и он охотно общается с ним, вступая в высшее мышление, и здравый смысл этого мышления. Человек понимает, что он не один, с ним его Учитель – БОГ.

Мысль, мысль, мысль – приятное, но не вещь. И всё же в ней заложено всё человеческое откровение. О чём человек думает, то и сбудется, но не

сразу. Мечтать – хорошо. Конечно, приятно, когда мечты сольются с жизнью и всё будет выглядеть совершенством. В большинстве случаев вы уходите от этого, и всё же вы возвращаетесь к этому. Возвращение является Моим движением, и всегда движение остаётся положительным. Сознание – благая весть, которая говорит вам: будьте сознательны, и все тяжести земные уйдут во тьму. Решать вам, но не Всевышнему.

Гладиолус – прекрасный цветок. Эдельвейс – не всем доступен, так что в его аромате прочувствуйте себя. Я несу жизненный аромат, который вливается в ваши души. Прошу вас – прозрейте, опомнитесь, ибо не слабость, а тяжесть неверия своего давит на вас. И ежели вы считаете Меня Богом, то подчинитесь и облагородьтесь, ибо Я во всём".

- "Мысль имеет связь с Космосом. Мысль имеет связь и с другими параметрами жизни, поэтому человеку и доступен мир Совершенства. Мысль человека. Согласно этому направлению звучит Идея, доступная человеку, так как именно в ней он и раскрывает Единство, планируя выйти на высокий уровень развития мысли... Мысль управляема человеком. Необходимо достичь духовного равновесия, чтобы открыть в мысли высокие энергии. Поэтому и есть Совершенство... Все мысли запрограммированы на Идею Единого. И если мыслить на этом уровне – всё создается мгновенно...

"Звук" информации обо Всём – это "информация". "Знания" ищут своей реализации, демонстрируя Опыт "сна" как саму жизнь, где есть точные прогнозы... Программирование – это включение "Идей" в работу мысли... Информационное поле – это первое сердце жизни... Преодолимо всё, так как есть Цель мысли, её духовное развитие, её "Опыт", её смысл перед "пространством" человека... Открыть Всё в себе, познав почерк мысли... Открытие "мысли" – это и есть интеллектуальный труд... "Мысль" ещё не пришла, но она уже говорит... Это тот "сон", где звучит Нематериальное... Всё, что "дано" – задействуется, но на уровне "звука" мысли...

Сто веков подряд человек говорит о мысли... Мы говорим о той "мысли", которая движет "Временем", движет "пространством", движет "дыханием" Земли...".

14. Эгрегор

- С.Денисевич. Что такое эгрегор? "Не думаю, что можно научно доказать или опровергнуть существование Бога. Наука и Бог – совершенно разные категории; так, скажем, знание таблицы умножения не доказывает существования добра и зла. Однако есть точка зрения, удивительно затрагивающая, казалось бы, несовместимые вещи. Как ни странно, она во многом совпадает с мнением представителей Церкви. Только слово "Бог" подменяется другим понятием.

Одна из отличительных черт людей состоит в том, что они говорят. А говорят они, если не лгут, то, что думают. А когда люди думают, они выделяют в окружающее пространство некие излучения, которые образуют энергетическое поле, несущее в себе некую информацию. Не будем вдаваться в вопрос, что это за излучения. Скорее всего, это совокупность различных форм энергии. Электромагнитную составляющую легко улавливает энцефалограф, но это может быть и акустическая энергия низких частот. В последнее время модно говорить о торсионной энергии, хотя никто не может внятно объяснить, что же это такое. Многие называют биоэнергетическое поле аурой.

Людей на земном шаре миллиарды, и совокупная их биоэнергия представляет собой внушительную величину. В воздухе "витают идеи". Они явно воздействуют на нас. То есть, люди сами формируют некое единое ментальное поле, объединяющее их. В какой-то степени люди начинают думать одинаково, они частично теряют свою индивидуальность – ведь информационное поле – общее. Такое энерго-информационное образование и называется эгрегором.

По отношению к этому полю, мы являемся тем же, чем является отдельная клетка для всего нашего организма. Будучи клеткой вселенского организма, мы не можем до конца познать его, но то, что оно влияет на наше поведение – несомненно. Если некая группа людей мыслит аналогичными параллельными мыслями, воздействие информационного поля будет в этом направлении сильнее.

А что такое мыслить параллельно? Если православные мыслят и молятся об одном, а мусульмане о другом, то каждый имеет свой частный эгрегор. Их значительно больше, чем людей на земле, потому как каждый человек многолик: он может быть богатым или бедным, сытым или голодным, смелым или трусливым. И каждое из свойств вносит вклад в формирование единого поля. Кстати, люди, пишущие в "Школу Жизни", тоже имеют свой эгрегор, и даже много эгрегоров, так как одни пишут статьи, другие их рецензируют, третьи редактируют, и всё это разные эгрегоры, объединённые в один.

Объединённые мысли взаимодействуют друг с другом, накладываются одна на другую, и их совокупное воздействие может быть весьма мощным. Это легко заметить в местах большого скопления людей: на митингах, на стадионе, на концертах или в церкви. Люди, мыслящие одинаково, легко заражают друг друга своим поведением. Именно в этом, с точки зрения атеистов, заключена целительная сила молитвы. Находясь среди единомышленников, человек всегда приобретает "крышу", дополнительную энергетику, чувство защищённости. В родном доме и стены помогают. Прожив всю жизнь под воздействием местного информационного поля, человек приобретает чувство Родины.

Как сделать так, чтобы объединённая биоэнергия заработала в вашу пользу? Очень просто. Пойдите туда, где есть ваши единомышленники или люди, сочувствующие вам, или, хотя бы, просто не враждующие с вами. Это может быть или Храм, или домашняя вечеринка, или встреча с одноклассниками, неважно. Важно, чтобы вы вслух высказали своё пожелание, т.е. помолились. Чтобы ваша молитва попала в сознание людей. Люди должны принять вашу мысль. И тогда молитва заработает. Например, в ответ на ваше пожелание начнёт исцелять вас".

- Эгрегор (от лат. ех- и гтех – буквально "из стада") – в новых религиозных движениях: душа вещи, ментальный конденсат, порождаемый мыслями и эмоциями людей и обретающий самостоятельное бытие. Эгрегор – это аура идолов и талисманов, возникающая в результате культовой практики. Эгрегорами обладают реликвии, памятные вещи, которые помогают людям или, наоборот, несут проклятие. Сила и долговечность эгрегора зависит от согласованности и численности группы.

В оккультизме эгрегор – существо, обладающее квазиразумом. За счёт существования одновременно в астральном и ментальном планах, оно способно на простейшие логические операции с эмоциями и чувствами людей. Эгрегор подобен секте. Не важно, "хорошая" секта или "плохая". Она отнимает у людей свободу определённого выбора. Это же самое делает и эгрегор. Для меня эгрегор – это некая неразумная сущность, которая существует и развивается за счёт энергии людей, верующих в неё, создающих правила своего бытия и живущих по ним, тем самым питая её. Всё, что есть в этом мире, имеет право на существование.

В социальных терминах эгрегором обычно называют взаимодействующую кластеризованную совокупность индивидов, система которой обладает элементами самоорганизации. С точки зрения биоэнергоинформатики: "Эгрегор" – энерго-информационно-временная структура, возникающая при сопоставленных действиях группы людей с общими устремлениями.

Существуют различные эгрегоры: религиозные, родоплеменные, клановые, магических орденов, некоторых философских учений, творческих школ, длительно и целеустремленно работающих коллективов, социальных движений и др. В рамках такого объединения людей происходит постоянное взаимное развитие эгрегора и индивидуумов через обмен информацией и энергиями, что способствует ускорению общего развития коллективного разума.

Сказанное нельзя применить в отношении деструктивных эгрегоров (масонства, различных сект, культов и пр.).

- Вит. Ценёв, psyberia.ru. Эгрегор вашего здоровья. "В эзотерических разговорах от посвящённых людей очень часто можно услышать загадочное слово – эгрегор. В самом простом объяснении эгрегор означает некоторую энергетическую (космическую) совокупность определённых идей.

Сходные идеи, сходные эмоции, сходные верования в энергетическом смысле объединяются в мощные силовые поля, пропитанные этими идеями, мыслями, верованиями. Чем больше людей разделяют ту или иную веру, тем сильнее эгрегор данного верования. Этот процесс энергетических вливаний в полевое коллективное образование очень важен для человека, присоединённого к любой эгрегориальной данности, – и важен он потому, что человек не только отдаёт свою энергию эгрегору, но и получает его обратно, многократно усиленную".

"Вы можете также помочь себе, если попытаетесь создать не только эгрегор здоровья, но и другие эгрегоры: силы, творческой активности, мудрости, любви, интереса и многих других. Не жалейте бумаги, чтобы записывать как самые ценные воспоминания, так и переживания настоящего. Напоминайте себе о том, что вы любите, что вам нравится, что вы цените как можно чаще. И ваша жизнь изменится. Изменится так, что иногда это похоже на чудо. Правда, психологи не верят в чудеса. Зато они верят в человека, который, при правильном и оптимистичном отношении к себе и окружающему миру может творить такие вещи, которые многие назовут чудом!"

● Что такое эгрегор? У него есть много имён и ещё больше определений. Мне лично, например, нравится вот такое: "энергоинформационное поле, которое имеет свою идею, цель, автора или авторов и возникает там, где люди чем-то объединены". Ещё часто используют слова "маятник", или "коллективное бессознательное". На пальцах – когда несколько людей верят в какую-то идею, то она в некотором смысле материализуется и влияет на этих и других людей. Чем больше людей верят в эгрегор и чем сильнее они это делают, тем сильнее эгрегор, и тем больше он может влиять на мир. <...> эгрегор борьбы и агрессии (возможно, самый сильный на этой планете).

● Материал из Википедии – свободной энциклопедии. "Эгρέгор (др.-греч. ἐγρέγορ, "стражи") – термин, принятый в новых (нетрадиционных) оккультных и религиозных движениях. Обозначает мнимую душу вещи, "ментальный конденсат", якобы порождаемый мыслями и эмоциями людей и обретающий самостоятельное бытие. Эгрегорами якобы обладают реликвии, памятные вещи и прочие предметы, которые, по убеждению самих людей, помогают им либо, наоборот, несут проклятие. Считается, что сила и долговечность эгрегора зависит от согласованности и численности группы.

● Энциклопедия современной эзотерики. "Эгрегор – это любая общность людей, преследующих одинаковую цель. Примером первых эгрегоров можно считать родовые общины. Эгрегор является структурой самоосознающей, т.е. это некая высшая сила, определяющая взаимосвязь людей, объединённых общими целями. Многие исследователи определяют местом формирования и нахождения эгрегора ноосферу. Между эгрегором и каждым его членом происходит постоянный обмен энергией. Человек подпи-

тывает эгрегор. Количество людей, входящих в один эгрегор, является одним из определяющих факторов силы эгрегора, как структуры, влияющей на процессы в окружающем мире. В свою очередь эгрегор даёт человеку поддержку и силу, уверенность в себе.

Эгрегор – это автономное существо, где человек – лишь часть его собственного развития и энергопитания. То же самое и в мини-эгрегорах, например, среди ваших друзей. Ваши общие друзья собраны, как правило, вокруг определённых ценностей, т.е. вокруг определённой волны. Если вы перестаете соответствовать этим интересам, то вы теряете круг своих друзей, как бы искусственно вы не стремились поддерживать отношения. Так как вы перестаете подпитывать вами созданный эгрегор. Самый маленький эгрегор – это семейный. И если в семье нет согласия, то она разрушается. Силу эгрегора вы можете почувствовать, если захотите формально войти в какую-то группу, а сами эмоционально-мысленно остаетесь равнодушны к объединяющей их цели. Вы увидите, как через короткое время эгрегор распознает, что вы его не подкармливаете, и эти люди перестанут общаться с вами".

- Эгрегоры как сгустки торсионной энергии. "Современные учёные трактуют Дух как сгусток психической энергии в виде торсионных полей. Эгрегорами являются объединение энергий одинаковых или близких по вибрациям мыслей, однако к эгрегорам также примыкают Души умерших людей, являющиеся по сути торсионными полями. Физик-теоретик Э.Мертон даёт такое определение эгрегора: "Эгрегор – тонкая живая сущность, которую в первом приближении можно назвать аурой группы людей, т.е. той частью психической энергии, которая относится к группе, как к единому целому. Эгрегор может получать энергию извне, но с распадом группы он прекращает существование".

"Эгрегоры и люди обмениваются между собой энергией и информацией. Энергия и информация – поля, излучаемые организмом в момент смерти, уносящие душу от тела, – вероятно предопределённо могут попасть в энерго-информационно свойственный душе эгрегор. И в соответствии с общеприродными законами сохранения и преобразования энергии и информации, душа (или её дубликат?) может существовать в каком-то из эгрегоров, по крайней мере пока существует сам эгрегор. Множество людей, порождающих каждый из эгрегоров, непостоянно по персональному составу и численности. Соответственно этому время жизни эгрегора при обновлении поколений живущих людей, поддерживающих его энергетически и информационно, может быть весьма продолжительным исторически и охватывать многие поколения, обладающие в их преемственности достаточной информационной общностью".

"Эгрегор в целом – единый организм, но образованный не из вещества, а из полей, свойственных входящим в него людям. По отношению к нему

биополевая структура каждого человека и группы людей занимает то же иерархическое место, что в составе индивидуального человеческого организма занимают клетки, и специализированные органы и их системы. Разница только в том, что "сборка" организма эгрегора в единую целостность в иерархии Мироздания осуществлена не на уровне вещества биомассы, а на уровне биополей".

• Д.Верещагин и К.Титов. "Эгрегоры человеческого мира. Логика и навыки взаимодействия".

15. Энергия мысли

• М.Эпштейн. Масса знания, энергия мысли: как одно превратить в другое?

"Обычно наука рассматривается как область накопления и систематизации объективных знаний о действительности. Во всех определениях науки на первом месте стоит именно "знание". При этом возникает вопрос, особенно существенный для самоопределения гуманитарных наук: как деятельность познания соотносится с деятельностью мышления? Служит ли мышление средством приобретения знаний или, напротив, знание представляет лишь одну из ступеней мышления?

Между "знать" и "мыслить" имеется существенное различие. "Знать" – значит иметь в уме верное понятие или сведение о каком-то предмете. "Мыслить" – значит совершать в уме действия с понятиями, сочетать их, разъединять, соединять на новом уровне. Мышление – это динамическая работа с теми понятиями, которые статично представлены в форме знания.

С философской точки зрения, знание и мышление соотносятся примерно так же, как понятия массы и энергии соотносятся в физике (knowledge and thinking are related in metaphysics as mass and energy in physics).

Знание – это овеществленное, "прошрое" мышление, как фабрики, станки и другие средства производства есть прошлый труд. Всегда есть опасность, что в научно-образовательных, академических учреждениях, профессионально занятых выработкой и распространением знаний, запас прошлой мысли начнёт преобладать над энергией живого, "незнающего" мышления.

Знание есть информация о наличных фактах и связях мироздания; мышление – трансформация этих связей, создание новых идей и представлений, которые в свою очередь могут быть претворены в предметы или свойства окружающего мира. Абдукция перекликается с метафорой, перенесением значения по сходству; но это не поэтический, а логический приём, основанный на расширительной работе с теоретическим понятием".

• "М.Эпштейн. Он говорит об отставании человека от человечества. "С каждым поколением на возрастную единицу человеческой жизни приходится всё больше накопленной информации, вообще культурно-

символической массы. Человечество, как лавина длиной в тысячи лет, накачивается на человека и давит его своей тяжестью – хрупкое существо, рассчитанное всего на несколько десятилетий жизни".

В физическом мире мы обозначаем различного рода вибрации различными именами, называя один род светом, другой теплотой, третий электричеством, четвертый звуком и так далее, однако все они тождественны по природе, все суть лишь виды разнообразного движения эфира*, хотя и различаются по степеням скорости и по характеру волн. Мысли, Желания и Действия – деятельные проявления в материи Познания, Воли и Энергии – все они едины по своей природе, т.е. все состоят из вибраций, но их проявления различны по причине различного характера их вибраций. Существуют ряды вибраций в особенного рода материи и особого рода, который мы называем мыслями. Другие ряды вибраций известны как желания, третьи – как действия.

Когда известный род эфира вибрирует и его вибрация действует на наши глаза, мы называем это светом. Другой, более тонкий эфир, вибрируя, вызывает соответственные вибрации в мозгу, и мы называем это мыслью. Мы называем "светом" известного рода движения, действующие на глаз; мы называем мыслью известного рода движения, действующие на другой орган – мозг. "Зрение" происходит тогда, когда световой эфир образует волны от какого-нибудь предмета к нашему глазу; "мысль" рождается, когда в мысленном эфире волны пробегают от предмета к нашему мозгу. Первое явление таинственно не более и не менее второго.

Мысль есть воспроизведение в разуме Познающего того, что "Не-Я". Часть "Не-Я" вибрирует, и так как Познающий вибрирует в ответ, то эта часть делается познаваемой. Материя, вибрирующая между ними, делает возможным познание, заставляя их войти в соприкосновение друг с другом. Таким образом устанавливается и поддерживается непрерывная цепь между Познающим, Познаваемым и Познанным".

16. Сущность мысли

- Мысль – действие ума, разума, рассудка. "Конечный или промежуточный продукт мышления. С точки зрения физиологии интеллекта живых организмов: Мысль – чувственный образ. Этот образ может: складываться из множества ощущений различных органов чувств (Солнце светит в глаза и греет кожу); находиться в фокусе внимания (быть текущим) сознания или подсознания (во время сна, интуиции), непосредственно во время ощущений или хранения памятью; синтезироваться из различных текущих ощущений и/или хранимых памятью, в частности, образуя поток ассоциативно-образного мышления.

Структура мысли. На данный момент не существует какой-либо даже слабой теории, объясняющей работу мозга и структуру мысли, в частности.

Можно попытаться дать только более-менее общую картину и изложить факты. Если только не считать немалое число современных и поэтому не вполне известных обобщений, например * О системной нейрофизиологии.

Мысль – это наиболее заметный сознанию элемент мышления, происходящего в мозгу; элемент, с которым каждый день имеет дело любой умственно-здоровый человек. Собственно, само мышление для сознания представляется, как поток мыслей, связанных между собой в последовательную цепочку более-менее относящимися друг к другу ассоциаций и идей. Но было бы необоснованно думать, что мысль – это единственное, что происходит в нашем мозгу в процессе мышления. Однако сознание фиксирует и запоминает лишь это. Всё остальное происходит вне поля видимости сознания и потому называется подсознанием.

Мысль имеет разные проявления и формы: воспоминания, фантазии, ассоциации, чувства, убеждения и гипотезы. Мысли могут протекать как в форме свободных ассоциаций, так и быть направленными сознанием в строгом направлении, быть логически обоснованными, и следовать в виде фиксируемых утверждений, выводимых по строгим правилам от предыдущего к следующему. Последний способ мышления называется логикой. Логика – это достаточно сильный инструмент мышления, но он не может дать ничего кардинально нового, так как протекает в строгих рамках. В отличие от творчества, которое является процессом более беспорядочным, плодотворным и не признающим никаких границ.

О чём бы ни была мысль, она сама по себе запоминается и фиксируется в краткосрочной памяти, принимая форму образа. Память, в которой хранятся образы, иначе называется воображением. Воображение даёт возможность человеку возвращаться к нужным мыслям вновь и вновь, перебирая и пробуя всевозможные их комбинации друг с другом в поисках наилучшего, внося изменения в них или связи между ними. В некотором смысле воображение играет роль ручных счёт, школьной или шахматной доски, на которых пишут или двигают фигуры. В компьютере достаточно слабым аналогом краткосрочной памяти человека является оперативная память – ОЗУ и регистры".

● В.Аткинсон. Память и уход за ней: ассоциация мыслей

"Многие из нас, вероятно, думают, что наши мысли, не регулируемые волей, возникают беспорядочно, не повинаясь никакому закону. Если мы не видим связи между последовательными группами мыслей, то это понятно. Однако такое мнение далеко от истины; хотя и не вполне ясно на первый взгляд, но всё-таки есть связующее звено между двумя последовательными группами мыслей. Здесь проявляется так называемый закон ассоциаций, который так же неизменен, как закон причины и следствия, и так же постоянен, как закон тяготения. Порядок наших мыслей в такой же степени закономерен, как морские приливы и отливы. Наши мысли всегда, как бы то ни было, ассоциированы,

хотя часто мы и не можем ясно проследить их связь. Они появляются группами, и каждая группа, в свою очередь, связана с другой группой.

Авторитетные психологи доходят до утверждения, что закон ассоциации играет в области психологии такую же роль, как закон тяготения в области физики. Одно из весьма важных условий развития способности памяти – это привычка к правильной ассоциации. Рибо установил, что "для основы ассоциации служат два главных фактора – сходство и смежность". Привычный разум быстро находит сходство, по-видимому, между даже сильно различными предметами, и это замеченное сходство запечатлевается в памяти. Для такой памяти нужен лишь какой-нибудь толчок, чтобы вызвать в области сознания длинную цепь ассоциированных мыслей, фактов, случаев, представлений и проч., с другой стороны небрежная память, не обращающая внимания на связь предметов, неспособна вспомнить отдельных впечатлений при посредстве законов ассоциации по сходству, а помнит лишь предметы, ассоциированные по смежности.

Вообще можно утверждать, что вполне изолированного впечатления нет. В наличности каждое впечатление есть продолжение предшествующего и начало последующего. Рибо говорит: "Когда мы читаем или слышим фразу, напр., в начале пятого слова чувствуется что-то, принадлежащее четвёртому. Конец четвёртого слова сталкивается с началом пятого". При ассоциации по смежности некоторые впечатления воспринимаются непосредственно друг за другом, и когда вспоминается одно, оно влечёт за собой и другое, и т.д., от впечатления к впечатлению.

Фрейд использовал два немецких слова, "Einfall" и "Assoziation", очень различных по смыслу, но которые обычно переводятся на английский язык как "association" (ассоциация), а часто и в немецком употребляются как синонимы. Хорошая "Einfall" (внезапно возникшая мысль, идея) содержит в себе творческое начало, в то время как слово "Assoziation" подчёркивает связь. По крайней мере, в субъективном опыте "Einfall" является выражением мыслительного процесса, который ведёт к новой конфигурации. "Assoziationen" пациента, однако, собираются в единое осмысленное целое аналитиком. "Einfall" обладает интегрирующей функцией, которая близко подводит к инсайту. Думающий пациент, у которого возникла случайная ассоциация, будет, когда говорит, отбрасывать или задерживать случайное слово или неясную мысль. Задержанный материал не потерян для С.- а.; однако поведение весьма амбивалентного компульсивного больного неврозом показывает, что правила могут быть доведены ad absurdum. Действительно, две различные мысли не могут быть выражены одновременно.

(Freud S, 1913): "Мы даже не решаемся утверждать, что в конце лечения все пациенты будут давать более творческие и спонтанные ассоциации,

чем в начале. Большая внутренняя свобода может проявляться по-разному в молчании, в речи и в действиях".

● **Дж. Дьюи. Психология и педагогика мышления.** Язык как орудие мысли: "Разговор о ценности мысли, кажется, невозможен вне той или иной ангажированности философа. Положим, нужно выяснить, ценны ли идеи Победоносцева или нет, актуальны и насколько актуальны. Тут не со всяким мыслителем придётся историку философии легко. Кое-кто из героев прошлого рискует остаться на обочине "философского движения" (не уготована ли эта судьба Соловьеву?), и уступить место "второстепенным" и менее злободневным мыслителям. Однако воззрения Победоносцева столь органично вплетаются в круг идей позднего славянофильства (в европейской терминологии – позднего романтизма), что для определения места мыслителя достаточно этот круг очертить.

И позитивизму, и поздним романтикам (и, кстати, экзистенциалистам, во многом продолжавшим романтизм) свойственен антиметафизический пафос, стремление "любить жизнь больше её смысла". Победоносцев, например, демонстрирует, что существо общественной жизни составляет бессознательное (революционный шаг, свидетельствующий о конгениальности Победоносцева фрейдомарксистам, шаг, уступающий, конечно, известному направлению западной философии XX века в содержательности, поскольку в его время ещё не было теории бессознательного").

Мишель Фуко. Слова и вещи. "Тогда, когда он помещает свою мысль в складках языка, который настолько старше его самого, что ему не под силу овладеть его значениями, хотя именно его потребность в речи дает им новую жизнь. Однако если смотреть глубже, то наша культура переступила порог ощутимой нами современности в тот самый момент, когда конечность человеческого бытия стала мыслиться в непрерывном соотношении с самой собою".

"Человек – животное метафизическое, которое не может просто жить, не отдавая себе отчёта в смысле собственной жизни, а значит, и в смысле жизни вообще. Но и всецело подчиняться какому-то высшему смыслу человек тоже не может, не насилуя своей лёгкой, играющей природы, своей беспечной и беззаконной души. Разумеется, есть люди, способные вовсе обойтись без смысла, живущие от минуты к минуте – и наоборот, есть такие, что без остатка посвятили свою жизнь сверхценной идее. Как заметил древнегреческий поэт Архилох и повторил английский мыслитель Исайя Берлин, есть лисы, знающие множество мелких вещей, и ежи, знающие одну преобладающую вещь. Но между крайностями метафизической лени и метафизического рвения остается место для умеренных метафизических потребностей большинства людей, живущих одновременно и в согласии со смыслом и вопреки ему. Они не чужды метафизической заботы, но именно поэтому им нужна метафизическая игра. Последние вопрошания не имеют

последних ответов. Небесный свод может отражаться в текущей реке только быстрой игрой световых бликов".

Метафизику нельзя устранить из человеческой жизни, но нельзя и свести жизнь к метафизике, к одному первоначалу, каким бы истинным оно не представлялось разуму. ИГРА МЕТАФИЗИКА обращается к срединному читателю, который не может обойтись вообще без метафизики и вместе с тем не может обойтись одной метафизикой. Даже если это метафизика Аристотеля, Гегеля или Шопенгауэра.

В конце концов, сама метафизика, как объяснял её основатель Аристотель, родилась из непонимания мира, из недоумения и изумления перед самыми обычными вещами. ИГРА МЕТАФИЗИКА возникает из непонимания и удивления перед самой метафизикой. Как писал Флоренский, "игра какая-нибудь для сознательного усвоения реальности, для понимания формы реальности, – необходима. Вызвать игру – это и есть метод познания". Данная книга и есть – "вызов игры", вступление в игру.

Осмысленность жизни не есть её знакомость и понятность, напротив, смысл, как и красота, есть то, что остаётся в жизни непонятного и удивляющегося. Если у метафизики есть какая-то познавательная задача, то именно удивлять учёного, обманывать ожидание и превращать каждого из нас в жильца многих возможных миров. Ум живёт из-ум-лением. Быть может, именно живое в нашем уме препятствует полному пониманию Аристотеля, Гегеля, да и любой законченной метафизики. Чем сильнее натягивается логическая нить, ведущая от основания к производным явлениям, от Идеи к подробностям, тем больше ощущается натяжек. А зачем натягивать многое на основу одного? Бери любое явление, рассматривай его на свет – и постепенно увидишь в нём отсветы всех других явлений. Остаётся множество метафизических книг, которые никогда не были написаны или даже начаты, но о которых можно догадаться по их отрывкам, мелькающим в сознании каждого.

Когда в неподвижный летний полдень мы бредём по тенистой лесной дороге, разве не складывается в нас метафизика тени и света, метафизика звука и тишины, метафизика крон и корней, метафизика полдня и дороги? То, что западает в мысль хотя бы на минуту, уже становится метафизикой, потому что перестраивает все наши понятия и ассоциации в новый ряд, начинающийся от данного понятия как "первоначала". Глядя в калейдоскоп, мы узнаём в нём тёмную глубину и зеркальные своды собственного сознания, в котором каждая вещь, попав на бьющий извне свет действительности, начинает многократно преломляться, образуя, как гегелевская самоотражённая Идея, полный мир самой себя.

С метафизикой мы обычно связываем те вопросы, на которые не можем ответить. Но и не ставить не можем. То есть что за лес стоит – за деревьями

истории? Истории чтения, например. Что это за местность такая – между так называемыми письмом и чтением?

Иными словами, чтение – это своего рода вызов к жизни некоего тела текста и стоящей за ним некой метавербальной энергии. Но и текст по отношению к нам является таким же вызовом. Происходит некий обмен, близкий к взаимному превращению: читатель отчасти становится текстом, текст – читателем. И, видимо, как в читателе остаются следы текстов, так и в текстах остаются следы чтения. Со временем становящиеся тропами с намоленными местами. Текст уходит, остаются следы. Как зримые линии незримой ладони.

С утратой метафизического измерения текста чтение превращается в тривиальную церемонию, вызов к жизни – в бытовой ритуал.

Коран, Мать-Книга, предшествует не только языку, но и сотворению мира".

- Аура человека. "Мысли, которые мы приписываем человеческому мозгу, на самом деле летают в пространстве с огромной скоростью. Аура головы втягивает в свою орбиту мысли живых и умерших людей, резонирующие с колебаниями собственного ментального тела. Мысли кружат над головой человека на расстоянии 60 – 120 см. Если мысли очень чистые, то над головой такого посвященного стоит золотое облако. Когда аура над человеком розовая, то он полон любви ко всему живому, и всё сущее к нему тянется. Если в нимбе над головой вы заметите красные и зелёные протуберанцы – это нехороший знак. Избегайте таких людей, ведь дурное сообщество развращает добрые нравы. Как железо, смешанное с глиной, перестаёт притягиваться магнитом, так и падшая душа, перепачканная грязными мыслями, постепенно перестаёт притягиваться Создателем".

- "Fess: А вот меня мой ученик спросил: "Fess, а что такой мысль?" Я ему, конечно, попытался объяснить и кажется, мне это удалось! Но, я не дал ему исчерпывающий ответ. Точнее, я удовлетворил его интерес, но свой нет. Что Вы можете сказать об этом? Что такое мысль? Дело в том, что я исследователь в очень узкой части мира магии – магия природных явлений или магия стихий (как Вам будет удобнее), так что мои познания заключаются в магии, а не в эзотерике. Может Вы сможете помочь? Объясните уж, нерадивому академику магии природных явлений.

Павел Веденин: На Ваш вопрос о том, что такое мысль, я бы ответил так. Посредством активации нейронов, вызванной информационным возбуждением (причём это может быть как внешний раздражитель, так и внутренний) кора головного мозга начинает генерировать ментальную энергию, характеристика которой соответствует заявленным условиям.

В результате этого процесса на "полотне" поля психического напряжения возникают энергетические сгустки специфической конфигурации, глу-

бины, насыщенности и цветности. "Личностное Я", посредством ума, опознаёт эти фигуры, "мысленные формы", через сличение их с той информацией, которая хранится как в банке памяти индивидуального сознания, так и в интеллектуальной области.

Как только процесс осознания "мыслеформы" "Личностным Я" завершится, так сразу же снимаются ограничения на обеспечение ментальной энергией этих "рисунков". Они становятся не только сочными, ярко выраженными, но и подвижными. Причём как в пространственно-временном плане, так и по модификационным параметрам.

Видоизменённые таким образом мыслеформы становятся "мысленными образами", которые, обретая повышенную энергетику, подвижность и подчиняясь воле "Личностного Я", вступают в процесс взаимодействия, организуя внутри сознательный мир. Однако это ещё ни есть сама мысль, хотя этот процесс уже есть мышление. Теперь дальше.

Как мы уже знаем, побудительным толчком к этому процессу послужили информационные послы, идущие как от внешнего, так и от внутренних миров, в число которых входит мир телесной материи и духовный мир, заявленный в нашем сознании интеллектом.

Итак, имеется пункт, являющийся источником раздражения, и есть осознатель, наблюдающий это явление на экране "радара" – личной сознательности. Но вот если бы вопрос касался только одного наблюдения за информационными проявлениями, то такой системы слежения было бы вполне достаточно для того, чтобы понимать смысл происходящего.

Однако мы знаем, что наша жизнь – это ещё и участие в причинно-следственном взаимодействии, непрерывно происходящем между природными силами. И поскольку от качества этого действия зависит не только комфортность проживания, но и, нередко, выживание, то приоритетным в этой схеме взаимодействия становится принцип информационной дуальности, который обеспечивает не только приём информационного блока, его идентификацию и опознание, но и точную пространственно-временную локализацию объекта.

Именно этот информационный возврат, завершая контур причинно-следственной связи, предоставляет "Личностному Я" то смысловое значение, которое несёт в себе каждый конкретный посыл, идущий со стороны. И если поступающая информация воздействует на осознателя принудительным образом, то её локализация производится за счёт волевого усилия или целевого напряжения ума.

Что происходит дальше? Ставя свой вариант локализации раздражителя, ум, естественно, опирался в своих расчётах на прежде полученные входные данные. Несомненно, в результате имеющихся погрешностей, локализация обнаруживает неточность, т.е. несоответствие между объектив-

ными и субъективными посылами. Идёт коррекция и новый вариант локализации – и так непрерывно, даже при условии 100% точности, ведь время текуче. Так каким же образом происходит такая локализация? Прежде всего, следует понять, что все процессы, идущие в макром мире, со скрупулёзной точностью синхронизируются с процессами, происходящими в микромире. То есть, субъективность – это отраженная объективность, но с акцентом личного участия.

Понятно, что при этом происходит информационное "сжатие" объективного мира и расширение субъективного, что, с одной стороны, конечно же, искажает картину мира, но, с другой, детализирует личностную картинку. Тем не менее, каждая точка мира объективного имеет проекцию на поле личного сознания. А это, в свою очередь, означает, что столь же верно и обратное. Следовательно, если ум своим вниманием сконцентрируется на требуемой точке, расположенной в зоне личного сознания, то подобная точка объективного мира немедленно откликнется на этот импульс. И чем мощнее будет импульс, тем мощнее будет отклик из мира объективных реальностей. Так вот, целевая концентрация внимания на заданной точке сознательного поля и будет той силой мысли, которая в волевом режиме насаждает субъективный смысл в имеющийся мыслеобраз. Реакцию отклика в этом варианте можно будет назвать мысленным посылом или полётом мысли.

И всё же, что есть такое сама мысль? Думаю, что в такой интерпретации "мысль" будет представлять собой законченную, сформированную и начавшую своё воплощение идею "Личностного Я". Она может осуществляться только на ментальном уровне взаимодействий или на психофизическом, который, разумеется, включает и работу ментала.

Эрнесто: Выражаю особенную благодарность Павлу за красочное и понятное определение мысли. Этот вопрос волновал и меня тоже, с тех пор, как я заметил, что мыслеобразы осознаются часто быстрее, чем "прорисовываются". Аналогичным образом внутренний монолог, диалог и указания к самому себе часто имеют форму незавершённости. Обычно, используются ключевые слова, остальные же "опускаются" за ненадобностью. Мне интересно, насколько зависит то, какие ключевые слова выбирает мой мозг, от моей способности к логическому мышлению?"

17. Из истории изучения мысли

- А.Степанова. Словарь античных философских терминов. Внимание, мнение, мысль.

Философский смысл термина: Размышление (Еврипид); мысль (Платон, Аристотель); отдельное понятие как результат опыта (Хрисипп); общее представление, понимание (Полибий); здравый смысл (Плутарх).

- "По Платону, в предметах чувственного мира не только противоположное переходит в противоположное, но и в одной и той же вещи в одно и то же время совмещаются противоположные качества, притом не случайно, а необходимым образом. <В этих именно прекрасных предметах, – спрашивает Платон, – не проявляется, думаешь, ничего безобразного? В этих справедливых – ничего несправедливого? В этих благочестивых – ничего нечестивого?> [Госуд. 479 А]. <Нет, – отвечает философ, – они по необходимости являются как-то и прекрасными и безобразными> (там же). Противоречие есть для Платона не то, что может быть усмотрено познанием в самих вещах, а то, что, появившись в мысли, побуждает мысль к познанию истинно-сущего".

- "Развитие философской мысли в Китае характеризовалось традиционностью: для неё характерна исключительная стабильность круга основных философских проблем и категорий, а преимущественными формами философского творчества являлись комментарии и компиляция канонических произведений".

- "История и даже обыденный опыт даёт нам множество примеров того, что всякий человек мыслит по-своему. У каждой личности свои мыслительные привычки, обычные умственные ходы, к которым она, размышляя, прибегает. И это не только касается отдельных людей, но и народы, государства, целые эпохи. И в каждом кругу людей, в каждой эпохе находятся примеры людей, которые мыслят иначе, чем остальные, умеют взглянуть на действительность под иным углом зрения. Нестандартность мышления лежит в основе почти всех изобретений, научных открытий, она во все времена приводила к рождению идей,двигающих человечество вперёд. Но что такое это нестандартное мышление? Почему большая часть людей довольствуется обычными для своего времени и окружения решениями, а другие предлагают совершенно новые, необычные идеи?

Этот вопрос занимал мыслителей с самого начала систематического изучения мышления и его законов. На заре западной цивилизации господствовало мнение, что новые идеи и мысли людям приносят "гении" или "музы", сверхъестественные существа, невидимо посещающие избранных: например, муза Терпсихора посещает поэтов, учёным дарит озарения Урания. Можно вспомнить о ярком примере, о демоне Сократа, который вёл с ним философские беседы... Платон, ученик Сократа, познание истинного устройства мира также связывал с озарениями, к которым можно стремиться, но которыми невозможно управлять. Аристотель стал первым, кто предложил совершенно иную точку зрения. Он выдвинул на первый план само мышление и его законы, дав тем самым начало всей западной традиции мышления. Почти два тысячелетия после этого аристотелевская логика и правила создания силлогизмов считались исчерпывающим сводом законов мышления, и само рождение новых идей рассматривалось вплоть до начала

эпохи просвещения как выведение нового умозаключения из набора утверждений посредством логических операций, то есть творческая мысль представлялась одной из разновидностей обычного дедуктивного вывода. Но интеллектуальный климат постепенно менялся. Джонатан Свифт в одном из приключений Гулливера описывает машину, производящую мудрые мысли и открытия, устроенную наподобие калейдоскопа. В ней кусочки-слова случайным образом сочетаются, приводя к созданию "ценных" высказываний. Роль обслуживающего персонала заключалась лишь в том, чтобы крутить колеса этой машины и успевать записывать плоды её творчества. Эта сатира поставила под сомнение чисто дедуктивные, механические объяснения продуктивного мышления. В эту схему вносила поправки жизнь: рождение истинно новой идеи всегда сопровождалось в описаниях мыслителей флером мистики, во все времена открытие связывали с вдохновением, озарением, с вмешательством сверхъестественных сил.

В эпоху просвещения стала возможной прямая полемика между рационалистским и мистическим объяснением феномена творчества. В поисках аргументов философы обратились к опыту, как к тому и располагала атмосфера эпохи. Интересно сопоставить результаты проведённых в этом направлении изысканий двух великих мыслителей того времени: Декарта и Лейбница. Рене Декарт, который считается основателем современного научного метода, предложил первый обстоятельный труд на эту тему "Правила для руководства ума". В виде списка правил, которым должен следовать мыслитель в своём творчестве, Декарт излагает результаты своих наблюдений над природой мышления. Будучи рационалистом, в этих правилах он стремится к ясной формализации движений мысли, стараясь обойти тему "сверх-рациональных" факторов мышления, однако многие его правила предлагают такие мыслительные упражнения, которые иначе как интеллектуальными медитациями не назовёшь. Идеалист Лейбниц в своей философии постоянно прибегал к мистическим коннотациям и поэтому его правила мышления наполнены рассуждениями о взаимодействии нематериальных универсальных единиц реальности "монад". Монады Лейбница – интуитивно переживаемые сущности, наделённые сознанием, которые в своих взаимодействиях образуют явления мира. Ни Лейбниц, ни Декарт не смогли избежать в своих изысканиях ссылок на интуитивные стороны мышления, хотя последний к этому стремился.

Правила Декарта и его метод определили развитие западной научной традиции вплоть до начала 20-го века. По многим причинам представление о научном методе стало трансформироваться – развивающаяся психология обнаружила условность ясных интеллектуальных основ картезианского метода, сама наука обнаружила явления, к которым невозможно было относиться строго рационально в старом понимании этого слова. Возникший

общий интерес к природе научной и творческой мысли заставил мыслителей вновь обратиться к особенностям творческого, или как иногда говорят, продуктивного мышления. Однако, в отличие от времён Аристотеля или Декарта, наше время стремится не к сущностным, а к операциональным описаниям, то есть, наше время всё чаще ищет не объяснений, но технологию. В середине 20-го века возникла целая методологическая дисциплина, занятая исследованиями творческого мышления, эвристика. Её практической целью было раскрытие механизмов, приводящих к рождению новых идей, к нетривиальным решениям задач произвольного содержания. Теперь, по прошествии времени мы видим, что в целом эвристика не смогла выполнить свою основную задачу. Эвристические исследования, конечно, привели к созданию некоторых известных методов "изобретения" или "problem solving", но методы эти, скорее, являются материалом для будущей исчерпывающей теории, нежели практически пригодными инструментами. Речь идёт, например, о методе "гирлянд ассоциаций" или "доведения противоречия до крайности" и др. Тем не менее, эвристика обратила наше внимание на важнейшую черту истинно творческого мышления: оно всегда основывается на отказе от традиционного описания ситуации. Ценная новая идея всегда предлагает, в первую очередь, новую модель предмета или явления, а уж затем из нового представления рождается решение. Например, лишь после того, как носители инфекционных заболеваний были описаны как физические агенты, а не как нематериальные сущности, стали возможны эпидемиологические методы борьбы с инфекционными болезнями. Анализ известных современных эвристических методов подтверждает: они все в большей или меньшей степени направлены на изменение обычного описания ситуации в пользу нового, в котором может быть скрыто решение. При этом условно их можно разделить в этом отношении на три категории.

1) Методы, предлагающие описать проблемную ситуацию в терминах какого-то условного языка. Так, например, один известный метод решения изобретательских задач предлагает описывать техническую проблему в виде взаимодействия нескольких групп человечков, так электрический ток представляется в виде коридора, по которому бегут маленькие человечки и т.д. Этот эвристический язык может быть относительно формальным, как в теории решения изобретательских задач Альтшуллера, в которой техническая система описывается в терминах условного языка физических явлений. Кибернетика также является примером такого рода эвристического руководства, потому что её универсальный язык связи и управления также оказался весьма плодотворным средством описания явлений. Все эти альтернативные языки обладают одним важным общим свойством: они гибче, чем первоначальные модели проблемной ситуации, так что их использование часто открывает новые пути решения проблем.

2) Методы, направленные на замену текущего описания ситуации каким-то новым. К этой категории можно отнести метод мозгового штурма, ассоциативные методы и т.д. Эта категория эвристических правил уже существенно ориентируется на интуитивные способности мыслителя, потому что в них никогда не даётся направление поисков нужной ассоциации, нового полезного описания, просто предлагается его "придумать".

3) Методы, разрушающие старое описание ситуации, но не предлагая новое. Часто именно об этом говорят изобретатели, когда толкуют об "умении удивляться". Если старое описание ситуации кажется крепким, несомненным, понятным до конца, то гораздо труднее заменить его на новое, более эффективное. Методы этой категории заставляют пытливо приглядываться к каждому звену, к каждой детали старого описания ситуации и ставить его под сомнение. Часто такое "расшатывание" приводит к тому, что старое описание рушится, а на его месте возникает новое, более полезное. Особенно этот метод прижился в сфере психологии: тут говорят, что многие психологические проблемы связаны с "ограниченностью модели мира" и её расширение становится методом решения проблем. В наше время часто в этой связи прибегают к изменённым состояниям сознания (трансам, наркотическим состояниям), в которых старые мыслительные модели не могут функционировать и это, якобы, облегчает психологические трансформации личности и способствует творческим находкам. Однако если о пользе изменённых состояний сознания в психотерапевтической практике можно дискутировать, то с точки зрения прикладных эвристических задач изменённые состояния (особенно искусственные), как правило, бесполезны и даже вредны. Дело в том, что процесс изменения описания ситуации требует целенаправленного контроля. Мало придумать новое описание, нужно, чтобы оно оказалось практически пригодным, но при изменённых состояниях сознания не способно выполнять функцию контроля, в результате разрушение текущих моделей мира становится самоцелью. Многие духовные практики, так же, как использование наркотиков, приводят к постепенному разрушению не только обычных описаний мира, но и к разрушению личности вообще, постепенно приводя человека к асоциальности. Состояние организма человека также существенно зависит от его описаний мира, так что в конечном итоге метод разрушения описаний в изменённых состояниях сознания довольно опасен и следует от него предостерегать.

В психологии наиболее глубокое исследование творческого мышления предприняли гештальт-психологи, особенно основатель гештальт-психологии Макс Вертгеймер. Одной из его главнейших работ является книга "Продуктивное мышление", посвящённая как раз анализу творческого мышления с точки зрения гештальт-теории. Гештальт-психологи говорят, о том, что решение задачи, новая идея, приходит в момент "схватыва-

ния" ситуации в её целостности и полноте, этот момент они называют инсайтом. Опыты, которые проводил над обезьянами Келлер ещё в 1914 году, показали: переживать инсайт способны не только люди, но и шимпанзе: когда обезьяна неожиданно догадывается воспользоваться палкой для того, чтобы притянуть к себе висящие бананы, её поведение радикально меняется и превращается из случайного, хаотического в целенаправленное, ясное. Таким образом, решение обезьяны не становится результатом длительного логического размышления, но результатом неожиданного озарения, нового восприятия ситуации. Тем самым, гештальт-теория вносит существенное дополнение эвристическим методам: при поиске альтернативных описаний необходимо ориентироваться на целостные описания ситуаций, нужно учитывать не только само явление или предмет, но и весь контекст ситуации.

Метафора, построенная на целостных качествах предметов или явлений, представляется важнейшим механизмом творческого мышления. Поэтому мы рассматриваем нашу теорию метафоры как творческий метод, во-первых, способствующий созданию новых описаний, а во-вторых, ориентированный именно на целостные описания, поскольку в основе теории лежит понятие гештальта как целостной единицы восприятия. Однако в нашей теории нет технологии. Она не отрицает необъяснимости и, в общем-то, непредсказуемости процесса рождения новой идеи, не предлагает абсолютно надёжного способа "изобретать". В конечном итоге, главная причина творчества сокрыта в таинственных глубинах сознания, куда доступ обыденности закрыт".

- Основы философской культуры. "Никакая наука не может быть свободна от понятия, говорил Гегель, сейчас можно добавить – никакая наука не может быть свободна от информации и законов её передачи. Следовательно, существует процесс самоупорядочения материи, выражающийся как в повышении уровня её организованности, так и в повышении уровня отражения (что, впрочем, лишь стороны одного процесса). Известная нам форма существования мира образовалась 15-20 миллиардов лет назад. Вполне возможно, что в начале её существования субстанция была близка к чистому бытию Гегеля и в ней не были различены даже такие всеобщие свойства, как материальность и движение".

- **Всё о космоэнергетике. АГНИ ЙОГА**

"Двигатель эволюции есть мысль". "Из всех энергий тончайшая есть мысль. Можно, истинно, утверждать, что мысль переживает всё.

Мысль бессмертна, и живёт, создавая новые сочетания".

"Действие человеческих мыслей так велико и могущественно, что оно создаёт каждому месту, которое посещается людьми с определённой целью и определёнными мыслями, особую, свойственную лишь данному месту, свою атмосферу. Многие сотни и тысячи людей, посетивших эти места, оставили в них свои мысли. Эти мысли заполняют, наслаиваются и срастаются с данным

местом настолько, что становятся его специфической принадлежностью, его неотъемлемою принадлежностью. Долгое пребывание человека в таких местах способно переродить человека и изменить характер его".

"Осознание, что мысль вечна и непобедима, даст человечеству устремление к зарождению творческой мысли". "Вреднее всего так называемые невольные мысли. Каждая сознательная мысль уже содержит некоторую организованность, но хуже всего малые бродяги, которые без смысла засоряют пути". "Главное, уничтожить бациллы низких мыслей, которые заразительнее всех болезней. Заботиться надо не о произнесённых словах, но о мыслях. В течение одного слова десять мыслей рождаются". "Друзья, повторяю: держите мысли чистыми; это лучшая дезинфекция и самое знаменитое тоническое средство".

"Новая эпоха требует сознательного мышления, она требует, чтобы человек овладел своим мышлением, чтобы очистил его и изгнал из своего мышления тех скачущих блох, которые приносят большой вред ему и всему мирозданию, чтобы он не был подобен человеку, машущему в темноте руками и не знающему, какой предмет он заденет, какой опрокинет, какой разобьёт, о какой разобьётся сам, чтобы он пользовался этой великой силой разумно и сознательно для благих целей, для пользы эволюции, а не так, как до сих пор он пользуется ею, бессознательно принося лишь вред и разрушение" (А.И.Клизовский).

"Поучительно составить книгу о наносимом вреде от дурных мыслей как для себя, так и для других. Эти мысли являются источником множества болезней. Раньше связывали с дурными мыслями только психические болезни, но пора разглядеть множество самых разнородных физических болезней, порожденных мыслями. Не только сердечные заболевания, но и большинство желудочных и кожных болезней являются последствием разрушительных мыслей". "Значит, даже против чисто физических болезней нужно искать причину в качестве мышления. Так постепенно направляйте мысли окружающих на добро. Уже имеете пример, насколько причиняют боли проклятия и ругательства даже на дальних расстояниях".

"Явление передачи мысли на расстоянии и лечение дальними токами вам достаточно известно. Но об этом нужно упорно твердить, ибо люди меньше всего желают принять несомненное". "Люди с трудом восприняли, что радио пролетает над миром мгновенно, но скорость и беспредельность мысли почти недоступны сознанию. Наиболее полезные и простые истины принимаются особенно трудно. <...> Социальные науки должны очень заниматься распространением мысли, как основой человеческого блага. Так, наблюдения над мыслями нужны в век нахождения энергий".

"Часто возникал вопрос: которая мысль сильнее, словесная или бессловесная? Конечно, участие формул словесных, казалось бы, сильнее. Люди,

притянутые внешностью, полагают, что оправа слова крепче удержит мысль. Но такая условность не поможет сущности. Мысль бессловесная гораздо мощнее, в ней явлена более чистая стадия Огня... Мысли могут касаться, как отдельных лиц, так и быть безличными. Явление добра, есть великая ценность, не теряющаяся в пространстве".

"Каждое мгновение человек или творит, или разрушает. Мир наполнен мыслями противоречивыми. <...> каждая мысль есть своего рода магнит, она привлекает к себе подобное. Пространство насыщено мыслями, каждая привлекает к себе сходные по качеству <...> каждая чистая мысль есть зарождение добра и каждая тёмная есть колыбель зла". "Помыслы о Надземном есть панацея". "Никто не станет отрицать, что мысль является первенствующим фактором в жизни каждого человека. Труд, сосредоточенный труд, тем и хорош, что хотя бы на время собирает мысли на одном предмете, затрудняя их привычное разбрасывание и блуждание. Кончается работа, и мысли вновь начинают скакать с предмета на предмет".

"Скажите новым: надо осознать ответственность за мысли. Прежде отвечали за действие, потом поняли значение слова, теперь пора знать пожар мысли. Лучше уметь молчать и очищать мысли. ... нет различия между словом и мыслью".

"...лишь в текущем столетии начали понимать, что мысль есть энергия. Все мыслители прошлых веков не выдавали смысла мысли, как двигателя Мира. Для оценки механики мысли требовалось познание механики и многие открытия. Можно лечить мыслью на расстоянии, но также можно являть болезни на расстояние. Такое обстоятельство будет в будущем изучаемо, но сейчас мало кто допускает, что возможно причинить болезнь мыслью издалека.

Сколько времени уходит даром. Мысли праздные и ненужные непрерывным потоком текут с конвейера сознания. "Их не нужно, их исключить! Каждую заменить мыслью полезной: или послать добрую весть далёкому другу, или тем, кто в нужде, или туда, где положение создаёт запруды для эволюции, или больному, или, наконец, своему собственному телу, в тот орган или часть тела, где пытается утвердиться болезненный процесс или очередное неблагополучие. Мыслям всегда достойную ученика работу можно найти".

"Все силы духа надо поднять на борьбу за овладение мыслью. Можно ли в этой борьбе не одолеть, можно ли допустить поражение? Поражение недопустимо, ибо оно означает конец восхождения. Также и мысль имеет не местное значение, но пространственное, и особенно теперь, когда она не остаётся около человека". "Явление санитарии нужно Земле. Нужно очистить слои заражённые, но сделать это может лишь человек. Если каждый житель земной подумает о состоянии своей психической энергии и опасается ухудшить его, то уже может начаться оздоровление. Самые опасные

эпидемии натолкнутся на незримые противодействия, и начать такую защиту можно в каждодневной обыденности". Секрет – материализация мысли.

● **Э.В.Ильенков. Диалектическая логика.** Очерк 9. О совпадении логики с диалектикой и теорией познания материализма. "Гносеология", таким образом, выделилась в особую науку, противопоставленную "онтологии" (или "метафизике"), вовсе не как дисциплина, исследующая реальный ход человеческого познания окружающего мира, как раз наоборот, она родилась как доктрина, постулирующая, что все без исключения формы познания есть не формы познания окружающего мира, а лишь специфические схемы устройства "субъекта познания".

Кантианская теория познания определяла границы компетенции науки вообще, оставляя за её пределами, объявляя "трансцендентными" для логического мышления, т.е. для теоретического познания и решения, самые острые проблемы мировоззренческого плана. Но в таком случае не только допустимым, но и необходимым становилось соединение научного исследования с верой в составе мировоззрения.

Вот философское кредо Реннера: "Капитал" Маркса, написанный в отдалённую от нас эпоху, отличающийся по способу мышления и изложения от современного способа и не доведённый до конца, представляет с каждым новым десятилетием всё большие трудности для читателя... Манера изложения немецких философов стала для нас чуждой. Маркс уходит своими корнями в эпоху по преимуществу философскую. Современная наука не только в описании явлений, но и в теоретическом исследовании пользуется не дедуктивным, а индуктивным методом; она исходит из фактов опыта, непосредственно наблюдаемых, систематизирует их и затем постепенно возводит на ступень абстрактных понятий. Поколению, привыкшему именно так мыслить и читать, первый раздел основного произведения Маркса представляет непреодолимые трудности".

Поэтому грубо ошибочно мнение, будто бы определение логики как науки о законах развития "всех материальных, природных и духовных вещей" есть лишь переданная Лениным или даже просто процитированная им мысль Гегеля. Ничего подобного. Это собственная мысль Ленина, сформулированная им по ходу критического чтения гегелевских пассажей.

Непосредственно, таким образом, логические категории "суть ступеньки выделения, т.е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать её и овладевать ею". Разъясняя это понимание, Ленин намечает общую последовательность развития логических категорий: "Сначала мелькают впечатления, затем выделяется нечто, – потом развиваются понятия качества... (определения вещи или явления) и количества. Затем изучение и размышление направляют мысль к познанию тождества – различия – основы – сущности versus (по отношению к. – Ред.) явления, – причинности etc. Все эти мо-

менты (шаги, ступени, процессы) познания направляются от субъекта к объекту, проверяясь практикой и приходя через эту проверку к истине...".

• Н.Бердяев. Одиночество философа

"Основа религии есть откровение. Откровение само по себе не сталкивается с познанием. Откровение есть то, что открывается мне, познание есть то, что открываю я. Может ли сталкиваться то, что открываю я в познании, с тем, что открывается мне в религии? Фактически да, и это столкновение может стать трагическим для философа, ибо философ может быть верующим и признавать откровение.

Познание не есть откровение. Но откровение может иметь огромное значение для познания. Откровение для философского познания есть опыт и факт. Трансцендентность откровения есть имманентная данность для философии. Философское познание – духовно-опытное. Интуиция философа есть опыт. Теология всегда заключает в себе какую-то философию, она есть философия, легализованная религиозным коллективом, и это особенно нужно сказать про теологию христианскую. Вся теология учителей церкви заключала в себе огромную дозу философии.

Предрассудок думать, что познание всегда рационально, и что нерациональное не есть познание. Через чувства мы познаем гораздо больше, чем через интеллект. Замечательно, что познанию помогает не только любовь и симпатия, но иногда также ненависть и вражда. Сердце есть центральный орган целостного человеческого существа.

Философия может существовать лишь в том случае, если признается философская интуиция. И всякий значительный и подлинный философ имеет свою первородную интуицию. Но философская интуиция ни из чего не выводима, она первична, в ней блеснул свет, освещающий весь процесс познания. Этой интуиции не могут заменить ни догматы религии, ни истины науки. Философское познание зависит от объёма пережитого опыта, опыта всех противоречий человеческого существования, опыта трагического.

Нет человека, который был бы вполне свободен от философии, хотя бы примитивной, детской, наивной, бессознательной. Ибо каждый мыслит, говорит, употребляет понятия, категории или символы, мифы, совершает оценки. Самая детская вера связана с какой-то детской философией" (Н.Бердяев. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения).

• Н.Бердяев. Основная идея философии Льва Шестова

"Бог есть прежде всего неограниченные возможности, это основное определение Бога. Бог не связан никакими необходимыми истинами. Человеческая личность есть жертва необходимых истин, закона разума и морали, жертва универсального и общеобязательного. Освобождение человека не может прийти от него самого, а только от Бога. Бог — освободитель. Освобождает не разум, не мораль, не человеческая активность, а вера.

Парадоксальность мысли, ирония, к которой постоянно прибегал Л.Шестов в своей манере писать, мешали понимать его. Философская мысль Л.Шестова встречала огромное затруднение в своём выражении, и это породило много недоразумений. Трудность была в невыразимости словами того, что мыслил Л.Шестов об основной теме своей жизни, невыразимости главного.

Мы тут стоим перед очень глубокой и малоисследованной проблемой сообщаемости творческой мысли другому. Сообщаемо ли самое первичное и самое последнее или только вторичное и переходное?"

● Е.Негода. Форма жизни или форма мысли

"Меня не покидала цитата Ницше: Искусство есть ничто, кроме искусства. Оно дано нам, чтобы не умереть от правды. Только вместо искусства я представляла философию.

Описать, не объяснить – это то, что всегда старалось искусство, и в наше время – философия. Конечно, авторы правы, и раньше философы ничего не "открывали", но была амбиция решить проблему или, по крайней мере, – объяснить.

Если бы мир был объясним, искусства бы не существовало, так же как и философии. Повторяя за Камю, экспрессия начинается там, где кончается мысль. Когда произведение объясняет, оно претендует на полноту, на вечность, на науку, и – я согласна с Емельяновым – это тупик. Всё, чем может оно быть – это клочком, вырванным из материи жизни, – чтобы дать нам представление об этой жизни. Таким образом, абсурдное становится богом – в самом широком смысле слова, и эта неспособность понять – экзистенцией, которая освещает всё вокруг.

Человек должен броситься к Богу, и этим порывом освободиться от рациональных иллюзий. Но в этом и есть разница между Шестовым и Камю: для Шестова разум бесполезен, но существует что-то превыше разума; для Камю – разум тоже не годится, но ничего превыше него не существует. "Раз ничего не доказано, любое может быть доказано". По Кьеркегарду, отчаяние – не просто факт, но состояние греха. Потому что грех – это всё, что отчуждает нас от Бога. В нерелигиозной философии, Камю вывел другую формулу: абсурд – это грех без бога. На этом пути строится новая мораль, так отличная от христианской (и от Валерия "иудо-христианской"). Поиск правды перестаёт быть поиском желаемого. Грех – это не столько знание (если бы это было так, все были бы невинны), сколько желание знать. И единственное, что я могу найти общее между таким человеком и собой, это моральный постулат: "человек есть всегда жертва своих правд". И не важно, какой морали мы дети".

● Теория познания. "Итак, резюмируя взгляды большинства просветителей на познание, ещё раз подчеркнем, что они выражали суть сенсуализма. За-

службой просветителей в данном вопросе оказывалось детальное выяснение значения каждого отдельного ощущения, а также их совместной работы для адекватного отображения действительности. Ограниченность же подхода была обусловлена индивидуалистической трактовкой как опыта, так и познания вообще и недооценкой вследствие этого роли теоретического мышления".

● **А.Мень. Познание мира** "Как мы можем получать достоверное знание действительности, лежащей вне нас? Ведь известно, в частности, что насекомые видят мир иначе, чем мы, и, следовательно, он представляется им иным. Итак, можно доказать, что все ощущения, из которых складывается наша картина мира, зависят от наших рецепторов или воспринимающих аппаратов. Таким образом, если наша мысль будет оперировать информацией, сообщаемой только органами чувств, мы едва ли сможем найти объективные критерии для познания мира. Но ведь есть вещи, о которых мы знаем, никогда их не видя: это и безмерно удалённые от нас звезды, и элементарные частицы вещества. Как же человек мог судить о них без помощи чувств? По-видимому, кроме чувств и простейших умозаключений, есть иная ступень познания, в которой центральную роль играет отвлечённая мысль. В этом отношении характерен афоризм знаменитого датского физика Нильса Бора, который, выступая на обсуждении одной новой теории, сказал: "Все согласны с тем, что предполагаемая теория безумна. Вопрос в том, достаточно ли она безумна, чтобы оказаться ещё и верной". Иными словами, противоречие гипотезы со "здравым смыслом" расценивается теперь учёными не как её дефект, а скорее как достоинство.

По словам английского физика Поля Дирака, квантовая теория строится главным образом на таких понятиях, которые "не могут быть объяснены с помощью известных понятий и даже не могут быть объяснены адекватно словами вообще". Это убеждение разделяют и советские учёные. "Квантовая механика, — пишет акад. М.Омельяновский, — отражает в точных понятиях движение атомных объектов, которое в одних условиях похоже на движение частиц, в других — на распространение волн, и которое одновременно коренным образом отличается от них обоих. Вместе с тем — и это надо подчеркнуть со всей определённой — такое движение непредставимо". Таким образом, перед нами и логическое противоречие, и полная невозможность представить объект в виде наглядной модели, однако речь всё же идет о действительности.

Словом, сама наука приводит человека к факту парадоксальной, сверх-рассудочной структуры мира. То, что для здравого смысла несёт в себе неустранимое противоречие, подтверждается в высшем типе физико-математического и философского мышления. "Отвлечённое мышление, — говорит Вл. Соловьев, — есть переходное состояние ума, когда он достаточно силён, чтобы освободиться от исключительной власти чувственного воспри-

ятия и отрицательно отнестись к нему, но ещё не в состоянии овладеть идеей во всей полноте и цельности её действительного предметного бытия, внутренне и существенно с ней соединиться, а может только (говоря метафорически) касаться её поверхности, скользить по её внешним формам".

Следовательно, возникает необходимость искать какой-то третий аспект в гносеологии, кроме эмпирического и абстрактного. Он не только должен дополнять их, но и позволить реально проникать в самую сущность познаваемого, как бы слиться с ним в одно целое и видеть его "изнутри". Что же представляет собой этот "третий путь познания"?

В поисках ответа на поставленный вопрос лучше всего взять за исходную точку самопознание. Действительно, что может быть дано нам более непосредственно, чем наше собственное "Я"? А между тем мы узнаём о нём вовсе не через органы чувств и не через логические операции. Совершенно очевидно, что наше "Я" заявляет нам о себе без помощи звука, запаха, цвета или других свойств, которые говорят о существовании внешнего мира; однако реальность его настолько бесспорна для нас, что мы можем счесть фикцией всё что угодно, кроме нашего "Я". Не случайно поэтому Декарт начинал своё размышление о бытии формулой "Cogito, ergo sum" – "Я мыслю, следовательно, существую".

"Это, – по словам Сартра, – абсолютная истина сознания, познающего самого себя". Отвлечённое мышление здесь так же бессильно, как и органы чувств. Оно разбивает личность на тысячи аспектов и состояний, будучи неспособным объединить их в живое целое, в то время как внутреннее единство "Я" безнадежно ускользает от анализа. Более того, по верному замечанию одного философа, "что такое сознание, собственно, нельзя сказать, нельзя определить логически. Природа сознания, его свойства не могут быть описаны; чтобы понять его, как и всё психическое, необходимо непосредственно пережить его". Легче слепому объяснить свойства красного цвета, чем в рациональных терминах передать суть самосознания, которое открывается нам в непосредственном акте интуиции.

Это наиболее глубинное и полное восприятие реальности превышает, хоть отнюдь не исключает, первые две стороны познания. Человек обладает не только ощущениями и разумом, но и как бы особым "органом" внутреннего постижения, которое раскрывает перед ним сущность бытия. Одних рецепторов и логического анализа недостаточно для того, чтобы понять величие фуги Баха или Владимирской Богоматери. Даже в области точных наук интуитивные предпосылки предваряют собой цепь строгой аргументации. "Результат творческой работы математика – доказательное рассуждение, доказательство, – подчёркивает Д.Пойя, – но доказательство открывается с помощью правдоподобного рассуждения, с помощью догадки".

Вспомним, что многие научные открытия явились их творцам как мгновенные интуитивные прозрения, которые лишь впоследствии обосновывались фактами и логикой. В свете этого предание о Ньютоновом яблоке не так уж бессмысленно. Менделеев, например, увидел свою будущую таблицу во сне. "Интуиция, вдохновение, – утверждал В.И.Вернадский, один из самых философских умов среди русских учёных нашего века, – основа величайших научных открытий, в дальнейшем опирающихся на факты и идущих строго логическим путём, – не вызываются ни научной, ни логической мыслью и не связаны со словом и понятием в своём генезисе".

Выдающийся французский физик Луи де Бройль высказывает ту же мысль. Он пишет, что "человеческая наука, по существу рациональная в своих основах и по своим методам, может осуществлять свои наиболее замечательные завоевания лишь путем опасных внезапных скачков ума, когда проявляются способности, освобождённые от оков строгого рассуждения, которые называют воображением, интуицией". Другой современный физик, Вольфганг Паули, признавая, что ни эмпиризм, ни "чистая логика" не способны установить единство между познающим и реальностью, также апеллирует к интуиции. При этом он связывает интуицию со сферой бессознательного, как понимал её психолог и психиатр К.Г.Юнг. Объективная гносеологическая ценность такого предрационального познания вытекает, по мнению Паули, из некоего "порядка во Вселенной", не зависящего от нашего произвола и отличающегося от мира явлений". Главная особенность интуитивного познания заключается в том, что оно даёт познающему сопричастие пульсу мирового бытия. Естественно, что этот путь познания не мог быть обойдён философами на протяжении веков истории мысли.

Понятие об интуиции существовало и в индийском и в греческом умозрении; о ней говорили средневековые теологи Фома Аквинат и Яков Бёме. Указывая на последние пределы рационального знания, Декарт писал: "Надлежит, отбросив все узы силлогизмов, вполне довериться интуиции как единственному остающемуся у нас пути". Лейбниц называл её "самым совершенным знанием"; Гёте говорил, что "бытие, расчленённое разумом, всегда даёт остаток", и из этого выводил необходимость интуиции. Фихте видел в ней прямой путь к познанию "Я", а согласно Шеллингу, в интуиции "объект даётся совсем не так, как в математике наглядность". Этим он хотел подчеркнуть, что в интуитивном созерцании преодолевается пропасть, которая в опосредствованном знании отделяет объект от познающего субъекта.

Вслед за Шеллингом учение об интуитивном пути знания развивал Вл. Соловьёв. Он пояснял его специфику, рассматривая процесс художественного творчества. "Те идеальные образы, – писал он, – которые воплощаются художником в его произведениях, не суть, во-первых, ни простое воспроизведение наблюдаемых явлений в их частной, случайной действительности,

ни, во-вторых, отвлечённые от этой действительности общие понятия. Как наблюдение, так и отвлечение или обобщение необходимы для разработки художественных идей, но не для их создания, – иначе всякий наблюдательный и размышляющий человек, всякий учёный или мыслитель мог бы быть истинным художником. Все сколько-нибудь знакомые с процессом художественного творчества хорошо знают, что художественные идеи и образы не суть сложные продукты наблюдения и рефлексии, а являются умственному взору разом в своей внутренней целостности (художник видит их, как это прямо утверждали про себя Гёте и Гофман), и дальнейшая художественная работа сводится только к их развитию и воплощению в материальных подробностях... Если, таким образом, предметом искусства не может быть ни частное явление, воспринимаемое во внешнем опыте, ни общее понятие, производимое рассудочной рефлексией, то этим может быть только сущая идея, открывающаяся умственному созерцанию".

Но подлинное торжество интуитивизму принесло развитие мысли в конце XIX и начале XX века. Основоположником современных форм интуитивизма может считаться Анри Бергсон (1859-1941) – один из наиболее оригинальных философов первой трети нашего столетия.

Бергсон показал, как наша рассудочная логика, наш "интеллект" развивались в процессе эволюции, являясь инструментом приспособления человека к окружающей среде. Если в борьбе за существование животными руководил инстинкт, то "интеллект" снабдил человека орудиями. Он служил, прежде всего, для внешнего воздействия на материю, и поэтому наша житейская логика оказалась пронизана механическими принципами. В глубину вещей "интеллект" не в состоянии проникнуть. Интуиция же шире житейской логики, она, по словам Бергсона, "переходит за интеллект".

Бергсон исходит из той мысли, что мировая реальность, включая человеческое мышление, есть непрерывный поток, единый процесс. Рационализм, разлагая этот процесс на "составные части", не может постичь его сущность, внутренний импульс. "Анализ, – говорит философ, – всегда оперирует неподвижным, тогда как интуиция помещает себя в подвижность". По определению Бергсона, интуиция – это "род интеллектуальной симпатии, путём которой переносятся внутрь предмета, чтобы слиться с тем, что есть в нём единственного и, следовательно, невыразимого".

С.Булгаков даже прямо отождествлял веру с интуицией. Только в органическом сочетании непосредственного опыта, отвлечённого мышления и интуиции рождается высший интегральный тип познания, в котором господствует, по определению Бердяева, "Большой Разум". Он не ограничивает себя узкими рамками рассудка и способен подняться в сферу парадоксального, антиномичного. Он включает в себя все силы малого разума, как

целое – части. Именно это позволяет ему простираť свой взгляд от видимых явлений природы до предельных граней бытия"

• Е.Л.Разова. Проблематизация концептов Дома и Пути в европейской мысли XX века

"Дом в европейской культуре и философии рассматривался как точка интенсивности, концентрированного существования человека, место локализации гуманистической модальности бытия. Дом – обретенная форма покоя как место для самоопределения, полагания своих границ в своём образе жизни, без которой невозможен никакой акт познания. Это место, где реализуется гуманистический принцип существования человека в мире, где пространство становится обитаемым миром, где гуманизация мира (превращение его в обитаемый) происходит через мысль-рефлексию о мире и о себе в мире как единственно возможном месте и способе существования, через выстраивание дома как тела результата акта мышления – образа мира.

Но трансцендентальный субъект есть никто иной, как Путник, – модус человека познающего мир и познаваемого самим собой в акте познания мира, единственно существующий подлинно, способный преодолевать границы бытия – границы своей конечности <...>.

Что такое Путешествие как концепт европейской культуры? Путешествие есть акт мышления, акт понимания как освоения мыслимого – движение в поисках образа (видимой-говоримой мысли) – в поисках дома, где мысль как то, что получило форму в результате рефлексивного акта, лишь и возможна. Мышление как акт создания структуры – познанного, ближайшего (подручного у Хайдеггера) – вечное путешествие, которое подразумевает хроническую маргинальность, номадичность, бездомность, но она возможна лишь при наличии того места, от которой мысль отказывается ради самой себя – ради обретения себя в своём месте – доме. Мышление – путешествие по бытию в поисках дома, тоска по дому, которого нет и не может быть. Понимание – модус бытия Dasein, которое со-конструирует бытие "здешности", экзистирующее бытие в мире. Понимание есть набрасывание – интенция, набрасывание человеческой размерности на бытие, гуманизация, космизация (доместикация) бытия.

И в то же время это путешествие прочь от дома как от ставшего, преодоление границы себя как своего ближайшего и полагание себя в не-бытии необитаемого, чуждого, опасного мира, полагание себя в познании. Путешествие, имеющее не форму, но траекторию, аналогичную траектории мысли, есть набрасывание плана судьбы, следование которому есть попытка стать самим собой в единственно возможном месте, в единственно возможной форме. Путешествие – поиск места само-становления – дома. И в то же время преодоление себя в новом путешествии. План судьбы – реализация себя как серии сингулярных вариантов себя в бесконечности станов-

ления в точках интенсивности – домах. Путешествие от дома в поисках дома есть жизнь как вечное становление и преодоление ставшего, хаbitуальности, которая есть домашнее, одомашненное в мире и в сознании.

"Моя мысль приобретает человеческое измерение, только когда я сам до чего-нибудь додумываюсь. Собственно человеческим будет только такой мой поступок, который я совершаю потому, что он имеет для меня смысл, поскольку я его осознал, (субъект действия несёт за него ответственность. Самостоятельное действие возможно только при условии одиночества)", – писал Ортега-и-Гассет (Его. Размышления о "Дон Кихоте". СПб., 1997. С.518). Пространство прохождения пути и выстраивания дома, таким образом, не есть физическое пространство, но иммагинативное, пространство сознания, организованное образной системой личностных концептов, органично взаимосвязанный с общекультурными концептами. Расположенность (пространство – дом) и понимание (время-путешествие мысли) (прежде всего, понимание себя-в-мире как себя наличного/видимого для мира) – экзистенциалы, характеризующие бытие в мире".

18. Коллекционируем знания, развиваем способности

● Владислав Иноземцев. Проблемы для нас, наших детей и внуков // Знание – сила, 09/3.

"Главная особенность постиндустриального общества – центральная роль знаний и, соответственно, их носителей. Знание неотделимо от человека, от его (как удивительно точен русский язык) со-знания. Основой социальной стратификации становится не то, что человек имеет: власть, землю или капитал, а то, что он может, то, способен ли он превращать доступную всем информацию в собственное знание. <...>

Информацию, конечно, нельзя есть. Её иногда нельзя даже понять. Но мы говорим о знаниях. Мы говорим о смыслах. О символах, если хотите. Потребностей в пище и тепле никто не отменял. Но если эти потребности могут удовлетворяться со всё большей лёгкостью, они перестают восприниматься как значимые. Вы же не задумываетесь о том, что вам нужно постоянно дышать, чтобы не умереть? Наличие чистого воздуха вокруг вас – очевидная данность. И если для покупки продуктов в магазине нужна лишь одна десятая или одна двадцатая ежемесячного дохода, то "жизнь для зарабатывания" заканчивается. Начинается жизнь ради жизни. Для одних это жизнь ради знания и смысла. Для других – ради символов. Для одних – ради отличия сегодняшнего себя от себя вчерашнего. Для других – ради отличия себя от других. <...>

Так постиндустриальный мир обретает возможность в неограниченном масштабе приобретать ресурсы из остальных стран, не утрачивая при этом собственных. Он получает на это не только возможность, но и право: ведь

он не силой забирает у других их блага, а напротив, честно обменивает их на технологии, созданные им самим. Собственно, именно в этом я и вижу самую большую проблему, порождённую постиндустриальным обществом: новое неравенство не только становится допустимым, но и не противоречит традиционно понимаемым принципам справедливости. <...>

Постиндустриальный мир, и об этом сегодня говорят очень редко, становится всё более замкнутым: между Европой, США, Японией и развитыми странами Азии происходит сегодня более 75 процентов всех осуществляющихся на планете торговых транзакций и перетекают 82 процента всех иностранных инвестиций. В какой-то мере это понятно: люди одного уровня развития тянутся друг к другу; кто-то обменивается книгами, кто-то фантиками, но книги на фантики меняются лишь как редкое исключение. До поры до времени казалось, что те, кто разбирается только в фантиках, научится читать книги. Они в общем-то и научились. Но выяснилось, что только читать, но уж никак не писать. Даже книги. Не то чтобы программы. И в этом нет ничего удивительного. Ведь учиться читать приходилось в редкие моменты отдыха от работы. А для других написание книг (или компьютерных программ, или создание дизайнерских концепций) и было их работой. <...>

В постиндустриальном обществе средние способности не гарантируют средних результатов. На средние результаты могут рассчитывать лишь те, кто совершенствует свои способности средними для общества темпами. В современном мире нужно бежать не только для того, чтобы продвинуться вперед, но и для того, чтобы остаться на месте. <...>

Знание – продукт индивидуальных усилий, и массами оно не "овладевает". И никакой "демократии" в приобщении к ним, увы, не наблюдается. Быстро становятся всеобщим достоянием лишь те идеи, которые, собственно, для этого и выдвигались. <...>

Но чем выше уровень жизни, тем актуальнее реализация уже не массовых, а индивидуальных потребностей. А искусственно мобилизовать людей, почувствовавших вкус к творчеству и самореализации, практически невозможно. На определённом уровне – приблизительно на таком, на каком сами западные страны были в 60-е годы, – возникает предел мобилизационного развития и начинает формироваться новая мотивационная система. Результатом и становится возникновение элементов постиндустриализма. Но для этого нужны, во-первых, высокий уровень благосостояния, во-вторых, система ценностей, которая высоко ставит интеллектуальный рост, и, в-третьих, заинтересованность сограждан в потреблении производимых информационных благ. Многих из этих элементов у нас сейчас нет. Главная задача России сегодня – пройти путь хорошей индустриальной страны. И решать её нам предстоит долгие годы. <...>

Система образования – это замечательно. Но образованный человек – это человек, прежде всего ценящий, как я уже говорил, продолжение собственного развития, общение с людьми своего круга. Поэтому-то так много наших специалистов работает за рубежом. Они не погнались за "длинным долларом". Они просто хотят делать то, чему их научили. Нельзя идти дальше, имея одну только хорошую систему образования. Необходимо, чтобы образованность и таланты ценились, причём обществом, а не государством. <...>

– Что же, на ваш взгляд, необходимо сделать России, чтобы обрести достойное будущее?

– Это, пожалуй, самый неудачный вопрос в нашем разговоре. России не нужно делать ничего; делать что-то нужно россиянам. А стремиться к достойному будущему бессмысленно; каждый народ неизбежно обретёт будущее, которого он достоин".

- **Скрытые способности человека.**

"Давно известно и описано множество случаев проявления людьми чудесных способностей, не присущих абсолютному большинству людей.

Это пророки, ясновидящие, экстрасенсы, целители, живые магниты, гипнотизёры и люди, обладающие способностью летать, перемещаться в пространстве, материализовывать предметы, ходить по воде. Раньше таким людям поклонялись и обожествляли их, в средние века за свои способности человек мог попасть на костёр, сегодня отношение к таким людям может быть самое разное: от всеобщего признания до полного игнорирования и преследования.

Некоторые из таких людей получили всемирную известность. Это Иисус Христос, Будда, пророк Магомет, Нострадамус, Вольф Мессинг, ясно-видящая Ванга, граф Сен-Жермен, Елена Блаватская, Роза Кулешова, Геллер, Чумак и Кашпировский, Лазарев, Анастасия, Порфирий Иванов, Сатья, Саи Баба, Бабаджи и другие".

- **С..Л.Рубинштейн. Основы общей психологии. СПб., 1998**

Глава XVI. СПОСОБНОСТИ

"Встречаясь в жизни с различными людьми, наблюдая за ними в работе, сопоставляя их достижения, сравнивая темпы их духовного роста, мы постоянно убеждаемся в том, что люди заметно отличаются друг от друга по своим способностям. Термин "способность" употребляют в житейском обиходе очень широко; в психологической литературе им немало злоупотребляли. Так называемая психология способностей сильно дискредитировала это понятие. Наподобие мольеровского учёного врача, который "объяснял" усыпляющее действие опиума тем, что опиум имеет "способность" усыплять, эта психология объясняла любое психическое явление тем, что приписывала человеку соответствующую "способность". <...>

Всякая способность является способностью к чему-нибудь, к какой-то деятельности. Наличие у человека определённой способности означает пригодность его к определённой деятельности. Всякая более или менее специфическая деятельность требует от личности более или менее специфических качеств. Мы говорим об этих качествах как о способности человека. Способность должна включать в себя различные психические свойства и качества, необходимые в силу характера этой деятельности и требований, которые она предъявляет. <...>

Во-первых, наследственное и приобретённое в конкретных особенностях личности образуют неразложимое единство; уже в силу этого нельзя относить какие-либо конкретные психические свойства личности за счёт одной лишь наследственности. Во-вторых, наследственные могут быть не сами психические способности в их конкретном психологическом содержании, а лишь органические предпосылки их развития. <...>

... люди очень значительно разнятся не только по врождённому задаткам, но и по своим способностям – как по их степени, так и по их характеру. Эти различия в способностях – продукт не врождённых задатков самих по себе, а всего хода развития личности. Способность развивается на основе различных психофизических функций и психических процессов. Она – сложное синтетическое образование, включающее ряд качеств, без которых человек не был бы способен к какой-либо конкретной деятельности, и свойств, которые лишь в процессе определённым образом организованной деятельности вырабатываются".

● **Аверин В.А. Психология личности: Способности личности**

"Проблема способностей в психологии представляет собой наименее разработанную область по причине её своеобразной "закрытости". Её "закрытие", равно как и всей психологии в целом, произошло в 1936 г. после известного постановления ЦК ВКП (б) "О педологических извращениях в системе Наркомпроса". Поскольку поводом для этого постановления стало широко проводившееся в те годы тестирование интеллектуальных и других видов способностей, то психологическая проблема способностей надолго исчезла из поля зрения психологов. И даже тогда, когда идеологические шоры были приспущены, сильных подвижек в разработке способностей не произошло.

Уже на протяжении многих лет из одного учебника в другой кочуют два широко распространившиеся определения задатков и способностей, которые вряд ли несут в себе собственно психологическое содержание. Задатки – это анатомо-физиологические особенности человека, лежащие в основе развития способностей. Способности – это формирующиеся в деятельности на основе задатков индивидуально-психологические особенности, от которых зависит возможность осуществления и степень успешности деятельности.

Из этих определений вытекают их производные: определения специальной и общей одарённости. Специальная одарённость – качественно своеобразное сочетание способностей, создающее возможность успеха в деятельности, а общая одарённость – это одарённость к широкому кругу деятельностей или качественно своеобразное сочетание способностей, от которых зависит успешность различных деятельностей. Уже при чтении определения способностей, напрашивается вопрос: "А от каких психических свойств индивида, личности или субъекта не зависит "возможность осуществления и степень успешности деятельности"?

Не вносит никакой ясности и уточнение, что "способности это индивидуально-психологические особенности". Очевидно, что таковыми являются не только способности, но характерологические свойства личности, и интеллектуальные свойства. <...> При этом под общими способностями понимают совокупность потенциальных (наследственных, врождённых) психодинамических характеристик человека, определяющих его готовность к деятельности. Общие способности человека проявляются в общей работоспособности человека, непосредственных и опосредованных типах активности, производных и производных типах саморегуляции психической деятельности. Другими словами, предпосылками осуществления деятельности являются, общая работоспособность, активность и саморегуляция. Этот вывод подтверждается, с одной стороны, фактами тесной связи между уровнем активности и успешной деятельностью, в частности умственной, а с другой – связями между уровнем достижений и способом регуляции деятельности. <...>

Хорошо известно, что уровень общего интеллекта зависит в большей мере от генотипа, чем от среды".

- "Неспособных людей не бывает. Важно только вовремя помочь человеку разобраться, в каких областях он может добиться максимального успеха.

Наш тест составлен так, что выявляет сразу несколько самых важных параметров: потенциал, способности и проблемы учащегося. И, разумеется, базу знаний ученика, который к тому времени отучился в школе уже семь с половиной лет. Тест определяет специфику мышления ученика: его возможности в области количественного мышления (работа с цифрами), пространственного мышления (работа с фигурами), абстрактного мышления и логики, а также конкретного мышления, предполагающего прикладное использование знаний".

- Техника визуализации. "Все люди разные. Я убедился на собственном опыте, что воображение одних не уступает реальному отражению действительности, в то время как другие не могут мысленно воспроизвести ни одну из предложенных мною картин. Большинство же людей имеют средние способности к визуализации: картины мысленно воспроизводятся, но с разной степенью отчётливости".

● Что такое экстрасенсорные способности и стоит ли их развивать? "Граница между разумностью и безумием недостаточно ярко выражена, и при желании любого экстрасенса, видящего то, что выходит за рамки среднего восприятия, можно причислить к сумашедшим". "Физиологическая тренировка мозга необычных людей, усиленная пониманием включённых в этот процесс основных функций, может дать совершенно неожиданные результаты. Мы так привыкли к посредственности, к "среднему арифметическому" уровню нашего окружения, что вряд ли в состоянии представить себе мощь мозга, работающего с полной отдачей" (Уолтер Г. Живой мозг. М., 1996).

На мой взгляд, заниматься саморазвитием можно и даже нужно. Потому что вся наша жизнь есть такое саморазвитие, целью которого является постепенное очищение каждого человека на всех уровнях и подъём по частотам (если предположить, что всё есть энергетические поля) до слияния с космическим разумом, и человек проходит множество жизней, постепенно, от жизни к жизни, достигая такого слияния. <...> И если вы решили заняться своим ростом, или если простая жизнь больше не приносит удовлетворения и тянет в неведомые дали самопознания, то надо иметь просто здравый смысл внутри себя и внутреннего учителя. <...>

И в заключение хочу напомнить про когда-то живших двух рыб, одна из которых говорила другой: "Вы слышали? Говорят, кто-то вылез на берег и ползает по илу". На что та отвечала: "Во-первых, никакая честная рыба на это неспособна; а во-вторых, к чему это?" Через соответствующее число миллионов лет у потомков рыбы, неизвестно чего ползавшей по илу, лапы начали обрастать перьями и они уже пробовали летать, а родители двух первых так и остались рыбами".

● Роберт Сапольски, профессор нейробиологии Стэнфордского университета. Тупики эволюции // "Что нового в науке и технике", №10, 2005.

"И, наконец, существуют раззадоренные данными статистического анализа представители социально-критического лагеря, которые искренне верят в то, что наши школы должны выпускать только учащихся со знаниями выше среднего уровня. Попытки способствовать созданию идеального общества с уровнем развития выше среднего по определению обречены на провал.

<...> В последние несколько десятилетий в США наблюдается беспрецедентный экономический подъём, эта страна – в авангарде биотехнологической революции и большую долю своего ВВП она тратит на здравоохранение. Несмотря на это Соединенные Штаты находятся на 29 месте по продолжительности жизни, причина тому – поляризация общества. В то время как неимущие жители страны страдают от сердечных болезней, ожирения, диабета и становятся стариками в 60 лет, состоятельные семидесятилетние граждане мучаются вопросом, стоит ли заменять коленный сустав перед

началом лыжного сезона. Лучшие достижения биомедицины не всегда становятся достоянием широких слоёв населения". <...>

- "... следует решить для себя, что же это всё-таки значит – "нормальное здоровье". Ответ на этот вопрос даётся с трудом. <...> Какими бы чудесными ни были достижения передовой науки, какие бы чудеса ни удалось сотворить моим коллегам, большая часть населения так и не сможет стать выше, умнее и красивее, чем среднестатистический человек". (МК. Знающий человек скажет и напишет умно, сразу отличишь от профана, но ограниченный ум всё же лучше воспримет последнего – ближе по духу).

- "... если дать группе людей, не владеющих технологиями креатива, одну творческую задачу средней сложности (не выше 3 уровня по классификации Г.С.Альтшуллера), то примерно 10% полученных ими решений будут более или менее приличны; примерно 10% людей из случайной выборки могут получать приличные решения творческих задач средней сложности, базируясь на своих природных способностях (остальные 90% либо прямо отказываются решать, либо долго обосновывают, почему они не будут решать, либо предлагают сверхслабые решения – "лишь бы отделаться". Кстати, изображение непременно придурковатых творцов – типичный пример нерешенной задачи). <...>

Интересно, что создатель ТРИЗ Г.С.Альтшуллер [1926-1998] утверждал на основе собранной им за многие годы статистики: "...из десяти слушателей получается один преподаватель, из десяти преподавателей – один разработчик, из десяти разработчиков – один профессионал" (Альтшуллер Г.С., Вёрткин И.М. Как стать гением: жизненная стратегия творческой личности. Минск, "Беларусь", 1994 г., с. 375).

"Обратите внимание, что, как правило, способных людей не так много. Хорошо, если в школе, в одном классе, есть два-три ученика, преуспевающих, например, в рисовании. То есть их всегда какое-то ограниченное число. Вероятно, столь же невелико и число учеников с явно выраженными музыкальными способностями или артистическим талантом. Но тогда естественно предположить, что таково же будет и число детей, обладающих способностью к религиозным переживаниям, тоже своего рода творчеству. По моим подсчётам, у нас людей с ярко выраженной способностью к религиозному переживанию всего 10-15 процентов от общей массы. Примерно столько же, сколько способных к какому-либо искусству учеников в классе. Такое процентное соотношение совпадает и с Западом: я беседовал однажды с пастором из Германии, оценивая количество глубоко верующих в его церкви, и мы сошлись в том, что число их примерно одинаково и у нас, и у них. Десять-пятнадцать процентов". (Раушенбах Б.В. Пристрастие. М., 2000, с. 46).

Данной стратегии креатива близки такие эффекты, как: интуиция, инсайт, озарение, "ага-эффект" и т.п. <...> Любимый психологами и психоте-

рапевтами лозунг: "Все люди разные!", требует дополнения: "...но, если изучать большие массивы экспериментальных данных, то становится очевидно: люди допускают одинаковые ошибки". <...> Новое решение – не только плод размышлений человека, но и учёт того, что было сделано до него другими людьми".

- Умственные способности, исследования интеллекта... Россия на 17-м месте по интеллекту в Европе. 27.03.2006. ИТАР-ТАСС.

"Профессор Ольстерского университета Ричард Линн, на протяжении нескольких десятилетий изучавший тысячи тестов на коэффициент интеллекта, сделал выводы о том, как обстоит дело с IQ у жителей 23 европейских стран. Самыми умными европейцами, если верить Линну, оказались жители Германии и Нидерландов. В среднем коэффициент умственного развития у немцев и голландцев оценивается в 107 баллов. За ними идут поляки, набравшие 106 баллов, потом шведы – 104 балла.

По мнению автора исследования, обычно более высокий коэффициент имеют жители севера Европы. Потому что им в отличие от жителей южных стран в течение многих веков приходилось выживать в более сложных условиях, что и способствовало развитию умственных способностей. Также сыграло свою роль такое обстоятельство, как потребление мяса на севере в большем объёме, нежели на юге. Выводы профессора Линна явно не бесспорны. Он уже успел вызвать продолжительную дискуссию своими выводами о том, что коэффициент умственного развития у мужчин выше примерно на пять баллов, чем у женщин.

Впрочем, в пристрастности к соотечественникам профессора обвинить трудно. Жители Соединенного Королевства попали лишь на 10-е место со своими 100 баллами. Зато они могут радоваться, что сумели обойти по уму своих исторических соперников – французов. Те набрали 94 балла. Статью на эту тему в The Times так и озаглавили: "Немцы – самые мозговитые (но зато мы умнее французов)". Обошли жителей Франции и россияне – наша страна попала на 17-е место со средним показателем в 96 баллов. Список замыкают – наряду с Францией – Греция, Болгария, Румыния, Турция и Сербия (89 баллов). Кстати, считается, что нормальный коэффициент умственного развития колеблется между 85 и 115 баллами".

- Как определить свой IQ? "В типичном современном тесте на умственное развитие обнаруживается, что примерно 50% людей имеют уровень IQ между 90 и 110; превышают этот уровень 25%, а остальные 25% находятся ниже этого уровня (100 по определению является средним коэффициентом умственного развития). Выше среднего уровня 14,5% людей имеют КУР от 110 до 120, 7% – от 120 до 130 и лишь 0,5% – выше 140. Ниже среднего уровня 14,5% людей имеют КУР от 80 до 90, 7% обладают уровнем IQ от 70 до 80, а остальные не дотягивают до уровня 70.

Люди с коэффициентом умственного развития ниже 70 иногда классифицируются в учебниках как слабоумные. В этой группе выделяются слабоумные (могут выполнять определённые простые задачи и обучаться под наблюдением специалистов, КУР между 50 и 70), имбецилов (КУР между 25 и 50) и идиотов (КУР ниже 25). Имбецилам приходится жить в психиатрических учреждениях, но они могут самостоятельно заботиться о себе и избегать непосредственной угрозы для жизни, в то время как идиоты не способны делать даже этого".

- Почему дети, взрослея, теряют свои способности?

Петер ЗАНФТМАНН. Великая Эпоха. Германия

"Результаты последних исследований показывают, что при взрослении знаний, кажется, становится всё больше, но одновременно уменьшаются основные способности. Есть множество "вундеркиндов", которые во взрослом возрасте демонстрируют средние способности. Одна из причин этого в том, что процесс обучения является одновременно процессом приобретения представлений. Человек, в действительности, может намного быстрее справиться с повседневными, повторяющимися заданиями с помощью направленного хода мыслей. Фактом остаётся, что приобретаемый жизненный опыт, вместе со всеми мировоззрениями, предубеждениями и ошибочными представлениями день за днём увеличиваются и закрепляются в сознании людей.

В течение жизни, с приобретением опыта образуются общие представления и ценности в отношении других людей, которые создают недоверие, эгоцентричность и твёрдые стереотипы поведения. Такие вещи могут твёрдо укорениться в человеке в процессе взросления. Начальная, непринуждённая и творческая природа человека скрывается почти полностью. Когда возникает такое множество предубеждений и страхов, это как с белой одеждой – если обмакнуть её в чан с краской, трудно восстановить её прежний цвет.

Тысячи лет люди задают себе вопрос, как можно избавиться от этих мировоззрений слой за слоем. В действительности, такие знания до сего дня передаются школами совершенствования. С начала истории человечества школы совершенствования – это путь разрушения представлений и возвращения к природным способностям восприятия. Они дают наставления, заповеди и мудрость, которые помогают человеку приобрести и научиться применять истинную картину мира и себя. При этом есть доказательства изменений в мозгу человека: при переживании чувства любви и милосердия, значительно повышается работоспособность мозга".

- Кого можно считать "хардгейнером"? "Около 15 лет тому назад Стюарт Мак Роберт создал концепцию "хардгейнера" – человека со средними генетическими способностями или способностями ниже среднего, который не очень хорошо реагирует на тренинг с сопротивлением. Само определение относится к подавляющему большинству тренирующихся. Как и в слу-

чае с любым генетически обусловленным качеством, мы можем описать это соотношение с помощью обычной кривой. Иными словами, около 5% людей очень хорошо реагируют на тренинг, и только 1%, или менее, попадают в категорию "гениев" в плане ответной реакции на тренинг.

Идея Стюарта в том, что, когда большинство людей стремятся тренироваться так, как следует тренироваться только одарённым людям, их неизбежно постигнет разочарование. В культуристических изданиях очень редко публикуются программы, эффективные для человека средних способностей, и большая заслуга Стюарта в том, что он создал книги, и даже целый журнал, для людей со средними и ниже средних способностями".

- Большой англо-русский и русско-английский словарь:

moderate 1. сущ. умеренный; человек, придерживающийся умеренных взглядов (особ. в политике) 'Moderates' are at present containing the extremists and hot-heads. ≈ 'Умеренные' состоят в настоящее время из экстремистов и горячих голов. 2. прил. 1) а) умеренный, избегающий крайностей; воздержанный, сдержанный moderate in drinking ≈ умеренно выпивающий а moderate smoker ≈ умеренный курильщик б) спокойный, выдержанный Syn: calm 1., temperate 2) а) небольшой, несильный (о количестве, силе) а moderate rain ≈ небольшой дождь б) средний, посредственный (о качестве) moderate success ≈ средний успех а man of moderate abilities ≈ человек средних способностей Syn: mediocre 3) доступный, приемлемый (о ценах).

● "Не секрет, что у Джорджа Буша средние умственные способности, в отличие от него, Барак Обама чрезвычайно интеллектуален и человек неординарного порядка. Он показал, что открыт для сотрудничества со всеми сторонами".

- Ю.Ященко. Таланты и поклонники

"Мальчика, признанного учителями малоспособным к наукам тугодумом, шутливо утешал его дядюшка: "Не всем же учёными быть. Кому-то нужно и сапоги шить". Эта история стала хрестоматийной не потому, что дядя высказал оригинальную мысль, а потому, что звали "бедного" мальчика Альберт Эйнштейн. Средние способности, отнюдь не блестящие успехи в школе и университете, скромное место службы – начало биографии многих выдающихся людей. Говорят, так задумано природой: она не торопит гениев проявлять себя, даёт им время на серьёзную внутреннюю работу. Если так, она оказывает им и ещё одну любезность – как можно дольше бережёт таланты от поклонников.

Речь идёт о талантливых руководителях, профессионалах высокого класса, лидерах в своей области, изобретателях и авторах оригинальных идей. Те, кто знал их раньше, обычно говорят: "Кто бы мог подумать!". Фразу "Они шли к этому с самого начала" я, например, слышу гораздо реже. Куда же подевались отличники, любимцы учителей, образцовые сту-

денты и многообещающие молодые специалисты? К моменту раздачи главных жизненных наград их ряды явно редеют.

Они вовсе не обманывали своих поклонников – учителей, знакомых, родителей и коллег. В большинстве своём они действительно были способнее, трудолюбивее и целеустремленнее многих. Но поклонники, сами того не желая, оказали им плохую услугу. Высокие оценки, щедро раздаваемые в начале жизненного пути, создают много дополнительных трудностей, с которыми не всем удаётся справиться. Неизменный успех расслабляет. Если в двадцать пять лет ты всегда и во всём была первой, кажется, что ситуация уже не может измениться. Возникает ощущение, что все остальные где-то далеко позади. Но вот ближе к тридцати "отстающие" вдруг делают рывок, а ты к рывку оказываешься не готова.

Страх неудач тем сильнее, чем меньше их в жизни было. Этот страх велит отказаться от риска и держаться за место, на котором вероятность провала минимальная. Мальчик, которого все хвалят за успехи в математике, может не решиться серьёзно заняться рисованием. И так и не узнает, что обладает талантом живописца. То же самое нередко происходит и со взрослыми мальчиками и девочками.

По мнению американского психотерапевта Эрика Берна, как раз в момент поражения легче всего отличить победителя от проигравшего. Первый говорит: "В другой раз я поступлю иначе". Второй впадает в панику и клянёт судьбу. И у баловня судьбы больше шансов оказаться пораженцем, парализованным неудачей и не способным извлечь из неё урок.

Те, кого окружение зачислило в ряды "многообещающих", боятся не только явного провала, но и малейшего намёка на него. Я не раз видела, как хорошие журналисты тратят уйму времени и сил, добиваясь, чтобы их каждая следующая статья была не хуже предыдущей. Что просто нереально. Между тем как те, от кого не ждут ничего стоящего, вдруг приносят потрясающие материалы – вызывая восторг коллег и вдохновляясь на новые подвиги. Они привыкли спокойно относиться к тому, что свершения не следуют одно за другим. И в результате часто становились лидерами. А многообещающие – хорошими рядовыми.

Убеждённые поклонниками в своей избранности, таланты не любят отвлекаться. Они стараются честно делать своё дело, а мимо них проплывают приключения, события, интересные люди и занимательные факты. Это самая высокая цена, которую они платят. Ведь они обедняют свою жизнь, лишают её красок...

Для женщин ранний успех ещё опаснее, чем для представителей сильного пола. Если юношей и молодых мужчин могут хвалить за авантюризм, оригинальность мышления, смелость, решительность, то в нас скорее оценят исполнительность, аккуратность, пунктуальность, ответственность.

Срывая аплодисменты именно за эти таланты, мы стараемся их развивать – нередко в ущерб решительности, смелости, оригинальности мышления, авантюризму. Но никак не проявлять себя как можно дольше – не выход из положения. Да, среди добившихся успеха много бывших двоечников. Но это не значит, что все двоечники добиваются успеха. Скромный или неудачный старт совсем не обязательно означает блистательный финиш. Тем более для женщины. Мужчина может начать восхождение к вершинам успеха, дойдя до середины жизни. И женщина могла бы. Если бы в середине жизни ей не приходилось активно реализовывать себя в семье. Так что времени лучше не терять – ни школьного, ни институтского, ни предназначенного для начала карьеры".

- ability - (n) возможность; дарование; квалификация; ловкость; ода-рённость; состоятельность; способность; компетенция; талант; умение.

- **Дмитрий Циликин. Сфабриковано в России**

"Время титанов (или хотя бы великанов. Или хотя бы "на голову выше") кончилось. Пришло время людей средних лет и средних способностей. Людей без свойств. Обслуга старательно изобретает им эти свойства, проявления индивидуальности – как уэллсовскому человеку-невидимке требовалось обматывать лицо бинтами, поскольку иначе этого лица просто не было. Борис Грызлов проиграл столько мажоритарных выборов, в скольких участвовал. То есть: он лично ни разу не сумел убедить избирателей, чьим лидером собирался стать, в том, что к этому пригоден. И – помешало оно его карьере? Ничуть. Карьера развивается блестяще, сверкая всё новыми гранями, при том, что этот человек не проявил вообще никаких способностей ни в одном деле, которым занимался. Для оценки интеллектуального потенциала Сергея Миронова лучше всего годятся слова Щедрина "умён он был лишь настолько, чтобы, как говорится, сальных свечей не есть и стеклом не утираться" – и какие же такие таланты вознесли одного Миронова на пост "третьего лица в государстве"? Валентина Матвиенко, вполне возможно, неплохая женщина, – но, мягко говоря, соразмерны ли масштаб её личности, сила интеллекта и т.д. – столь грандиозному порождению могучего человеческого духа, каков Санкт-Петербург?

Et cetera.

Ах, теперь любой годится на любое место – которое его исправно красит. Горшки обжигают как-то уж совсем не боги. Заведовать парламентом не сложнее, чем милицией. Или – чем петь (что многие начальники охотно проделявают публично).

Рухнул не только миф об Артисте, вознесённом над обычными людьми. На наших глазах истаял, осыпался один из главных петербургских мифов: противопоставление маленького человека, Акакия Акакиевича – и Значительного Лица. Они слились – Акакий Акакиевич сам стал Значительным Лицом и, пра-

во, есть нечто провиденциальное в том, что внешне В.В.Путин похож не только (как все в своё время с удовольствием подметили) на домашнего гнома Добби из экранизации "Гарри Поттера", но и на А.А.Башмачкина из "Шинели" Юрия Норштейна. Сегодня Значительное Лицо – лицо медийное, притом оно может быть каким угодно или даже вовсе отсутствовать.

Тут телезвёзды смыкаются со звёздами кино, те встают плечом к плечу звёзд политических, которые, в свою очередь лнут к авторам бестселлеров и прочим властителям дум, за дирижерским пультом воздвигается Ксюша Собчак, и этот стройный хор скандирует главный лозунг эпохи: Всему надлежит стать одинаково пошлым!"

● **Кривая одарённости по Гальтону и европатология Г.В.Сегалина**

"Как известно, Гальтон в своей "Кривой одарённости" дал определённую иллюстрацию частоты этой одарённости в данном коллективе людей в различных степенях, начиная с гения и кончая идиотами. <...> Средняя нормальная человеческая одарённость (данной определённой группы людей) падает на большинство данной группы – приблизительно 50% (в грубо округлённых цифрах). Остальные 50% распределяются в отношении одарённости или в сторону понижения или в сторону повышения. Группа в сторону понижения (около 25%) постепенно количественно падает, так что крайний полюс составляют небольшое количество идиотов, как крайняя степень понижения одарённости. Обратное: группа в сторону повышения одарённости (также около 25%) количественно постепенно падает по мере роста одарённости и талантливости, а крайняя предельная группа максимальной одарённости, группа гениальных людей – составит крайнюю ступень одарённости в сторону плюс".

● **С.Ю.Головин. Словарь практического психолога.**

"СПОСОБНОСТИ – определяют как такие индивидуально-психологические особенности субъекта, кои выражают его готовность к овладению некими видами деятельности и их успешному выполнению, являются условием их успешного выполнения. Под ними понимается высокий уровень интеграции и генерализации психических процессов, свойств, отношений, действий и их систем, отвечающих требованиям деятельности. Включают в себя как отдельные знания, умения и навыки, так и готовность к обучению новым способам и приёмам деятельности.

Для классификации способностей применяются разные критерии. Так, можно выделить способности сенсомоторные, перцептивные, мнемические, имажинативные, мыслительные и коммуникативные. В качестве иного критерия может выступать некая предметная область, соответственно чему способности можно квалифицировать как научные (математические, лингвистические, гуманитарные), творческие (музыкальные, литературные, художественные) и инженерные.

Говоря об индивидуально-психологических особенностях, выделяют способности, имеющие психологическую природу и индивидуально варьирующие. Подчёркиванием связи способностей с успешным осуществлением деятельности круг индивидуально-варьируемых особенностей ограничивается лишь теми, что обеспечивают эффективный результат деятельности. Итак, в число способностей не попадают свойства темперамента и характера. А слово готовность ещё раз ограничивает круг обсуждаемых свойств, оставляя за его пределами навыки, умения и знания.

Способность обнаруживается в процессе овладения деятельностью в том, насколько индивид при прочих равных условиях быстро и основательно, легко и прочно осваивает способы её организации и осуществления. Они тесно связаны с общей направленностью личности, с мерой устойчивости склонностей человека некоей деятельности. В основе одинаковых достижений при выполнении деятельности могут лежать различные способности; в то же время одна способность может быть условием успешности разных видов деятельности. Это обеспечивает возможности широкой компенсации способностей.

Один из важных моментов в процессе обучения и воспитания – вопрос о периодах сенситивных, благоприятствующих становлению определённых способностей (-> сенситивность возрастная). Предполагается, что формирование способностей происходит на основе задатков. Качественный анализ способностей направлен на выявление индивидуальных характеристик, нужных для эффективного выполнения конкретного вида деятельности. Количественные измерения способностей характеризуют меру их выраженности. Самая распространённая форма оценки меры выраженности способностей – тесты (-> тест достижений; тест интеллекта; тест креативности).

Изучение конкретно-психологических характеристик различных способностей позволяет выделить: 1) общие качества индивида, отвечающие требованиям не одного, а многих видов деятельности (-> интеллект); 2) специальные качества, отвечающие более узким требованиям данной деятельности (-> способность специальная).

Уровень и степень развития способностей выражают понятия таланта и гениальности.

При определении структуры способностей как свойств личности всегда нужно учитывать генетические механизмы и особенно те свойства процессов нервных, кои непосредственно сказываются на динамике развития процессов психических и их свойств. Но нужно учитывать, что способности не выступают изолированно от развития всех других систем, входящих в личность как составляющие. В структуре способностей очень важны творческое отношение личности к выполняемой деятельности, психологическая

готовность учиться и трудиться, осознание своих способностей, критичность и самостоятельность их оценки.

В основе психологических возможностей, отличающих конкретного человека от других, лежат индивидуальные характеристики: конституциональные особенности, нейродинамические свойства мозга, особенности асимметрии межполушарной мозга головного и пр. Именно это своеобразие индивидуальных характеристик выступает как природные задатки, но ещё не определяют развития способностей как индивидуальных психологических возможностей. Успех деятельности зависит от взаимодействия трёх компонент: знаний, умений и мотивации. Но знания и умения могут усваиваться упорным трудом при отсутствии способностей в этой области, поэтому их ещё нельзя назвать способностями. Сущность способностей составляют качества процессов психических, лежащие в основе овладения знаниями и умениями.

Структуру конкретной способности составляет совокупность качеств психических, нужных для успешного выполнения соответственной деятельности. Личность как носитель определённых качеств имеет потенции для развития способностей. Эти потенции превращаются в реальные способности, когда под влиянием требований деятельности начинают складываться во взаимодействующую систему качеств, благодаря коей достигается успех деятельности. Способности очень динамичны, подвижны; взаимодействие разных качеств психических при выполнении различных видов деятельности может выявлять и формировать новые – для данной личности – способности.

Способности разных людей к одной и той же деятельности могут иметь различную структуру благодаря индивидуальному своеобразию психических качеств и их сочетаний.

Нередко человек вынужден заниматься некоей деятельностью, не имея способностей к ней. При этом он сознательно или неосознанно будет компенсировать недостаток способностей, опираясь на сильные стороны своей личности. Компенсация может реализоваться через приобретаемые знания и умения, или через формирование типического стиля деятельности, или же через другую, более развитую способность.

Как показатели способностей могут рассматриваться: 1) темп продвижения в овладении деятельностью; 2) широта переноса формирующихся психических качеств; 3) соотношение нервно-психических затрат и конечного результата деятельности".

● **Способности.** "Способности – индивидуально-психологические особенности личности, необходимые для освоения определенной деятельности и её успешного осуществления. Считается, что процесс формирования способностей происходит на основе задатков. Наиболее распространённой формой оценки степени выраженности способностей являются тесты".

● Татьяна Морозова. От чего зависит качество знания и как развиваются способности у детей? "Никто из Вас, дорогие читатели, конечно же, не станет отрицать очевидную истину, что качество знания может быть разным. О способностях ребёнка судят по лёгкости овладения новым материалом, по использованию уже приобретённых знаний в новых условиях, по умению самостоятельно решать задачи. Значит, качество знаний зависит от особенностей той деятельности, в которой они используются, и от того, насколько объёмно включаются эти знания в разные виды деятельности".

● "Подобные примеры показывают, что под способностями имеются в виду такие психические свойства, которые зависят от знаний, навыков и умений, но не сводятся к ним. Способности – более устойчивые свойства личности. Они формируются и развиваются медленнее, чем приобретаются знания, навыки, умения".

● "Я.А.Пономарёв ставит перед собой задачу найти явление, в котором общая индивидуальная способность была бы независима от знаний".

● "Чувствую, что знания приходят неизвестно откуда – просто знаю и всё".

● "Человек всегда необъективен: оценивая, мы неизбежно учитываем собственные представления о том, что такое хорошо и что такое плохо, что такое красиво, а что – нет, что креативно, а что скучно. <...> Поэтому главный вопрос – можно ли вообще формализовать и стандартизировать оценку человеческих способностей, или такая оценка неизбежно будет включать элемент произвола, инстинкта, субъективного мнения о креативности оцениваемой работы. Любой, кому доводилось принимать экзамены, признаёт, правда, что, проверяя в условиях цейтнота десятки творческих работ, например вступительных сочинений по литературе, экзаменатор вынужден вырабатывать узкий набор формальных критериев".

● Таинова Ольга Сергеевна, начальник отдела старшей школы Центра развития образования города Перми. info@ced.perm.ru

"Сегодня много разговоров выстраивается вокруг нового для нашей школы понятия – "компетенция" ("компетентность"). Думаю, что это не случайно – речь идёт о новой единице измерения образованности человека, т.к. знания, умения и навыки уже полностью не удовлетворяют, не позволяют показать, измерить уровень качества образования. Напомню, что под словосочетанием "качество образования" мы понимаем его соответствие современным социо-культурным условиям и требованиям. Тема компетентного подхода появилась в ходе подготовки "Концепции модернизации российского образования до 2010 года", с оглядкой на доклад ЮНЕСКО 1997 года, в последнее время занимает всё больше страниц журналов об образовании, всё чаще звучит в научных кругах, как симптом смены ценностных ориентиров и целей образования. Ситуация полифонична, в термин

"компетентность/ция" вкладываются различные смыслы и понимания, порой самые противоположные. <...>

Определение компетенции как единицы социализации (процесса присвоения, освоения человека социальных норм и ценностных ориентиров) позволяет прогнозировать более гибкое социальное поведение индивида, комфортность его пребывания в обществе, об эффективности (для себя и для общества) исполнения им определённых социальных ролей, об успешном функционировании в социуме. Индивид осваивает, принимает социальные нормы и ценностные ориентации (социальные ориентиры). Благодаря последним способен воспроизводить усвоенные способы деятельности в нестандартной ситуации, адаптируя к ним ранее усвоенные алгоритмы. Компетенция интерпретируется как социокультурная умелость, способность встраиваться в ситуацию, читать социальные тексты. <...>

Слово "компетенция" заимствовано из профессиональной среды. Ранее чаще упоминалось понятие "квалификация" (Вспомните: квалификационная категория, курсы повышения квалификации и т.д.). Отличие компетентного специалиста от квалифицированного в том, что первый не только обладает определённым уровнем знаний, умений, навыков, но способен реализовать и реализует их в работе. Компетентность предполагает наличие у индивида внутренней мотивации к качественному осуществлению своей профессиональной деятельности, присутствие профессиональных ценностей и отношение к своей профессии как ценности. Компетентный специалист способен выходить за рамки предмета своей профессии, он обладает неким творческим потенциалом саморазвития. <...>

Компетенция – это способность индивида к активному, ответственному жизненному действию, осуществляемому на основе ценностного самоопределения, способность активно взаимодействовать с миром, в ходе взаимодействия понимать, изменять себя и мир. Знания, умения, навыки, способы деятельности в этом случае выступают как материал для выращивания самости. Знание определяется не только как информация, но как представление о мире, преломлённое собственным социально-культурным, духовным опытом индивида, представленное в виде понимания. Одновременно знание выступает как условие и основа действия: если я умею делать, я знаю (Б.Д.Эльконин).

Предметное знание помещается в более широкий контекст общей образованности (метазнание) и в этом смысле приобретает свой статус и значение. Знание не о предмете, а знание предмета, понятийное знание".

- "Подобно талантливому композитору, одни люди оказываются более одарёнными в жизни, чем другие. Они действительно оказывают значительное влияние на окружающих, но этим всё и ограничивается, потому что не существует способов описания в технологических терминах того, что они делают, поскольку большая часть этого процесса находится вне обла-

ти их осознания. Когда-нибудь в будущем, через много-много лет, когда культура будет исследована более полно, появится какой-нибудь эквивалент музыкальных нот, которые можно будет выучить, отдельный для различных типов мужчин и женщин, занятых разной деятельностью и включённых в различные взаимоотношения, для каждого отдельного времени, места, работы и игры. Сегодня мы видим людей, которые счастливы и которых преследует удача, труд которых оказывается продуктивным и вознаграждается сейчас. Что делает их жизнь непохожей на жизни менее удачливых современников? Нам необходимо исследовать и применить этот "инструментарий", чтобы сделать жизнь немного менее подверженной воле случая и немного более приятной".

• Ермак В.Д. Взаимодействие психики человека с окружающим миром (Аспектная структура информационного потока).

"1. Человек в реальном мире. Человек и мир – это, пожалуй, самая важная система, которая интересует человечество. Вся наша жизнь – взаимодействие с окружающим миром: другими людьми, группами людей, государственными структурами, объектами живой и неживой природы и т.д., и т.п. Если человек не взаимодействует с окружающим миром, он для мира не существует... Это понятно даже без системного подхода, на уровне здравого смысла. Но вот то, что в отсутствие взаимодействия мир для человека не существует – это для здравого смысла не так очевидно... И тут уж системный подход и системные принципы совсем не помешали бы.

Взаимодействие = взаимное действие – окружающий мир действует на нас, мы действуем на окружающий мир... Как же мы взаимодействуем с окружающим миром? С некоторыми упрощениями механизм взаимодействия выглядит следующим образом.

Из теории систем известно, что взаимодействия (коммуникации) в системах состоят из вещественной, энергетической, информационной и ритмической составляющих. На нас действует свет (волны электромагнитного поля), звук (колебания воздуха), запахи (химические вещества), механические воздействия и т.п. Мы говорим – они несут информацию об окружающем мире. Именно несут – точное выражение!.. Информационные технологии пользуются важным понятием – носитель информации. В качестве носителя, вообще говоря, могут реально использоваться поле (электромагнитные волны – свет, электрический ток, радиоволны и другие поля) и вещество – воздух (звук), бумага (письмо), магнитные ленты, фотоплёнка, различные предметы и объекты и др.

Свойства носителя определённым образом изменены (амплитуда или частота волны меняется, на камне высечено, на бумаге написано, участок магнитной ленты намагничен и др.) – носитель модулирован информацией, поэтому на нём можно различить (с него можно считать – непосредственно

или с помощью приспособлений) сигналы. Считыванием сигналов и формированием первичного информационного потока заняты наши органы ощущений. Восприняв воздействие (увидев при посредстве света текст на бумаге, мимику или движения человека, услышав речь или другие звуки, почувствовав прикосновение и др.), они считывают сигналы с носителей, формируют первичный информационный поток и направляют его в психику для обработки, в результате которой в психике формируется наше субъективное представление об окружающем мире.

Здесь важно отметить, что до органов ощущений (и после органов восприятия – см. ниже) имеет место просто реальный мир, а информация появляется как результат взаимодействия, в нашем случае, органов ощущений с окружающим миром (одно из определений информации, введённое в своё время автором, гласит: "Информация есть метрика взаимодействия"). Субъективный образ мира, по-видимому, представляет собой модель, отражающую структуру той задачи, проблемы, вопроса, которые следуют из воздействия и ради которых воздействие фактически имело место; информационное наполнение модели определяется не только первичным информационным потоком, но и структурой психики и теми рабочими программами, которые заложены в соответствующие психические функции.

Принятие решения в отношении оказанного на нас воздействия и формирование реакции (решение задачи, проблемы, ответ на вопрос и т.п.) происходит не произвольно, а на основании сформированного субъективного образа мира и в соответствии со структурой психики и рабочими программами психических функций. В результате формируется вторичный информационный поток, который направляется к нашим органам воспроизведения (речь, мимика, поведенческие акты, возможно, какие-то мыслеформы, если они существуют и т.п.). Таким образом, можно говорить о субъективном характере взаимодействия психики с окружающим миром.

Тот факт, что вторичный информационный поток отражает структуру психики и рабочие программы психических функций, делает возможной идентификацию типа информационного метаболизма (ТИМ) психики; однако, при идентификации (определении типа) всё же не следует забывать, что вторичный поток зависит также и от первичного, в связи с чем корректное применение, пожалуй, единственной эффективной идентификационной методики, основанной на принципе "чёрного ящика", является обязательным условием достоверного определения ТИМ психики в реальных условиях. Так замыкается обратная связь в системе "человек – окружающий мир".

Таким образом, оказывается, что и субъективное представление об окружающем мире, и реакция на воздействия, зависят от первичного информационного потока (т.е. по сути от того, как мы воспринимаем информацию из окружающего мира) и от структуры психики. В структуре психики

мы уже в первом приближении разобрались. А поскольку и без науки хорошо известно, что воспринимаем мы все окружающий мир по-разному, то для того, чтобы разобраться, в чём же состоит эта разница, следовало бы присмотреться к первичному информационному потоку уже хотя бы потому, что он первичен, а ещё потому, что определяет структуру "программного обеспечения" психики. <...>

Жизнь есть поток энергии – утверждают эзотерики... С этим можно согласиться, если считать по В.И.Вернадскому, что живая материя без энергии невозможна – биологическое понятие "метаболизм" обозначает обмен организма с окружающей средой веществом и энергией. Разновидности энергии чрезвычайно разнообразны, энергетические состояния вещества, а значит и объектов – тоже. Нам отнюдь не безразличны тепло и холод, свет и темнота, радиация и какая-то энергия, о которой говорят экстрасенсы. <...>

Кстати, о пространстве... Что же такое для человека пространство? По опыту мы знаем, насколько важна для нас информация о пространстве <...> Однако органов восприятия пространства у человека нет. Субъективно, пространство – это то, что между объектами (выше мы отмечали: объекты – вещество, ограниченное формой); получается, что пространство психика как бы "вычисляет" на основании информации об объектах. Можно предположить наличие в психике какого-то "процессора" (машины обработки информации), который по расположению объектов, на основании информации об объектах, доставляемой нам органами ощущений, вычисляет пространство (см. рис. процессор 1). Однако вряд ли это достаточное, с точки зрения научной терминологии, основание для того, чтобы называть (А.Аугуста, литература по соционике) эту часть информационного потока сенсорикой; ведь *sensorium* (лат.) – орган ощущений (см. "Словарь иностранных слов"), а органов ощущения пространства у человека как раз и нет; поэтому корректно с точки зрения научной терминологии называть адекватно содержанию этот информационный макроаспект "пространство".

Изменения реальностей мира (объектов, пространства, энергетических состояний) субъективно воспринимается как течение времени. Так, изменение положения равномерно движущейся по циферблату стрелки часов или меняющихся цифр индицирует для нас время, до сих пор используются песочные часы, где по изменению количества песка на верхнем и нижнем уровнях судят о прошедшем времени; дети наши были маленькие стали большие: прошло время; есть кинофильм с интересным названием "Когда деревья были большими"... "Время есть число движения", – говорил Аристотель. Похоже, что где-то в психике есть, условно говоря, некий "процессор 2" (см. рис.), который на основе информации об изменениях объектов, пространства и энергетических состояний "вычисляет" время. Владение временем, прогностические способности часто связывают с таким расплыв-

чатым философско-психологическим понятием как интуиция; А.Аугуста так и назвала эту часть информационного потока. По-видимому, более адекватным реальному содержанию информационного макроаспекта об изменениях реалий мира является термин "время". <...>

Некоторые слова, приводимые ниже в качестве примеров смыслового содержания аспектов (выделены курсивом), в различных текстах могут, конечно, употребляться в других значениях, неся и несколько другое смысловое содержание. Многозначность слов – одна из многих проблем языка. Выяснению семантики слов и словосочетаний помогает анализ текста, а в речевом общении, например, в процессе идентификации, ещё и дополнительные вопросы". <...>

19. Афоризмы, реплики и мысли

Что такое фраза? Фраза – это отдельная мысль! Умные и красивые фразы великих людей о любви и жизни наполнены глубоким, интересным и познавательным смыслом, именно поэтому крылатые, известные фразы мыслителей так любимы народом, так популярны и знамениты.

- "Чтобы избегать грехов и побеждать их, прежде всего надо признать то, что корень каждого греха – в дурных мыслях. Мы все – только последствия того, что мы думаем" (Будда).

- "Будьте внимательны к своим мыслям – они начало поступков" (Лао Цзы).

- "Если у тебя не будет дурных мыслей, не будет и дурных поступков" (Кун-цзы).

- "Стоит устам захотеть рассказать – и речь погибает. Стоит разуму захотеть понять свой исток – и мысль умирает" (Чанские изречения).

- "Лопата, которой следует копать, непременно ржавеет, если она лежит без употребления. И все твои разумные мысли ни к чему не поведут, если ты не будешь поступать по ним" (Эпиктет). Мысли руководят нами, как и поступки, очевидно, могут направлять разум. Есть связь.

- "Познание начинается с удивления". "Выходит, что и удивление – тоже уже своего рода мысль, её зарождение, толчок и самое начало" (Аристотель). Мысли и чувства тоже связаны.

- "Вторая мысль всегда несколько разумнее первой" (Еврипид). Не всегда.

- "Не было ещё гения без некоторой доли безумия" (Луций Анней Сенека). Неужели так?

- "Пусть мысли, заключённые в книгах, будут твоим основным капиталом, а мысли, которые возникнут у тебя самого, – процентами на него" (Фома Аквинский). Замысловато, но пусть.

- "Люди перестают мыслить, когда перестают читать" (Д.Дидро). Спорно: ещё кого и что, да и как читать, для чего? И что значит здесь "мыслить"?

- "Книги нужны, чтобы напоминать человеку, что его оригинальные мысли не так уж новы" (А.Линкольн). Всё уже когда-то было кем-то сказано и написано, не так ли? История мысли.
- "Тот, кто оставил после себя хоть одну светлую, новую мысль, хоть один полезный для человечества подвиг, не умер бездетен" (А.А.Бестужев-Марлинский). Дерзайте, люди!
- "Мы жалеем о потерянном кошельке с деньгами, но добрую мысль, которая пришла нам или которую мы услышали или прочли, – мысль, которая, если бы мы запомнили её, приложили к жизни, могла бы сделать много добра, – мы теряем, забывая, и не жалеем о том, что дороже миллионов". "Короткие мысли тем хороши, что они заставляют серьёзного читателя самого думать" (Л.Н.Толстой). Мысль – импульс и стимул для развития и продолжения.
- "Многие люди не становились оригинальными мыслителями только потому, что имели слишком хорошую память" (Ф.Ницше). Есть собственные изобретения и чужие заимствования.
- "Говорить о сложном нужно по возможности просто, но не проще, чем это возможно" (А.Эйнштейн). Оригинально сказано, может, даже для кого изящно или изощрённо.
- "Мышление – это новое сотворение мира" (А.Камю). Можно понимать и так.
- "Нет, нет, вы не мыслите; вы просто логичны" (Н.Бор). Видите ли, мысль – это акт.
- "Красивая ложь? Внимание! Это уже творчество" [с.Е.Лец]. Можно и так.
- "Отказаться от риска – значит, отказаться от творчества" (А.С.Макаренко).
- "Мысль, которая не опасна, недостойна того, чтобы называться мыслью" (О.Уайльд).
- "Мысль рождает слово; слово индуцирует мысль". "Мысль рождается и мужает, созидает и разрушает, сражается и побеждает, стареет и умирает" (И.Шевелев). То есть как бы живёт.
- "Иногда появляются такие глубокие и острые мысли, что поневоле задумаешься – из каких глубин человеческого тела они вышли? После какого обострения?" [С.Янковский].
- "Человек сложнее, бесконечно сложнее, чем его мысль" (П.Валери).
- "Чтобы по-настоящему понять мысли великих людей, нужно, чтобы эти мысли родились у вас" (Э.Шульц). Не зря говорится, что чужие мысли (замыслы) – потёмки. Мысль – тайна.
- "Только тот свободен, кто самостоятельно мыслит и не повторяет чужих слов, смысла которых не понимает" (Б.Авербах). В каком же это смысле "свободен" и "не понимает"?
- "Образ мыслей меняется с переменой положения" (Неизвестный автор). Взгляды что ли?

- "Наша жизнь всегда представляет собой результат преобладающих в нас мыслей" [с. Кьеркегор). Что значит "жизнь" и каковы же они, "преобладающие в нас мысли"? Назовите их.
- "Высказанная вслух мысль сразу же и окончательно теряет значение; записанная, она тоже всегда его теряет, зато иной раз обретает новый смысл" (Ф.Кафка). Живёт и дышит, значит.
- "Перед чем останавливаешься и замираешь в священном трепете и безмолвном уважении – это перед миром мысли. Ибо мир мысли – единственная реальность в том водовороте привидений и призраков, который зовётся реальным миром" (И.Андрич). Ведь не всё здесь внятно.
- "Лучше красивой женщины только красивая мысль" (М.М.Жванецкий). Красиво сказано?
- "Никогда не отделяйте мысль от действия!.. Бездейственная мысль – это бессмысленная мысль, неподвижность, смерть" (Р.Роллан). Кажется, об этом уже говорилось не раз.
- "Мудрые люди обдумывают свои мысли, глупые – провозглашают их" (Г.Гейне). Молчи.
- "Порою в нашем уме рождаются мысли в форме, уже такой отточенной, какую никогда не смог бы придать им, сколько бы ни ухищрялся" (Ф.де Ларошфуко). Откуда же то изящество?
- "Ходьба и движение способствуют игре мозга и работе мысли" (Ж.-Ж.Руссо). Верно же.
- "Прекрасная мысль теряет всю свою цену, если дурно выражена, а если повторяется, то наводит нас на скуку" (Вольтер). Надо знать меру в использовании мысли.
- "Дай дозреть мысли, но не перезреть: перезрелые мысли, как и плоды, впрок не идут" (В.Гюго). Мудрец ведь знает, что всё в свой срок заказано. Имея в виду и плоды мысли.
- "На мысли следует нападать с помощью мыслей: по идеям не палят из ружей" (Антуан де Ривароль). Противовес для противопоставления и сопоставления разных намерений и решений.
- "Никто не должен быть наказан за свои мысли" (Э.Хайне). Мы за право и свободу мысли.
- "Язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли" (Талейран). Язык и мысль.
- "Мысль – это ржавчина жизни" (Дж.Байрон). Одно дело – действие, другое – осмысление.
- "Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная" (А.Пушкин).
- "Мысль никогда не должна подчиняться ни догме, ни направлению, ни страсти, ни интересу, ни предвзятой идее, ни чему бы то ни было, кроме

фактов, потому что для неё подчинится – значило бы перестать существовать" (Пуанкаре). Подлинная и полноценная мысль свободна.

- "Жизнь – это мысли, приходящие в течение дня. Всякая революция была поначалу мыслью в мозгу одного человека" (Р.Эмерсон). Мысли разные занимают каждого так или иначе.

- "Действия людей – лучшие переводчики их мыслей" (Д.Локк). Мысли, действия, жизнь...

- "Ошибки людей сильного ума именно тем и бывают страшны, что они делаются мыслями множества других людей" (Н.Г.Чернышевский). Мысли передаются и тиражируются.

- "Желание – отец мысли" (Шекспир). Лучше сказать, основание, основа или повод.

- "Мысль, прежде чем стать мыслью, была чувством" (К.Станиславский). Может быть.

- "Думать – самая трудная работа; вот, вероятно, почему этим занимаются столь немногие" (Г.Форд). Сосредоточенная и целенаправленная мысль как своего рода серьёзная, или важная, работа. Работа чего именно? Мысли опять же, или мозга.

- "Кто ясно мыслит – ясно излагает" (Протагор). Вероятно и условно, это как бы так, хотя на практике всегда намного сложнее.

- "Хорошо говорить – значит просто хорошо думать вслух" (Э.Ренан). Иногда кажется так. Хорошо – это относительно и как бы условно.

- "Верная мысль, если её слишком часто повторять, теряет силу. Должно быть, разум, как и кровь, вырабатывает антитоксины, дающие ему иммунитет даже против того, что ясно как божий день" (А.Моруа). Мысль и слово (язык) – вечный вопрос, т.е. неразрешимый?

- "Мыслитель имеет определённую цель, мечтатель не имеет никакой" (В.Гюго). Разве?

- "Умение выразить свои мысли не менее важно, чем сами эти мысли, ибо у большинства людей есть слух, который надлежит усладить, и только у немногих – разум, способный судить о сказанном" (Ф.Честерфилд). Не всякая мысль (фраза) разумна и изящна.

- "Пёстрые птицы поют хуже других. То же относится и к людям. В вычурном стиле не следует искать глубокую мысль" (Г.Лихтенберг). У мысли есть качество, одно из них глубина.

- "Одна из причин того, что умные и приятные собеседники так редки, заключается в обыкновении большинства людей отвечать не на чужие суждения, а на собственные мысли" (Ф. де Ларошфуко). Не научились слушать и понимать других, только себя знаем и ценим.

- "Недостающую глубину мысли обычно компенсируют её длиной" (Ш.Монтескье). Ещё одно свойство фразы (мысли) – протяжённость, длина.

- "Истина рождается как ересь и умирает как заблуждение" (Г.Гегель). То же о мысли.
- "Всякая истина проходит в человеческом уме через три стадии: Сначала "какая чушь!" Затем "В этом что-то есть!" Наконец "Кто же этого не знал?" (А.Гумбольдт).
- "Мысль изречённая есть ложь" (Ф.Тютчев). Смело сказано, потому привлекает внимание, и не только обывателя, но и мыслителя. Совершенно новая тема, неожиданная в своё время.
- "Мысль – путь от вопроса к ответу" (С.Соловейчик).
- "У двух евреев три мнения" (Неизвестный автор). Точка зрения и взгляд – не совсем мысль.
- "Кто решил стать свободным и начал бороться за лучшую жизнь, тот уже перестал быть рабом, ибо не скованная страхом мысль – чрезвычайно мощное орудие свободы" (А.Апшерони).
- "Люди никогда не пользуются свободой, которая у них есть, но требуют той, которой у них нет: у них есть свобода мысли, они же требуют свободы выражения" [С.Кьеркегор].
- "Очень трудно заставить себя говорить. Труднее – заставить себя молчать. Еще труднее – заставить себя думать. Но самое трудное – это заставить себя чувствовать" (Х.Джебран).
- "Я не верю в коллективную мудрость невежественных индивидуумов" (Т.Карлейль).
- "Простой здравый смысл руководит лучше, чем ложные научные построения" (Шопенгауэр).
- "Воззрение учений Хинаяны – это возвращение покоя, "шаматха". Успокоение доводится до совершенства постоянным направлением ума в спокойное состояние. В конце концов это приводит к достижению полного равновесия в состоянии покоя, в котором мысли полностью исчезают" (Тулку Ургьен Ринпоче).

В продолжение и развитие записанных мыслей, или цитат

(Примечания к выборкам, домыслы и толкования, заключения, уточнения и возражения).

Философия слова (имени) – это философия мысли и жизни, сравни с философией мира.

Слово-название, слово-имя, слово-познание, слово-спор, рассуждение, казуистика, приговор, характеристика, слово и причинные отношения. Слово – человек: Христос, Гоголь. Я – слово. Словесность – особенный мир. Не всё выразишь словом, что объёмлешь, а чего никак не схватишь. Что делают слова, и что люди делают со словами? Учат, запоминают, узнают, пользуются, забывают (что значит "забыть слово"). Слова лечат и калечат. От-

ношение к словам: их любят и ненавидят, как и людей, как и природу, и культуру. "Уже всем давно ясно, что это обман и самообман, треп и трепотня, политическая манипуляция, очередной финт демагога" (Не знаю, о ком было отмечено, да мало ли).

Посмотреть в рукописи: слово и лесть (лестное слово), слово и предложение (сделать предложение – сказать какие-то, соответствующие слова), призыв, слово и благодарность (выразить благодарность, сказать спасибо), спасибо – слово благодарности, признательность, как и клятва, проклятие тоже словесность. Словесность наша, как видим, довольно многообразна. Самые разные науки (и концепции), едва ли не все, – в основе своей, прежде всего, хотя и не только, слова (понятия и образы), как и другие монологи, поэмы, стихи и иные художественные (а также иного рода, нехудожественные) произведения и придумки, также и диалоги и различные разговоры.

"Ложь, действительно, может моделировать эмоциональное поведение партнера по коммуникации в нужном для отправителя (продюцента) лживых высказываний направлении. Это особенно относится к лести [Леонтьев], которая всегда является определённым образом структурированной ложью. Лесть как ложь для всех, в том числе и для власть предержащих, всегда сладка, и потому власть особенно ценит угодничество и угодников (пособия по карьеризму советуют льстить начальству и властям как можно больше)".

Строение слова (форма, морфология?) и значение. Магия слова и на-значение. Слова когда – их история, происхождение. Для кого слово что, для декабристов, для меня, для греков, филологов, мужчин и женщин, для церкви, в армии, в политике? Слово в речи дворянина и разночинца, попovichа и чиновника. Разное социальное положение в обществе, разное мировоззрение – разный словарь. Где слово? В науке слишком много непонятных терминов и заковыристых слов, но что-то в ней всё же понятно, можно понять, и это тоже благодаря уму и слову. Умный человек – тот, кто говорит умно и разумно использует слова.

Слова какие именно? Есть страшные слова, есть ужасные слова, счастливые, удачные, подходящие и много ещё какие другие...

Кому-то из нас изо дня в день, месяцами и годами, не встречаются все сколько-нибудь незнакомых и новых выражений и неожиданных смыслов, все фразы и словоупотребления в речи окружающих, как и собеседников, в разных сообщениях и текстах, сплошь давно известны. Это означает, что следует присмотреться внимательней к психическому состоянию и поведению, положению и окружению, как и к слишком расхожим письменным источникам, чтиву, прежде всего под углом зрения стилистики и содержательности. В тексте следует бояться слишком грубости и расхожести, доступности и полной ясности всего на свете, словом, остановки в развитии, а без новой для нас лексики никак не поступит свежая струя информа-

ции. Об информативности круга знакомств и содержания чтения свидетельствует и заявит, в первую очередь, само восприятие языка.

Есть пошлая и дешёвая литература – чтиво, которое развлекает некоторых, но никого не развивает в лучшую сторону, ибо в ней нет нравственной глубины смысла. Может ли форма текста сама по себе облагораживать читателя, что это в нём и как именно? Авторский стиль изложения и письма, как высокое мастерство и изящество просвещённого и искущённого слога, – очень тонкая материя и значит для нас многое, благородство его, увы, не особо-то ценится в нашей культуре.

Неважно, сколько мы излагаем сами, а сколько повторяем других или воспроизводим. Нельзя ведь всё процитировать, и это только лишь толчок. Или же тупик? Задание для читателя: не просто прочитать всё подряд, но при этом найти одну (две, три, пять) самую привлекательную цитату, мудрую мысль. Пожалуй, сделать это не так трудно. Пусть будет разброс – слишком уж индивидуальное. Сперва 10 человек найдут по 10 фраз, а потом эксперты отберут из собранного, отсеют более ценное и значимое, сравнивая.

Слово-миф. В человеческой истории и в нашей жизни, особенно в период спада активности и помрачения общественного сознания, очень многое, так или иначе, недоступно простому пониманию, и, не имея до конца логичного и внятного объяснения, поражает обывателя всей таинственностью или загадочностью жизнеустройства. Окружающая природа, как и мир вещей и отношений, а то и духов вокруг нас, часто воспринимается и объясняется фантастически и порой относится к сфере иррационального и чудесного, больше всего к мифологии, нежели разумом строго постигаемой и объяснимой действительности, реальной и вещественной.

Речь может идти о революциях, войнах, конфликтах, ссорах, о смерти, болезнях, эпидемиях, экологических катастрофах и о многом другом величественном и стихийном, перед чем мы, смертные, беспомощны. В своём бессилии перед грандиозностью, непознаваемостью и закрытостью самой Природы можно признаться или, напротив, с этим положением немощи собственной никак не смириться, дерзко выставляя на первый план кажущееся и мнимое всеисилие своё. Но независимо от мировоззренческой позиции, пессимистической или оптимистической, относительно познаваемости и управляемости мира, и в зависимости от сиюминутного настроения каждого из нас, язык, универсальное средство общения, отражает примитивный натурализм и реализм мышления, органичную особенность сознания, как и противоречивость восприятия человеком окружающей жизни.

Философия *всемоущества человеческого Я* со временем вдосталь развратила и ещё больше нравственно опустила мещанство. "Не ждать милостей от природы, взять их у неё – вот наша задача", сколько лихости в той фразеологии, кажется, до чего дерзок призыв и пылок революционаризм.

Именно поэтому мы против романтической философии, слишком возносящей и развращающей пошлост, или коллективное, сознание. Нам же более привлекательна, как ни странно, смиренная философия собственной ущербности, ограниченности, посредственности, в целом даже серости, низости и обыденности. Ибо всегда необходим трезвый расчёт и баланс духовных сил, взглядов и чувств.

Ощущение нашей здесь хрупкости, малости и зависимости от вечности и беспредельности мирового пространства вызывает мистический ужас и страх существования в окружении грандиозных и всемогущих духов, формируя в нас религиозное настроение и соответствующее древнее мировосприятие, мистическое и мифологическое. Деятельное языковое сознание и постепенно складывающаяся в нём "языковая картина мира" в своей глубинной и исторической основах и мистичны, и по-своему мифологизированы. Легко всплывают в памяти слова, напрямую связанные именно с мистическим представлением и примитивно религиозной интерпретацией нашего присутствия во Вселенной.

Отнюдь не случайны в словаре такие возвышенные слова, как *абсолют, бог, божество, ангел, душа, дух, храм, пророк, святыня, посвящение, клятва, вера, христианин, рай, ад, поминки, грех, совесть, покаяние, таинство, воскресение*. Таких слов, освящённых и одухотворённых религиозно-мистическим смыслом, в языке немало. К такого рода словам примыкают снизу, со стороны нижней бездны, хотя и с отрицательным созначением, или оттенком антидуховности и безбожия, также по-своему сакральная лексика: *бесы, привидение, призрак, богоборчество, богохульство, чертовщина, дьяволыщина, демонизм, сатанинство...*

Всё, относительно чего сказано, что это непостижимо и непонятно, как *фантастика, мистика, метафизика, запредельность, чудо из чудес* и т.д., действительно, глубоко, само по себе необъятное по смыслу и пониманию. Правда, с другой стороны о том же самом можно услышать противоположное мнение, будто все те фантазмы и вовсе примитивные домыслы ("искажённые знаки"). И выходит, таким образом, названные явления вовсе не однозначны, но амбивалентны и двойственны, представляя в языке прямо противоположные суждения и сущности.

В одно и то же время и элементарно, и непостижимо – антитезы, две антиномичные характеристики-оценки, казалось бы, об одном и том же. Это разные позиции, каждая в отдельности, а в целом по частям, не природное свойство и ценность вещи, а диалектическое единство и противоположность подходов. На внешнем уровне вроде бы непримиримое противоречие взглядов, а на самом деле естественный и плодотворный плюрализм и многообразие соперничающих идеологий и образа жизни (мыслей). Сам предмет (объект наименования) одним видится сложным, а для их оппонен-

тов элементарен. Раз в дело вмешиваются люди, то оценка вещей становится субъективной. В результате совмещения многих толкований (тезисов и антитезисов) создаётся сложный конструкт и совокупный образ.

(Возникает вопрос, как совместить противоположные характеристики, оценки и отношения, две несовместимых позиции, разные взгляды и точки зрения на один предмет. Глубинная мысль и предельная абстракция, с одной стороны, и конкретность, данность, очевидность на поверхности жизни, с другой, составляют различные ракурсы и полюсы восприятия, как бы механизмы и результаты ощущения и осмысления. По-всякому ставится и решается вопрос об иерархии, соподчинённости и последовательности подходов: считая в одних случаях предметное и вещное первичным и данным, а идеологию и идеи вторичной производностью, а в других случаях, напротив, первая реальность – чистый разум, мысль – сама действительность, а материальное и вещное – лишь оформление, проявление и, тем самым, конкретизация и порождённое).

Мысли есть средство и продукт сознания, наблюдений, размышлений и рассуждений. Вместе с тем, некоторые из них всё же как-то привносятся и заимствуются в готовом виде. Они меж собой "общаются", переносятся и передаваясь на расстоянии, распространяясь мистически и фантастически в духовном пространстве социума, и не только. Мысль обсуждается, подчас даже оспаривается и отвергается. Эпифания, чудесное озарение ума, является таинственным способом неожиданного порождения идеи или явления и восприятия высокой и священной мысли.

Можем ли мы, и в какой же мере, сообщить, выразить и передать, кому-то другому и постороннему свою мысль? Что значит здесь "мысль" вообще и, в частности, своя (насколько?), к тому же, философская и творческая? Есть нечто относительно существенное и главное во всём содержании сообщения, как это обнаружить, найти и вычленишь? Что-то мешает и препятствует пониманию парадоксальной мысли, что-то сдерживает и что-то освобождает. Что связывает человека в жизни? Легко убедиться, что мы далеко не первые и не последние, кто задет и задаётся вопросами и сомнениями о роли и мистификации жизни, слова, текста и мысли на Земле.

Духовный мир мыслей и зачатий остаётся загадочен, сложен и иерархичен. Мысли самые разные, у нас и вокруг нас, в своей массе неисчислимы, необъятны и неохватны. Вряд ли мы знаем это по сути. Должно быть, до конца не познаваем мистический и метафизический конструкт, чья-то выдумка. Как и бездонный Мир, как бесконечный Дух (Мировая душа, одухотворённая Природа), как Абсолютный бог, как бесконечное Время, Бесконечность и Абсолют. Мысли о чём-то (и эти мои мысли о мысли), мысли какие-то, чьи-то, зачем-то, мысли-идеи, мысли-планы, мысли-умыслы и замыслы, фантазии, воспоминания, понятия и образы, мифы, и что же ещё в

этой категории. Формы мысли разнообразны, в данном случае не природы или предмета, не поступка или действия, но мысли и смысла, из области Ноосферы, сферы Разума.

Иерархия – власть, влияние, воздействие, управление, предписание, устройство и статус. Жизнь как иерархия – то мысль, сознание или воля. В том мире идей (в идеологии и религии), где появляется Бог, неизбежно рождается также его антипод, Дьявол или Сатана. Там, где есть положительное начало, тут же должно появиться с ним и отрицательное, утверждается отрицание, или антиномия, "да и нет" в единстве, как нечто однородное и целостное. Таковы законы и требование формальной логики, диалектики и мышления, или рассуждений, которые со своей стороны управляют сознанием и словом. Философия – некое состояние разума и даже в большей мере чувство и настроение.

Мысль как мнение, мысль как вывод и умозаключение, мысль в поиске ответа на вопрос, мысль в постановке, выборе и оптимизации задач, практических и теоретических, мысль как некий регулятор действия. Мысля и перебирая варианты, мы в построении того или иного ответа и истины, отгадываем и угадываем, расчищая для себя какой-то путь, ошибаемся, карабкаемся, падаем и вновь держим и дерзим, открывая себе и рисуя свою картину мира и представляя действительность. Мысль – встреча и отклик, словно живое отражение окружения.

Не только мы, пожалуй, никто на свете не знает всей сокровенной сути и тайны Мысли. Мысль – то не только ради понимания чего-то, но в то же время и непонимание тоже связано с мышлением и сознанием. Мысль – сумятица и путаница, чтобы распутать или запутать хоть что-то и как-то. Сознательная или случайная встреча и озарение, бесконечный механизм познания, мысль в конце концов умиротворяет хаос, успокаивает разнообразие и бездонность мира, не исчерпаемую никак одними нашими усилиями. Энергия, процесс и необъятный предмет, важная составная часть и существенный блок в обустройстве Вселенной.

Что такое мысль? Вроде бы мы знаем, что это слово означает на расхожем бытовом уровне. И в то же время слабо разбираемся в самом том явлении по сути. Мысли, в том или ином роде отвлечённости, как вездесущие мистические существа, случаются всякие, и самые разные у них особенности и свойства, отличаются друг от друга своей энергетикой и мощью, количеством и качеством, силой и напором. Какие они, мысли, – зависит от многих факторов и обстоятельств, в частности, и от самого субъекта, от состояния здоровья, расположения, положения тела и даже позы. Можно всю жизнь всерьёз изучать этот предмет с разных сторон – но так и не найти окончательного ответа на самый первый вопрос о сущности самого существа и его существования. Кажется, мысль-движение и деятельность, завися-

щая от вечной подвижности духа, отличается бесконечностью, непрерывностью и неуловимостью.

"И всё же, что есть такое сама мысль? Думаю, что в такой интерпретации "мысль" будет представлять собой законченную, сформированную и начавшую свое воплощение идею "Личностного Я". Она может осуществляться только на ментальном уровне взаимодействий или на психофизическом, который, разумеется, включает и работу ментала" (П.Веденин). Это из разговора благородных мужей. Сперва кажется: какая-то абракадабра, нельзя ли попроще. С первого раза никак не понять, но не страшно. Через время повторим и прочтём ещё раз. Постепенно что-то прорисовывается, станет ясней, тогда раскроется некий сакральный смысл, недоступный профанам сразу и вдруг. Чтобы понять загадочного человека, надо вживаться в сокровенные мысли-высказывания, которые так непросто выразить и распространить, передавая другим.

Есть тексты, которые просвещают и лечат нас, а сколько среди них все бездумных и бесполезных... Так же мы принимаем лекарства на веру, не зная (в лучшем случае, кроме только лишь названия медикамента), что именно глотаем и внедряем в организм. Полагается, что во внутренней механике санации разбирается безличный авторитет – наука фармакология. Словом, нам-то ведь не под силу распознать всю глубину мира, его устройства, влияний и воздействий. И вовсе не элементарно и пошло устроена и встроена в живую природу Мысль.

Как видно, у некоторых людей есть какая-то склонность к письму и даже тяга. Откуда это? А у других, в то же время, полный absent. Мысли порой никак не собираются "в кучу", не становятся в строй, не складываются хоть какая система из отрывков, нет связи, не получается текста. Анализ прошлого, рефлексия, осмысление и исповедь, конечно, предполагают возбуждение духа, пробуждение разума и совести. Очевидно, полноценная мысль – чего-то стоящая и целостная, завершённая. Описание и регистрация – не просто наблюдение, но и какое-то осмысление тоже. Человек самодостаточен и независим от настроения и настроя.

Наши выписки из интернета, чего и для чего именно. Как эти текстовые выборки и извлечения (цитаты и чужие мысли-высказывания по определённым кругу проблем) можно и нужно будет использовать позднее? Спрашивается, лично вы задумывались когда-нибудь над вопросом, допустим, что есть жизнь и смерть? Недаром же вопрос этот относится к числу так называемых "вечных" вопросов. Почему те или иные люди (какие именно?) думают или не думают и о чём, чаще или реже всего? Если думают, то о чём-то и как-то, каким-то образом, более изощрённо и изысканно оформляя мысль или просто профанируя обстановку и предмет.

Думают так или иначе, конечно, всё-таки все люди, если позволяет им психическое здоровье, и произвольно или невольно думают едва ли не обо всём на свете, нет закрытых тем для проницательной мысли. Однако и в этом занятии (рефлексии?) всё же есть свои предпочтения, пики и моды, и имеет место своя специализация и спецификация. Кто-то не очень склонен занимать себя "пустыми" вопросами и думает о чём бы то ни было относительно редко (тугодумы), кто-то задумывается чаще, а кто постоянно включён в режим мысли – то проблема психологии и психиатрии (навязчивость), а то и педагогики, и семейного воспитания.

Словом, можно сказать, что все мы по складу ума и характера от рождения как бы делимся на более или менее "мыслителей" и в той или иной степени относительно более легкомысленных людей, относясь в первом случае к закрытым и замкнутым в себе интровертам, а во втором – к открытым и коммуникабельным экстравертам. У нас разный генотип и генофонд, и отсюда те или иные особенности и склонности к способу общения и познания мира. Попробуем сообщая как-нибудь разобраться в вопросе, в чём же природа человеческой мысли, для чего и почему, где и как развивается она, углубляется, совершенствуется, деградирует и разлагается.

Итак, наши мысли о мысли, суждения, наблюдения и замечания. Мы верим в таинственность и тайну до конца не познаваемой и сокровенной мысли. (Потом уже последуют мысли о слове и тексте, о жизни и чувстве).

Прежде всего, мы вспомним и согласимся с тем, что, в общем-то, есть множество граней, разворотов и связей у безмерно разносторонней мысли: мысль-понимание, мысль-знание (перенос, пересылка и отправление), мысль-открытие, мысль-озарение и чья-то таинственная подсказка, мысль-откровение, мысль-встреча, мысль-находка, мысль-удивление, мысль-образ, идеальный конструкт, мысль-воспоминание, мысль-воспроизведение и повторение, мысль-сновидение, мысль-наблюдение. Идея и соображение, выводы и умозаключение, план и схема, у каждой мысли свой букет, запах и устройство, своё настроение, и совсем не так просто разобраться и понять, что такое мысль – про себя и выходная, на публику и на расстоянии.

Мысли в нашем мире, или вокруг, случаются самые разные: наивные, простые, глубокие, мудрые, абсурдные, заумные, бредовые, волшебные, лечебные, таинственные, божественные, сакральные, сакраментальные, парадоксальные, бесполезные, глупые, заумь. Вся наша жизнь, пространство и деятельность, пронизаны и пропитаны теми или иными мыслями, замыслами и умыслами. Иной раз кажется, что они как бы летают в воздухе, чьи-то подсказки, словно духи, злые или добрые ангелы. Мы в тайне следим и следуем друг за другом. Слышится таинственный шелест и шепот. Мысли чьи, когда и где, зачем, в каком ряду и чей ответ и отзвук? У каждого, кто наблюдает за полётом мысли, рано ли поздно собирается коллекция наблюдений.

Фраз и слов – суждений – записано и заявлено в мировой литературе громадное множество, огромный склад, есть из чего выбирать мудрые и знаменательные в чём-то для каждого из нас мысли. Однако далеко не все они, но только некоторые, если повезёт, способны заряжать читателя энергией необычайной свежести и новизны знания, содержания и формы, производят впечатление, влияя на сознание неожиданной красотой и силой авторской воли и высказывания. Далеко не все наши современники обладают склонностью или предрасположенностью к чтению литературы и к использованию печатных текстов в целях познания и образования.

К тому же, в доступной массовой литературе сколько угодно трудных и слишком умных, не всеми воспринимаемых текстов (смыслов), непонятных и многим недоступных по своей форме и содержанию. Так что нередко люди пренебрегают литературой вовсе и потому не впитывают из неё живого смысла, даже поверхностно просматривая иной раз случайные тексты. Такая невосприимчивость, как и неприятие, чужих высказываний может говорить о том, что печатный труд не соответствует интересам читателя, не отвечает уровню знаний и филологического образования. Расхождение характеров мешает развитию, достижению встречи и понимания.

Так или иначе, однако, мы "прочитываем" чужие мысли, и при этом меньше всего замечаем и обращаем внимание на собственный вклад во всеобщую сокровищницу Мысли, хотя живём-то все мы именно ради всеобщего обогащения и прироста массы и продуктивности её в облагороженной или окультуренной собственными усилиями жизни.

Нам трудно понять природу и назначение человеческого ума и мысли. Также нелегко познать смысл литературного процесса, таинства и творчества, письма и чтения. Ясно, что читатели должны быть готовы к восприятию содержания информации и формы текста, его слагаемых. Читателями, как и писателями, не рождаются – ими становятся. И не каждый, даже знакомый с грамотой, непременно уже подготовленный читатель (тем более, писатель). Помимо всего, надо иметь природную склонность, потребность и интерес, ещё и соответствующую подготовку. Тот, кто не читает книг или читает недостаточно, вряд ли сможет судить здраво о литературе.

Мысль-познание есть процесс, движение, всегда продолжение и преодоление, мысль-осознание как бы встреча, столкновение, вольно или невольно общение и диалог разных субъектов. Мысль – действие, состояние и продукт ума, содействие и противодействие. Расчёт, оценка, сравнение, вывод, обобщение и заключение. Не абсолютная истина, мысль, должно быть, только лишь некое приближение, подход и версия. Почти что или чуть больше и глубже, чем взгляд, мнение и точка зрения, хотя у них всех может быть один предмет наблюдения и суждения. Мысль, как и опыт, тоже ведь

самая разная: бытовая и обиходная, и также отдельно специализированная по отраслям знаний, производственная, научная, философская, религиозная.

Мысль о чём именно и какая? О чём мы думаем и как мы размышляем – ведь одно с другим связано, как содержание мысли и способ. Одно дело, если думать – это просто решать, как тебе следует вести себя и лучше было бы поступить в том или ином случае. Другое дело, если так или иначе искать и находить выход или то или иное решение вопроса, простого или сложного, и тоже думать, или мыслить, то есть переживать и испытывать мысль. Совсем иначе думают, когда пытаются вспомнить о чём-либо. Все наши неординарные действия так или иначе сопровождаются теми или иными мыслями, мыслительной деятельностью, порой и рассуждениями.

Домохозяйка готовит обед, стирает бельё или нянчит ребёнка, а в голове у неё вертятся разные мысли-заботы, беспокойство – то тоже в какой-то мере мыслительная деятельность. При сравнении разной жизни человек, естественно, задумывается и решает про себя злободневные вопросы: как ему быть и что делать в своей ситуации и в данной обстановке? Думать – значит порождать и использовать, или прокручивать, мысли (думы). Безусловно, они в большинстве своём всё-таки расхожие и рядовые, на их фоне, если повезёт, выделяются большие планы и радикальные мысли-открытия, существенные для многих.

Стоящая и достойная мысль требует от нас порой значительного напряжения сил, а то и большого труда. Вот, к примеру, сегодня день рождения у Наташи, она поручила мне к вечеру подготовить достойный тост в её честь. Я не справляюсь. Не хватает собственных мыслей – лезут в голову привычные и тривиальные фразы, с большой натяжкой назовёшь мыслями, собственно изобретениями разума, если речь без стиля. Написать письмо другу – тоже бывает непросто подобрать нужные слова и мысли, соответствующие, не повторяющиеся и разнообразные. Чтобы придумать что-то, приходится настроить себя и потрудиться, не жалея себя и сил.

Со своей стороны и литература подсказывает людям, как следует вести себя в жизни, предлагая самим найти тот или иной выход, то или иное решение вопроса, учит нас, как следует понимать людей и видеть мир, думать, чтобы быть в форме, хотя далеко не все писатели всегда должным образом справляются со своей просветительской ролью в обществе. Конечно, далеко не всегда книге удаётся сделать нас грамотней и лучше, но в этом больше нашей вины, нежели её несовершенства. Всё же начитанный человек, или книголюб, преуспевая заметно в словесности, в чём-то духовно богаче и изящней грубияна и профана, полностью отрешённого от библиотеки и книжной культуры. (Спорный вопрос).

Мысли в воображении и впечатления тоже так или иначе оседают в памяти. Наслаиваясь и расслаиваясь, они являются нам в слове и в образе.

Мысли как бы борются и преодолевают друг друга и нас, и преодолеваются нами в борьбе. Мыслями манипулируют – и они в свою очередь управляют сознанием масс. С мыслями играют, и мысли играют с нами. Мысль вообще, обобщённо, как категория, и мысли отдельные, конкретно, всякий раз, в том или ином случае. Все они самые разные и очень даже бывают живучие и спорные, каждая имеет свою какую-то историю и судьбу. Рассеиваясь и накапливаясь смогом, в целом это необозримый, с трудом управляемый и неохватный мир духов, никак не подчиняется нашей воле.

В опасной и ответственной обстановке активизируется мысль. Боксируя, мыслим по-своему, ищем способ выстоять и взять верх над противником и соперником в ринге.

Опечаленный или воодушевлённый человек – по-своему каждый мыслит, как может. Юмор – тоже мысль своего рода, придумка и выдумка. Война, наступление или оборона и охота, засада и рыбалка, промысел и операция, беседа и воспитание, любая работа и спорт (не только шахматы и покер), соревнование, игра, наблюдение, намерение, расчёт и многое другое (как выстроить ряд, упорядочить и систематизировать?) – всё это, так или иначе, тоже мысль, как и жизнь, осмысленное состояние, живой дух. Хищник выходит на охоту – идёт и крадётся мысль.

Конечно, вовсе не всё, что мы относим к мыслям, на самом-то деле является в полном смысле слова полноценной мыслью. Мысли очень даже разные, разного рода и степени – что же именно? – некие построения и конструкции ума – для чего именно? Для понимания и представления мира, окружающего и внутреннего, внешнего и собственного. Очевидно, когда мы говорим о мыслях и мышлении, то имеем в виду на самом деле самое разное и далеко не всегда нечто определённое и ясное. Бывают ведь безумные поступки, а наряду с тем также и безумные мысли, из ряда вон выходящие.

Сама по себе мысль в чистом виде представляет собой некую умозрительность и отвлечённость ума, своего рода "надреальность" и обобщение фактов. Наблюдение и впечатление включают в себе чуть-чуть какую-то пассивную и в самом начале некую вялую мысль. Медитация – стремление отключить своё сознание от тревожной и навязчивой мысли-действительности. Мысль-беспокойство может быть неким слежением за происходящими вокруг тебя событиями и собственными ощущениями. Выход из одной действительности, реальной и в большей мере материальной, в иную, воображаемую и как бы духовную.

Путешествие Христофора Колумба в Америку в 1492 году – грандиозная мысль позднего европейского Средневековья. Очевидно, как и протестантская революция в Западной Европе, которая была также громадным мыслительным комплексом своей эпохи. Мысль есть движение и напор,

предполагающий нагнетание струи, а отсутствие свежей мысли, нехватка и остановка, приводит к общественному застою.

Если мы знаем что-то точно и определённо, то, как правило, вовсе и не думаем о том предмете, уже познанном и усвоенном ранее. Мысли являются нам как следствие колебания духа, в результате разрешения загадки и сомнения. Мысль есть поиск выхода из положения, преодоление многозначности мира и собственной неуверенности, суждение и подтверждение некоего варианта решения.

Все мы живём в определённом социальном окружении, и, хочешь не хочешь, вследствие этого приходится подчиняться законам той или иной моды. Пусть у каждого из нас, так или иначе, есть свои предпочтения и пристрастия, понимание и отношение к жизни. По долгу службы, но и не только, я вот пристроился как-то и привязался (прикипел душой?) к родной словесности. До сих пор всё больше задумываюсь над великими смыслами языкознания: в частности, что же есть по самому большому счёту язык, для чего и как складывается слово, словосочетание, фраза, высказывание, текст, что такое смысл и мысль, и для чего письменность и книга.

Ясное дело, только в самых общих чертах все мы представляем и знаем, по большей части, пожалуй, всё же однозначно и начётнически, свой предмет познания и образования как некую духовную принадлежность и приобретение (собственность?). Знать-то учебный материал вроде бы и знаем, однако ведь относительно, поверхностно, не докапываясь самостоятельно до сути, глубоко и всесторонне. Спросите школьника, знает ли он, что такое слово, текст, мысль, книга, дневник, тот, не колеблясь, ответит вам, что, конечно же, давно и точно знает всё это и подобное, и продемонстрирует на примерах свои познания, даже и не подозревая, что это внешнее знание названий неудовлетворительно, так как не затрагивает самой сути и связей вещей.

Указать пальцем на что-либо или иным способом показать (продемонстрировать) названный предмет, как и просто назвать (наименовать) указанную вещь, — этого, должно быть, ещё слишком мало, чтобы говорить о знании и понимании самой сути вещей (названия). Имя — лишь внешний уровень и наиболее очевидный и профанный план именуемого (обозначаемого), сакраментальная же суть собственно предмета таится значительно глубже: она в технологии, значение в назначении и применении; функции сказываются на строении и устройстве, существо срастается с пространством существования и обуславливается также им, как и материальным составом всего "устройства".

"Конец — слово, которое приятно написать и прочитать на последней странице книги" (Адриан Декурсель).

Послание

Эта книга для себя – и только в одном экземпляре (самиздат). Шагая и разминаясь на стадионе, вокруг футбольного поля обычно, от нечего делать про себя пропускаю отдельные фразы (залётные мысли), заключая в каркас возможного общего смысла. Примеряю, взвешивая и сравнивая заготовки, чтобы понравились в целом. И, придя домой, пытаюсь записать продуманный и проговоренный в разных вариациях вроде бы готовый и пригодный текст, и взвешенный. Однако ничего хорошего из этой затеи не выходит. Никак не складывается мелодия, нужные ритмы и интонации, слова не склеиваются, не сплавляются в осмысленную целостность слога и текста.

Несмотря ни на что, всё равно, книга (письменность) есть гениальное обретение человечества, наших далёких предков и современников, разных наций. И в самом деле, много чего самого разного значит, но прежде всего пусть остаётся для нас по-прежнему загадочным и чудесным созданием и зданием всей современной цивилизации. Общественный вес (значимость) авторской книги измеряется социометрически и оценивается, прежде всего, популярностью, влиятельностью и тиражом. Однако не всё в вопросе этом столь однозначно и убедительно, без колебаний. Это не так.

Немало на свете маститых сочинителей было и есть, кои действительно или как бы склонны плодиться во благо общего просвещения, для других, собратьев своих. Когда мастера уже достаточно обеспечены собственными читателями да почитателями. А в данном случае книга сугубо личная и не публичная, писалась в первую голову ради продолжения собственного самообразования и развития (тот возраст). Во всяком случае не уверен, захочет ли кто-то прочитать меня, и будет ли в том толк какой-то, тем паче.

Текст в чём-то всё-таки поучительный для лингвистов, хотя без особых претензий на новаторство. Он был набран на компьютере и дома напечатан на принтере в единственном экземпляре. Напечатанные листы переплелись – и в результате вышла книга. Если сберечь и сохранить во времени, может ещё пригодиться. Тем лицам, хотя бы из моих потомков, кто вдруг в своё время захочет из любознательности узнать что-то о прошлых нравах и развитии мысли у нас. Чтобы представить, как в XX веке жили, учились и думали некогда люди в городе Харькове.

Сейчас у меня взрослый внук и две внучки, тоже взрослые, будут и правнуки. Если обойдётся без катаклизмов на Земле, род продолжится дальше. Скажем, лет так через сто, в XXI веке, кому-то из потомства пусть достанется сочинение из домашнего архива. Что-то тот из будущего мира поймёт тогда в этом моём отсталом письме. Остаётся верить, и да здравствует наше замечательное "вертикальное" общение с родственными душами! На худой конец, можно признать всё сочинение это как книгу отчётности.

Ещё немного афоризмов-мыслей по нашей теме

"Об эпохе больше говорят те слова, которые не употребляют, чем те, которыми злоупотребляют" (Станислав Ежи Лец). "Слова, которые рождаются в сердце, доходят до сердца, а те, что рождаются на языке, не идут дальше ушей" (Мухаммед Аззахири Ас-Самарканди). "Овладей предметом, а слова найдутся" (Квинт Гораций Флакк). "В тайне свой труд продержавши, покуда он в свет не явился, Много исправишь, а выпустишь слово, назад не воротишь!" (Квинт Гораций Флакк). "Как удобны слова, скрывающие путаницу!" (Франц Brentano). "Всякое слово без дела ничтожно и пусто" (Демосфен). "Слово сказанное от сердца, проникает прямо в сердце" (Абу Мухаммед Ильяс ибн Юсуф Низами). "Слово – не что иное, как отдаленное и ослабленное эхо мысли" (Гюстав Флобер). "Не знаю" звучит по-разному в устах умного и дурака" (Лешек Кумор). "Мысль меняется в зависимости от слов, которые её выражают" (Блез Паскаль). "Мысль рождает слово; слово индуцирует мысль" (Илья Шевелев). "Верь в звук слов: Смысл тайн – в них" (Валерий Брюсов). "Дела влекут за собой слова" (Марк Туллий Цицерон). "Доброе слово лучше богатства" (Публилий Сир). "Произнесённое метко, всё равно что писанное, не вырубливается топором" (Н.В. Гоголь). "Статистика утверждает, что человек в среднем за день произносит свыше семи тысяч слов... А вот сколько он в среднем за день делает дел, об этом статистика скромно умалчивает" (Бауржан Тойшибеков). "Слова – это то единственное, что остаётся на века" (Эрнест Хемингуэй). "То слово не исчезнет совершенно, которое повторяется многими в народе" (Гесиод). "Белладонна: в Италии – красивая женщина, в Англии – смертельный яд. Поразительный пример глубинного сходства двух языков" (Амброз Бирс). "Нет магии сильнее, чем магия слов" (Анатолий Франс). "Слово "завтра" придумано для людей нерешительных и для детей" (Иван Тургенев). "Каждое произнесённое слово есть уже ответ" (Мартин Хайдеггер).

Л.Н.Толстой. ПУТЬ ЖИЗНИ

XXIII. Слово.

Слово – выражение мысли и может служить соединению и разделению людей; поэтому нужно с осторожностью обращаться с ним.

СЛОВО – ДЕЛО ВЕЛИКОЕ.

1. Словом можно соединить людей, словом можно разъединить их; словом можно служить любви, словом же можно служить вражде и ненависти. Берегись такого слова, которое разъединяет людей или служит вражде и ненависти.

2. Слово – выражение мысли, мысль – проявление Божеской силы, и потому слово должно соответствовать тому, что оно выражает. Оно может быть безразлично, но не может и не должно быть выражением зла.

3. Человек – носитель Бога. Сознание своей божественности он может выражать словом. Как же не быть осторожным в слове?

4. Время проходит, но сказанное слово остаётся.

5. Если имеешь время подумать, прежде чем начинать говорить, то подумай, стоит ли, нужно ли говорить, не может ли повредить кому-нибудь то, что ты хочешь сказать. И большей частью бывает так, что если подумаешь, то и не начнёшь говорить.

6. Прежде думай, потом говори. Но остановись прежде, чем тебе скажут: "довольно". Человек выше животного способностью речи, но ниже его, если болтает, что попало (Саади).

7. После долгого разговора постарайся вспомнить всё то, о чём было говорено, и ты удивишься, как пусто и ненужно и часто дурно было всё говоренное.

8. Слушай, будь внимателен, но говори мало. Никогда не говори, если тебя не спрашивают, но если тебя спрашивают, отвечай тотчас же и коротко, и не стыдись, если ты должен признаться, что не знаешь того, о чём тебя спрашивают (Суфийская мудрость).

9. Если хочешь быть умным, научись разумно спрашивать, внимательно слушать, спокойно отвечать и переставать говорить, когда нечего больше сказать (Лафатер).

10. Не хвали себя, не осуждай других и не спорь.

11. Слушай речи учёного человека со вниманием, хотя бы дела его не соответствовали его учению. Человек должен поучаться, хотя бы поучение было написано на стене (Саади).

12. Есть очень хорошие три короткие слова: я не знаю. Приучай свой язык почаще говорить их (Восточная мудрость).

13. Есть старинное изречение: "de mortuis aut bene, aut nihil", то есть: о мёртвых говори доброе или ничего. Как это несправедливо! Напротив, надо бы сказать: "о живых говори доброе или ничего". От скольких страданий это избавило бы людей, и как это легко! О мёртвых же почему не говорить худого? В нашем мире, напротив, установилось вследствие обычая некрологов и юбилеев говорить о мёртвых одни преувеличенные похвалы, – следовательно, только ложь. А такие лживые похвалы вредны потому, что сглаживают в понятиях людей различие между добром и злом.

14. С чем сравнить язык в устах человека? Это ключ сокровищницы; когда дверь заперта, никто не может знать, что там: драгоценные ли камни или только ненужный хлам? (Саади).

15. Хотя, по учению мудрых, молчание полезно, свободная речь тоже нужна, но нужна только в своё время. Мы грешим словом и когда молчим, а надо бы говорить, и когда говорим, а надо бы молчать (Саади).

КОГДА РАССЕРДИЛСЯ, МОЛЧИ

1. Если ты знаешь, как надо жить людям, и желаешь им добра, то будешь высказывать им это. Высказывать же это будешь стараться так, чтобы они поверили в твои слова. Для того же, чтобы они поверили тебе и поняли тебя, тебе надо постараться передать твои мысли не с раздражением и гневом, а спокойно и с добром.

2. Когда ты хочешь передать своему собеседнику в разговоре какую-нибудь истину, то самое главное при этом – не раздражаться и не сказать ни одного недоброго или обидного слова (По Эпиктету).

3. Несказанное слово золото.

4. Не думать вперёд о том, что ты скажешь, можно только тогда, когда чувствуешь себя спокойным, добрым и любящим. Но если ты неспокоен и раздражён, то берегись согрешить словом.

5. Если ты не можешь тотчас же утишить гнев, удержи язык. Помолчи – и ты скорее успокоишься (Бакстер).

6. Старайся, чтобы в споре слова твои были мягки, а доводы твёрды. Старайся не досадить противнику, а убедить его (Вилькинс).

7. Как только мы почувствовали гнев во время спора, мы уже спорим не за истину, а за себя (Карлейль).

НЕ СПОРЬ

1. Зарождающаяся ссора подобна пробивающемуся сквозь плотину потоку: как только он пробился, ты уже не удержишь его. А всякая ссора вызывается и поддерживается словами (Талмуд).

2. Спор никого не убеждает, а разъединяет и озлобляет. Что молоток для гвоздей, то спор для мнений людей. Мнения, ещё шаткие, после споров становятся так же твёрдо забиты в головы, как гвозди до шляпок (По Ювеналу).

3. В спорах забывается истина. Прекращает спор тот, кто умнее.

4. К спорам прислушивайся, но в споры не вмешивайся. Храни тебя Бог от запальчивости и горячки, хотя бы даже в малейшем выражении. Гнев везде неуместен, а больше всего в деле правом, потому что затемняет и мутит его (Гоголь).

5. Лучший ответ безумцу – молчание. Каждое слово ответа отскочит от безумца на тебя. Отвечать обидой на обиду – всё равно, что подкидывать дров в огонь.

НЕ ОСУЖДАЙ

1. Не судите, да не судимы будете. Ибо каким судом судите, таким будете судимы; а какою мерою мерите, такою и вам будут мерить. И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоём глазе не чувству-

ешь? Или, как скажешь брату твоему: дай я выну сучок из глаза твоего; а вот в твоём глазе бревно? Лицемер, вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего (Мф. VII, 1-6).

2. Почти всегда, поискав в себе, мы найдём тот же грех, который мы осуждаем в другом. Если же мы не знаем за собой именно того самого греха, то стоит только поискать, и мы найдём ещё худший.

3. Как только начинаешь судить человека, помни о том, чтобы не сказать про него дурного, если ты наверно знаешь про это дурное, а тем более, если ты не знаешь, а повторяешь только чужие слова.

4. Осуждение другого всегда неверно, потому что никто никогда не может знать того, что происходило и происходит в душе того, кого осуждаешь.

5. Хорошо уговориться с приятелем о том, чтобы останавливать друг друга, как скоро тот или другой из вас начнёт осуждать ближнего. А если нет такого приятеля, то уговорись о том же сам с собою.

6. Осуждать людей в глаза нехорошо потому, что это обижает их, а за глаза нечестно, потому что это обманывает их. Самое лучшее не искать дурного в людях и забывать его, а искать дурное в себе и помнить.

7. Остроумное осуждение – это дохлятина под соусом. Под соусом не заметишь, как наешься и всякой гадины.

8. Чем меньше знают люди о худых делах людей, тем строже они к самим себе.

9. Не слушайте никогда тех, кто говорят дурно о других и хорошо о вас.

10. Кто за глаза поносит меня, тот боится меня, а кто в глаза хвалит, презирает меня (Китайская пословица).

11. Злословие так нравится людям, что очень трудно удержаться от того, чтобы не сделать приятное своим собеседникам: не осуждать отсутствующих. Но если уж непременно угощать людей, то угощай чем-нибудь другим, а не таким вредным и для себя и для угощаемых угощением.

12. Прикрой чужой грех, Бог два простит.

ВРЕД ОТ НЕВОЗДЕРЖАНИЯ В СЛОВЕ

1. Мы знаем, что с заряженными ружьями надо обращаться осторожно, а не хотим знать того, что так же осторожно надо обращаться и со словом. Слово может не только убить, но и сделать зло хуже смерти.

2. Мы возмущаемся на телесные преступления: обьелся, подрался, прелюбодействовал, убил, – а легко смотрим на преступления слова: осудил, оскорбил, передал, напечатал, написал вредные, развращающие слова, а между тем последствия преступлений слова гораздо более тяжелы и значительны, чем преступления тела. Разница только в том, что зло телесных преступлений тотчас же заметно. Зло же преступления слова мы не замечаем, потому что оно сказывается далеко от нас и по месту и по времени.

3. Было большое собрание людей, больше тысячи, в большом театре. В середине представления один глупый человек вздумал пошутить и крикнул одно слово: "Пожар!" Народ бросился к дверям. Все столпились, давили друг друга, и, когда опомнились, было раздавлено насмерть 20 человек и больше 50 поранено. Такое великое зло может сделать одно глупое слово.

Тут, в театре, видно зло, которое сделало одно глупое слово, но часто бывает, что вред глупого слова хотя и не сразу виден, как в театре, а делает понемногу и незаметно ещё больше зла.

4. Ничто так не поощряет праздности, как пустые разговоры. Если бы люди молчали и не говорили тех пустяков, которыми они отгоняют от себя скуку праздности, они не могли бы переносить праздности и работали бы.

5. Дурно говорить о людях вредит сразу трём: тому, о ком говорят дурно, тому, кому говорят дурно, но более всего тому, кто говорит дурно о людях (Василий Великий).

6. Заочное осуждение тем особенно дурно, что то самое суждение о недостатках человека, которое, сказанное в глаза, могло бы быть полезно ему, скрывается от того, кому оно может быть нужно, и сообщается тем, кому оно вредно, возбуждая дурное чувство к осуждаемому.

7. Редко раскаешься в том, что промолчал, а сколько раз раскаешься в том, что сказал, и ещё чаще бы раскаивался, если бы знал все последствия твоего слова.

8. Чем больше хочется говорить, тем больше опасность, что скажешь дурное.

9. Большая сила у того человека, который умеет промолчать, хотя он прав (Катон).

ПОЛЬЗА МОЛЧАНИЯ

1. Давай больше отдыхать языку, чем рукам.

2. Часто молчание лучший из ответов.

3. Семь раз поверни язык, прежде чем начнёшь говорить.

4. Надо или молчать, или говорить вещи, которые лучше молчания.

5. Кто много говорит, тот мало делает. Мудрый человек всегда боится, чтобы слова его не обещали больше того, что он может дать делами, и потому чаще молчит и говорит только тогда, когда это нужно не ему, а другим.

6. Весь век свой я провёл среди мудрецов и не нашёл для человека ничего лучше молчания (Талмуд).

7. Если из ста раз один раз пожалеешь о том, что не сказал, что надо было, то наверное из ста раз 99 раз пожалеешь, что говорил, когда надо было молчать.

8. По одному тому, что хорошее намерение высказано, уже ослаблено желание исполнить его. Но как удержаться от высказывания благородно-самодовольные порывы юности? Только гораздо позже, вспоминая их, жа-

леешь о них, как о цветке, который не удержался, сорвал не распутившимся и потом увидел на земле завялым и затоптанным.

9. Слово – ключ сердца. Если разговор ни к чему не ведёт, то и одно слово лишнее.

10. Когда ты один, думай о своих грехах, когда в обществе – забывай чужие (Китайское изречение).

11. Если очень хочется говорить, то спроси себя: для чего тебе так хочется говорить – для себя, для своей выгоды или для выгоды, пользы других. Если для себя, то постарайся промолчать.

12. Глупому человеку лучше всего молчать. Но если бы он знал это, он бы не был глупым человеком (Саади).

13. Люди учатся, как говорить, а главная наука – как и когда молчать.

14. Когда ты говоришь, слова твои должны быть лучше молчания (Арабская поговорка).

15. Многоглаголющему не миновать греха. Если слово стоит одну монету, то молчание стоит две. Если подобает молчание умным, то тем более глупым (Талмуд).

ПОЛЬЗА ВОЗДЕРЖАНИЯ В СЛОВЕ

1. Чем меньше будешь говорить, тем больше будешь работать.

2. Отучи себя от осуждения, и ты почувствуешь в своей душе увеличение способности любви, почувствуешь увеличение жизни и блага.

3. Магомет и Али встретили раз человека, который, считая Али своим обидчиком, начал ругать его. Али переносил это с терпением и в молчании довольно долго, но потом не удержался и стал отвечать ругательствами на ругательства. Тогда Магомет отошёл от них. Когда Али подошёл опять к Магомету, он сказал ему: "Зачем ты оставил меня одного переносить ругательства этого дерзкого человека?" – "Когда этот человек бранил тебя, а ты молчал, – сказал Магомет, – я видел вокруг тебя десять ангелов, и ангелы отвечали ему. Но когда ты начал отвечать ему бранью, ангелы оставили тебя, – отошёл и я" (Мусульманское предание).

4. Скрывать недостатки других и говорить о том, что есть в них доброго, есть признак любви и лучший способ привлечь к себе любовь ближних (Из "Благочестивых мыслей").

5. Благо жизни людей – их любовь между собой. А недобрым словом можно нарушить любовь.

Всего здесь 69 фраз, все о слове. На мой вкус, самые мудрые и яркие изречения: "Весь век свой я провёл среди мудрецов и не нашёл для человека ничего лучше молчания" (Талмуд). "Люди учатся, как говорить, а главная наука – как и когда молчать".

Использованная литература

(К четырём главам 1 части)

1. Аксаков С.Т. Детские годы Багрова-внука. Минск: Юнацтва, 1982.
2. Александер Ф., Селесник Ш. Человек и его душа: познание и врачевание от древности до наших дней: пер. с англ. М.: Прогресс - Культура, 1995.
3. Андреев Л.Н. Рассказы и повести. М.: Худож. лит., 1979.
4. Анненков П. В. Материалы к биографии А. С. Пушкина. М.: ТЕРРА-кн. клуб, 1999.
5. Антоненко С.Г. Русь арийская. М.: Паллада, 1994.
6. Аристотель. Политика. Метафизика. Аналитика. М.; СПб.: Эксмо; Мидгард, 2008.
7. Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994.
8. Бердяев Н.А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. М.: Книга, 1991.
9. Бердяев Н.А. Эрос и личность. М.: Азбука, 2006.
10. Боровой Л.Я. Путь слова. М.: Сов. писатель, 1974.
11. Бунин И.А. Жизнь Арсеньева: роман, рассказы. М.: Мол. гвардия, 1987.
12. Бурсов Б.И. Судьба Пушкина. Л.: Сов. писатель: Ленингр. отд-ние, 1985.
13. Виноградов А.К. Повесть о братьях Тургеневых. Осуждение Паганини: романы. Л.: Лениздат, 1983.
14. Вишневская Г.П. Галина. М.: Вагриус, 2007.
15. Вышеславцев Б.П. Два пути социального движения // Путь. 1926. №4; Этика преображенного Эроса. М.: Республика, 1994.
16. Гачев Г. Русский эрос. "Роман" Мысли с жизнью. М.: Интерпринт, 1994.
17. Германович И., о. "Китай, Сибирь, Москва": воспоминания: пер. с белорус. Мельбурн, 1997.
18. Герцен А.И. Былое и думы. Мн.: Нар. асвета, 1971.
19. Гессен А. Всё волновало нежный ум...: Пушкин среди книг и друзей. М.: Наука, 1965.
20. Гинзбург Е.С. Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. М.: Сов. писатель, 1990.
21. Горький М. Полное собрание сочинений: в 25 т. Т. 5. М.: Наука, 1970.
22. Горький М. Полное собрание сочинений: в 25 т. Т. 6. М.: Наука, 1970.23.
23. Громбах С.М. Пушкин и медицина его времени. М.: Медицина, 1989.
24. Гумилёв Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. М.: Экопрос, 1993.
25. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 12. Л.: Наука (Ленинград. отд-ние), 1994.
26. Дружников Ю.И. Узник России. М.: Изограф, 1997.
27. Зайцев Б.К. Осенний свет. М.: Сов. Писатель, 1990.
28. Иванов Вс.Н. Из неопубликованного. Л., 1991.
29. Иванов Вс.Н. Александр Пушкин и его время. Хабаровск: Кн. изд-во, 1985.

30. История русской советской литературы / под ред. П.С.Выходцева. М.: Высш. шк., 1970.
31. Исэ моногатами. М.: Наука, 1979.
32. Каменский В.В. Пушкин и Дантес: повесть. М.: Правда, 1991.
33. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация: в 2 т. Т. 2. Х.; Белгород, 2007.
34. Козаков М.М. Актёрская книга: в 2 т. М.: Вагриус, 1996-1997.
35. Кончаловский А.С. Возвышающий обман. М.: Изд-во "Э", 1999.
36. Лазарев С.Н. Диагностика кармы. СПб.: Сфера, 1994.
37. Леви В.Л. Нестандартный ребёнок. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Знание, 1988.
38. Лосиевский И.Я. Анна Всея Руси. Х.: ОКО, 1996.
39. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПб, 1997.
40. Маймин Е.А. Пушкин. Жизнь и творчество. М.: Наука, 1981.
41. Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М.: Ad Marginem, 1995.
42. Мамардашвили М.К., Сенокосов Ю.П. Необходимость себя: Введение в философию: доклады, статьи, филос. Заметки. М.: Лабиринт, 1996.
43. Мариенгоф А.Б. Мой век, мои друзья и подруги: воспоминания А.Б.Мариенгофа, В.Г.Шершеневича, И. В. Грузинова. М.: Моск. Рабочий, 1990.
44. Мейлах Б.С. Пушкин и его эпоха. М.: Худож. лит., 1958.
45. Мень А.В. Мировая духовная культура. Христианство. Церкви: Лекции и беседы. М.: Фонд им. А. Меня, 1995.
46. Минералов Ю. Сила слова // Переправа. 2008. № 1. Режим доступа: <http://pereprava.org/jurnal-pereprava-article/2036-sila-slova.html>.
47. Минц З.Г. Блок и Гоголь // Блоковский сборник. Тарту, 1972. Т. 2. С. 122-205.
48. Монтень М. де. Опыты / пер. с фр. Г. Косикова. М.: Правда, 1991.
49. Моэм У.С. Подводя итоги // У.С. Моэм. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М., 1984.
50. Набоков В.В. Истребление тиранов. Мн.: Мастац. лит., 1989.
51. Налимов В.В. Спонтанность сознания. М.: Прометей, 1989.
52. Новикова Л. Путь к душе слова // Развитие личности. 2005. № 1. С.176—185. Режим доступа: <http://rl-online.ru/articles/1-05/293.html>.
53. Одесский год Пушкина. М.: Маяк, 1979.
54. Одинокое В.Г. "И даль свободного романа..." Новосибирск: Наука, СО, 1983.
55. Основы философии объединения: аудиокнига // Мир Бога: Движение Объединения. Режим доступа: <http://www.mirboga.ru/products/osnovy-filosofii-obedineniya>.
56. Осоргин М.А. Времена: Сивцев Вражек; Свидетель истории; Книга о концах; Времена. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1992.
57. Панаева А.Я. Воспоминания. М.: Гослитиздат, 1956.
58. Парандовский Я. Алхимия слова: пер. с пол. М.: Правда, 1990.
59. Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: роман: в 2 кн. Вильнюс: Вага, 1988.
60. Подорога В.А. Выражение и смысл: Ландшафтные миры философии. М.: Ad Marginem, 1995.

61. Рейснер М.А. Русский абсолютизм и европейская реакция. [СПб.]: Дело, 1906.
62. Свентицкая И.С. Раннее христианство: страницы истории. М.: Политиздат, 1988.
63. Солженицын А.И. В круге первом : в 2 т. М. Новый мир, 1990.
64. Соловьёв В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М.: Книга, 1990.
65. Сологуб Ф.К. Мелкий бес: роман, рассказы. М.: Правда, 1989.
66. Тынянов Ю.Н. Смерть Вазир-Мухтара. М.: Правда, 1984.
67. Фейнберг И.Л. Абрам Петрович Ганнибал и Пушкин. Наука, Главная редакция восточной лит-ры, 1983.
68. Фейнберг И.Л. Незавершённые работы Пушкина. М.: Современник, 1976.
69. Флоренский П.А. Избранные труды по искусству. М.: Изобразит. искусство, 1996.
70. Флоренский П.А. Строение слова // У водоразделов мысли. М., 2000. Т. 2, ч. 4, гл. 5. (Библиотека "Вехи").
71. Фуко М. Слова и вещи. СПб.: А-сад, 1994.
72. Хейдок А.П. Радуга чудес. Рига: Виеда, 1994.
73. Хейт А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие: дневники, воспоминания, письма А. Ахматовой: пер. с англ. — М.: Радуга, 1991.
74. Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М.: Современник, 1989.
75. Шаляпин Ф.И. Страницы из моей жизни. К.: Муз. Україна, 1987.
76. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., 1992.
77. Шершеневич В.Г. Великолепный очевидец: мемуары.
78. Шоу Б. Автобиографические заметки. М.: Радуга 1989.
79. Шпет Г.Г. Мудрость или разум // Мысль и слово. М., 1917; М. : Т-во Тип. А. И. Мамонтова, 1917. Т. 1. С. 1-69.
80. "Я лучшей доли не искал": Судьба А.Блока в письмах, дневниках, воспоминаниях. М.: Радуга, 1988.
81. Японские рассказы.
82. Концепт // Википедия. Режим доступа:
<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%82>.
83. Разное: С.Антонов. От первого лица; А.Ачаир; В.Перелешин; В.И.Вернадский. Из дневников; С.Воронин; Н.И.Воронина; М.Волошин; И.Ф.Анненский; М.Восленский; Б.П.Вышеславцев; Т.В.Гамкрелидзе; Е.Евтушенко; С.Зайцева; А.С.Изгоев; П.Калиновский; М.Каменская; Г.Кант. Остановка в пути; Л.Карсавин; А.Н.Кожин. Язык Н.В.Гоголя; В.Г.Короленко; Ю.Краснопевцев. Реквием; М.Кучерская; А.Ф.Лосев; П.Н.Милоков. Воспоминания; Ю.Нагибин; В.И.Немирович-Данченко; П.Новгородцев; Ф.Ницше. О пользе и вреде истории для жизни; М.В.Панов; А.М.Панченко; Н.И.Пуринкевич; М.Э.Поснов; А.А.Потебня; А.Ремизов; В.В.Розанов; А.Синявский; Дж.Стейнбек; Е.В.Тарле; С.Попов; Г.П.Федотов; Н.Ф.Фёдоров; Фома Кемпийский, С.Л.Франк; Ю.Трифонов; Р.Хайнлайн; Б.Хейзинга; С.Четвериков; З.Шаховская; А.Штейгер; А.Швейцер; Л.Шерток, Р.Соссюр; И.Шифаревич, О.Шпенглер. Закат Европы.

Часть вторая

Статистическое измерение контекстов слова

Сочетаемость "слова", или контексты, по моделям:

- S-P. Сказуемое: существительные, прилагательные, глаголы, причастия.
- aN. Определения к слову "слово" (прилагательные, местоимения).
- Nn2. **Слово** кого, чего, чьё? (слово Пушкина, слово поэта).
- nN2. Существительные, управляющие род. пад. (кто-что → слова).
- vN4. Глаголы, управляющие вин. пад. (что делать → слово).

Объём выборки – всего текстовых источников – 83 книги и произведения, их №№ перечисляются в конце данного Приложения. Далее после слов *г* – ранг, или число источников (первая цифра после слова), *f* – частота употребления (вторая цифра после слова). КСП (комплексный статистический показатель) – произведение $г \times f$. Отсутствие цифр после слова означает $r1, f1$. *F* – суммарная частота слов группы. *f* – средняя частота. Алфавитный список был скопирован, переформатирован и представлен здесь в рангово-частотном порядке, или варианте.

1

S-P. 4 части речи в роли сказуемых:

"слово" – что это? какое оно? что делает?

Существительные в роли сказуемых при подлежащем "слово". 145 слов из 83 текстов.

(Рангово-частотный список)

1. Группа употребительных существительных в роли сказуемых. 12 слов. $f=7-3$.

Слово "любовь" – лишь слово 7 7, символ/ы/ами (являются) 4 7, перевод/ы/ом (точным, было) 4 5, речь (духа, спасителя) 4 5, ложь 4 4, орудие/ем (было) 3 5, Бог/ом (было) 3 4, лозунг 1 4, вещь (драгоценная, упрямая) 3 3, дело/ом (было) 3 3, оружие 3 3, термином (является) 2 3.

2. Группа малоупотребительных существительных в роли сказуемых. 14 слов. $f=2$.

г=2, f=2: Выражение 2 2, звук, знак/ом (является), награда/ой (были), понятие, семя, серебро, сила, средство; **г=1, f=2:** запрет 1 2, карма, личность, политика, *prīncipium cognoscendi*.

3. *Группа существительных в роли сказуемых, встретившихся нам по разу. 119 слова. f=1.*

Абсурд, агитационика, антимония, античность, ареной (было), атом, болван, вариант, веление, верх, вопль (страдания), выхождение, гипербола, глагол (есть), графемой (является), действие, деланье, дерзостью (были), достижение, дух, заговор, заимствования, заклятие, законом (было), заявка, имя, история, источником (были), итог (объятий), квант, класс, ключ, количество, коммуна, комплиментом (были), корабль, мат, матерью (было), метафора, мир, миф, мольба, монстр, мошенники, насмешка, не воробей, не корень, носителем (является), обман, обозначение, общество, организм, остром (является), откровение, ощущение, перефразировка, плодом недоразумения (были), покров, положение, порука, посредник, потенциал, превосходение, предложение, представление, предчувствие, преобразование, преодоление, преувеличение, признание, призыв, приказы, прихоть, программа, продолжением (является), пустяк, путаница, разум, рационализм, результат (пожеланий), рекомендацией (было), ритм, Россия, ростки (нового), ругательство, рычаг (главный), самостоятельность, свобода, синонимом (было), смысл, собор, совесть (есть), совет, созвучие, сокращение, составляющая текста (элементарная), составная, *спецеедство*, стройка, суррогат, суть (дела), существо, сфера, сын, тайна, ток, троп, труп, удар, феномен, хамелены, характеристика, холера, храм – это тоже, Христос, целостность, чин, эквивалент, эрзац.

Приложения – 48 слов: слово-понятие 3 56, слово-образ 4 7, Бог-Слово (Логос) – 2 12, слово-термин 4 4, слово-лозунг 3 3, слово-мошенник 2 4, слово-программа 1 5, слово-символ 2 2, слово-реакция 1 3, слово-жест 1 2, слово-паразит 1 2, слово-стимул 1 2. **F=1:** голос-слово, Иисус-Слово, мушка-слово, речь-слово, род-слово, семя-слово, слово-амёба, слово-ассоциация, слово-видение, слово-враг, слово-девиз, слово-друг, слово-ерик, слово-загадка, слово-заместитель, слово-замечание, слово-зануда, слово-запах, слово-зародыш, слово-значок, слово-идея, слово-издёвка, слово-клич, слово-комплемент, слово-личность, слово-ложь, слово-междометие, слово-мысль, слово-ответ, слово-откровение, слово-решение, слово-соблазнитель, слово-тост, слово-феномен, слово-форма, слово-чемодан.

Слово как антологическое условие, Слово как Любовь, слова как музыка (были), слово как понятие, что яблочко. Слово = вода, = жизнь, = огонь.

Слова и вопли, слово и вещь, слово и завещание, слово и мифологема, слово и полуслово, слово и поучение, слово и предмет, слово и реальность, слово или название.

S-P (сказуемое "слово" при подлежащих-существительных и местоимениях). 78 слов.

Это (это есть, знаки, лишь слова, притворство, часть, я, это – слово солдатское) 15 31, вот 3 3, в начале (было) 1 5, не что иное, как (были) 2 2, нечто (есть, общее) 2 2, ; то, что; "автомобиль" 1 2, "босьяк" 1 2, "рахманный" 1 2, "тоска" 1 2, "алтарь", "Амузар", "Апокриф", "атом", "барабан", "бебень", "вдаль", "время", "да", "дельный", "демократия", "душа", "женщина", "жертвоприношение", "жизнь", "запев", "звучание", "излияние души", "итак", "ко-котки", "коллега", "кончается", "крашенные", "лётчик", "лиризм", "лирика", "Мессия", "моё", "направление", "не то", "Нева" не русское слово, "недоросль", "общежитие", "одушевляют", "осмысление", "пафос", "перспективы", "плоть", "полюбовница", "порок" и "добродетель" – слова; Раб – поганое слово; "поторчина", "сабантуй", "сочувствие", "спец", "страдание", "тае", "твоё", "товарищ", в них, в ходу (было), выше слова, говорящи, да будет, для каждого, единое целое, на память, надо, он (есть), они, оно (есть), ты, я.

Прилагательные в роли сказуемых при подлежащем "слово". 174 слова из 83 текстов.

1. Группа употребительных прилагательных – 16 слов. $f=23-3$.

Должно/ы (быть, быть понято, быть приложимы, заключать, звучать, значить, иметь, навести, находиться, обернуться, образовать гармонию, открыть, повторяться, сказать, сохраняться живым, стать, стоять, удивляться) 15 23, важно/ы/ое 7 11, известно/ы 6 7, нужно/ы 4 4, случайно/ы 4 4, слышно/ы 4 4, характерно/ы 3 5, необходимо/ы 3 4, примечательно/ы 3 4, знакомы/ые 3 3, таково/ы (были) 3 3; **r=2, f=3**: замечательны, новое/ым (было), понятно/ы, серьёзные, страшно.

2. Группа малоупотребительных прилагательных – 22 слова. $f=2$.

r=2, f=2: Близки (были), двусмысленно, дорого, дороже, интересны, невозможно/ы, неожиданны, неповторимы, непонятны, непривычное/ым (было), общи, понятнее/ей, роковое/ым (было), таинственно/ым (было чем-то); **r=1, f=2**: божественное, главное, знаменательны, непереводаемо, нехорошо, обидно, прекрасно, служебным (было).

3. Группа прилагательных-сказуемых, встретившихся нам по одному разу – 136 слов. $f=1$.

Авторитетно, антиномично, бедны, безгранично, бессильны, бессодержательным (было), бесценно, благонадёжнее, великое, великолепно, вернее, верны, взаимозаменяемы, взаимозаменяемы, возможно, вольное, выразительны, глубоко, гнило, готовы (были), грубы, долговечнее, домашнее, достаточны, достойны, достойные (ума), драгоценно, дружны, естественны, женское, загадочны, значительны, зыблемо, идиоматичны, излишне, каково, конвенциональны, конечно, конкретней, коряво, косноязычно, красиво, куда важнее, любимым (является), мертво, многозначительны, многозначны, многообразны, мужественно, не должно (превращаться), неточно, неблагозвучно,

невыносимы, негромко, недопустимо, незаконно, незаменимо, незыблемы, неизвестны, нейтральным (было), необъятно, необычны, неопределённо, непереносимо, неподвижно, неприменимо, непрозрачно, неразборчиво, несерьёзное, несносно, несправедливы, неясны, низкое, обоюдоостро, общеизвестные, обыденны, обязательны, однозвучны, однообразны, осиянно, отвратительно, относительны, парадоксальны, плодотворны, плохое, подвижным (будет), подвластно, подобно (было), подозрительны (были), позднейшее, покрепче, полно (значения), повесно (было), послушнее (было), похоже, праздно, привычное, пригодны, призрачны, пророческие, прочно, раздельно, раздражительны, различны, редким (было), родительны, ругательное, свежи (были), свободно, священны, скучное, содержательно, сознательно (было), сочувственные, справедливы, старомодны, такие, талантливо, тождественно, тяжеловато, тяжки, увесисто, удачно, уместнее, употребительны, условны, устойчиво, утвердительно, целесообразны, целомудренно, шаткое, эквивалентно, энергетическое, явно, ярки (были), ясно.

S-P (сказуемое-глагол) – 585 слов-глаголов в 83 текстах.

Рангово-частотный список глаголов в роли сказуемых при подлежащем "слово".

1. Группа глаголов-сказуемых высокой употребительности. 54 слова. f=105-7.

Есть (глагол) 42 91, звучат/ит/али/ло 31 105, имеет/ют/ло (в виду, запах, значение, инерцию, историю, отголосок, отношение, параллель, предмет, рождение, силу, смысл, три слоя, судьбу, цель) 32 78, становится/яется/ились/стало/и (активным, ареной, будничным, важными, выходом, девизом, защитниками, звуками, звучать, конкретнее, модным, названием, невыносимыми, обозначением, обращать внимание, обыкновенным, оружием, ощущаться, паролем, писаться, плотью, проводником, простонародным, расти, реальностью, серьёзными, синонимом, термином, формулой, фразой, ходовым, штампом, ясными) 30 59, означает/ют/ло/и 25 55, получает/ют/ило (вес, движение, значение, назначение, оправданье, прикрепление, применение, развитие, смысл, форму, функцию) 18 39, были 15 38, может/могут/ло/и (быть, вводить в заблуждение, иметь влияние, забыться, звучать, иметь значение, исчезнуть, нарушить, означать, осуществить, передаваться, переkreшиваться, погубить, помешать, появиться, применяться, сказать, сложиться, служить признаком, смениться, состояться, укрепить, уронить) 20 28, значат/ит/или/ло 15 25, употребляется/лось 14 26, остаётся/ются/лись/ось/останется (в памяти, в силе, верным, загадочным, многозначным, незнакомцами, неизменными, неслышанными) 14 17, существует/ют/ существовало/и, 9 24, обозначает/ют 8 21, принадлежит/ат/ло (к семье) 11 15, приобретает/ют/ приобрело/и (значение, переходность, смысл,

убедительность, характер, эпитет) 8 23, вызывает/ют/ло (ассоциации, недоумение, неуверенность, ответ, последствие, ужас, на размышления) 11 14, встречается/ются/лось/тились 8 19, вырывается/лись/вырвалось/ись 11 13, повторяются/лись/ось 10 14, появляется/ются/появились/ось 8 17, идёт/идут/шло/шли 8 16, живёт/ут/жило 6 20, вошли/о (в обиход, в оборот, в обычай) 7 16, кажется/казалось/ись (ложью, настоящими, обманом, пропагандой) 10 12, оказывается/оказались/ось (взаимозаменяемыми, завязью, порожними, пророческими) 9 11, является/ются (графемой, знаком, любимым, носителем, остовом, продолжением, символами, термином) 9 11, относится/ятся/ились (к работам) 9 10, выражает/ют/ли/ло/выразили (уважение, убеждение, тенденцию) 7 11, фигурирует/фигурировали/ будет фигурировать 7 11, возникает/ют/ли/ло (в уме) 6 11, приходит/ят/или/пришли/о 7 9, прозвучало/ли 6 9, стоят/яло/и (отдельно) 6 9, произносится/лось/ись 7 7, открывает/ют/ли/откроют (всё, мир) 6 8, стоит/ят/ило/и 5 9, говорят/ит/или/ило 6 7, действуют/овали 6 7, несёт/ут/ли (в мир, на себе, оттенок, с собой) 6 7, обретает/ют/обрело (власть, красочность, смысл, статус) 6 7, сорвались/ось 6 7, доносится/ятся/ились 5 8, применяется 2 20, переводится/ятся 5 7, проникает/ют/проникло (в мозг) 5 7, находится/ятся/ились/нашлись 4 8, годится/ятся/лось 4 7, требуют 3 9, утверждается/утвердилось 3 9, пошло 1 9, падают/пало (на) 3 7, пахнут 3 7. возвышается/силос 1 7, переживает/пережило (кризис) 1 7,

2. *Группа глаголов-сказуемых средней употребительности. 53 слова.*
f=6-4.

r=6, f=6: Подходит/ят, производят/или/произвели (впечатление, сенсацию), указывает/ют/ указало; **r=5, f=6:** исчезает/ют/исчезло/и, мелькает/ют/ло/мелькнули (в голове), раздаётся/ются/ валось/ись; **r=4, f=6:** воспринимается/ются/лись, переставало/перестают/ло/и (звучать, казаться), свидетельствуют; **r=3, f=6:** играет/ют (роль), начинает/ют (держаться, заволакиваться туманом, разглагольствовать, рычать), рождает/родило (свободу), следует (отнести, понимать) 2 6; упоминается 1 6, **r=5, f=5:** выступает/ют (как, на месте), заставляют/заставили/ло (задуматься), потеряют/ли/о (значение, обаяние, смысл); **r=4, f=5:** вспоминаются, высказывали/выскакивало, выходит/или/вышло (за пределы), заключает (в себе), носится/ились/ось/неслись, пишется/ писались/ось, теряет/ло (очертания, привлекательность, смысл, уважение), **r=3, f=5:** возвращается/ются/лись, образует/ют/образовало/и (мир), переходит/перешло, рождается/ются, соответствуют/овали (действительности, понятиям), уходит/ушло (корнями); **r=4, f=4:** обладает/ют/ли (блеском, способностью), определяет/ют/ло (разновидность, сущность), передавали/передаёт/ют (настроение, смысл), слышатся/алось/ись, совпадает/ют (с), содержат/ит (иронию, намёк, объяснение), создаёт/ют (атмосферу), суть (дух и жизнь, обвинение, понятие, пояснение);

r=3, f=4: висят/ело (в воздухе), всплывает/ют/ыли, гремят/ело, даёт/ли (видеть, воплощение, существование), значится/лось, предоставляется, служит/или (материалом, поощрением, эпитафией), сочетается/ются, считается/лось (священным); **r=2, f=4:** входит/ло, обрабатывается/лось, понадобится/лось, сыпались; **r=1, f=4:** бытует/овало, возмущало, сохраняет.

3. Группа малоупотребительных глаголов-сказуемых. 44 слова. f=3.

r=3, f=3: Будит/ят/или (представления), ведёт/ут (к умозаключениям), вспыхивают/ло, горит/ят/ели, даётся/ются/давалось, запомнились, лежит/али, меняет/ют (смысл и содержание), меняется/ются/лись (местами), напоминают, нравятся/ятся/илось, покажутся/показалось/ись (благородными, назойливо-дерзкими), показывает/ло/показало (силу), помогает/ли, понравилось, приводит/ило (к ссорам), приводятся, пригодится/ятся/илось, припоминаются/лись/припомнились, проходят/ило/прошло, светится/ятся/ились, связывает/ют/ли, сливаются/лось/слилось (с); **r=2, f=3:** вступает/ила (на порог, в связи), господствует, доходят/дошло, крутятся/ились, носит/ило (оттенок, характер), нуждается, образовалось/лись, подлежат (различению, устранению, этимологии), представляет/ют (собой), разошлось/и, создаются; **r=1, f=3:** вдохновляет/ло, воплощают (понятия), довлеет, опускается, подвергается/лись (унижениям, "утверждениям"), позволяет (показать), рассматривается, сложилось, снижаются, столкнулись.

4. Глаголы-сказуемые, встретившиеся по разу в двух текстах. 69 слов. f=2.

r=2, f=2: Бушует/ют, восходит (к Арарату), выдаёт (тайны), выделяют/лись, вылетает/ли, выполняет/ют (функцию), говорится/лись, держится, достигает/достигли, дышит/ат, забывается/забылись, закрывает/закрыло, замерло/замирали (на устах), занимает/ли (их), заслуживают (внимания), измельчало, летят/ели (мимо уха), обитают/ло, обманывает/ли, обнаруживают/или, обозначалось, обязывает/ли, оживали/ожило, оправдывают/лись, отвечает/ло, отделяется/отделилось, отражает/будут отражать (характер), передаётся, повергать/повергли (в смущение), подразумеваются/лось, подтверждают/подтвердили, понимаются, попадало/попало (в Европу), поразило/и, слышались, потрясли (мир), почиталось (священным), превращаются/превратятся (в музыку), предполагает, претворяется (в жизнь) 2 2, привилось (в Поволжье), принял/принимали (значение, образ), притягивает/ли, продолжают, происходит/произошло (от глагола), прорывались/прорвётся, противоречат, пугало/и, пытается (заглушить, снять), раскрывает/ют (характер), расплывалось/расплылось, растёт/росли, расходилось (с делом), сияет, соотносится/ятся, состарились, сохранилось, сталкиваются/лось, стирается/стёрлось, сшибает/сшибли, трактовалось/ись (по-разному), тревожат/ит, тянет (за собой), увлекало/увлекли, ударяет/будет

ударять (слух), улетучивается/улетучились, умирает/умерло, хочет/хотят (залезть, покоя).

Глаголы-сказуемые, встретившиеся по два раза в одном тексте. 27 слов. $r=1$, $f=2$.

Взыграло, войдёт, восстанавливается, дрожали, зазвучали, засияло, испортилось, истрепалось, лопается, немеет, отзовётся, подсвечивались, подчиняют/ило (себе), потребовало, поумнело, преобразается, пропадает/пропало, работало, решили (дело), рифмуется, сближалось/сблизились, сверкает, созидает, спорят, утрачивали/тило (силу), участвует, ходит/ило (без кавычек).

5. Глаголы-сказуемые, встретившиеся по одному разу. 338 слова. $r=1$, $f=1$.

Анализируется, бездействует, берётся, блещут, борются, бьют (родником), вводит (в заблуждение), вещает, взбунтовались, взрывают (друг друга), влекут (ассоциации), влетали, вливаются, вложились, воевало, возбуждало (смех), возвращают, воздействует (на организм), возносятся, волновали, воплотилось, ворочаются, воскресали, воспроизводятся, восхищает, вросло, встревожили, вторили, выбрасываются, выводило (из равновесия), выглядело, выдвигались, выделяло (предметы), выдержали, выпачкалось, выползают, вырастает, высекают, высказывается, высмеивает, выстреливали, вытекают, вянет, глаголет, гнетёт, группируются, делают (человека), дерзнуло (сойти), дерутся, добавляются, доставили (радость), достались, жаждет (применений), жгло (сердца), заблестело, загораживают (вход), задерживали (движение), заехали, зажглось, зажигает, зажило, заклинилось, заключаются, залегает, заложило (традицию), заменяет, заостряются, запали (в ум), запестрели, запечатлеваются, заронились, зарычали, засветилось, застревали, затёрты, затерялось, захватывает, заходило, зашипело, изничтожается, изобретается, имеется, имплицитно, исполнилось, исполняет, используется (в переносном смысле), испугали, истолковывались, исходит, ищет, касаются, кипят, компенсирует, кончаются, коснулись, круглиться, купались, куются, лезут, лишает (подвижности), лишаются (силы), ловилось, льют, льются, манило, миновало, множится, мстило, мучаются, навевали (ощущение), навредить, нагрянут, называются, намекали, нападает, наполняется, нарушает (табу), нарушаются, нарушило, находят (объяснение), начинались (на "п"), не встретит (ответа), не сходили (с языка), нисходит, обветшало, оберегаются, обернулись, обесмысливает, облегчает, облетело, обращает (внимание), обрубаются, обстоят, обходило, объявляет, объявляется, объясняет, оказывают (влияние), окрыляются, омертвело, оркеструется, орошало, освободилось, осинонимизировалось, осуществились, осыпали, отбивало (ритм), отбиваются, отдавалось (в голову), отказывает (в послушании), открываются, отличаются, отмерло, отображало, отпугивали, отрывается, от-

служит (век), отступят, оттеснило, оттеснялось, отяжелели, охватило (душу ужасом), оценивается, очаровывает, очистилось, ошарашили, ощущается, перекрывает, перемешали, переносится, переосмыслились, пересматривается, печаталось, плавали, пламенели, плачет, плещутся, повёртывается, погибнет, подведут, подвернётся, подводит, поддаётся, подействовали, подкрепляются, поднимается, поднимают, подошло, подсказывают, позволялись, позорит, поколебали (уверенность), покоряют, полиняло, положили, пользовалось (свободой), помнились, поразит, порешили (дело), поселило (беспокойство), последовало, посыпались, потерялись, поются, превращает, предлагается, предназначались, предопределяет, предстают, предшествовали, преображает (повседневность), претерпевают (перестройку), привлекались, привязалось, пригрезились, придаёт (движение), придумывались, придут, прижилось, призывается, приносят, присоединяется, пробились, провозглашают, провоняло, проглатываются, производится, произносит, прокатились, проплывало (в мозгу), прорастает, прорезываются, прорывает, просветили, просматривается, простирается (далеко), проступает, противопоставляется, радуется, разбиралось, разветвляются, развивает, развивалось, разворачивает, разглядывается, разлетелись, размалывают, разносилось, разоблачается, разовьётся, разрубает (судьбы), разрушит, разыгралось, ранили, распнётся, растаптывались, растеклось, расшифровываются, расщепляется, реализуется, реконструируется, родилось, роняется, сбиваются, сбывались, сгустятся, сделали, сделались (известны), сеется, сказывается, складывались, склонялись, сковывает, скрывает, скрывались, скучают, слетали, слиняло, слипались, смеются, сморщилось, смутило, смягчают (суд), совмещает (в себе), соединяется, сожмутся, сознаётся (как), сократятся, сопровождается (эпитетами), специализировалось, способствуют (обострению), срывает, стремились, сходятся, сыграло, творит, творятся, текут, терялись, тонули, топчутся (на месте), требуются, трещали, трогало, тянется, убеждают, увело, угаснут, ударялись, удержались, удовлетворяют, уйдёт, укладывались, укололи, укоренились, улавливаются, улыбается, умалчивались, умолкнул, унижаются, упало, употребляли, усиливается, успело, устарело, устояло, устраивали, устраняется, утешало, хлынули, цепляются, читалось, чувствуется, чует, шутовствуют, юродствуют, явило (отвлечённость), явило.

Причастия в роли сказуемых при подлежащем "слово". 119 слов из 83 текстов.

1. Группа относительно употребительных причастий-сказуемых – 18 слов. f=20-3.

Сказано (было)/ы 15 20, произнесено (будет, было)/ы 10 10, написано/ы 7 10, обращено/ы 7 8, взято/ы из 7 7, применимо/ы 7 7, употреблено 4 6, дано

4 4, понято/ы 4 4, представлено (может быть)/ы (по-разному) 3 4, найдено 3 3, подчеркнуто/ы 3 3, связано (с) 2 4, забыто 2 3, названо 2 3, передано/ы 2 3, произведено (от) 2 3, испорчено 1 4.

2. *Группа относительно малоупотребительных причастий-сказуемых – 23 слова. f=2.*

r=2, f=2: Брошено/ы, выбито/ы, вырвано/ы, заимствованы/ое, заменено, записаны, запрещено/ы, перетолкованы, подхвачено (могло быть), поставлено/ы (в ряд, рядом), предоставлено, приведены, создано/ы, услышаны, высечены 1 2; **r=1, f=2:** заключено, зачёркнуты, начертаны, обработано, обработано, отбито, разъяснено, сокращено.

1. *Группа причастий-сказуемых, встретившихся нам по одному разу, – 78 слов. f=1.*

f=1: взвешены, вложены (в уста), возведено, возведено, воплощено, вставлены, выброшено, выведены (были), выговорено, выделено, вылиняло, "вылущено", выписаны, "выпотрошено", высказаны, вычеркнуты, дискредитировано, завещано, загадано, запечатлены, зарегистрировано, заточено, захватано, зачислено, изгнаны, изображены, изобретены, изъяты, исполнены (иронии), использовано, истолкованы, касающиеся Сиона, лишено (смысла), нанизаны, напечатаны, настораживающие, обесчещено, обозначены (были), обречено, объединяющее, объявлено, объяснены, оставлено, отброшены, отданы, отнесены, отточено, переведены, переосмыслено, побеждено, подвержены (испытаниям), подписано, подсказаны, подтверждены (цитатой), позаимствованы, потеряны, призвано, приложимо, применено, приписаны, присуждены, пронизано, противопоставляющее, прочтены, пугающие (были), разделено, разоблачены, разработано, расположены, рассеяны, расставлены, рассчитаны, реабилитировано, собраны, соединено, стёртыми (были), устремлено, уточнено.

2

aN. Определения "слова" (прилагательные, местоимения, причастия, наречия). Всего 1287 слов.

Рангово-частотный список определений "слова" (5 групп).

1. *Группа самых употребительных определений. 121 слово. f=2645-10.*
это/и 76 1645, его 60 278, своё/и/ими 60 180, последнее/ие 51 166, такое/ие/ими 42 192, каждое 47 141, новое/ые 30 146, то/е/ем 40 97, всё/е/ех 34 97, другое/ие/ими 26 120, моё/его/и/их 35 72, её 33 72, иное/ые/ыми 27 77, русское/ие 22 88 само/и 20 52, первое 21 47, ваше/и/им 23 41, следующее/ие 18 50, иностранное/ые 14 63, Божие/Божье 16 50, простое/ые 20 38, большие 1 45, честное 17 44, живое/ые 17 42, всякое/ие 20 34, их 18 36, доброе/ые 19 31, какое/ие/ими 19 31, сказанное/ые 19 29, собственное/ые 17 32, чужое/ие

17 32, многие 12 43, хорошее 8 64, высокое/ие 8 57, самое/ё/ые 12 39, важное/ые 8 56, твоё/и/им 15 30, какое-то/ие 17 25, прекрасное/ые 14 30, ласковое/ые 16 25, наше/и 15 26, отдельные 15 26, страшное/ые 13 29, пустое/ые 15 25, грубое/ые 10 35, резкое/ие/ими 14 25, человеческое/ие 17 20, единое 15 22, старое/ые 5 64, великое/ие 13 24, странное/ые 12 22, нежное/ые 10 25, непонятное/ые 12 20, пушкинское/ие 11 19, точное/ые 9 23, первые 11 18, поэтическое/ие 9 22, нужное/ые 10 19, какое-нибудь/ие 11 17, заключительное/ые 12 15, некоторые 9 20, никакое/ие/их 12 13, красивое/ые 8 19, горькое/ие 10 15, умное/ые 8 18, французское/ие 7 20, подобное/ые 10 13, греческое 8 16, бранное/ые 7 17, данное/ые (мне) 11 11, лишние 10 12, известное/ые 8 15, произносимое/ые/ых 9 13, прямое/ые 4 25, древнее 7 15, громкое/ие 9 11, вещь/ее/ие 9 10, магическое/ое 9 10, острое/ые 9 10, подходящее 9 10, свободное 9 10, определённое/ые 8 11, художественное 8 11, гордое/ые 7 12, немецкое/ие 7 12, сильное/ые 6 14, божественное/ые 8 10, латинское/ие 8 10, мёртвое/ые 6 15, любимое 6 13, загадочное/ые 7 11, жалкое/ие 6 12, злое/ые 6 12, понятное 6 12, священное/ые 6 12, любое 7 10, необычное/ые 7 10, неосторожное 7 10, разное/ые 7 10, замечательное/ые 6 11, знаменитое/ые 6 11, немногие 6 11, знакомое 4 16, многозначное 4 16, строгое/ие 6 10, низкое 3 17, худое/ые 5 10, трудное 4 12, плохое 3 15, боевое 1 20, областное 1 16, народное/ые 3 14, крылатое 1 14, жаргонное 1 13, местное 1 13, важнейшее 1 12, нехорошее 4 11, огромное 1 11, ходовое 2 10, прекрасное 1 10.

2. Группа определений средней употребительности. 115 слов. f=9-5.

печатное/ые 9 9, единственные 8 9, тёплое/ые 8 9, удивительное/ые 8 9, пророческое/ие 7 9, ужасное/ые 7 9, настоящее/ие 6 9, похвальное 6 9, неприличное/ые 5 9, одно (и то же)/и/им 5 9, крепкое/ие 4 9, глупое/ые 3 9, деловое/ые 3 9, учёное/ые 3 9, испорченное 1 9, горячее/ие 8 8, подлинное/ые 8 8, суровое/ые 7 8, тихое/ие 7 8, английское 6 8, дерзкое/ие 6 8, жёсткое/ие 6 8, краткое/ие 6 8, ненужное/ые 6 8, приведённое/ые 6 8, свежее/ие 6 8, евангельское/ие 5 8, решающее 5 8, обычное 4 8, весёлое 3 8, обидное/ые 3 8, главное 2 8, ненавистное/ые 2 8, активное 1 8, исходное 1 8, произнесённое/ые 7 7, холодное/ые 7 7, короткое/ие 6 7, нелепое/ые 6 7, ясное/ые 6 7, верное/ые 5 7, начальные 5 7, неожиданное/ые 5 7, готовое (вырваться) 4 7, ответное 4 7, творческое 4 7, характерное/ые 4 7, архаическое 3 7, обиходное 2 7, профессиональное 2 7, полемическое 1 7; **r=6, f=6:** звучащее/ие/их, меткое/ие; **r=5, f=6:** второе, звучное/ые, матерное/ые, сие, смешное; **r=4, f=6:** звонкое/ие, интересное, мудрое/ые, незначительное/ые, родное; **r=3, f=6:** вступительное/ые, непечатное/ые, романтическое/ие; **r=2, f=6:** диалектное, дикое, литературное, служебное, чудесное; **r=1, f=6:** лицемерное, прозрачное; **r=5, f=5:** грозное/ые, ёмкое, лживые, мощное/ые, общее/ие, обыкновенное/ые, тайное/ые; **r=4, f=5:** возвышенное, воплощённое, грязное/ые, зачёркнутое/ые, лёгкое/ие, модное/ые, привычное/ые, просто

(слово), ругательное/ые, случайное, татарское/ие, ядовитое; **r=3, f=5**: вечное, грустное/ые, длинное/ые, ключевое/ые, незаменимое/ые, опасное/ые, санскритское, серьёзное, тяжёлое/ые, устное; **r=2, f=5**: военное, железное/ые, значащее/ие, остальные, современное, Христово/ы; **r=1, f=5**: бывалое, дорогое, комментирующее, наивное, научное, необыкновенное, птичье, удовлетворяющее.

3. Группа определений ниже средней частоты. 170 слов. f=4-3.

r=4, f=4: Выразительное/ые, гневное/ые, задушевное/ые, какое-либо, маленькое, надгробное, написанное/ые, невнятное, незнакомое/ые, неточное/ые, нецензурное/ые, оскорбительное/ые, потрясающее/ие, правдивое/ые, пышное/ые, таинственное, твёрдое/ые, техническое/ие, чьё/и; **r=3, f=4**: библейское/ие, вежливое/ые, голое/ые, дурное/ые, жгучее/ие, забытое/ые, искреннее/ие, историческое, льстивое/ые, неизвестное/ые, неразборчивое, неясное/ые, одни, остроумное/ ые, поразительное/ые, прозвучавшее/ие, российское, скромное, сомнительное/ые, справедливое/ые, старинное, торжественное/ые, уродливое; **r=2, f=4**: возможное/ые, конкретное, корявое, многозначительные, непристойное/ые, обоюдоострое, общеизвестное, письменное, приличное, производное, светлое, то или иное; **r=1, f=4**: временное, далёкое, драгоценное, коренные, ленинское, надоевшее, нелитературное, общепринятое, павшее, плодотворное, полное, самостоятельное; **r=3, f=3**: беспощадное/ые, бесстыдное/ые, восторженные, глубокое/ие, естественное, желанное/ые, заветное/ые, лестные, любезное/ые, милое, могучее/ие, насмешливое/ые, недоброе, непере译имое/ые, неудачное/ые, неуклюжее, огненное/ые, осторожное/ые, откровенное/ые, отрывочное/ые, пламенное/ые, пошлое/ые, право (слово), праздное/ые, приятное/ые, прозаическое/ие, решительное/ые, роковые, святое/ые, спокойное/ые, тёмное/ые, трагическое/ие, философское; **r=2, f=3**: автомобильное, армянское, бесплодное/ые, бесполезное, бессвязные, бессмысленное, бесцветные, будничное, буквальные, вводное, вольное, вульгарное, выстраданное/ ые, горьковское, детское, жестокое, злобные, изысканное, китайское, клейкое, книжное/ые, коллекционное, логическое, лучшее, любовное/ые, малоизвестное, малопонятное, негромкое/ие, нейтральные, несказанное/ые, неслыханное, особенное, особое, отборное/ые, отречённое/ые, отрывистое/ые, печальные, писаное, пристойные, проникновенные, расплывчатое, скользкое/ие, соответствующее, счастливое, укоризненные, чьи-то; **r=1, f=3**: грузинское, деревенское, дразнящее, невозможное, необходимое, несерьёзное, обманное, отчаянное, партийное, победившее, полузабытое, просторечное, прочные, рабочее, разговорное, самодельное, сложносокращённое, сниженное, соблазнительное, солдатское, специальное, талантливое, узкое, ходкое, щедринское.

4. Группа определений малой употребительности. 201 слов.

r=2, f=2: Авторское/ие, арамейское/ие, безнадежное/ые, безобразное/ые, бесстрашное/ые, благородное/ые, блестящие, близкие, блистательное, быстрое/ые, бытовое, веское, возмутительное, вызывающее, высшее/ие, гадкое, газетное/ые, гнусное, гоголевское/ие, десятое, дивное/ые, древнейшие, дружеское, жалобные, заготовленное/ые, заторные, запретное/ые, значительное/ые, извечное/ые, изобразительное/ые, иноязычное, ироническое, исковерканное/ые, казенные, каменные/ые, колючее, кощунственное/ые, красное, кровавое/ые, кроткое/ие, круглое/ые, крупное/ые, малосвязные, милые, мужественное/ые, напутственное, напыщенное/ые, настораживающее/ие, насыщенное/ые, небывалое/ые, неверное, негодующие, недосказанное/ые, незначащее/ие, необдуманное/ые, неподходящее, непривычное, непроизнесенное/ые, несвязные, неуважительное, неясственное/ые, образное, обрусевшие, общеславянское/ие, обыденное/ые, однозначное, одобрительное/ые, окончательное/ые, отвлеченное/ые, отличное, падшее, певучее, первоначальное/ые, персидское, петербургское/ие, площадные, повторяющееся, подслушанные, польское, понятое, популярное, по-русски (слова), последующее/ие, по-французски, превосходное/ые, приветливое/ые, примечательные, прощальное, пустозвонные, радостное/ые, разящее, рассматриваемое, редкое/ие, самоценное, сверкающее/ие, светящееся/ие, сердитые, скорбное, скупое, сладостное, сложенное/ые (прекрасно), содержательное, сознательное, сокращенное, составное/ые, спасительное/ые, стертые, страстное/ые, те (не), турецкое/ие, убедительное/ые, удачное, унижительное, услышанное, фальшивое/ые, хваленные, христианское, ценное/ые, членораздельное, язвительное/ые, яркое/ие.

r=1, f=2: базовое, бесчестное, великолепное, всемогущее, вспомогательное, гнилые, государственное, грубоватое, диковатое, древнерусское, древние, загнивающее, задышающееся, застенчивое, затянувшееся, захватанное, звукоподражательные, земные, злоупотребляемое, иноземное, интересующее, исполненное, крестьянское, куцее, ласкательное, любительское, многострадальное, модальное, напрасное, неблагозвучное, невыразимое, неизреченные, неисчерпанные, немое, необычайное, нестрогое, неудобное, неуместное, новейшее, обращенные к, общенародное, общерусское, однозвучное, однокоренные, опознавательное, определительное, опустившееся, орловские, освоенное, отверженные, отвратительное, отжившее, парадное, парящее, пережившее, перефразированные, подозрительное, полноценное, потенциальное, поясняющие, прелестное, привлекательное, простонародное, процитированные, разбираемое, революционное, родственное, своеобычные, скверные, тетушкино, трезвое, тривиальное, убийственное, украинское, употребительное, утонченные, физическое, целомудренное, церковнославянское, эсхатологическое.

5. Определения, встретившиеся по одному разу, - 680 слов. r=1, f=1.

Абсолютное, абстрактное, адекватное, аналогичное, антропоморфные, антропософское, апостольское, Аристотелевы, ассоциированные, башкирское, баюкающее, бедные, безбоязненное, безвольное, безжалостное, безжизненное, беззвучное, безликое, безмолвные, безобидное, безответственное, безразличные, безучастное, белорусское, бергмановское, беременное, бескрылое, бесплотное, беспокойное, беспризорные, бессильно-изысканные, бессловесное, бессмертные, бессодержательное, бесспорное, бесцельные, биржевое, благодарное, благодарственное, благодатное, благосклонное, блатные, бледное, блоковские, бобрыкинские, богатое, бодрящее, бойкие, босое, боцманское, братское, бредовые, брошенные, бунтовское, бурлацкие, валентиновские, введенные, вдохновенные, ведущее, весомые, ветхие, взаимообусловленные, взвешенные, взволнованное, взмывающее, вызывающие, визгливые, влажное, властное, влиятельные, внешнее, внутреннее, внушающее, внушённое, внушительное, внятные, возвратившиеся, волнуемое, воспринимаемые, воспринятое, восточное, враждебные, всепасающее, вслух, всплывшее, вставочное, вульгарно-социологические, вчерашнее, выветренные, выговоренное, выделенные, выигрышные, вылетевшее, вымысленные, выпотрошенное, выразимое, вырвавшееся, высказываемые, высокомерные, генеральские, генетические, гениальные, гераклитовское, герценовское, гибкое, гладкие, гнусно-лицемерные, головокружительные, голубое, горделивые, городское, Господне, греко-латинские, громадное, громовое, громогласные, громоздкие, гулкие, дальние, дальновидные, двойственное, дворянские, двуголосое, действительное, действовавшие, действующее, дельные, деревянные, державинские, дерзновенное, дерзостное, дешёвые, диалогизированное, дневное, добродушное, добросовестное, доверительные, доказующие, долетевшее, дописанные, досадные, достойные, древнегреческое, древнееврейское, дрожащее, дружелюбные, дряхлые, духовное, европейское, еретическое, есенинские, жаркие, женское, живописующее, животное, животрепещущее, жизненное, житейское, жуткое, забавное, загаданное, заграничное, задерживающее, заимствованное, закавыченные, заковыристые, залетевшее, залётное, заманчивое, замысловатые, занимающее (нас), заострённое, заповедное, запретительное, затаённое, затёртое, затрёпанное, заумное, заурадное, звенящее, здоровое, зиждательное, златоустое, зловещее, зловонное, злорадное, ивритское, избираемые, избранные, излишнее, измельчавшее, изошрённые, изречённое, изумительные, изящное, индийское, иноплеменные, интеллигентские, интимные, искажённое, искомое, искусное, искусственное, используемые, исправленные, истинное, итальянское, каббалистическое, камбронновские, канючащее, картинные, кипучие, кислые, классическое, кланчащие, книжно-приподнятые, коварные, колкое, конечное, контрастное, коротенькое, корыстное, костное, краденое, красивейшее, красноречивое, красочное, криводушные, кривые, кри-

тические, крысиное, курьёзнейшее, курьёзное, ладные, лаконичные, ласкающие, лепкое, лирические, лихие, личные, ловкое, ломаное, лукавое, Людмилины, людоедские, людские, малорусские, малоупотребительное, малые, мамыны, манящее, материнское, медлительные, медоточивое, метафизическое, милостивое, мимолётные, мирные, мировое, мирские, михельсоновские, мнимые, мокрые, молдаванское, молитвенное, молодые, мудреное, мусорные, мутные, мшистое, мыслимые, мягкие, на иврите (слово), набившие (оскомину), наблюдательные, надуманное, наземное, назойливо-дерзкое, найденное, наличные, напечатанное, наползающее, нарождающееся, нарушаемое, нарушенное, "натодельные", нахватанные, неадекватное, неблагоразумное, неважное, невероятные, невинные, невыговоренное, невыносимые, невысказанное, неделовые, недоговоренное, недорусское, незабываемые, незаконное, незаметное, незамысловатые, неизящное, неинтересное, неисполненное, неконтролируемое, неловкое, немногосзначное, многочисленные, неборимое, необходимейшие, необязательные, непреходные, неповторимые, неподатливое, непоправимые, непопулярное, непоэтическое, непраздничное, непредвиденное, непривлекательное, неприятные, непрозрачные, непроносное, непроросшие, нераздробимое, неразумное, несвойственное, несвязанное, неслужебное, несовершенные, несовместимые, несомненные, несообразные, неточно найденное, неубедительное, неудобосказуемые, неуловимое, неупотребительное, нечестивые, нечёткое, нижеследующее, никудышные, ничейные, нововведённое, новорождённое, новостряпанное, ночные, нудные, нужнейшие, обволакивающее, бежное, оберегаемое, бережное, обесцещенное, обличительное, обманувшее, обнажённые, обобщающее, ободрительное, обозначающее (инока), оболтававшееся, обоснованное, общелитературное, общечеловеческое, объединяющее, объяснимое, обыкновеннейшие, оглуплённое, одинаковые, единственное, оживлённое, оплаченное, опорное, опошленное, оправдавшееся, определяющее, опустошённое, опьяняющее, оригинальное, освящающие, осмеянное, основное, основывающиеся, осуждающие, отечественные, открытые, отмороженное, отполированное, отпавное, отрезные, отцовы, отчётливые, отчуждённое, официальное, оформленное, пантеистические, парадоксальное, парные, парчовое, пасквильное, пасмурные, патетическое, "пахнущие (вкусно)", первичные, передовое, перечёркнутые, персианское, печоринское, писательское, плавные, плещущее, по-английски, повернутые, повседневное, повторенное, поганое, погашенное, подлые, подменяющее, подмигивающее, подчёркнутое, позабытые, позднейшие, позорное, позорящее, покаянное, ползучее, полисемантическое, политическое, полноправное, полные, полунощное, полутатарские, по-малороссийски, понравившееся, послушные, посторонние, постыдные, потерянные, по-турецки, потусторонние, поучительное, похабное, похожее, почётное, поч-

тительное, пояснительные, правильное, предвечное, предлагаемые, предметное, предостерегающие, предосудительное, предпоследнее, предсмертные, предстоящее, презрительное, преобразованное, прерусское, пречистое, приблизительное, приводившиеся, привычно-драгоценные, придуманное, приемлемое, признательные, приказанные, принятое, природное, присутствующие, провинциальные, прокурорское, проникновеннейшие, пронизательное, проносное, прорицательное, простейшие, простенькое, простодушное, противное, противоположенные, противоречивое, протяжные, профетическое, прочие, прошлогодние, прошлые, прустовские, *прямиковые*, псковское, публицистическое, пугающие, путное, пятое, пьяные, работающее, равноценное, разбежавшиеся, различные, размахнувшиеся, разнокоренные, разнонаправленное, разошедшиеся, разработанное, разумное, расчётливо-злое, ревнивое, резонные, родовое, родовспомогательное, ручное, сакраментальное, салонное, самовитое, самокритикующее, сбивчивое, сближающие, сверхчувственное, светоносное, свирепое, своеобразные, связанные, сдобные, сегодняшнее, серые, сжатое, сибирское, символическое, сияющие, сказочные, сквозные, скорректированное, скучное, славные, слепящее, словарное, сложное, сложносоставные, слышанное, слышимое, смелое, смиренные, смутившие, снобистское, соблазняющее, соборное, собранные, "советное", советское, сокровенное, сокрушающее, солнечное, соловьёвское, сорное, сосредоточенное, софистическое, сочинённые, союзное, спасительные, спекшиеся, специальное, способные, старомодные, старостины, строптивые, "судейское", судорожные, сухое, существенные, существовавшее, существующее, сырые, тверское, текущее, телескопическое, теперешнее, терминированные, тогдашние, томные, тонкое, топорщащиеся, торопливые, традиционно-витийственные, традиционное, траурное, тревожные, трогательные, тупое, тюркское, убеждающее, увековеченное, увесистое, увещающее, угрюмые, удушенное, ужаснейшее, узбекское, узнанное, укоренившиеся, улично-обычное, умалчиваемые, уместные, умоляющее, унижаемое, унижающее, уничтожающие, унылое, употреблённое, употребляемое, условные, успокоительные, устаревшие, утомительное, участвующие, участливое, уютное, финальные, формальное, Фрейдовские, ханжеское, хвалебное, хитрое, хлёсткие, хмыкающие, ходульные, ходячее, хозяиновы, холодноватые, хрупкие, хрустальные, хулиганское, царское, царственное, цветистое, целительное, целые, цельное, церковное, циничные, цитатное, цитированные, цитируемые, цыганское, чародейные, чарующее, чеканное, человечье, чемоданное, четвёртое, чёткое, чистейшие, чистые, чрезвычайное, чувствительные, чудовищное, чужеродное, чужестранные, чьё-нибудь, шаблонные, шахтёрское, швандевские, шекспировские, шелестящее, шероховатые, шикарное, шипящее, широкое, шумное,

Шурочкины, шутовое, щегольское, щедрое, эдакое, экстатическое, эlegantное, эпические, эффектное, японское.

3

Nn2 Слово (кого-чего? чьё?) – генетивы (слово Пушкина, поэта). Всего 689 слов.

Рангово-частотный список собственных имён.

1. Группа относительно употребительных генетивов – 34 слова.

Пушкина 13 85, Иисуса (Назарянина, Христа) 9 39, Христа 5 17, Павла (св.) 8 11, Горького 8 9, Писания 6 9, Белинского В.Г. 6 7, Гоголя 6 7, Платона 5 7, Вяземского (П.А.) 5 5, Ахматовой 1 8, Евангелия 4 5, Сократа 4 4, Баратынского Е. 3 4, Ленина 2 5, Пруста 7, Александра (Первого) 3 3, Блока 3 3, Ломоносова 3 3, Некрасова 3 3, России 2 4, Тургенева 3 3, Бога 2 3, Даниила Заточника 1 4, Есенина 2 3, Исая/Исаии 2 3, Карамзина 2 3, Одоевского 2 3, Параша 1 4, Паскаля 2 3, Рылеева 2 3, Сальери 2 3, Вожака 1 3, Якова 1 3.

2. Группа генетивов, встретившихся нам по два раза, 43 слова.

r=2, f=2: Аполлона Григорьева, Благого Д.Д., Блаженного Августина, Будды, Васильчикова, Гераклита, Герцена, Грибоедова, Державина, Ермолова, Строганова (купца), Льва Толстого, Марии, Розанова В.В., Священного Писания, Соловьёва Вл., Спасителя, Спинозы, Сталина, Томского, Тютчева, Цицерона, Чаадаева, Юлия Цезаря.

r=1, f=2: Агни-Йоги, Александра Бестужева, Бейля, Блюхера (маршала), Завета (Нового), Ибсена, Игнатия, Иоанна, Канта, Маркса, Маяковского, Михайловского, Позы, Пущина, Стародума, Стендаля, Татьяны, Фёдора Тютчева, Щедрина.

3. Группа генетивов, встретившихся нам по одному разу, – 276

слов.

Аверинцева С.С., Айтматова, Акима Андреевича, Александра Блока, Александра Одоевского, Александра Тургенева, Алексея Григорьевича, Алексея, Альбертины, Анаксагора, Анаксимандра, Анаксимена, Андрея Шенье, Анненкова, Анны Ахматовой, Анри Барбюса, Антисфена, Антифонта, Анулова (товарища), Апокалипсиса, Аристотеля, Аркадия, Арсеньева, Астафьева, Базарова, Бальзака, Бейля-Стендаля, Белого, Бенджамина Франклина, Бенедикта Сорнова, Бенигсена, Бенкендорфа, Бердяева, Бертрана, Бианти, Блатской Е.П., Блюхера, Бориса Зайцева, Бориса Пастернака, Боцмана, Брессона, Бруссе, Брюллова, Булганина, Бульдога, Вейера Про, Вейсхаупта, Великого Инквизитора, Византии, Владимира, Воеводы, Вознесенского, Волконской, Всетворца, Гаврилы Пушкина, Гамлета, Ганнибала, Гейне, Тимашёва (генерала), Генца, Гесиода, Гильберта Честертона, Глеба, Голицына,

Голохвастова, Гомера, Горация, Городничего, Господа, Готтлоба Фреге, Григория, Гринёва, Гумбольдта, Гумилёва, Данзаса, Данте, Дантеса, де Местра, Декарта, Джамухи, Дионисия, Дмитриева, Дмитрия Николаевича, Дон Карлоса, Дон-Хуана, Донцова, Достоевского, Дугласа, Паши (дяди), Евгении, Евгения Онегина, Евсеича, Жанлис, Жирмунского В., Жуковского, Зака, Заратустры, Ивана Карамазова, Ивана, Измаила, Григория (инока), Иовского А.А., Кана Р., Кандида, Капниста А.В., Каразина В.Н., Карпа, Катона, Киреевского, Кирика, Кириленко Р., Кириллова, Долгорукой (княгини), Князева, Койсарова, Комаровского, Корфа, Котты, Крестителя, Крупова (доктора), Кулешова В., Куницына, Куприна, Селивана (кучера), Куэ, Кювье, Лаврентия Петровича, Лева-Мейера, Брэкнер (леди), Куинсберри (леди), Лейбница, Лемонте, Леопольда Стаффа, Лермонтова, Лескова, Лидии Александровны, Липранди, Логоса, Лунина, Лупоярова, Любови Дмитриевны, Лютера М., Майтрейи, Макара Девушкина, Малиновского, Мандельштам Н.Я., Мандельштама, Манилова, Манна Т., Матрёши, Махатмы, Мелла, Мерзлякова А.Ф., Мериме, Милорадовича, Михаила Юзефовича, Моисея, Моне, Муравьёва-Апостола, Мюссе, Надежды Васильевны, Наливайки, Нащокина, Неккера, Неклюева, Ник. Кузанского, Николая Тургенева, Нильса Бора, Ницше, Нового Завета, Новой жизни", Нолле Н.А., Огарёва, Ольги Берггольц, Онегина, Орлова М., Островского А.Н., П.В.Н., Павла Ивановича, Памвы, Панаева, Парменида, Передонова, Пестеля, Петра Каховского, Петра 1, Петровского Дм., Платонова, Плетнёва П.А., Плиния Младшего, Плутарха, Помпея, Поприщина (гоголевского), Послания, Потёмкина А., Матюшкина (поэта), Правдина, Простаковой, Псалмопевца, Радищева, Раевского, Расплюева, Ремизова, Рериха, Рильке, Россет А.О., Рубина, Рябца, С. – Петербургских Ведомостей, Самозванца, Самсона, Саши, Святого Франциска, Сенеки, Сергея Боброва, Сергия, "Сеятеля", Симоны, Синявского, Скалозуба, "Слова", Смирновой А.О., Соловьёва С.Н., Сологдина, Сологдиной, Солъери, Спенсера, Ставрогина, Степана Шаумяна, Стива, Строганова, Суворова, Сурикова, Тайной вечера, Твардовского, Тейяра де Шардена, Тертуллиана, Толстого, Трубецкого С., Турати, Уайльда, Уилера, Устрялова, Фалеса, Фёдора (слуги Кричинского), Федотова, Филарета, Филиппа, Филона, Фирса, Хайдеггера, Хаиса Боланда (слависта), Хариессы, Химеры, Хлебникова, Челлини, Чернышевского, Чехова, Шаховского А., Шванди, Шертока Л., Шестова Л., Шкловского, Штокмана (доктора), Шульги, Шуткиных, Энгельгардта Е.А., Энгельса, Эпикура, Эроса, Юлии, Юрия Олеши, Якушкина И.Д., Яницкого О.Н., Ясперса, Яшина.

Рангово-частотный список нарицательных имён-генетивов (слово кого-чего?)

1. Группа относительно частых имён существительных – 22 слово.

Поэта 19 37, языка (иностранный, обыденный, других, родного и неродного, своего) 12 37, апостола (Иоанна, Павла) 8 12, песни/песен 8 12, писателя 8 11, молитвы 7 8, группы 3 16, современников 4 9, автора (псалмов) 5 7, любви 5 7, философа (древнеримского) 5 7, благодарности 6 6, старика 5 6, революции 2 6, людей (глупых) 1 6, брата 5 5, доктора 4 5, правды 4 5, утешения 4 5, друга/друзей 3 5, происхождения (иностранный) 2 5, отца 1 5.

2. Группа среднечастотных имён существительных – 32 слова.

Героини 4 4, историка 4 4, книги (Малахии) 4 4, князя (великого) 4 4, учителя 4 4, человека 4 4, героя 3 4, мира 3 4, поэзии 3 4, мудрости 2 4, няни 2 4, товарища 2 4, жизни 3 3, истины 3 3, откровения 3 3, отчаяния 3 3, поэмы 3 3, пророка 3 3, разговора 3 3, речи 3 3, стиха 3 3, декабриста 2 3, иностранца 2 3, команды 2 3, ласки 2 3, песенки 2 3, сожаления 2 3, стихотворения 2 3, художника 2 3, юноши 2 3, противника 1 3, эпохи 1 3.

3. Группа имён существительных – генетивов, встретившихся нам по два раза – 60 слов.

r=2, f=2 (43 слова): биографа, выражения (воли), гимна, гнева (пророческого), государя, дворянина, девушки, женщины (безумной), знатока, колдуна, купца (Строганова), леди (Брэкнер, Куинсберри), лжи, майора, мемуариста, митрополита, мужика, мятежников, ораторов, осуждения, очевидца, персонажа, племени (российского), пошлости, привет, признания, приятеля, произведения, проститутки, профессора, прощанья, раскаяния, Рассела, рода (мужского, разного), романса, сиятельства (вашего), словаря, соболезнования, старца, статьи, учёного, царя, черни.

r=2, f=2 (17 слов): актёра, горничной, души, жаргона, книгопродавца, любезности, маршала Блюхера, матери, нянюшки, попа, просветителей, прошлого, священника, солдата, спасителя, старосты, сподвижников.

4. Группа генетивов, встретившихся нам по одному разу, – 222 слова.

r=1, f=1.

Авторитета, агитации, адвокатов, адъютанта (Кочергина), архимандрита, бабки, башкирцев, безнадёжности, безумия, биографии, божества, болезни, века (IX в.), вельможи, верности, верхушки, ветра, взгляда, владыки, возраста (различного), возчиков, войны, воспитателя, восторга, восточного происхождения, восхищения, врачей-заклинателей, встреч, газетчиков, газеты, гармоний, генерала (Тимошёва), глоссолалии, глупца, говорящего, года (1834 года), горечи, гостя, грамоты, гречанки, девы, демократов, демона, дипломатии, дипломатов, драмы, других, дяди (Паши), евангелиста, единомышленников, епископа, жалости, жандарма, живописцев, закона, занимающихся (землеописанием), записки, защиты, звучания (металлического), злорадства, знания, знахарей, извинения, изумления, императора, императрицы, инока (Григория), искусства, истории, иудеев, кавалергарда, княгини (Долгорукой), комедии, критицизма, круга, кузнеца, кучера (Сели-

вана), лексики (так называемой), летописи, литераторов, лиц (действующих), лицейского устава, личности, логика, логики, любимой, масштаба (огромного), математика, медика, мужа, мысли, мыслителя, надежды, надзирателя, направления, наречия, народа, науки, начальника, начальства, недовольства, недоумения, некоторых, ненависти, необходимости, нищих, обвинения, обличения, ободрения, общения, объявления, огня, одного (из вождей), одноклассника, одобрения, определения, оптимиста, освобождения, освящения, отпущения, отрывка, памяти, памятника, партнёра, перестройки, песнетворца, писательства, письма, племянника, повести, подружек, подсудимого, полемики, полиции, полковника, порицания, посвящения, посла, посланника, похвал, праведника, превосходительства, предка (Пушкина), предложения, предсказательницы, преследователей, приказов, примирения, присутствующих, присяги, проекта, пророчества, протеста, псалмопевца, психиатра, психолога, путешественника, пьес, раздражения, разума, рассказчика, ребёнка, религии (любви), рецензента, родственников, г. (Розанова), рукописи, самозлорадства, свидетелей, свидетельства, священнослужителя, секретаря, сестрицы, симпатии, слависта (Хаиса Боланда), славянофилов, слуги (Кричинского Фёдора), смирения, сна, согласия, солагерницы, соседа, специалистов, старухи, сторожа, страсти, строки (первой), суфрагана, сына, сыщика, театрала, текста, тётушки; тех, которые хотя́т очернить Солона; техники (революционной), тишины, толстяка, угроз, ужаса, укоризны, улицы, упрёка, утети, учения, философии, философствования, француза, фрейлины, футуристов, христианства, царицы, цензора, цивилизации, цикла, цитаты, частушек, чиновника, чтеца, чувств (своих), шефа, эстетики, этажа (верхнего).

4

nN2 Существительные, управляющие род. пад. Всего – 589 слов.

Что (смысл, значение) слова.

1. Группа высоко употребительных существительных – 29 слов. $f=388-10$.

Смысл 58 388, значения 33 155, свобода 15 24, сила 11 27, сочетания 9 32, употребление 12 21, искусство 10 24, применение 3 60, форма 9 21, выбор 9 20, игра 12 15, звук 9 15, мир 9 12, художник 5 19, музыка 8 11, толкователь 6 13, содержание 7 10, история 3 20, звучание 5 12, любитель 5 12, исполнение 3 17, превращение 2 19, утверждение 1 16, алхимия 1 13, семема 1 12, путь 1 10, группа 4 10, жизнь 4 10, перевод 4 10.

2. Группа среднечастотных существительных – 54 слов. $f=9-4$.

поток 7 9, понимание 5 9, произнесение 8 8, дар 7 8, повторение 7 8, душа 5 8, анализ 3 8, запас 6 7, магия 5 7, мастер 5 7, поиск 5 7, корень 4 7, этимология

4 7, судьба 1 9, развитие 2 8, культ 2 7, происхождение 4 6, ряд 3 6, расстановка 1 6, использование 5 5, красота 5 5, набор 5 5, появление 5 5, власть 4 5, подбор 4 5, подтверждение 4 5, предмет 4 5, буквы 3 5, значимость 3 5, муки 3 5, написание 3 5, обилие 3 5, природа 3 5, образ 2 5, возвышение 1 5, рассмотрение 1 5, сокращение 1 5, спор 1 5, строение 1 5, тысяча 1 5, синоним 4 4, часть 4 4, восприятие 3 4, замена 3 4, правота 3 4, преобразование 3 4, связь 3 4, многозначность 2 4, переосмысление 2 4, обработка 1 4, синонимизация 1 4, словарь 1 4, смерть 1 4, снижение 1 4, фонема 1 4.

3. Группа существительных, встретившихся по три раза, – 41 слово.

r=3, f=3 (22 слова): Верность, влияние, возможность, волшебник, выразительность, гармония, запись, истина, истинность, море, мощь, мудрость, область, осмысление, отождествление, передача, порядок, признак, ревнители, семья, чувство, язык.

r=2, f=3 (10 слов): Бессилие, место, основа, пояснение, разложение, соединение, создание, сторона, тайна, функция.

r=1, f=3 (9 слов): видение, возвращение, губители, диалог, драма, падение, переживание, разглядывание, фехтование.

4. Группа существительных, встретившихся по два раза, – 82 слова.

r=2, f=2. 50 слов. Блеск, борьба, весомость, возвышенность, воздействие, воплощение, действие, доказательство, дух, единство, заменитель, известность, изобретение, интонация, кружево, материя, мелодия, множество, могущество, назначение, начало, одежда, отношение, оттенок, плетение, плоть, понятие, правда, простота, растягивание, род, рождение, свойство, совокупность, совпадение, созвучие, сопоставление, список, сплетение, справедливость, суть, схема, сцепление, тон, уровень, хранение, цена, ценитель, этика, яд.

r=1, f=2. 32 слова: автор, биография, встреча, горстка, истоки, количество, костяк, мистика, нанесение, обламывание, окончание, ореол, пара, перенос, поворот, познание, презентация, разоблачение, разработка, расщепление, роль, рубка, сопряжение, сочетаемость, специфика, столкновение, сумятица, творчество, театр, узнавание, уточнение, широта.

5. Группа существительных, встретившихся по одному разу, – 383 слова.

f=1. Аббревиатура, автобиографичность, активность, аллегория, алхимик, армия, аромат, ассоциации, аффекция, бедность, бесконечность, беспощадность, бессмертие, бестактность, богатство, боль, боязнь, бракосочетание, бытие (чего-то), важность, вариант, введение, ввод, величие, взаимоотношение, взвод, вид, винегрет, включение, властитель, влияние (под), внедрение, внешность, вникание в, возвеличивание, возникновение, воля, "впадения", вселенная, въедливость, вывод, выворачивание, выкрикивание, вымирание, выписка, выписывание, выпуск, вязь, глас, глубина, говорение, град,

гром, грубость, группировка, действенность, дерево, десяток, деятельность, джунгли, диалектичность, диалоги-споры, динамика, дисгармония, дно, доказательство (в), долговечность, дом, достоверность, достоинство, доступность, древности, ёмкость, естественность, жало, желчь, живописание, жиж, жизнеописание, заинтересованность, заклинатели, закон, закрепление, запечатление, запрещение, зарево, зарождение, заслон, засорённость, зверинец, знак, знакомство, знание, знаток, зрелость, зубрёжка, игнорирование, избирательность, "извитие словес", излишек, изменение, изменчивость, изъяснение, иконопись, импульс, имя, институт, исследование, истолкование, источник, исчезновение, календарь, калибры, категория, клетот, книга, кодекс, кокетство, коллекция, колыбель, конец, конструкция, контекст, королевство, красивость, лёгкость, лепкость, литературность, литургия, лучезарность, люди, мания, мартиролог, материал, мать, мелодичность, мелькание, меткость, микрокосм, мистерии, многотональность, модификация, мозаика, момент, морфема, музыканты, напозание, напор, нарушение, находка, неартикулированность, невыверенность, недостаток, недостаточность, недра, нежность, незаменяемость, "незастенчивость", ненадёжность, необходимость, непонимание, несоответствие, несправедливость, носитель, нутро, обаяние, обладание, облака, облачение, обнажение, обновление, обоготворение, оболочка, образование, образцы, обретение, обрывки, обсуждение, объём, обыгрывание, оживление, ожидание, озвучивка, окончательность, окраска, окружение, оперирование, определение, опровержение, орган, оригинальность, оружие, освежение, освобождение, освоение, оскорбление, основание, острие, отбивание, отбор, отделение, откровенность, отрывок, отсутствие, охранитель, очарование, ощущение, паз, палач, памятник, память, параллелизм, переворачивание, передвижение, переложение, перестановка, персонаж, писатели, плевки, плечи, поверхность, поединок, полдюжины, половина, полтора (десятка), пользование, помощь, понятность, порог, портрет, посредством, поступок, потенциал, похождения, поэзия, поэт, поэтичность, правильность, предтеча, прелесть, преобладание, прибавление, приведение, придумывание, признание, прозрачность, приключения, прикосновение, прилив, присвоение, проблема, продолжение, произведение, производство, произношение, прослушивание, пространство, противник, противопоставление, противоречие, профанация, прочность, пышность, рабы, радуга, разбор, раздробление, разъяснение, раскрытие, расположение, распространение, расторможение, расшифровка, регистр, режим, ресурсы, рисунок, родственники, родство, рой, россыпь, рыцарь, самоуверенность, самум, сближение, сборник, свидание, свидетели, своеобразие, святость, семантика, семя, серия, сеть, синонимика, система, скоропись, скрещение, скудность, скульптура, скульптурность, скупость, сладострастие, слог, сложение, служба, собиратель, соблюдение, собрание, соверши-

мость, сознание, соитие, соломинка, соответствие, соседство, сотня, сочинитель, спекулянты, специалист, способность, сравнение, средоточие, станок, строй, структура, струя, субъект, сущность, схватки, сходство, счастье, сшивка, таблица, творец, тело, теория, теософ, тепло, теплота, терминология, тирания, тишина, толкание, точность, треск, труженик, трупы, туалет, туча, тщета, убийство, уникальность, уравниения, успех, "уценка", фабрика, фабриканты, фейерверк, фикция, фонтан, характер, характеристика, хозяйева, холодность, цепочка, цепь, частота, чаша, чеканка, человек, черта, число, чистоплюйство, чтение, шелест, шептание, шорох, шум, щит, элемент, энергия, эпиграф, ядро.

Количество: Одно 60 262, несколько 51 139, два 32 72, три 16 25, много 7 8, десятков/десятки 4 4, оба 2 5, сколько 2 3, немного 2 2, пара 2 2, четыре 2 2, тысяча 2 2, двадцать тысяч, двадцать, десять тысяч, миллион, немало, одни (лишь, только), полсотни, пять тысяч, пять, столько.

5

vN4. Переходные глаголы в словосочетаниях с дополнением "слово" – 472 слова.

Рангово-частотный список глаголов, управляющих формой "слово".

1. Группа переходных глаголов высокой употребительности – 40 слов. f=215-10.

Сказать/сказывать 56 215, произносить/произнести 49 123, говорить 36 106, повторять/ить 35 75, употреблять/ить 28 78, понимать/понять 31 62, давать/дать 29 66, находить/найти 27 54, слышать 28 52, вспоминать/вспомнить 25 51, приводить/привести 22 30, услышать 21 31, знать 18 34, написать 19 30, взять (назад, обратно) 21 27, выговаривать/выговорить 16 26, заменять/ить 15 25, сдержать 16 21, писать/написать 13 25, бросать/ить (на ветер) 15 18, применять/ить 7 37, помнить 14 19, принимать/принять (на свой счёт) 12 20, передавать/передать 14 17, читать 13 17, переводить/перевести 9 23, слушать 9 19, подбирать/подобрать 11 15, поднимать/поднять (на смех) 2 14, разбирать/разобрать 12 12, любить 7 20, брать/взять (назад, эпиграфом) 9 15, записывать/сать 9 13, искать 8 12, использовать 8 10, ловить 7 11, воспринимать 6 11, исполнять/ить 6 11, встретить 7 10, вводить/ввести 6 10.

2. Группа переходных глаголов средней частоты (употребительности) – 50 слов. f=9-5.

Забывать/забыть 9 9, иметь 9 9, растягивать 7 9, оставлять/оставить 6 9, выбирать/ выбрать 4 9, утверждать/утвердить 1 9, держать 8 8, вымолвить 7 8, подтверждать/подтвердить 7 8, бормотать 6 8, называть/назвать 6 8, напоминать/напомнить 6 8, шептать/шепнуть 5 8, зачёркивать/зачеркнуть 4 8,

отдавать/отдать 1 8, вкладывать/вложить (в уста) 6 7, кричать/крикнуть 5 7, помянуть 6 6, придумывать/придумать 5 6, промолвить 5 6, прощать/ простить 5 6, считать 5 6, выкидывать/выкинуть 4 6, добавлять/ добавить 4 6, относить/ отнести 4 6, подхватывать/ подхватить 4 6, подчёркивать/подчеркнуть 4 6, поставить 4 6, сохранять/сохранить 3 6, выписывать/выписать 5 5, вычёркивать/вычеркнуть 5 5, запомнить 5 5, менять 5 5, пересказывать/ пересказать 5 5, проронить 5 5, прочитать/прочесть 5 5, рассматривать/рассмотреть 5 5. слышать 5 5, выдумывать/выдумать 4 5, вызывать 4 5, замолвить 4 5, истолковывать/истолковать 4 5, коверкать 4 5, объяснять/объяснить 4 5, петь 4 5, припоминать/припомнить 4 5, пускать/пустить 3 5, готовить 1 5, запрещать/запретить 1 5.

3. *Группа переходных глаголов средней употребительности – 59 слов.* f=4-3.

r=4, f=4 (9 слов): Выводить/вывести 4 4, выносить, вырывать/вырвать, заглушать/заглушить, нести, подыскивать/подыскать, предоставлять/ предоставить, сопровождать, цитировать. **r=3, f=4** (8 слов): Выдвигать/выдвинуть 3 4, высказать, делать, изучать/ить (словеса), нарушать/ить, превращать/превратить, прибавить, разъяснять/ить. **r=2, f=4** (6 слов): Означать 2 4, перевирать, предлагать/предложить, сделать, склонять, содержать. **r=1, f=4** (4 слова): возвышать 1 4, восстанавливать/восстановить, защищать, присвоить. **r=3, f=3** (21 слово): Взвешивать/взвесить 3 3, вставлять/вставить, выполнять/ить, кончать/ить, молвить, ненавидеть, обращать, отбирать/отобрать, послать, проверять/ить, проговаривать/проговорить, производить/произвести, пропустить, связывать, сопоставлять/сопоставить, составлять, ставить, удерживать/удержать, упомянуть, услышать, ценить. **r=2, f=3** (7 слов): включать/ить 2 3, заключать/ить (в кавычки), замечать/ заметить, заставлять/заставить, объявлять/объявить, попросить, сыпать. **r=1, f=3** (4 слова): ждать 1 3, отвергать, снижать, уточнять/ить.

4. *Группа переходных глаголов, встретившихся по два раза, – 67 слов.* **r=2, f=2** (46 слов): Верить 2 2, видеть, возвещать, воплощать/воплотить, выбрасывать/ выбросить, выделять/выделить, выкрикивать, выслушать, выстраивать, вытаскивать/вытащить, кидать/кинуть, лишать, ломать, модернизировать, наполнять/ить, нащёпывать, обдумывать/обдумать, оправдать, освободить, останавливать/остановить, отмечать, отчеканивать, перефразировать, подавать, помещать, потребовать, пояснять/ить, призывать/ призвать, проглатывать/проглотить, проклинать, процитировать, различать, разложить, расслышать, соединять, создавать/создать, сообщать, соотносить/соотнести, списывать/списать, схватывать, твердить, толковать, трактовать, угадать, улавливать/уловить, хранить.

r=1, f=2 (21 слово): Анализировать 1 2, ассоциировать, воспроизводить/воспроизвести, договаривать, загадывать, задерживать, зафиксировать,

захватать/ить, оболванить, обрабатывать/ обработать, образовывать, отбивать, отменять/ить, передразнить, приканчивать, притягивать, разводить/развести, разглядывать, растоптать, скандировать, совать.

5. *Группа переходных глаголов, встретившихся нам по одному разу, – 256 слов.*

ф=1. Адресовать, аннексировать, беречь, болтать, бояться, вворачивать, венчать, взрывать, "видеть", вмешивать, вносить, возвеличивать, возвращать, возлюбить, возобновить, возопить, возродить, воткнуть, впечатывать, вписывать, вскрывать, вспоминать, вуалировать, вывернуть, выворачивать, выгибать, выдавать, выдавливать, вызвать, вызубрить, выискивать, выпрямлять, выпускать, выразить, выронить, выручать, высечь, выскабливать, выскакивает, высыпать, выуживать, выучить, выхватить, выявить, гвоздить, глотать, горланить, делить, диктовать, доставлять, достать, душить, жевать, заимствовать, закруглять, заносить, зарегистрировать, зарубить (на носу), заслушать, заставить, затверживать, затравить, заучивать, зачислить, игнорировать, избегать, изобретать, изрыгать, исказить, исключать, испортить, исследовать, лопотать, мерить, набирать, наговорить, нагружать, наделять, накалывать, напевать, напечатать, начать, начертать, нашед (найдя), обесмысливать, обесценить, облекать, обломать, обнимать, обосновать, обретают (оттенок), обходить, оживлять, ожидать, окончить, окружать, опознавать, опорочить, опошлить, определять, опускать, опустошать, орать, осмеять, осмысливать, отвечать, отгадывать, отклонить, открыть, отмеривать, отодвинуть, отстранять, отыскать, оценить, очаровывать, очистить, ощутить, парадировать, перебивать, перебирать, переворачивать, передавать (переводить), перекладывать, переложить, перемежать, перенести, перенять, переписывать, перечеркнуть, перечитывать, пищать, подавлять, поддерживать, подкрепить, подслушать, подставить, подстергать, подчинить, подшить, подымать, позабыть, поискать, поймать, покалечить, получить, полюбить, поменять, пометить, поразить, порождать, порочить, портить, послушать, посмотреть, постановить, постичь, почитать, почувствовать, предназначать, представить, преображать, прервать, приблизить, привлечь, привозить, приготовить, приискивать, прикладывать, прикусить, прилагать, примешивать, примыслить, присоединить, пристроить, притворить, пришить, проанализировать, продиктовать, прозвучать, прослушивать, просыпать, противопоставлять, проходить, проявлять, прятать, путать, разворачивать, разгадать, раздевать, разжёвывать, разлагать, разменивать, разорвать, разослать, разрушать, разрывать, разуметь, разыгрывать, раскрывать, "раскутать", распевать, распинать, рассеивать, расчленять, расшатывать, расшифровывать, рисовать, рождать, сберегать, свидетельствовать, сеять, сжечь, символизировать, складывать, скрыть, слать (шлёт), сливать, смешивать, снимать, соблюдать, сокращать, сравнить, срисовывать, сталкивать,

стирать, сцеплять, считывать, сыграть, творить, тратить, требовать, убивать, убирать, увидеть, уводить, узнать, украсть, украшать, умертвить, унаследовать, унижить, уносить, упомянуть, упрощать, упустить, усиливать, уступить, утаить, формулировать, цедить, чеканить, черпать, чувствовать, шлифовать, щеголять, этимологизировать.

Ср.: завершается, заканчивается, назвать словом, обмолвиться, обозначить, открывается, начинается со слова, верить словам 1 2.

6

"Слово" о ком – о чём? Всего 181 слово: о том, что 13 31; о Пушкине 7 7, о полку Игоре 4 6, о хлебе и вине 1 6, о поэте 3 5, о любви 3 4, о себе 3 4, обо мне 3 3, о ней 3 3, о свободе 2 3. **r=2, f=2**: о Боге, о братстве, о гордости, о друзьях, о женщине, о Карамзине, о мире, о нём (самом), о них, о статье (о статьях), о судьбе (Сунгурова), об Осипе (Эмильевиче). **r=1, f=2**: о викингх 1 2, о вопросе (польском) 1 2, о питии 1 2, о политике 1 2, о чувствах 1 2, об одиночестве 1 2.

f=1 (153 слова): о барине, о Барклае, о безответственности, о бесправии, о бессмертии, о библиотеке, о блудницах, о бое, о бритве, о Бунине, о бытии, о Варваре, о Варыкине, о вас, о верности, о вечном, о вещах, о виски, о витязе, о возвешении (Евангелия), о воздействии, о восприятии, о встрече, о г. Салтыкове, о герое, о голландце, о Горьком, о грехе, о Грибоедове, о грусти, о даровании (незаурядном), о декабристах, о деле, о "демократическом копите", о детях, о днях, о доброте, о долге, о доме (родном), о достоинстве, о Дурове, о духовном, о еде, о жизни, о забвении, о Западе, о заслугах, о застое, о Иерусалиме, о Кавказе, о картине, о "классическом", о книге, о кончине, о корабле, о красоте, о кратковременности, о кресте, о Ленском, о лести (властях), о литературе, о лице, о личности, о ложе, о людях, о Льве Толстом, о маме, о матери, о местности, о мирах, о Моцарте, о музыке, о "Мусагете", о мыле, о Н.П.Боткине, о намерении, о народности, о невесте, о невозможности, о непризнанности, о Николае 1, о нирване, о "новой эре", о падших, о Петербурге, о Петре, о пиве, о Пимене, о плодородии, о Плоти и Крови Сына Человеческого, о повиновении, о погибели, о покаянии, о положении, о пользе книг церковных в российском языке, о походе Игоря Святославича, о поэзии, о поэме, о Баратынском, о правительстве и политике, о предпочтении, о претворении хлеба и вина в Его Тело и Кровь, о призрачности, о пришествии, о происхождении, о пути, о Пишибышевском, о равенстве, о раскрытии (смысла), о революции, о родных, о роли (техники), о России, о самолюбии, о свидетелях, о своеобразии, о семье Лариных, о сигарах, о системе, о словах, о смерти, о собратях-поэтах, о состоянии, о сумасшедших, о сытости, о таинственном, о тайнах (души), о театрах, о теле и крови, о Толстом; о том, как; о

том, какая; о том, о чём; о трапезе, о Тургеневе, о туче грозы незримой, о уразумении (возможном), о части (другой), о человеке, о чёрте, о читателе, о шляпах, об "ужасах и кровопролитиях", об Анне Ахматовой, об антологии, об истине, об истории, об обмане (возвышающем), об образе жизни, об оценке, об тётушках, об элементах, об этом.

Слова → в адрес земных хранителей порядка, в защиту гонимых, в письме, в послании к коринфянам, в прозе, из книги Иова, из оды, из писем, из послания (первого Послания Иоанна) 2 3, из стихотворения, к фессалоникийцам (Павла), на Тайной вечере 1 2, на эту тему, по поводу (жестокости, привилегий) 3 3, про город, против правительства.

7

Конкретные названия слов. Всего разных конкретизаций – 632 слов.

Название слова относительно высокой частотности и употребительности - 140 слов.

Слово какое именно: "душа" 4 16, "товарищ" 3 12, "свобода" 9 9, "Бог"/"Боже" 8 9, "кипяток" 1 9, "революция" 6 8, "совет"/"ы" 3 7, "железнодорожник" 2 7, "пафос" 1 7, "человек" 6 6, "смерть" 2 6, "народ" 5 5, "Трансвааль" 1 5, "измена" 3 4, "культура" 3 4, "любовь" 3 4, "бессмертие (души)" 2 4, "отечество"/"Отечество" 2 4, "лирика" 1 4, "митинг" 1 4, "безумие" 3 3, "друг (дружный)" 3 3, "раб" 3 3, "социализм" 3 3; **r=2, f=3**: "беллетристика", "дух", "класс", "конец", "положение (в обществе)", "страсть", "только"; **r=1, f=3**: "базар", "баский", "вдохновение", "действительность", "идеал", "кипеть", "лозунг", "лошадь", "настроение", "под ключ", "сабантуй", "сплин", "учёба", "шуршать", "секс"; **r=2, f=2**: "берёза", "внушение", "военспец", "война", "враг/и", "встреча", "выдать/ёт", "выдвиженец", "головоломка", "гражданин", "дерево", "добро", "дуэль", "естественный", "закон", "звучание", "лицо", "мама", "мы", "мысль", "народность", "общественник", "организм", "писатель", "право", "принцип", "работа", "ремесло", "родина", "роман", "русский", "свет", "служить", "советский", "сознание", "стрела", "судьба", "счастье", "творчество", "футуризм", "чин", "эрос", "я"; **r=1, f=2**: "автомобиль", "актёр", "ангел", "ассоциация", "барабан", "ближний", "буза", "викинг", "вольнолюбивый", "вольность", "вперёд", "головодень", "даёшь!", "действие", "дефективный", "дефицит", "достижение", "забвение", "завод", "звуковид", "зелёный", "интеллигент", "интеллигенция", "колодец", "конь", "лафа", "лукоморье", "любовница", "мерзавец", "осмысливать", "петух", "по-русски", "природа", "прогресс", "пустыня", "рахманный", "резиняция", "слобода", "смятение", "стерва", "талант", "терпение", "тоталитаризм", "халтура", "хандра", "что", "шовинист", "босьяк", "есть", "интересный", "ипохондриа".

Название слов, встретившихся нам по одному разу, – 492 слов. f=1

"Абстрактный", "автобус", "автодор", "автор", "азбука", "акмеизм", "Америка", "амнистия", "аналогично", "анархия", "ангельский и демонический язык", "английские" и "парижские", "анекдот", "апостольство", "апофеоз", "арабы", "архангелы", "Атман", "атом", "афеизм", "Ахматовка", "аэроплан", "бардаш", "барон", "барьер", "бегство", "бездельничать", "беседа", "беседник", "бесконечное", "бессмысленный", "бессознательное", "бесспорно", "бетлеем", "бизнес", "благодарствуйте", "блат", "близнецы", "богиня", "болван", "бордели", "борьба", "броня", "будет", "быть твёрдым", "быть", "в деле", "век", "великолепнейший", "великолепное", "венцы", "верёвка", "верность", "весть", "ветер", "вечность", "вещать", "вещественность", "вещий", "вещь", "взаимопроникание", "взнос", "витинары", "власть", "вода", "водомёт", "возвращение", "возвышающий", "возмущение", "возрождение", "войско", "Волга", "волчиха", "волшебный", "воруют", "восстание", "время", "вскоре", "вы", "высится", "вэг", "гад", "гадание", "газ", "гангрена", "гениальный", "Геттинген", "гибель", "гигантизм", "гильотина", "гипноз", "гипостазирование", "глухим", "головотяп", "головотяпство", "голубой", "господа", "гостинец", "государство", "государь", "гуманность", "да", "дай", "далее", "девчонка", "демоны", "денди", "деньги", "деспотизм", "дивный", "дистанция", "диявол", "до победы", "добывается", "добыча", "довлеть", "доглядать", "дорога", "достижимость", "драпать", "дружба", "дружина", "духовных", "душный", "дымка", "еврей", "единое", "жёлтый", "женщина", "жизнь", "забастовка", "завтра", "заграница", "задушевность", "зазыв", "закаялся", "заклеймить", "заповедал", "затейник", "защитник", "звериное", "здравие", "зло", "знать", "значение", "значит", "золотой", "идея", "идол", "изжить", "изменение", "изобразить", "икона", "иллюзия", "император", "импорт", "индивид", "инженер", "интеллигентчики", "интенсивник", "интерес", "искренний", "исполнитель", "Италия", "йога", "каджар", "казнь", "какао", "калека", "капитализм", "карма", "касатка", "катюша", "кий", "кипяtilьничать", "Китай", "классик", "классовое", "клеветник", "клиппированное", "книги", "князь", "когда", "коммунизм", "конгресс", "корова", "король", "космополит", "космос", "коттедж", "крестословица", "крестьяне", "крещендо", "критика", "критиканство", "кумир", "курсистка", "кучер", "лавра", "лень", "лёт", "летось", "летун", "лётчик", "либерализм", "лиризм", "личина", "личность", "лишенец", "лишь", "логос", "ломовой", "лошадь", "любимые", "люди", "мания", "маршандиза", "мастерская", "материалист", "машина", "мгновенному", "медведь", "меркатор", "мерцание", "металл", "мещанин", "мир", "мировоззрение", "миры", "мистический", "моё", "может быть", "мозг", "молния", "молчанье", "монгол", "Москва", "московский", "музыка", "мутация", "мышь", "мятеж", "мятежник", "надолба", "наивность", "наизусть", "наитие", "нам", "не быть", "не", "небо", "недаром", "недостоин", "недуг", "некто", "неология", "непроницаемость", "нервно", "нервостервчика", "неслучайно", "нигилисты", "никто", "но", "новое", "ностальгия",

"ночи", "оболванить", "общежитие", "общение", "общественница", "общество", "одною", "оккупирована", "Окна Роста", "он", "она", "операция", "орден", "оригинальность", "осторожно", "отказник", "отчасти", "отчётливые", "ошибка", "Павл.", "падший", "панталоны", "Парашино", "партия", "пассио", "патетический", "патриот", "пафосный", "переворот", "переговоры", "переживание", "период", "пессимист", "письменность", "планы", "платье", "плоть", "по телефону", "погоня", "подменял", "подход", "подъяремный", "пожалуйста", "познакомить", "позор", "покайтесь", "покаяние", "пол", "поле", "полёт", "помещик", "понимание", "понятие", "попутчик", "посредник", "потому что", "похороны", "пошлость", "поэзия", "правда", "предательство", "представление", "прекраснодушие", "претерпевание", "прибьёт", "пригласите", "приём", "прилично", "приличный", "примерно", "причина", "провинция", "прозрачность", "просвещение", "простое", "прыснул", "*прямить*", "Пушкин", "рабство", "радиораспад", "разгулка", "разорять", "разруха", "райкомщик", "расположение", "расправа", "реабилитация", "реакционер", "республика", "решиться", "роза", "Рощин", "рука", "рыгать", "сам", "самодеятельность", "самолёт", "самопожертвование", "самопознание", "само-по-себе", "самость", "санкюлот", "саркома", "сатана", "сатирический", "сверхчеловек", "светских", "сволочь", "святой", "священный", "сегодня", "седок", "секретарша", "семантика", "сенсационный", "сердце", "Сибирь", "скандал", "скорбный", "скорость", "слишком", "случай", "смирение", "собираться", "содержание", "солдат", "социалистического", "спальня", "специалист", "спор", "спорить", "справедливость", "ссылка", "стара", "старчество", "старый", "стол", "столбняк", "странный", "сублимация", "субъективный", "судостроитель", "суженный", "сумасброд", "существо", "существовать", "сущность", "татар", "тело", "телятина", "тень", "теперь", "тепло". "тиран", "тиранство", "тихо", "тихонько", "топталище", "трагидиянт", "трансцендентность", "трансценденция", "тротуар", "трахаться", "тюрьма", "убивать", "убийство", "убит", "укомщик", "улучшить", "ум", "унижение", "упадничество", "упадочник", "упражняться", "усллада", "устремления", "утроба", "учение", "фармазон", "фашизм", "физика", "филантропия", "философ", "фонарь", "форма", "фраза", "хальт", "хам", "хитрость", "хищение", "хищничество", "хмель", "ход", "художество", "царь", "цензура", "ценность", "цурюк", "частное", "червяк", "чернец", "чёрное", "чернь", "чёрт", "чиновник", "чуткий", "чуткость", "шалава", "шаротык", "шеол", "Шехина", "шибер", "ширить", "шпионить", "шумер", "эйдос", "эксперимент", "эксплуатация", "элемент", "Эльген", "энтузиазм", "энциклопедия", "эоны", "эрутировать", "это!", "яд". Слово *auctor, communio, "council", "dove", dynamis, ger* в Библии, "*grazie*", *Herz* – сердце, *home, kallippos, man, misterion, physis, "S.P.B.", touchant, "unmöglich", "unser*". Слово *мирумэ* – "морская трава".

Слова "17 октября 1830 года...", "безумие, безумство, безумный", "безыменные страдания", "благоговение перед жизнью", "блаженны чистые серд-

цем", "ближе к действительности", "Бог сотворил небо и землю", "брат по человечеству", "ваше превосходительство", "Ваше сиятельство...", "весь мир лежит во зле", "весь мир против меня", "ветер и звёзды", "вослед Радищеву", "вот вопрос", "гений чистой красоты", "да будет воля твоя" 1 3, "да будет эта мысль моею путеводною", "да придет царствие твое", "Её Сиятельству", "если удастся", "желаю счастья", "железная дорога", "железные люди", "запад и восток", "звериная мудрость", "здравия желаю вашему сиятельству...", "знатные люди", "и проч., и проч.", "идеократическое государство", "из всевозможных благ...", "импульсы лучистой энергии", "иначе зовущийся", "исполнил ваше поручение...", "к известной болезни", "кажись, они!", "каким манером", "кровь... хлопоты... довольно", "лирическое творчество", "литр молока", "личность есть самосозидание", "ложь" и "лож", "Милостивый государь батюшка...", "милость к падшим призывал", "мы требуем", "на царей и героев", "не оживет, аще не умрет", "не от её воли", "не сообразуйтесь веку сему", "нет необходимости доказывать", "ни что иное, как...", "низкая природа", "ныне видим отчасти, как бы в зеркале...", "общественный идеал", "опаснейший чудак", "оправдать одобрение великого Гёте", "откуда я и куда иду", "прекрасная душа", "разве можно обещания...", "разговорный язык", "с дозволения начальства", "с искренним чувством", "светская чернь", "сдавленное горло", "серьёзный разговор", "служитель культа", "старая балда", "старинные любовники", "терзаешься ты о друзьях", "умереть без покаяния", "учёная баба", "Христос воскрес", "Царство Моё не от мира сего" 1 2, "цельная натура" 1 2, "честный человек", "что же мы не вместе?", "щей горшок", "я – Бог", "я буду ждать", "я вижу невероятные пространства вселенной", "я лиха в работе", "я мыслю", "я научу вас истине", "я сторонник диктатуры", "язык моих горничных". (Всего 87 сс.).

Морфология слова

Табл. Падежные формы "слова" в массиве текстов по указанным ниже произведениям:

№	Им	Род	Дат	Ви н	Тв	Пр	Им	Род	Дат	Вин	Тв	Пр
1	9	16	0	10	5	0	15	27	8	29	12	4
2	2	1	0	0	1	0	0	5	0	2	1	1
3	14	5	0	17	5	2	16	26	1	16	12	4
4	10	14	2	9	4	1	20	27	3	21	22	6
5	5	3	1	0	0	0	3	7	0	2	1	0
6	17	21	1	4	6	3	13	12	18	7	13	4
7	75	56	3	24	23	17	45	94	8	30	31	11

8	5	7	0	5	3	1	2	2	0	3	4	0
9	0	12	1	3	1	1	9	1	1	2	3	0
10	906	563	56	337	186	63	457	349	50	204	137	48
11	3	3	0	6	2	0	4	12	0	4	3	2
12	20	31	8	6	19	8	33	16	9	13	16	4
13	8	22	1	11	6	7	12	16	6	24	18	6
14	4	9	0	7	0	1	6	4	1	2	1	0
15	28	17	8	18	10	9	21	2	0	9	17	16
16	99	54	9	21	24	18	20	18	5	10	6	2
17	5	8	2	11	14	1	4	5	3	6	5	2
18	7	29	5	24	14	3	14	24	7	10	19	9
19	7	8	1	4	3	1	4	11	8	13	19	1
20	3	1	0	0	0	1	1	0	1	1	1	0
21	4	17	1	13	3	2	27	18	3	33	13	12
22	18	9	0	13	2	1	19	37	5	21	13	6
23	5	6	0	5	2	0	4	11	21	6	4	3
24	15	14	1	8	4	0	2	6	1	4	20	2
25	5	7	1	7	2	0	2	4	0	1	3	2
26	14	20	0	18	10	4	16	10	8	14	3	7
27	5	10	1	9	1	2	12	10	1	23	7	6
28	11	8	3	8	6	2	12	10	2	9	8	3
29	10	10	1	9	4	3	7	5	3	17	5	3
30	4	5	1	1	2	1	3	2	0	1	2	1
31	3	1	0	0	0	1	2	2	0	0	1	0
32	6	9	1	11	1	0	5	8	4	7	2	3
33	16	23	3	9	11	0	11	7	2	10	9	0
34	9	15	4	19	3	4	6	8	0	18	6	3
35	7	6	0	9	4	0	13	4	0	11	3	1
36	2	2	0	1	2	0	3	1	0	4	3	1
37	1	3	1	1	0	0	2	2	0	2	1	1
38	9	10	1	9	8	6	13	11	9	16	6	4
39	31	11	3	15	13	1	53	26	8	29	29	9
40	3	17	0	6	6	0	18	5	3	6	20	6
41	88	77	5	68	19	2	50	44	6	52	43	10
42	56	91	1	33	28	4	41	32	1	26	29	2
43	9	5	2	11	2	2	7	5	0	7	15	1
44	21	24	5	10	16	3	75	22	24	37	30	26
45	78	41	6	23	7	3	48	13	3	57	16	14
46	1	16	1	2	1	2	0	2	0	1	0	1

47	1	1	1	0	0	0	2	1	1	1	1	1
48	8	7	1	5	5	0	6	7	2	10	10	7
49	2	6	1	4	2	0	4	6	1	6	6	1
50	22	11	0	12	10	3	12	29	4	17	8	5
51	12	16	3	6	3	1	21	24	1	13	21	5
52	21	60	17	9	12	10	12	34	3	0	8	3
53	2	0	1	1	0	0	6	3	1	1	2	0
54	4	6	3	1	1	0	4	6	2	4	8	1
55	11	7	1	3	3	0	1	7	0	3	4	3
56	28	24	5	28	20	2	35	55	6	55	27	7
57	3	17	0	19	2	5	2	4	8	16	16	5
58	72	103	14	40	56	22	80	119	9	63	46	22
59	5	12	2	10	4	0	6	18	8	14	11	9
60	30	30	6	25	12	8	10	5	0	3	35	0
61	3	2	2	0	1	0	0	0	0	1	0	0
62	4	4	1	0	2	2	2	1	0	0	1	0
63	29	37	5	26	10	3	13	37	0	20	17	6
64	26	22	3	13	9	3	11	16	6	9	18	8
65	8	8	0	14	2	2	36	17	4	42	17	6
66	13	23	1	14	7	2	9	7	7	8	2	4
67	2	1	1	1	1	1	0	2	1	5	3	0
68	3	8	1	8	1	1	9	16	17	12	13	4
69	15	28	3	12	13	1	10	7	0	4	8	5
70	25	74	3	13	3	6	5	1	0	0	3	0
71	2	3	0	3	3	0	6	4	1	4	1	1
72	8	6	2	11	3	1	10	13	3	10	11	4
73	13	9	3	10	2	3	13	11	3	7	5	0
74	33	20	2	23	40	6	14	28	20	12	10	12
75	3	5	0	2	0	0	5	6	1	7	3	0
76	16	17	3	9	15	5	43	20	9	29	26	15
77	4	11	1	8	0	2	0	4	1	4	2	0
78	2	8	5	8	7	0	4	5	1	9	4	2
79	14	2	0	9	2	4	8	7	0	2	3	1
80	10	15	5	17	10	0	31	29	7	28	26	10
81	2	4	1	3	0	1	10	3	0	12	1	1
82	9	12	0	5	3	1	5	13	0	1	5	2
83	51	24	6	19	15	3	28	21	5	21	13	4
	217 4	198 0	243	122 6	762	278	162 3	1549	365	1273	102 7	401

О Г Л А В Л Е Н И Е

Часть первая

Извлечения-выписки: мысли и смыслы слова	3
1. Функция, назначение и роль слова в нашей жизни.....	3
2. Словесность в просвещении и познании окружающего мира....	42
3. Магия и этика слова.....	50
4. Размышления и рассуждения о словах и словесности.....	209
5. Текст как "часть речи".....	290
6. Мысли (фразы) о мысли.....	378
Использованная литература (источники).....	501

Часть вторая

Статистическое измерение контекстов слова	504
1. S-P. 4 части речи в роли сказуемых.....	504
2. aN. Определения "слова".....	512
3. Nn2. Слово → кого, чего, чьё? – генетивы.....	519
4. nN2. Существительные, управляющие род. пад.....	522
5. vN4. Глаголы, управляющие вин. пад.....	525
6. Слово о ком – о чём?.....	528
Названия конкретных слов.....	529
Падежные формы "слова" (морфология).....	532

Наукове видання

Стівел І.К.

**Контекстологія слова
містичний дух Logos**

Комп'ютерне верстання Тарасенко В.П.

Макет обкладинки Тарасенко В.П.

Харків ПАРК 2012